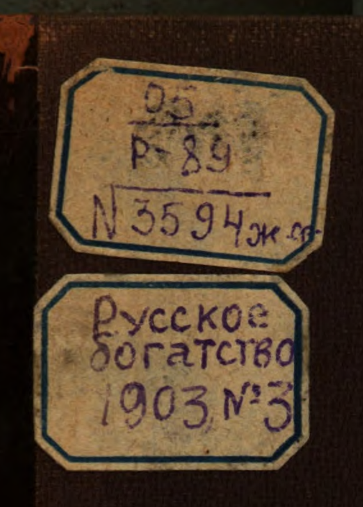
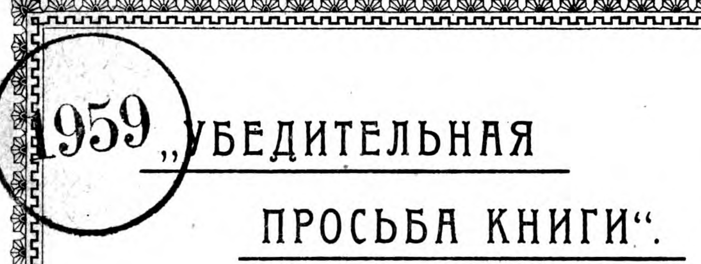


05
Р 89
N 3594 ж.
Русское
богатство
1903 № 3

PSlav 620.5



„Убедительная просьба книги“.

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели.

Не исчеркивайте меня пером и карандашем, — это так некрасиво.

Не ставьте на меня локтей когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз, ибо вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались.

Не кладите в меня ни карандаша, ничего толстого, кроме тоненького листка бумаги, иначе разрывается корешок.

Если вы кончили читать и боитесь потерять место, где вы остановились, то не делайте знака ногтем, а вложите в меня закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.

Не забывайте, что после того, как вы прочитали, мне придется побывать у других читателей.

Заворачивайте меня в бумагу в сырую погоду, потому что такая погода мне вредна.

Помогите мне остаться свежей и чистой, а я помогу вам быть счастливыми.

Ваш лучший друг.





7033

Проверено [illegible] г.

6P 150 1P

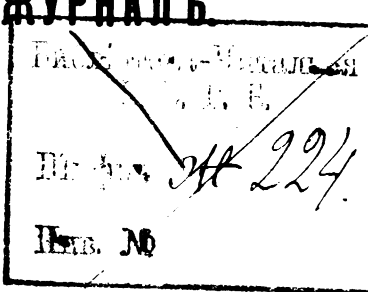
05
P-89

МАРТЪ. 1903.

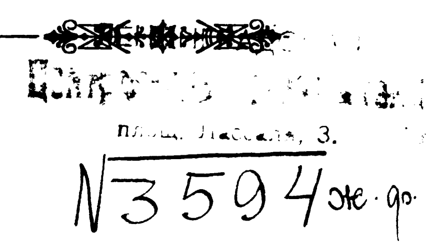
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ



№ 3.



N 3594 ж. д.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3
1903.

ИЮЛ 1959
PSlav 620.5 (1903/3)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 21 1961
61*2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го марта 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

(С.-Петербургъ — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Гаринъ. Дѣтство Темы. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Гимназисты. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Студенты. Ц. 1 р. 25 к. *Изданіе разошлось.*
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
„ „ „ Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Изданіе *девятое.* Ц. 75 к.
„ „ Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.
„ „ Безъ языка. Разсказъ. Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 2 р.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. *Изданіе второе.* Ц. 1 р.
„ „ Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
„ „ Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ.
Томъ I. (*Изданіе второе*). Ц. 1 р. 50 к.
„ „ „ II. „ „ „ 1 „ 50 к.
„ „ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ „ „ II. „ 2 „
„ „ „ „ „ III. „ 2 „
„ „ „ „ „ IV. „ 2 „
„ „ „ „ „ V. „ 2 „
„ „ „ „ „ VI. „ 2 „
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и „ „ очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ журнала „Русское Богатство“. Беллетристика. Ц. 2 р.
„ „ „ „ Публицистика. „ 1 „
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Томъ I-ый. Изд. *пятое.* Ц. 1 р.
„ „ „ Стихотворенія Томъ. II-ой. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, пріобрѣтающіе эти книги, пользуются уступкой 20% или даровой пересылкой.

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, вреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ, XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „**Русскаго Богатства**“, за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*— товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Продолжается подписка на 1903 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р., за границу **12** р. Адресъ: ***Петербургъ,*** Баскова ул., 9; ***Москва,*** Никитскія Ворота, д. Гагарина. **Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества** могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная **8** руб. **60** коп. за экземпляръ, не принимается.

1*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

ЗЕМЛЯ.

(Романъ).

IV.

Прибывъ на мѣсто, въ Языково, Останковъ расположился въ той самой избѣ, которую занималъ Рылѣевъ.

Въ томъ, что онъ избралъ именно эту избу, со стороны, пожалуй, можно было бы усмотрѣть нѣкоторую рисовку, на самомъ же дѣлѣ Останковъ взялъ эту избу потому, что она была лучшая въ деревнѣ, и если къ этому примѣшивалось еще какое-нибудь чувство, такъ это, пожалуй, нѣкоторый молодой задоръ и пренебреженіе къ опасности. Да и кого можно было удивить такимъ поступкомъ, когда почти всѣ вокругъ находились каждую минуту въ еще большей опасности.

Изба была тесовая, съ бревенчатыми стѣнами, законопаченными паклей. На одной изъ стѣнъ какимъ-то нелѣпымъ пятномъ бѣлѣла афиша оперы „Фаустъ" съ участіемъ Фигнера на Маріинской сценѣ. Вѣроятно, Рылѣевъ хранилъ ее, какъ пріятную память, и Останковъ не сорвалъ ея со стѣны.

Всего дней десять прошло съ тѣхъ поръ, когда Рылѣевъ увезенъ былъ отсюда, а въ избѣ, кажется, не остыла еще атмосфера, которой онъ дышалъ. Останковъ вездѣ находилъ слѣды его недавняго присутствія: то случайно попадалась ему пуговица его пальто, то карандашъ, то счетъ, набросанный его рукою, то еще какая нибудь мелочь. А одинъ разъ онъ даже нашелъ клочекъ письма, въ который были завернуты порошки, и разобралъ отрывочныя, безсвязныя слова: „Береги здо... знай, бумага дум... Лю... Вернешься".

Письмо была написано бѣглымъ женскимъ почеркомъ. Можетъ быть, писала ему мать, сестра, невѣста.

Останковъ, какъ солдатъ, замѣнившій мѣсто выбывшаго изъ строя, занялъ свое мѣсто и горячо врѣзался въ работу.

Кошмарная нищета заставляла его содрогаться до того,

что руки на первыхъ порахъ опускались, но необходимо было работать, бороться, а предаваться отчаянію прямо-таки не было времени. Приходилось по необходимости проходить съ закрытыми глазами мимо частностей, отъ которыхъ въ городѣ, или гдѣ бы то ни было, гдѣ ужасы голода не были такъ общи, волосы стали бы дыбомъ.

Наряду съ этимъ Останкова волновало все, что касалось деревни, вся эта паутина, которой она была оплетена и изъ которой, повидимому, ей не было никакого выхода.

Огромный старинный дубъ, съ которымъ Кургановъ сравнивалъ деревню, дубъ, подъѣдаемый червями, погибалъ. Нерѣдко, во время своихъ странствованій по участку, Останковъ видѣлъ опустѣлыя избы, съ забитыми дверями и окнами. Они производили впечатлѣніе какихъ-то мертвыхъ кораблей, заброшенныхъ въ пустынный бѣлый океанъ снѣговъ. Хозяева ихъ куда-то ушли, покинувъ навсегда старыя гнѣзда. Иные совсѣмъ пропали безъ вѣсти.

Около Языкова Останковъ замѣтилъ также одинъ изъ такихъ хуторовъ, какіе ужъ онъ видѣлъ на пути, съ постройками, похожими на сараи, выкрашенные въ краснобурый цвѣтъ.

И здѣсь ему отвѣтили, какъ почти всюду по дорогѣ, что это—Стобѣевская экономія.

Имя Стобѣева гремѣло не только въ Милетинскомъ уѣздѣ, но и по всей У—ой губерніи и далеко за предѣлами ея, въ Сибири.

Стобѣевъ вышелъ изъ ничтожества, а теперь у него были десятки милліоновъ.

Когда-то вся земля вокругъ Языкова принадлежала языковцамъ, но Стобѣевъ оттягалъ у нихъ землю.

— И вѣдь бумага у насъ есть на владѣніе землею,—жаловались языковцы, попивая чай у Останкова въ гостяхъ,—а земли нѣтъ. Аблаката не взяли. Думали—наша земля, какой-же тутъ аблакатъ. Анъ, вонъ оно что вышло. Бумага есть, а земли нѣтъ, а на бумагѣ и лопухъ не выростетъ.

— Теперь наша жизнь—маята одна,—жаловался Останкову хозяинъ его квартиры, черноволосый красивый мужикъ съ усталымъ лицомъ. — Никакого у насъ теперь житья нѣтъ.

— Ну, у тебя-то хоть изба хорошая.

Тотъ горько улыбнулся на эти слова и апатично заговорилъ:

— Ты на избу-то мою не гляди. Изба-то моя не теперь, чай, поставлена, а еще допрежь Павла Иваныча.

— Какого Павла Ивановича?

— Нонѣшняго управляющаго Стобѣевскаго. При ёмъ не

построилъ-бы, небойсь.—Нѣ-ѣтъ, при ёмъ не построишь! При ёмъ, братъ, и построенное по доскамъ разнесешь, — подтвердилъ другой мужикъ, деликатно дуя на чай.

— Да и что теперь въ ней, въ этой избѣ, коли она пуста, какъ дырявый горшокъ. Было добро, да утекло. Изъ четырехъ лошадей только одна осталась: двухъ за гроши продалъ, а одну не успѣлъ,—отъ голода сдохла.

— Ну, Богъ дастъ поправишься. Нынче годъ для всѣхъ тяжелый.

— Что говорить, такой тяжелый годъ, что такихъ еще не бывало. Да въ прошломъ году-то тоже неурожай намъ выпалъ. Подорвались въ конецъ.

— Гдѣ ужъ теперь поправиться! Голодъ-то голодомъ, да и Павелъ Иванычъ тоже,—ввернулъ тотъ-же мужикъ, съ русой бородой и съ болѣзненнымъ лицомъ, который говорилъ, что при Павлѣ Ивановичѣ не построишься...—На гробъ доски не дастъ. Это не то, что прежній управляющій — Велецкій. Тотъ строгъ былъ, но милостивъ. Иной разъ и по мордѣ побьетъ, коли погорячится, а попроси лѣску, или чего надо въ долгъ, не откажетъ. Сѣяться надо,—бери зерна. Тесу тебѣ на гробъ, — опять сдѣлай милость, получай. При ёмъ жить можно было.

— Чего толковать. Тотъ отецъ былъ.

— А у этого, повѣрите, вѣникъ ежели надо,—три копѣйки плати. Соринки не дастъ.

— Прижимистъ!

— Чего не прижимистъ! Вотъ хоть бы въ рабочее время: сѣвъ, пахота, а онъ на заводѣ и на полѣ даетъ мужику четырнадцать, а бабѣ—восемь копѣекъ въ день, да чтобы собираться къ нему съ зарей, а кончать ночью.

— И пойдешь, коли жрать нечего.

— Да еще какъ пойдешь-то! Съ поклономъ. Возьми, сдѣлай милость, Павелъ Иванычъ,—горячился русый мужикъ, поднимаясь со стула и представляя, какъ онъ униженно кланяется управляющему.—И то шалишь, не больно-то беретъ. Такъ иной разъ простоишь возлѣ крыльца-то съ зари до полдня, да и уйдешь ни съ чѣмъ.

— Сердитъ онъ на насъ,—пояснилъ хозяинъ.

— За что сердитъ?

— Старостой церковнымъ его не выбрали. Съ той поры и мститъ намъ.

— Кулакъ! Одно слово,—махнувъ рукой, опять подхватилъ русый мужикъ. Его сосѣдъ, черный, коренастый, молчавшій все время и сосредоточенно пившій чай, дернулъ жалобщика за рукавъ и что-то проворчалъ ему на ухо, на что русый громко отвѣтилъ:

— Мнѣ нечего бояться. У меня скотину Богъ убралъ, а трехъ гусей собаки его стравили. Это вотъ ты за своихъ овецъ бойся. Загонитъ, или затравитъ! А мнѣ молчать нечего. Пусть онъ,—кивнулъ мужикъ на Останкова,—Павлу Иванычу передастъ все... Я правду говорилъ.

— Мало что правду. За правду-то бьютъ и плакать не велятъ.

Останковъ успокоилъ ихъ, что никому ничего не передастъ. Тогда мужикъ еще болѣе ободрился и горячо продолжалъ:

— Вонъ, ономнясь, Авдотья,—вдова у насъ есть,—выпустила овечку подобрать сѣно, которое Стобѣеву привезли. Овечка то все ея состояніе. Какой грѣхъ—она подберетъ сѣно, что съ возовъ осыпалось! А у него собаки спущены и разорвали овечку. Приходитъ вдова къ Павлу Иванычу жаловаться: не будетъ-ли, значитъ, способія какого за овечку, а онъ ей и говоритъ: „Ты, говоритъ, солдатская вдова?“ „Да“, говоритъ. А солдатскимъ вдовамъ отъ Стобѣева мѣсячина полагается. Павелъ Иванычъ и говоритъ ей: „Ты,—говоритъ,—не довольна, что твою овечку собаки мои разорвали. Забыла,—говоритъ,—благодѣяніе! Ежели—бы,—говоритъ,—тебя они самое разорвали, такъ и то должна бы изъ благодарности молчать.

— Чего хочетъ, то и дѣлаетъ,—подтвердилъ хозяинъ.— Теперь заставилъ насъ же, на нашей землѣ канаву возлѣ лѣса рыть. У насъ каждый клокъ земли дорогъ, потому какъ надѣлъ пустой совсѣмъ, полторы десятины въ полѣ, а Стобѣевъ ни исполу, ни въ аренду вершка не сдаетъ намъ... все самъ... не то, что Языковъ баринъ... Одначе, портимъ свою же землю, у себя же воруемъ. Пикнуть не смѣемъ.

— Со всѣхъ сторонъ по рогатинѣ. И учительница-то у насъ—дочь его. Отецъ не потрафитъ,—сына вонъ выгонитъ.

Останковъ ужаснулся этихъ разсказовъ. Со всѣхъ сторонъ Стобѣевщина обошла языковцевъ, и не было имъ отъ нея никакого спасенія. Отъ Стобѣева здѣсь зависѣло все: и цѣны на хлѣбъ, и цѣны на рабочія руки. Какую захочетъ цѣну, такую и держитъ. Всѣ мелкіе торгозцы у него по веревочкѣ ходили. Что Стобѣевъ прикажетъ, такъ тому и быть. Привезутъ мужики хлѣбъ на базаръ по низшей цѣнѣ, чѣмъ у Стобѣева, онъ отворитъ ворота: „Пожалуйте!“ Ссыплетъ весь хлѣбъ. Много-ли его... Вотъ и убита цѣна.

Много разсказывали языковцы и о другихъ подвигахъ управляющаго. Какъ онъ, не заплативъ денегъ, гонитъ къ чорту рабочихъ, проработавшихъ полдня, и о томъ, какъ онъ загналъ со снѣга, лежащаго на стобѣевской землѣ, языковскихъ овецъ и бралъ за нихъ по пяти копѣекъ за выкупъ, въ то время, какъ языковцы загнали съ своихъ полей двѣсти штукъ стобѣевскихъ овецъ и не посмѣли потребовать за нихъ

ни копѣйки. Разсказали о томъ, какъ онъ, въ голодный годъ, не имѣя на то патента, покупалъ и перепродавалъ кожи, и о томъ, какъ Стобѣевъ черезъ подставныхъ лицъ лѣсъ на срубъ покупалъ.

Это была цѣлая эпопея грабежа и наглаго мошенничества, обездоливавшаго крестьянъ въ конецъ. Стобѣевъ былъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ червей, точившихъ корни деревни.

— Ничего съ нимъ не подѣлаешь!—говорилъ о Стобѣевѣ земскій начальникъ Андрей Михайловичъ Рязанцевъ, котораго одобрялъ Кургановъ.—Сильное животное, это во-первыхъ, во-вторыхъ, заступиться за крестьянъ,—имъ же хуже сдѣлаешь: отмститъ сторицею. Когда я попалъ сюда, онъ мнѣ было лошадь верховую въ подарокъ всучить хотѣлъ. Отличнаго коня, а ему на это прямо брякнулъ:—Нѣтъ, голубчикъ, меня вы этимъ конемъ не объѣдете.—И Рязанцевъ расхохотался.

Земскій былъ молодой еще человѣкъ, высокій, красивый, съ богатырской силою. Ходилъ онъ въ косовороткѣ, высокихъ сапогахъ и поддевкѣ. Въ холода надѣвалъ тулупъ. Любилъ охоту и веселое общество.

Его жена была ему подъ пару. Оба—люди не особенно далекіе, но добрые, честные. Они безусловно были преданы деревнѣ и шли ей на помощь, насколько хватало силъ. Они радушно приняли Останкова и много помогли ему въ томъ, чтобы оріентироваться въ первое время.

Жили они въ деревнѣ Филатовкѣ, верстахъ въ 15 отъ Останкова. Недѣли черезъ двѣ послѣ своего пріѣзда, Останковъ получилъ отъ Рязанцевой письмо съ просьбою пріѣхать по дѣлу и отправился къ нимъ въ тотъ же день. Марья Николаевна встрѣтила его, крайне озабоченная, и, пожимая руку ему, заговорила:

— Михаилъ Хрисанфовичъ. Мы сейчасъ-же должны съ вами поѣхать въ Багряжъ...

— Да дай ты ему прежде всего хоть рюмку водки выпить,—остановилъ ее шутливо мужъ.

Багряжъ былъ единственнымъ пунктомъ, который до сихъ поръ еще держался безъ цынги.

— А развѣ тамъ неблагополучно?

Рязанцевъ хотѣлъ снова вмѣшаться, но жена не позволила сказать ни слова и взволнованно начала разсказывать:

— У насъ вчера былъ багряжскій священникъ и разсказалъ такую исторію. Крестилъ онъ ребенка. Послѣ крещенія, когда уже погасили свѣчи, пришелъ одинъ мужикъ, который до послѣдняго времени отказывался даже получать паекъ. Вотъ, говорятъ, что мужику ничего не стоитъ милостыню

просить... Это клевета. Сама я сколько разъ видѣла обратное... Вотъ, напримѣръ...

— А замѣтили вы, Михаилъ Хрисанфовичъ,—перебилъ ее мужъ,—что ни одна дама не можетъ разсказать какъ слѣдуетъ самаго простого факта. Непремѣнно въ сторону уйдетъ.

Марья Николаевна разсердилась на мужа.

— Оставь, пожалуйста, свои глупыя насмѣшки. Такъ вотъ,—продолжала она разсказъ:—когда священникъ явился назадъ, онъ засталъ мужика ужасно смущеннымъ. Сначала онъ не понималъ въ чемъ дѣло, а потомъ замѣтилъ, что свѣчи пропали: оказалось, что въ его отсутствіе мужикъ не выдержалъ и съѣлъ свѣчи...

— Сначала нужно было упомянуть, что священникъ уходилъ изъ крестильни, а ужъ потомъ говорить, что онъ явился назадъ,—снова вставилъ свое словцо Рязанцевъ, но на этотъ разъ Марья Николаевна сдѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣтила его насмѣшки и продолжала, обращаясь къ Останкову:

— Вѣдь это ужасно! Тамъ непремѣнно надо столовую открыть. Еще Рылѣевъ писалъ объ этомъ въ Красный Крестъ, но ему отказали, потому что тамъ цынги не было.

— А теперь и цынга уже есть!—отозвался па этотъ разъ совершенно серьезно ея мужъ.—Вотъ, не угодно-ли...

И онъ подалъ Останкову четвертушку желтой бумаги, исцарапаную рыжими каракулями, съ печатью, поставленною копотью.

— Это, видите-ли, рапортъ Багряжскаго старосты томилинской сестрѣ милосердія. То-есть, такимъ языкомъ написано, что умереть можно.

— Ничего смѣшного тамъ нѣтъ. Писалъ новокрещенный и потому, конечно, коверкая русскій языкъ,—отмстила Марья Николаевна мужу.

Останковъ взялъ бумажку и прочелъ, невольно улыбнувшись, однако, странному языку.

„Господинъ Мѣла сирдъ вой сисьтру отъ Багрясскава сельского старости

Рапортъ.

Имею чисть заявить Господинъ ваше благородія мѣла сирдъ вой сисьтру заявленіи 189. Марта 7 дня деревни Багряжъ съ голода успухъ цынгамъ кристь яна“...

Тутъ слѣдовало десятка два именъ, а внизу подпись:

Деревиньскій начальникъ

Айфузовъ.

— Вмѣсто того, чтобы смѣяться,—разсерженная неумѣстными шутками мужа, обратилась къ нему Марья Николаевна,—лучше было бы раньше обратить на Багряжъ вниманіе.

Земскій покраснѣлъ и сталъ оправдываться.

— Ей-Богу же, я не зналъ! Не Богъ же я, въ самомъ дѣлѣ. Тебѣ самой извѣстно, наконецъ, что я все это время, какъ гончая, въ другой сторонѣ метался.

— То-то... Другимъ тономъ заговорилъ сразу,—восторжествовала Марья Николаевна и тотчасъ же подтвердила Останкову:

— Это правда... Онъ все это время въ Пирехтинской волости былъ.

— Такъ ѣдемте! — предложилъ Останковъ Марьѣ Николаевнѣ.—Чтобы не безпокоить вторично Красный Крестъ, я дамъ деньги на открытіе столовой и больнички.

— Свои?

— Нѣтъ, мнѣ вручены деньги изъ Петербурга.

Своихъ денегъ Останковъ уже успѣлъ потратить порядочно, но деньги, данныя ему пріятелями, берегъ для экстреннаго случая.

Они отправились въ Багряжъ и сразу попали въ избу, сдѣланную изъ кизяка, съ кривымъ окошечкомъ, затянутымъ пузыремъ.

Изба была крошечная, съ покоробленнымъ потолкомъ, въ который просачивалась вода, образуя на земляномъ полу лужи. Въ окошечко едва проникалъ мутно-грязный свѣтъ. Въ первыя минуты изба казалась совсѣмъ необитаемой. Въ ней было мертво и пусто, и холодно. Даже таракановъ здѣсь не было. На столѣ стоялъ горшокъ съ водой, въ которой плавала нарѣзанная солома, а около горшка валялась покрытая пылью ложка.

— Да тутъ никого нѣтъ,—оглядѣвъ избу, сказалъ Останковъ.

— Никого,—отвѣтила Марья Николаевна, но, заглянувъ въ печь, вскрикнула отъ неожиданности и подалась назадъ.

— Изъ печи торчали голыя опухшія ноги, а за ними виднѣлось какое-то тряпье.

Подошли понятые и вытащили изъ печи старуху, лѣтъ пятидесяти. Она была въ безсознательномъ состояніи отъ голода. Понятые объяснили, что мужъ ея ушелъ куда-то дня три тому назадъ. Когда ее привели въ чувство, она сказала, что не помнитъ, когда ужъ ѣла, и все поминала и сокрушалась о какомъ-то азямѣ.

Тогда Останковъ и Марья Николаевна начали подворный обходъ, составляя списки въ сопровожденіи старосты и двухъ понятыхъ.

— Слава Богу!—крестился народъ.—И насъ вспомнили.

— Надорвались ужъ мы.

— Проѣлись.

Обходъ начали по порядку, и вездѣ-то ихъ встрѣчали нищета, цынга и голодъ. Уже записавъ человѣкъ пятнадцать, Останковъ прошелъ было мимо избы, покрытой тесомъ и богатой на видъ, когда оттуда вышла баба, таща за руку лѣтъ тринадцати мальчика, напуганнаго и худого.

— А что же насъ-то обошелъ!—кричала баба.

— Да вѣдь у васъ есть лошадь, корова. Слава Богу, дѣтей нѣтъ.

— За то—сирота есть. Вотъ,—указала она на мальчика.— Нѣтъ, ты ужъ сдѣлай милость, запиши. Мы мірского сироту пріютили. Надо же чѣмъ-нибудь кормить, а чѣмъ нынче накормишь. Ежели безъ помощи,—намъ будетъ не подъ силу его содержать теперь.

Останковъ записалъ и его.

— Пропили мальченку-то,—съ сожалѣніемъ проговорилъ понятой, когда староста отошелъ впередъ съ Марьей Николаевной.

— Какъ пропили?

— Да такъ. Умеръ, значитъ, у мальченки отецъ, имущество какое послѣ него осталось Матвѣй забралъ... „Я, говоритъ, и мальченку возьму". Ну, міръ, знамо, — бери... Да чтобъ, значитъ, по божески... А онъ:—„Развѣ, говоритъ, я извергъ,—чай на мнѣ крестъ есть"... Ну, все прибралъ, а мальченку въ черномъ тѣлѣ держитъ... Много ихъ такихъ горькихъ сиротъ у насъ.

Въ числѣ недовольныхъ оказался также еще мужикъ невысокаго роста, черный, съ раздраженнымъ блѣднымъ лицомъ. Въ избу, переполненную народомъ, гдѣ Останковъ съ Марьей Николаевной составляли списокъ, онъ вошелъ гордо и свободно. По его вызывающему лицу, обращенному къ Останкову, и по сверкающимъ глазамъ, онъ сразу увидѣлъ человѣка обиженнаго.

— Что же это за правило! — заговорилъ мужикъ, кривя губы.—За что же это ты меня-то обошелъ?..

И, не дождавшись отвѣта, желчно продолжалъ:

— Не за то-ли, что у меня двѣ лошади? Такъ, можетъ, изъ-за того, чтобы сохранить этихъ лошадей-то, я самъ съ женой, да съ дѣвченкой по три дня не жравши сидѣли, потому какъ безъ лошадей-то намъ всѣмъ пришлось бы живьемъ въ могилу лечь. Другой, можетъ, и не живалъ лучше-то, какъ онъ теперь живетъ,—ты у него ребятъ записываешь, а коли настоящему работнику поддержку надо оказать, такъ ты мимо проходишь, потому что у него двѣ лошади. Не по справедливости это. Ежели бы не крайность, рази я бы сталъ просить! Сроду милостыни-то не принимали, а теперь пропадаемъ, ну, вотъ, и...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и хотѣлъ уже уйти, но Останковъ удержалъ его.

Народъ, бывшій въ избѣ, перепугался такой дерзости, но когда Останковъ вернулъ мужика и объяснилъ ему, что онъ не зналъ ничего этого, всѣ сдержанно заговорили.

— Это онъ правду сказалъ про себя. Безъ нужды не попроситъ...

— Хозяйственный мужикъ.

— Кого у тебя записать?—обратился къ нему Останковъ.

— Дочь Степаниду, тринадцати лѣтъ,—сурово отвѣтилъ тотъ, не теряя своего достоинства.

Потомъ въ столовую еще попросились двѣ старухи, обѣ лѣтъ подъ семьдесятъ. Записали и ихъ.

Всего столовниковъ набралось человѣкъ шестьдесятъ. Завѣдывать столовой согласилась сельская учительница.

Возвращаясь съ Марьей Николаевной назадъ, Останковъ заговорилъ о мірскихъ сиротахъ.

— Ахъ, знаете,—оживилась Марья Николаевна,—у мужа мечта создать для мірскихъ сиротъ пріютъ, да денегъ мало. А ужъ и разрѣшеніе на пріютъ получено. При этомъ пріютѣ сельскохозяйственная школа предполагалась. Чернышевъ подъ нее и подъ опытныя поля даже землю жертвуетъ... Лѣсъ на постройку тоже обѣщаютъ дать...

— А сколько денегъ надо на это?

— Тысячи полторы.

Останкову это дѣло представлялось въ высшей степени симпатичнымъ и живымъ. Лучшаго примѣненія деньгамъ Ольги нельзя было найти.

— Я дамъ эти деньги,—сказалъ ей Останковъ.

Марья Николаевна такъ вся и вспыхнула отъ радости.

— Да что вы говорите? Вы шутите?

— Нисколько... Мнѣ вручены одной барышней эти деньги, чтобы я распорядился ими по своему усмотрѣнію...

— Да мужъ задушитъ васъ отъ радости въ объятіяхъ.

— Немудрено. Онъ у васъ вонъ какой медвѣдище,—пошутилъ Останковъ, указывая на богатырскую фигуру Рязанцева, стоявшаго на крыльцѣ въ одной поддевкѣ, не смотря на вѣтреный день.

— Андрей!—не выдержавъ, крикнула мужу Марья Николаевна еще изъ повозки.—Я тебѣ такую радость сейчасъ объявлю,что запляшешь отъ счастья...

— Ай, батюшки! Ужъ не „Королевскую“-ли?..—сверкая зубами, спросилъ Рязанцевъ многозначительно и лукаво.

Останковъ не понялъ соли этой шутки, но Марьѣ Николаевнѣ, повидимому, она хорошо была извѣстна. Она покраснѣла и покачала головой.

— Какъ глупо! Вотъ, если такъ, возьму и не скажу.

— Не увидишь тогда, какъ я плясать буду.

— Да не шути, пожалуйста. Понимаешь-ли, — не выдержала она. — Михаилъ Хрисанфовичъ полторы тысячи даетъ на пріютъ, которыхъ тебѣ не доставало.

— Что?!—не вѣря себѣ, воскликнулъ Рязанцевъ и широко открылъ на Останкова глаза.

Когда-же Останковъ съ улыбкой подтвердилъ это, онъ спрыгнулъ съ крыльца, схватилъ его, поднялъ на воздухъ, поцѣловалъ трижды, потомъ громко приказалъ женѣ:

— Цѣлуй его! Цѣлуй, говорятъ тебѣ.

Марія Николаевна подошла къ Останкову, поцѣловала его и ужасно покраснѣла.

— Еще цѣлуй... Еще... Такъ. Три раза... Стоитъ!—радостно говорилъ земскій. - Ну, спасибо вамъ, голубчикъ... Доброе дѣло сдѣлали...—не давая опомниться Останкову, говорилъ Рязанцевъ.

— Да вы напрасно такъ меня благодарите... Это не мои деньги... То-есть, моихъ въ этихъ полутора тысячахъ очень мало...

— Все равно... Чьи бы ни были, но даете ихъ вы, этого достаточно...

Останковъ самъ доволенъ былъ тѣмъ, что въ это утро ему удалось сдѣлать такое хорошее дѣло, но радостное настроеніе его скоро омрачилось.

Не заходя домой, Марья Николаевна повела его въ свою столовую, созданную на частныя пожертвованія. Она очень гордилась этой столовой и ревниво за ней наблюдала.

Въ довольно просторной и свѣтлой горницѣ, за двумя длинными столами собралось больше тридцати ребятъ отъ двухъ до четырнадцати-лѣтняго возраста. Первая смѣна, тоже человѣкъ въ тридцать, уже отобѣдала. Во второй смѣнѣ были и старики.

Одинъ изъ нихъ, бывшій солдатъ съ николаевской медалью на груди, лѣтъ восьмидесяти—старикъ, дрожащимъ голосомъ сталъ читать нараспѣвъ предобѣденную молитву, путая и перевирая слова, что не мѣшало всѣмъ остальнымъ горячо молиться.

— Отче всѣхъ на тя, Господи, уповаемъ. И ты даеши намъ пищу благомремія и отверзающе щедрую руку Твою, яко хлѣбъ насущный даждь намъ днесь, животнаго благомоленія.

Послѣ молитвы всѣ усѣлись за столъ.

Останковъ, какъ на родныя, смотрѣлъ на эти маленькія фигурки, чинно сидѣвшія за столомъ, на эти русыя и черныя головки, которымъ съ ранняго дѣтства приходится поз-

навать всю горечь нужды и лишеній, на эти, большею частью серьезныя и вдумчивыя лица, въ которыхъ сквозила печальная блѣдность истощенія.

Позади самыхъ маленькихъ стояли матери, явившіяся, конечно, не изъ любопытства, а изъ-за желанія посмотрѣть, какъ покормятъ ихъ дѣтей, и вступиться за нихъ, если ихъ будутъ обижать. Но имъ оставалось только радоваться, глядя, какъ ихъ наголодавшіеся малыши уписывали обѣдъ, состоящій изъ гороховой похлебки, варившейся тутъ же въ двухъ вдѣланныхъ въ печь, подтапливаемую снизу, котлахъ,—похлебки, которую Останковъ съ удовольствіемъ попробовалъ, и—аккуратно отвѣшеннаго фунта чернаго хлѣба, настоящаго хлѣба, а не того куска земли съ горькой лебедою и желудями, который они глотали дома.

Каждыя три съ небольшимъ копѣйки спасали на цѣлый день отъ голода одного человѣка. И эти маленькіе „человѣки“ чинно опускали свои залежавшіяся ложки въ горячее варево и уписывали его съ видимымъ наслажденіемъ.

— А что-же это я не вижу Маланью съ сынишкой?—оглядывая знакомую ей картину, спросила Марья Николаевна.

— Да онъ, чай, умеръ,—отозвалась высокая, красивая баба, стоя за спиной своего бѣлоголоваго мальчугана.

— Умеръ... Умеръ,—подхватили и другія.

— Какъ умеръ? Что вы говорите!—остановила ихъ Марья Николаевна.—Я вѣдь про сына Маланьи Трофимовой говорю... про Петяшку...

— Онъ и есть умеръ, — снова подтвердили ей, но въ тонѣ этого подтвержденія сразу чувствовалось что-то неестественное.

— Да вѣдь онъ вчера здѣсь былъ... Вотъ тутъ въ углу сидѣлъ и ѣлъ...

— Вчера сидѣлъ въ этомъ углу, а нынѣ въ своемъ углу подъ образами лежитъ.

— Да что же это такое? — почуявъ что-то недоброе и обводя всѣхъ бабъ недоумѣвающимъ взглядомъ, произнесла Марья Николаевна. — Тутъ что-то не такъ... Отъ чего онъ могъ такъ скоро умереть?..

Бабы осторожно и искоса переглянулись между собою, какъ-бы предостерегая другъ дружку отъ излишней болтливости, и сдѣлали видъ, что каждая очень занята своимъ ребенкомъ.

— Да отъ чего-же онъ умеръ?—настойчиво и тревожно повторила свой вопросъ Марья Николаевна.

— А кто его знаетъ,—послышался уклончивый отвѣтъ,— Богъ прибралъ.

— Ну, на Бога-то грѣхъ этакое возводить,—вскользь замѣтила другая.

— А какъ же не Богъ... Нешто безъ Божескаго соизволенія такія дѣла дѣлаются...

— Дьявольское тутъ, прости Господи, соизволеніе, а не Божеское!..—не выдержала баба и отвернулась.

— Да объясните ли вы, что случилось! — безпокойно воскликнула Марья Николаевна.

— Да чего тутъ объяснять... извѣстно, полудурья.

— Кто полудурья?

— Маланья.

— Она что нибудь надъ сыномъ сдѣлала?

— Ничего мы не знаемъ... Наше дѣло сторона.

— Ну, отъ нихъ, очевидно, толку не добьешься! Пойдемъ къ Маланьѣ и тамъ все разузнаемъ...

Они вышли изъ столовой и на крыльцѣ встрѣтили еще одну бабу съ длиннымъ сухимъ лицомъ. Это была сосѣдка Маланьи.

— Агафья... Что сдѣлалось съ Петяшкой?—ошеломила ее неожиданнымъ вопросомъ Марья Николаевна.

— Умеръ,—быстро отвѣтила та.—*Нехорошо* умеръ.

— Неужели... Маланья?..—не договорила Марья Николаевна.

Агафья взглянула по сторонамъ и, наклонившись къ Марьѣ Николаевнѣ, стала что-то тихо шептать ей съ широко раскрытыми глазами и напряженнымъ лицомъ.

До Останкова только донеслись слова. „Яма съ водой... Доской... Грѣхъ“...

Марья Николаевна замѣтно поблѣднѣла и только отвѣчала: „Ахъ... Ахъ“... и качала головой.

Когда Агафья кончила свой разсказъ, Марья Николаевна развела руками и проговорила:

— Но вѣдь она такъ любила его!

— Потому и грѣхъ, видно, вышелъ, что любила.

— Нѣтъ... мнѣ что-то не вѣрится... Тутъ что-то не такъ... Пойдемте... — торопливо и взволнованно обратилась она къ Останкову.—Пойдемте.

Они вышли за ворота и пошли къ деревнѣ. Изба, гдѣ жила Маланья, стояла недалеко, надо было пройти только черезъ площадь и спуститься немного внизъ въ балку... Изба была вторая отъ краю, маленькая, точно выросшая изъ земли съ облысѣлой соломенной крышей и небольшими задворками, огороженными поломаннымъ плетнемъ.

Вѣроятно, шествіе это было замѣчено издали, потому что не успѣли они подойти къ избѣ, какъ навстрѣчу выбѣжала баба съ подоткнутымъ подоломъ затасканной красной

юбки, коротконогая, съ большимъ, широкимъ лицомъ и рыбьимъ ртомъ.

Униженно кланяясь, она раскрыла передъ ними дверь и какъ-то криво, неестественно улыбаясь, заговорила глуховатымъ, грубымъ голосомъ, съ сильнымъ удареніемъ на „о“.

— Пожалуйте, матушка барыня—ангелъ... Пожалуйте...

Они вошли въ тѣсную избу, гдѣ были двѣ какихъ-то старушки съ сморщенными и необыкновенно скорбными лицами и еще молодая, но худая баба съ ребенкомъ на рукахъ, сноха Маланьи.

Маланья забѣжала впередъ гостей и, исподлобья оглядывая ихъ своими тревожными глазами, стала нервно оправлять холстину, покрывавшую что-то, лежавшее на лавкѣ, точно хотѣла закрыть его отъ нихъ.

Останковъ первый подошелъ къ лавкѣ и, слегка отстранивъ Маланью, поднялъ холстину и пристально взглянулъ на мертваго ребенка.

Лицо его нахмурилось. Брови пошевелились и сдвинулись. Онъ потрогалъ рукой голову покойника и, поджавъ многозначительно губы, взглядомъ пригласилъ Марью Николаевну поглядѣть на ребенка.

Худое, крошечное, веснущатое личико четырехлѣтняго мальчика, съ плотно сжатыми тонкими, синими губками и закрытыми глазами, лежало на подушкѣ. Рыжеватые короткіе волосы слегка падали на лобъ, по которому, начинаясь отъ носа, вкось шла довольно глубокая провалина съ синимъ оттѣнкомъ. Синяки были видны и на вискахъ... Худое, вытянутое тѣльце, какъ деревянное, рисовалось изъ-за холстины.

Въ общемъ и это личико, застывшее въ мертвомъ покоѣ, и это тѣльце походили на маленькаго старичка.

Маланья такъ и впилась въ доктора острыми глазами... Остальныя бабы тоже не безъ тревоги и жаднаго любопытства ждали, что онъ скажетъ: онѣ знали, что это докторъ, и ихъ занималъ вопросъ: дастъ ли онъ похоронное свидѣтельство, безъ котораго батюшка отказался хоронить ребенка.

— Видите?—прошепталъ Останковъ, указывая на страшные слѣды на лицѣ ребенка — А вотъ, неугодно-ли пощупать голову. Тутъ тоже нащупывается провалина.

Марья Николаевна, все еще какъ бы не вѣря себѣ, вопросительно взглянула на Останкова.

Онъ только утвердительно кивнулъ головою въ отвѣтъ на ея сомнѣніе и снова закрылъ лицо ребенка.

Маланья метнулась къ нему съ той же неестественной жалкой усмѣшкой и, поймавъ взглядъ доктора, въ которомъ прочла сразу свой судъ, задергала холстину, ни на кого не

№ 3594 ж. ф.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ...

глядя, открыла зачѣмъ-то лицо покойника, потомъ снова быстро его задернула и, метнувшись назадъ, бросилась куда-то въ уголъ, суетливо выдвигая оттуда деревянный ящичекъ и бормоча своимъ глухимъ, низкимъ голосомъ:

— Ахъ, Господи!.. Крестикъ-то... крестикъ-то я забыла на на него надѣть... Экій грѣхъ-то какой... Безъ крестика покойничекъ-то лежитъ... Какъ же это я...

Она суетливо выбрасывала изъ своего ящика какія-то тряпочки, бумажки, кусочекъ мыла, огарокъ свѣчи... бумажный цвѣтокъ и еще какую-то дрянь... Потомъ снова все это бросала туда и опять выбрасывала...

— Куда же это крестикъ-то запропастился?.. — не глядя ни на кого изъ нихъ, и какъ будто всецѣло занятая только этимъ вопросомъ, бормотала она.—Видно пропалъ... Какъ же онъ будетъ безъ крестика-то... Ахъ, ты, Господи—Батюшка... Милостивый... Вотъ грѣхъ-то какой!..

Она качала изъ стороны въ сторону своею большой головою, повязанной грязнымъ ветхимъ платкомъ съ полинялой, когда-то красной каймой и то надвигала машинально этотъ платокъ на узкій, вдавленный лобъ, то поднимала его кверху...

— Нѣтъ крестика... Какъ есть пропалъ! — съ виноватой улыбкой выговорила она, разводя руками.—А безъ крестика-то нельзя... Видно, придется свой отдать... матушкино благословеніе... Нечего дѣлать... Сама безъ крестика останусь, а ему отдамъ крестикъ... матушкино благословеніе...

Она быстро растегнула толстыми короткими пальцами воротъ своей бѣлой, старой кофты, сшитой когда-то съ претензіей на городской покрой. Острыя ключицы выступили поверхъ ея тощей груди, и, нагнувъ голову, она проворно сняла съ шеи мѣдный почернѣвшій крестъ и, приложившись къ нему своимъ рыбьимъ ртомъ, также проворно надѣла его на шею ребенка, избѣгая глядѣть въ его мертвое лицо. Вся эта сцена сразу напомнила подобную же сцену изъ „Власти тьмы“, которая какъ бы подчеркнула ея мрачный характеръ.

— Что же это такое, Маланья? — растерянно обратилась къ ней Марья Николаевна. — Неужели это ты убила своего ребенка?..

— Не убивала я его!..—мотнувъ головой и отвернувшись въ сторону, буркнула Маланья.—Это вотъ кто его убила,— указала она на сноху.

— Я!.. Ахъ, ты, проклятая! Да какъ у тебя языкъ-то поворотился этакое вымолвить! У меня свой вонъ уродъ, да я его никогда пальцемъ не тронула...

Тутъ только обратили вниманіе, что ребенокъ на рукахъ

ея былъ уродецъ: не смотря на свои три года, онъ не стоялъ даже на своихъ кривыхъ, тонкихъ и маленькихъ ногахъ. Голова его была несоразмѣрно велика сравнительно съ маленькимъ и слабымъ туловищемъ.

— Не слушайте ее, барыня, — продолжала, между тѣмъ, сноха.—Пальцемъ я его не трогала. А она его убила, какъ Богъ святъ. Давно уже грозилась убить и сдѣлала свое. Два дня тому назадъ въ яму съ водой его столкнула: погребъ тутъ у насъ рыли, да вода въ немъ объявилась... бросили... Ну, вотъ, она его туда и столкнула... Захлебнется, молъ... И захлебнулся бы, да добрые люди его вытащили. Спросите, кого хотите... Это всѣ знаютъ... Тогда она вчера его зачала досками бить, а потомъ между досокъ зажала.

— А вы чего же смотрѣли?

— А намъ что?.. Чай, ея сынъ, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ...

— Ахъ, Маланья, Маланья!.. Ахъ, Маланья, Маланья!— печально качая головою, повторяла Марья Николаева, глядя на мать, которая, отвернувшись, съ упрямымъ и злымъ лицомъ, обдергивала на себѣ низко висѣвшую затрепанную юбку.

— Что Маланья! Тридцать пять лѣтъ я Маланья,—неожиданно выпалила она, быстро обернувшись, скрививъ губы и сверкнувъ глазами. Затѣмъ, отвернувшись снова, уставилась неподвижнымъ взглядомъ въ окно, изъ котораго виднѣлась церковь. Пришедшимъ ничего не оставалось больше дѣлать, и они направились къ двери.

— Что же дадите, что ли, похоронное свидѣтельство-то?— сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ имъ, обратилась Маланья къ Останкову, такимъ тономъ, какъ будто хотѣла сказать: „Дашь—хорошо, а не дашь, не больно надо“.

— Это не мое дѣло. У васъ есть свой докторъ, земскій,— отвѣтилъ Останковъ.

— Ну, и не надо, — грубо отрѣзала Маланья и повернулась назадъ.

— Хороша!—сорвалось у него.

Она обернулась къ нему всѣмъ своимъ лицомъ уже въ дверяхъ и съ такимъ укоромъ, злобой и отчаяніемъ взглянула на Останкова, что ему вдругъ стало стыдно своего рѣзкаго замѣчанія.

— Просто себѣ не вѣрю,—повторяла на обратномъ пути Марья Николаевна.—Какъ это могло случиться... Да я и ее не узнаю... Обыкновенно при видѣ меня чуть не въ экстазъ входила... Иначе не звала меня, какъ своимъ ангеломъ-хранителемъ, за то, что я кормила ея сына и иногда ей помо-

гала... Ничего не понимаю... И вѣдь почему-то чувствуешь себя виновной въ этомъ ужасномъ преступленіи. Какъ будто соучастницей или попустильницей его.

— Ну что вы, вы-то тутъ при чемъ!—успокоительно замѣтилъ Останковъ,—развѣ вы одна здѣсь?

Они оглянули площадь: на ней красовался еще помѣщичій домъ, домъ священника, школа, наконецъ, церковь...

Почти дойдя уже до дому, гдѣ Останкова ждали лошади, онъ вдругъ опять вспомнилъ послѣдній взглядъ Маланьи и его потянуло невольно назадъ къ этой избѣ.

Послѣ ихъ ухода туда сталъ набираться деревенскій народъ, чтобы разузнать, зачѣмъ и почему приходило начальство, потому что у деревни всякій неизвѣстный ей человѣкъ, особенно если онъ съ кокардой, или свѣтлыми пуговицами, какъ Останковъ, есть уже начальство.

Онъ попросилъ вызвать ему Маланью, и она неохотно вышла къ нему.

— Ну, что еще? Допрашивать, что-ли, будешь?..

Онъ поспѣшилъ объяснить ей, что онъ не начальство, но ему хочется помочь ей похоронить сына и по душѣ узнать, какъ она сдѣлала такое темное дѣло.

Онъ чувствовалъ при этомъ объясненіи какую-то мучительную неловкость. Какое, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ онъ право копаться въ душѣ этой матери, убившей своего ребенка? Однако, это желаніе узнать правду было не простое любопытство. Ему хотѣлось убѣдиться, что мать не можетъ быть звѣремъ, какимъ представляетъ ее ея поступокъ, что здѣсь есть какая-то другая сторона.

Она недовѣрчиво взглянула на него исподлобья и стала суетливо и машинально подбирать щепочки и хворостъ на полу, точно весь этотъ соръ мѣшалъ ей, раздражалъ ее.

Такъ же машинально бросала ихъ въ одно мѣсто и изрѣдка взглядывала ему на руку.

Онъ вспомнилъ свое обѣщаніе и далъ ей цѣлковый.

Она будто нехотя взяла его и стала перекладывать изъ руки въ руку.

— Ну, разскажи-же, какъ это случилось... Что тебя толкнуло сдѣлать такое дѣло?..

— Да что разсказывать-то... Нечего разсказывать...

— Я тебѣ даю честное слово, что хочу все это знать безъ злого умысла... Разскажи-же... Вѣдь тебѣ самой тяжело... я вижу. Разскажешь, легче будетъ... тяжело вѣдь?

— Охъ, тяжело!—вырвалось вдругъ у нея стономъ...— Охъ тяжело!

И, схватившись за грудь обѣими руками, она вдругъ зарыдала, какъ-то неуклюже подергивая всѣмъ тѣломъ и отирая глаза подоломъ юбки.

Они стояли за избой... Никого вокругъ не было... только бродили, кудахтая, куры и рылись въ выступившемъ изъ-подъ снѣга навозѣ, да первые скворцы немолчно трещали у скворешницы, прибитой на палкѣ къ избѣ.

Маланья подняла глаза и увидѣла у избы какія-то мокрыя тряпки.

Бросившись къ этимъ тряпкамъ, она схватила ихъ и стала прижимать къ себѣ.

— Петяшкино это... Петяшкино,—говорила она.—Обмыли его, значитъ, одѣли въ чистое, а грязное-то бросили... Охъ, тяжко мнѣ! Тяжко!..

Она снова стискивала грудь, точно желая выдавить оттуда ставшія коломъ слезы, но слезъ не было больше, и горе заледенѣло въ груди.

Теперь Останкову незачѣмъ было распрашивать ее. Она сама все разскажетъ, чтобы облегчить накипѣвшее горе...

— Грѣшница я... Грѣшница,—бормотала она съ неподвижнымъ взглядомъ, все еще прижимая къ груди тряпки.— А только тамъ теперь лучше ему... У ангеловъ онъ и самъ въ ангельскомъ образѣ... Мученическую кончину взялъ... Мука для него и жизнь вся была... Развѣ это жизнь!.. Сердце разрывалось... Скворчики вонъ, скворчики и тѣ верещатъ на свободѣ, а онъ и пикнуть не могъ. Ото всѣхъ пинки, да затрещины, да попреки...

— Что-жъ онъ, незаконный?

— Знамо... дѣвка я... И меня всѣ изъ-за него шпыняли... кому не хотѣлось, и тотъ билъ... А ужъ дома и говорить нечего... Вонъ...

Она отвела нервнымъ движеніемъ платокъ съ головы, и Останковъ увидѣлъ, что у нея были выдраны клочья волосъ.

— Кто же это тебѣ?

— Сноха, да братецъ родной... Вонъ онъ...

Въ ворота избы входила артель рабочихъ каменщиковъ, и впереди невысокаго роста худой, съ болѣзненнымъ лицомъ мужикъ въ фартукѣ, съ инструментами въ рукахъ.

Онъ услышалъ послѣднія слова и, снявши шапку, подошелъ къ нимъ.

— Ты чего врешь на меня?—обратился онъ къ Маланьѣ.— Не слушайте ее, ваше благородіе... Полудурья она у насъ... Никто ее не бьетъ...

— Всѣ бьютъ... А кто мнѣ волосы выдралъ... кто?

— Пальцемъ никогда никого не ударилъ.

— А кто сына своего родного искалѣчилъ?—угрюмо пробормотала Маланья.

Мужикъ сморщился, точно отъ боли, и заговорилъ:

— Это точно, ваше благородіе, точно, что моя тутъ вина... Видѣли, можетъ, моего уродца-то... Въ зыбкѣ я его качалъ... Онъ изъ зыбки-то выпалъ, да головой ударился объ полъ... Оттого и уродство пошло... Голова-то, какъ котелъ. Три года, а говорить еще не можетъ... Мычитъ только, какъ теленокъ...

— А кто мнѣ волосы выдралъ? Кто?.. Не сноха твоя?..

Въ это время сноха, услышавъ громкій разговоръ на дворѣ, вышла изъ избы все съ тѣмъ же ребенкомъ на рукахъ.

— Вотъ она мнѣ волосы и выдрала. Онъ держалъ, а она вырывала клочьями,—жаловалась Маланья,—истязаютъ они меня... И Петяшку моего истязали.

— Врешь ты, шкуреха... Сама озорница... Вонъ посмотрите, баринъ, что она мнѣ сдѣлала.

Сноха быстро обнажила руку, которая представляла одинъ сплошной кровоподтекъ, и взволнованно заговорила:

— Подкараулила она меня, когда я въ избу проходила, да какъ дверью захлопнетъ!.. Думала голову разбить, да только, Богъ спасъ, руку прищемила... Прищемила, да и давай давить... Чуть не размозжила всю... Вотъ, какая она злыдня!..

— А ты забыла, какъ ты меня съ братомъ веревкой вязала до крови... Я сейчасъ все покажу...

— А не кусайся... Вѣдь ты меня за грудь укусила...

— Это ты меня укусила!

Останкову невыносима стала эта сцена. Онъ взглянулъ на избу, въ которой, какъ звѣри въ берлогѣ, дрались и буквально грызлись люди.

Въ этой избѣ лежалъ маленькій трупъ убитаго матерью ребенка, грязныя тряпки котораго она съ такой любовью прижимала къ своей тощей груди. Кто пойметъ весь адъ безнадежнаго отчаянія, приведшаго ее къ этому преступленію и къ мысли, что лучше собственными руками убить его, чѣмъ оставлять жить среди вѣчныхъ мукъ, гоненій и позора, какъ живетъ она сама. „Скворчики, вонъ скворчики и тѣ верещатъ на свободѣ, а онъ пикнуть не могъ“—вспомнились Останкову ея полныя отчаянія слова и убѣжденіе, что мученическая кончина введетъ ея сына въ сонмъ ангеловъ.

— Ребенка своего не пожалѣла, убила... Вотъ она какая гіена!—договорила сноха.—На работы она хотѣла на лѣтнія идти, такъ ребенокъ мѣшалъ, вишь ей, она его и убила, чтобы избавиться...

Маланья ничего не отвѣтила на это, но взглядъ ея, обращенный къ Останкову, выражалъ такую скорбь, что онъ ни-

какъ не могъ повѣрить этому послѣднему жестокому объясненію. Все это производило на него впечатлѣніе какого-то бреда, кошмара, въ которомъ подавленная мысль отказывалась разобраться...

Несомнѣнно было одно, что здѣсь дѣйствовалъ трагическій фатумъ, и имя этого фатума—тьма, безпросвѣтная, зловѣщая тьма.

Останковъ поспѣшилъ уйти, но, поднявшись на холмъ, оглянулся назадъ.

Маланья стояла у плетня, глядя ему въ слѣдъ. Холодный вѣтеръ трепалъ ея красную юбку и концы головного платка. Низкія сѣрыя облака совсѣмъ закрыли клочки лазури. Деревня смотрѣла еще угрюмѣе и мрачнѣе, и въ душу невольно проникалъ холодный ужасъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Народъ ожидалъ весны, ожидалъ столько же для себя, сколько и для уцѣлѣвшаго кое-гдѣ, изголодавшагося скота. И весна показалась рано. Уже съ первой половины марта начались оттепели. Разбухли снѣга, пожелтѣли и потускнѣли дороги, и все чаще и чаще стали появляться на снѣгу отталины: теплое дыханіе земли пробивалось сквозь снѣгъ, и въ полдень можно было ясно различить синеватый паръ, проникавшій въ эти отталины отъ земли. Лѣса мягко и воздушно синѣли вдалекѣ на потеплѣвшемъ фонѣ неба, то затянутаго легкими, пухлыми и клубящимися облаками, то сіявшаго собенной, просвѣтленной синевой. А солнце, обрадованное близостью весны, весело купалось въ вышинѣ и впивалось въ снѣга и льды теплыми лучами съ упорною настойчивостью и силой.

Первыми гонцами весны были скворцы. Они затрещали на голыхъ вѣткахъ, на крестахъ, на вѣхахъ, уже покачнувшихся кое-гдѣ по дорогамъ, и сразу оживили холодную глушь и тишину. А за ними показались стаи грачей, разстилавшіяся надъ землею, какъ черныя облака дыма по вѣтру, и горланившія безтолково и громко что-то похожее на „ура", около старыхъ деревьевъ помѣщичьихъ усадебъ и у придорожныхъ липъ съ грачиными гнѣздами, похожими на черныя шапки.

Около избъ снѣгъ оттаивалъ раньше всего. Крыши скоро почернѣли и обмокли. По прогалинамъ зацвѣлъ первый степ-

ной цвѣтокъ, возвѣщавшій пробужденіе земли. Онъ умиралъ, едва успѣвъ улыбнуться солнцу. Жаворонки завенѣли, невидимые, въ вышинѣ, наполняя воздухъ особенной нѣжностью и раздраженіемъ.

Останковъ первый разъ видѣлъ сѣверную весну, но, вмѣсто ободренія, она вызывала въ немъ непонятную грусть и усталость. Правда, было отчего ему устать, но тутъ усталость была совсѣмъ другого рода—скорѣе истома, чѣмъ утомленіе. Хотѣлось иной разъ опустить руки, ничего не дѣлать и смотрѣть въ небо, прислушиваясь къ звону, который идетъ отъ пѣнія жаворонковъ, шума ручьевъ и таянія снѣга, просачивающагося сквозь отдохнувшую и взопрѣвшую даже подъ снѣгомъ землю. Душа какъ-то сразу почувствовала надрывъ, который легче переживался раньше, и запросила отдыха и иныхъ впечатлѣній, а иногда такъ просто хотѣлось уснуть, чтобы не видѣть и не слышать ничего, что волновало и мучило душу. Первая лихорадочная жажда труда отчасти спала, тѣмъ болѣе, что ко всему примѣшивались еще тысячи мелочей, раздражавшихъ своею нелѣпостью и неожиданностью: тутъ завѣдующій столовой, богатый мужикъ, въ избѣ котораго столовая помѣщалась, проворовался, и, когда его уличили, то оказалось, что вся деревня давно это знала, но полагала, что дѣло съ казенными деньгами обойтись безъ воровства не можетъ. Пришлось переводить столовую въ другую избу, и всѣ зажиточные мужики захлопотали о себѣ.

— Я за шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ уступлю.

— Я за пять.

— Я за четыре.

— Надо всѣмъ по очереди, по правдѣ.

Къ этой цѣнѣ еще прибавлялась кормежка хозяйской семьи, такъ какъ семья обыкновенно тоже работала и получала припекъ отъ хлѣба, фунтовъ пятнадцать съ пуда.

Односельчане поддакивали съ наивною откровенностью:

— Знамо, по правдѣ. Не одному наживаться.

— Вонъ, Мосей, чай, теперь пару лошадей себѣ купитъ.

Людей не было, и поневолѣ приходилось мириться съ плутовствомъ, потому что контролировать не представлялось никакой возможности.

Въ Зычебашѣ скрыли тифознаго, послѣ того, какъ тифъ совершенно прекратился по больничкамъ; вся семья заразилась, и опять пошло то же.

Чукашевъ продалъ скверную муку. Изъ города цѣлую недѣлю не присылали лѣкарства. Больные угорали въ цынготной. Невѣжество, злоупотребленія, часто непонятное не-

довѣріе народа,—все это мѣшало работать, огорчало Останкова и заставляло морщиться отъ досады. Весна, съ своей стороны, тоже прибавила немало непріятностей. Зажоры испортили дороги, а ѣздить надо было каждый день, иногда верстъ за тридцать и дальше. Раза два приходилось переправляться съ опасностью для жизни. А когда разломало ледъ и разлились рѣки, то и дѣло случались несчастія: то тамъ, то здѣсь затянуло обозъ съ хлѣбомъ, погибъ мужикъ съ лошадью. Въ оврагѣ утонули трое дѣтишекъ, ходившихъ въ столовую изъ сосѣдней деревни.

Ко всему этому, отъ Ольги цѣлую недѣлю не получалось писемъ, а въ послѣднемъ письмѣ она сообщила, что отцу ея плохо. Вдругъ, на страстной, онъ получилъ письмо съ траурной каймой и сразу обо всемъ догадался.

Ольга коротко сообщала, что отецъ ея умеръ. Но отъ этихъ короткихъ строкъ на Останкова пахнуло такимъ холодомъ отчаянія и горя, что онъ тутъ же почувствовалъ разницу между страданіями за народъ и страданіями за любимую дѣвушку, въ которыхъ было больше души и, такъ сказать, кровной близости, хотя смерть ея отца и разорвала кое-какія путы для его счастья. Въ письмѣ она, между прочимъ, сообщала, что скоро пріѣдетъ работать вмѣстѣ съ нимъ, что эта работа будетъ лучшими поминками для ея отца и вѣрно примиритъ ее съ горемъ.

Все это письмо, особенно послѣднія его строки, взволновали Останкова настолько, что онъ не могъ сидѣть дома, хотя необходимо было привести въ порядокъ счета и разобраться въ разныхъ документахъ, запросахъ, требованіяхъ и „рапортахъ“ по его участку. По нѣкоторымъ изъ этихъ дѣлъ нужно было повидать земскаго начальника, и Останковъ рѣшилъ поѣхать къ нему.

Выѣхалъ онъ подъ вечеръ, верхомъ, такъ какъ путь, хотя былъ и не далекій, но и тутъ зажоры мѣшали сообщенію. Ѣхать верхомъ было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ саняхъ. Вечерняя заря еще свѣтилась тепло и нѣжно, но въ воздухѣ уже посвѣтлѣло въ ожиданіи ночи. Лужи на дорогѣ затянулись тонкимъ, какъ папиросная бумага, ледкомъ, и въ нихъ отражались алыя облака и блѣдное небо. Пахло талымъ снѣгомъ и землею, а съ плотины, откуда слышался шумъ и ворчанье воды, пахло навозомъ. Жидкій звонъ деревенскаго колокола нерѣшительно и печально дрожалъ и разливался въ воздухѣ и долго провожалъ Останкова по дорогѣ, разбухшей, изрытой копытами и кое-гдѣ покрытой почернѣвшимъ снѣгомъ, еще стойко державшимся въ низинахъ и оврагахъ.

Останковъ ѣхалъ шагомъ, отчасти, чтобы не очень за-

брызгаться грязью, а главное,—ему пріятно было тихо покачиваться въ сѣдлѣ, посматривая по сторонамъ и слушая гудѣніе колокола, сдержанные, но дружные голоса пробуждавшейся земли и сочное чмоканье лошадиныхъ копытъ, мѣсившихъ грязь, а иногда жидкій звонъ разбитаго ледка и всплескъ воды, отражавшей и небо, и лошадь съ всадникомъ, и первую звѣзду, какъ хрусталикъ, засіявшую на небѣ.

Сырой холодокъ заставлялъ его пріятно ежиться, иногда особенно глубоко вдыхать въ себя сочный вечерній воздухъ.

Горе Ольги, ошеломившее его въ первую минуту по полученіи письма, постепенно утратило для него свою жгучесть, и онъ съ лаской и нѣжностью думалъ о ея пріѣздѣ.

У Рязанцевыхъ Останковъ, къ своему удивленію, засталъ Курганова и Величкину, съ которой познакомился еще въ въ С—ѣ. Она уже работала въ участкѣ Курганова.

Встрѣча съ Кургановымъ, котораго Останковъ не видѣлъ со времени пріѣзда, какъ-то смутно его встревожила и разочаровала. Онъ надѣялся отдохнуть, поболтать, поиграть съ Марьей Николаевной въ четыре руки, но теперь объ этомъ нечего было и думать. При Кургановѣ ему неловко было выказывать свое легкомысліе и заниматься музыкой.

Еще раздѣваясь въ передней, Останковъ уже слышалъ сильный насмѣшливый голосъ Курганова:

— Славно, славно! Какъ я предсказывалъ, такъ и сбылось! Мой то красавецъ, земскій, только на дняхъ выдалъ крестьянамъ ордера на полученіе пайка. Какъ разъ во время! Крестьяне поѣхали въ Заринскъ за хлѣбомъ: одни возвратились безъ хлѣба, другіе съ тѣстомъ вмѣсто хлѣба: въ Зажорахъ подмочили его, а трое совсѣмъ пропали: утонули вмѣстѣ съ лошадьми.

— Это возмутительно, — съ негодованіемъ воскликнула Величкина,—ни капли гуманности или уваженія къ личности.

Она нервно сорвала пенснэ и замигала глазами, глядя на входящаго Останкова.

— Эка, вы какихъ ананасовъ захотѣли,—отвѣтилъ Кургановъ и, обернувшись къ Останкову, протянулъ въ видѣ привѣтствія:—А-а.

Рязанцевъ и Марья Николаевна очень обрадовались неожиданному гостю.

— Вотъ, сюрпризъ!

— А я ужъ хотѣлъ ѣхать навѣщать васъ. Думалъ,—тифъ не подцѣпилъ ли.

Рязанцевъ захохоталъ.

Останковъ потиралъ руки съ холодка, очутившись въ теплой комнатѣ, и щурилъ глаза на свѣтъ. Но Андрей Михайловичъ не далъ ему опомниться, размашисто его обнялъ и такъ прижалъ къ себѣ, что тотъ взмолился.

— Экій!—схвативъ за руки мужа, освободила Останкова Марья Николаевна.—Привыкъ къ своимъ медвѣдямъ-то.

Она любила подчеркивать силу мужа и, повидимому, гордилась ею.

Земскій расхохотался.

— Это я его съ цѣлью... Чтобы не вздумалъ за тобою ухаживать.

— Глупо,—притворно обидѣлась Марья Николаевна.

— Ничего глупаго нѣтъ; будь я такъ красивъ, какъ онъ...

Но она зажала ему ротъ рукою, которую онъ звучно чмокнулъ, прибавивъ при этомъ:

— Какъ лепешку съѣлъ! Знакомы?—круто обернулся онъ къ Величкиной.

Величкина нѣсколько помужски протянула свою дѣтскую руку Останкову:

— Знакомы.

— Ну, корми, жена, крокодила, да съ холодка дай ему водки.

— Нѣтъ, я чаю выпью,—отозвался Останковъ, увидѣвъ на столѣ самоваръ и направляясь къ нему вмѣстѣ съ хозяйкой.

— Это, что!—снова обратился Рязанцевъ къ Курганову.— Бѣляковъ еще почище штуку выкинулъ. У него въ Камышлахъ наводненіе. Ну, потопъ, да и только! Все къ чорту залило. Народъ на крыши повылазилъ и скотину туда же вытащилъ, которая уцѣлѣла. Ждетъ на крышахъ земскаго. Бѣлякова нѣтъ, какъ нѣтъ, и носъ показать боится.

— Водобоязнью страдаетъ,—иронически подсказалъ Кургановъ.

— Именно!—со смѣхомъ подтвердилъ Рязанцевъ.—Наконецъ, ужъ стали стыдить его, а онъ говоритъ: „Да, хорошо, говоритъ, вамъ такъ разсуждать. А я, говоритъ, ужъ просидѣлъ, говоритъ, цѣлую ночь на деревѣ. Лодка въ поймѣ налетѣла на корягу, дно пробило, а до берега далеко. Кое-какъ добрались въ темнотѣ до какого-то дерева и куковали на немъ вплоть до утра“.

Рязанцевъ хохоталъ, качаясь отъ смѣха. Кургановъ вторилъ ему. Смѣялись и всѣ остальные.

— Н...ну,—сквозь смѣхъ продолжалъ Рязанцевъ,—въ концѣ концовъ не ѣхать нельзя. Сталъ искать по всему городу плавательный поясъ, но, разумѣется, какому чорту у насъ

плавательный поясъ понадобится! Такъ онъ у аптекаря досталъ такую гуттаперчевую штуку, круглую, въ родѣ плавательнаго пояса.—Рязанцевъ, залился хохотомъ.

— Не смѣй глупости болтать! — сама хохоча до слезъ, остановила его жена.

— Да я же не виноватъ, что такъ было. Ей-Богу, фактъ! Такъ на этой штукѣ и сидѣлъ все время въ лодкѣ.

Смѣхъ бы долго не умолкъ, но Величкина взволнованно оборвала его замѣчаніемъ:

— А крестьяне въ это время, конечно, голодали и мокли въ водѣ. Это возмутительно!

Всѣмъ сразу стало какъ-то неловко.

Рязанцевъ налилъ себѣ рюмку водки и, прищурясь, долго почему-то смотрѣлъ ее на свѣтъ, сконфуженно бормоча:

— Н-да! Вода надѣлала бѣдъ. Около Пьянаго Бора потопила баржу съ 700 пуд. хлѣба.

Онъ выпилъ водку и запилъ ее глоткомъ чаю.

Кургановъ сталъ разспрашивать его о результатахъ только что бывшаго съѣзда земскихъ начальниковъ, но Андрей Михайловичъ только рукой махнулъ:

— Э, что, батюшка! Все это постройка корабля на морѣ во время бури. Конечно, какъ это у васъ тамъ говорится: „Feci, quod potui"... Но дѣлать-то почти нѣтъ возможности, то и дѣло на подводный камень натыкаешься.

— А вашъ докладъ объ общественныхъ работахъ?—освѣдомился Кургановъ.

— Говорилъ! Цѣлый часъ языкомъ колотилъ о зубы. Да что толку! Постройки волостныхъ амбаровъ для ссыпки хлѣба не добьешься. Вѣдь это позоръ! Красный Крестъ теперь платитъ разнымъ кулакамъ, Стабѣеву, Чернышеву, Чулкову по три копѣйки съ пуда за то только, что у него хлѣбъ въ амбарахъ пробудетъ — самое большее — сутки, пока лошадей смѣнятъ. Осушеніе болотъ, засадка верховьевъ рѣчекъ... Отъ вырубки лѣсовъ у насъ и бѣда вся... А укрѣпленіе овраговъ и лѣсонасажденіе въ оврагахъ! Вѣдь овраги, чортъ знаетъ, сколько земли отнимаютъ у крестьянъ! Рытье канавъ...

Рязанцевъ разставилъ ноги и началъ было ужъ перечислять всѣ предлагаемыя имъ общественныя работы, но Марья Николаевна взмолилась съ шутливымъ ужасомъ:

— Пощади! Извините, господа, онъ просто боленъ своими складами, пріютами и прочее.

— Все это не лишнее знать,—замѣтилъ Кургановъ.

— Да, но это только паліативы, — нерѣшительно замѣтила Величкина.

— Ахъ, господа! Дайте отдохнуть отъ голодающихъ!—

взмолилась Марья Николаевна.—Сыграйте намъ что нибудь, Михаилъ Хрисанфовичъ, вы такъ чудесно играете.

— Нѣтъ, Марья Николаевна, простите, я не могу сегодня.

— Почему именно сегодня? Что съ вами? Въ самомъ дѣлѣ, вы сегодня что-то блѣдны,—замѣтила она, присматриваясь къ Останкову. — Здоровы-ли? Возитесь съ своими тифозными, не бережете себя.

— Просто, ѣсть скверно,—отвѣтилъ за него Рязанцевъ и, поблескивая глазами на Величкину, добавилъ:—Нѣтъ, вотъ у насъ вчера была барышня, фельдшерица изъ голодоморокъ... Я приглашаю ее обѣдать, а она совершенно серьезно мнѣ отвѣчаетъ: „Благодарю васъ, я вчера у Сергѣева обѣдала“...

Величкина покраснѣла и, застѣнчиво улыбаясь, виновато отвѣтила:

— Это я просто по разсѣянности сказала.

— И вовсе не по разсѣянности!—вступилась Марья Николаевна, обнимая Величкину. — Я отлично знаю, что вы далеко не каждый день обѣдаете.

— Ну, да, иной разъ бываетъ некогда. Поневолѣ забудешь. Да и не хочется ѣсть.

— Нѣтъ, положимъ, Вѣра Михайловна изъ принципа не ѣсть,—поддразнилъ Величкину Кургановъ.

— Или ѣсть конину!—подхватилъ Рязанцевъ.

— А что-жъ, — въ смущеніи надѣвая пенснэ, отвѣтила она.—Конечно, стыдно какъ-то ѣсть хорошій обѣдъ, когда знаешь, что другіе отъ голода пухнутъ... Что касается конины, я ѣла и ее. Ѣдятъ-же татары.

— Милая вы, милая!—съ нѣжностью поцѣловала ее Марія Николаевна и снова обратилась къ Останкову: — Но вы положительно не нравитесь мнѣ сегодня. Что съ нимъ?—спросила она за одно Курганова.

— У него нервы,—съиронизировалъ Кургановъ и зажегъ спичку, чтобы закурить.

Задѣтый за живое иroніей Курганова, Останковъ не выдержалъ и отвѣтилъ, ни на кого не глядя:

— У моей невѣсты умеръ отецъ.

Кургановъ забылъ о спичкѣ, такъ что она едва не обожгла ему пальцы, и нашелся только пробормотать:

— Вотъ какъ.

Остальные, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, сдѣлали участливыя лица.

— Значитъ, она пріѣдетъ сюда? — спросилъ Кургановъ, снова пытаясь закурить папиросу.

— Да,—продолжалъ Останковъ съ невольнымъ раздраженіемъ: — Она ѣдетъ сюда. Думаетъ заглушить здѣсь свое личное горе... Это та дѣвушка, — пояснилъ онъ Рязанце-

вымъ, — деньги которой я уполномоченъ передать на вашъ пріютъ.

Послѣднія слова вырвались у него какъ-то сами собой. Онъ не забылъ обѣщанія, даннаго Ольгѣ, не поминать ея имени, но не могъ сдержаться при Кургановѣ.

По лицу Курганова прошло загадочное облако.

— Да, но теперь мы подождемъ брать эти деньги до ея пріѣзда,—деликатно замѣтила Марья Николаевна.

— Конечно! Конечно!—подтвердилъ ея мужъ, но тутъ же не выдержалъ и воскликнулъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Право, знаете, это чудо какое-то! Такъ неожиданно осуществилась моя мечта! Я ей ножки поцѣлую за эту жертву и пріютъ назову ея именемъ. Поздравляю васъ съ такой невѣстой.

— Несомнѣнно, это свѣтлая личность въ наше время! — съ чувствомъ подтвердила Величкина.—И она права: здѣсь, гдѣ столько горя, стыдно думать о своихъ личныхъ потеряхъ и утратахъ.

Кургановъ наклонился надъ лампой, нахмуривъ брови, и тѣнь его усовъ закрыла ротъ. Потомъ, неожиданно для всѣхъ, онъ всталъ и, какъ-то неестественно заспѣшивъ, сталъ прощаться съ хозяйкой.

Та изумленно на него взглянула, потомъ вопросительно перевела глаза на мужа.

— Что тако-о-е?! — складывая на груди руки, протянулъ тотъ, изумленно глядя на Курганова.

— Мнѣ необходимо,—твердо отвѣтилъ Кургановъ.

— Да за кого вы меня считаете, чтобы я васъ ночью, по такой дорогѣ отпустилъ домой. Вы въ Зажорахъ утонете.

— Это безуміе! Вы переночуете у насъ!—протестовала и Марья Николаевна.

— Нѣтъ, благодарю васъ, Марья Николаевна. Никакъ нельзя. Мнѣ завтра утромъ нужно быть въ Кармалахъ.

— Но до этой минуты вы не помнили о Кармалахъ.

Кургановъ неестественно разсмѣялся.

— Забылъ. А сейчасъ вспомнилъ.

Сколько ни упрашивали жена и мужъ, Кургановъ стоялъ на своемъ.

— Да вы хоть поужинайте.

— Благодарю васъ. Я вчера ужиналъ,—взглянувъ на Величкину, пробовалъ пошутить Кургановъ, но шутка не вышла, и хозяева, почти обиженные, стали прощаться съ нимъ.

Останкова вдругъ точно подтолкнуло что-то. Онъ тоже поднялся съ мѣста и съ неловкой улыбкой подошелъ къ хозяйкѣ.

— Я тоже долженъ ѣхать, Марья Николаевна.

Та окончательно растерялась.

— Что же это такое! Я ничего не понимаю, господа. Андрей Михайловичъ!..

Тотъ только пожалъ плечами и развелъ руками.

— Я тоже ничего не понимаю. Обидѣли, что-ли, мы васъ чѣмъ нибудь?

— Полно, что вы... какія обиды... Мнѣ тоже надо.

— Но вамъ вѣдь ѣхать-то въ разныя стороны... Тутъ что-то не такъ...

Даже Величкина была изумлена и не знала, оставаться-ли ей также въ этомъ домѣ.

— Ну, хотите, я бородой своей поклянусь, что мнѣ необходимо!—воскликнулъ Кургановъ.

— Увѣряю васъ и мнѣ тоже. Къ тому-же, настроеніе мое... Живу я недалеко... Отлично проѣдусь.

— Просто вы сговорились обидѣть насъ!—рѣшила хозяйка.—Вы то, Вѣра Михайловна, по крайней мѣрѣ, останетесь?

— Разумѣется, останется!—рѣшилъ за Величкину Кургановъ.

— Да... Я останусь,—нерѣшительно отозвалась Величкина.

— Ну, что-жъ... ничего не подѣлаешь,—заключили Рязанцевы и стали провожать гостей съ крайнимъ недоумѣніемъ, обязавъ ихъ, однако, словомъ, что они пріѣдутъ разговляться.

На этомъ примирился и Андрей Михайловичъ, но и на крыльцѣ не переставалъ выражать имъ свою обиду. Даже, когда они сѣли на лошадей, онъ еще разъ попытался уговорить ихъ.

— Да останьтесь-же, чортъ побери.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ...

— Точно Ленскій и Онѣгинъ передъ дуэлью. „Нѣтъ—Нѣтъ"! передразнилъ онъ:—Ну, и шутъ съ вами, если такъ...

Онъ нѣкоторое время смотрѣлъ имъ вслѣдъ, а затѣмъ пошелъ въ комнаты. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ въ кухню и провожавшій съ фонаремъ мужикъ. Фонарь качался у мужика въ рукѣ, и длинная уродливая тѣнь его металась по мерзлой землѣ и по остеклянѣвшей лужѣ недалеко отъ крыльца.

Нѣкоторое время Кургановъ и Останковъ ѣхали молча, точно ихъ подчиняла себѣ весенняя ночная тишина, въ ко-

торой, однако, монотонно и мягко что-то звенѣло, бурлило, вздыхало.

Печально и кротко свѣтились звѣзды, и на степной дорогѣ, подъ этими кроткими звѣздами, двѣ лошади, шедшія рядомъ, казались чѣмъ-то удивительно роднымъ ей. Ихъ, вмѣстѣ съ всадниками, можно было бы даже принять за ночныя тѣни, если бы грязь не хлюпала подъ четырьмя парами ногъ, да иногда не слышалось нетерпѣливаго фырканья лошади, которой брызги попадали въ ноздри.

— Послушай, Кургановъ,—не выдержалъ Останковъ молчанія.—Я не хотѣлъ начинать съ тобою объясненія тамъ, при постороннихъ людяхъ, и потому поѣхалъ за тобою.

— Какое тамъ объясненіе!—нетерпѣливо и насмѣшливо протянулъ тотъ.

— Ты самъ знаешь.

— Я не отгадчикъ сновъ...

— Видишь-ли,—не обращая вниманія на его замѣчаніе, продолжалъ Останковъ:—Я не ради ссоры затѣваю это объясненіе и, если бы не уважалъ тебя...

— Очень польщенъ твоимъ уваженіемъ.

— Оставь на этотъ разъ свою иронію. Я увѣренъ и даже вижу ясно, что ты въ моемъ уваженіи не нуждаешься.

— А ты въ моемъ нуждаешься?—рѣзко оборвалъ его Кургановъ.

— Видишь-ли, я подожду давать тебѣ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Можетъ быть, потому, что я самъ еще не знаю этого хорошенько, но, вѣроятно,—да!..—чувствуя особенный приливъ искренности и незлобія, проговорилъ Останковъ...

Кургановъ ничего не отвѣтилъ, но Останкову показалось, что онъ какъ-то насмѣшливо-презрительно усмѣхнулся вслухъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе въ сѣдлѣ, такъ что онъ представлялъ себѣ ясно его лицо и даже—выраженіе его умныхъ, но недобрыхъ глазъ. Однако, Кургановъ не спѣшилъ избавиться отъ Останкова, и лошадь его шагала рядомъ, въ ногу съ лошадью его спутника, прямо и ловко державшагося въ сѣдлѣ. Останковъ помолчалъ немного и затѣмъ договорилъ свою мысль:

— Вѣроятно, если бы я не нуждался въ твоемъ уваженіи, меня, не скажу—оскорбляло, но такъ не волновало бы твое отношеніе ко мнѣ.

— Ты, вѣрно, въ манежѣ учился верхомъ ѣздить!—совершенно неожиданно сказалъ Кургановъ, оглядывая товарища вмѣстѣ съ лошадью.

— Въ манежѣ,—машинально отвѣтилъ Останковъ, опѣшивъ отъ этого не идущаго къ дѣлу, нелѣпаго вопроса.

— То-то, у тебя посадка такая гордая. А я такъ въ дѣтствѣ у дяди на почтовой станціи выучился верхомъ ѣздить. Не хочешь-ли со мной перегоняться?

— Какъ перегоняться?

— Да такъ, очень просто. Вотъ такъ... свиснемъ лошадей нагайками, да и ринемся впередъ... въ темноту... До тѣхъ поръ, пока лошадей не загонимъ, или не сорвемся куда-нибудь къ чорту... въ яму!

Останковъ глядѣлъ на него во всѣ глаза. Кургановъ сверкнулъ глазами и расхохотался...

— Что?.. Дикая мысль, скажешь... Ха-ха-ха... То-то и оно... Дикая!

Останковъ ничего не понималъ изъ того, что говорилъ Кургановъ. Ему просто это показалось неловкимъ пріемомъ, чтобы оборвать разговоръ. Онъ закусилъ губу и продолжалъ не сразу.

— Н...да, такъ вотъ... Я, видишь-ли, могъ бы истолковать твою непріязнь ко мнѣ по своему,—не сдержался онъ, чтобы ни уколоть Курганова, и испытующе посмотрѣлъ на его склоненную къ лукѣ, немного сутуловатую фигуру.—Ты догадываешься, о чемъ я говорю.

Тотъ повернулся въ сѣдлѣ и, въ свою очередь, смѣрилъ взглядомъ Останкова. Въ темнотѣ они едва различали другъ друга, но голоса ихъ выдавали ихъ ясно.

— Да... догадываюсь,—протянулъ Кургановъ.—Что-жъ изъ того послѣдуетъ? Не вызовешь-ли ты меня на дуэль? Не признаю этого благороднаго способа сводить счеты. Моя жизнь можетъ понадобиться на что-нибудь болѣе интересное, чѣмъ твоя пуля.

— Кургановъ!—побороввъ накипѣвшую обиду, воскликнулъ Останковъ.—Кургановъ! Повторяю тебѣ, я не ради ссоры началъ это объясненіе.

Онъ опять почувствовалъ приливъ великодушія и взволнованно продолжалъ:

— Я не знаю, о какихъ счетахъ ты говоришь, но я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что обстоятельство, на которое я намекнулъ... я каюсь... оно сорвалось у меня съ языка... Ну, словомъ, это обстоятельство второстепенное. Дѣло, конечно, не въ немъ... Ты слишкомъ крупный человѣкъ для этого... Послушай... Мы скоро разстанемся съ тобой и, можетъ быть, никогда не увидимся. Каждый изъ насъ будетъ жить своею жизнью. Но мнѣ бы не хотѣлось почему-то... самъ не знаю почему... входить въ эту новую жизнь съ загадкой, которая чувствуется между нами... Мнѣ кажется, что въ ней есть что-то важное... Очень важное и значительное. Можетъ быть, я ошибаюсь. Можетъ быть, это только недоразумѣніе.

Какъ бы то ни было, я бы все это хотѣлъ знать на чистоту.

Они уже подъѣзжали къ перекрестку, откуда дороги ихъ расходились въ разныя стороны. Дорога Останкова шла налѣво, а Курганова—прямо. Уже за нѣсколько шаговъ впереди обѣ дороги трудно было различить въ темнотѣ. Можно было только догадываться о нихъ по остеклянѣвшимъ лужамъ, въ которыхъ отражались звѣзды.

Направо отъ перекрестка, на холмѣ смутно рисовался крестъ чьей-то забытой могилы: кто-то, когда-то былъ убитъ здѣсь. Кургановъ остановилъ свою лошадь, повернулся въ сѣдлѣ бокомъ и, не сводя глазъ съ Останкова, покрутилъ поводомъ, облокотился почти на шею лошади и проговорилъ:

— Слушаю я тебя, Останковъ, и удивляюсь. Чего ты ребячишься?

Останковъ изумленно поднялъ голову. Кургановъ продолжалъ небрежно:

— Человѣкъ, кажется, взрослый, а тѣшишь себя, какъ младенецъ. Сосешь свой собственный палецъ и самъ собой въ это время любуешься, умиляешься... Того гляди, плакать отъ самоуслажденія начнешь. Рѣшительно тебѣ никакого дѣла нѣтъ ни до моего уваженія, ни до моего чувства, но тебя оскорбляетъ, хоть ты и отрицаешь это, что я не съ достаточнымъ почтеніемъ отношусь къ тому, какъ ты чувствительно палецъ сосешь. Даже загадку какую-то желаешь видѣть въ этомъ.

Останковъ почувствовалъ, какъ ему бросилась въ голову кровь, но ничего не сказалъ, а только, презрительно улыбнувшись, принялъ ту-же позу, что и Кургановъ, приготовляясь слушать его. Кургановъ продолжалъ насмѣшливо:

— Я вѣдь знаю... Ты сейчасъ думаешь, что я не въ состояніи возвыситься до тебя и оцѣнить всю доброту и отзывчивость твоей души. Какъ-же! Человѣкъ пріѣхалъ сюда съ самыми великодушными намѣреніями. Даже не на шутку расквасился сначала, глядя, какъ люди пухнутъ и гніютъ отъ голода, и за то сталъ еще больше уважать себя. „Вотъ—молъ,—какой я чувствительный и добрый“! Не отрицаю. Только доброта-то твоя черезчуръ ужъ барская. Ты ужаснулся язвъ народныхъ, которыя открылись передъ тобою, но ужаснулся, не любя тѣхъ, кто погибаетъ отъ этихъ язвъ, иначе не сталъ бы такъ настойчиво требовать отъ меня реверансовъ за свою чувствительность и такъ много говорить объ этихъ язвахъ. Воображаю, какъ ты расписывалъ все это въ посланіяхъ туда! Бумага кровью обливалась!

— Что же тутъ преступнаго?—вызывающе спросилъ Останковъ.

— О, конечно, ничего!—фыркнулъ Кургановъ и съ внезапно-вспыхнувшимъ негодованіемъ горячо и ѣдко подхватилъ:—Въ острогъ за это не посадятъ. Но только какъ-же это ты, при своихъ-то тонкихъ чувствахъ, не догадался, что краснорѣчивыя описанія эти... имѣютъ, какъ-бы тебѣ это поделикатнѣе сказать... имѣютъ пренепріятный душокъ. Не догадываешься, какой? А вотъ какой: будь эти язвы у существа близкаго тебѣ, даже просто,—по твоему понятію,—равнаго тебѣ,—ты бы не сталъ ихъ въ подробностяхъ расписывать. А тутъ какъ-же удержаться при столь благодарномъ сюжетѣ, чтобы всю свою чувствительность не высказать! Чувствуешь ли ты, какое униженіе для народа кроется въ твоемъ отношеніи къ нему?

Останковъ хотѣлъ что-то возразить, но Кургановъ строго, почти грозно прервалъ его:

— Стой! Ты хотѣлъ все на чистоту знать, я тебѣ на чистоту всё и выкладываю. Ты готовъ возразить мнѣ, что не одной чувствительностью да краснорѣчіемъ проявляешь свое отношеніе къ народу. Гм... Великая заслуга, что ты лѣчишь его. И собаку паршивую съ сломанной ногой, когда она около твоего крыльца валяется, и ту лѣчить станешь, хотя бы для того, чтобы она не стонала такъ жалобно и въ свою конуру уволоклась съ твоего крыльца. Ромула и Рема волчица вскормила, такъ ее до сихъ поръ чтутъ, и въ римскомъ гербѣ она красуется. А народъ нашъ, вскормившій насъ, такой же человѣкъ, какъ мы, валяется въ грязи, во тьмѣ, голодный и гніющій, въ невыразимомъ униженіи...

Голосъ Курганова звенѣлъ все выше и выше и оборвался какъ-то рѣзко и пронзительно, точно лопнула туго натянутая струна. Онъ уже давно выпрямился въ сѣдлѣ и казался Останкову въ темнотѣ, вмѣстѣ съ лошадью, большимъ и грознымъ, такъ что тотъ, пораженный этимъ впечатлѣніемъ, едва понималъ его слова... Но негодующій тонъ этихъ словъ хлесталъ его прямо по сердцу. Было въ этомъ тонѣ что-то до того мучительное и наболѣвшее, что Останковъ безотчетно прощалъ товарищу всю несправедливость къ себѣ и даже чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ. Въ эту минуту онъ дорого бы далъ за то, чтобы Кургановъ протянулъ ему руку, какъ другу, какъ брату, и сказалъ бы что-нибудь вродѣ того, что былъ неправъ къ нему и вѣритъ въ чистоту и искренность его чувствъ къ народу, или что-нибудь вродѣ этого. Но непремѣнно что-нибудь привѣтливое, примиряющее и теплое.

Вмѣсто этого, Кургановъ повернулъ свою лошадь и щелкнулъ въ воздухѣ нагайкой. Лошадь испуганно рванулась въ темноту, стукнула копытами о подмерзлую землю разъ...

другой... Лошадь Останкова также рванулась было за ней, но онъ ее удержалъ. Затѣмъ, копыта Кургановской лошади зачмокали въ грязи и въ водѣ. Силуэтъ коня и всадника замелькалъ на дорогѣ все смутнѣе и смутнѣе, но, когда онъ совсѣмъ уже пересталъ быть виденъ, стукъ и плескъ все еще долетали до Останкова, а лошадь его торопливо и нервно поводила головой, повернувъ ее влѣво, и прядала ушами, видимо, чутко прислушиваясь къ глохнущимъ вдалекѣ звукамъ.

Наконецъ, Останковъ опомнился, и у него вырвался крикъ:

— Кургановъ!

Слышалъ-ли Кургановъ этотъ крикъ, неизвѣстно, но стукъ лошадиныхъ копытъ совсѣмъ затихъ, и одинокій человѣческій голосъ странно прозвучалъ въ степной ночной тишинѣ подъ высокимъ куполомъ неба, тлѣющимъ звѣздами, какъ разсѣянными углями.

Останкову вдругъ стало невыразимо грустно, одиноко и жалко себя. Онъ не зналъ, зачѣмъ окрикнулъ Курганова и что сказалъ бы ему, но ему было обидно, что тотъ такъ жестоко и грубо поступилъ съ нимъ. Взглянувъ случайно на крестъ, темнѣвшій при дорогѣ, онъ почему-то вздрогнулъ, тихо тронулъ лошадь, наклонился къ лукѣ и шагомъ поѣхалъ домой.

II.

На другое утро все происшедшее показалось Останкову чѣмъ-то нелѣпымъ, дикимъ и, главное, незаслуженно обиднымъ. Но утро было радостное, солнечное, скворцы такъ весело трещали вокругъ, что Останковъ недолго думалъ о Кургановѣ. Кромѣ того, у него передъ Пасхой такъ много скопилось дѣлъ, что и некогда было останавливаться на этихъ мысляхъ. Онъ получилъ наканунѣ изъ М—ка огромный тюкъ разнаго платья и бѣлья, стараго и новаго, доставленнаго дамскимъ комитетомъ. Все это надо было раздать голой деревнѣ. Затѣмъ изъ канцеляріи были получены спеціальныя инструкціи касательно праздничной помощи голодающимъ. Наконецъ, и самъ Останковъ рѣшилъ не пожалѣть денегъ, чтобы скрасить въ своемъ участкѣ голодную нужду. Онъ съ дѣтства любилъ этотъ праздникъ и хотѣлъ видѣть вокругъ себя, хоть на нѣсколько часовъ, довольныя лица.

Въ его участкѣ было нѣсколько татарскихъ деревень; но чтобы имъ не было завидно, онъ и имъ рѣшилъ помочь. Была у Останкова и еще одна мысль, которая свѣтлой нитью

вплеталась во всѣ эти соображенія: мысль о пріѣздѣ Ольги. Надежда на ея пріѣздъ сплелась у него съ ожиданіемъ свѣтлаго праздника... Съ минуты на минуту онъ ждалъ телеграммы о выѣздѣ ея.

Его самого и забавляла, и чрезвычайно трогала та радость, съ которой народъ встрѣчалъ праздничные подарки и разныя мелочи для ознаменованія праздника. И чѣмъ яснѣе Останковъ чувствовалъ такое настроеніе, тѣмъ миролюбивѣе вспоминалъ злую и негодующую рѣчь Курганова. „Пусть думаетъ, что я это дѣлаю ради самолюбованія и еще тамъ чего-то“, съ улыбкой думалъ Останковъ. „Я-то знаю, что онъ не правъ, или почти не правъ“.

И, чтобы уничтожить окончательно всякую тѣнь сомнѣнія въ этомъ, Останковъ выбивался изъ силъ, стараясь вездѣ успѣть все сдѣлать. По счастью, дни стояли удивительно теплые, ясные. Зажоры по дорогамъ быстро превращались въ лужи, снѣгъ, даже въ низинахъ, стаялъ и держался только по оврагамъ, гдѣ шумно гремѣли буйные ручьи. Теплымъ душистымъ паромъ задымилась влажная разопрѣвшая земля, наивно зеленѣя и бархатясь проглянувшими озимями и травкой, въ которой закачались по вѣтру фіолетовые колокольчики. Воздухъ звенѣлъ отъ пѣнія жаворонковъ и свиста разной птицы, и кое-гдѣ заблестѣла соха, поднимая черную влажную землю, въ которой таилась жизнь и судьба милліоновъ людей.

Съ какимъ-то особеннымъ, въ первый разъ посѣтившимъ его чувствомъ, суевѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйнымъ, онъ глядѣлъ на эту землю, какъ-бы инстинктивно ощущая въ ней ея собственную живую душу, ея собственную капризную и могучую волю, въ глубину которой иногда ему такъ хотѣлось проникнуть и постичь ея вѣчную тайну.

Вотъ она — эта сила, молчаливая и загадочная, которая захочетъ — осчастливитъ крестьянина, захочетъ — погубитъ его.

Иногда ему казалось, что онъ начинаетъ понимать землю: тамъ, гдѣ чернѣли пары, она казалась ему скупой и жестокой, а гдѣ зеленѣла озимь—привѣтливой, любящей, доброй. Сколько глазъ, несравненно болѣе близкихъ землѣ, чѣмъ его, глядѣли на нее съ надеждой и страхомъ со всѣхъ сторонъ, стараясь растрогать ея окаменѣвшее сердце жалобами и молитвами, которыя сводились къ нѣсколькимъ словамъ: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Сколько измученныхъ душъ хотѣли вырвать у нея и у неба, точно сговаривавшагося съ нею вдали, гдѣ они сливались вмѣстѣ, тайну ихъ собственнаго недалекаго будущаго. Но иныхъ тайнъ

у нея не было, кромѣ тайны урожая и неурожая, жизни и смерти, а эта тайна разрѣшалась часто такъ же просто, какъ проста стихія. Да и сама земля-то—что же, какъ не стихія! Такова же и жизнь людей, находящихся въ зависимости отъ стихіи.

И чѣмъ больше Останковъ думалъ о силѣ земли, тѣмъ страшнѣе становилось ему за людей, которые находились въ зависимости отъ этой стихіи и отъ той, что смотрѣла съ необъятной голубой высоты,—тѣмъ чаще вспоминался ему обрывъ ночью, гулъ моря внизу и шумъ городской жизни, похожій на шумъ гигантской кузницы или завода.

Каждая пядь земли была насущнымъ хлѣбомъ для человѣка, оттого онъ такъ и берегъ ее, уступая только по крайней необходимости узкимъ полосамъ дорогъ, извивавшихся, какъ кровеносныя вены, по огромному живому тѣлу.

Проѣзжая по Стобѣевской плотинѣ, Останковъ слышалъ, какъ шумѣла полая вода, а внизу шумѣла и охала мельница о двѣнадцати поставахъ, которой эта вода покорно служила. Это сочетаніе сразу представилось ему, какъ готовый символъ: деревня и городъ. Но ироническое лицо Курганова тутъ-же стало передъ нимъ, и Останкову стало неловко за это сравненіе, точно онъ самъ себя поймалъ на фальшивой и нечестной выходкѣ, которая вполнѣ объясняла негодованіе Курганова.

Отъѣхавъ верстъ пять отъ Языкова, Останковъ первый разъ увидѣлъ пашущаго мужика. Босой, въ пестрядиной рубахѣ и портахъ, мужикъ шелъ за сохой, которую еле тащила, покачивая головою, худая лошаденка. И эта картина неба, земли и мужика съ лошадью и сохой производила такое цѣльное, отрадное впечатлѣніе, что Останковъ залюбовался ею, не смотря на свои печальные выводы, и не могъ не подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ ямщикомъ.

— Знамо, — отвѣтилъ тотъ, по своему ухвативъ его мысль,—безъ мужика земля, что лодка безъ руля, а безъ лошади мужикъ, что безъ ума языкъ.

Лошадиный вопросъ, дѣйствительно, стоялъ теперь въ деревнѣ на первомъ планѣ. Лошадей обѣщали, но до сихъ поръ ихъ еще не было, и Останкову часто приходилось слышать отъ безлошадныхъ горькія слова: „Лучше ты меня не корми и не лѣчи, а замѣсто того лошадь дай, тогда я, Богъ дастъ, самъ управлюсь. А безъ лошади ты меня нынче накормишь, а завтра мнѣ, все едино, помирать надо. Что нашъ братъ безъ лошади“?

Останкову самому крестьянинъ представлялся чѣмъ-то вродѣ центавра, у котораго туловище лошадиное, а голова человѣчья.

— А у васъ сильный падежъ скота былъ? — спросилъ Останковъ ямщика.

— Былъ,—коротко отвѣтилъ тотъ,—у нашихъ православныхъ больше, потому какъ татаринъ чуть увидитъ—лошадь околѣвать собирается, сейчасъ заколетъ и сожретъ ее. Хорошо еще, зима была для скота милостивая: снѣга немного, да часто таялъ. На подножномъ корму кое-какъ скотина держалась. Эхъ, много пустой земли нонѣ останется!—съ сокрушеніемъ закончилъ онъ, указывая кнутовищемъ на незасѣянную землю.

— Почему пустой?

— Да по разнымъ случаямъ. У насъ, въ Новомайковской волости зерна не хватило. Изъ тысячи десятинъ—десятинъ двѣсти незасѣянными остались.

— Но вѣдь земство давало вамъ ссуду на обсѣмененіе полей?

— Да сколько оно давало-то? Шесть пудовъ овса, а проса полтора пуда на десятину. Развѣ этого хватитъ? Овса надо не меньше восьми пудовъ, а просомъ меньше двухъ пудовъ съ лишнимъ не обойдешься.

— Говорятъ, нѣкоторые сѣмена-то продавали?

— Продашь, коли жрать нечего! Да только такихъ продавцевъ мало. Кто себѣ врагъ? Многіе потому еще не обсѣваются, что больные лежатъ. Работниковъ въ домѣ нѣтъ, а кому нынче въ силу четыре съ полтиной работнику за десятину заплатить!

Они ѣхали теперь большимъ трактомъ, представлявшимъ мѣстами сплошную старую березовую аллею. По пути имъ встрѣтилась большая партія лошадей, сопровождаемая гонщиками-киргизами въ мохнатыхъ шапкахъ, съ длинными арканами для ловли убѣгающихъ коней, съ красными флагами, которые сверкали на солнцѣ, какъ пламя.

Но куда ужъ было бѣжать конямъ! Понуривъ головы и опустивъ уши, лошади тянулись, какъ стада овецъ, отставая отъ наиболѣе бодрыхъ передовыхъ. Въ воздухѣ свисталъ и щелкалъ длинный кнутъ погонщика, впиваясь въ облѣзлую, исполосованную шкуру.

Останковъ еще отъ Данилина слышалъ, что въ Белебеѣ, куда доставили лошадей изъ Сибири въ нѣсколькихъ вагонахъ, оказалось, что въ дорогѣ лошадей не кормили и даже не поили въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Онѣ обглодали деревянную обшивку въ вагонахъ и напоминали скелеты. Иныя лошади даже падали, такъ что ветеринары для ободренія ихъ вливали имъ въ ротъ водку, и мужики, которымъ эти лошади доставались, увозили ихъ съ плачемъ домой на саняхъ. Много лошадей пало. Между тѣмъ, въ партіи

были превосходныя по своей породѣ лошадки, цѣна которыхъ раза въ три-четыре превосходила назначенную. Но эти лошади не особенно нравились крестьянамъ, такъ какъ чаще всего не годились для пашни.

— Вамъ лошади?—спросилъ Останковъ мужика.

— Нѣтъ, не намъ. Это въ Вятскую губернію. Лошади намъ позже придутъ, а покуда земство на нашъ уѣздъ, слышно, четыреста лошадей купило и будетъ скоро раздавать.

— На какихъ условіяхъ?

— На тѣхъ же, что и казенныя: за 25 цѣлковыхъ съ разсрочкой на пять лѣтъ, значитъ. Льготно, что и говорить. Да и способнѣе онѣ для насъ, лошади-то, чѣмъ казенныя.

Свернувъ съ большого тракта, лошади вступили въ густой боръ. Стройныя сосны и ели, по которымъ скользили синія весеннія тѣни, высоко взносили свои верхушки. Не было ничего печальнѣе этихъ зеленыхъ деревьевъ, не знающихъ ни радости, ни страданія окружающей жизни. Глаза уставали отъ этихъ безжизненныхъ стѣнъ, которыя пахли какъ-то особенно грустно, смѣшивая свой смолистый ароматъ съ запахомъ сырой земли и, въ общемъ, напоминая запахъ свѣжеразрытой могилы.

Даже бубенчики здѣсь гудѣли какъ-то глуше и сдержаннѣе.

Но вотъ, боръ кончился. Передъ глазами спокойно и широко развернулась гладкая, кое-гдѣ зеленѣющая степь, а по ней разбѣжались безконечныя дороги. Колокольчики зазвонили совсѣмъ иначе, чѣмъ въ бору. Отъ нихъ уже отдѣлялось внятное и ровное гудѣніе, похожее на гудѣніе далекаго парохода.

Дорога разматывалась за колесами, и позади, въ теплой фіолетовой дымкѣ все туманнѣе становился боръ. Останковъ взглянулъ направо и удивленно указалъ ямщику:

— Что такое? Откуда тамъ взялась рѣка?

Останковъ указалъ въ убѣгающую даль. Тамъ, въ этой дали, отчетливо виднѣлись черезъ всю ровную, какъ скатерть, степь мягкіе силуэты церкви, мечети, вѣтрянныхъ мельницъ и избъ, обсаженныхъ кое-гдѣ старыми деревьями, какъ будто упиравшимися въ небо. Вся эта деревня отражалась въ свѣтло голубой рѣкѣ, струившейся широкой лентой у ея ногъ. Останковъ отчетливо видѣлъ и эту рѣку, и отраженіе въ ней, не говоря уже о зданіяхъ и деревьяхъ, которыя справа казались затопленными водою.

— Да это не рѣка совсѣмъ,—улыбнулся ямщикъ.—Просто паръ отъ земли поднимается. Скрозь него и видно все.

Подъ вліяніемъ ровной и ясной степной шири, на кото-

рой стояла благодатная, цѣлительная тишина и покой, утихала и прояснялась душа, забывая о своихъ и чужихъ невзгодахъ и огорченіяхъ. Колокольчики пѣли, заглушая невидимыхъ жаворонковъ, сѣявшихъ съ неба свое серебристое пѣніе. Вдругъ Останковъ увидѣлъ, какъ около его плетенки безпомощно и испуганно метнулась птичка, едва не задѣвъ его крыломъ, нырнула возлѣ лошадей и снова метнулась къ Останкову, будто ища у него защиты. Ямщикъ замахалъ руками и кнутомъ и неистово загикалъ на кого-то, а вслѣдъ затѣмъ мимо нихъ проскользнулъ на острыхъ широкихъ крыльяхъ коршунъ, со свистомъ разрѣзавъ воздухъ; скользнулъ красиво и важно, какъ бы забавляясь и рисуясь своей свободой низко надъ землей, а затѣмъ, легко и смѣло метнувшись кверху, сталъ плавно подниматься, оставивъ въ покоѣ перепуганную на смерть печужку, кружа выше и выше.

— Ахъ ты, дьяволъ!—выругалъ степного хищника ямщикъ.—Вотъ бы тебя изъ ружья срѣзать, зналъ бы, какъ малыхъ птичекъ обижать. Ну, милые конечки, степные вѣтерочки, выносите скорѣе. Деревня близко!—неожиданно крикнулъ онъ.

Однако, степные вѣтерочки, у которыхъ отъ плохой кормежки бока подвело до того, что сквозь шерсть, лѣзшую клоками, можно было пересчитать всѣ ребра, бѣжали довольно слабо, не смотря на порядочную дорогу и близость деревни.

Пришла страстная суббота, а телеграммы отъ Ольги все не было. Останковъ очень былъ огорченъ, что придется встрѣтить праздникъ безъ нея. Однако, до поздняго вечера онъ все ждалъ ее съ минуты на минуту, вздрагивая и бросаясь къ крыльцу при всякомъ звонѣ бубенчика. Наконецъ, потерявъ всякую надежду, онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ, какъ обѣщалъ, къ Рязанцовымъ.

Тамъ онъ засталъ уже довольно большую компанію. Кромѣ тѣхъ, что были въ прошлый разъ, т. е. Курганова и Величкиной, онъ нашёлъ чахоточнаго земскаго врача Березовскаго, двухъ сестеръ милосердія и худощаваго невысокаго господина въ очкахъ съ немного удлиненнымъ, нервнымъ лицомъ, съ рѣдкой бѣлокурой бородкой, которую онъ, то и дѣло, пощипывалъ сухими и тонкими пальцами. Это былъ корреспондентъ довольно распространенной столичной газеты, по фамиліи Римскій.

Вся квартира Рязанцевыхъ въ этотъ вечеръ была особенно уютна и свѣжа. На окнахъ, столахъ и даже стѣнахъ много бѣлаго. Даже цвѣточные горшки были обернуты бумагой съ фестонами.

Марья Николаевна тоже была въ бѣломъ платьѣ; Величкина—въ свѣтло-голубой кофточкѣ, а сестры въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ чепчикахъ и передникахъ съ изображеніемъ краснаго креста. Гости тоже были одѣты лучше обыкновеннаго, только докторъ жался въ своемъ потертомъ сюртукѣ, видимо стѣсняясь его.

Въ столовой виднѣлся столъ, уставленный по пасхальному.

—Михалъ Хрисанфычъ опоздали,
А мы васъ ждали, ждали, ждали!—

по обыкновенію смѣясь, встрѣтилъ его Рязанцевъ.

— Одинъ?—разочарованно протянула Марья Николаевна, съ любопытствомъ посмотрѣвъ въ переднюю въ ожиданіи еще кого-то.

— Пріѣдетъ не нынче, завтра,—увѣренно отвѣтилъ Останковъ, зная, о комъ спрашиваютъ.

Его не то что стѣсняла, а скорѣе интересовала встрѣча съ Кургановымъ, но тотъ, на минуту оторвавшись отъ бесѣды и, какъ показалось Останкову, безпокойно бросивъ взглядъ въ переднюю, поздоровался съ нимъ вскользь, какъ ни въ чемъ не бывало. Къ тому же въ это время Кургановъ былъ занятъ споромъ съ корреспондентомъ, который, переминаясь съ ноги на ногу, заложивъ руки въ карманы и вытянувъ шею, ораторствовалъ, ища одобренія то у внимательно слушавшей Величкиной, то у доктора, который, обнявъ худое колѣно, смотрѣлъ на спорщиковъ.

— Такъ оно и должно быть! Такъ оно и должно быть! Во-первыхъ, это историческій законъ, во-вторыхъ... Очень радъ познакомиться...—прерывая рѣчь и сразу измѣнивъ голосъ, быстро выпалилъ онъ, обернувшись къ Останкову, и, бѣгло пожавъ ему руку, продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прежнимъ высокимъ тономъ.—Во вторыхъ, деревнѣ ничего больше не остается, какъ идти на фабрику.

— Позвольте. Но если всѣ уйдутъ на фабрику, кто-жъ тогда будетъ хлѣбъ сѣять?—вступилъ въ споръ Рязанцевъ.

Римскій вѣжливо принялъ это возраженіе за шутку, снисходительно улыбнулся и также шутливо, въ тонъ ему, добавилъ.—И подати платить?.. Не правда ли? Было бы болото... т. е. виноватъ, была бы земля, а сѣятели найдутся.

— Дѣло не въ томъ,—горячо подхватилъ Рязанцевъ.—Пока вы тамъ насчетъ философіи спорили... экономическіе факторы... историческіе законы... Марксы и Энгельсы... я не вступалъ въ разговоръ... А ужъ мужикъ да деревня... Это, извините, у меня вотъ гдѣ сидитъ!

Онъ похлопалъ при этомъ себя по сильной шеѣ и продолжалъ:

— Вы говорите: была бы земля. А вонъ въ Ожоговской волости крестьяне одолѣли меня жалобами, просьбами— спасти ихъ отъ окончательнаго разоренія: отрѣзать землю. У нихъ земли разъ въ пять больше того, что они въ силахъ обработать. Двумъ или тремъ плательщикамъ приходится владѣть землей цѣлаго селенія и за все селеніе платить. И что за селеніе! Избы безъ крышъ, изъ двухсотъ восьми дворовъ половина заколоченныхъ: люди разбѣжались кто куда. Бабы веретены распродали. Еще до 87-го года люди жили, какъ люди. А какъ разложили недоимки, пораспродали все. Подати чуть не съ іюня выколачиваютъ: вынь, да положь. Не дадутъ крестьянину ни хлѣбъ продать, ни зерна купить. Понятно, крестьянское хозяйство не крѣпкое падаетъ. Народъ видитъ, что не стоитъ обзаводиться при раскладкѣ податей и бѣжитъ: все равно, годомъ раньше, годомъ позже.

— Вы, въ сущности, то же самое говорите, что и я. Подтверждаете, мои положенія,—снисходительно замѣтилъ Римскій.

Рязанцевъ никакъ не ожидалъ подобнаго возраженія.

— То есть какъ? Вы говорите, была бы земля...

— Ну, да, земля. Вся эта неурядица оттого и происходитъ, что люди находятся въ фатальной зависимости отъ земли.

— Да не отъ земли только!—завопилъ Рязанцевъ.—Земля, сама по себѣ—кормилица и иной быть не можетъ... не должна,—поправился онъ.—Повторяю вамъ: дѣло въ томъ, ну, какъ бы это сказать... внѣшнія условія народной жизни...

Римскій посмотрѣлъ на него ясными, улыбающимися глазами, какъ будто желая выразить ими, что онъ отлично его понимаетъ, и замѣтилъ:

— Опять-таки они ничто иное, какъ продуктъ непреложныхъ экономическихъ факторовъ.

Рязанцевъ махнулъ рукою и отошелъ.

— Я согласна съ вами,—застѣнчиво вступила въ разговоръ Величкина.—Все, что предпринимается по отношенію къ деревнѣ, палліативы. Но, будь предприняты болѣе раціональныя мѣры, деревня воскресла бы.

— Деревня, какъ деревня, вырождается,—обращаясь съ отвѣтомъ на эти слова къ Курганову, а не къ ней, не унимался Римскій. Но Кургановъ уже сдѣлалъ скучное лицо и неопредѣленно смотрѣлъ куда-то вбокъ съ своей иронической улыбкой. Тогда Римскій обратился къ доктору:

— Вотъ, вы, докторъ, близко соприкасаетесь съ этой стороной народной жизни. Не правъ ли я?

Докторъ безпокойно взглянулъ на него, опустилъ колѣно и, поправивъ около желтыхъ ушей жидкіе, какъ будто полинявшіе волосы, тихо и виновато заговорилъ слабымъ, глухимъ голосомъ, покачиваясь на стулѣ и покашливая:

— Долженъ вамъ сказать... Я отсталъ отъ всего этого... то есть, отъ новыхъ теорій и т. д... Книгу въ руки взять некогда; да и гдѣ здѣсь достать книгу. Только, мнѣ кажется, насколько я понимаю, конечно, Илья Матвѣичъ, Андрей Михайловичъ и вы вотъ,—неловко указалъ онъ своею худой рукою на Величкину,—простите, я не знаю вашего имени отчества...

— Вѣра Михайловна,—быстро проговорила Величкина и покраснѣла.

— Правы,—докончилъ докторъ.

— А я не правъ?—задалъ вопросъ Римскій, сощуривъ на доктора глаза.

— Можетъ быть, и вы правы, то есть въ томъ, что деревня вырождается и такъ далѣе. Но вырождается она потому, что бѣдность очень велика и невѣжество.

Римскій также блеснулъ на него глазами.

— Вы, въ сущности, то же самое говорите, что и я...

Докторъ, не слушая его, продолжалъ:

— А бѣдность и невѣжество велики, потому что деревню знать не хотятъ. Всѣми она забыта и такъ далѣе. Илья Матвѣичъ правду сказалъ, что нѣтъ любви къ деревнѣ и даже уваженія къ ея труду, иначе не стали бы распоряжаться ея судьбою, хотя бы и въ книгахъ... не зная ее. Забыли, совсѣмъ забыли.

— Ну, теперь вспомнили, и что же?

— Да, теперь вспомнили, потому что испугались, только не знаю, за нее ли испугались,—грустно добавилъ онъ.— Черезъ мѣсяцъ... черезъ два... три... всѣ опять уѣдутъ и забудутъ ее и оставятъ одну на произволъ хищниковъ.

— Увѣряю васъ, мы любимъ народъ, какъ и вы,—пробовалъ отстаивать свои доводы корреспондентъ,—деревня совсѣмъ не чужда намъ, но мы понимаемъ, что процессъ экономическаго развитія требуетъ, чтобы она прошла сквозь горнило капитализма.

— А видѣли ли вы когда нибудь, какъ восходитъ солнце, и крестьянинъ уѣзжаетъ на работу?—съ какой-то трогательной внушительностью спросилъ задумчиво докторъ.

Споръ какъ-то сразу прекратился, и только около зеркала, отражаясь въ немъ гладко выстриженнымъ затылкомъ, Римскій что-то такое снисходительно и тихо объяснялъ Величкиной.

Марья Николаевна, пуще всего боявшаяся, какъ бы ея

несдержанный, экспансивный мужъ не наговорилъ рѣзкостей заѣзжему гостю, обрадовалась, что споръ, такъ неидущій къ этой ночи, оконченъ, и разговоръ принялъ болѣе мирный характеръ.

До заутрени оставалось еще часа полтора. Рязанцевъ намекнулъ женѣ, что хорошо бы выпить водки, но она съ такимъ искреннимъ негодованіемъ взглянула на него, что онъ закрылъ ротъ своей широкой ладонью и забормоталъ съ шутливымъ испугомъ:

— Не буду, не буду.

Останковъ всегда любилъ пасхальныя ночи и испытывалъ теперь въ обществѣ хорошихъ, но, въ сущности, чужихъ ему людей тихую грусть, которая усиливалась мыслью объ Ольгѣ. Онъ почувствовалъ желаніе побыть одному и, незамѣтно пройдя въ переднюю, накинулъ на плечи шинель и безъ фуражки вышелъ на крыльцо. Но, видимо, такое настроеніе овладѣло не имъ однимъ: на крыльцѣ, прислонясь къ периламъ, стоялъ еще кто-то, закутавшись въ чапанъ и, поднявъ голову, глядѣлъ на звѣзды.

— Ахъ, это вы, докторъ?—узналъ его Останковъ.

— Да, тамъ курятъ, знаете,—оправдывался докторъ.—Такъ вотъ, я вышелъ подышать и такъ далѣе.

— Я тоже,—покривилъ душой Останковъ, какъ и докторъ стыдясь того, что на самомъ дѣлѣ было такъ хорошо и чисто у нихъ въ душѣ.—Славная ночь,—добавилъ онъ, вглядываясь въ звѣзды, которыя, казалось, особенно трогательно и ясно сіяли въ небѣ.

— Да, только свѣжо немножко... сыро.

Оба помолчали.

Останкову хотѣлось сказать что-нибудь ласковое и пріятное доктору, который ему нравился и котораго ему было жаль. Но онъ не зналъ, съ чего начать, и могъ замѣтить только:

— А вы совершенно правы.

— Что вы сказали?

— Я говорю, мнѣ очень понравилось, какъ вы отвѣтили тому господину.

— Я, знаете, сказалъ, какъ чувствую. Отсталъ отъ книгъ и даже отъ интеллигентнаго общества я отсталъ. Глушь здѣсь, и говорить разучишься.

— Почему же вы не уѣдете отсюда?

Вопросъ сорвался какъ-то самъ собою. Останковъ покраснѣлъ за него, но докторъ просто отвѣтилъ:

— Я уѣду, другой уѣдетъ. Кто же здѣсь-то останется? Первое время, дѣйствительно, хотѣлъ не то, что уѣхать— убѣжать и такъ далѣе. Но потомъ какъ-то совѣстно стало. Попривыкъ, да и нужнѣе я здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Простите, вы женаты?

— Нѣтъ, я одинокій.

— Тяжело, я думаю, такъ, одному-то? Съ семьею все было бы легче.

— Я самъ, знаете, такъ подумывалъ. Да все некогда какъ-то было жениться. А теперь...

Онъ тихо кашлянулъ, поднесъ платокъ къ губамъ и добавилъ равнодушно и устало:

— А теперь... тоже некогда.

Они помолчали, и докторъ задумчиво вернулся къ прежнему:

— Да. Они все по книгамъ судятъ о народѣ, рѣшаютъ участь его, а жизнь не по книгѣ писана. Къ ней не съ открытой книгой надо подходить, а съ открытой душой... Земля,—вспомнилъ онъ,—конечно, земля все, и сами мы что же, какъ не земля?

Онъ поглядѣлъ на землю, на звѣзды и совсѣмъ другимъ тономъ, строго и почти торжественно заговорилъ, какъ будто про себя, дѣля слова:

— Вотъ, въ такую же ночь... Онъ стоялъ въ Гефсиманскомъ саду, и сквозь вѣтки глядѣли тѣ же звѣзды. Спали ученики Его, и всѣ спали, кромѣ предателей... Ему, вѣроятно, было холодно... Холодно и страшно... и Онъ сталъ молиться... Да.

И, задумавшись на минуту, докторъ тихо прокашлялся и продолжалъ глубокимъ, глуховатымъ голосомъ:

— И, можетъ быть, Онъ молился о томъ, чтобы люди не все одному уму довѣрялись, и такъ далѣе. Какъ вы думаете?—съ какой-то дѣтской наивной серьезностью обратился онъ къ Останкову.—Вамъ это не смѣшно?..

— Нисколько. Что вы! Наоборотъ.

— Вотъ то-то и есть. А то прошло двѣ тысячи лѣтъ, на крестѣ Его кровь не остываетъ, а люди все тѣ же... хотя у нихъ въ книгахъ и записано то, чему Онъ училъ ихъ.

Эти слова, сказанныя въ великую ночь, подъ открытымъ небомъ смертельно больнымъ человѣкомъ, произвели на Останкова глубокое впечатлѣніе. Ему хотѣлось смириться и покаяться въ чемъ-то передъ нимъ. То, что не могъ сдѣлать Кургановъ своей негодующею, желчной рѣчью, сдѣлалъ этотъ усталый и измученный трудомъ и болѣзнью человѣкъ. Останкову показалось, какъ будто онъ выросъ и просвѣтлѣлъ.

Оба долго молчали, и Останковъ такъ погрузился въ свое настроеніе, что даже, когда докторъ началъ что-то говорить, онъ не сразу вслушался въ его рѣчь, и въ памяти его оста-

лись только обрывки фразъ: „Дѣтство напоминаетъ... Пѣвчій былъ...“ Но они какъ-то смутно вязались съ тѣмъ, что докторъ говорилъ дальше:

— У насъ домъ былъ, совсѣмъ на окраинѣ... Дворъ большой и примыкалъ онъ къ кладбищу. Бывало, выбѣжишь ночью на дворъ, приткнешься гдѣ-нибудь въ уголокъ, а съ кладбищенской колокольни—донн... Тутъ ка-акъ сорвешься, да какъ стрѣльнешь со всѣхъ ногъ въ комнату, ажъ сердце заколотится... Послѣ долго еще, въ самыхъ пяткахъ этотъ звонъ отдается... По-отѣха!

Останковъ почувствовалъ глубокую нѣжность къ этому больному, одинокому человѣку, но какія бы то ни было слова для выраженія этой нѣжности и сочувствія представлялись ему въ эту минуту пошлыми. Пожать его руку? Обнять? На это какъ-то трудно было рѣшиться, да и какъ еще онъ это приметъ?

Останковъ молчалъ, а докторъ, вѣроятно, иначе объясняя его молчаніе, какъ-то сразу сомкнулся и больше не говорилъ ни слова.

Оба стояли на крыльцѣ, и въ ночной тишинѣ, полной весенней музыки, казалось, творилось что-то важное и торжественное. Слышались неуловимые звуки, голоса и звонъ, быть можетъ, исходившій отъ этихъ звѣздъ, лучи которыхъ дрожали, какъ хрустальныя иглы. Звонъ становился все явственнѣе, и Останкову начинало казаться, что онъ грезитъ, но скоро онъ могъ различить дружный, хотя далекій, говоръ бубенчиковъ, звуки которыхъ плескались въ ночной тишинѣ и становились все болѣе внятными. Прислушиваясь, Останковъ поднялъ голову. Въ эту минуту сорвалась звѣзда и оцарапала небо.

Радостное предчувствіе охватило Останкова. „Она“—сказалъ онъ самъ себѣ и почти физически ощутилъ, какъ эта мысль наполнила его тепломъ и счастьемъ. Но онъ все еще боялся повѣрить этому предчувствію и, сдерживая готовый вырваться крикъ радости, обратился къ доктору съ дѣловой небрежностью:

— Кажется, кто-то ѣдетъ?

— Да, становой, вѣрно, спѣшитъ къ заутренѣ,—холодно отвѣтилъ докторъ и, пробормотавъ, — извините,—ушелъ въ комнату.

Останковъ вдругъ испугался, что оттуда кто-нибудь выйдетъ и потащитъ его также въ комнату, гдѣ разговаривали чужіе люди. Онъ поспѣшно сошелъ съ крыльца и, отворивъ калитку, направился влѣво къ дорогѣ, по которой должны были проѣхать. Это была дорога и на Языково, и въ Филипповку.

Сначала Останковъ шелъ по подмерзлой землѣ шагомъ, не давая воли своимъ ногамъ и надеждамъ, и сапоги его твердо стучали въ тишинѣ. Но, когда колокольчики зазвонили совсѣмъ уже недалеко, точно маня и призывая къ себѣ, онъ не выдержалъ и во весь духъ пустился бѣжать прямикомъ по степи, по прошлогодней сухой травѣ и дикому бобовнику, который трещалъ у него подъ ногами, прыгая черезъ темные кусты тамъ, гдѣ надо было продираться сквозь нихъ. Иногда изъ-подъ ногъ его вылетали вспугнутыя птицы, пугая его неожиданностью и безпомощно свистя во мракѣ.

Останковъ боялся, что лошади опередятъ его, и онъ допуститъ ее проѣхать дальше, теряя, такимъ образомъ, лучшія минуты своей жизни.

Однимъ духомъ пробѣжалъ онъ съ полъ-версты, отдѣлявшей домикъ земскаго отъ тракта и, когда уже очутился на дорогѣ, тяжело дыша и чувствуя, какъ сердце колотится въ груди, сознался самъ себѣ, что поступилъ, какъ мальчишка.

Бубенчики насмѣшливо и весело разливались въ сторонѣ отъ Останкова, и онъ стоялъ, растерянный и смущенный своей выходкой, сразу потерявшій всякую вѣру въ быстро вспыхнувшее и уже погасшее предчувствіе.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это становой,—насмѣхаясь надъ собою, говорилъ Останковъ.—А можетъ быть, какая нибудь старая помѣщица. Мало-ли народу ѣздитъ съ бубенчиками по тракту? А можетъ быть, обратный ямщикъ... Конечно, если открытый экипажъ, можно будетъ кое-какъ разглядѣть и въ темнотѣ, кто въ немъ. Ну, а если закрытый?..

И онъ воображалъ себѣ нелѣпое положеніе, въ которое можетъ попасть въ послѣднемъ случаѣ, остановивъ своимъ крикомъ среди дороги незнакомаго человѣка. „Еще на кого нападешь, напугаешь на смерть какую-нибудь даму, или, еще того хуже, угодишь подъ выстрѣлъ растеравшагося отъ этой дикой выходки путника. Вообще глупо... До крайности глупо! Воображаю, какъ бы издѣвался надо мною Кургановъ, если бы узналъ эту штуку. Уйти развѣ?..“

Но онъ не уходилъ и не могъ уйти. Сердце его теперь билось уже не отъ быстраго бѣга, а отъ звона бубенчиковъ, который отдавался, кажется, въ каждой каплѣ его крови.

Дорога справа отъ него шла внизъ по склону, слѣва поднималась до холма невдалекѣ, за которымъ вилась по ровной степи. Онъ смотрѣлъ туда напряженнымъ, зоркимъ и уже привыкшимъ къ темнотѣ взглядомъ и сразу увидѣлъ выросшую на холмѣ, какъ видѣніе, тройку лошадей, кото-

рая какъ будто задержалась тамъ на мгновеніе, и даже бубенчики затаили голоса и потомъ вдругъ вздрогнули отъ радостной неожиданности и опять залились и заплескали веселымъ звономъ подъ стукъ копытъ, отбивавшихъ ритмъ.

Ближе... ближе...

Внѣ себя стоялъ Останковъ при дорогѣ, стараясь разглядѣть экипажъ. Плетенка. Въ ней фигура... Женская!

— Ольга!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

Женскій испуганный крикъ ему отвѣтилъ. По этому крику трудно было различить, она-ли это. Всѣ женщины въ испугѣ кричатъ одинаково.

Тройка пролетѣла мимо. Значитъ, не она. Однако, онъ успѣлъ увидѣть, какъ сидѣвшая въ ней фигура хваталась за ямщика, и тотъ сталъ осаживать разбѣжавшихся подъ гору коней.

— Миша! Миша!—донеслось до него сквозь нервное всхлипыванье бубенчиковъ.

Останковъ, какъ сумасшедшій, бросился на этотъ зовъ и схватилъ на руки Ольгу, тянувшуюся къ нему изъ плетенки.

— Ты! Ты!.. — задыхаясь отъ счастья и отъ радостнаго смѣха, бормоталъ онъ, чувствуя, какъ она, вся дрожа, прижималась къ нему и повторяла:

— Миша! Миша!

Они оба не выдержали и разрыдались, стоя въ открытой степи, подъ звѣздами, которыя совсѣмъ иначе свѣтили имъ, когда они были на обрывѣ у далекаго южнаго моря. Что-то невыразимо чудное и трогательное было въ этой молодой и чистой встрѣчѣ въ пасхальную ночь, и сами они постигли это такъ глубоко, что не стыдились своихъ слезъ и долго не хотѣли ничего говорить, прижимаясь другъ къ другу и смѣшивая эти слезы, катившіяся по прильнувшимъ одна къ другой щекамъ.

III.

— Михаилъ Хрисанфови-ичъ! — донесся издалека до нихъ, смягченный разстояніемъ, зычный голосъ Рязанцева.

Этотъ голосъ былъ, какъ будто, изъ другого міра, и онъ не шелъ ко всей этой ночи, степи, звѣздамъ и даже къ тройкѣ лошадей съ нетерпѣливо переговаривавшимися бубенчиками и съ ямщикомъ на козлахъ.

— О-стан-ковъ!.. — чеканилъ каждый звукъ тотъ же голосъ, и воздухъ вздрагивалъ и недовольно гудѣлъ отъ него.

— Отзовись же! Это тебя,—отшатнувшись отъ Останкова, сказала Ольга.

Онъ сразу очнулся и возбужденнымъ, торжествующимъ голосомъ закричалъ:

— Идемъ!

— Какъ идемъ? Куда идемъ?

Онъ радостно разсмѣялся.

— Ну да, конечно, идемъ. Не разстанусь же я съ тобою. Поѣзжай къ земскому,—крикнулъ онъ ямщику.

Тройка быстро опередила ихъ. Останковъ на ходу торопливо и безсвязно говорилъ ей о томъ, что у Рязанцевыхъ, гдѣ они будутъ разговляться, ее уже ждутъ, и о томъ, какъ самъ онъ ждалъ ее, уже отчаявался вмѣстѣ съ нею встрѣтить Свѣтлый праздникъ и вдругъ услышалъ бубенчики.

Онъ вплеталъ въ разсказъ много ненужнаго, прерывалъ себя восклицаніями: „Нѣтъ, вотъ чудо! О, моя дорогая!"... Успѣлъ онъ упомянуть о докторѣ, о Кургановѣ и даже о корреспондентѣ.

Рязанцевъ, встрѣтившій раньше ямщика, съ двухъ словъ догадался и пошелъ навстрѣчу. Издали фигура его показалась Ольгѣ еще болѣе высокой и даже величественной. За нѣсколько шаговъ онъ уже заговорилъ съ Ольгой громкимъ и привѣтливымъ голосомъ, какъ съ давно знакомой:

— Вотъ обрадовали-то! Только васъ и недоставало. Ужъ именно, дорого яичко къ Христову дню.

Ольга еще не успѣла разглядѣть его лица, но онъ уже ей чрезвычайно понравился и за эту простоту, и за радушіе, и даже за его голосъ. Если въ первую минуту она чувствовала еще какую-то неловкость войти въ чужой и незнакомый ей домъ ночью и такимъ страннымъ образомъ,—эта неловкость совсѣмъ исчезла, когда она ощутила свою руку въ огромной, внушавшей полное довѣріе, рукѣ хозяина.

Когда Останковъ представлялъ Рязанцева Ольгѣ, тотъ такъ почтительно и даже строго расшаркался передъ ней на кочковатой степной дорогѣ, что Ольга не могла не улыбнуться: ей понравилась и эта почтительность, за которой, на ряду съ чисто деревенской простотою, чувствовалось вообще рыцарское отношеніе къ женщинѣ. Даже обычная фраза при этомъ у него сказалась какъ-то сердечно-убѣжденно, почти торжественно:

— Очень счастливъ съ вами познакомиться.

Послѣ чего у него опять вырвалось наивно-веселое восклицаніе:

— Нѣтъ, въ какомъ восторгѣ будетъ жена, вы себѣ представить не можете!

И онъ, съ своимъ симпатичнымъ смѣхомъ, широко раскрылъ передъ гостьей дверь, крикнувъ ямщику:

— Тащи за мною вещи барышни.

Марья Николаевна, дѣйствительно, обрадовалась ей, какъ близкому другу, но сдерживала себя, не то изъ деликатности передъ другими гостями, не то изъ опасенія, какъ бы Ольга не истолковала ея радость зависимостью отъ пожертвованныхъ ею денегъ. Останковъ зналъ, что Кургановъ не можетъ остаться безучастнымъ къ появленію Ольги. Его очень тянуло взглянуть на ихъ встрѣчу, но онъ изъ понятнаго такта отошелъ въ сторону, когда Ольга радостно и привѣтливо обратилась къ Курганову:

— Илья Матвѣичъ! И знала, что вы здѣсь, а такъ рада, такъ рада—сказать не могу. Мнѣ нужно о многомъ, о многомъ говорить съ вами.

Останковъ сдѣлалъ видъ, какъ будто идетъ за платкомъ, оставленнымъ въ пальто, въ передней. Вернувшись, онъ уже увидѣлъ Ольгу, перезнакомившуюся со всѣми. Марья Николаевна обняла ее и повела за собою, говоря на ходу:

— Вотъ для васъ и комната. Умойтесь, переодѣньтесь скорѣе... Скоро къ заутренѣ ударятъ.

— Но, можетъ быть, Ольга Васильевна отдохнетъ съ дороги?—замѣтилъ земскій.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я непремѣнно пойду съ вами: я нисколько не устала.

— Ни капелюшечки,—улыбаясь, прибавилъ Останковъ ея фразу.

Ольга также улыбнулась въ отвѣтъ и на его пристальный взглядъ отвѣтила въ дверяхъ яснымъ и любящимъ взглядомъ. Лицо ея, обвѣтренное свѣжимъ воздухомъ и разгоряченное чудесной встрѣчей, ничѣмъ не проявляло своего недавняго горя, и только черное платье, шляпа съ крепомъ да мимолетная искорка грусти, которую онъ скорѣе угадалъ, чѣмъ уловилъ въ ея взглядѣ, говорили о глубоко затаенномъ страданіи, ревниво скрываемомъ, почти оберегаемомъ отъ чужихъ глазъ.

На всѣхъ присутствующихъ Ольга произвела, повидимому, очень хорошее впечатлѣніе. Останкова наперебой стали распрашивать о встрѣчѣ, но за него больше говорилъ Рязанцевъ. Только теперь Останковъ взглянулъ на Курганова, но тотъ уже вполнѣ овладѣлъ собою и, какъ ни въ чемъ не бывало, гладилъ у себя на колѣняхъ любимца Марьи Николаевны, сибирскаго кота, Ромео.

Марья Николаевна также ушла вмѣстѣ съ Ольгой, чтобы помочь ей переодѣться.

Вскорѣ онѣ вышли снова, и около полной, пышной хозяйки Ольга въ своемъ черномъ траурномъ платьѣ съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ теперь казалась блѣдной и печальной.

До церкви было всего полъ версты, и по общему согласію рѣшено было идти пѣшкомъ, пустивъ впередъ прислугу съ фонарями. Всѣ гурьбой высыпали наружу, чтобы не пропустить первый звонъ.

— Ты не устала?—заботливо спросилъ Ольгу Останковъ, на минуту отдѣлившись съ нею отъ толпы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я давно не чувствовала себя такой сильной. Тебѣ не придется тащить меня,—прибавила она, сама беря его подъ руку.

Крепъ ея шляпы колыхнулся отъ вѣтра, задѣлъ Останкова по лицу и зацѣпился за его пуговицу. Останкову вдругъ стало какъ-то жутко и холодно отъ этого прикосновенія. Онъ сталъ нервно отцѣплять крепъ, тонкій, какъ паутина, и слегка порвалъ его.

— Ахъ, какъ это непріятно,—вырвалось у него.

— Ты слегка разорвалъ... Это пустяки...

Останковъ провелъ рукой по лицу. Ему казалось, что черная холодная паутина оставила на немъ странный, неуловимый слѣдъ.

— Ты не суевѣрна?—спросилъ онъ Ольгу.

— Не знаю,—отвѣтила та.—Была несуевѣрна, но горе заставляетъ человѣка вѣрить во все.

Это незначительное обстоятельство только на минуту омрачило ихъ настроеніе, а затѣмъ оно было забыто.

Вся прислуга, какая была въ домѣ, вышла вмѣстѣ съ господами. Остался только татаринъ ямщикъ, привезшій Ольгу, да старая, обезножившая няня Рязанцева, Дарья Михайловна.

Горничная Настя несла для освященія узелки: одинъ для господъ, другой для двора. Огородникъ Никандръ и кучеръ Рязанцева, Никита, шли съ фонарями впереди. Отъ ихъ фигуръ тѣни, то укорачиваясь, то удлиняясь, двигались по землѣ, качаясь вмѣстѣ съ фонарями. Около небольшихъ лужицъ оба останавливались и, въ то время какъ господа огибали ихъ, огни фонарей вмѣстѣ съ фигурами отражались въ грязной водѣ съ торчащими изъ нея листьями и прутьями.

Вдали темнѣло село, и посреди него прозрачнымъ призракомъ стояла церковь. Колокольня ея какъ-то сразу освѣтилась плошками. Радостно сдержанный говоръ идущихъ тотчасъ же умолкъ. Всѣ ждали. И въ эту минуту съ колокольни сорвался жидкій, но необыкновенно привѣтливый звонъ колокола. Онъ прозвучалъ какъ-то неувѣренно, точно боялся, что небо и земля, и все, что жило вокругъ, не поймутъ и не примутъ его, какъ родного.

Всѣ, точно по уговору, остановились и долго прислуши-

вались, какъ этотъ звонъ впитывался въ воздухѣ, разливался по землѣ и сообщалъ ей великую тайну воскресенія, которую она переживала сама.

Донн... Донн... Донн...—вслѣдъ за первымъ ударомъ радостно, увѣренно и часто запѣлъ деревенскій колоколъ, наполняя торжественнымъ гудѣніемъ пространство отъ земли до самыхъ звѣздъ.—Донн... Донн...

Останковъ, все еще не вѣря себѣ, взглянулъ на Ольгу, пожалъ ея руку, и она отвѣтила взглядомъ на взглядъ, пожатіемъ на пожатіе, и все это безъ словъ говорило: „Да, мы вмѣстѣ. Намъ хорошо... И самая скорбь намъ въ сладость теперь, потому что мы молоды и добры и хотимъ всѣмъ людямъ счастья“.

Къ церкви со всѣхъ сторонъ шелъ народъ, и, казалось, этотъ народъ также въ эту минуту былъ счастливъ. Безногіе и пораженные цынгою тащились при помощи другихъ и сами ползли къ освѣщеннымъ церковнымъ дверямъ, сбоку которыхъ наивно и просто были нарисованы святые угодники. Народъ уже былъ и въ церкви, и за оградой. Вокругъ церкви были разставлены куличи, яйца, пасхи для освященія.

Вся церковь сіяла огнями грошевыхъ свѣчей, пламя которыхъ колебалось и трепетало на позолотѣ кіотовъ и на ликахъ иконъ. Пахло воскомъ, масломъ и овчиной.

Читалъ священникъ. Слабо плакали младенцы, и народъ молился, вздыхая, крестясь, кланяясь и повторяя за священникомъ непонятныя слова молитвъ, все обаяніе и торжественность которыхъ, можетъ быть, усиливались отъ ихъ непонятности. Старая риза священника блестѣла при огняхъ, и его невзрачное, старческое лицо съ жидкими сѣдыми волосами и сѣдою бородой тоже, какъ будто, сіяло отъ этихъ огней и молитвъ.

Ольга присматривалась къ этимъ измученнымъ крестьянскимъ лицамъ и во всѣхъ видѣла въ ту минуту почти одно и то-же выраженіе безконечной вѣры и благоговѣнія. Вмѣстѣ съ шопотомъ молитвъ глубокіе вздохи вырывались изъ надорванныхъ грудей. Высокій, костлявый старикъ съ большой бородою, шевеля поблекшими дрожащими губами, не сводилъ взгляда съ образа Николая Чудотворца, и изъ его маленькихъ глазъ съ нависшими сѣдыми бровями, съ воспаленными вѣками, лились слезы. Направо отъ него она видѣла голову матери съ угловатымъ цынготнымъ лицомъ и ея узкія плечи. На рукахъ у матери былъ ребенокъ, завернутый въ грязныя тряпицы, и она съ тѣмъ же выраженіемъ, что и старикъ, глядѣла на образъ Божьей Матери,

тоже съ младенцемъ на рукахъ, ища у нея защиты для своего ребенка.

Курганова, доктора и корреспондента не видно было въ церкви. Они вѣрно остались за оградой. Но Рязанцевъ прямо стоялъ у праваго клироса въ своей поддевкѣ и бѣлой шелковой косовороткѣ. Рядомъ съ нимъ свѣтлѣла свѣтло-сиреневая шелковая кофта его жены. Ея бѣлокурые волосы серебрились около розовыхъ ушей, обѣгая, какъ струйки воды. Бѣлые чепчики сестеръ то поднимались, то опускались, и сотни рукъ съ заскорузлыми пальцами тоже поднимались и опускались, творя крестное знаменіе. Рядомъ съ собою Ольга чувствовала Останкова, но избѣгала глядѣть на него.

— Христосъ воскресе, — провозгласилъ священникъ, и вся церковь сразу наполнилась точно шумомъ лѣса, по которому пробѣжалъ вѣтеръ, отвѣтомъ:

— Во истину воскресе.

И огни точно вспыхнули ярче, и лики святыхъ стали какъ будто добрѣе и привѣтливѣе. Потомъ нѣжные дѣтскіе голоса запѣли: „Христосъ воскресе“, сопровождаемые сдержанными голосами взрослыхъ, и толпа, христосуясь, обнимаясь и цѣлуясь, двинулась крестнымъ ходомъ.

Тогда Ольга обернулась къ Останкову. Въ глазахъ ея стояли слезы. Они похристосовались сначала глазами, но потомъ какъ-то само собою вышло, что они потянулись другъ къ другу и поцѣловались, при всей этой взволнованной праздникомъ черной народной толпѣ.

Затѣмъ Останковъ похристосовался съ Марьей Николаевной, съ сестрами и съ Рязанцевымъ, который трижды звучно поцѣловалъ его.

Они двинулись вмѣстѣ съ толпою къ выходу. Тамъ, около паперти встрѣтились имъ остальные. Ольга подошла къ Курганову, и Останковъ видѣлъ, какъ она поцѣловалась также и съ нимъ, но это не укололо его. Наоборотъ, ему понравилось, что она поступила такъ; онъ самъ вслѣдъ за ней подошелъ къ Курганову и съ трогательнымъ чувствомъ, звенѣвшимъ въ каждой каплѣ его крови, расцѣловался съ нимъ и съ докторомъ и даже съ заѣзжимъ журналистомъ. Онъ видѣлъ, какъ Ольга шла съ Кургановымъ и живо о чемъ-то съ нимъ бесѣдовала. Самъ онъ пошелъ кругомъ церкви рядомъ съ докторомъ.

Колокола звонили. Пѣвчіе пѣли: „Христосъ воскресе“, и за ними пѣлъ весь народъ. Старыя хоругви колебались въ воздухѣ на длинныхъ древкахъ, и толпа шла за ними, закрывая ладонями огни свѣчей, повторяя: Христосъ воскресе! Христосъ воскрессе изъ мертвыхъ.

И казалось, что слова всѣхъ молитвъ, которыя пѣлись и говорились во время службы, заключали въ себѣ одинъ и тотъ же возгласъ: Христосъ воскресе.

А. М. Ѳедоровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЙ СОНЪ.

Нѣтъ больше силъ въ больной груди,
Вся жизнь въ безвременьи изжита!
Темно вокругъ, и впереди
Могила черная раскрыта...

Безмолвна ширь родной земли,
Холоднымъ сумракомъ одѣтой,
И камнемъ на сердце легли
Обрывки пѣсни недопѣтой.
И снится мнѣ послѣдній сонъ:
Сразили жизнь мою невзгоды,
Но ясно въ звонѣ похоронъ
Я слышу благовѣстъ свободы.

Е. Чернобаевъ.

Альменда въ ея экономическомъ и соціальномъ значеніи.

Профессора *Карла Бюхера* *). Переводъ съ нѣмецкаго.

Я намѣренъ сегодня разсказать вамъ кое-что изъ исторіи аграрной реформы, и мнѣ придется говорить о такого рода „реформаторскихъ" опытахъ, повторенія которыхъ я отнюдь не желалъ бы.

Если мы перенесемся на 150 лѣтъ назадъ, къ срединѣ XVIII столѣтія, и разсмотримъ существовавшія тогда поземельныя отношенія, то найдемъ, что всюду, гдѣ обитало германское населеніе, на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Вогезовъ вплоть почти до Эльбы, — приблизительно отъ одной трети до двухъ пятыхъ всей земли составляло собственность не частныхъ лицъ, а общинъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ пользованію общинной землей допускались и частныя лица. Что съ тѣхъ поръ произошли большія перемѣны, для васъ станетъ очевиднымъ, какъ только вы возьмете въ руки таблицу распредѣленія земли между частными лицами, государствомъ и общинами въ настоящее время. Какимъ образомъ совершились такія значительныя перемѣны? На этотъ вопросъ можно, собственно говоря, отвѣтить нѣсколькими словами: *виной* всему — „аграрная реформа", задуманная и проведенная 100 — 150 лѣтъ тому назадъ правительствомъ при единодушномъ одобреніи всѣхъ передовыхъ людей того времени.

Разсмотримъ съ экономической точки зрѣнія ту эпоху. Это— промежутокъ времени между семилѣтней войной и французской революціей, моментъ всеобщаго мира въ Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ необычайно быстраго роста населенія. Не случайно именно съ этимъ временемъ совпадаютъ двѣ важныя реформы въ земледѣліи: одна связана съ распространеніемъ кар-

---

*) Рефератъ, прочитаный въ собраніи «Союза нѣмецкой аграрной реформы».

тофелеводства и превращеніемъ его въ постоянную отрасль сельскаго хозяйства; другая — съ распространеніемъ культуры клевера. До того почти повсемѣстно въ Германіи господствующей системой земледѣлія была *трехпольная*. Земли каждой деревни, каждой дачи,—какъ мы могли бы теперь выразиться,—распадались на три приблизительно равныя части: пахатное поле, постоянное пастбище и лѣсъ. Каждая община нуждалась во всѣхъ трехъ частяхъ: пастбище и лѣсъ были необходимымъ дополненіемъ къ пахатному полю. Сѣялся почти исключительно зерновой хлѣбъ, а трехпольной система называлась потому, что вся пахатная земля раздѣлялась на участки (поля), изъ которыхъ каждый въ неизмѣнной послѣдовательности засѣвался одинъ годъ озимымъ, т. е. рожью и пшеницей, второй годъ яровымъ, т. е. ячменемъ и овсомъ, а третій годъ оставался подъ паромъ, т. е. почва совершенно не эксплуатировалась.

Вы, конечно, уже замѣтили, что при этой системѣ совершенно не культивировалось нѣчто, занимающее очень видное мѣсто въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ: кормъ для скота. Скотъ, понятно, не могъ жить безъ пищи. Поэтому часть земли сохранялась какъ постоянное пастбище, какъ своего рода pièce de résistance для скота; съ другой стороны, временно пастбищемъ служила и земля, находившаяся въ частномъ пользованіи или составлявшая частную собственность: паровое поле, все время, пока его не обрабатывали, и жнивье съ оставшеюся послѣ уборки хлѣба соломою. Но обыкновенно всего этого было недостаточно для прокормленія скота: приходилось еще пользоваться и лѣсомъ. Такимъ образомъ, вся земля превращалась въ общее пастбище для скота, выгоняемаго общественнымъ пастухомъ, и служила для всѣхъ членовъ общины, какъ будто община являлась единственнымъ владѣльцемъ. Да и на самомъ дѣлѣ этотъ порядокъ сохранился отъ тѣхъ временъ, когда община была собственницей всей земли, когда пахатное поле періодически дѣлилось между всѣми общинниками, и передѣлы предпринимались каждый разъ, когда измѣнялся численнй составъ общины.

Въ срединѣ XVIII столѣтія, такимъ образомъ, лишь меньшая часть каждой дачи разсматривалась, какъ частная собственность, и находилась въ личномъ пользованіи, да и на эту часть община налагала свою руку. Лѣсъ же и выгонъ не только составляли общую собственность, но и находились въ общемъ пользованіи: община предоставляла каждому брать съ ея угодій все, что ему было безусловно необходимо для веденія своего хозяйства.

Нововведенія, о которыхъ я упомянулъ выше, сразу вызвали глубокій переворотъ въ системѣ полеводства. Не было болѣе необходимости держать землю подъ паромъ, каждый третій годъ оставлять часть поля необработанной — ее можно было засѣвать клеверомъ и картофелемъ. Вскорѣ стала распространяться

и культура моркови, свеклы, и т. п.; явилась возможность откармливать скотъ въ стойлѣ. Въ постоянномъ пастбищѣ не было больше надобности, оказалось возможнымъ его упразднить, взять все поле подъ пашню, далеко расширить площадь, по которой ходилъ плугъ. Понятно, какое громадное значеніе это должно было имѣть для роста населенія: та же площадь могла прокормить на треть слишкомъ болѣе людей, чѣмъ раньше.

Нѣсколько словъ спеціально о лѣсѣ. Лѣсъ и раньше не вездѣ представлялъ неограниченную собственность общинъ. Во многихъ мѣстахъ Германіи, въ силу обстоятельствъ, на которыхъ я сейчасъ не могу остановиться, помѣщикамъ или государству удалось присвоить себѣ лѣсъ; сначала ихъ притязанія ограничивались правомъ охоты, но постепенно разрослись до права собственности. Однако, сельское населеніе пользовалось правомъ и изъ этихъ лѣсныхъ угодій удовлетворять своимъ потребностямъ въ топливѣ, травѣ и сѣнѣ для скота и т. д. Въ общинныхъ лѣсныхъ угодьяхъ такое право общинниковъ понятно было само собою. Если государственная власть и вмѣшивалась въ эту область, то только въ видахъ охраны лѣсовъ отъ истребленія; эти отношенія можно было сохранить и при измѣнившихся условіяхъ.

Не такъ легко было рѣшить вопросъ объ общинномъ владѣніи пастбищами. Здѣсь, прежде всего, всякій могъ наглядно убѣдиться въ справедливости словъ средневѣковаго поэта:

Wess Wiese ist gemeine.
Der Gras ist gerne kleine *).

Пастбища, большею частью, были запущены, истощены, о нихъ очень мало заботились. Для правильнаго ухода за ними не хватало или знаній, или желанія примѣнять имѣющіяся знанія, такъ какъ каждый, естественно, находилъ, что труды, которые онъ потратитъ на улучшеніе пастбища, принесутъ сосѣду не меньше, можетъ быть, даже больше пользы, чѣмъ его самому. Въ томъ и заключается своеобразная особенность общественнаго пользованія, когда размѣры участія въ немъ опредѣляются размѣрами потребности—что богатый извлекаетъ при этомъ больше пользы, чѣмъ бѣдный.

Первоначально, каждый членъ марки или деревни имѣлъ одинаковое съ другими право на общественное достояніе или—чтобы воспользоваться теперь же словомъ, употребляемымъ и въ вашей программѣ—на *альменду*. Время принесло перемѣны. Какъ-то само собою оказалось, что кто имѣетъ больше скота, въ большей мѣрѣ пользуется и лугомъ; кто не имѣетъ совсѣмъ скота, совершенно не нуждается и въ выгонѣ; кто больше засѣваетъ, ну-

*) Гдѣ лугъ общій—трава обязательно низка.

ждается въ большемъ пахатномъ участкѣ; кто долженъ строить больше амбаровъ, хлѣвовъ и т. п., больше пользуется лѣсомъ, чѣмъ тотъ, кто нуждается только въ дровахъ для топки своей печки—батракъ-поденщикъ или бѣднякъ поселянинъ. Съ теченіемъ времени, благодаря своеобразному сочетанію обстоятельствъ, это положеніе, которое первоначально вытекало изъ одинаковаго права всѣхъ на альменду, начало разсматриваться, какъ основное право. Сложилось мнѣніе: каждый можетъ пользоваться альмендой въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ количеству его скота или величинѣ лично ему принадлежащаго участка земли. Такимъ образомъ, внутри нашихъ сельскихъ общинъ образовались новыя, болѣе тѣсныя общины — группы привилегированныхъ. Какъ только появляются привилегированные, у нихъ, естественно, возникаетъ склонность расширить свои привилегіи, исключить другихъ: постепенно свелось къ тому, что чужіе, переселенцы, наемники,—и какъ ихъ еще зовутъ въ разныхъ частяхъ Германіи—или не получали никакого права на альменду, или получали какое-нибудь ничтожное право—вродѣ права пользоваться лѣсомъ только для отопленія и т. п. Такимъ образомъ, уже создавалась цѣлая своеобразная лѣстница правъ.

Не слѣдуетъ забывать одного: средневѣковая сельская община представляла *чисто хозяйственный союзъ*. Современная сельская община, напротивъ, представляетъ государственно-административную единицу и имѣетъ публично-правовыя задачи. Таковыхъ средневѣковая община почти совершенно не имѣла. Предъ внѣшнимъ міромъ она всегда выступала замкнутымъ въ себѣ цѣлымъ; ея внутреняя экономическая жизнь отличалась изумительной, на мой взглядъ, послѣдовательностью. Глубоко пустило корни убѣжденіе, что все, что добыто общинниками на общественной землѣ—дрова изъ общественнаго лѣса, рыба изъ рѣки, даже скотъ, вскормленный на общественномъ пастбищѣ — все должно быть потребляемо внутри самой общины. Всякій могъ пользоваться общественнымъ добромъ только *для удовлетворенія собственныхъ потребностей*, но не для полученія прибыли. Изъ того, что каждый въ силу своихъ общинныхъ правъ добывалъ въ альмендѣ, онъ, подъ угрозой суроваго наказанія, не имѣлъ права ничего продавать на сторону.

Когда совершился указанный выше переворотъ, возникъ трудный вопросъ: какъ, въ виду появившихся новыхъ потребностей, измѣнить отжившія правовыя отношенія? При рѣшеніи этого-то вопроса правительства того времени и примѣнили принципъ, который съ строгой послѣдовательностью былъ разработанъ тотчасъ по окончаніи тридцатилѣтней войны и съ тѣхъ поръ держался незыблемо—принципъ возможно большаго увеличенія населенія. При этомъ правительства разсуждали такъ: наибольшей продуктивности сельскохозяйственнаго труда можно ожидать только

тогда, когда общинные луга будутъ раздѣлены и превращены въ частную собственность. Естественно, что при раздѣлѣ руководствовались старымъ масштабомъ, т. е. каждый получилъ соразмѣрно тому, чѣмъ онъ до раздѣла пользовался въ альмендѣ. Осуществились библейскія слова: „имущему дастся". Поденщики, деревенскіе ремесленники и всѣ пришлые жители получили очень мало, или не получили ничего. Какъ глубоко правительства тогда были проникнуты „идеей раздѣла", можно видѣть изъ постановленія, изданнаго въ Австріи въ 1768 году,—которое теперь не можетъ не возбуждать удивленія. Этимъ постановленіемъ предписывалось крестьянскимъ общинамъ, „чтобы онѣ въ *теченіе одного года* раздѣлили и роздали въ частную собственность свои нераздѣленныя общинныя владѣнія", т. е. земли надъ пастбищами. Тогдашній австрійскій штатгальтеръ Ломбардіи предписалъ даже общинамъ отдать каждому жителю въ собственность участокъ пастбища, луга, который тотъ пожелаетъ обработать—все равно, сколько бы онъ за него не заплатилъ.

Фридрихъ II Прусскій былъ горячимъ приверженцемъ перехода общинной собственности въ частную. Въ одномъ регламентѣ для Силезіи отъ 1771 года Фридрихъ II говоритъ: „отеческія заботы правительства о процвѣтаніи и благоденствіи всей страны не должны безплодно разбиваться о своеволіе и невѣжество крестьянъ".—Крестьянинъ, естественно, былъ противъ навязываемаго ему начальствомъ раздѣла общинной земли,—онъ охотнѣе всего остался бы при старой хозяйственной системѣ. И съ нашей теперешней точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, было-бы лучше, если-бы ему ее оставили. Но бюрократія того времени по существу ничѣмъ не отличалась отъ бюрократіи нашихъ дней: она полагала, что знаетъ лучше „глупаго мужика", что ему полезно.

Въ цѣломъ рядѣ небольшихъ нѣмецкихъ государствъ—въ особенности сѣверныхъ — манія раздѣла свирѣпствовала тогда въ самой жестокой формѣ. Крестьянамъ, *подъ страхомъ наказанія*, приказано было подѣлиться, упразднить старыя общинныя отношенія. Создано было цѣлое законодательство объ общинныхъ раздѣлахъ. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, я упомяну только о знаменитомъ прусскомъ положеніи объ общинныхъ раздѣлахъ 1821 года. Если мы разсмотримъ эти законы, насъ поразитъ невѣроятное невѣжество тогдашнихъ „аграрныхъ реформаторовъ",—это были, конечно, чиновники — полное незнаніе фактическаго положенія дѣлъ и правовой ихъ основы, полное непониманіе всей важности строя, который хотѣли измѣнить однимъ росчеркомъ пера. Безспорно, старая трехпольная система унаслѣдовала отъ среднихъ вѣковъ много устарѣлыхъ стѣсненій, тормазившихъ хозяйство; безспорно, такіе порядки, которые давали общинникамъ право выпаса скота и пользованія лѣсомъ на участкахъ, имъ не принадлежащихъ, не могли не отражаться вредно на доходности этихъ участ-

ковъ,—не говоря уже о непріятности ихъ для владѣльцевъ; безспорно, необходимо было установить новыя правовыя нормы, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ. Но, какъ я уже сказалъ, всѣ стремленія правительствъ того времени исчерпывались тенденціей добиться возможно болѣе быстраго роста населенія; единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли считалось возможное увеличеніе количества пищевыхъ продуктовъ. Все остальное отступало на задній планъ.

Совершенно упустили изъ виду, что общинное владѣніе тѣсно связало общинниковъ; создало среди нихъ общность интересовъ; развило духъ братства, слѣды котораго можно еще и теперь уловить въ нѣкоторыхъ обычаяхъ нашей деревни; совершенно упустили изъ виду, что, если на почвѣ общиннаго землевладѣнія иногда и возникали изолированныя, пользовавшіяся особыми привилегіями, группы и если въ такихъ случаяхъ общинное землевладѣніе и представляло, такъ сказать, дополненіе къ частному владѣнію, то община все-же и въ такихъ случаяхъ всегда служила и общественнымъ цѣлямъ, и интересамъ всего населенія. Благодаря игнорированію всего этого, оказалось возможнымъ придти, руководствуясь римскимъ правомъ, къ заключенію, что право отдѣльнаго лица на общинное добро есть право на чужую собственность, и что это право можетъ быть отмѣнено обыкновеннымъ юридическимъ путемъ. Дошли даже до того, что, вопреки общераспространенному правовому положенію, требовавшему для упраздненія общины *единогласнаго рѣшенія всѣхъ ея членовъ*, предоставили каждому отдѣльному члену общины право не только возбуждать вопросъ о раздѣлѣ, но и выдѣлиться—получить свою часть въ личную собственность, хотя бы и противъ желанія большинства. Въ этомъ отношеніи очень далеко заходитъ прусское положеніе о раздѣлахъ. Другія узаконенія предоставляютъ члену общины только право требовать выдѣла, но считаютъ необходимымъ согласіе большинства. Такое большинство, конечно, не трудно найти, когда рѣчь идетъ о раздѣлѣ: каждый разсчитываетъ кое-что получить, больше всего—тѣ, которымъ нечего терять. Не мудрено поэтому, что раздѣлы, поощряемые спеціально для ихъ проведенія основанными правительственными коммиссіями, были произведены въ большомъ количествѣ во всей Германіи, а въ Нижней Германіи почти повсемѣстно. Чтобы показать, какихъ размѣровъ достигли здѣсь раздѣлы, я приведу только одинъ фактъ: отъ 1834 до 1358 г. въ одномъ Ганноверѣ разбито на участки и обращено въ частную собственность не менѣе 1.900.000 моргеновъ общинной земли. Это—почти треть всей земли въ Ганноверѣ, по которой нынѣ проходитъ плугъ.

Можетъ, конечно, явиться сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли такъ строго осуждать эти мѣры. Но всякій, кто имѣетъ представленіе о сельскомъ хозяйствѣ, согласится, что увеличеніе од-

ного только пахатного поля безъ соотвѣтствующаго увеличенія инвентаря представляетъ для хозяина очень сомнительную выгоду, такъ какъ на большей площади онъ будетъ вынужденъ вести еще болѣе экстенсивное, чѣмъ прежде, хозяйство. Именно къ такимъ результамъ и привела въ большинствѣ случаевъ „реформа". Очень многіе изъ получившихъ участки прежней общинной земли совершенно не знали, что съ ними дѣлать, и сочли за лучшее тотчасъ-же ихъ продать. Земля, такимъ образомъ, *сосредоточилась въ рукахъ болѣе богатыхъ членовъ общины*. Одинъ южно-германскій сельскій хозяинъ разсказываетъ о случаѣ, когда значительная часть членовъ общины пропила въ кабакѣ только-что полученные въ собственность надѣлы. Хозяинъ кабака установилъ даже своеобразную таксу. Каждый участокъ земли стоилъ столько-то стакановъ вина. Къ сожалѣнію, нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для точнаго историческаго возстановленія этихъ событій. Оффиціальная статистика тоже очень мало освѣщаетъ этотъ вопросъ. Можно съ увѣренностью сказать одно: раздѣлы общинной земли продолжаются до настоящаго дня, и еще послѣ 1866 года прусское положеніе объ общинныхъ раздѣлахъ 1821 года, распространившись на Кургессенъ и бывшій Нассау, принесло тамъ страшный вредъ, въ особенности при раздѣлѣ лѣсовъ. Тогда и въ ландтагѣ на это жаловались гессенскіе депутаты.

Совершенно не то мы видимъ въ южной Германіи—я разумѣю Баденъ, Эльзасъ-Лотарингію, Гессенъ, Вюртембергъ, Гогенцоллернъ, часть Баваріи, затѣмъ Швейцарію и значительную часть Австріи. Тамъ общинныя угодья остались въ общемъ владѣніи до настоящаго дня,—конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣлавшимися необходимыми въ силу перемѣнъ въ хозяйственномъ бытѣ. И тамъ мы находимъ наглядное доказательство тому, что совершенно не было надобности въ той „аграрной реформѣ", которая въ XVIII и XIX столѣтіяхъ была проведена въ сѣверной Германіи и, въ особенности, въ Пруссіи. Я бы прибавилъ, что вопросъ объ *истинной* аграрной реформѣ далеко не такъ настойчиво требовалъ-бы нашего рѣшенія теперь, если бъ тогда не была проведена *ложная* реформа.

Въ южной Германіи общинныя земли и теперь еще называются *альмендами*, но это названіе за ними сохраняется лишь постольку, поскольку онѣ остаются въ пользованіи у общинниковъ. Чтобы дать опредѣленіе понятію: *альменда*—а это пора сдѣлать—мы скажемъ, что альменда есть недвижимость, составляющая собственность общины и находящаяся въ пользованіи у общинниковъ. Принадлежность къ общинѣ даетъ каждому члену право на пользованіе землей.

Въ южной Германіи поступлено было такъ: общинные пастбища взяты были подъ плугъ не сразу, а постепенно, какъ того требовала экономическая эволюція XVIII и XIX столѣтій. Взятая

подъ пашню земля была роздана общинникамъ сначала на короткое время—на 3, 4, 6 лѣтъ, потомъ въ пожизненное пользованіе. Раздѣлъ обыкновенно производился по числу семей или самостоятельныхъ хозяйствъ. Глава семейства получалъ право доставшійся ему участокъ прежняго общественнаго пастбища употреблять для запашки въ теченіе всей своей жизни. Когда онъ умиралъ, участокъ переходилъ къ другому правоспособному. Эти передѣлы совершались не разъ еще и въ XIX столѣтіи. Да и въ наши дни общинная собственность въ тѣхъ мѣстахъ крайне благотворно отражается на экономической жизни населенія. Общинная собственность, альменда, тамъ и понынѣ остается тѣмъ, чѣмъ она была въ средніе вѣка: дополненіемъ къ частному хозяйству, частной собственности. Въ южной Германіи и Швейцаріи альменды по характеру пользованія распадаются на лѣсныя угодья, пахатыя поля, луга и пустыри, дающіе лишь скудное сѣно для скота.

Что касается общиннаго лѣса, то онъ удержался и далеко за предѣлами южной Германіи—въ западной Пруссіи (главнымъ образомъ въ Гессенъ-Нассау), въ Прирейнской области и отчасти въ Вестфаліи. Здѣсь сохранился еще старый обычай, по которому ежегодно каждая семья получаетъ опредѣленный участокъ въ предназначенномъ для порубки лѣсу—иногда половину, иногда и цѣлый кляфтеръ; кромѣ того, каждый членъ общины имѣетъ право сбирать валежникъ на топливо. Въ мѣстахъ, гдѣ цѣнятся хвоя и листья,—это имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ воздѣлываются табакъ и виноградъ,—общинники могутъ и ими пользоваться. Такимъ образомъ, населеніе снабжается преимущественно топливомъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ разрѣшается пользоваться и строевымъ лѣсомъ. За дрова платится обыкновенно, какъ за валежникъ; на строевой лѣсъ существуетъ нѣсколько болѣе высокая такса.

Пахатное поле почти всюду дается въ пожизненное владѣніе, и процессъ, который я описалъ выше, вызвалъ очень своеобразное явленіе. Допустимъ, что, когда предпринимался первый раздѣлъ, какая-нибудь община имѣла 60 полноправныхъ гражданъ; часть луга раздѣлили на 60 участковъ, скажемъ, въ $1^1/_2$ моргена каждый, и каждый хозяинъ получилъ одинъ такой участокъ. Община продолжала рости. Черезъ 25—30 лѣтъ предпринимается новый раздѣлъ, при чемъ въ общинѣ уже теперь, скажемъ, 80 домохозяевъ. Новый участокъ раздѣлили на 80 частей, и каждому досталось меньше, чѣмъ при первомъ раздѣлѣ,—скажемъ, по одному моргену. У насъ оказывается 60 домохозяевъ, владѣющихъ участками въ $2^1/_2$ моргена и 20—по одному моргену. Проходитъ еще 25—30 лѣтъ, число гражданъ возросло до 100. Дѣлится послѣдняя часть луга, и каждый домохозяинъ получаетъ по одному моргену. У насъ три класса надѣловъ: въ $1^1/_2$, 1 и 1 моргенъ,

20 хозяевъ (послѣднихъ) имѣютъ только по 1 моргену, 20 (участвовавшихъ во второмъ раздѣлѣ) имѣютъ: $1+1=2$ моргена и 60 — высшій надѣлъ: $1^1/_2+1+1=3^1/_2$ моргена. Такъ совершались раздѣлы въ большинствѣ общинъ плодородной верхнерейнской долины, которыя я знаю по личнымъ наблюденіямъ; эта система примѣнялась и во многихъ мѣстахъ Швейцаріи.

Я хочу тутъ-же указать на нѣкоторыя хорошія стороны этой системы. Онѣ заключаются въ томъ, что молодой, только что женившійся членъ общины получаетъ отъ послѣдней сначала небольшой участокъ, который онъ въ состояніи обработать и котораго для его молодого хозяйства достаточно. По мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, растетъ его надѣлъ, такъ какъ попасть въ владѣльцы большого участка онъ можетъ только тогда, когда за смертью старыхъ общинниковъ освобождаются ихъ надѣлы. Можетъ, однако, легко случиться, что при дальнѣйшемъ ростѣ населенія окажется 125 общинниковъ при 100 надѣлахъ. Само собою понятно, что 25 изъ болѣе молодыхъ придется ждать очереди, но у всѣхъ существуетъ убѣжденіе, что община имъ должна дать надѣлъ, который будетъ увеличиваться по мѣрѣ роста ихъ семьи и достиженія главой семьи болѣе преклоннаго возраста.

Вспомните, что въ этой благословенной странѣ, гдѣ 3—5 моргеновъ, засѣянныхъ табакомъ, хмѣлемъ и т. под., совершенно достаточно для прокормленія цѣлой семьи, во многихъ общинахъ надѣлы составляютъ 2, 3 и даже 4 моргена, и вы согласитесь, что общинное землевладѣніе является очень важнымъ подспорьемъ для каждой семьи.

Гдѣ преобладаютъ пастбища—это имѣетъ мѣсто во всѣхъ альпійскихъ округахъ—каждый членъ общины имѣетъ право пасти опредѣленное количество скота на общественномъ выгонѣ. Правда, съ теченіемъ времени пришлось принять кое-какія мѣры для подавленія эгоизма, который, естественно, развивается при такихъ условіяхъ.

Хозяинъ можетъ выгонять только тотъ скотъ, который зимовалъ въ его собственномъ стойлѣ, который онъ могъ показать, какъ свою собственность, еще зимой, въ установленный день и который онъ намѣренъ оставить у себя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число головъ скота должно соотвѣтствовать размѣрамъ земли, принадлежащей хозяину. Затѣмъ, всѣ, выгоняющіе скотъ на общественное пастбище обязаны уплачивать опредѣленную сумму въ пользу тѣхъ общинниковъ, которые скота не имѣютъ, или имѣютъ его въ количествѣ ниже средняго. Иногда равновѣсіе достигается тѣмъ, что одна часть общинниковъ получаетъ поле для запашки, другая—пастбище.

Во многихъ случаяхъ общины сдѣлали еще шагъ впередъ: не всю землю роздали общинникамъ, а оставили часть во владѣ-

ніе всей общины. Легче всего это оказалось выполнить по отношенію къ покосамъ, которые требуютъ мало удобренія или, по крайней мѣрѣ, мало его получаютъ. Община сама ихъ эксплуатируетъ; урожай продается, и выручка поступаетъ въ общественную кассу. Впрочемъ, чаще всего и сѣнокосная земля, подобно пахатной, отдается въ частное пользованіе, но почти никогда — въ пожизненное.

Само собою понятно, что при общинномъ владѣніи въ разсчетъ принимаются и финансовыя нужды общины. Во многихъ мѣстахъ рѣзко разграничиваютъ альмендную собственность отъ казенной или кассовой. Для послѣдней отводится заранѣе установленная часть общественной недвижимости — участокъ лѣса, пахатнаго поля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и луга. Доходъ съ этого участка, поступаетъ въ общественную кассу и можетъ быть употребляемъ только на общественныя нужды. Ничто, однако, не мѣшаетъ общинѣ отмѣнить это установленіе, раздѣлить участокъ между общинниками, или, наоборотъ, сократить права общинниковъ на доходъ съ него. Такимъ образомъ, альменда и кассовая собственность могутъ уменьшаться и увеличиваться одна на счетъ другой; то той, то другой можетъ быть отдаваемо предпочтеніе,—въ этомъ отношеніи общинѣ предоставляется полная свобода. Только окончательную раздачу общественной земли община не можетъ предпринимать безъ разрѣшенія правительства, а такое разрѣшеніе дается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Формы пользованія общинными землями во всѣхъ южно-германскихъ государствахъ регулируются государственными законами, и слѣдуетъ признать, что правительства этихъ государствъ всегда выказывали склонность бережно относиться къ общинѣ и содѣйствовать ея развитію въ духѣ общественности. Да это и было необходимо, такъ какъ въ южно-германскихъ общинахъ крестьянинъ такъ-же эгоистиченъ, какъ въ сѣверно-германскихъ. И если тамъ одинаковыя условія не привели къ тѣмъ-же результатамъ, что и въ сѣверной Германіи,—именно, къ исчезновенію общинной собственности,—то въ этомъ слѣдуетъ признать неоспоримую заслугу дальновидныхъ южно-германскихъ правительствъ.

Законодательство XIX столѣтія стремилось только логически развивать далѣе тѣ начала и формы общежитія, которыя сельское населеніе само для себя выработало. Такъ, напримѣръ, отдача, при обращеніи общественныхъ пастбищъ въ пашню, участковъ земли отдѣльнымъ членамъ общины только въ пользованіе и сохраненіе за общиной правъ собственности на эту землю — несомнѣнная заслуга самихъ крестьянъ. Къ такой мысли они пришли сами собой, они руководствовались при этомъ, я сказалъ-бы, старо-германскимъ инстинктомъ, уцѣлѣвшимъ отъ среднихъ вѣковъ, общественнымъ чувствомъ, по традиціи переходившимъ отъ одного поколѣнія къ другому, чувствомъ, которое и теперь находитъ

себѣ выраженіе, когда, напримѣръ, въ лунную лѣтнюю ночь вся мужская и женская молодежь какой-нибудь общины принимается за уборку поля бѣдной вдовы, даже безъ вѣдома послѣдней, или когда всѣ общинники отдаютъ въ распоряженіе своего сочлена, находящагося въ затрудненіи, и свой трудъ, и своихъ лошадей, и свои подводы. Итакъ, одного мы не можемъ отрицать за нашимъ крестьяниномъ: онъ въ данномъ случаѣ создавалъ самъ, и создавалъ, безъ сомнѣнія, хорошее. Заслуга правительствъ, и заслуга не малая, въ томъ что они сумѣли отнестись съ уваженіемъ къ тому, что выработалъ крестьянинъ.

Теперь я могу перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію жизни современной альменды. Прежде всего, мнѣ придется указать на глубокое различіе въ этомъ отношеніи между Швейцаріей и южной Германіей. Въ Швейцаріи вся альменда составляетъ собственность и находится во владѣніи тѣсно ограниченной, немногочисленной группы лицъ. Правда, альменда обложена еще нѣкоторыми повинностями въ пользу всего населенія—школьной, дорожной и т. д. Въ южной-же Германіи, напротивъ, альменда дѣйствительно принадлежитъ всему обществу. Не каждому, конечно, доступно сдѣлаться общинникомъ: желающій долженъ уплатить извѣстную сумму, пріобрѣсти права гражданства; иногда ему приходится много лѣтъ ждать, нести всѣ обязанности, прежде чѣмъ онъ будетъ совершенно уравненъ въ правахъ съ общинниками. Но этимъ разница и ограничивается. Въ южной Германіи носителемъ правъ всегда является глава семейства. Женитьба, достиженіе 25-лѣтняго возраста, открытіе самостоятельнаго дѣла—таковы предпосылки пріобрѣтенія правъ. Ихъ не можетъ получить тотъ, кто не нуждается въ „собственномъ очагѣ и дымѣ", какъ въ Германіи говорилось въ старину. Система, такимъ образомъ, укрѣпляетъ семью. Въ Швейцаріи скороспѣлый демократизмъ сплошь и рядомъ ведетъ къ тому, что права предоставляются всякому. Правда, демократизмъ здѣсь еще не достигъ апогея въ смыслѣ уравненія въ правахъ съ мужчинами и женщинъ: онѣ, большею частью, получаютъ только половину тѣхъ правъ пользованія, которыя принадлежатъ мужчинамъ въ полномъ объемѣ. Но современемъ, вѣроятно, женщины получатъ всѣ права. Далѣе, права не связаны съ обязательнымъ жительствомъ въ предѣлахъ общины. Многія общины сохраняютъ всѣ права и за отсутствующими своими членами. Послѣдніе, естественно, не могутъ эксплуатировать альменду in natura, что является обязательнымъ условіемъ въ южной Германіи, гдѣ каждый общинникъ долженъ жить на мѣстѣ, самъ обработывать свое поле. Въ Швейцаріи надѣлъ отсутствующаго общинника часто сдается въ аренду, и деньги высылаются владѣльцу. Это, конечно, обычай,—въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ общинахъ средняя плата составляетъ сто и болѣе франковъ,—который не можетъ имѣть

благотворныхъ результатовъ. Въ томъ видѣ, какой представляетъ южно-германская альменда, она, несомнѣнно, имѣетъ важныя соціальныя преимущества.

Я долженъ еще прибавить, что общинная земля неприкосновенна, ея продукты не могутъ быть ни конфискуемы, ни продаваемы по приговору суда. Прежде запрещалось сдавать общинный надѣлъ въ аренду, его долженъ былъ обрабатывать самъ владѣлецъ. Теперь это разрѣшается, но съ ограниченіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только сама община можетъ сдавать землю въ аренду, и этимъ правомъ она пользуется относительно лицъ, которыя не предъявляютъ желанія или не могутъ лично хозяйничать на своемъ участкѣ. Владѣльцы въ видѣ вознагражденія получаютъ пособіе отъ общины и забота объ ихъ содержаніи возлагается на арендатора—нѣсколько устарѣлый, съ экономической точки зрѣнія, но, пожалуй, не совсѣмъ дурной обычай.

Въ тѣ времена, когда свято вѣрили, что всякое общественное хозяйство—общинное или государственное — зло, а всякаго рода частное хозяйство—благо, въ тѣ времена говорилось многое противъ южно-германской альменды.

Прежде всего утверждали, что на общинныхъ земляхъ хозяйство ведется очень скверно. Это утвержденіе можно разбить очень простымъ соображеніемъ. Въ большинствѣ южно-германскихъ общинъ надѣлы отдаются въ пожизненное пользованіе. Личную собственность каждый имѣетъ тоже только, пока онъ живъ. Откуда же разница въ системѣ хозяйничанья? Тамъ, гдѣ время пользованія болѣе ограничено, оно все же не меньше обычнаго арендного срока, и если послѣдняго достаточно для обезпеченія правильнаго хозяйства, отчего его будетъ недостаточно при общинномъ пользованіи? Мнѣ припоминается, что когда я спросилъ одного старшину, — ихъ тамъ зовутъ бюргермейстерами,—небольшой деревушки, замѣчается-ли у нихъ разница въ обработкѣ общиннаго надѣла и собственной земли,—онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ: „частную собственность вѣдь тоже нельзя взять съ собою въ могилу". Къ тому же, именно въ этихъ мѣстностяхъ община широко пользуется правомъ контроля за веденіемъ хозяйства каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Принадлежащая общинѣ земля раздроблена, раздѣлъ каждаго составляетъ не отдѣльный кусокъ земли, а небольшіе клочки въ разныхъ мѣстахъ. При такихъ условіяхъ неизбѣжно должна господствовать принудительная обработка: пахатная земля должна въ опредѣленное, обязательное для всѣхъ время быть засѣяна и сжата. Во многихъ общинахъ существуютъ опредѣленныя предписанія относительно удобренія почвы, вознагражденія отсутствующаго владѣльца, или его семья, если поле принято уже засѣяннымъ

и т. д.—словомъ, вы здѣсь на дѣлѣ можете убѣдиться въ томъ, что приняты всѣ мѣры для веденія правильнаго хозяйства.

Когда требуются болѣе крупныя меліоративныя предпріятія, какъ трудно въ мѣстахъ съ частнымъ землевладѣніемъ преодолѣть сопротивленіе отдѣльныхъ собственниковъ-крестьянъ, добиться ихъ согласія и содѣйствія! Община въ такихъ случаяхъ можетъ просто приказывать и, обладая большими средствами, она легче можетъ довести до конца задуманное улучшеніе, чѣмъ каждый крестьянинъ-собственникъ въ отдѣльности.

Говорятъ еще, что общинное землевладѣніе имѣетъ слѣдствіемъ, такъ называемое, *приростаніе населенія къ почвѣ*. Молодые люди, у которыхъ есть надежда получить моргенъ-другой общественной земли, не видятъ надобности въ примѣненіи своей энергіи, своихъ знаній гдѣ-нибудь на сторонѣ. Они *прилипаютъ* къ общинѣ, слишкомъ рано вступаютъ въ бракъ и, въ надеждѣ на пару общинныхъ десятинъ, создаютъ иногда непрочную семью. Безусловно отрицать, что здѣсь кроется нѣкоторая опасность, нельзя, хотя я долженъ замѣтить, что, по моимъ личнымъ изслѣдованіямъ, ростъ населенія въ мѣстахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ едва-ли больше, чѣмъ въ мѣстахъ безъ альменды, чего не могло бы быть, если бъ приведенное мнѣніе было справедливо. Но посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія соціалъ-политика. Вспомнимъ о тѣхъ милліонахъ, или, по меньшей мѣрѣ, сотняхъ тысячъ людей, которые въ теченіе послѣднихъ 2—3 десятилѣтій наводнили городъ, чтобы вести здѣсь необезпеченную жизнь рабочаго - жизнь пролетарія: и мы должны будемъ порадоваться тому, что въ скромной общинѣ найдено средство обезпечить людямъ болѣе спокойное существованіе, создать условія, при которыхъ умѣренное въ своихъ потребностяхъ сельское населеніе имѣетъ все необходимое. Мы не должны забывать одного: альменда существуетъ въ мѣстахъ съ раздробленнымъ землевладѣніемъ. Въ мѣстахъ съ замкнутымъ подворнымъ хозяйствомъ,—такихъ мѣстъ немного въ Германіи, — въ мѣстахъ, гдѣ преобладаютъ дворянскія помѣстья, — община отсутствуетъ. Въ хозяйствѣ раздробленныхъ мелкихъ участковъ общинная земля очень важное подспорье. Здѣсь движеніе землевладѣнія настолько интенсивно, что почти каждому крестьянину приходится начинать хозяйство на новомъ клочкѣ земли: пару моргеновъ онъ получаетъ по наслѣдству, нѣсколько моргеновъ къ нему постепенно попадаетъ отъ общины; кромѣ того, часть земли постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки, такъ какъ и сельское населеніе не совсѣмъ же неподвижно,—часть его уходитъ въ города, освобождая соотвѣтствующее количество земли. Благодаря всему этому, въ мѣстахъ съ раздробленной землей,—находящейся въ частномъ или общинномъ владѣніи, — развивается такая любовь къ землѣ и бережное обращеніе съ нею, какихъ не

встрѣтишь ни въ одной мѣстности съ хваленымъ компактно-подворнымъ хозяйствомъ.

При помощи желѣзной энергіи человѣкъ можетъ кое-чего добиться, подняться по соціальной лѣстницѣ, и вы мнѣ повѣрите, если я на основаніи личныхъ наблюденій, — я выросъ въ краѣ съ общиннымъ землевладѣніемъ, — скажу, что прямо поразительно, какое громадное вліяніе оказываетъ эта система на людей, какъ отражается она въ трезвости населенія, въ бережливости, въ прочности семьи, привязанности дѣтей къ родителямъ. Очень многія семьи въ состояніи посылать своихъ старшихъ дѣтей въ городъ, гдѣ послѣднія могутъ кое-что зарабатывать въ качествѣ домашней прислуги, ремесленныхъ учениковъ или подмастерьевъ; часто дѣти посылаютъ родителямъ все, что могутъ съэкономить, съ тѣмъ, чтобы эти сбереженія были „вложены въ землю“,—такъ какъ небольшіе участки земли въ этихъ мѣстахъ всегда можно купить.

Нѣкоторые ученые удивляются тому, что по вкладамъ въ сберегательныя кассы такія области очень невыгодно выдѣляются въ статистическихъ отчетахъ. Напрасно удивляются! Для крестьянина земля является лучшей сберегательной кассой. Остается только пожелать, чтобы онъ „вкладывалъ въ землю“ всѣ свои сбереженія, и чтобы наша аграрная политика давала ему возможность улучшать его положеніе.

Изъ какихъ провинцій переселяется населеніе? Не изъ нашей южной Германіи, гдѣ очень распространены альменды и дробное землевладѣніе, а изъ восточной и западной Пруссіи, Помераніи и Познани съ ихъ крупными дворянскими имѣніями. Мы видимъ, что община обезпечиваетъ существованіе, — правда, скромное и умѣренное,—но вполнѣ обезпечиваетъ, а это важнѣе всего.

Жалуются еще на то, что община привлекаетъ къ земледѣлію массу совершенно непригодныхъ къ тому людей. Каждый деревенскій сапожникъ, каждый портной хочетъ быть и сельскимъ хозяиномъ. Это многіе оплакиваютъ, какъ печальное и вредное для земледѣлія явленіе. Но всякій, кто знакомъ съ условіями нашей деревенской жизни, знаетъ, что деревенскіе ремесленники занимаются земледѣліемъ не для собственнаго удовольствія, а потому, что ихъ заставляютъ обстоятельства. Они не могутъ купить на базарѣ на нѣсколько пфениговъ молока, зелени или картофеля. Ихъ сосѣди очень часто совершенно не склонны продавать такіе продукты по мелочамъ: это недостаточно выгодно. Ремесленникъ вынужденъ самъ добывать все нужное. Повѣрьте мнѣ, этотъ образъ жизни — на половину крестьянина, на половину ремесленника, — одинъ изъ самыхъ здоровыхъ, и мы должны радоваться тому, что община даетъ этимъ людямъ возможность вести образъ жизни, для нихъ совершенно недоступный или достигаемый лишь съ громадными усиліями

въ мѣстахъ съ крупнымъ или среднимъ компактно-подворнымъ землевладѣніемъ.

О *соціальной сторонѣ* системы мнѣ нѣтъ надобности особенно распространяться. Если бы мы о какомъ-нибудь экономическомъ институтѣ могли сказать, что онъ позволяетъ цѣлому классу населенія улучшать свое положеніе, даже обязательно ведетъ къ улучшенію положенія цѣлаго класса, то мы сказали бы все, что можно сказать хорошаго въ наши дни объ экономическихъ институтахъ. А объ общинѣ мы это можемъ сказать съ полной справедливостью. Тамъ бѣднѣйшій поденщикъ все же имѣетъ хоть собственные овощи и картофель. Онъ работаетъ и копитъ, можетъ быть, арендуетъ клочекъ земли; изъ скудныхъ сбереженій пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени за пару сотенъ марокъ небольшой участокъ въ собственность; черезъ нѣсколько лѣтъ ему увеличиваютъ и общинный надѣлъ, и онъ доживаетъ свои дни, какъ самостоятельный мелкій хозяинъ. Такой обнищавшій, безъ надежды когда-либо подняться, сельскій пролетаріатъ, какъ въ мѣстахъ съ крупнымъ частнымъ землевладѣніемъ, здѣсь, во всякомъ случаѣ, невозможенъ.

Въ Швейцаріи мы имѣемъ нѣсколько густо населенныхъ промышленныхъ областей, гдѣ фабричная или домашняя промышленность распространены высоко на горныхъ склонахъ и долинахъ. И здѣсь альмендная система значительно смягчаетъ пагубныя послѣдствія фабричнаго труда для рабочихъ. Напримѣръ, для рабочихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ въ кантонѣ Глярусъ большое благодѣяніе, если община даетъ имъ землю для посѣва картофеля и овощей. На фабрикахъ работы должны раньше начинаться и кончаться, чтобы у рабочихъ оставалось еще время для обработки поля. Смѣна работы въ закрытомъ помѣщеніи работой на открытомъ воздухѣ очень полезна для здоровья. Урожай съ небольшого поля служитъ для нихъ подспорьемъ въ моментъ застоя въ фабричной дѣятельности и оставляетъ нѣкоторыя сбереженія, когда фабрики работаютъ бойко. Пришлые рабочіе, не члены мѣстныхъ общинъ, не могутъ быть опасными конкуррентами; неосѣдлый подвижной пролетаріатъ вообще не можетъ долго здѣсь продержаться.

Все, чего добивались—очень часто безъ достаточнаго пониманія дѣла—путемъ противодѣйствія „стремленію въ города", „децентрализаціей индустріи", т. е. перенесеніемъ фабрикъ въ деревни—все здѣсь осуществлено и имѣетъ въ мѣстныхъ условіяхъ жизни корни, какихъ оно не можетъ имѣть въ мѣстахъ, гдѣ фабричный рабочій въ деревнѣ является только фабричнымъ пролетаріемъ,—гдѣ ему недостаетъ того, что составляетъ жизненный элементъ жителя деревни—земли. Повсемѣстно въ деревняхъ—съ дробнымъ или компактнымъ *частнымъ* землевладѣніемъ—судьба стариковъ, какъ извѣстно, трагична. Разъ старикъ

выпустилъ изъ рукъ бразды правленія, передалъ хозяйство дѣтямъ, онъ становится имъ въ тягость. Не одинъ разсказчикъ изъ народнаго быта увлекалъ насъ потрясающими повѣстями о старыхъ крестьянахъ, которымъ выпадалъ жребій короля Лира. Гдѣ существуетъ альменда, вы не услышите ничего подобнаго. Здѣсь дѣти—въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ увеличеніе надѣла съ увеличеніемъ возраста общинника—наперерывъ другъ передъ другомъ стараются привлечь къ себѣ старика отца или старуху мать, сохранившихъ право на общинный надѣлъ. Вы скажете, что у нихъ мотивы слишкомъ матеріальные, слишкомъ неродственные. Ну, если результаты хороши, мы можемъ мириться и съ матеріальными мотивами. Мнѣ приходилось слышать отъ сельскихъ врачей, что въ ихъ мѣстахъ—рѣчь шла о южной части Гессена, провинціи Штаркенбургъ—крестьянину не придетъ въ голову позвать врача для себя самого, для своей жены или дѣтей, но когда заболѣваетъ старый отецъ или старая мать, тотчасъ посылаютъ за врачемъ, не останавливаясь ни передъ какими расходами.

Самое важное соціальное преимущество общины заключается, по моему, въ томъ, что она не дѣйствуетъ на бѣдныхъ такъ деморализующе, какъ всѣ другія системы благотворительности и помощи бѣднымъ. Что дается здѣсь человѣку? Лишь одинъ изъ элементовъ производства—земля, которую онъ долженъ оросить собственнымъ потомъ, если хочетъ что нибудь получить отъ нея. Онъ долженъ работать для того, чтобы на дѣлѣ воспользоваться милостыней, данной ему общиной, и въ этомъ благотворная сторона такой милостыни. То, что наша система страхованія отъ старости и дряхлости,—при помощи очень сложныхъ искусственныхъ мѣръ,—старается дать массѣ фабричныхъ рабочихъ, здѣсь осуществлено самымъ простымъ образомъ, придумано и проведено въ жизнь обыкновенными крестьянами, функціонируетъ вполнѣ надежно и почти безошибочно.

Далѣе, альменда не можетъ дѣлать долговъ, альмендная собственность не можетъ быть закладываема. Она также не можетъ быть отнята у общинника. Она, такимъ образомъ, даетъ то, что стремится осуществить аграрная реформа перенесеніемъ къ намъ всѣмъ вамъ извѣстной американской институціи — *Homestead* *), институціи, которая у насъ, однако, упорно не хо-

*) Неотчуждаемое имущество. Въ Америкѣ участки неотчуждаемой земли довольно велики, мѣстами ихъ стоимость доходитъ до 1,000 долларовъ. Въ англійскихъ владѣніяхъ С. Америки 300 — 500 долларовъ. Эта земля разсматривается, какъ орудіе производства, и, подобно инструментамъ ремесленника, не можетъ быть продаваема за долги. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, впрочемъ, принципъ нарушается тѣмъ, что владѣльцу земли предоставляется право ее закладывать; для этого требуется только согласіе жены владѣльца, такъ какъ неприкосновенностью пользуется только земля семейныхъ ферме-

четъ привиться и, вѣроятно, не привьется никогда, потому что, условія у насъ слишкомъ рѣзко отличаются отъ американскихъ. Здѣсь мы имѣемъ лучшій изъ видовъ Homestead'—аобезпеченіе каждаго отъ крайней нищеты.

Если я въ заключеніе еще укажу на то, что въ общинахъ, сохранившихъ альменду, не можетъ возникнуть такая глубокая пропасть между богатымъ и бѣднымъ, какъ при частной собственности, что крайняя нищета здѣсь должна остаться явленіемъ невѣдомымъ, то надѣюсь, что для доказательства основныхъ преимуществъ альмендной системы мною приведено достаточно доводовъ.

Но есть въ альмендѣ еще одна хорошая сторона: она оказываетъ чрезвычайно благотворное вліяніе на самое населеніе, такъ какъ, прежде всего, возбуждаетъ очень живую, — скажу даже тѣсную—общественную жизнь, какой мы напрасно будемъ искать въ мѣстахъ, гдѣ общины уже нѣтъ, гдѣ „людямъ уже нечего дѣлить между собой".

Вы, пожалуй, опять скажете, что и здѣсь люди дѣйствуютъ изъ чисто матеріальныхъ побужденій. какъ въ случаѣ съ заботливостью дѣтей о родителяхъ. Но мы этому должны радоваться: человѣкъ вѣдь сотканъ не изъ очень благороднаго матеріала— мы должны радоваться тому, что здѣсь дается хоть возможность подавлять эгоистическіе инстинкты отдѣльныхъ индивидуумовъ во имя общественныхъ интересовъ, заставлять каждый индивидуумъ содѣйствовать смягченію, искорененію нужды, заботиться о томъ, чтобы каждый получилъ, что ему слѣдуетъ, заботиться о благѣ не отдѣльныхъ элементовъ, а цѣлаго.

Я собралъ цѣлую коллекцію статутовъ, регулирующихъ пользованіе альмендой. Общія предписанія даетъ законъ; спеціальныя для каждой общины — *мѣстный статутъ* (Ortsstatut). Терминъ, безъ сомнѣнія, вамъ знакомъ; онъ встрѣчается нерѣдко въ различныхъ законахъ, — напримѣръ, въ нашемъ имперскомъ промышленномъ уставѣ. Здѣсь это слово отпечатано прекрасными буквами и, обыкновенно, остается только мертвой буквой, такъ какъ люди не ощущаютъ ни малѣйшей потребности претворить его въ живую дѣйствительность. Но Ortsstatut'ы, касающіеся пользованія альмендой, отнюдь не являются мертвой

ровъ. Такимъ образомъ, притязанія на «неприкосновенную» землю могутъ представить только тѣ лица или учрежденія (большей частью поземельные банки), у которыхъ эта земля заложена; остальные кредиторы не могутъ ее описывать или продавать. Въ другихъ штатахъ земля, дѣйствительно, неприкосновенна не только при жизни владѣльца, но и послѣ его смерти—до достиженія совершеннолѣтія младшимъ изъ оставленныхъ имъ дѣтей. Въ Европѣ и, въ особенности въ Германіи, много разъ возбуждался вопросъ о введеніи подобнаго института, но дальше проектовъ дѣло не пошло.

Перев.

буквой: они живутъ, въ ихъ выработкѣ участвовалъ каждый членъ общины изъ личныхъ побужденій, въ нихъ найдено средство примирить интересы часто діаметрально противоположные. Мой покойный другъ Лавелэ, авторъ „Первобытной собственности“, великій другъ людей и заслуженный политико-экономъ, съ которымъ я провелъ не одинъ день въ южно-германскихъ общинахъ, первый обратилъ вниманіе на швейцарскія альменды и тогда-же произнесъ фразу: *„Швейцарская демократія зиждется на альмендѣ“*. Онъ сказалъ истину—конечно, если слово *демократія* понимать не въ томъ превратномъ смыслѣ, въ какомъ оно часто понимается. Швейцарская демократія зиждется не на федеративномъ, не на кантональномъ, а на общиномъ строѣ. Здѣсь демократизмъ проявляется особенно жизненно, особенно интенсивно. Въ кантонахъ съ развитою земельною общиной, гдѣ все населеніе цѣлыхъ небольшихъ областей сходится для рѣшенія общественныхъ вопросовъ, мы видимъ, чего можно достигнуть при помощи этой системы, какое напряженное вниманіе она вызываетъ у всѣхъ къ общественнымъ интересамъ, какъ легко, наконецъ, выполняются здѣсь такія общественныя тяготы, которыя прямо немыслимы при другихъ отношеніяхъ, въ другихъ странахъ, гдѣ люди не такъ живо заинтересованы въ поддержаніи общественнаго цѣлаго.

Важно и слѣдующее. Что община, свободно владѣющая большимъ лѣсомъ, снабжающая своихъ членовъ дровами и даже продающая дрова съ аукціона, что такая община не имѣетъ повода скупиться въ удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей въ лѣсѣ, понятно само собою. Общинныя подати вообще вызываютъ большое неудовольствіе и даже противодѣйствіе у сельскаго населенія, но разъ подать идетъ на пользу альменды, ее провести очень легко. Объ этомъ фактѣ достаточно упомянуть, и вы согласитесь, что и въ смыслѣ служенія интересамъ общежитія, общественности, альменда отнюдь не урѣзываетъ дѣятельности общины. Напротивъ. Въ Швейцаріи есть общины, которыя идутъ такъ далеко, что употребляютъ доходъ съ альменды не только на удовлетвореніе обычныхъ нуждъ общины, но и на нужды отдѣльныхъ жителей, даже не пользующихся правами общинника—того слоя населенія, о которомъ въ другихъ мѣстахъ никому и въ голову не приходитъ заботиться. Община на альмендныя средства снабжаетъ, напримѣръ, нуждающихся дѣтей, безъ всякого различія, учебными пособіями, новымъ платьемъ предъ конфирмаціей, хоронитъ умершихъ и т. д. Есть общины, которыя такъ хорошо хозяйничаютъ въ своихъ Альпахъ, что въ состояніи черезъ извѣстные промежутки времени отдавать въ распоряженіе каждаго своего члена опредѣленное количество масла.

Замѣчу, что мнѣ всегда казалось наиболѣе заслуживающимъ

уваженія въ альмендной системѣ то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обрывкомъ народнаго законодательства, съ чисто народнымъ учрежденіемъ, о которомъ мы можемъ сказать тоже, что говоримъ о народной пѣснѣ: это самъ народъ создалъ, выжалъ изъ глубины своего правового сознанія и своего нравственнаго чувства; онъ кроилъ эти законы на свой собственный ростъ, и поэтому они гораздо лучше подходятъ къ нему, чѣмъ законы, созданные за зеленымъ столомъ. Еше одно я хотѣлъ бы подчеркнуть: альменда удовлетворяетъ потребности, которая навсегда останется присущей человѣку, въ потѣ лица обрабатывающему землю—потребности быть самому хозяиномъ надъ землей. То правовое чувство, которое всегда остается неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ въ тлубинѣ души каждаго пахаря, находитъ себѣ дѣйствительнѣйшее и прекраснѣйшее выраженіе въ альмендѣ.

ВЪ „ПРОХОДНОЙ“.

(Очеркъ изъ фабричной жизни).

Наступалъ теплый весенній вечеръ. Золотые лучи заходившаго солнца ослѣпительно играли на церковныхъ крестахъ отдаленнаго города и краснымъ пламенемъ отражались въ широкихъ окнахъ табачной фабрики „Феликсъ и К°“. Городъ красиво раскинулся по зеленымъ холмамъ крутого берега небольшой рѣки и отдѣлялъ отъ себя фабрику грязной слободкой, въ которой ютились ремесленники всѣхъ цеховъ, нищіе, босяки и фабричные рабочіе,—словомъ, всѣ тѣ, такъ называемые „маленькіе люди“, на плечи которыхъ жизнь возложила громадный трудъ, платя великой нуждой за жалкій кусокъ хлѣба. Днемъ слободка работала и молчала; а ночью тянулись по ней вонючіе обозы, раздавались пѣсни, „караулъ“, полицейскіе свистки и собачій вой. Фабричныя зданія щеголяли передъ лачугами слободки прочностью, красотой и свѣжестью красокъ; желѣзная рѣшотка и зеленый заборъ изъ колючихъ, ровно остриженныхъ кустовъ,—широко охватили фабрику со всѣми ея постройками и сомкнулись съ каменными стѣнами сараевъ и кладовыхъ. На фабричномъ дворѣ лежали асфальтовыя дорожки, росли бѣлыя акаціи, висѣли электрическіе фонари, а на главномъ корпусѣ, словно большая дубина съ грязнымъ набалдашникомъ, торчала неизмѣнная труба, тонкая и красная.

У большихъ воротъ съ „проходной“ будкой и полукруглой вывѣской, украшенной желтыми и бѣлыми медалями „за искусство“,—четыре сторожа внимательно слушали высокаго, лѣтъ тридцати, господина, въ модномъ костюмѣ, съ закрученными кверху рыжими усами, отъ которыхъ его лицо, съ крѣпкимъ носомъ и выпученными глазами, принимало рачье и безстыжее выраженіе. Онъ стоялъ въ небрежной позѣ человѣка, имѣющаго власть, и строго грозилъ длиннымъ пальцемъ; сторожа со страхомъ глядѣли на его па-

лецъ, подобострастно кивали головами и выражали своими позами, что они преданы и готовы исполнить все, что прикажетъ этотъ господинъ.

Раздался свистокъ; сторожа бросились къ „проходной“, отворили двери и стали у притолокъ одинъ противъ другого, на обоихъ концахъ узкаго корридора, а господинъ съ рыжими усами, заложивши руки назадъ, медленно подошелъ къ рѣшотчатымъ воротамъ и сталъ глядѣть на заходившее солнце съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ ему строгій выговоръ: если оно къ завтрашнему дню не исправится, то онъ уволитъ его безъ прошенія, для пользы службы...

Покраснѣвшее солнце смущенно поглядывало изъ-за бугра въ дверь будки и старалось освѣтить какъ можно лучше узкій корридоръ, по которому медленно и гуськомъ двигались рабочіе обоего пола отъ пятнадцатилѣтняго возраста. Упираясь другъ другу въ спины, рабочіе по очереди попадали въ объятія сторожей, которые хватали, щупали у нихъ животы, бока, спины и всѣ мѣста, гдѣ могло быть спрятано фабричное имущество. Къ этому обыску („щупкѣ“, какъ называютъ его рабочіе) люди относились разно: одни съ готовностью отводили руки отъ боковъ и отдавали себя въ полное распоряженіе сторожей; другіе смотрѣли на обычное явленіе равнодушно и шли съ однимъ желаніемъ —поскорѣй разстаться съ фабрикой; третьи оказывались „озорниками“, къ сторожамъ относились непочтительно, долгомъ своимъ почитая наступить имъ на мозоли, задѣть локтями за лицо, и, не вынимая рукъ изъ кармановъ, проходили гоголемъ, возбуждая подозрѣніе сторожей. Женщины вели себя странно; казалось даже, что онѣ нездоровы: когда руки сторожей хватали ихъ за животъ, бока, грудь,—онѣ ежились и перегибались, точно отъ нестерпимой боли.

Посредствомъ этой „щупки“ фабрика убѣждалась въ честности рабочихъ... вплоть до завтрашняго дня. Блѣдно-зеленыя лица рабочихъ выражали усталость и равнодушіе... Они выходили изъ корридора, какъ очумѣлые, странно озираясь кругомъ, точно въ первый разъ глядя на міръ Божій. Могло показаться, что это больные, которыхъ отпустили умирать въ лачугахъ грязной слободки. Но это только казалось. Въ дѣйствительности это были живые люди, которые тоже думали, страдали, мечтали...

На этотъ разъ они даже думали о чемъ-то особенномъ: не торопясь въ свою слободку, толпились у „проходной“ и, опираясь другъ другу на плечи, глядѣли въ узкую дверь будки, какъ будто ожидая чего-то необычайнаго...

Предметомъ любопытства была молодая работница № 115.

звали ее Аннушкой. Она была задержана для тщательнаго обыска по приказанію господина съ рыжими усами, старшаго хранителя фабричнаго имущества, извѣстнаго развратника, много разъ битаго мужьями и братьями за амурныя похожденія. Этотъ господинъ имѣлъ неограниченную власть ощупывать всѣ части тѣла работниковъ и работницъ на всей фабричной территоріи. Хозяинъ цѣнилъ его вѣрную службу, преданность, „смѣкалку" и величалъ Петромъ Ивановичемъ, а рабочіе прозвали его „Желтымъ".

Аннушку знали всѣ: это была милая дѣвушка, высокая и стройная, какъ одинокій тополь, росшій на фабричномъ дворѣ; ея темные глаза свѣтились тихою грустью, а на красивомъ лицѣ, словно лучъ солнца, играла привѣтливая улыбка... Она была работница, какъ и другія, но отпечатокъ какой-то особенной чистоты и прирожденнаго изящества, не составляющаго исключительной привилегіи какого бы то ни было класса,—лежалъ на всей ея привлекательной фигурѣ. Въ фабричную среду эта дѣвушка вносила ту особенную душевную прелесть, отъ которой самые угрюмые люди становились веселѣй и съ надеждой глядѣли на свѣтъ Божій; молодые парни потихоньку вздыхали о ней и завидовали ея жениху. „Желтый" тоже отмѣтилъ ее своимъ благосклоннымъ вниманіемъ: онъ всегда отвѣчалъ красивой дѣвушкѣ на поклоны и чаще всѣхъ вызывалъ ее въ контору для какихъ-то переговоровъ. Дѣвушка продолжала держаться просто, съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ, и всѣ ее любили... Всѣ чувствовали, что она всетаки „своя", и забитая, скучная, сѣрая, несчастная среда рабочихъ на фабрикѣ „Феликсъ и К°" гордилась и любовалась ею, какъ цвѣткомъ, расцвѣтшимъ въ затѣненномъ и сыромъ углу...

Теперь ее задержали, какъ заподозрѣнную, по какимъ-то особымъ основаніямъ, въ кражѣ папиросъ... Всѣ были изумлены; всѣмъ было горько и обидно. Казалось, что Аннушка, вмѣстѣ съ хозяйскими папиросами, украла у этихъ бѣдныхъ людей какую-то необыкновенно дорогую вещь, которую, какъ дѣтство, никогда уже не вернешь и не забудешь. А воровка, между тѣмъ, стояла въ корридорѣ „проходной", блѣдная, взволнованная, растерянно глядя испуганными глазами на сторожей... Казалось, она испытывала мучительное чувство стыда отъ упорныхъ взглядовъ изумленной толпы.

Явился Желтый: онъ медленно поглядѣлъ на дѣвушку выпученными глазами и вздохнулъ съ видомъ человѣка, которому тяжело исполнять непріятный, но необходимый долгъ. Толпа колыхнулась; рабочіе сдвинулись еще плотнѣй и, приподымаясь на носки, молча вытягивали шеи. Стало тихо. Люди удерживали дыханіе.

— Я не виновата,— сказала дѣвушка, — видитъ Богъ, не виновата! — наивно повторила она. — Я никогда ничего не брала: отпустите, Петръ Иванычъ!

Желтый не выдержалъ роли сочувствующаго человѣка. Лицо его передернулось ехидной улыбкой. Прищуривъ одинъ глазъ, онъ любовался волненіемъ дѣвушки и умышленно медлилъ.

Аннушка съ опущенными, какъ плети, руками, не шевелясь, стояла посреди корридора, какъ-бы чего-то ожидая и не зная, когда настанетъ конецъ ея жестокой пыткѣ.

— Обыскать!—крикнулъ Желтый своимъ трескучимъ голосомъ и указалъ взглядомъ на дѣвушку.

Толпа не то вздохнула, не то дрогнула и замерла.

Два сторожа принялись исполнять приказаніе: одинъ ошарилъ въ рукавахъ, разстегнулъ платье и обнажилъ грудь дѣвушки, съ висѣвшимъ на ней крестикомъ; другой вывернулъ карманы, осмотрѣлъ въ складкахъ юбки и полѣзъ ощупывать за чулками. Дѣвушка оцѣпенѣла отъ возмутительной расправы и содрогалась отъ прикосновенія къ голымъ ногамъ цѣпкихъ рукъ сторожа. Безмолвные люди, глядѣли на Аннушку и невольно ежились, какъ бы отъ прикосновенія грубыхъ холодныхъ рукъ къ собственному тѣлу...

Желтый стоялъ тутъ же. Онъ слѣдилъ жаднымъ взглядомъ за подробностями обыска; на его лицѣ проступало скверное выраженіе, его бритыя щеки шевелились.

Минута была мучительная. Всѣ чувствовали себя участниками гнуснаго дѣла, совершаемаго надъ беззащитнымъ человѣкомъ, и не могли глядѣть другъ другу въ глаза.

— Ничего нѣтъ!—доложилъ сторожъ, опуская подолъ,— ни одной папиросочки!

— Отпустить!—приказалъ Желтый и торжественно зашагалъ по аллеѣ изъ бѣлыхъ акацій къ главному корпусу.

Толпа повеселѣла: ахнула, свистнула и, погрозивъ кулаками спинѣ Желтаго, разсыпалась въ разныя стороны. Сторожа тоже разступились. Но дѣвушка, словно, окаменѣла отъ позора и, освѣщенная лучами солнца, съ обнаженною грудью и блестѣвшимъ на ней крестикомъ, неподвижно, какъ изваяніе, стояла въ корридорѣ проходной..

Толпа расходилась по домамъ, гудѣла и разсуждала о происшедшемъ. Это былъ смѣшанный гулъ оживленныхъ разговоровъ, въ которыхъ трудно было разобрать отдѣльныя мнѣнія,—какой-то хаосъ, изъ котораго вырывались только ничего незначащіе возгласы, вродѣ: „Ахъ, негодяй!..“ „Аннушка, небось, не таковская!“ „Да, братъ, у ней не покуришь“... Только старики шли молча и угрюмо. Они привыкли къ та-

кимъ эпизодамъ и, повидимому, не думали, что такіе порядки могутъ когда-нибудь измѣниться...

Когда толпа порѣдѣла, разойдясь по улицамъ и переулкамъ, изъ „проходной" вышла Аннушка съ кучкой подругъ-работницъ, и онѣ торопливо пошли вслѣдъ за другими. Дѣвушка пугливо оглядывалась на фабрику и чувствовала, будто ее все еще хватаютъ за ноги, лѣзутъ къ ней за пазуху... Ей хотѣлось кричать, просить у кого-то помощи. Но рядомъ съ нею, подавленныя и застыдившіяся, какъ и она, шли ея подруги, такія же безпомощныя и безправныя... По лицу ея текли слезы...

— Не плачь, голубушка, — сказала одна изъ работницъ, заботливо поправляя вывернутые сторожемъ карманы.—Нешто одну тебя обидѣли? Нашу сестру вездѣ срамятъ: и на ткацкихъ, и на прядильныхъ—вездѣ одно... Ужъ это извѣстно! Желтый только срамницъ, любовницъ своихъ оставляетъ въ покоѣ...

— А честную-то ему и надо срамить!—рѣзко и раздраженно прибавила другая.

Аннушка покачала головой, что-то хотѣла сказать, но не могла. Губы ея судорожно искривились, глаза совсѣмъ наполнились слезами...

— Ты бы застегнулась, милая... Народъ глядитъ, подумаютъ и нивѣсть что... Застегнись, касатка.

И женщины кучкой загородили ее отъ прохожихъ.

Аннушка спохватилась и стала торопливо застегиваться, но пуговицы не слушались ее, руки дрожали. Она собрала въ горсть платье на груди и другой рукой отерла слезы.

— Кабы хозяйскую дочь такъ осрамилъ, тогда бы узналъ, мошенникъ, правило-то свое,—сказала пожилая женщина и закашлялась до тошноты. Табачная пыль сдѣлала свое дѣло, и старая работница долго не могла унять кашель... Всѣмъ стало жаль старуху, и это усилило общее угнетенное настроеніе...

У маленькаго, покосившагося домика Аннушка простилась съ подругами и скрылась за калиткой.

Работницы тоже расходились по домамъ и вполголоса толковали:

— Плачетъ... И то—срамъ вѣдь большой... Какъ бы чего не вышло съ женихомъ-то... Другому вѣдь тоже не понравится это...

— Она чѣмъ виновата?

— Ахъ, милая... Да развѣ это всякій разбираетъ. Осрамили, и все тутъ...

— Нешто родители вступятся за нее...

— А родители что могутъ сдѣлать? — перебила старая

работница, лихорадочно сверкая глазами,—куда они сунутся? Захочетъ Желтый—завтра же всѣхъ наизнанку вывернетъ, и дѣваться некуда!.. А то—родители! Велика штука родители!—повторила она и опять закашлялась.

Всѣ замолчали и шли, погруженныя въ невеселыя думы, не замѣчая роскошнаго заката, воздуха, напоеннаго ароматомъ бѣлыхъ акацій, и колоссальнаго вѣера изъ огненныхъ лучей, величественно раскинувшагося по небосклону.

Н. Темный.

---

* * *

Прости меня... Какъ всѣ, я не могу любить:
Мнѣ ненавистна цѣпь рабыни терпѣливой,
И никогда рукѣ властолюбивой
Моей души не подчинить!

Свободная, она покорна лишь мечтѣ,
Одной своей мечтѣ, прекрасной и далекой,
Звѣздѣ, горящей одиноко
На недоступной высотѣ...

Прости... Ничья любовь, ничья земная страсть
Цѣпями оковать души моей не сможетъ.
Стремленье вѣчное ея покой тревожитъ
И въ даль ее влечетъ таинственная власть!

Г. Галина.

Нерѣшенныя проблемы біологіи.

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?

Тяжба механистовъ съ виталистами.

О, физика, берегись метафизики!..

Ньютонъ.

... Естествознанію не слѣдовало бы ставить на мѣсто анимистической или метафизической мифологіи—*мифологію механическую*, не слѣдовало бы смотрѣть на созданныя имъ самимъ средства экономіи, на атомы и молекулы какъ на какія-то *реальности*, скрывающіяся за явленіями. Это приводитъ къ созданію *мнимыхъ* проблемъ...

Эрнстъ Махъ.

I.

Отличается-ли чѣмъ-либо существеннымъ „жизненный процессъ" отъ иныхъ процессовъ природы? Существуетъ ли коренная разница между „живымъ" и „мертвымъ"? Возможно-ли свести „жизненныя явленія" полностью, безъ остатка, на игру физико-химическихъ силъ? Входятъ-ли такія проявленія жизни, какъ ощущеніе и сознаніе, въ компетенцію „механики атомовъ"? Словомъ: что такое жизнь?

Убѣжденный противникъ витализма, хорошо знакомый съ блестящими успѣхами естествознанія за послѣдніе лѣтъ 40—50, и прекрасно освѣдомленный на счетъ того, можно сказать, позорнаго пораженія, которое потерпѣло старое виталистическое ученіе въ борьбѣ съ механическимъ міровоззрѣніемъ,—убѣжденный сторонникъ *положительнаго метода въ наукѣ* скажетъ: зачѣмъ подымать вновь вопросы, благополучно сданные наукою въ архивъ? Зачѣмъ смущать умы указаніемъ на не существующія проблемы? Зачѣмъ заражать ихъ невѣріемъ во всемогущество науки? Да, наконецъ, выдвинута-ли проблема жизни самой наукой, или появленіе ея объясняется лишь тѣмъ, что нашлось два-три смѣльчака, которымъ, не взирая на мудрые уроки исторіи, вздумалось вновь выдвинуть ее? Въ возраженіяхъ этихъ больше всего недо-

умѣнія вызываетъ указаніе на какихъ-то смѣльчаковъ, которые, въ качествѣ enfants terribles, склонныхъ по натурѣ своей ко всякаго рода дебошу, якобы властны произвести переполохъ въ наукѣ. Такое указаніе, какъ увидимъ дальше, дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ научной литературѣ. Но тутъ, очевидное дѣло, или кроется какое-то недоразумѣніе, или-же сказывается нежеланіе считаться съ фактами самой жизни.

Оставляя пока въ сторонѣ какъ оптимистическія чаянія неовиталистовъ, такъ и фанатическую вѣру механистовъ въ неуязвимость ихъ міровоззрѣнія, мы должны будемъ сейчасъ-же заявить, что новое теченіе въ естествознаніи характеризуется вовсе не тѣмъ, что нашлись какіе-то тамъ фантазеры, которые рѣшились оповѣстить весь міръ о воскресеніи витализма. Законность и серьезность этого теченія опредѣляется болѣе объективными данными. Фактъ на лицо: вопросы, поставленные въ началѣ этой статьи, особенно живо занимаютъ видныхъ представителей современнаго естествознанія; за послѣднія десять лѣтъ создалась довольно обширная литература pro и contra неовитализма. Не перечисляя всѣхъ тѣхъ статей и книжекъ, съ которыми намъ придется здѣсь еще не разъ считаться, назову хотя бы слѣдующія совершенно новыя работы на эту тему: Mechanismus und Vitalismus—Механизмъ и витализмъ—Бючли (1901 г.), Die chemische Organisation der Zelle—Химическое строеніе клѣтки—Гофмейстера (1901 г.), Die Biogenhypothese—Біогенная гипотеза—Макса Ферворна (1903 г.) и Das biomechanische (neovitalistische) Denken in der Medicin und in der Biologie—Біомеханическое (неовиталистическое) мышленіе въ медицинѣ и біологіи—Бенедикта (1903 г.). Словомъ, споръ между установившимся въ естествознаніи міровоззрѣніемъ и новыми теченіями въ біологіи дѣйствительно существуетъ, и интересы науки настойчиво говорятъ о необходимости отнестись возможно серьезнѣе и безпристрастнѣе къ этимъ „новымъ теченіямъ“, а не отмахиваться отъ нихъ брезгливо, какъ отъ назойливаго жужжанія комаровъ. Что-же касается предупрежденія „не смущать умы“, то, право-же, это иной разъ бываетъ не безполезно, тѣмъ болѣе тогда, когда имѣется достаточное основаніе для такого неблагодарнаго занятія, какъ „смущеніе умовъ“. Въ атмосферѣ всепроникающаго анализа жизнеспособныя идеи пріобрѣтаютъ прочность стали; подъ перекрестнымъ огнемъ полемики истинно-научныя обобщенія лишь очищаются отъ лигатуры и становятся неуязвимы; а сомнѣніе... сомнѣніе—лучшій импульсъ къ дальнѣйшему развитію. Это прекрасно зналъ уже гётевскій „Духъ свѣта“, когда, предоставляя Фауста въ распоряженіе Мефистофеля, мотивировалъ свое рѣшеніе словами:

Слабъ человѣкъ: онъ часто засыпаетъ,
Стремясь къ покою—потому

Дамъ безпокойнаго я спутника ему:
Пусть вѣчно дѣйствуетъ и къ дѣлу возбуждаетъ!

И заботливый старикъ не ошибся въ выборѣ своемъ, ибо самъ Мефистофель—духъ безпокойный, духъ сомнѣнья—говоритъ про себя, что

Частица силы онъ,
Желавшей вѣчно зла, творившей лишь благое.

Ну, и Богъ въ помощь: пусть себѣ сѣетъ „смуту“, лишь бы это была дѣйствительная, серьезная смута, а не такъ себѣ—одно лишь безцѣльное смутьянство, аллюры легкой мысли.

Наиболѣе рьяные сторонники механическаго міровоззрѣнія взяли себѣ за правило считать всякаго несогласно мыслящаго виталистомъ. Достаточно усомниться въ возможности истолковать *всѣ* явленія жизни въ терминахъ матеріи, движенія и силы, достаточно заявить, что организмъ—не механизмъ, достаточно заикнуться на счетъ специфическаго характера основной біологической проблемы, чтобы въ отвѣтъ послышалось: Знаемъ, голубчикъ, куда ты гнешь! Тебѣ „жизненную силу“ надо! Если-же сомнѣвающійся и вопрошающій напередъ заявляетъ самъ, что „жизненная сила“ ровно ничего не объясняетъ, то ему говорятъ: „Не хитри и не наивничай, ибо мы ясно видимъ, что ты—виталистъ, тайный, замаскированный или, въ лучшемъ случаѣ, безсознательный виталистъ“. Разумѣется, это самый легкій и, къ сожалѣнію, зачастую весьма импонирующій способъ полемики. Извѣстно вѣдь заявленіе какого-то остроумнаго казуиста, что онъ берется по нѣсколькимъ фразамъ изъ любой книги обвинить автора ея въ ереси и отправить его на висѣлицу, а преступное сочиненіе предать сожженію. Не смотря, однако, на эти далеко не улыбающіяся переспективы, необходимо будетъ отмѣтить, что нѣтъ никакихъ резоновъ ставить все новое въ современной біологіи за одну общую скобку, да при томъ еще наклеивать такой скомпрометированный ярлыкъ, какъ витализмъ.

Еще любопытнѣе толкуется возникновеніе „новыхъ теченій“ въ современной біологіи нѣкоторыми изъ наиболѣе прямолинейныхъ послѣдователей такъ называемаго марксизма. Есть люди, которые настолько сроднились съ ученіемъ объ „экономическомъ базисѣ“ и „идеологическихъ надстройкахъ“, что ухитряются примѣнять свой аршинъ даже тамъ, гдѣ никто, казалось бы, даже самый разортодоксальный „ученикъ“, не рѣшится пользоваться имъ,—напримѣръ при оцѣнкѣ гипотезъ точнаго естествознанія. Одинъ изъ такихъ раритетовъ помѣстилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Научномъ Обозрѣніи“ довольно подробную рецензію объ извѣстной книгѣ проф. Фаминцына „Современное естествознаніе и психологія“, въ которой онъ доказываетъ, что проф. Фаминцынъ „неоткровенный“ виталистъ, и что такъ называемый

неовитализмъ есть не больше не меньше, какъ „идеологія отживающаго класса“. Отсюда слѣдуетъ—авторъ рецензіи такого вывода не дѣлаетъ, но онъ, очевидно, подразумѣвается,—что механическое міровоззрѣніе и атомистика—это идеологія другого класса, недавно выступившаго на историческую арену, идеологія будущаго. Много-ли научнаго смысла въ такого рода изгибахъ черезчуръ ужъ вольной мысли—предоставляю читателю судить самому. Съ своей же стороны прибавлю вотъ что: какъ ни прискорбно быть уличеннымъ въ „буржуазномъ“ складѣ мыслей и какъ ни лестно стоять подъ флагомъ „идеологіи будущаго“, все же придется констатировать, что не все въ такъ называемомъ неовитализмѣ—вздоръ, и что въ механическомъ міровоззрѣніи не все—ума палата...

Итакъ—къ счастью или къ несчастью, это ужъ какъ кому будетъ угодно—вопросъ о томъ, что̀ такое жизнь, вновь поднятъ наукою. Чѣмъ же, однако, вызвана необходимость пересмотра уже готовыхъ и, повидимому, прочно усвоенныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ? Вызвана она, съ одной стороны, развитіемъ біологіи, создавшимъ потребность въ углубленіи самой проблемы жизни и въ полученіи болѣе удовлетворительнаго рѣшенія ея, а съ другой стороны,—сравнительно болѣе высокимъ уровнемъ философскаго образованія наиболѣе видныхъ представителей современнаго естествознанія. Впрочемъ, само тяготѣніе натуралистовъ нашего времени къ философіи и особенно къ вопросамъ теоретико-познавательнаго характера обусловливается, во-первыхъ, болѣе близкимъ знакомствомъ съ явленіями жизни, т. е. именно успѣхами біологіи, и во-вторыхъ, сознаніемъ, что детальное изученіе жизненныхъ явленій не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя неизмѣнно связывались съ развитіемъ біологіи: успѣхи ея на лицо, а сущность жизненнаго процесса, не взирая на блестящія завоеванія науки о жизни, остается попрежнему загадкой. И вотъ тутъ-то, въ вопросѣ что̀ это за загадка, ка̀къ *нужно* формулировать ее и ка́къ *можно* рѣшить ее, тутъ-то и начинаются существенныя разногласія ученыхъ, разногласія, съ которыми намъ необходимо познакомиться, чтобы затѣмъ подвергнуть ихъ возможно безпристрастному анализу. Жизнь есть *физико-химическая проблема*, говорятъ одни; нѣтъ, она совершенно самостоятельная, *біологическая проблема*, отвѣчаютъ другіе. Всѣ явленія жизни можно свести полностью на процессы физико-химическіе и механическіе, а потому и рѣшеніе этой проблемы исчерпывается примѣненіемъ къ ней тѣхъ же методовъ, которыми наука пользуется при рѣшеніи проблемъ неорганической природы—такъ думаютъ сторонники „стараго“ направленія въ біологіи. Представители же „новаго“ теченія убѣждены, что съ такими пріемами мы угодимъ лишь въ глухой переулокъ, изъ котораго намъ никогда не выбраться, и что отдавать проблему

жизни цѣликомъ въ распоряженіе „механики атомовъ“ нѣтъ никакой возможности. Для первыхъ вѣроятность рѣшенія этой проблемы растетъ вмѣстѣ съ ростомъ біологіи; для послѣднихъ, наоборотъ, вѣроятность эта убываетъ вмѣстѣ съ развитіемъ біологическихъ знаній. Эти два враждебныхъ направленія лучше всего представлены въ слѣдующихъ заявленіяхъ Макса Ферворна и Бунге. „Можно съ увѣренностью ожидать,—говоритъ Ферворнъ,—что виталистическія стремленія новаго времени, встрѣченныя общимъ протестомъ, будутъ окончательно устранены, *благодаря болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о химизмѣ и механизмѣ клѣточной жизни. Не витализмъ, а механизмъ,—девизъ современной физіологіи*“ *). „Наоборотъ!—восклицаетъ Бунге.—Чѣмъ точнѣе, многостороннѣе и основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизненныя явленія, тѣмъ болѣе мы приходимъ къ уразумѣнію того, что явленія, которыя мы успѣли было объяснить физически и химически, гораздо сложнѣе и пока не поддаются никакимъ механическимъ объясненіямъ.,. *Механизмъ настоящаго мчитъ насъ съ увѣренностью навстрѣчу витализму будущаго*“ **). Формулировать свое credo рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ это сдѣлали Ферворнъ и Бунге, кажется, нельзя. Всѣ современныя теченія въ біологіи примыкаютъ съ бóльшимъ или меньшимъ приближеніемъ къ одной изъ этихъ взаимно исключающихъ формулировокъ.

Итакъ, проблема жизни—пока нерѣшенная проблема. Старый витализмъ провалился окончательно со своими наивными попытками рѣшить ее. На смѣну ему выступилъ неовитализмъ, желающій присвоить себѣ всѣ права и привилегіи на рѣшеніе этой проблемы; но механизмъ оспариваетъ эти права и надѣется удержать ихъ всецѣло за собою.

II.

Хорошо извѣстно, что Спенсеръ и Клодъ-Бернаръ считаются послѣдовательными сторонниками механическаго міровоззрѣнія; но и они очень опредѣленно подчеркивали разницу между неорганическимъ и организованнымъ міромъ. Спенсеръ въ своихъ „Основаніяхъ біологіи“ посвятилъ двѣ обширныя главы вопросу о томъ, чтó такое жизнь и въ чемъ разница между живымъ и мертвымъ, между организмомъ и кристалломъ. Также и Клодъ-Бернаръ не разъ возвращался къ этому вопросу, какъ въ классическомъ трудѣ своемъ „Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ“, такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, посвященныхъ спеціально интересующей насъ сейчасъ темѣ. Считая, что все-

*) *М. Ферворнъ.* Витализмъ. См. «Новое Слово» 1897 г. Мартъ.

**) *Бунге.* Физіологическая и патологическая химія. Витализмъ и Механизмъ.

возможныя попытки опредѣлить жизнь несостоятельны и должны быть по существу таковы, онъ тѣмъ не менѣе указываетъ на тѣ типичные признаки, которые характерны для всякаго явленія жизни и въ то же время отсутствуютъ въ явленіяхъ неорганической природы. Ясно, что тенденція найти и отмѣтить разницу между „живымъ“ и „мертвымъ“ сказывалась уже у корифеевъ современнаго естествознанія.—Но, скажетъ читатель, какъ бы то ни было, а и Спенсеръ, и Клодъ-Бернаръ все-же старики: со времени появленія „Основаній біологіи“ перваго прошло почти полвѣка, а знаменитыя лекціи послѣдняго „О жизненныхъ явленіяхъ“ читались ровно тридцать три года тому назадъ. За это время наука шагнула далеко впередъ. Укажите что-нибудь поновѣе.

Извольте. Возьмемъ выдержки изъ авторовъ, стоящихъ на строго механической точкѣ зрѣнія, ведущихъ борьбу съ неовиталистами, а потому, стало быть, совершенно свободныхъ отъ подозрѣнія въ „тайномъ“ сочувствіи новымъ настроеніямъ въ наукѣ. „Даже весьма убѣжденные послѣдователи того воззрѣнія, по которому всѣ явленія въ организмѣ протекаютъ физико-химически, были тѣмъ не менѣе также убѣждены, что каждая данная форма, въ которой такія явленія разыгрываются, не можетъ быть сама постигнута при помощи физико-химіи... Нельзя не признать, что формы, достигающія въ организованномъ мірѣ такого исключительно сложнаго строенія, заключаютъ въ себѣ нѣчто особенное“ *). Это говоритъ Бючли, одинъ изъ наиболѣе непримиримыхъ противниковъ неовитализма, третирующій временами, что называется, en canaille представителей этого направленія. Еще опредѣленнѣе высказывается другой, не менѣе убѣжденный сторонникъ механическаго міровоззрѣнія, Максъ Ферворнъ. Указавши на то обстоятельство, что химическая структура самыхъ существенныхъ частей живого существа намъ почти неизвѣстна, и что до сихъ поръ мы не знаемъ въ точности, являются-ли бѣлки настоящими химическими соединеніями, или-же скорѣе смѣсью таковыхъ, онъ продолжаетъ: „Но если бъ даже намъ и удалось выяснить химическую природу этихъ важныхъ веществъ, то тѣмъ самымъ едва-ли былъ бы сдѣланъ существенный шагъ впередъ въ дѣлѣ изслѣдованія собственно жизненныхъ явленій, ибо попрежнему оставалась бы старая проблема—какъ эти вещества становятся живою матеріей, откуда въ нихъ берется жизнь? Поэтому истинное рѣшеніе этой проблемы въ строго научномъ смыслѣ все еще является совершенно невозможнымъ также и на основаніи новыхъ изслѣдованій современной химіи и физики. Мы должны предоставить это будущему“ **).

---

*) *Бючли.* Mechanismus und Vitalismus. 1901 г.

) *М. Ферворнъ.*** Die Biogenhypothese. 1903.

Наконецъ, болѣе терпимый, но не болѣе своихъ единомышленниковъ уступчивый Оск. Гертвигъ высказывается въ такомъ же духѣ и, пожалуй, еще рѣшительнѣе. „Столь же несостоятельною, какъ витализмъ, является и механистическая догма, признающая, что жизнь со всѣми ея сложными явленіями есть не что иное, какъ физико-химическая проблема—несостоятельною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока подъ именемъ физики и химіи не будутъ пониматься науки совершенно иного рода, чѣмъ мы ихъ представляемъ себѣ сейчасъ, на основаніи ихъ историческаго развитія, съ ихъ объемомъ и содержаніемъ“ *). И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: „живой организмъ является не только комплексомъ химическихъ веществъ и носителемъ физическихъ силъ, но обладаетъ, кромѣ этого, еще особенной организаціей, структурой, благодаря которой онъ существенно отличается отъ неорганическаго міра, и благодаря которой только онъ одинъ именуется живымъ“ **)...

Мнѣ не хочется удѣлять много мѣста выдержкамъ, а то можно было бы привести цѣлый рядъ аналогичныхъ мѣстъ изъ другихъ авторовъ. Да это и не нужно. Уже изъ того, что приведено здѣсь, прямо слѣдуетъ, что біологія нашихъ дней въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей не только считаетъ необходимымъ подчеркнуть разницу между „живымъ“ и „мертвымъ“, но и пытается опредѣлить ее точнѣе. И эти попытки выливаются въ крайне своеобразную форму. Если „живое“ вещество дѣйствительно отлично отъ „мертваго“, и если въ то же самое время силы, дѣйствующія въ организованной природѣ, тождественны съ силами природы неорганической, то само собою разумѣется, что разница между живымъ и мертвымъ всецѣло опредѣляется своеобразной структурой живого вещества. Послѣдовательно проведенный выводъ этотъ приводитъ къ мысли постигнуть строеніе протоплазмы. И вотъ въ отвѣтъ на это создается цѣлая серія архитектурныхъ плановъ строенія живого вещества. Клѣтка, „элементарный организмъ“, становится объектомъ тщательнаго изученія. Сперва появляются теоріи о сѣтчатомъ, нитчатомъ, зернистомъ и ячеистомъ строеніи протоплазмы, — теоріи, вращающіяся въ предѣлахъ *строенія видимаго*, доступнаго микроскопическому изслѣдованію, а затѣмъ мысль покидаетъ сферу реальнаго и переносится въ область остроумныхъ гипотезъ и миѳовъ: появляются на сцену всевозможныя *плазомы*, *пангены*, *біофоры*, *идіобласты*, *біогены* и всякія иныя *предѣльныя* структурныя единицы живого вещества, о которыхъ мнѣ уже пришлось однажды довольно подробно бесѣдовать съ читателемъ. Всѣ эти витанія

*) *О. Гертвигъ*. Die Entwickellung der Biologie im 19 Jahrhundert. 1900 г.

**) *О. Гертвигъ*. Die Lehre vom Organismus und ihre Beziehung zur Socialwissenschaft. 1899 г.

въ эмпиреяхъ гадательнаго и возможнаго отмѣчены печатью одной и той-же думы, тревожной думы, которая, очевидно, не даетъ покоя лѣтописцамъ живой природы. Смыслъ ея, надо полагать, таковъ: *химическая* структура живого вещества не объяснитъ намъ никогда основныхъ явленій жизни; необходимо постигнуть *біологическую* структуру его. Или иначе: *химическая молекула* должна быть совершенно одинакова какъ въ „мертвомъ", такъ и въ „живомъ" бѣлкѣ, и тѣмъ не менѣе разница между первымъ и послѣднимъ громадна; стало быть съ одною химической молекулой далеко не уѣдешь, а потому надо придумать что нибудь другое—отсюда и всевозможныя „пангены", „біофоры" и т. п. Но какъ-же оживить всѣ эти структурныя единицы живой матеріи? Самое лучшее, разумѣется, напередъ придать имъ всѣ основныя свойства живого вещества — *способность питаться, расти, размножаться и цѣлесообразно реагировать на внѣшнія раздраженія.* Такъ на самомъ дѣлѣ и произошло: „пангены", „біогены", „идіобласты" надѣлены всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вообще характеризуется жизнь въ отличіе отъ не-жизни. Всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о гипотезахъ Визнера, Вейсмана, де-Фриза, Гертвига и Ферворна, мнѣ вспоминается остроумный анекдотъ, приведенный Ф. Ланге въ его „Исторіи матеріализма". Какой-то деревенскій пасторъ, собравши своихъ прихожанъ, принялся объяснять имъ устройство и дѣйствіе локомотива. Долго витійствовалъ почтенный пасторъ, но восклицаніе одного изъ слушателей окончательно расхолодило пастора. „Господинъ пасторъ! Да вѣдь тамъ внутри лошадь!" воскликнулъ наивный слушатель въ отвѣтъ на горячіе доводы пастора. „Съ лошадью внутри все ясно... Сама лошадь не требуетъ ужъ никакихъ объясненій", эхидно замѣчаетъ по этому поводу Ланге. Ну, а не такъ ли обстоитъ дѣло съ гипотетическими структурными единицами нашихъ біологовъ? Съ „біофорами" внутри все понятно! Сами біофоры не требуютъ ужъ никакихъ объясненій... Однако, какъ бы мы ни относились къ попыткамъ вышеупомянутыхъ ученыхъ дать полную картину строенія живого вещества, какъ бы мы ни оцѣнивали плоды ихъ творческой мысли, несомнѣнно лишь одно: знаніе физико-химической структуры протоплазмы считается ими недостаточнымъ для объясненія явленій жизни; признается необходимымъ принять въ соображеніе еще и біологическую структуру живого вещества. Правда, не всѣ такъ думаютъ, но это новое направленіе въ наукѣ о жизни сказывается такъ упрямо и сильно, что не считаться съ нимъ невозможно—невозможно уже по одному тому, что за этимъ направленіемъ скрывается довольно ясно выраженная увѣренность въ недостаточности основъ и методовъ механическаго міровоззрѣнія для объясненія явленій біологическихъ.

Есть, наконецъ, еще одинъ чрезвычайно яркій показатель тѣхъ сомнѣній, которыя вкрались въ душу еще недавнихъ „орто-

доксальныхъ“ механистовъ. Просмотрите работы по вопросу о витализмѣ и механизмѣ за послѣднее десятилѣтіе, ну хотя-бы, напримѣръ,—„Die Biologie als selbstständige Grundwissenschaft“ Дриша, „Mechanik und Biologie“ О. Гертвига, Vorfragen der Biologie“ Альбрехта, „Mechanismum und Vitalismus“ Бючли *) и на васъ дѣйствительно пахнетъ какою-то новою струей: по мнѣнію однихъ, это струя затхлая, мертвящая, по мнѣнію другихъ, — свѣжая, живительная. Не останавливаясь пока на рѣшеніи того, затхлая ли это струя на самомъ дѣлѣ, или свѣжая — къ этому вопросу мы еще вернемся въ свое время,—посмотримъ, каково фактическое содержаніе ея, что несетъ она съ собою, къ чему стремится, въ чемъ видитъ свое raison d'être. Возьмемъ только что названныя работы Дриша, Гертвига, Альбрехта и Бючли. Всѣ эти авторы начинаютъ свое изложеніе съ анализа содержанія нашего опыта и тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которыми пользуется человѣкъ въ качествѣ познающаго субъекта. Это собственно та область философіи, которая именуется *гносеологіей* или теоріей познанія. Что такое опытное знаніе? Какими формами мышленія обусловливается содержаніе и характеръ нашего опыта? Каковы отношенія между познаваемымъ объектомъ и познающимъ субъектомъ, между явленіемъ и ощущеніемъ, съ одной стороны, и сознаніемъ,—съ другой? Далеко ли простираются наши познавательныя способности? Возможно ли опредѣлить границы человѣческаго познанія и если да, то какъ? Вотъ вопросы, которые волнуютъ нашихъ авторовъ, заставляя ихъ тревожить великія тѣни Канта и Шопенгауэра, цитировать и коментировать этихъ мастеровъ отвлеченнаго мышленія, призывать имъ на помощь блестящую плеяду неокантіанцевъ и сторонниковъ эмпиріокритицизма—Ф. Ланге, Геринга, Риля, Лааса, Авенаріуса, Маха. Стало быть, что-нибудь да случилось особенное, коли потребовалось прибѣгнуть къ помощи всей этой тяжелой артиллеріи. Да, нужда неотложная: рѣчь идетъ о научной цѣнности и достаточности тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которыми точное знаніе пользовалось до сихъ поръ при изученіи природы. Прежде на этотъ счетъ сомнѣній не существовало, а теперь вдругъ взяло сомнѣніе. И вотъ, какъ механисты, такъ и неовиталисты отказываются отъ дурной привычки судить свысока о философіи и протягиваютъ ей руку примиренія, хотя бы лишь на время, хотя бы только для того, чтобы воспользоваться ея услугами для болѣе успѣшной борьбы съ противникомъ. Теорія познанія избирается въ третейскіе судьи для рѣшенія вновь загорѣвшейся тяжбы между механистами и виталистами: ей предлагаютъ произ-

*) Біологія, какъ самостоятельная основная наука. 1893 г. 2) Механика и біологія. 1897 г. 3) Предварительные вопросы біологіи. 1899 г. 4) Механизмъ и витализмъ. 1902 г.

нести окончательный приговоръ надъ „механизмомъ“ и „витализмомъ“ на основанiи выработанныхъ ею законовъ и „категорiй“...

Я регистрирую пока лишь факты, стараясь, на сколько это въ силахъ моихъ, излагать ихъ съ суровымъ безпристрастiемъ лѣтописца. Судить о нихъ мы будемъ послѣ. Теперь-же подчеркнемъ еще разъ слѣдующее. Разница между „живымъ“ и „мертвымъ“ констатируется самими механистами. Желанiе осмыслить эту разницу привело къ цѣлому ряду гипотезъ о невидимомъ строенiи живого вещества, а необходимость считаться съ нею побудила къ пересмотру основоположенiй какъ механическаго, такъ и виталистическаго мiровоззрѣнiя съ точки зрѣнiя теорiи познанiя.

III.

Что-же новаго дала наука для возрожденiя стараго спора между виталистами и механистами?

Полное крушенiе ученiя о самопроизвольномъ зарожденiи, о возникновенiи „живого“ изъ „мертваго“, затѣмъ обстоятельное знакомство съ размноженiемъ простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ и, наконецъ, не менѣе обстоятельное изученiе исторiи индивидуальнаго развитiя организмовъ многоклѣтныхъ (онтогенезъ),—все это привело къ широкому, нынѣ общепризнанному научному положенiю: *omne vivum ex vivo—все живое изъ живого.* Изъ обобщенiя этого, какъ и слѣдовало ожидать, механисты и виталисты сдѣлали совершенно различные выводы. Первые утверждаютъ: если тезисъ omne vivum ex vivo имѣетъ силу неоспоримой истины для современнаго состоянiя нашей планеты, то нѣтъ никакого логическаго основанiя думать, что правило это распространяется и на всѣ геологическiя эпохи: невозможное сейчасъ могло и должно было быть возможнымъ въ далекомъ прошломъ земли. Виталисты, наоборотъ, заявляютъ, что ученiе о самопроизвольномъ зарожденiи не могло не потерпѣть крушенiя, ибо защитники его надѣялись свести проблему жизни на степень обыкновенной физико-химической проблемы.

Нельзя не замѣтить, что сторонники враждующихъ направленiй говорятъ о различныхъ вещахъ. Въ то время какъ механисты полагаютъ, что жизнь есть нерѣшенная проблема лишь постольку, поскольку неизвѣстны еще тѣ *условiя,* при которыхъ обычныя силы природы преобразуютъ „мертвое“ въ „живое“, виталистъ убѣжденъ, что вопросъ о сущности жизни останется навсегда открытымъ, если только наука не выдѣлитъ его совершенно изъ цикла другихъ проблемъ естествознанiя и не откажется отъ мысли смотрѣть на жизнь, какъ на результатъ своеобразной игры физико-химическихъ силъ. Любопытнѣе всего тутъ вотъ что. Виталистъ нашихъ дней не отказывается отъ идеи единства природы

но онъ признаетъ ее только до тѣхъ поръ, пока ему говорятъ, что строительный матеріалъ живого вещества по своему *элементарному* составу тождественъ со строительнымъ матеріаломъ тѣлъ „мертвыхъ", и что термическіе, электрическіе, химическіе и т. п. процессы протекаютъ въ организмахъ съ тою-же закономѣрностью, какъ и въ тѣлахъ неорганическихъ. Когда-же ему заявляютъ, что, напримѣръ, ощущеніе и физико-химическій процессъ или сознаніе и „механика атомовъ"—одно и то же, то онъ приходитъ въ негодованіе и проникается чувствомъ непримиримой вражды какъ къ механическому міровоззрѣнію вообще, такъ и къ идеѣ единства природы въ частности.

Чтобы оріентироваться въ мотивахъ этого серьезнаго разногласія, приводящаго ученыхъ къ діаметрально протовоположной оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ-же объективныхъ данныхъ науки, необходимо точнѣе опредѣлить, въ чемъ-же тѣ характерныя особенности жизни, къ которымъ такъ настойчиво аппелируетъ виталистъ нашихъ дней.

Еще Клодъ-Бернаръ писалъ: „Въ живомъ существѣ непремѣнно есть два порядка явленій: явленія *жизненнаго созиданія* или организующаго синтеза и явленія смерти или органическаго разрушенія. Жизнь—это твореніе, *созиданіе* и въ то-же время—это *смерть*" (курсъ общей физіологіи). Эта мысль знаменитаго французскаго физіолога легла въ основу современныхъ ученій о жизни, и къ какому-бы изъ біологовъ мы ни обратились теперь съ вопросомъ объ отличительномъ признакѣ жизни, отвѣтъ получится тотъ-же, что и у Клодъ-Бернара, развѣ лишь въ нѣсколько иной формулировкѣ. Возьмемъ для примѣра ту формулировку, которую даетъ Максъ Ферворнъ, и присмотримся къ ней поближе. „Живые организмы,—говоритъ онъ,—характеризуются обмѣномъ веществъ, т. е. тѣмъ, что основа ихъ тѣла постоянно разрушается и опять возстановляется, соотвѣтственно чему постоянно отдаетъ вещество окружающей средѣ и принимаетъ другія вещества извнѣ... *Въ основѣ жизненнаго процесса лежитъ обмѣнъ веществъ бѣлковыхъ соединеній*" (Общая физіологія).

Итакъ, основу жизненнаго процесса составляетъ обмѣнъ веществъ: на немъ зиждется и питаніе, и ростъ, и размноженіе, и развитіе живыхъ существъ. М. Ферворнъ не безъ основанія говоритъ объ обмѣнѣ веществъ *бѣлковыхъ соединеній*, ибо бѣлки то и являются существеннымъ элементомъ живой матеріи; въ нихъ сосредоточено все то, чѣмъ организмъ матеріально отличается отъ не-организма, только въ организмахъ—и нигдѣ больше—встрѣчаются такія сложныя соединенія, какъ бѣлки.

Жизнедѣятельность организма, каждый ничтожный актъ въ жизни его сопровождается тратою, разрушеніемъ составляющихъ его тѣло бѣлковыхъ веществъ: они постепенно распадаются, пробѣгаютъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, образуя ве-

щества все менѣе и менѣе сложныя по своей химической структурѣ, и постепенно превращаясь въ конечные продукты разрушенія, которые и удаляются изъ организма, какъ матеріалъ уже негодный и даже вредный для дальнѣйшихъ нормальныхъ отправленій его. Такая трата живого матеріала привела бы организмъ къ неминуемой гибели, если-бы одновременно и параллельно съ нею не шелъ совершенно обратный процессъ—процессъ образованія новыхъ бѣлковъ изъ принимаемой организмомъ пищи. Эта творческая работа, этотъ процессъ созиданія новыхъ бѣлковъ, идущихъ на смѣну бѣлкамъ отжившимъ, разрушеннымъ дѣятельностью организма, начинается въ растительномъ царствѣ. Здѣсь, въ таинственной лабораторіи растеній, *неорганическія вещества*—вода, углекислота и минеральныя части почвы—образуютъ связный рядъ все болѣе и болѣе сложныхъ соединеній, и въ результатѣ этого, далеко еще не изслѣдованнаго, метаморфоза веществъ получаются бѣлки, какъ конечный продуктъ, какъ вѣнецъ творческой дѣятельности растительнаго организма. Дальше въ исторіи бѣлковъ наступаетъ перерывъ, представляющій одинъ изъ темныхъ и загадочныхъ моментовъ въ обмѣнѣ веществъ: *живому растительному бѣлку* предстоитъ „умереть“, чтобы затѣмъ вновь „воскреснуть“ въ преобразованной формѣ *живого бѣлка животныхъ*. Вспомните, что въ организмъ животнаго онъ поступаетъ въ видѣ *мертваго* пищевого матеріала; претерпѣвши здѣсь рядъ новыхъ превращеній — опять-таки мало изслѣдованныхъ — *мертвый* растительный бѣлокъ преобразуется въ *живой* бѣлокъ животнаго.

Образованіе жизнеспособнаго и жизнедѣятельнаго бѣлка растеній изъ неорганическаго матеріала уже достаточно досадная загадка. Но природа не ограничилась этимъ и вплела сюда еще другую загадку—вопросъ о превращеніи мертвыхъ бѣлковыхъ соединеній пищи въ живые бѣлки животнаго организма.

Словомъ, въ обмѣнѣ веществъ имѣется два ряда явленій — рядъ нисходящій и рядъ восходящій, регрессивный и прогрессивный метаморфозъ. Оба ряда идутъ параллельно и неизмѣнно обусловливаютъ жизненный процессъ. Внѣ регрессивнаго и прогрессивнаго метаморфоза бѣлковыхъ веществъ нѣтъ жизни, и вмѣстѣ съ прекращеніемъ послѣдней останавливается и обмѣнъ веществъ. *Мертвый организмъ*, медленно разрушаясь, испытываетъ рядъ измѣненій, аналогичныхъ регрессивному метаморфозу; *сложный минералъ* можетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій распасться на свои составныя части, и это по виду опять-таки напоминаетъ явленія регрессивнаго метаморфоза. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ и намека на то, что наблюдается только въ живыхъ тѣлахъ. Организмъ, разрушаясь, въ то же самое время и восполняетъ понесенныя имъ потери, т. е. продолжаетъ оставаться живымъ организмомъ со всѣми присущими ему особенно-

стями. *Ничего подобнаго въ лабораторіи „мертвой“ природы не наблюдается:* покончившій всѣ счеты съ жизнью организмъ превращается въ прахъ; подвергшійся вывѣтриванью минералъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ онъ вначалѣ, до того момента, когда судьба привела его въ столкновеніе съ тлетворнымъ вліяніемъ среды.

Всѣ согласны съ тѣмъ, что обмѣнъ веществъ—оба параллельные ряда его, и нисходящій, и восходящій—представляютъ сложный комплексъ послѣдовательно смѣняющихся физико-химическихъ процессовъ *). Въ прогрессивномъ метаморфозѣ мы имѣемъ фактъ постепеннаго перехода „мертваго“ (пища) въ „живое“ (протоплазма). Ну, а если прогрессивный метаморфозъ есть ни больше, ни меньше, какъ послѣдовательный рядъ физико-химическихъ явленій, то, стало быть, и жизнь не представляетъ по существу ничего специфическаго, отличнаго отъ явленій, разыгрывающихся въ органической природѣ, такъ что нѣтъ и самостоятельной, обособленной проблемы жизни. Да, но не надо забывать, что обмѣнъ веществъ, а слѣдовательно и возникновеніе „живого“ изъ „мертваго“ имѣетъ мѣсто лишь при наличности „живого вещества“: только тамъ, гдѣ оно дано, такъ сказать, напередъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется уже на лицо та своеобразная форма аггрегата матеріи и силы, которую мы называемъ *организмомъ*, является возможнымъ и обмѣнъ веществъ, и преобразованіе мертваго въ организованное. „Мертвое вещество, воспринятое въ качествѣ пищи, — говоритъ механистъ Визнеръ, — дѣлается въ растеніи живымъ только при содѣйствіи живого вещества“ **). То же самое признаютъ и всѣ біологи; да иначе и не могло бы быть, ибо положеніе „все живое изъ живого“, повторяю, вошло въ современное естествознаніе въ качествѣ непреложной догмы. Вотъ это-то и составляетъ ахиллесову пяту механическаго міровоззрѣнія, и потому не удивительно, что какъ старый, такъ и новый витализмъ особенно усердно эксплуатировалъ эту темную область физіологіи въ интересахъ своихъ излюбленныхъ тенденцій.

Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: что же такое представляетъ собою живое вещество?

Чтобы выбиться изъ того, не то порочнаго, не то заколдованнаго круга, гдѣ „живое вещество“ опредѣляется какъ „организація“, а „организація“ признается отличительнымъ признакомъ „живого вещества“, условимся разъ навсегда признать, что понятія „живое вещество“ и „организація“ равнозначущи. Въ та-

*) Дальше намъ придется указать на то новое теченіе въ физіологіи, которое пытается доказать, что вся химическая сторона обмѣна веществъ обусловлена присутствіемъ въ организмахъ и дѣятельностью разнообразныхъ ферментовъ.

**) *Визнеръ.* Біологія растеній. 1892 г.

комъ случаѣ на сцену выдвигается новый вопросъ: что такое организмъ? *). Это,—отвѣчаетъ почти въ одинъ голосъ современное естествознаніе,—своего рода механизмъ, дѣятельность котораго, какъ и дѣятельность всякаго иного механизма, можетъ быть объяснена механически. Однако, въ этомъ отвѣтѣ проглядываетъ явная тенденція считать уже доказаннымъ то, что еще требуетъ доказательства, тутъ сказывается тотъ именно логическій прыжокъ изъ сферы извѣстнаго въ область неизвѣстнаго, который такъ злорадно подчеркиваютъ всѣ „явные" и „тайные" виталисты. Въ самомъ дѣлѣ, допуская даже, что организмъ есть всего лишь механизмъ, мы все же оставляемъ за собою право спросить: не отличается-ли, однако, тотъ механизмъ, который называется организмомъ, отъ другихъ механизмовъ, созданныхъ рукою человѣка и встрѣчающихся въ неорганической природѣ? Нѣтъ-ли *принципіальной* разницы между ними? И виталисты чувствуютъ не только законность такого вопроса, но и даютъ на него вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Организмъ, говорятъ они, есть механизмъ *самодѣйствующій, самъ себя обновляющій, поддерживающій и защищающій*. „Я утверждаю,—пишетъ Бунге,—что всѣ тѣ явленія въ нашемъ организмѣ, которыя возможно объяснить механически, такъ же мало представляютъ собою жизненныя явленія, какъ движеніе листьевъ и вѣтвей на покачиваемомъ вѣтромъ деревѣ или какъ движеніе цвѣтной пыли, переносимой вѣтромъ съ тычинки на пестикъ... *Въ активности—вотъ гдѣ кроется загадка жизни*" **).

Виталисты указываютъ далѣе еще на тотъ общепризнанный фактъ, что только въ *живой* природѣ наблюдаются такія явленія, какъ размноженіе и развитіе. Но мы уже видѣли, что механисты, не отрицая справедливости этого указанія, выводятъ явленія размноженія и развитія изъ обмѣна веществъ. Слѣдовательно, все то, что возражаютъ виталисты противъ механическаго толкованія обмѣна веществъ, можно примѣнить и къ явленіямъ размноженія и развитія. Я позволю себѣ пока обойти этотъ вопросъ молчаніемъ и перейду прямо къ тому циклу явленій, которыя играютъ огромное значеніе въ аргументаціи виталистовъ.

Выше было сказано, что организмъ, по мнѣнію виталистовъ, есть механизмъ, *самъ себя защищающій*. Если этимъ они желаютъ констатировать тотъ фактъ, что всякій организмъ надѣленъ множествомъ приспособленій для борьбы за существованіе, то врядъ-ли представляется какая-либо необходимость оспаривать это шаблонное мнѣніе. Но очевидно, дѣло тутъ не такъ просто, какъ это выглядитъ на первый разъ. Обратите, напримѣръ, вниманіе на

---

*) Біологическое понятіе «организмъ» включаетъ въ себя все живое, начиная съ амёбы и кончая человѣкомъ.

**) *Бунге*. Витализмъ и Механизмъ.

слѣдующую мысль А. Данилевскаго. „Тысячи опытовъ надъ живыми клѣтками высшихъ организмовъ и особенно надъ низшими простѣйшими организмами несомнѣнно доказываютъ, что протоплазма *въ химическомъ смыслѣ* удивительно слаба, неустойчива. Сила, крѣпость и устойчивость ея, наоборотъ, страшно велики *въ условіяхъ физіологическихъ*, т. е. въ условіяхъ *жизненности*" *). Здѣсь, какъ видите, химическимъ свойствамъ протоплазмы противопоставляются какія-то другія, жизненныя свойства, которыя нашъ авторъ характеризуетъ дальше словами—*защитная способность*. И вотъ какъ раскрываетъ онъ содержаніе этихъ словъ. „Въ живомъ веществѣ,—говоритъ онъ,—существуетъ *учрежденіе*, проще сказать, *сила*, способность, посредствомъ которой оно можетъ противодѣйствовать разрушительнымъ вліяніямъ воды, солей, тепла, ферментовъ, наконецъ, самого кислорода, безпрерывно снующихъ въ немъ и жадно набрасывающихся на всякую матерію, съ цѣлью низвести ее съ высоты потенціальной или кинетической мощи въ состояніе мертваго, безсильнаго покоя" (ibid.). Эта защитная способность—*какъ бы мы ни толковали ее*—фактъ, и фактъ очень значительный въ глазахъ представителя новыхъ теченій въ біологіи. Онъ держится за него цѣпко, стараясь пріобщить сюда же цѣлую серію другихъ фактовъ изъ той же категоріи „цѣлесообразнаго въ организмѣ": какъ, напримѣръ, способность живого вещества откликаться на внѣшнія раздраженія, откликаться разсчетливо, идя навстрѣчу однимъ вліяніямъ и избѣгая другихъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фактовъ, гдѣ защитная способность живого вещества выражена необыкновенно ярко: яйцевая клѣтка, въ которую пробрался ужъ одинъ сперматозоидъ, быстро одѣвается въ плотную оболочку и защищаетъ себя такимъ образомъ отъ вторженія другихъ, теперь уже не нужныхъ ей сперматозоидовъ. Укажите мнѣ что-нибудь подобное въ мертвой природѣ!—говоритъ виталистъ, — объясните мнѣ этотъ дивный, цѣлесообразный актъ физико-химически! И врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что убѣжденному, послѣдовательному механисту пока придется отвѣтить на этотъ вызовъ лишь одно: объяснить не могу, но это должно быть и будетъ объяснено физико-химически.

Способность организма цѣлесообразно реагировать на внѣшнія раздраженія покоится на томъ свойствѣ живого вещества, которое именуется *возбудимостью* или *раздражимостью*; а отсюда прямая дорога въ темную область ощущенія, воли и сознанія или такъ называемой *психики*, которая считается обыкновенно исключительнымъ достояніемъ тѣлъ живыхъ. „Психика" — это своего рода force majeur въ арсеналѣ аргументовъ витализма. Конечно, современный виталистъ признаетъ, что явленія психи-

---

*) *А. Данилевскій*. Живое вещество. 1896. «Вѣстникъ Европы».

ческой жизни связаны съ матеріальными процессами,—иначе какой же онъ былъ бы *нео*-виталистъ! Но онъ, какъ я уже не разъ говорилъ, не понимаетъ, что̀ общаго между психикой и физико-химическимъ процессомъ, онъ категорически отказывается выводить ощущеніе, волю и сознаніе изъ механики атомовъ и въ своемъ отказѣ опирается на авторитеты научной и философской мысли, цитируя, между прочимъ, слѣдующія строки Лейбница: „Если мы представимъ себѣ машину, устройство которой осуществляетъ мышленіе, чувство и воспріятіе, то мы можемъ вообразить себѣ ее пропорціонально увеличенной такъ, чтобы можно было войти въ нее, какъ въ мельницу. И, допустивши это, мы найдемъ внутри ея только сталкивающіяся между собою части и ровно ничего, чѣмъ объяснялось бы воспріятіе“ *)...

IV.

Итакъ, возникновеніе живого *только* изъ живого, возможность обмѣна веществъ *только* при наличности живого вещества, раздражимость и защитная способность, какъ исключительное достояніе *только* живыхъ тѣлъ, и, наконецъ, невозможность постигнуть возникновеніе ощущенія, воли и сознанія изъ физико-химическихъ процессовъ—вотъ гдѣ неовитализмъ черпаетъ себѣ силу и увѣренность для борьбы съ механическимъ міровоззрѣніемъ.

Прежде чѣмъ идти дальше, считаю необходимымъ дать читателю кое-какія объясненія, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лжетолкованій. Здѣсь я не беру на себя обязанности защищать или опровергать витализмъ или механическое міровоззрѣніе. Задача моя пока сводится къ слѣдующему: обрисовать общими штрихами поле брани, подсчитать силы борющихся сторонъ, отмѣтить слабыя и сильныя стороны ихъ вооруженія, разобрать содержаніе тѣхъ девизовъ, что̀ красуются на боевыхъ знаменахъ недавнихъ союзниковъ, а нынѣ враговъ, и, наконецъ, указать на мотивы, приведшіе ихъ къ междоусобной войнѣ. Поэтому продолжаю въ прежнемъ духѣ, оставляя, однако, за собою право дѣлать попутно кое-какія критическія замѣчанія и высказаться въ слѣдующій разъ вполнѣ опредѣленно по вопросу о научной цѣнности неовитализма и механизма.

Въ предыдущей главѣ мы остановились на вопросѣ о возникновеніи ощущенія, воли и сознанія. Какъ рѣшить эту проблему—одинаково интересно знать и виталисту, и механисту. Но разбираясь въ попыткахъ науки рѣшить ее, виталистъ обыкновенно приходитъ къ тому прискорбному выводу, который выкристалли-

---

*) *Лейбницъ*. Монадологія.

зовался у Дю-Буа-Реймона въ одно слово: ignorabimus! *). Механистъ мириться съ такимъ пессимистическимъ выводомъ не желаетъ и страстно продолжаетъ искать рѣшенія. Къ его услугамъ прежде всего эволюціонная теорія, которая устами Гераклита гласитъ: все течетъ—все измѣняется, все создается незамѣтно и совершенствуется постепенно. И этотъ девизъ, позволяющій унестись мыслью и въ мрачную глубь прошлаго, и въ еле мерцающую даль будущаго, открываетъ уму его такія широкія, многообѣщающія перспективы, въ которыхъ нѣтъ мѣста крику отчаянія—ignorabimus! Узнаемъ!—упрямо твердитъ онъ и разворачиваетъ библію эволюціоннаго ученія „Основанія біологіи" Спенсера, гдѣ сказано: „Абсолютное начало органической жизни на землѣ я положительно отвергаю... Въ первобытномъ мірѣ, какъ и въ новѣйшей лабораторіи, низшіе типы органическихъ веществъ своимъ взаимнымъ воздѣйствіемъ развивали высшіе типы, заканчивавшіеся протоплазмой, способной организоваться... *Утвержденіе универсальнаго прогресса есть само по себѣ отрицаніе абсолютнаго начала чего бы то ни было*". Или иными словами: Жизнь есть лишь звено въ непрерывной цѣпи явленій міровой эволюціи. Спрашивать, гдѣ совершился переходъ отъ „мертваго" къ „живому", гдѣ кончается первое и начинается второе—такъ же нелѣпо, какъ задавать вопросъ о томъ, чтó называть *первымъ* дубомъ, кóго величать *первымъ* человѣкомъ. И совершенно такъ же обстоитъ дѣло съ „началомъ" ощущенія, воли и сознанія, словомъ, психики. Развѣ можно сказать: вотъ здѣсь неощущающее обрывается и уступаетъ мѣсто ощущающему? Развѣ можно указать ту абсолютную границу, по одну сторону которой лежитъ міръ, лишенный сознанія, а по другую—міръ, одаренный имъ? Жизнь была и есть непрерывный процессъ, эволюція, и ощущающее возникло такъ же незамѣтно изъ не ощущающаго, какъ живое изъ мертваго. Одно изъ двухъ—если отбросить въ сторону третье, легендарное: или жизнь возникала постепенно, или же она стара какъ міръ; либо сознаніе—продуктъ эволюціи, либо оно есть нѣчто данное отъ вѣчности. Но такъ какъ рѣшать вопросы науки, аппелируя къ смутному понятію „вѣчность", по меньшей мѣрѣ безплодно, то остается одно: признать то рѣшеніе, которое считаетъ для себя слишкомъ большою роскошью такую идею, какъ вѣчность.

Такъ разсуждаетъ послѣдовательный эволюціонистъ, такъ долженъ разсуждать и строгій механистъ.

Можно, разумѣется, вполнѣ согласиться съ этимъ положеніемъ эволюціонной теоріи и въ то же время сомнѣваться въ достаточ-

*) Не будемъ знать!—Напомню, между прочимъ, что Дю-Буа-Реймонъ не причислялъ себя къ виталистамъ, считая витализмъ совершенно безплоднымъ и наивнымъ ученіемъ.

ности такого способа мышленія. Дѣло въ томъ, что эволюціонизмъ указываетъ лишь на внѣшнюю, формальную сторону того процесса, въ итогѣ котораго получились и жизнь, и сознаніе. Остановиться на такомъ объясненіи пытливая мысль человѣка не въ состояніи. Она идетъ дальше и требуетъ отвѣта на мучительный вопросъ: какъ же это изъ „мертваго“ получилось „живое“, хотя бы и въ самомъ *зачаточномъ* видѣ? Какимъ образомъ не ощущающее, лишенное сознанія, можетъ стать ощущающимъ сознательнымъ? Въ какихъ бы минимальныхъ, неуловимыхъ размѣрахъ мы ни представляли себѣ ощущеніе и сознаніе, все же и то, и другое есть въ сущности ощущеніе и сознаніе, т. е. нѣчто *качественно противоположное* отсутствію ощущенія и сознанія. Вотъ откуда беретъ начало чувство неудовлетворенности эволюціоннымъ ученіемъ. И чтобы получить хотя бы нѣкоторое подобіе удовлетворенія, мысль наша покидаетъ почву очевиднаго, научно-доказуемаго и переходитъ на скользкій путь гипотезъ и сверхъ-опытныхъ спекулятивныхъ построеній. Отъ научнаго эволюціонизма она естественно и неизбѣжно направляется въ различныя стороны и, потолкавшись вдоволь въ глухихъ, мрачныхъ переулкахъ „чистой“ спекуляціи, побывавши на выучкѣ у всевозможныхъ „системъ“ и „школъ“, она, измученная и тоскующая по вѣчной истинѣ и жаждущая абсолютовъ, приходитъ либо къ *матеріализму*, либо къ *энергитизму*, либо къ *пантсихизму*. Къ такому выходу ее обязываетъ ученіе о развитіи, о непрерывности и единствѣ мірозданія. Единство развитія свидѣтельствуетъ о единомъ развивающемся, непрерывность мірозданія постижима лишь при условіи существованія какой-то субстанціи, которая, не смотря на многообразіе формъ, обнаруживаемыхъ ею въ процессѣ развитія, на самомъ дѣлѣ единообразна. Этотъ логически необходимый выводъ изъ основныхъ посылокъ эволюціонной теоріи ясенъ для всякаго, кто не отказывается проводить идею эволюціонизма съ неумолимою строгостью до конца. Блестящій представитель эволюціоннаго ученія, Гербертъ Спенсеръ, очевидно прекрасно понималъ, къ чему обязываетъ исповѣдуемое имъ credo, когда говорилъ о какой-то *Конечной Реальности* или *Невѣдомой Дѣйствительности*, словомъ о томъ, что́ нѣмцы называютъ „Ding an sich“. Вотъ эта-то Невѣдомая Дѣйствительность—единая по сущности и многообразная въ проявленіяхъ своихъ—сдѣлалась предметомъ различныхъ толкованій, хотя, казалось бы, что тутъ и толковать-то не о чемъ, ибо уже само названіе „Невѣдомая Дѣйствительность“ показываетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о чемъ-то непознаваемомъ. Но, повторяю, самая концепція идей эволюціоннаго ученія такова, что остановиться на аскетическомъ смиреніи передъ *невѣдомой дѣйствительностью* оказалось невозможнымъ: тотъ способъ, которымъ теорія развитія пытается рѣшить или, выражаясь точнѣе,

устранить вопросы о возникновеніи жизни и сознанія, настолько проблематиченъ или, лучше, не убѣдителенъ, что остается еще слишкомъ много простора для новыхъ вопросовъ и новыхъ сомнѣній. И вотъ на выручку ума, отдавшагося во власть сомнѣніямъ, является, какъ сказано было выше, матеріализмъ, энергитизмъ и панпсихизмъ. Всѣ они исходятъ въ своихъ построеніяхъ изъ идеи единства природы; всѣ сводятъ многообразный міръ явленій къ единой сущности, хотя и понимаютъ ее различно; стало быть, названіе *монистической философіи* можно съ одинаковымъ правомъ примѣнить къ каждому изъ нихъ. Въ чемъ же монизмъ ихъ?

Врядъ ли представляется особенная необходимость говорить подробно о матеріализмѣ. Вѣчно подвижная матерія—вотъ основной постулатъ его. Жизнь и сознаніе, какъ сложное движеніе не менѣе сложно скомбинированныхъ атомныхъ группъ—таковъ конечный выводъ его. Для матеріализма, стало быть, нѣтъ спеціальной проблемы не только о жизни, но и о психикѣ: психику, духъ онъ выводитъ изъ матеріи и ея непремѣннаго атрибута, движенія. Но такъ какъ, съ одной стороны, непонятно происхожденіе самого движенія (если отказаться, разумѣется, отъ причинъ сверхъ-естественныхъ), а съ другой стороны, еще болѣе непонятенъ переходъ отъ движущейся матеріи къ ощущенію и сознанію, то наука въ лицѣ своихъ наиболѣе вдумчивыхъ представителей отказывается отъ матеріализма, считая его „наивною метафизикой“. Что-же даетъ она взамѣнъ изгнаннаго изъ храма ея матеріализма? Тутъ, впрочемъ, лучше говорить не отъ имени науки вообще, а отъ имени служителей ея, ибо на счетъ того, чѣмъ замѣнить матеріализмъ, пока идутъ дебаты, соглашеніе еще не состоялось, да по всѣмъ видимостямъ, не скоро и состоится.

Существуетъ другое теченіе, которое держится того мнѣнія, что одушевленнымъ нужно считать весь міръ: вся матерія въ большей или меньшей степени одушевлена, психика составляетъ характерную особенность всѣхъ тѣлъ природы—таково основное положеніе того ученія, которое въ древности называли *гилозоизмомъ*, а нынѣ перекрестили въ *панпсихизмъ*. Наиболѣе яркимъ представителемъ этого ученія является Эрнстъ Геккель. „Каждый атомъ,—говоритъ онъ,—владѣетъ присущей ему суммой силъ и въ этомъ смыслѣ *одушевленъ*. Безъ допущенія *атомной души* необъяснимы самыя обыкновенныя и всеобщія химическія явленія. Удовольствіе и неудовольствіе, влеченіе и отвращеніе, притяженіе и отталкиваніе должны быть общи всѣмъ атомнымъ массамъ: движенія атомовъ, долженствующія имѣть мѣсто при каждомъ химическомъ соединеніи и разложеніи, объяснимы въ томъ только случаѣ, *если мы припишемъ атомамъ ощущеніе и волю*“ *).

*) Цитирую по статьѣ *Э. Дю-Буа-Реймона*. «Семь мировыхъ загадокъ».

Чтобы показать, насколько такой способъ рѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“ признается достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми натуралистами, приведу слѣдующія слова Макса Ферворна: „Неумолимымъ слѣдствіемъ,—пишетъ онъ курсивомъ,—которое предугадывали уже древніе философы, которое въ новой философіи было высказано яснѣе, а въ естествознаніи критически обосновано Геккелемъ, является то, что, если только мы представляемъ себѣ одушевленнымъ человѣческое тѣло, мы должны разсматривать одушевленными, хотя въ различныхъ степеняхъ, всѣ тѣла“ (Общая физіологія).

Несомнѣнно, что панпсихизмъ, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какъ онъ выразился у Геккеля и Ферворна, не рѣшаетъ проблемъ возникновенія жизни и сознанія. Но ему и нѣтъ надобности рѣшать эти проблемы: онъ просто упраздняетъ ихъ и, упразднивши, устраняетъ тѣ громадные пробѣлы въ ученіи о міровомъ прогрессѣ, на которые я указывалъ выше. Для панпсихизма не существуетъ вопросовъ: ка́къ зачаточныя формы „живого“ возникли изъ „мертваго“, или ка̀къ нѣчто, лишенное сознанія, претворилось во что-то съ зародышевымъ сознаніемъ? Въ его философскомъ багажѣ нѣтъ такихъ понятій, какъ *мертвый, неодушевленный, безсознательный*; у него весь міръ „живетъ“, вся вселенная „одушевлена“, вся матерія надѣлена въ различной степени ощущеніемъ, волей и сознаніемъ. Въ свѣтѣ такихъ философскихъ предпосылокъ эволюціонизмъ становится ученіемъ стройнымъ, законченнымъ, неуязвимымъ: жизнь тутъ *не возникаетъ*, а пробѣгаетъ лишь послѣдовательный рядъ различныхъ ступеней развитія; сознаніе *не создается*, а неизмѣнно совершенствуется, переходя отъ низшихъ формъ къ высшимъ.

Не смотря, однако, на всю свою подкупающую стройность и обаяніе, панпсихизмъ пріобрѣлъ уже довольно сильнаго противника въ лицѣ *энергитизма*, сторонники котораго надѣются заодно покончить разъ навсегда и съ матеріализмомъ. Мы видѣли, что панпсихизмъ не объясняетъ, что такое жизнь и психика: и то, и другое онъ принимаетъ, какъ нѣчто данное, всеобщее, само собою понятное; видѣли мы также, что матеріализмъ выводитъ и ощущеніе, и сознаніе изъ движенія матеріи, т. е. утверждаетъ нѣчто по существу непостижимое. Не удовлетворенный обѣими этими формами міропониманія, энергитизмъ выдвигаетъ свое собственное ученіе—какое именно, сейчасъ увидимъ.

Что такое этотъ дивный міръ,—міръ, блещущій безконечнымъ разнообразіемъ формъ, неистощимымъ запасомъ цвѣтовъ и красокъ, обиліемъ волшебныхъ звуковъ,—міръ, преисполненный творческихъ силъ и подчиненный въ своихъ проявленіяхъ строгой закономѣрности, желѣзному закону необходимости? Что представляетъ собою не менѣе чудный и таинственный душевный міръ—міръ бурныхъ страстей, желаній и стремленій,—міръ, постигаю-

щій и прелесть наслажденій, и горечь мукъ, и красоту нравственныхъ дѣяній, и безобразіе порочныхъ вожделеній? Энергетическая философія отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы однимъ словомъ, и слово это—*энергія*, единая, неизмѣнная по сущности своей, не способная ни создаваться, ни уничтожаться, но проявляющаяся въ различныхъ формахъ, въ видѣ механической, тепловой, свѣтовой, электрической, химической, „безсознательной и сознательной“ нервной энергіи. Конкретно энергія познается нами какъ *работа*—механическая, химическая или еще какая-либо иная. Она производитъ работу и въ работѣ обнаруживается. Далѣе извѣстно, что одна форма работы можетъ превратиться въ другую—напр., механическая въ электрическую, электрическая въ химическую, химическая въ свѣтовую и т. д. Стало быть, всѣ существующіе въ природѣ виды энергіи способны превращаться другъ въ друга. Спрашивается, какъ при помощи этихъ школьно-элементарныхъ понятій физики набросать энергетическую картину міра? „Энергія,—говоритъ Оствальдъ,—встрѣчается во всѣхъ безъ исключенія извѣстныхъ явленіяхъ природы или, другими словами, всѣ явленія природы могутъ быть подчинены понятію энергіи... Но энергія не только присутствуетъ во всѣхъ явленіяхъ природы: она и опредѣляетъ ихъ. Мы можемъ въ дѣйствительности сказать, что *все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, мы можемъ изобразить въ видѣ утвержденій, относящихся къ существующимъ энергіямъ*“ *). Въ самомъ дѣлѣ: мы различаемъ цвѣта и формы, слышимъ звуки, ощущаемъ тепло и холодъ, кислоту и горечь и т. д. Все это обусловлено *работой* нашихъ органовъ чувствъ, спеціально приспособленныхъ для воспріятія опредѣленныхъ видовъ энергіи. Въ нихъ энергія тратится, подвергается превращеніямъ и доходитъ до нашего сознанія въ видѣ представленій и понятій о внѣшнемъ мірѣ. „Только черезъ трату энергіи или работы,—говоритъ Оствальдъ дальше,—мы узнаемъ о томъ, какъ устроенъ внѣшній міръ и какія онъ имѣетъ свойства. *Вся природа представляется намъ*, съ этой точки зрѣнія, *какъ распредѣленіе въ пространствѣ и времени различныхъ энергій, измѣняющихся во времени и пространствѣ*. И мы узнаемъ объ этомъ мірѣ только въ той мѣрѣ, въ которой эти энергіи переходятъ на наше тѣло и въ особенности на наши органы чувствъ...“ (ibid).

Итакъ, міръ, какъ безконечный потокъ различныхъ формъ энергіи,—вотъ картина, рисующаяся въ воображеніи энергетиста. Какое собственно преимущество имѣетъ эта философія передъ матеріализмомъ и панпсихизмомъ? Она устраняетъ понятіе „матеріи“ и замѣняетъ его якобы болѣе реальнымъ и содержательнымъ понятіемъ „энергіи“; она отказывается дѣлать психику необходимымъ аттрибутомъ матеріи и вводитъ въ кругъ извѣстныхъ

---

*) *Вильгельмъ Оствальдъ*. Натурфилософія. 1902 г.

намъ видовъ энергіи новую форму ея—*безсознательную и сознательную, нервную энергію.* Говоря иначе, вмѣсто такихъ субстанцій, какъ „подвижная матерія“ и „одушевленная матерія“, энергитизмъ ставитъ свою собственную субстанцію — *энергію.* Вѣдь то, что „встрѣчается во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ природы“ и въ то же время „опредѣляетъ всѣ явленія“, есть именно субстанція. Матеріалистъ чистой воды тоже думаетъ, что матерія встрѣчается во всѣхъ явленіяхъ природы и опредѣляетъ все, совершающееся во вселенной, и съ своей стороны возводитъ ее на положеніе абсолюта. Если энергитистъ утверждаетъ, что энергія неуничтожаема, что она едина по сущности и многообразна лишь въ проявленіяхъ своихъ, то вѣдь и матеріалисту не возбраняется надѣлять свою избранницу такими же свойствами: матерію также нельзя ни создать, ни уничтожить, она также едина для всего мірозданія и лишь формально многообразна. Весь вопросъ, стало быть, вертится на слѣдующемъ: выводить-ли энергію изъ матеріи или, наоборотъ,—матерію изъ энергіи?

„*Энергія,* — говоритъ Оствальдъ,— *есть работа или все, что изъ работы возникаетъ или въ работу превращается*“. Не говоря уже о томъ, что понятіе „работа“ включаетъ въ себя обязательно понятіе „сила“, столь же по существу непостижимое, какъ понятіе „матерія“ — не говоря уже объ этомъ, вышеприведенное опредѣленіе энергіи страдаетъ удивительною неясностью. Энергія есть работа, сама она отъ работы происходитъ, сама же работу и производитъ. Выходитъ нѣчто весьма похожее на то, что кто-то на комъ-то сидитъ и кѣмъ-то погоняетъ. Всякая работа есть дѣйствіе, процессъ, а всякое дѣйствіе приводитъ къ мысли о чемъ-то дѣйствующемъ, и эта мысль нашла себѣ вполнѣ опредѣленное выраженіе даже въ механикѣ, гдѣ работа разсматривается *какъ произведеніе силы на путь* и выражается въ килограммометрахъ. Энергитизмъ очень предусмотрительно устраняетъ изъ своихъ толкованій понятіе силы, потому что это понятіе въ свою очередь вызываетъ представленіе о *носителѣ* силы, а съ представленіемъ о такомъ носителѣ вновь выплываетъ наружу понятіе матеріи и т. д. Но въ то же время, повторяю, онъ не въ силахъ устранить рокового вопроса о „дѣйствующемъ“, разъ только энергія разсматривается имъ какъ работа, какъ дѣйствіе. Остается, конечно, одно: сказать, что энергія совмѣщаетъ въ себѣ и дѣйствіе, и то, что дѣйствуетъ. Такъ и поступаетъ горячій защитникъ энергетизма, Оствальдъ, говоря, что энергія есть одновременно и субстанція и акциденція, т. е. признаетъ нѣчто опять-таки непостижимое.

Всѣ эти противорѣчія принимаются въ соображеніе какъ матеріализмомъ, такъ и панпсихизмомъ и окрыляютъ ихъ надеждой на побѣду въ борьбѣ съ энергетизмомъ...

Таково содержаніе тѣхъ трехъ различныхъ философскихъ кон-

цепцій, которыя ведутъ свой родъ по прямой линіи отъ механическаго и эволюціоннаго міровоззрѣнія.

V.

Это было давно, больше полвѣка тому назадъ. Ученики Іоганна Мюллера, проникнутые духомъ свободной критики и отрицательнаго отношенія къ авторитетамъ и школамъ, поднялись противъ своего великаго учителя. Въ тѣ времена ученіе о жизненной силѣ завлекало въ свои тенета даже сильные умы. И сильнѣйшій изъ нихъ, Іоганнъ Мюллеръ, не устоялъ предъ соблазномъ и взялъ эту таинственную волшебницу, жизненную силу, подъ свое высокое покровительство. Вотъ это-то и возбудило глухой протестъ въ даровитыхъ ученикахъ его, которые, не смотря на глубокое уваженіе къ учителю, рѣшили поддержать походъ противъ жизненной силы, начатый еще Лотце, но далеко не доведенный до конца. Въ числѣ бойцовъ наиболѣе отважныхъ, не только сердцемъ, но и умомъ, былъ Э. Дю-Буа-Реймонъ, молодой ученый, подававшій большія надежды, которыя онъ оправдалъ тогда же же своими блестящими „Изслѣдованіями о животномъ электричествѣ“. Здѣсь, во введеніи къ этимъ „Изслѣдованіямъ“, была помѣщена его остроумная, полная ядовитой насмѣшки, характеристика и критика жизненной силы. Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой характеристики:

„Сила эта расположилась во всемъ тѣлѣ, дѣйствуя сознательно-безсознательно на заднемъ, таинственномъ, сверхчувственномъ фонѣ сцены, въ то время какъ на авансценѣ разыгрывается все то, что доступно чувствамъ и поддается объясненію. По сокровенной сущности своей сила эта несходна съ физическими и химическими силами неорганической природы и недоступна тѣмъ слабымъ методамъ, что обнаружили лишь дѣйствіе ея. Однако, порой она вступаетъ въ конфликтъ съ неорганическими силами, и тѣ должны склоняться передъ нею. Законы ей не вѣдомы; ей дано вязать и рѣшать, какъ ей вздумается. Она овладѣваетъ пищей, превращаетъ ее въ живое вещество, пользуется имъ нѣкоторое время для своихъ цѣлей и затѣмъ выбрасываетъ вонъ за негодностью. Она сопротивляется во время жизни враждебной алчности кислорода, жаждущаго уничтожить нашъ углеродъ. Она не даетъ мѣста гніенію до той поры, пока остается госпожею въ домѣ, а послѣ смерти удаляется скромно и безслѣдно за кулисы... Мастерица на всѣ руки, она является обладательницей самыхъ разнообразныхъ познаній и талантовъ. Вѣдь это она руководитъ развитіемъ, организуетъ по опредѣленному заранѣе плану, строитъ по всѣмъ правиламъ механики, физики и химіи органы чувствъ, движенія и пищеваренія, ассимилируетъ, выдѣляетъ, всасываетъ,

да при томъ еще отличаетъ цѣлебное отъ ядовитаго, полезное отъ безполезнаго; она вызываетъ кризисы, излѣчиваетъ раны и всяческіе недуги; она, наконецъ, воспроизводитъ изъ отдѣльныхъ кусковъ полипа новыхъ индивидуумовъ и она-же возвращаетъ отрѣзанную ногу саламандрѣ.

„Представленное въ такомъ видѣ ученіе о жизненной силѣ, дѣйствительно, является сплетеніемъ произвольныхъ утвержденій; оно надѣляетъ фантастическій образъ такимъ множествомъ невозможныхъ свойствъ и немыслимыхъ дѣйствій, что трудно отнестись къ нему серьезно и не встрѣтить заслуженной насмѣшкой его слишкомъ ужъ очевидной нелѣпости. Понятно, что въ такой откровенной наготѣ ученіе это не отваживается пускаться въ свѣтъ. Для прикрытія его придуманы всевозможныя тоги...“ *)

Да, давно все это писалось, въ 1848 году. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много бурныхъ дней пережила наука, много великихъ мыслей повѣдала она міру. Законъ превращенія и сохранененія силы сдѣлался краеугольнымъ камнемъ точнаго знанія; лабораторія химіи стала творить буквально чудеса, изготовляя въ ретортахъ и колбахъ тѣ самыя вещества, что раньше признавались неотчуждаемымъ достояніемъ лишь „живой“ природы; физіологія растеній и животныхъ обнаружила химическую и механическую природу такихъ явленій, которыя до этого считались подлежащими лишь вѣдѣнію „жизненной силы“; сравнительная эмбріологія изучила въ деталяхъ процессы развитія организмовъ; дарвинизмъ объяснилъ возникновеніе „цѣлесообразныхъ“ формъ въ природѣ; психологія спустилась съ метафизическихъ высотъ на прозаическую почву эксперимента; эволюціонное ученіе и механическое міровоззрѣніе пріобрѣли значеніе властителей думъ; витализмъ былъ преданъ забвенію, и похоронная рѣчь, сочиненная на этотъ случай Дю-Буа-Реймономъ, весело отдавалась въ радостныхъ сердцахъ побѣдителей. Но странное дѣло. Прошло лѣтъ тридцать съ тѣхъ поръ, какъ эта остроумная рѣчь впервые оповѣстила ученый міръ о крушеніи витализма, и вотъ изъ-подъ пера того же Дю-Буа-Реймона вылились двѣ замѣчательныя статьи, встревожившія философовъ и ученыхъ, поднявшія шумъ въ литературѣ, принесшія знаменитому физіологу и восторженную похвалу, и негодующее порицаніе. Это были статьи „О границахъ естествознанія“ и „О семи міровыхъ загадкахъ“. Что составляло основную мысль ихъ? Какимъ онѣ были проникнуты настроеніемъ?

Съ полуистлѣвшихъ стѣнъ смѣются надо мной
Винты и рычаги, машины и колеса.
Я думалъ: къ истинѣ вы ключъ надежный мой.
Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
Все-жъ бѣдному ему не разрѣшить вопроса...

*) *E. Du Bois-Reymond.* Reden. Zweite Folge. Ueber die Lebenskraft. Aus per Vorrede zu den «Untersuchungen über thierische Elektricität». 1887 г.

Вотъ чѣмъ пахнуло со страницъ писаній Фауста нашихъ дней. Витализмъ встрепенулся, почуявъ что-то родное въ тѣхъ „ignorabimus“ и „dubitemus“, которыми краснорѣчиво и эффектно заканчивались статьи Дю-Буа-Реймона. Но витализмъ ошибся, конечно, принявши за дружескій призывъ къ возрожденію то, что свидѣтельствовало лишь о недостаточности *догмы* механизма, смѣнившей собою *догму* витализма. Однако, можно почти съ увѣренностью сказать, что „эпоха возрожденія“ витализма начинается именно съ появленія въ свѣтъ вышеупомянутыхъ рѣчей Дю-Буа-Реймона.

Вновь поднялись сомнѣнія, заглушенныя было слишкомъ ужъ бьющими въ глаза успѣхами механическаго міровоззрѣнія. Вопросы, находившіеся долгое время подъ спудомъ, повылѣзли вновь на бѣлый свѣтъ. Но самая постановка ихъ и даже обосновка приняла, согласно духу времени и болѣе совершенному состоянію точныхъ знаній, нѣсколько иной видъ. Старый витализмъ не могъ ужъ никого удовлетворить. Тароватая на всякія чудесныя выдумки жизненная сила утеряла въ глазахъ людей, недовольныхъ ученіемъ механистовъ, всю свою прелесть, ибо стало яснымъ, что для жизненной силы нѣтъ мѣста въ ряду подлинныхъ силъ природы, и что она въ лучшемъ случаѣ можетъ исполнять далеко не завидную роль убѣжища невѣжества. Само понятіе „витализмъ“ постепенно становилось все неопредѣленнѣе и растяжимѣе, такъ что даже принципіальные противники толкуютъ его сейчасъ каждый по своему. За образчиками даже взаимно исключающихъ толкованій ходить далеко не придется. Вотъ что пишетъ хотя-бы Бючли: „Я не вижу собственно принципіальнаго различія между старымъ витализмомъ и такъ называемымъ неовитализмомъ“. А вотъ что говоритъ о томъ-же предметѣ другой антивиталистъ, Альбрехтъ: „Старый витализмъ, какимъ онъ былъ еще въ первой половинѣ нашего столѣтія, и новыя теченія сходны между собою, пожалуй, только по имени“. Очевидно,—и я это не разъ уже подчеркивалъ—что сейчасъ подъ именемъ неовитализма сходитъ все, не укладывающееся въ рамки строго проведеннаго механическаго міровоззрѣнія, и считающее это послѣднее недостаточнымъ для рѣшенія цѣлаго ряда очередныхъ проблемъ біологіи. Перечитайте еще разъ ту убійственную характеристику витализма, которую сдѣлалъ Дю-Буа-Реймонъ еще въ 1848 году, и вы увидите, что осмѣянные тамъ вопросы волнуютъ вновь не только неовиталистовъ, но и такихъ механистовъ, какъ, напр., О. Гертвигъ и М. Ферворнъ. Мало этого. Самая попытка рѣшить эти проблемы у нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ принимаетъ характеръ спекуляцій совсѣмъ во вкусѣ стараго витализма. И замѣчательно, что часто такіе ученые, вступая на торную дорожку безпочвенныхъ спекуляцій, преисполнены самыхъ добрыхъ намѣреній и въ глубинѣ души своей презираютъ такъ называемыя метафизическія

бредни. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, А. Данилевскій, желая примирить механическое міровоззрѣніе со здоровымъ зерномъ неовитализма, выдумываетъ какой-то *біогенный эфиръ*, который дѣйствуетъ якобы на ряду съ космическимъ эфиромъ физиковъ и обусловливаетъ спеціально „жизненныя“ явленія. Другой-же, В. Оствальдъ, серьезно убѣжденъ въ томъ, что всю психическую жизнь можно выразить въ терминахъ энергетической философіи: стоитъ только признать, что „въ духовныхъ процессахъ возникаетъ и подвергается различнымъ превращеніямъ особый рядъ энергіи, которую можно назвать духовной энергіей“. Врядъ ли возможно говорить о принципіальной разницѣ между „жизненной силой“, съ одной стороны, и „біогеннымъ эфиромъ“ или „духовной энергіей“, съ другой.

Жизненная сила очутилась за бортомъ, какъ только былъ прочно установленъ законъ сохраненія энергіи. Совершенно такая-же участь должна постигнуть и „духовную энергію“. Количество различныхъ видовъ кинетической энергіи, развиваемой всякимъ организмомъ, равно количеству той потенціальной энергіи, которая такъ или иначе проникаетъ въ организмъ. Первая часть этого уравненія, какъ и требуетъ законъ сохраненія энергіи, количественно тождественна со второй частью, и втиснуть въ нее „духовную энергію“, не нарушая самаго равенства, нѣтъ никакой возможности. Можно сдѣлать предположеніе, что различныя формы энергіи, развиваемыя организмомъ, превращаются въ моментъ своего возникновенія, in statu nascendi, въ духовную энергію; но тогда духовная энергія должна возникать *на счетъ* физико-химическихъ энергій организма, и, стало быть, общее количество послѣднихъ должно *убывать* вмѣстѣ съ повышеніемъ психической дѣятельности. На самомъ-же дѣлѣ наблюдается совершенно обратное: чѣмъ интенсивнѣе духовная работа того или иного организма, тѣмъ *большее* количество физико-химическихъ энергій развиваетъ онъ. Стало быть, предположеніе, будто духовная энергія развивается внутри организма на счетъ обыкновенныхъ энергій, не выдерживаетъ критики. Такого рода соображенія высказываютъ сторонники механическаго міровоззрѣнія, когда имъ приходится наталкиваться на попытки рѣшить проблему жизни при помощи „біогеннаго эфира“ или „духовной энергіи“. Они не могутъ, конечно, не замѣтить, что и біогенный эфиръ, и духовная энергія находятся въ весьма близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ жизненной силой старыхъ виталистовъ. Но ошибка ихъ въ томъ, что по недочетамъ во взглядахъ нѣкоторыхъ новаторовъ они судятъ о новыхъ идеяхъ вообще. Отсюда—и огульно отрицательное отношеніе ко всѣмъ вообще критикамъ механическаго міровоззрѣнія, и тенденція окрестить несогласно-мыслящихъ презрительной кличкой виталистовъ.

Такъ называемый неовитализмъ есть прежде всего реакція

противъ преувеличеній и догматизма механистовъ, и, какъ почти всякая реакція, онъ включаетъ въ себя нѣсколько весьма различныхъ теченій. Но, при всемъ своемъ различіи, новыя теченія въ біологіи имѣютъ и нѣчто общее. Это общее можно охарактеризовать двумя—тремя чертами, далеко, впрочемъ, неодинаковой цѣнности. Одна черта—это духъ сомнѣнія и свободной, всесторонней, безпощадной критики, призывъ къ пересмотру нѣкоторыхъ положеній естествознанія на основаніи новѣйшихъ данныхъ біологіи. Другая черта—влеченіе къ дуалистическому пониманію природы. Старая антитеза между духомъ и матеріей, живымъ и мертвымъ, вновь привлекла къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ натуралистовъ. И этотъ дуализмъ нашелъ себѣ выраженіе даже въ тѣхъ методахъ, которыми рекомендуютъ пользоваться при изученіи „живой" природы нѣкоторые неовиталисты. Для механиста научное познаніе исчерпывается примѣненіемъ „категоріи необходимости": всѣ явленія природы, живой и мертвой, учитъ механистъ, представляютъ собой причинный рядъ,—и только. Неовиталисты-же, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, находятъ, что этого не достаточно. Организмъ, говорятъ они, тѣмъ и отличается отъ тѣлъ „мертвой" природы, что онъ есть, такъ сказать, *самоцѣль*; и все, что такъ поражаетъ насъ въ дѣятельности его, можетъ быть объяснено только съ телеологической точки зрѣнія, т. е при уразумѣніи той цѣли, которую организму надлежитъ осуществить за время своей жизнедѣятельности. Цѣлесообразность и въ структурѣ, и въ развитіи, и въ дѣятельности — вотъ что даетъ организму право на исключительное мѣсто среди остальныхъ тѣлъ природы. И эта цѣлесообразность подчинена особой закономѣрности, независимой отъ той, которую мы наблюдаемъ въ цѣпи явленій, *причинно* связанныхъ между собой. Все, что въ организмѣ имѣется сходнаго съ прочими тѣлами природы, все это подчинено закону необходимости; все-же, отличающее организмъ отъ не-организма, подчинено принципу цѣлесообразности. Жизнь, стало быть, приходится разсматривать не только какъ причинный рядъ, но и какъ рядъ телеологическій. Такъ разсуждаетъ неовиталистъ-философъ, но нельзя не согласиться, что его толкованіе проблемы жизни, отличаясь нѣкоторою долею оригинальности, является въ то-же время чудовищно неяснымъ...

Дуализмъ—больное, самое слабое мѣсто какъ стараго, такъ и новаго витализма. Отказываясь отъ прежняго понятія о жизненной силѣ, неовитализмъ тѣмъ не менѣе является дуалистичнымъ и по тенденціи рѣзко противопоставлять „живое" „мертвому" и потому, что настаиваетъ на необходимости новыхъ методологическихъ пріемовъ при изученіи организованнаго міра. Механическое міровоззрѣніе считаетъ себя ученіемъ монистическимъ. Но и это одно лишь недоразумѣніе. Пытаясь вскрыть содержаніе жизненныхъ явленій, это ученіе должно, въ лучшемъ случаѣ,

остановиться на *психо-физическомъ параллелизмѣ*—если только оно, конечно, желаетъ оставаться на твердой почвѣ безспорныхъ данныхъ науки. Психо-физическій-же параллелизмъ разсматриваетъ жизнь и связанную съ ней психическую дѣятельность, какъ *два параллельныхъ причинныхъ ряда*: каждому „жизненному“ моменту соотвѣтствуетъ извѣстный физическій моментъ, каждому *члену психическаго ряда* отвѣчаетъ опредѣленный членъ *физическаго ряда*; но, будучи величинами несравнимыми и несоизмѣримыми, *члены обоихъ рядовъ никогда не переходятъ другъ въ друга*— вотъ основное положеніе психо-физическаго параллелизма. Ученіе это въ корнѣ дуалистично и, поскольку механическое міровоззрѣніе остается вѣрнымъ ему, оно должно нести на себѣ всѣ грѣхи дуализма. Стремясь сдѣлаться ученіемъ монистическимъ, механическое міровоззрѣніе перерождается либо въ матеріализмъ, либо въ энергетизмъ, либо въ панпсихизмъ, т. е.— употребляя мѣткое выраженіе Маха—становится „механической *миѳологіей*“. Словомъ, дуализмъ—печальный удѣлъ обоихъ враждующихъ теченій современной біологіи. Они по существу несравненно болѣе родственны другъ другу, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза и чѣмъ это кажется на самомъ дѣлѣ сторонникамъ механизма и неовитализма. Механическая „миѳологія“ не менѣе миѳологіи виталистической повинна въ созданіи тѣхъ *мнимыхъ* проблемъ, о которыхъ говоритъ Махъ въ выдержкѣ, поставленной мною эпиграфомъ къ этой статьѣ. Изгнать изъ науки разъ навсегда такія мнимыя проблемы—вотъ очередная задача современнаго естествознанія.

В. В. Лункевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„ВЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ДОМѢ“.

Очерки.

«Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло...»

1.

Это былъ очень хорошій вечеръ — теплый, тихій, задумчивый и грустный. Широкая равнина, окутанная вечерней мглой, засыпала тихо и мирно; за день ее утомили горячія ласки солнца, и теперь она, удовлетворенная и усталая, была охвачена только однимъ желаніемъ,—успокоиться, отдохнуть, уснуть... А на небѣ зажигались одна за другой кроткія и грустныя звѣзды, задумчиво и любовно глядѣвшія на землю...

Въ полѣ мелодично перекликались перепела и монотонно дергалъ свою единственную ноту коростель. И эти звуки не нарушали общей гармоніи, не тревожили засыпающей степи,— они, такіе родные и близкіе ей, казалось, убаюкивали ее и дѣлали общій колоритъ картины еще болѣе грустнымъ и мирнымъ.

На деревнѣ прозвенѣла было нескладная рулада гармоники, но тотчасъ же смолкла, какъ будто понявъ свою неумѣстность и сконфузившись.

Мы—земскій докторъ и я, студентъ, исполняющій обязанности его помощника, — сидѣли на выходившемъ въ поле крыльцѣ своей больнички, расположенной у околицы маленькой степной деревеньки, и думали. Я былъ молодъ, и потому мнѣ хотѣлось любви и счастья, и я думалъ, что моя молодость проходитъ очень грустно и скучно, и что ее, мою молодость, можетъ согрѣть и оживить одна только женская любовь. А докторъ? онъ былъ тоже не старъ и тоже, вѣроятно, думалъ о близкой женщинѣ, о любви.

Мы сидѣли и молчали. Ночь надвигалась безшумно и незамѣтно. Только темнѣе становилась степь, да ярче разгорались звѣзды.

— Ночь...—неожиданно констатировалъ фактъ докторъ.— Какъ тихо... и какъ грустно... Въ хорошія лѣтнія ночи какъ-то яснѣе и потому больнѣе чувствуется, что жизнь уходитъ... Ужасно грустно... Вы когда-нибудь испытывали такую грусть, такую тоску, когда не разберешь, тоска это или физическая боль въ груди?

— Да. Испытывалъ.

— Ужасно грустно... Какая-то глупая, „безпредметная“ тоска... Вы когда-нибудь любили?

— Да. Впрочемъ, еще гимназистомъ, глупо.

— У меня и того нѣтъ. Всю молодость проморгалъ... Гимназистомъ и студентомъ рачительно занимался, бѣгалъ по урокамъ, врачемъ — работалъ такъ, что не до любви было. А теперь вотъ жаль... и кажется, что молодость погибла... Да, выраженіе „погибшая молодость“ не всегда кажется пошлымъ... Что можетъ быть ужаснѣе одиночества?.. Ужасная тоска... Впрочемъ, все это происходитъ, вѣроятно, оттого, что усталъ я и въ дѣло не вѣрю.

Онъ помолчалъ.

— Я десять лѣтъ таскаюсь вотъ по такимъ норамъ,—онъ показалъ на деревеньку, — идеѣ служу, „оздоровленію деревни...“ Какъ это пошло и глупо!.. Имъ просто хлѣба надо, а не нашихъ жалкихъ микстуръ. Мы вмѣсто хлѣба даемъ имъ не камень, что̀ было бы откровеннѣе и честнѣе, а чортъ знаетъ что... На что я ухлопалъ эти десять лѣтъ, лучшія десять лѣтъ моей жизни? Чортъ возьми, и я вѣдь имѣю право на личное счастье, право любить, не быть одинокимъ... Ужасно грустно... Слышите, какъ перепела кричатъ?.. А понимаете вы, о чемъ они кричатъ?.. Вотъ крикнулъ самецъ— и страстно, и немного нетерпѣливо... А вотъ отвѣчаетъ ему самка. Слышите, какъ у ней это выходитъ томно и нѣжно?.. Чѣмъ не „пѣснь торжествующей любви“, а?

Онъ замолчалъ. А ночь плыла, торжественная, спокойная, грустная...

...Вдругъ гдѣ-то близко-близко раздался странный и страшный крикъ. Кто-то, звѣрь или человѣкъ, крикнулъ протяжно и пронзительно,—и въ этомъ крикѣ было и какое-то дикое торжество, и смертельный ужасъ. Крикъ пронесся надъ степью и замеръ вдали. Звѣзды тревожно задрожали, и всѣ звуки ночи притихли.

— Что такое?—вскочилъ докторъ.

Крикъ повторился — такой же страшный и непонятный. Было ясно, что кричатъ въ деревнѣ, гдѣ-нибудь недалеко отъ больницы.

— Фу, чортъ, какой ужасъ... — пробормоталъ докторъ. — Что бы это могло значить? Какъ будто это въ деревнѣ...

Мы обернулись къ деревнѣ и напряженно всматривались въ темную кучу крестьянскихъ избъ. Послышался топотъ босыхъ ногъ по гладкой дорогѣ,—и изъ улицы деревни показалась какая-то бѣлая фигура. Она быстро приближалась къ намъ, и, когда она была уже совсѣмъ близко, мы увидѣли, что это бѣжалъ изо всей мочи нагой человѣкъ. Онъ вихремъ пронесся мимо насъ, нагнувъ впередъ голову и неистово махая руками. Бѣжалъ онъ по дорогѣ, ведущей въ степь, и быстро исчезъ въ темнотѣ ночи...

А тѣмъ временемъ и въ деревнѣ началась какая-то суматоха: до насъ долетѣли обрывки торопливаго и испуганнаго говора, стукъ открываемаго окна, скрипъ воротъ. Изъ этого хаоса звуковъ опять отчетливо выдѣлилось шлепанье босыхъ ногъ по накатанной дорогѣ,—это бѣжало нѣсколько человѣкъ по тому же направленію, по которому пробѣжалъ и голый. Когда толпа сравнялась съ нами, кто-то изъ нея крикнулъ:

— Не видали?.. Не пробѣгъ?..

— Пробѣжалъ.

— Куды?.. Туды?..

— Да, по дорогѣ. Кто это такой?

— Бѣшеный убѣгъ.

И толпа пустилась бѣжать по дорогѣ.

— Какой бѣшеный? — крикнулъ въ догонку докторъ, но ему не отвѣтили. — Какой бѣшеный? — повернулся онъ ко мнѣ. — Я никакого бѣшенаго въ деревнѣ не зналъ.

Все это продолжалось какихъ-нибудь двѣ-три минуты. Затѣмъ опять наступила тишина, и опять въ степи задергалъ коростель, и перепела возобновили прерванную бесѣду. Но вотъ изъ деревни показалась новая толпа крестьянъ. На этотъ разъ шли тихо, возбужденно и громко разговаривая. Кто-то несъ фонарь, невѣрный и трепещущій свѣтъ котораго придавалъ толпѣ видъ фантастическаго пестраго пятна на фонѣ черной ночи. До насъ доносились обрывки разговора.

— Ему бѣсъ помогаетъ,—возбужденно и торопливо говорилъ чей-то старческій голосъ.—Говорилъ я, приковать надо. А то вотъ теперь поди, лови его... Набѣдокуритъ гдѣ-нибудь, а кто въ отвѣтѣ? Обчество, — почто не блюли.

— Обчество не при чемъ,—отвѣчали ему спокойно и разсудительно,—Кузьма виноватъ, съ Кузьмы и спросъ.

— Ну, чего тамъ зря болтать,—перебилъ новый голосъ.— Прикуй или не прикуй—съ бѣсомъ не совладать.

— Охъ, прогнѣвили мы Господа Бога...

— Бѣда...

Докторъ и я подошли къ толпѣ. Крестьяне остановились и замолчали. Ихъ было человѣкъ десять. Всѣ они были безъ

шапокъ и босые, въ однихъ рубахахъ и портахъ. Они, вѣроятно, только что вскочили съ постелей и не вполнѣ еще успѣли очнуться отъ тяжелаго и крѣпкаго сна послѣ длиннаго трудового дня.

— Въ чемъ дѣло? Кто это пробѣжалъ? — спросилъ докторъ.

Крестьяне молчали. Старикъ, стоявшій впереди съ фонаремъ въ рукахъ, что-то пробормоталъ было, но осѣкся и уставился глазами въ землю. Толпа, казалось, была въ затруднительномъ положеніи и не знала, какъ ей выбраться изъ него. Наконецъ, кто-то нашелся:

— Такъ это... Убёгъ тутъ одинъ...

— Да кто „убёгъ", я васъ спрашиваю? — уже съ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ крикнулъ докторъ.

Толпа казалась пойманной съ поличнымъ. Крестьяне смущенно переминались съ ноги на ногу, кашляли, вздыхали.

— Да такъ... Одинъ тутъ человѣкъ...

И опять молчаніе. Кто-то вздохнулъ громко и глубоко, ему отвѣтили тѣмъ же, еще и еще.

— Охъ, грѣхи наши... — пробормоталъ старикъ съ фонаремъ. — Пожалуй, на спокой пора... Поздно... Прощевай, ваша милость.

Онъ поклонился доктору, то же продѣлала и вся толпа и быстро повернулась назадъ.

— Нѣтъ, ты, братъ, постой, — ухватилъ докторъ старика за рукавъ. — Говори, въ чемъ дѣло. Все равно, узнаю — не сегодня, завтра... Не чужой я вамъ, чортъ васъ дери...

— Оно точно что... Такъ что...

Толпа остановилась. Старикъ поставилъ фонарь на землю, высморкался и обтеръ руки о штаны. Мы ждали.

— Безумный убёгъ,—проговорилъ, наконецъ, онъ.—Иванъ Петровъ. Кузьмѣ, значитъ, братъ... Старшой братъ.

Я зналъ Кузьму Петрова, но существованія его брата, да еще сумасшедшаго, я и не подозрѣвалъ.

— Развѣ у Кузьмы Петрова есть братъ?

— Есть. Онъ, значитъ, и убёгъ... Подрылъ, значитъ, подъ дверь нору и убёгъ.

— Сумасшедшій, ты говоришь?

— Да... Бѣшеный, значитъ... Такъ что не въ своемъ умѣ.

Доктора, видимо, происшествіе очень заинтересовало. Въ этой деревнѣ съ какими-нибудь 50—60 дворами онъ жилъ уже второй годъ и зналъ рѣшительно всѣхъ ея обитателей отъ мала до велика. А съ Кузьмой Петровымъ онъ былъ уже совсѣмъ на короткой ногѣ: Кузьма много лѣчился, докторъ очень часто бывалъ у него въ избѣ и очень охотно и

часто говорилъ съ нимъ. Этотъ угрюмый и молчаливый мужикъ, жившій очень замкнуто, очень интересовалъ его. Интересъ къ Кузьмѣ могло возбудить одно то обстоятельство, что въ нашей деревнѣ, населеніе которой составляли сплошь отчаянные пропойцы, онъ одинъ былъ трезвенникомъ. Словомъ, докторъ былъ очень хорошо, до мельчайшихъ подробностей знакомъ съ жизнью и всей деревни вообще, и Кузьмы Петрова въ частности — и вдругъ оказывается, что въ деревнѣ живетъ сумасшедшій, котораго запираютъ и о которомъ докторъ рѣшительно ничего не знаетъ, и притомъ живетъ у Кузьмы... Было ясно, что сумасшедшаго прятали, и только его побѣгъ выдалъ и его, и крестьянъ.

Старикъ отвѣчалъ сначала на наши вопросы крайне неохотно, туманно и сбивчиво, но потомъ, когда докторъ убѣдилъ его, что теперь все равно намъ все извѣстно и скрывать дальше не имѣетъ смысла, онъ сдѣлался болѣе разговорчивымъ. Оказалось, что Иванъ Петровъ сошелъ съ ума два года тому назадъ, а такъ какъ онъ буянилъ и былъ опасенъ, его заперли.

— Ну, конечно, держали въ секретѣ,—разсказывалъ старикъ,—а то вѣдь упрятали бы его въ желтый домъ... Совсѣмъ бы человѣку капутъ былъ.

— Почему „капутъ?“ Тамъ лѣчатъ.

— Оно, конечно, лѣчатъ, а только что... Не хорошо въ сумасшедшій домъ бѣшеныхъ сдавать... Въ ёмъ, въ бѣшеномъ-то, бѣсъ сидитъ, а мы его въ сумасшедшій домъ. Какъ же можно!.. Тутъ мы, може, его и отчитаемъ, а въ сумасшедшемъ домѣ чего ужъ и ждать. Былъ тутъ у насъ одинъ бѣсноватый, годовъ пять назадъ... Не уберегли — становой усмотрѣлъ. Ну и забрали въ сумасшедшій домъ. Потомъ, слышимъ, черезъ двѣ недѣли безъ покаянія померъ, а евоннаго отца да брата въ каторгу ни за что, ни про что закатили...

— Какъ въ каторгу? за что?

— Били, говорятъ. А какъ его не бить? Не его били, бѣса били... Мы-то такъ это самое дѣло понимаемъ: не за бѣшенаго сослали, а за бѣса. Слуги бѣсовскіе подвели.

— И Ивана били?—спросилъ я.

— Не Ивана били, бѣса били... Бѣса выгоняли... И отчитывали, и били, и крестъ накладали. Ужъ оченно въ ёмъ бѣсъ упрямый... Не простой, должно.

— Гдѣ-же вы его прятали?

— Въ хлѣву. Наше дѣло бѣдное, другого подходящаго мѣста нѣту... Да ему, Ивану-то, все равно вѣдь,—нешто онъ теперь что понимаетъ? Опять-же бѣса держать въ горницѣ не гоже.

Мы рѣшили посмотрѣть хлѣвъ, въ которомъ сидѣлъ сумасшедшій. Старикъ повелъ насъ къ избѣ Кузьмы Петрова. Толпа шла за нами. Деревня проснулась вся,—въ окнахъ мелькали огни, на улицѣ толпился народъ. Къ толпѣ, которая шла за нами, присоединялись всѣ, кто попадался на встрѣчу, и когда мы вошли на дворъ Кузьмы, народу набралось такъ много, что дворъ не вмѣстилъ всѣхъ—больше половины осталось за воротами. На дворѣ запрягали въ телѣгу лошадь.

Старикъ подвелъ насъ къ низенькому и маленькому досчатому хлѣву, находившемуся въ глубинѣ двора. Онъ отворилъ дверь, вошелъ въ него съ фонаремъ, а за нимъ вошли и мы. Нашимъ глазамъ представилась такая картина. Маленькая въ двѣ-три кубическія сажени клѣтка, сколоченная очень крѣпко—изъ толстыхъ досокъ, прибитыхъ къ массивнымъ столбамъ по ея угламъ, была до нельзя загрязнена и запакощена. Больного не выпускали изъ нея даже для отправленія извѣстныхъ потребностей, и потому весь полъ былъ покрытъ экскрементами—хлѣвъ, должно быть, не чистили, по крайней мѣрѣ, три-четыре мѣсяца. Хлѣвы, въ которыхъ держатъ скотину, показались-бы очень приличными жилищами въ сравненіи съ этой ужасной норой. Зловоніе въ хлѣвѣ было невыносимое—и только теперь я сообразилъ, чѣмъ объясняется тотъ тяжелый запахъ, который былъ на дворѣ Кузьмы Петрова, и который я замѣчалъ и раньше... На полу валялся обгрызанный кусокъ хлѣба, весь выпачканный. Посрединѣ хлѣва въ землю былъ вкопанъ невысокій столбикъ; къ нему была привязана короткая и толстая веревка

— Это зачѣмъ?—указалъ докторъ на столбъ и веревку.

— Бѣшенаго привязывали,—объяснилъ старикъ.—Приковать надо было... Нешто веревкой бѣса удержишь?.. Ишь какъ перегрызъ.

Онъ поднялъ конецъ веревки. Онъ былъ весь измочаленъ,—видно было, что не дешево стоило сумасшедшему перегрызть веревку.

Подъ дверью, ведущей въ хлѣвъ, была выкопана свѣжая яма, позволявшая выбраться изъ него, даже когда дверь была заперта. Комки свѣжей и черной земли можно было видѣть во всѣхъ углахъ хлѣва. Сумасшедшій, очевидно, работалъ съ неистовой поспѣшностью и усердіемъ. Никакого орудія, которымъ можно было-бы выкопать яму, не валялось поблизости,—работа производилась голыми руками... Въ одномъ углу была отодрана отъ столба доска—и на ней я замѣтилъ слѣды крови...

— И давно его тутъ держали?—спросилъ докторъ.

— Безъ малаго два года.

— И зимой?

— И зимой.

Зимой въ хлѣву, вѣроятно, было невыносимо холодно: его досчатыя стѣны не могли служить защитой отъ мороза.

— Однако... Какъ-же онъ не замерзъ?

— Снѣгу, значитъ, снаружи-то нагребали... Подъ снѣгомъ оно тепло... Дюже тепло... Зимой-то онъ, ровно медвѣдь, въ берлогѣ жилъ.

Докторъ молча повернулся и пошелъ со двора. Я шелъ за нимъ. Въ воротахъ онъ остановился и крикнулъ толпѣ:

— Какъ поймаютъ, пусть приведутъ въ больницу. Тамъ ему пока будетъ помѣщеніе.

Мы шли сначала молча. Ночь была темная, но въ ней уже не было прежняго спокойствія—поднялся вѣтеръ, звѣзды скрылись за набѣгавшія облака.

— Это чортъ знаетъ на что похоже,—заговорилъ докторъ.— Толкуютъ, кричатъ о деревенскомъ семейномъ патронажѣ для душевнобольныхъ, какъ о наиболѣе раціональномъ способѣ ихъ призрѣнія... Это при такихъ-то воззрѣніяхъ народа на болѣзнь... Оно, можетъ быть, гдѣ-нибудь, въ Англіи, въ Голландіи и хорошо, а у насъ... у насъ возможенъ только такой патронажъ, какой мы видѣли... И это вѣдь не здѣсь только такъ „пользуютъ“ больныхъ,—это вездѣ, по всей Россіи. Воображаю, сколько сидитъ теперь, вотъ сейчасъ, когда мы съ вами перепеловъ слушаемъ и толкуемъ о женской любви, какъ о необходимомъ условіи сносной жизни, сколько сидитъ на цѣпяхъ, на веревкахъ, въ ужасныхъ помѣщеніяхъ несчастныхъ „бѣшеныхъ“!.. Вѣдь и въ газетахъ часто встрѣчаются описанія подобныхъ этому фактовъ. И если вы читали эти описанія, вы помните, что вездѣ „бѣшеные“ открывались случайно. Сколько ихъ еще ждетъ своего случая.. Нѣтъ, какой ужъ у насъ патронажъ... А помните вы дурака Ерошку?

Этотъ Ерошка, страдавшій тихимъ помѣшательствомъ, бродившій по деревнямъ и питавшійся подаяніемъ, мѣсяца два назадъ утонулъ въ лужѣ посрединѣ нашей деревни: его напоили мертвецки пьянымъ потѣшавшіеся надъ дурачкомъ мужики...

Докторъ сдѣлалъ паузу въ полъ минуты и, неожиданно повернувшись ко мнѣ, тихо произнесъ:

— И мы съ вами жестоко ошиблись,—народу нужны не врачи... Ему нужна не микстура, а хлѣбъ и знаніе, а мы только отнимаемъ у него этотъ хлѣбъ... И причинъ сему—легіонъ.

Когда мы пришли къ себѣ, я долго не могъ уснуть. Вопіющее безобразіе и нелѣпость ужасной конуры и ужаснаго существованія „бѣшенаго“ человѣка мучили меня, требуя себѣ объясненія и оправданія. Не находя ихъ, я пытался

убѣдить себя, что „я тутъ не при чемъ“, но... фактъ грозно и неумолимо стоялъ передъ моей мыслью, какъ холодный и жестокій заимодавецъ, настойчиво сующій мнѣ свой вексель, подлежащій немедленной оплатѣ и не допускающій ни малѣйшей отсрочки... И я никакъ не могъ отвязаться отъ ужасныхъ, похожихъ на кошмаръ, образовъ, которые рисовала мнѣ фантазія,—и неожиданно вспомнилъ другой случай, аналогичный этому и не менѣе ужасный.

Это было въ противоположномъ углу Россіи—на глухомъ сѣверѣ, куда меня занесла моя страстишка странствовать и наблюдать. Какъ-то въ зимній вечеръ, въ жестокій морозъ, сковывавшій все живое, всякое движеніе, даже самую мысль, мнѣ пришлось съ случайнымъ спутникомъ остановиться на ночлегъ въ глухомъ, но довольно большомъ селѣ. Помню, что мы долго не могли заснуть въ душной, снабженной съ избыткомъ жалящими и кусающими насѣкомыми комнатѣ, и только было начали забываться, засыпать, какъ насъ разбудила какая-то глухая возня за стѣной. Тамъ точно боролись или дрались нѣсколько человѣкъ. Были слышны и иные звуки, похожіе на подавленные крики и стоны... Мы рѣшили узнать, въ чемъ дѣло. Намъ это не дешево стоило—насъ ни за что не хотѣли впустить въ комнату, откуда доносились подозрительные звуки. Когда мы, наконецъ, проникли въ нее, мы увидѣли мрачное, сырое и зловонное помѣщеніе. Оно было наполнено тяжелымъ и вонючимъ дымомъ, отъ котораго слезились глаза и было трудно дышать. Было очень холодно,—стекла въ окнѣ были разбиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ и заткнуты грязными и замерзшими тряпками...

На полу лежалъ, распластавшись всѣмъ тѣломъ, человѣкъ, покрытый грязнымъ и жалкимъ отрепьемъ. Вокругъ пояса онъ былъ обвязанъ веревкой. Два конца ея были привязаны къ кольцамъ, ввинченнымъ въ противоположныхъ стѣнахъ. Это позволяло привязанному дѣлать всего лишь два-три шага вдоль комнаты...

Оказалось, что передъ нами былъ „бѣшеный“, и что сейчасъ ему производили одну изъ многочисленныхъ операцій изгнанія бѣса—ему прижигали желѣзомъ пятки...

Я живо помню крѣпкую и сильную фигуру старика-раскольника, хозяина дома и отца „бѣшенаго“. Онъ смотрѣлъ на насъ горящими злостью глазами и злобно шамкалъ:

— Ваше дѣло... Антихристову печать наложили на сыновъ... Одного потомъ въ солдаты забрили, а другой—вотъ... Вашихъ рукъ дѣло, любуйтесь...

II.

На другой день утромъ, до обычнаго пріема больныхъ, мы освободили и приготовили для „бѣшенаго“ небольшую комнату, которая служила помѣщеніемъ для аптеки. А аптеку перевели въ мою комнату. Больничный сторожъ тѣмъ временемъ сходилъ въ деревню узнать, привели или нѣтъ больного, и вернулся съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

— Теперь его не поймать,—добавилъ онъ къ своему рапорту.—Что бѣса поймать, что бѣшенаго—все едино.

— А ты зналъ, что на деревнѣ есть сумасшедшій?—спросилъ его докторъ.

— Зналъ... У насъ все обчество уговоръ составило—не выдавать... А мы, можно сказать, съ Иваномъ Прохорычемъ дружки были.

— Значитъ, ты знаешь, какъ онъ и съ ума сошелъ?

— Да кто его знаетъ, какъ... Кто говоритъ, отъ пьянства, кто—отъ дурной болѣсти. А по моему—гордъ былъ, ну, анделъ Господень и отступился, бѣсу-то, значитъ, слобода... Чего-чего съ нимъ только не дѣлали, чтобы бѣса выгнать, денегъ сколько на него разсорили—страсть! Изъ Обиралова чтеца выписывали, одинъ онъ двадцать рублевъ сгрѣлъ. А проку никакого: читалъ, читалъ, не могъ отчитать... А жаль мужика-то,—молодой еще человѣкъ, сорока годовъ ему нѣту... Вотъ она, гордость-то наша.

— Что-же у него семья есть?

— Жена евонная въ монастырь опосля этого случая ушла, а дѣтей у него нѣтъ—мертвыми все рожались... Охъ, Господи, Господи...

Послѣ пріема больныхъ пришелъ въ больницу старикъ, который вчера показывалъ намъ хлѣвъ. Онъ спросилъ доктора и, когда его впустили въ нашу комнату, брякнулся ему въ ноги.

— Не губи, ваше благородіе...

— А развѣ я собираюсь губить кого-нибудь?—засмѣялся докторъ.

— Не губи, ваше благородіе... Всѣмъ міромъ просимъ—не губи...

— Вотъ заладилъ... Говори толкомъ, что тебѣ надо?

— А насчетъ бѣшенаго... Не выдай, кормилецъ... По гробъ жизни...

Оказалось, что старикъ пришелъ просить отъ лица крестьянъ не выдавать ихъ тайну и не настаивать на томъ, чтобы сумасшедшій былъ отправленъ въ больницу. Крестьяне боя-

лись повторенія того случая, о которомъ намъ разсказывали вчера, и не хотѣли безпокоянной погибели „бѣшенаго“ и возможнаго наказанія его родственниковъ. Кромѣ того, боялись, что и все „обчество“ за укрывательство помѣшаннаго можетъ подвергнуться наказанію.

— Ну, „обчество“-то тутъ не при чемъ,—замѣтилъ докторъ.—А всетаки больного мы обязательно отправимъ въ губернскую лѣчебницу. Дома, въ хлѣву, держать его нельзя, а у насъ, въ нашей больницѣ, для него нѣтъ мѣста.

Это было сказано очень твердо, тономъ, не допускающимъ возраженій, но старикъ продолжалъ кланяться, упрашивать, обѣщалъ даже „благодарность“ и деньгами, и живностью.

— Не обидь, ваше благородіе... Заставь по гробъ Бога молить...

Разговоръ былъ прерванъ сторожемъ, который стукнулъ въ окно съ улицы и крикнулъ:

— Бѣшенаго поймали!

Мы вышли на крыльцо. Съ ранняго утра шелъ, не переставая, дождь, превратившій дорогу въ какое-то мѣсиво и придавшій обнаженной степи печальный и сиротливый видъ. Въ полуверстѣ отъ насъ медленно двигалась по дорогѣ кучка людей, конвоировавшихъ грязную и неуклюжую телѣгу. Заморенная кляча съ трудомъ вытаскивала одну ногу за другой изъ грязи, низко-низко опустивъ голову. Все это шествіе казалось необыкновенно печальнымъ и жалкимъ,—люди, безъ шапокъ, босикомъ, въ однихъ рубахахъ и портахъ, насквозь промокли, озябли, устали и съ трудомъ передвигали ноги. Ихъ мокрыя, съежившіяся фигуры были такъ-же жалки, какъ и кляча съ взъерошенной мокрой шерстью, съ опущенной головой, съ узкими боками, на которыхъ рѣзко выступали подъ натянутой кожей ребра... Время отъ времени шедшій впереди человѣкъ дергалъ лошадь за узду, кричалъ осипшимъ и злымъ голосомъ: „У-у, стерва!.. Но, окаянная!..“— и билъ ее по бокамъ длинной и толстой палкой. При каждомъ ударѣ кляча поднимала голову, дѣлала усиліе и дергала телѣгу, но тотчасъ-же утомлялась и опять двигалась апатично и медленно.

— Эхъ, жисть наша,—вздохнулъ старикъ, созерцая картину.

Процессія поровнялась съ крыльцомъ больницы. Люди, лошадь, телѣга,—все было забрызгано грязью.

— Привезли...—хрипло сказалъ Кузьма, шедшій впереди всѣхъ. Онъ подошелъ къ крыльцу и въ изнеможеніи опустился на грязную и мокрую ступеньку. Это былъ дюжій мужикъ, смотрѣвшій исподлобья, угрюмо и дико.

Въ телѣгѣ, на сѣнѣ, лежалъ „бѣшеный“. Его тѣло ни-

чѣмъ не было покрыто, посинѣло отъ холода и дрожало мелкой дрожью. Оно совсѣмъ не походило на живое человѣческое тѣло,—синее, грязное, покрытое мѣстами кровью... Только дрожь, странная дрожь, начинавшаяся въ конечностяхъ, переходившая на все тѣло и исчезавшая, чтобы черезъ полминуты снова продѣлать этотъ кругъ, показывала намъ, что передъ нами живой человѣкъ. Лежалъ онъ ничкомъ, зарывъ голову въ сѣно, такъ что намъ были видны лишь его спина и ноги.

Докторъ подошелъ къ телѣгѣ, пощупалъ „бѣшеному" пульсъ.

— Скверно... Несите его въ больницу.

Кузьма не тронулся съ мѣста. Онъ положилъ голову на руки и сидѣлъ, съежившись и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Больного съ трудомъ вытащили изъ телѣги, взяли на руки и понесли въ больницу. Его всклокоченная голова и руки безжизненно свѣсились внизъ. Когда поднимались на крыльцо, руки, грязныя, изможденныя, покрытыя кровью, задѣвали за ступеньки...

— Легкой,—замѣтилъ одинъ изъ несшихъ больного,—отощалъ...

Его внесли въ приготовленную для него комнату и положили на спину на скамейку. Подушки не было, и потому его голова закинулась немного назадъ. Лицо было мертвенно-блѣдное, безжизненное, исхудалое до нельзя. Время отъ времени по нему пробѣгала короткая судорога, приподнимавшая углы губъ,—и тогда казалось, что больной хочетъ улыбнуться.

— Далеко догнали?—спросилъ докторъ.

— За Осиновымъ переѣздомъ... Въ болотѣ завязъ.

До „Осиноваго переѣзда" было не меньше двадцати верстъ. „Бѣшеный" пробѣжалъ это разстояніе „единымъ духомъ" и, смертельно измученный, какъ загнанная лошадь, упалъ въ болото и уже не могъ оттуда выбраться.

Ноги больного оказались израненными, исколотыми въ кровь. На правой ногѣ большой палецъ былъ вывихнутъ. На всемъ тѣлѣ было множество синяковъ, кровоподтековъ, старыхъ и свѣжихъ... Мое вниманіе остановили два большихъ рубца на спинѣ; рубцы эти пересѣкались подъ прямымъ угломъ, и такимъ образомъ получался бѣлый крестъ, рѣзко выдѣлявшійся на синей кожѣ больного.

— Это у него отчего?—спросилъ я все еще торчавшаго здѣсь старика.

— Кровяное крещеніе,—сказалъ тотъ важно.

— Что это значитъ?

— Кожу крестъ на крестъ сымали... Никакой бѣсъ супротивъ этого не состоитъ... А въ Иванѣ, должно, самъ Верзаулъ—и опосля креста не вышелъ.

Мы вымыли дрожащее тѣло больного и уложили его въ постель. Когда онъ немного согрѣлся, онъ открылъ свои мутные, безумные глаза и посмотрѣлъ на насъ. Это былъ очень страшный взглядъ,—безжизненный, леденящій...

Все время, пока мы возились съ несчастнымъ, крестьяне стояли тутъ же, въ углу. Съ нихъ натекла цѣлая лужа, и когда они пошли изъ комнаты, они оставляли за собой на полу отчетливо очерченные слѣды голыхъ ступней. Старикъ остался, заявивъ, что онъ пока посидитъ съ больнымъ. А потомъ онъ заявилъ, что, какъ человѣкъ незанятой, онъ постоянно будетъ дежурить при „бѣшеномъ“, такъ какъ и у Кузьмы, и у больничнаго сторожа и безъ того очень много дѣлъ.

— Да ты что, родня, что-ли, ему?—удивился докторъ.

— Нѣтъ, не родня... Для души это я.

Больничный сторожъ даже умилился.

— Доброй души человѣкъ,—толковалъ онъ намъ потомъ,— Сидитъ, дежуритъ, а ему этотъ самый Иванъ Прохорычъ много непріятностей понадѣлалъ, когда молодой былъ... Дочь евонную, которая, значитъ, опосля того утопла, испортилъ, а самому старику бороду чуть не всю выдралъ. Нуко-ся, кто другой нешто простилъ бы?

Когда, устроивъ больного, мы съ докторомъ выходили изъ больницы (намъ нужно было сдѣлать въ деревнѣ проколъ трудному водяночному больному), мы съ удивленіемъ увидѣли, что Кузьма все еще сидитъ на крыльцѣ въ той же самой позѣ, упершись локтями въ колѣна и положивъ лицо на ладони. Оказалось, что онъ спалъ: безсонная ночь, погоня за братомъ и возня съ нимъ такъ его измучили, что онъ заснулъ въ неудобной позѣ, на крыльцѣ, подъ холоднымъ дождемъ...

— Кузьма, а Кузьма!—тронулъ его за плечо докторъ.

Кузьма, поднялъ голову, посмотрѣлъ на насъ безсмысленными глазами, что-то промычалъ, медленно поднялся и, шатаясь, пошелъ прочь, но не въ деревню, а въ поле.

— Куда ты? — крикнулъ ему докторъ. — Кузьма!.. Куда, молъ, ты?

Тотъ остановился, опять посмотрѣлъ на насъ, махнулъ рукой. Онъ только теперь пришелъ въ себя.

— Гдѣ Ванька?—спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ,—ѣсть смерть охота.

Мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ деревню. Было грязно, сыро и холодно. Кузьма дрожалъ.

— Лѣто, а какой холодъ,—сказалъ онъ.—Не къ добру все это... Приковать надо было... Говорили люди, да жалко было.

III.

„Бѣшеный“ былъ очень слабъ. Ему черезчуръ дорого обошлось его минутное торжество, недолгая свобода. Его, вѣроятно, утомило уже возбужденіе передъ побѣгомъ, копанье ямы, и его побѣгъ казался подвигомъ, превышающимъ человѣческія силы. Это напряженіе нервной системы, всего организма не могло обойтись ему даромъ. Кромѣ того, онъ очень серьезно поранилъ ноги и сильно избилъ свое и безъ того избитое и больное тѣло. А что оно было избито и раньше, о томъ краснорѣчиво говорили многочисленные синяки всевозможныхъ оттѣнковъ и, слѣдовательно, возрастовъ. Судя по нимъ, несчастнаго „бѣшенаго“ били систематически, изо дня въ день, настойчиво и усердно изгоняя изъ него бѣса... Веревка, которой привязывали его къ столбу, оставила на его туловищѣ ужасный слѣдъ: цѣлый рядъ идущихъ вокругъ пояса гноящихся и рдѣющихъ язвъ. Одна боль отъ этихъ язвъ, постоянно раздражаемыхъ веревкой, могла привести его въ крайнее изступленіе.

Крестьяне, въ томъ числѣ и Кузьма, упорно отрицали побои, а крестъ на спинѣ больного объясняли нелѣпой и невозможной случайностью,—это, молъ, сдѣлали больному еще въ молодости, въ дракѣ...

Больной проснулся только на другой день къ вечеру. Его накормили, при чемъ, къ великому удовольствію, даже наслажденію доктора, онъ ѣлъ съ изряднымъ аппетитомъ. Поѣвъ, онъ хотѣлъ было встать съ постели, но не могъ,—свѣжія ссадины на ногахъ и вывихнутый палецъ, повидимому, очень болѣли. Полежавъ спокойно и молча съ полчаса, онъ вдругъ заговорилъ, но такъ невнятно, что я не могъ уловить ни одного слова. Говорилъ онъ точно въ пространство, ни къ кому не обращаясь,—очевидно, онъ такъ думалъ, и не могъ думать молча.

— Непріятное зрѣлище, — сказалъ, глядя на больного, докторъ.—Сломалась драгоцѣнная и сложная машина, гдѣ то въ глубинѣ механизма выпалъ винтикъ или покривилось колесо, а движущая сила все еще работаетъ... И колеса вертятся, машина работаетъ, но безтолково, нескладно, нелѣпо... А поврежденное колесо все болѣе и болѣе выходитъ изъ нормальнаго положенія, тянетъ за собой другія части механизма—и машина работаетъ все безтолковѣе, пока, наконецъ, не встанетъ... Здѣсь это, впрочемъ, не скоро слу-

чится,—онъ еще мѣсяца три протянетъ... Удивительно крѣпкій организмъ,—такая встряска для всякаго другого была бы смертельной... Если бы его во время правильно лѣчить, можно бы достичь очень хорошихъ результатовъ.

Рѣшено было выждать нѣсколько дней, чтобы больной немного поправился, и тогда отправить его въ земскую психіатрическую лѣчебницу. Отправка эта представляла очень серьезныя затрудненія. Черезъ полицію отправлять больного было неудобно, такъ какъ въ такихъ случаяхъ буйные больные, по словамъ доктора, доставляются въ лѣчебницу въ ужасномъ видѣ (съ ними не церемонятся дорогой), а отрывать отъ дѣла кого-нибудь изъ здѣшнихъ крестьянъ не хотѣлось. Пришлось остановиться на такой комбинаціи: рѣшили, что повеземъ больного Кузьма и я. Мнѣ все равно скоро нужно будетъ уѣзжать отсюда, а Кузьмѣ тоже не миновать ѣхать.

Кузьма сначала и слышать не хотѣлъ объ отправкѣ брата въ городскую лѣчебницу. Онъ нѣсколько разъ приходилъ къ намъ въ больницу просить доктора отдать ему брата, приходила и его жена, плакала и умоляла „не губить“. Боялось чего-то и „обчество“,—доктору стоило много труда убѣдить крестьянъ, что „обчеству“ ничего не будетъ. Такъ какъ докторъ былъ упрямъ и настойчивъ, и такъ какъ эту черту его характера всѣ прекрасно знали, то, въ концѣ концовъ, все устроилось по нашему желанію, и мой отъѣздъ съ Кузьмой и „бѣшенымъ“ былъ вопросомъ очень недалекаго будущаго.

Такъ какъ физическія силы больного возстановлялись довольно быстро, мы рѣшили свезти его возможно скорѣе, потому что при полномъ возстановленіи его силъ, опять наступилъ бы періодъ возбужденія, и тогда перевозка больного оказалось бы очень сложнымъ и муренымъ дѣломъ. А пока больной былъ очень спокоенъ, и вся его дѣятельность заключалась въ томъ, что онъ безъ умолку болталъ несвязный вздоръ и не переставая перебиралъ руками край одѣяла. Была попытка убѣжать, но очень скромная и мирная,—съ больнымъ справился одинъ дежурившій при немъ старикъ.

Наканунѣ отъѣздъ, утромъ, Кузьма привелъ въ больницу какого-то старичка съ рѣдкой, точно выщипанной бороденкой, плѣшиваго и съ бѣльмомъ на глазу.

— Дозвольте, баринъ, послѣднее средствіе сдѣлать,—обратился Кузьма къ вышедшему къ нимъ доктору.—Старичекъ средствіе знаетъ.

— Точно, знаю средствіе,—прошамкалъ старикъ.

— Какое средствіе?

— Нечистаго, стало быть, выгнать... Вода съ гвоздя Го-

сподня и особенная молитва. Для нечистаго—смерть... Особенная этой водѣ сила супротивъ него дадена.

— Какая вода съ гвоздя? что за вздоръ? — возмутился было докторъ.

Я вмѣшался въ разговоръ и сказалъ ему, что въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, дѣйствительно раздаютъ или продаютъ такую воду,—„воду съ гвоздя отъ креста Господня“.

— Такъ точно,—поддакнулъ мнѣ старикъ.—Этой самой водой бѣса выгнать—плевое дѣло... Одно—дорогая...

Докторъ сначала и слышать не хотѣлъ о послѣднемъ средствiи, но такъ какъ отправка больного въ лѣчебницу была для Кузьмы равносильна окончательному торжеству вселившагося въ брата бѣса, онъ не могъ въ концѣ концовъ устоять противъ просьбъ. Кузьма, крѣпкiй и суровый мужикъ, изъ холодныхъ глазъ котораго, казалось, никакое горе не могло выжать ни слезинки, не разъ плакалъ о братѣ, не стѣсняясь даже нашего присутствiя... Ему казалось, что только по его оплошности, непростительной оплошности, „бѣшеный“ братъ былъ открытъ нами и теперь неминуемо попадетъ въ сумасшедшiй домъ, т. е. прямо въ загребистыя лапы антихриста. По его понятiямъ, если бъ онъ убилъ брата, изгоняя изъ него бѣса, это было бы неизмѣримо меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ тотъ, который онъ сдѣлалъ, упустивъ „бѣшенаго“. И отчаянiе его было такъ велико, что докторъ не могъ не сдѣлать маленькой уступки предразсудку и позволилъ старичку, котораго Кузьма почему-то называлъ дядей Ракомъ, примѣнить „послѣднее средствiе“, конечно, подъ условiемъ не дѣлать надъ больнымъ никакихъ насилiй.

Дядя Ракъ заперся одинъ въ комнатѣ съ больнымъ. Сидѣлъ тамъ болѣе часу и все время, судя по доносившимся до нашего слуха звукамъ, бормоталъ какiя-то молитвы. Ему вторилъ больной, который на этотъ разъ говорилъ болѣе возбужденно, чѣмъ всегда. Должно быть, присутствiе возлѣ него незнакомаго старика его немного раздражало, и подъ конецъ сеанса онъ сталъ очень настойчиво требовать:

— Убирайся ты... Уйди ты...

Эти восклицанiя сопровождались очень крупными и энергичными ругательствами.

Дядя Ракъ вышелъ отъ больного обезкураженнымъ.

— Бѣсъ зѣло силенъ и упрямъ,—объяснилъ онъ свою неудачу.—Не иначе, какъ самъ Верзаулъ... Одинъ Верзаулъ гвоздевой воды не боится...

Вечеромъ пришла монашка, жена „бѣшенаго“. Проститься съ мужемъ, даже взглянуть на него она не пожелала—изъ боязни, что бѣсъ перейдетъ изъ мужа, все равно уже обреченнаго на погибель, въ нее. Она только попросила позво-

ленія поговорить съ дежурившимъ при немъ старикомъ. Говорили они очень долго; монашка плакала, о чемъ-то просила старика и, должно быть, только тогда отпустила его, когда настояла на своемъ. Ушла она съ довольнымъ, хоть и по прежнему печальнымъ, видомъ. Потомъ пришелъ Кузьма, тоже о чемъ-то секретно бесѣдовалъ со старикомъ и тоже ушелъ домой болѣе спокойный, чѣмъ прежде. Мнѣ нужно было повидаться съ нимъ, условиться относительно часа выѣзда на завтра, а онъ ушелъ, видимо, стараясь избѣгнуть встрѣчи со мной. Я послалъ за нимъ сторожа, но Кузьма велѣлъ передать мнѣ, что утро вечера мудренѣе. Было ясно, что составился какой-то заговоръ и что, кромѣ воды съ гвоздя Господня, нашли новое средствіе. Но таинственность поведенія окружающихъ больного лицъ мнѣ казалась очень подозрительной, и потому мы съ докторомъ рѣшили, что при больномъ эту послѣднюю ночь будетъ дежурить не старикъ, а больничный сторожъ.

Было уже довольно поздно, около одиннадцати часовъ вечера, когда я явился со сторожемъ въ комнату, гдѣ находился больной. Онъ, казалось, спалъ,—лежалъ очень спокойно и не болталъ. А старикъ стоялъ въ углу на колѣняхъ и усердно, стукаясь лбомъ объ полъ, молился. Онъ не замѣтилъ, какъ мы вошли, и при насъ продолжалъ шептать свои молитвы и, точно торопясь, отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ.

— Спиридонъ Афанасичъ!—окликнулъ его сторожъ.

Старикъ вздрогнулъ отъ неожиданности и оченъ быстро, совсѣмъ не по стариковски, вскочилъ на ноги. Нашъ неожиданный визитъ, видимо, очень смутилъ его. Я объяснилъ ему цѣль нашего прихода и, разговаривая, подошелъ къ больному. Мнѣ хотѣлось пощупать его пульсъ.

— Не трожь! Не трожь!.. Спитъ ёнъ, не буди,—заволновался старикъ.

— Ничего, я тихонько...

Старикъ бросился ко мнѣ — вѣроятно, съ цѣлью помѣшать мнѣ посмотрѣть больного. Это меня очень удивило, но когда я взглянулъ на больного, я понялъ, въ чемъ дѣло. Лицо „бѣшенаго“, удивительно кроткое и спокойное, хотя и мертвенно блѣдное, не имѣло на этотъ разъ дикаго и безсмысленнаго выраженія. Оно, похудѣвшее, съ страдальческими морщинами и складками на лбу и на щекахъ, дышало такимъ счастьемъ, какое можетъ дать лишь успокоеніе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпрерывныхъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Такое умиротворенное, блаженное лицо можетъ быть только у мертвыхъ... Я взялъ руку „бѣ-

шенаго", — она была холодна и безжизненна, пульсъ не бился.

— Никакъ померъ?—спросилъ сторожъ.

Это было очень странно: „бѣшеный" физически довольно хорошо поправился за послѣдніе дни, и мы никакъ не могли ожидать такого быстраго исхода. Это обстоятельство, съ одной стороны, и странное поведеніе старика—съ другой, внушали очень непріятное и тяжелое подозрѣніе. Ужъ не сдѣлали-ли чего съ „бѣшенымъ" старикъ и Кузьма?

Пока я смотрѣлъ на мертваго, старикъ незамѣтно исчезъ изъ комнаты. Это тоже казалось подозрительнымъ.

Я послалъ сторожа за Кузьмой. Тотъ пришелъ угрюмый, но спокойный.

— Божья воля, — буркнулъ онъ, когда я показалъ ему на трупъ.—Его теперича можно къ намъ перенесть?

Онъ избѣгалъ смотрѣть на меня и на мертваго и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ-же ушелъ. Черезъ полчаса онъ явился съ тремя крестьянами. Они положили трупъ на носилки, сколоченныя на живую руку, покрыли его рогожей и понесли. Сторожъ съ фонаремъ посвѣтилъ имъ съ крыльца.

Шелъ мелкій, совсѣмъ осенній дождь,—ненастье все еще продолжалось. Было темно—такъ темно, какъ бываетъ только въ безпроглядныя осеннія ненастныя ночи. Вѣтеръ задулъ фонарь, и четверо крестьянъ съ носилками на плечахъ точно нырнули въ темноту. Шли они молча, тяжело шлепая по грязи.

Я, не смотря на поздній часъ и ужасную погоду, прошелъ къ доктору. Онъ еще не спалъ.

— Да, дѣло нечисто, — сказалъ онъ, когда я ему сообщилъ о смерти „бѣшенаго" и о своихъ подозрѣніяхъ. — И намъ съ вами представляется такая дилема: или оставить все безъ послѣдствій, сирѣчь укрыть преступленіе, или закатать всю эту компанію, куда Макаръ телятъ гоняетъ... Если поступить согласно нашимъ чиновничьимъ обязанностямъ, мы должны донести, иначе *мы* совершимъ преступленіе по должности, а если разсуждать „по человѣчеству", надо укрыть... Они вѣдь увѣрены, что сдѣлали доброе дѣло, и, пожалуй, проявили даже нѣкоторый героизмъ въ этомъ дѣлѣ: рискъ попасться былъ имъ, поди, великолѣпно извѣстенъ. А ужъ они во всякомъ случаѣ не виноваты въ томъ, что такъ запутались въ суевѣріяхъ, въ предразсудкахъ... Такъ какъ-же, товарищъ, заявимъ подозрѣніе или нѣтъ?

Я не могъ колебаться въ рѣшеніи: одно то соображеніе, что Кузьма всегда могъ развязаться съ братомъ, заявивъ полиціи о его сумасшествіи, и тѣмъ не менѣе цѣлыхъ два

года мучился съ нимъ и рѣшился на преступленіе вовсе не изъ боязни наказанія за истязанія брата (о! въ этомъ можно было быть увѣреннымъ!),—одно это соображеніе могло заставить меня отвѣтить доктору:

— Нѣтъ, конечно...

— Руку, товарищъ...

Это вышло немного торжественно, но вѣдь и мы рисковали.

Мы рѣшили попытаться поговорить съ Кузьмой на чистоту, въ надеждѣ узнать навѣрняка, есть преступленіе или нѣтъ. И намъ такъ хотѣлось выяснить это, что мы пошли къ нему сейчасъ-же, поздней ночью.

Въ избѣ Кузьмы, когда мы добрались до нея, былъ свѣтъ. Докторъ стукнулъ въ окно.

— Кто тамъ?—спросилъ изнутри чей-то голосъ.

— Это мы... Докторъ...

— Сейчасъ.

Насъ впустили въ избу только послѣ четверти часа непріятнаго ожиданія на грязной улицѣ, подъ дождемъ.

Покойникъ лежалъ уже прибранный на столѣ. Въ его изголовьѣ горѣли три тоненькихъ свѣчки. Въ избѣ никого не было, кромѣ Кузьмы и старика. Они были очень смущены нашимъ посѣщеніемъ и молча стояли посреди комнаты, опустивъ головы. Молчаніе длилось минуты двѣ,—докторъ не зналъ, съ чего начать разговоръ.

— Слушайте, братцы,—наконецъ, сказалъ онъ,—мы подозрѣваемъ, что вы отравили больного. Если вы скажете намъ правду, мы никому объ этомъ не заявимъ... Все будетъ шито и крыто.

Кузьма и старикъ ничего не отвѣтили. Томительное молчаніе, напряженное, невыносимое, тянулось долго, долго...

— Вы меня знаете, братцы,—опять заговорилъ докторъ,—коли я обѣщаю, я сдѣлаю... Если вы скажете правду, никто, кромѣ насъ четверыхъ, ничего не узнаетъ.

И опять молчаніе...

— Отравили, — сказалъ, наконецъ, Кузьма глухо, почти шопотомъ *).

---

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что недовѣріе, проявляющееся иногда въ такихъ ужасныхъ формахъ, крестьяне (да и не они одни) питаютъ лишь къ психіатрическимъ лѣчебницамъ. Больницы другого рода, не-психіатрическія, и ихъ врачебный персоналъ, напротивъ, пріобрѣтаютъ все больше и больше довѣрія со стороны народа. Это и понятно: вся ихъ дѣятельность на виду, ихъ польза очевидна, и потому всякія сомнѣнія въ добрыхъ намѣреніяхъ врачей исчезаютъ очень быстро, и такъ-же быстро сознается несостоятельность «своихъ средствій» въ сравненіи съ искусствомъ врача. Забываются и суевѣрія,—вѣра въ печать Антихристову, подъ которой нужно разумѣть

IV.

Происшествіе произвело на меня очень удручающее впечатлѣніе.

Зиму и весну я работалъ въ клиникахъ, волнуясь безпрестанными сомнѣніями, безпрестанной тревогой, что мнѣ не успѣть научиться всему въ положенный мнѣ срокъ; лѣто—провелъ въ глухой деревнѣ, исполняя тяжелую, требующую крѣпкихъ нервовъ и желѣзнаго здоровья, фельдшерскую работу,—и теперь такъ усталъ, что не могъ даже думать, и ужасный фактъ стоялъ коломъ въ головѣ, необъясненный, неоправданный. Дѣло дошло до того, что я, усталый, измученный, не могъ спать,—лишь только я забывался на своемъ неудобномъ ложѣ, меня будилъ ужасный торжествующій крикъ сумасшедшаго...

Мнѣ нужно было уѣхать, но пока не было фельдшера, я не могъ это сдѣлать.

— Фельдшеръ скоро пріѣдетъ? —спросилъ я какъ-то доктора послѣ пріема.

— Ага! Не выдержала печенка-то,—засмѣялся тотъ.—Скоро, скоро. Завтра, можетъ быть... Да, вамъ нужно отдохнуть... Собственно говоря, и мнѣ не лишне-бы забыться на время, но,—онъ развелъ руками.—Этотъ дикій фактъ сразилъ меня окончательно. Мнѣ кажется, онъ очень демонстративенъ—и въ очень невыгодномъ для насъ съ вами смыслѣ.

— То-есть?

— Да учить надо крестьянъ, а не лѣчить. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, лѣчить ихъ отъ голода и невѣжества микстурами...

Онъ задумался.

— Крѣпко я промахнулся, чортъ возьми... Вы человѣкъ молодой, можете еще повернуть свою жизнь такъ, какъ вамъ надо, а мнѣ вотъ... и видишь, что не по той дорогѣ пошелъ, а ужъ не свернешь съ нея. Идти по новой дорогѣ—не хватитъ энергіи, а бросить старую, не перемѣнивъ на новую, мѣшаетъ совѣсть. Всетаки кажется, что и здѣсь можно

знаки, остающіеся послѣ привитія оспы, поддерживается теперь почти исключительно «старовѣрами»... Съ психіатрическими лѣчебницами дѣло обстоитъ иначе: во-первыхъ, процентъ выздоровленій тамъ такъ ничтоженъ, что крестьянину вполнѣ позволительно сомнѣваться въ ихъ пользѣ, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что каждая изъ нихъ обслуживаетъ очень большой районъ и для жителей болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ нея мѣстностей кажется уже довольно таинственнымъ заведеніемъ, даетъ возможность строить о лѣчебницахъ самыя фантастическія предположенія.

кое-что сдѣлать... А въ общемъ—грустно. Усталъ я, что ли, а только у меня хроническая тоска. Кажется, что и одинокъ, и жизнь зря проморгалъ. Впрочемъ, это ужъ лирика, послѣднее дѣло для практическаго врача. Пойдемте-ка лучше ѣсть.

За обѣдомъ онъ сообщилъ мнѣ, что къ нему приходилъ Кузьма съ „благодарностью“.

— Представьте, я не узналъ мужика. Куда вся его угрюмость дѣвалась! Веселый такой, разговариваетъ, шутитъ, а вѣдь раньше, бывало, клещами изъ него надо было каждое слово вытаскивать. „Какъ гора съ плечъ“, говоритъ... разсказываетъ, что въ Дятловѣ (это верстъ пятьдесятъ отсюда) тоже есть бѣшеный и тоже на цѣпи сидитъ. Ужасные нравы... Много надѣлалъ добра этотъ идиллическій „деревенскій семейный патронажъ“. Въ общемъ, положеніе душевнобольного въ деревнѣ таково. Если онъ тихій, его терпятъ и держатъ на свободѣ, третируя, какъ дурочка. Если онъ чуть опасенъ, его сажаютъ въ хлѣвъ и держатъ въ ужасной обстановкѣ, время отъ времени мучая операціями изгнанія бѣса... И человѣкъ погибаетъ ни за грошъ... Это очень обидно, потому что при раціональномъ лѣченіи душевнобольные, если болѣзнь захвачена въ первые мѣсяцы, даютъ чуть не 80 процентовъ выздоровленій, а если болѣзнь уже запущена—и то до тридцати... Словомъ, ихъ можно лѣчить съ очень прочной надеждой вылѣчить. А у насъ, къ сожалѣнію, никто, кромѣ врачей, не смотритъ на сумасшедшихъ, какъ на больныхъ... Крестьяне третируютъ ихъ, какъ одержимыхъ бѣсомъ, а люди, причастные культурѣ,—просто какъ членовъ общества, вредныхъ для него и потому подлежащихъ изоляціи... И только... Здѣсь они на одной доскѣ съ преступниками—и тѣ, и другіе опасны, а потому ихъ запираютъ, однихъ—въ тюрьмы и каторги, другихъ—въ „сумасшедшіе дома“. Мнѣ приходилось видѣть эти дома,—они всѣ такъ переполнены, что о какомъ-нибудь лѣченіи въ нихъ не можетъ быть и рѣчи, такъ что изъ больницъ они превращаются въ дома заключенія, а изъ врачей получаются тюремщики. Въ общемъ, не везетъ у насъ душевнобольнымъ... Я вамъ совѣтовалъ бы посмотрѣть эти наши земскія психіатрическія лѣчебницы... Много поучительнаго.

Меня и самого очень интересовалъ вопросъ о положеніи душевнобольныхъ въ Россіи. Больныхъ, содержимыхъ дома, я видѣлъ, оставалось посмотрѣть больныхъ въ „сумасшедшихъ домахъ“.

— Вотъ поѣдете отсюда,—продолжалъ докторъ,—заѣзжайте въ „губернію“. Тамъ довольно приличная и—главное—очень типичная земская лѣчебница, — посмотрите. Главный врачъ

мнѣ близко знакомъ (учились вмѣстѣ), я вамъ дамъ записочку къ нему, онъ вамъ покажетъ.

На другой день, дѣйствительно, пріѣхалъ фельдшеръ. Я рѣшилъ уѣхать сейчасъ-же,—сдалъ ему „фельдшерскую часть", сложилъ свои скудные пожитки, нашелъ подводу до станціи и пошелъ къ доктору проститься. Онъ мнѣ далъ обѣщанную имъ рекомендательную записку къ психіатру, завѣдующему губернской лѣчебницей.

— Иванъ Тихонычъ Штернъ... Очень милый субъектъ... Дѣльный, любитъ свое дѣло, вѣритъ въ него и добръ, какъ ангелъ... То-есть, если онъ могъ сохраниться такимъ, какимъ я его зналъ въ студенческіе годы... Говорятъ, что онъ немного... того...

Докторъ покрутилъ пальцами возлѣ лба и вздохнулъ.

— Счастливаго пути! — говорилъ онъ мнѣ, провожая съ крыльца.—Передъ вами яркая и шумная жизнь, не забудьте, что и для васъ въ ней приготовлено мѣсто... Я сдуру отказался отъ своего прибора—и теперь вотъ кусаю локти. Да, главное, дѣло-то себѣ выбирайте, пока не поздно, по васъ... Ну, прощайте...

А я чувствовалъ, что дѣло уже выбрано, и зналъ, что если даже придется отказаться для него отъ мѣста на жизненномъ пиру, если вѣра въ него поколеблется и если она будетъ причиной постоянныхъ сомнѣній и тревогъ, я не буду въ состояніи перемѣнить путь...

V.

Черезъ два дня я былъ уже въ „губерніи". Мнѣ отвели грязный номеръ въ „Европейской гостиницѣ". Я пилъ чай и разспрашивалъ лакея съ измятымъ лицомъ и въ измятомъ костюмѣ, гдѣ у нихъ тутъ психіатрическая лѣчебница и какъ мнѣ въ нее попасть. Оказалось, что она находится въ десяти верстахъ отъ города, а попасть въ нее очень просто,—кликнуть извозчика, а онъ ужъ безпремѣнно доставитъ, куда надо.

— Не одобряю я этого заведенія,—прибавилъ лакей къ своему объясненію.

— Почему такъ?

— Не могу знать, а только что очень нехорошо тамъ бѣшеныхъ содержатъ... Слухъ такой въ народѣ, что, молъ, морятъ ихъ тамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, „въ народѣ" чрезвычайно распространено и очень крѣпко держится убѣжденіе, что въ больницахъ для душевнобольныхъ доктора морятъ своихъ паціентовъ.

— У меня братъ былъ,—продолжалъ лакей, — зашибалъ шибко, такъ умомъ повредился. Ну, полиція и отправила въ больницу... Повѣрите-ли, трехъ дней не выжилъ! Въ три дня скрутили! Опять же говорятъ, что и супротивъ господняго благословенія эти желтые дома заведены. Оно и по видимости такъ выходитъ: доктора тамъ нѣмцы, лѣкарства нѣмецкія. Отъ нѣмцевъ добра не жди...

И это я уже не разъ слышалъ... Чѣмъ объяснить эту недобрую славу, которую „завоевали" психіатрическія лѣчебницы среди „простого" народа? Воспоминаніями-ли о недавнемъ ихъ ужасномъ прошломъ, или незавиднымъ настоящимъ? Должно быть, и тѣмъ, и другимъ...

Я поступилъ согласно совѣту лакея,—кликнулъ извозчика и велѣлъ везти въ лѣчебницу.

Дорога шла по садамъ и дубовымъ рощамъ, кольцомъ окружавшимъ городъ. Было очень хорошее, ясное утро. Лѣто было еще въ полномъ разгарѣ, и день начинался торжественно и весело. Чирикали птички, по дорогѣ прыгали, помахивая хвостиками, кокетливыя трясогузки, и гдѣ-то кричала кукушка. А лѣсъ кругомъ былъ такой молодой, сильный и свѣжій.

Ѣхали сначала молча, но на полдорогѣ возница, почтеннаго вида старикъ въ грязной красной рубахѣ и блиноподобномъ картузѣ, неожиданно повернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Неужто вамъ въ самый сумасшедшій домъ?

— Въ самый домъ.

Лицо возницы изобразило удивленіе.

— Пошто это вамъ?

— Да ужъ надо.

Возница пристально-пристально посмотрѣлъ на меня и укоризнено покачалъ головой.

— Къ чему это?—спросилъ я.

— Да такъ, ни къ чему.

Возница отвернулся. Опять поѣхали молча, и только когда на поворотѣ передъ нами открылся видъ на группу каменныхъ двухъэтажныхъ зданій, обнесенныхъ высокимъ заборомъ, возница ткнулъ по направленію къ нимъ кнутовищемъ и произнесъ недовольнымъ тономъ:

— Вотъ оно, чортово-то заведеніе.

— Почему-же „чортово?"—удивился я.—Тамъ лѣчатъ, доброе дѣло дѣлаютъ.

— Знаемъ мы это доброе дѣло... Ишь, какъ отъ добрыхъ-то дѣловъ чья-то православная душенька кричитъ.

До насъ, въ самомъ дѣлѣ, доносился какой-то странный

крикъ, напоминающій жалобный крикъ журавля. Кричалъ, должно быть, кто-нибудь въ больничномъ дворѣ.

— И посла Антихристъ, — торжественно поднявъ кнутъ кверху, произнесъ, почти пропѣлъ возница,—свои ловцы во всѣ концы земного царствія уловляти въ сѣти души христіанскія. И воздвигоша сіи ловцы храмины... А ты—доброе дѣло!.. Ишь, какъ душа-то грѣшная вопитъ, со всѣхъ печеней вопитъ...

Возница помолчалъ и потомъ, рѣшительнымъ, недопускающимъ возраженій тономъ, добавилъ:

— Антихристъ это орудуетъ, не иначе... Его это песьихъ рукъ дѣло...

Больница издали имѣла очень живописный видъ. Она была расположена въ красивой долинѣ и окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Больничныя зданія подъ яркими лучами солнца казались очень бѣлыми, чистыми и привѣтливыми.

Мы остановились у массивныхъ воротъ. Онѣ оказались запертыми, но ни сторожа, ни звонка при нихъ не было. Стучали довольно долго, пока, наконецъ, намъ отворили.

— Вамъ кого?—спросилъ вышедшій къ намъ угрюмый и лохматый мужиченко.

Оказалось, что Иванъ Тихонычъ, главный докторъ, находился еще у себя дома и пилъ чай. Я отослалъ возницу назадъ въ городъ, приказавъ ему пріѣхать къ вечеру обратно, и направился подъ руководствомъ мужиченки къ докторскому дому. Мы шли мимо больничныхъ павильоновъ, которые теперь уже не казались изящными и привлекательными: облупившіяся стѣны безъ всякихъ украшеній и небольшія окна съ частымъ, похожимъ на рѣшетку, переплетомъ, дѣлали ихъ похожими на казармы или тюремныя зданія.

Мужиченко прошелъ въ докторскій домъ, оставивъ меня у крыльца, а потомъ провелъ и меня. Ивана Тихоныча я нашелъ въ небольшой комнатѣ, служившей, должно быть, столовой. Онъ со стаканомъ въ одной рукѣ и газетой въ другой вопросительно смотрѣлъ на меня усталыми и неспокойными глазами. Это былъ очень худощавый, съ очень живымъ лицомъ мужчина лѣтъ сорока. На его вискахъ серебрилась сѣдина, лобъ былъ покрытъ морщинами, и возлѣ губъ легла отчетливая складка, которая, вмѣстѣ съ двумя поперечными складками между глазъ, придавала его лицу печальное, даже страдальческое выраженіе.

— Чѣмъ могу служить?

Я объяснилъ цѣль своего посѣщенія и отдалъ ему записку отъ земскаго доктора.

— Хорошо... Вотъ напьемся чаю и осмотримъ... Присаживайтесь. А пока вотъ вамъ нѣкоторыя, такъ сказать, пред-

варительныя свѣдѣнія о нашей лѣчебницѣ. У насъ около 400 больныхъ, изъ нихъ человѣкъ полтораста женщинъ. Врачей двое. По штату полагается трое, но сейчасъ одинъ уѣхалъ въ отпускъ. Количество, конечно, недостаточное... Но что подѣлаешь? Не хватаетъ и мѣста, и служебнаго персонала... Наша больница разсчитана только на двѣсти больныхъ, но, по правдѣ сказать, въ ней можно держать не болѣе ста пятидесяти... А у насъ четыреста душъ... Ничего не подѣлаешь: земство насъ не слушаетъ, а больныхъ все прибываетъ и прибываетъ. Заболѣваемость душевными болѣзнями возрастаетъ въ ужасающей прогрессіи...

— Какъ-же вы, однако, двое справляетесь съ такой массой больныхъ?

Иванъ Тихонычъ махнулъ рукой.

— Справляемся, какъ видите... Ну, конечно, устаешь и изнашиваешься чрезвычайно быстро. А въ результатѣ: полнѣйшее разочарованіе въ своемъ дѣлѣ, постоянная тоска и—увы!—полнѣйшее умственное безсиліе... И добро-бы было такъ называемое „нравственное удовлетвореніе“... Э, какое ужъ тутъ удовлетвореніе, когда ясно, какъ божій день, видишь, что пользовать больныхъ такъ, какъ мы пользуемъ, все равно, что воду въ ступѣ толочь. О какой нибудь раціональной терапіи у насъ тутъ не можетъ быть и рѣчи, если только не считать терапіей нашихъ заботъ о томъ, чтобы больные не разбѣжались да не перебили другъ друга... Впрочемъ, для насъ и это не вполнѣ достижимо... Да, очень непріятно... Къ концу обхода такъ раздражаешься, что совершенно теряешь образъ божій, становишься грубымъ и жестокимъ... Впрочемъ, вы сами увидите...

Онъ допилъ свой стаканъ и поднялся со стула.

— Пойдемте... Это очень хорошо, что вы вздумали ознакомиться съ условіями, въ которыхъ вамъ придется работать. А то, обыкновенно, молодые врачи выходятъ въ жизнь, до удивленія оптимистически настроенные на счетъ своей будущей дѣятельности, ну и, конечно, очень скоро ломаютъ свои крылья о суровую дѣйствительность, разочаровываются, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я на себѣ это испыталъ... Это очень непріятно... Надо заранѣе знать, что работать врачемъ при нынѣшнихъ условіяхъ можетъ только человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, и что мечтать о плодотворной дѣятельности, о „нравственномъ удовлетвореніи“ по меньшей мѣрѣ смѣшно.

Онъ взялъ меня за бортъ тужурки.

— Знаете, мой юный товарищъ, если бы я зналъ на студенческой скамьѣ, какъ и съ какими результатами мнѣ придется работать, я не сдѣлался бы врачемъ... Сознать эту

ошибку теперь, когда жизнь прошла, очень грустно... Однако, идемте.

Мы вышли на дворъ.

— У насъ пять павильоновъ,—продолжалъ Иванъ Тихонычъ.—Разсчитаны они были такъ: два павильона для мужскихъ отдѣленій, буйнаго и тихаго, два для женскихъ и одинъ для выздоравливающихъ. Когда я былъ помоложе, я не могъ проходить мимо этого барака „для выздоравливающихъ“, не покраснѣвъ... А теперь хоть-бы что—иду гоголемъ и глазомъ не сморгну... Это—жилище коллеги и фельдшерицы, это—храмъ Божій и покойницкая, это—для служителей, а тамъ вонъ—кладбище. Не правда ли, оно очень раціонально устроено?—у самой больницы... Ишь, сколько тамъ крестовъ-то... Когда я выхожу утромъ изъ дому, мнѣ всегда бросаются въ глаза прежде всего эти могильные кресты, и я съ „чувствомъ нравственнаго удовлетворенія“ принимаюсь за дѣло...

Онъ остановился и опять взялъ меня за тужурку.

— Сколько разъ я порывался уйти отсюда, но... Не могу, чортъ знаетъ почему. Мучаюсь, терзаюсь денно и нощно, а тяну лямку... Однако, я что-то разболтался... Пребываніе въ семъ злачномъ мѣстѣ сдѣлало меня угрюмымъ и одинокимъ, но вы возбуждаете меня. Должно быть, глядя на васъ, я свою молодость вспомнилъ... Мы начнемъ съ женскаго отдѣленія, съ этого вотъ барака. Тутъ тихія.

Иванъ Тихонычъ казался мнѣ очень страннымъ,—онъ дѣлался то не въ мѣру суетливъ, то ужъ слишкомъ спокоенъ. Говорилъ онъ очень быстро и не совсѣмъ послѣдовательно, сопровождая свою рѣчь очень выразительной и болѣзненной мимикой,—и мнѣ невольно вспомнилась фраза, сказанная на его счетъ моимъ прежнимъ патрономъ: „Говорятъ, онъ самъ немного... того“... Походило на это... „Что-же, это вполнѣ возможно,—думалъ я.—Онъ все время проводитъ съ душевнобольными, вдали отъ общества, въ одиночествѣ... А кромѣ того, и утомляется, вѣроятно, онъ адски...“

VI.

На крыльцѣ барака, съ котораго Иванъ Тихонычъ предполагалъ начать обходъ, сидѣли двое—мужчина въ бѣломъ докторскомъ халатѣ и молодая женщина съ красивымъ усталымъ лицомъ и большими грустными глазами.

— Знакомьтесь,—сказалъ Иванъ Тихонычъ, подводя меня къ нимъ.—Студіозусъ Ивановъ, воспылавшій желаніемъ осмотрѣть наше богоугодное заведеніе.

— Пушинъ, Владиміръ Михалычъ, врачъ.

— Карвовская, фельдшерица.

Докторъ былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, но и его лицо уже носило отпечатокъ усталости и раздраженія. Онъ бѣгло взглянулъ на меня и тотчасъ-же заговорилъ съ Иваномъ Тихонычемъ раздраженнымъ и сердитымъ голосомъ:

— Уймите вы, пожалуйста, эту дѣвицу... Она сегодня опять ночь не спала,—сидѣла со старухой Бобровой. Старуха буйствуетъ, а Еленѣ Антоновнѣ, видите ли, не хочется, чтобы ее въ буйное перевели. Это чортъ знаетъ, на что похоже... И безъ того работа адская, а она еще добиваетъ свой хилый организмъ ненужной и потому глупой (да, глупой!) филантропіей...

Онъ горячился, но ни Иванъ Тихонычъ, ни Елена Антоновна, казалось, его не слушали. Иванъ Тихонычъ смотрѣлъ куда-то въ пространство, а Елена Антоновна уставилась на меня своими огромными темными глазами и улыбалась необыкновенно милой и красивой улыбкой.

— Вы изъ Петербурга?—спросила она, когда Владиміръ Михалычъ кончилъ.

— Да, изъ Петербурга. Что вы такъ смотрите?

— У насъ очень рѣдко бываютъ посторонніе. И я всегда радуюсь свѣжему человѣку.

— Она отсюда никуда не выѣзжаетъ,—по прежнему раздражительно обратился ко мнѣ Владиміръ Михалычъ.— Чортъ знаетъ, для чего губитъ себя. Занята все время, работаетъ за троихъ,—и ни малѣйшаго отдыха... Меня злитъ это намѣренное, ненужное, глупое коверканье своего организма, своей жизни.

— Ну, будетъ вамъ,—остановила его Елена Антоновна.— Я знаю, что я дѣлаю. А вамъ я очень рада,—опять улыбнулась она мнѣ.—Мнѣ даже смотрѣть на васъ пріятно... Тутъ все такъ опротивѣло, а у васъ такое свѣжее, молодое, живое лицо.

— На два теплыхъ слова,—взялъ ее подъ руку Иванъ Тихонычъ и отвелъ въ сторону. Я сѣлъ рядомъ съ Владиміромъ Михалычемъ, сердито пыхавшимъ папиросой.

— Меня прямо бѣситъ эта дѣвица,—заговорилъ онъ.— Она ужъ и теперь ненормальна, что-же дальше будетъ?.. Еще мѣсяцъ, другой—и пожалуйте на мѣсто призрѣваемыхъ. Упряма, какъ чортъ... ничего не хочетъ слушать... Ну, добро-бы по глупости все это, а то вѣдь нѣтъ, глупой ее не назовешь. Просто по злости, по дурацкой злости... А тутъ еще вліяніе Ивана Тихоныча... Вы представить себѣ не можете, сколько она у меня испортила крови... Пока—до свиданія.

Онъ порывисто всталъ и пошелъ въ глубину двора.

— Куда вы?—крикнулъ ему въ догонку Иванъ Тихонычъ.

— Вчера умеръ паралитикъ изъ буйнаго. Вскрывать...

Иванъ Тихонычъ еще съ минутку поговорилъ съ фельдшерицей, а потомъ подошелъ ко мнѣ.

— Видѣли субъекта?—указалъ онъ въ сторону, куда ушелъ Владиміръ Михалычъ.—Совсѣмъ истрепался субъектъ... Итакъ, начинаемъ осмотръ. „Объявляю ревизію сему сумасшедшему дому!“—неожиданно засмѣялся онъ и бодро вбѣжалъ по ступенькамъ крыльца.—Видите, студіозусъ, ваша молодость и меня молодитъ. Да здравствуетъ молодость, хотя-бы и чужая!..

А Елена Антоновна шла рядомъ со мной и опять, улыбаясь, смотрѣла на меня ласковыми глазами.

— Вы долго здѣсь пробудете?—тихонько спросила она.

— А не знаю... Сколько придется.

— Ну, заглядѣлась,—сказала она, споткнувшись вдругъ о ступеньку.—Вы меня простите, что я такъ на васъ смотрю... Новое лицо—это такое рѣдкое удовольствіе для меня. Здѣсь вѣдь нѣтъ ни одного живого человѣка—и больные, и врачи одинаково ненормальны. Ужасная здѣсь атмосфера...

VII.

„Женское отдѣленіе. № 1. Тихое“ занимало нижній этажъ небольшого, сажень десять въ длину и пять въ ширину, барака. Верхній его этажъ ремонтировался и тамъ устраивали помѣщеніе для платныхъ больныхъ. Для нихъ уже было помѣщеніе въ одномъ изъ другихъ бараковъ, но такъ какъ число заявленій о желаніи занять платное мѣсто въ нѣсколько разъ превосходило число мѣстъ, бѣдное земство рѣшило „еще немного“ стѣснить и безъ того крайне стѣсненныхъ безплатныхъ и отобрало у нихъ цѣлый этажъ.

Длинная и узкая комната, по бокамъ которой находились съ одной стороны отдѣльныя небольшія „палаты“ и съ другой—общія спальни, служила помѣщеніемъ для пятидесяти женщинъ. Когда мы вошли въ „отдѣленіе“, однѣ изъ нихъ сидѣли за большими и неуклюжими столами и что-то шили, другія—ходили по комнатѣ, или молча, или бормоча и жестикулирая. Возлѣ одного изъ оконъ, спиной къ намъ, стояли четыре еще молодыя, судя по фигурамъ, женщины и пѣли нескладными и дикими голосами. Въ ихъ пѣснѣ не было ни словъ, ни мотива, но онѣ такъ увлеклись своей музыкой, что, видимо, забыли обо всемъ окружающемъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣло на табуреткахъ вдоль стѣнъ. Всѣ больныя были одѣты въ больничное бѣлье и халаты. Были между ними и

старыя, и молодыя, и совсѣмъ еще дѣвочки; молодыя лица рѣшительно преобладали.

Было довольно шумно. Наше появленіе было тотчасъ-же замѣчено,—почти всѣ сидѣвшія за работой повскакали съ своихъ мѣстъ и во всѣ глаза смотрѣли на насъ. Только задумчиво бродившія по комнатѣ больныя не обратили на насъ никакого вниманія.

— Ихъ тоже всегда интересуетъ появленіе новаго лица,— шепнула мнѣ Елена Антоновна.

Больныя обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Молодыя и старыя лица смотрѣли на меня съ большимъ любопытствомъ, иныя лукаво, иныя простодушно и весело. Я, впрочемъ, ихъ плохо разсмотрѣлъ,—мнѣ было какъ-то совѣстно смотрѣть на нихъ. Какая-то старушка съ трясущейся головой бормотала мнѣ что-то невнятное и перебирала трясущимися руками металлическія пуговицы на моей тужуркѣ. Толпа молчала,—явленіе было въ диковинку.

— Что-же вы не здороваетесь съ гостемъ?—какъ-то ужъ очень весело и шутливо спросилъ Иванъ Тихонычъ.

Кое-кто засмѣялся, и ко мнѣ потянулись со всѣхъ сторонъ руки.

— Здравствуйте... Здравствуйте,—зашептали больныя.

— Здравствуй, сукинъ сынъ,—дернули меня за рукавъ сзади. Я обернулся. Передо мной, гордо поднявъ голову и вызывающе выпятивъ впередъ грудь, стояла полная, молодая еще женщина съ красивымъ краснощекимъ лицомъ.

— Э, чортъ, да еще молодой! Ахъ ты, сукинъ сынъ...

Голосъ у ней былъ молодой и сочный, съ нахально-вызывающими нотками.

— Ругаться не хорошо,—остановилъ ее Иванъ Тихонычъ,— да еще съ гостемъ.

— Ты, старый хрѣнъ, молчи. Это мой женихъ, Иванъ Петровичъ.

Она крѣпко жала мнѣ руку и весело и дерзко смотрѣла въ глаза.

— Что-же ты, сукинъ сынъ, не пріѣзжалъ долго?.. Нельзя было? Врешь ты.

— Пусти,—оттолкнула ее другая больная, тоже еще молодая женщина.—Ваше благородіе,—завопила она, падая мнѣ въ ноги,—ваше благородіе!...

Она плакала грубо и громко и обнимала мои ноги. Иванъ Тихонычъ наклонился къ ней и поднялъ ее. Но она опять крикнула: „Ваше благородіе“! и опять повалилась на полъ.

— Ты изъ Новиковки?—шепнулъ мнѣ кто-то на ухо. Я оглянулся,—эта была хорошенькая дѣвочка лѣтъ 15. Она покраснѣла и опустила глаза.

— Да, изъ Новиковки.

Дѣвочка захлопала въ ладоши.

— Изъ Новиковки! Изъ Новиковки!... Вечеринка сегодня будетъ?—спросила она опять шепотомъ.

— Да, будетъ.

— Ты со мной плясать будешь?

— Буду.

Въ ея хорошенькихъ глазкахъ блеснула радость. Она нѣсколько мгновеній смотрѣла на меня полнымъ восхищенія взглядомъ, потомъ покраснѣла, захлопала въ ладоши и убѣжала... А окружавшія меня женщины тянулись ко мнѣ руками, щупали и гладили тужурку, кто-то дернулъ за пуговицу и чуть не оборвалъ ее.

— Не надо шалить,—строго замѣтилъ Иванъ Тихонычъ.— Пропустите насъ.

Толпа разступилась, но всѣ пошли за нами.

— Какъ видите, очень тѣсно,—сказалъ мнѣ Иванъ Тихонычъ. — Лѣтомъ оно еще ничего, такъ какъ у насъ цѣлый день открыты окна, но зимой тутъ творится нѣчто ужасное. Такая тутъ бываетъ атмосфера, что хоть топоръ вѣшай... Ну, какъ поживаете?—остановилъ онъ ходившую изъ угла въ уголъ больную. Это была невысокая женщина съ остриженными волосами и интеллигентнымъ лицомъ русской курсистки.

— Убирайтесь къ чорту,—отрѣзала та, хотя и протянула доктору руку.

— Почему вы на меня такъ сердитесь? — спросилъ онъ, удерживая ея руку въ своей.

— Оставьте меня,—нервно передернула она плечами. На ея лицѣ изобразилось страданіе. Докторъ выпустилъ ея руку, и больная быстро отошла отъ насъ.

— Въ ея обиходѣ всего только двѣ фразы,— сказалъ Иванъ Тихонычъ.—Она у насъ третій годъ, и больше мы отъ нея ничего не слыхали. Кстати: она фельдшерица, служившая здѣсь до Елены Антоновны... Очень грустная картина...

— Послушайте,—перебила его пожилая, съ растрепанной шевелюрой и грубыми чертами лица больная. Говорила она басомъ.—Переведите Кузьмину въ буйное. Она мнѣ покою не даетъ. Тутъ съ ума сойдешь... Вонъ она, ехидна.

Она показала на маленькую и сухую старушонку съ злымъ и ехиднымъ лицомъ. Старушонка подбѣжала къ намъ.

— Вретъ она, господинъ докторъ,— зашепелявила она.— Вретъ она... Она шама ехидна...

— Ихъ бы въ самомъ дѣлѣ разъединить надо,—замѣтила Елена Антоновна. — А то онѣ въ постоянномъ раздраженіи...

Иванъ Тихонычъ пожалъ плечами.

— Куда-же ихъ прикажете помѣстить?

Елена Антовна опустила глаза. Должно быть, разъединить больныхъ дѣйствительно было нельзя.

Иванъ Тихонычъ провелъ меня въ спальню. Это была очень темная невысокая комната, сплошь уставленная кроватями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ лежали больныя. Я подошелъ къ одной: старческая, совершенно плѣшивая голова, глубоко ввалившіеся глаза...

— Это все—moriturae, — объяснилъ Иванъ Тихонычъ. — Старушки божія...

Ихъ было человѣкъ десять — двѣнадцать. Я посмотрѣлъ другую, третью. Въ полумракѣ онѣ казались удивительно похожими одну на другую, уже мертвыми и страшными... Одна изъ старухъ закопошилась на своемъ ложѣ, приподнялась, издала хриплый и протяжный звукъ, — и тутъ-же успокоилась и легла опять... Это было очень непріятное зрѣлище.

— Все наши старожилки,—говорилъ Иванъ Тихонычъ, обходя больныхъ.—Вотъ эта живетъ здѣсь съ основанія лѣчебницы... Можно-бы эту рухлядь въ богадѣльню сплавить, да не берутъ — всетаки сумасшедшія. А я не безъ удовольствія развязался-бы съ ними... Только время отнимаютъ.

— Посмотрите мою больную,—попросила его Елена Антоновна.

Мы подошли къ рослой и дородной женщинѣ, спавшей въ глубинѣ спальни крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ. Иванъ Тихонычъ посмотрѣлъ на нее, пощупалъ пульсъ.

— Добились таки вы своего, — засмѣялся онъ. — Она, по всей вѣроятности, будетъ теперь спокойнѣе.

— Это съ ней вы цѣлую ночь провели? — спросилъ я Елену Антоновну.

— Да.

Я окинулъ взглядомъ спальню и мнѣ живо представилось, что дѣлается тутъ ночью. Пятьдесятъ помѣшанныхъ... Иныя спятъ — больше неспокойно, бредятъ. Иныя не могутъ уснуть, бродятъ по спальнѣ, говорятъ дикія, ничего не выражающія слова и болѣе возбуждены, чѣмъ днемъ... Халаты и платки съ нихъ на ночь снимаютъ, и потому онѣ только въ одномъ бѣльѣ... И все это при скудномъ освѣщеніи двухъ маленькихъ керосиновыхъ лампъ... Да, къ этому надо привыкнуть...

Я съ невольнымъ почтеніемъ посмотрѣлъ на Елену Антоновну. Она тоже смотрѣла на меня и улыбалась своей милой улыбкой.

— Ваше лицо мнѣ какъ будто знакомо,—тихо произнесла она.—Точно я васъ встрѣчала раньше... И глаза ваши тоже...

— Ну-съ, а теперь мы заглянемъ въ палаты, — перебилъ ее Иванъ Тихонычъ.

Больныя опять толпой окружили насъ, и ему опять пришлось попросить дать дорогу, чтобы пройти къ маленькой двери, ведущей въ „палату № 1“. Иванъ Тихонычъ досталъ изъ кармана ключъ, щелкнулъ замкомъ и пропустилъ меня впередъ.

VIII.

Въ „палатѣ“, узенькой и маленькой комнаткѣ съ окномъ, устроеннымъ подъ самымъ потолкомъ, помѣщались двѣ женщины. Одна изъ нихъ, довольно уже пожилая дама, стояла у окна и вопросительно смотрѣла на насъ воспаленными и слезящимися глазами. Одной рукой она зажимала носъ, а другой ежеминутно вытирала ротъ и глаза. Другая больная, тоже пожилая, сидѣла, сгорбившись, на койкѣ и не обращала на насъ никакого вниманія.

— Какъ дѣлишки, Ольга Петровна?—протянулъ Иванъ Тыхонычъ руку стоявшей больной.

— По прежнему. Лѣзутъ,—скороговоркой отвѣтила та и сейчасъ-же плюнула, а потомъ тщательно вытерла губы.

— „Они“ ей не даютъ покоя,—пояснилъ мнѣ Иванъ Тихонычъ,—лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ глаза... Положеніе ужасное: еще мѣсяцъ, и она ослѣпнетъ,—она такъ немилосердно третъ глаза. Мы опрыскивали комнату всѣмъ, что могло бы убить „ихъ“, но ничего не помогаетъ... Ждемъ теперь изъ-за границы новаго средства, которое убьетъ „ихъ“ навѣрняка.

— Ну-съ, а вы какъ? — повернулся онъ къ другой больной.

Та медленно подняла голову. У ней было уже пожилое, но еще красивое интеллигентное, очень исхудавшее лицо и большіе глубокіе глаза. Она невыразимо грустно посмотрѣла на доктора, молча покачала головой и медленно перевела свой взоръ на меня. Въ ея тихихъ глазахъ, смотрѣвшихъ такъ спокойно и печально, какъ будто блеснуло какое-то удивленіе и радость. Она все съ большимъ и большимъ вниманіемъ вглядывалась въ меня, зажегшійся въ глазахъ огонекъ радостнаго изумленія разгорался все ярче и ярче, — и она смотрѣла на меня уже широко раскрытыми, жадными и горящими глазами и медленно-медленно поднималась съ койки.

— Это онъ, — вырвался изъ ея груди звенящій и радостный крикъ. — Это ты... Пришелъ... не забылъ... пришелъ...

Она бросилась ко мнѣ, охватила мою шею руками. Ея возбужденное лицо, громадные глаза были такъ близко отъ

моего лица, моихъ глазъ... Она поцѣловала меня, жадно и торопливо, точно боясь, что у ней отнимутъ меня, и вдругъ опустила голову на мою грудь и — разрыдалась. Это былъ цѣлый ливень слезъ... Маленькое тѣло трепетало и билось, а руки властно притягивали меня къ себѣ.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь... Вамъ нельзя такъ волноваться,—говорилъ Иванъ Тихонычъ, освобождая меня изъ ея объятій. Это ему удалось съ большимъ трудомъ.

— Уходите, — шепнулъ онъ мнѣ, усаживая больную опять на койку.

— Куда ты?—рванулась она ко мнѣ, когда я повернулся къ выходу. Въ ея голосѣ было столько тоски и отчаянія, что я невольно остановился.

— Уходите, — настойчиво и серьезно повторилъ Иванъ Тихонычъ, удерживая больную. — Онъ сейчасъ придетъ... Успокойтесь... Вамъ нельзя волноваться...

Я вышелъ. Почти слѣдомъ за мной выскочилъ изъ палаты и Иванъ Тихонычъ. Онъ быстро захлопнулъ дверь и повернулъ ключъ. Въ ту же минуту изнутри раздался яростный стукъ въ дверь и изступленные крики:

— Онъ мой!.. Онъ мой!.. Отдайте его мнѣ!..

— Это непріятно,—сказалъ Иванъ Тихонычъ, морщась.— Я не думалъ, что мы такъ ее взбудоражимъ. У ней, видите-ли, этіологія помѣшательства—тоска по погибшемъ сынѣ... Безнадежны обѣ... Мы ихъ держимъ на запорѣ, потому что и та, и другая приходятъ иногда въ возбужденіе. Особенно Ольга Петровна, которую „они“ раздражаютъ ужасно.

Ко мнѣ опять подбѣжала хорошенькая дѣвочка, спросившая меня четверть часа назадъ о Новиковкѣ.

— А Ваню ты видѣлъ?—шепнула она мнѣ.

— Видѣлъ.

— Видѣлъ! Видѣлъ!.. — опять захлопала она въ ладоши и убѣжала.

Иванъ Тихонычъ провелъ меня къ слѣдующей „палатѣ“. Тутъ было тоже двѣ больныхъ. Онѣ сидѣли за столомъ другъ противъ друга и оживленно разговаривали. Это были почти старухи, очень чисто одѣтыя въ свои, не больничныя платья и очень похожія другъ на друга. Можно было подумать, что это сестры. Насъ онѣ встрѣтили очень радушно.

— А! докторъ! Что же это вы насъ забываете?—крикнули онѣ въ одинъ голосъ.

Иванъ Тихонычъ поздоровался съ ними и представилъ меня.

— Судебный слѣдователь Каталажкинъ. Очень можетъ быть полезенъ въ вашемъ дѣлѣ.

Больныя вскочили съ своихъ мѣстъ. Одна изъ нихъ быстро подвинула свой стулъ ко мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста... Мы такъ рады...

— Мы такъ рады,—повторила другая, какъ эхо.

— Изложите-же ему ваше дѣло или вручите прошенія,—сказалъ Иванъ Тихонычъ.

— Мы сначала разскажемъ, — отвѣтила первая больная, подобострастно глядя на меня.

— Мы сначала разскажемъ,—повторила другая.

— Дѣло вотъ въ чемъ...

— Дѣло вотъ въ чемъ...

Первая больная съ досадой взглянула на свою компаньонку.

— Не перебивайте, пожалуйста!

— Не перебивайте, пожалуйста,—отвѣтила та слабо и безпомощно.

Первая нервно ерзнула на стулѣ.

— У меня былъ мужъ...

— У меня былъ мужъ...

— Ну, вы такъ никогда не разскажете,—вмѣшался Иванъ Тихонычъ.—Лучше ужъ дайте прошенія.

Больныя засуетились и бросились къ своимъ койкамъ. Движенія одной въ точности соотвѣтствовали движеніямъ другой: обѣ разомъ, точно по командѣ, откинули подушки, взяли находившіяся подъ ними прошенія и, разомъ повернувшись, подали ихъ мнѣ.

— А пока прощайте,—отклонялся докторъ.

— Прощайте... Не забывайте же...

— Не забывайте же...

Мы вышли.

— Удивительная пара! — засмѣялся Иванъ Тихонычъ. — Сидятъ тутъ пятый мѣсяцъ и все судятся. Сначала у нихъ были различныя дѣла, но теперь—только одно, общее. Онѣ, вѣроятно, и думаютъ одно и тоже, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ... И физически онѣ стали очень похожи одна на другую... Теперь послѣдняя камера.

Послѣдняя камера оказалась тоже запертой. Изъ-за двери доносились отрывочныя восклицанія грубымъ и осипшимъ, совсѣмъ мужскимъ басомъ.

— Тутъ у насъ нѣчто ужасное, — предупредилъ Иванъ Тихонычъ, пропуская меня въ дверь.

Я вошелъ—и увидѣлъ, дѣйствительно, нѣчто ужасное. Камера была еще тѣснѣе и темнѣе, чѣмъ предыдущія „палаты“. Она была совершенно пуста—только на полу валялись матрацъ и подушка—и въ ней какъ будто никого не было... Яростное, циничное ругательство, раздавшееся гдѣ-то на-

верху, заставило меня поднять глаза, и я увидѣлъ совершенно голую женщину, уцѣпившуюся руками за желѣзную рѣшотку окна и повисшую на стѣнѣ. Ноги ея не достигали пола болѣе, чѣмъ на аршинъ.

Она дрыгала ногами, судорожно двигала всѣмъ тѣломъ, стараясь, должно быть, подняться выше. Ея всклокоченная голова отчетливо вырисовывалась въ свѣтломъ четыреугольникѣ окна.

— Какъ это ее угораздило?—удивился Иванъ Тихонычъ.— Можно только одно предположить: она прыгнула и въ самый моментъ прыжка уцѣпилась за рѣшотку...

А больная продолжала кричать и ерзать по стѣнѣ. Всѣ ея возгласы были крѣпкими и дикими ругательствами. Ея движенія становились все порывистѣе и порывистѣе, — и вдругъ она оборвалась и тяжело грохнулась на полъ. Иванъ Тихонычъ бросился было къ ней, но она тотчасъ замѣтила его и быстро вскочила на ноги.

— Убирррайся вонъ!—яростно бросилась она на него.

Это было страшно: перекошенное злобой лицо, дикіе глаза, пѣна у рта, яростно поднятые кулаки. Но Иванъ Тихонычъ не тронулся съ мѣста и, скрестивъ руки на груди, стоялъ передъ ней въ позѣ Наполеона и ждалъ. Больная остановилась, на нѣсколько секундъ точно застыла въ своей угрожающей позѣ, потомъ вдругъ повернулась назадъ, завыла и бросилась на валявшійся на полу матрацъ. Она грызла его зубами, рвала руками, била ногами, всѣмъ тѣломъ.. А Иванъ Тихонычъ наклонился надъ ней и разсматривалъ ея тѣло.

— Экая тутъ темень,—ворчалъ онъ.—Ни черта не видно... А она, поди, здорово ушиблась.

А больная все продолжала свою работу... Я не могъ больше смотрѣть и вышелъ. Немного погодя, вышелъ и Иванъ Тихонычъ.

— Если бы мы могли приставить къ каждой больной по парѣ служительницъ,—меланхолически сказалъ онъ, — мы, пожалуй, могли бы надѣяться на какой-нибудь успѣхъ.

Этимъ мы и закончили осмотръ „тихаго женскаго отдѣленія". На меня оно произвело впечатлѣніе скверно содержимой тюрьмы съ помѣшанными, вмѣсто преступниковъ.

— Это только цвѣтки,—утѣшилъ меня Иванъ Тихонычъ.— Ягодки въ буйномъ отдѣленіи... Однако, какъ я быстро теперь утомляюсь: я ужъ усталъ... Вотъ вамъ резюмэ нашего осмотра: помѣщеніе для тихихъ ни къ чорту не годно,—оно мало и тѣсно. Скученность, какую мы видѣли, безусловно вредна для больныхъ. Воздуху мало—зимой тутъ задохнуться можно... Ну, что еще?.. Прислуги не хватаетъ, и, вообще, все

отдѣленіе—злая пародія на „лѣчебницу"... Теперь на очереди—буйное отдѣленіе.

IX.

„Буйное женское отдѣленіе" составляло самое больное мѣсто всей психіатрической лѣчебницы,—ему были присущи всѣ недостатки тихаго отдѣленія, но здѣсь они походили уже на вопіющее безобразіе. И здѣсь помѣщеніе было слишкомъ недостаточно для того числа больныхъ, которое нужно было содержать въ немъ,—но здѣсь были буйныя больныя, требующія гораздо больше простора, чѣмъ тихія. И здѣсь количество прислуги, установленное „штатомъ лѣчебницы", было слишкомъ ничтожно, — но здѣсь фактическое число служительницъ никогда не достигало нормы, установленной этимъ „штатомъ". По „штату" ихъ полагалось восемь на 60 больныхъ. Цифра эта, конечно, непозволительно скромна: удержать одну возбужденную больную часто могутъ только 3—4 здоровыхъ, а что дѣлать, если придутъ въ возбужденіе сразу три, четыре, пять больныхъ?.. Но, какъ я сказалъ, число служительницъ въ буйномъ отдѣленіи почти никогда не достигало даже этой жалкой нормы,—во время моего посѣщенія больницы ихъ было всего три. Повидимому, больничная администрація выбивалась изъ силъ, стараясь найти желающихъ служить при буйныхъ больныхъ, но таковыхъ не оказывалось, ибо условія службы въ больницѣ были поистинѣ ужасны, а вознагражденіе—до убожества ничтожно, Служительницы должны были все время жить среди сумасшедшихъ (и при томъ буйныхъ), все время слѣдить за ними и почти непрерывно сдерживать бѣшеные порывы то одной, то другой расходившейся больной. Неудивительно, что прислуга мѣнялась очень часто,—иныя отказывались отъ должности, пробывъ въ палатѣ часъ или два... И мало того, что служительницъ не хватало,—въ виду отсутствія выбора приходилось дорожить тѣми, кто поступалъ на должность, и смотрѣть сквозь пальцы на то, что онѣ очень рѣдко удовлетворяли своему назначенію. А въ результатѣ: почти ежедневно повторяющіеся „несчастные случаи" въ родѣ болѣе или менѣе серьезныхъ поврежденій, даже ранъ. Очень много лицъ я видѣлъ украшенными солидными синяками.

— Опять вы не слѣдите?—указалъ Иванъ Тихонычъ одной изъ служительницъ на синяки больныхъ.

— Попробовалъ-бы ты самъ,—грубо отрѣзала та.—Тутъ того и гляди самое убьютъ.

Были случаи избіенія больныхъ и служительницами. Я

видѣлъ „сихъ послѣднихъ“ и... нахожу, что такіе случаи, вѣроятно, очень нерѣдки... Это были измученныя и озлобленныя женщины, которыхъ могла загнать сюда только крайняя нужда. Жизнь онѣ должны были вести ужасную, постоянно требующую нервнаго и физическаго напряженія; терпѣливаго и любовнаго отношенія къ „бѣшенымъ“, иногда крайне отвратительнымъ, было-бы смѣшно отъ нихъ и требовать,—и, конечно, вполнѣ понятно, что каждая изъ нихъ могла въ раздраженіи ударить долго неуспокаивающуюся больную...

Я не буду описывать подробно, что я видѣлъ въ буйномъ отдѣленіи. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, когда Иванъ Тихонычъ ввелъ меня въ это отдѣленіе, была до такой степени дика и ужасна, что я сейчасъ не могу вспомнить ее безъ содроганія. Я-бы не могъ остаться въ подобной обстановкѣ даже на полчаса... Картина была тѣмъ ужаснѣе, что буйное отдѣленіе не имѣло даже намековъ на то, что тутъ лѣчебное заведеніе. Вся эта толпа бѣшеныхъ старухъ, казалось, была насажена сюда вовсе не для лѣченія, а просто для изоляціи отъ здоровыхъ людей,—и забыта. Само собою разумѣется, что здѣсь, дѣйствительно, „не могло быть и рѣчи“ о какой-нибудь раціональной терапіи: врачи могли отдавать этому отдѣленію не больше двухъ часовъ своего времени, и, стало быть, 23 часа въ сутки больныя проводили въ такомъ обществѣ и въ такой обстановкѣ, которыя могли только ухудшить ихъ положеніе, ускорить ходъ совершающихся въ нихъ болѣзненныхъ процессовъ...

Елена Антоновна проводила здѣсь цѣлые дни и ночи, особенно, когда больныя были въ повышенномъ возбужденіи... А пробыть здѣсь не день и не два, а цѣлые годы,—это мнѣ кажется подвигомъ, и я думаю, совершить его изъ одного состраданія къ больному ближнему можетъ только женщина.

Среди сумасшедшихъ старухъ Елена Антоновна казалась воплощенной любовью и красотой. Получалась картина съ сильно-трагическимъ содержаніемъ: съ одной стороны, въ лицѣ помѣшанныхъ старухъ,—ужасное издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ всѣмъ, что есть человѣческаго въ человѣкѣ, съ другой, въ лицѣ Елены Антоновны,—апоѳеозъ этого достоинства, апоѳеозъ любви и красоты... Да, это была очень трогательная картина...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ все это было до такой степени фантастично и ужасно, что я не могъ оставаться въ комнатѣ и направился къ выходу.

— Ага! спасовали!—крикнулъ мнѣ Иванъ Тихонычъ.

Самъ онъ пробылъ въ отдѣленіи больше часу и вышелъ изъ него усталымъ и раздраженнымъ. Движенія его были еще болѣе порывисты, чѣмъ прежде.

— Одна служительница проситъ разсчета, — отрывисто сказалъ онъ.—Останутся двѣ... И тѣ сбѣгутъ, не сегодня—завтра... А взять ихъ негдѣ... Ужасное положеніе... Тутъ самъ съ ума сойдешь.

Елена Антоновна осталась съ больными, не смотря на проведенную безъ сна ночь.

— Чортъ ее знаетъ, сама на рожонъ лѣзетъ,—выругался по ея адресу Иванъ Тихонычъ.—Она вѣдь и сейчасъ ненормальна и, вѣроятно, ей осталось очень немного гулять на свободѣ... Кстати: она влюбляется рѣшительно во всѣхъ нашихъ посѣтителей, такъ вы будьте осторожны съ ней... Вѣроятно, вы уже плѣнили ея сердце... Я давеча предупредилъ ее, что вы уже влюблены, и что у васъ есть невѣста.

По его лицу пробѣжала короткая судорога. Онъ вдругъ остановился, потрясъ въ воздухѣ сжатыми кулаками и закричалъ:

— Нѣтъ, бѣжать, бѣжать отсюда!.. Бѣжать, бѣжать!..

А положеніе вещей въ больничной жизни было всегда приблизительно такимъ-же, и Иванъ Тихонычъ, вѣроятно, приходилъ въ такое-же раздраженіе изо дня въ день.

Онъ сдѣлалъ было два рѣзкихъ шага, точно и въ самомъ дѣлѣ собирался убѣгать, но остановился—и засмѣялся...

— Пойдемте теперь въ мужскія отдѣленія.

X.

Мы начали съ буйнаго отдѣленія, занимавшаго цѣлый баракъ. Картина, которую я здѣсь встрѣтилъ, ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ предыдущихъ, только здѣсь было еще тѣснѣе и, пожалуй, страшнѣе.

Когда мы вошли въ отдѣленіе, пять служителей (общее число ихъ и здѣсь было равно восьми) съ трудомъ удерживали на кровати больного, яростно отбивавшагося отъ нихъ и не менѣе яростно кричавшаго. Онъ, казалось, обладалъ неистощимымъ запасомъ силы,—служители съ нимъ бились уже цѣлый часъ, утомились и обозлились. Мнѣ казалось, что они удерживаются отъ болѣе энергическихъ насилій только вслѣдствіе присутствія здѣсь Ивана Тихоныча.

Остальные трое служителей тоже возились съ больнымъ, только что привезеннымъ въ лѣчебницу. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 22—23, не больше. Онъ тоже энергично отбивался и съ пѣной у рта кричалъ:

— Я царь!.. Я богъ!..

Мнѣ его лицо показалось знакомымъ, и я всматривался въ него, стараясь вспомнить, гдѣ я его встрѣчалъ раньше.

Вдругъ я съ какимъ-то безотчетнымъ безпокойствомъ почувствовалъ, что кто-то на меня смотритъ сзади. Мнѣ казалось, что я ясно чувствую чей-то взглядъ на своемъ правомъ вискѣ—взглядъ пристальный, безпокойный...

Я обернулся. На меня смотрѣла въ упоръ пара сѣрыхъ, острыхъ и злыхъ глазъ. Выраженіе ихъ было насмѣшливо и презрительно, хотя въ то-же время въ нихъ чувствовалась и угроза... Я не могъ оторваться взглядомъ отъ этихъ глазъ, и мнѣ становилось жутко,—я видѣлъ только глаза, одни глаза и какъ будто совсѣмъ не замѣчалъ самого больного...

Мало-по-малу, передо мной вырисовалось насмѣшливое и умное лицо и вся фигура лежавшаго черезъ двѣ койки помѣшаннаго. Это лицо было искривлено злобной и насмѣшливой улыбкой... А взглядъ сѣрыхъ глазъ пронизывалъ меня насквозь, и я испытывалъ отчаянную неловкость. Непріятнѣе всего было то, что я не могъ заставить себя отвернуться, не глядѣть...

Больной вскочилъ на кровати и прыгнулъ съ нея по направленію ко мнѣ. Онъ попалъ между двумя койками и, должно быть, ушибся, такъ какъ громко закричалъ отъ боли. Къ нему бросились двое изъ пяти служителей, удерживавшихъ другого больного... А онъ уже успѣлъ подняться, оттолкнулъ отъ себя служителей, опять вскочилъ на койку и опять прыгнулъ съ нея, но такъ-же неудачно, какъ и въ первый разъ.

Въ это время въ палатѣ кто-то закричалъ громко, даже пронзительно, и послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ. Мы съ Иваномъ Тихонычемъ бросились туда, на крикъ, но было уже поздно.

Какой-то больной отодралъ рѣшотку отъ окна, выбилъ раму и выскочилъ изъ окна на дворъ. За нимъ бросился другой, третій... Окно было довольно высоко отъ полу, но больные вскарабкивались къ нему удивительно легко, какъ обезьяны.

Четвертаго больного намъ удалось удержать, но къ разбитому окну сбѣжалось все населеніе палаты съ очевиднымъ намѣреніемъ послѣдовать примѣру бѣжавшихъ. Чья-то сильная рука схватила меня за шиворотъ и отбросила въ сторону... Больные, крича и возбуждаясь все болѣе и болѣе, лѣзли къ окну и одинъ за другимъ прыгали на дворъ.

Иванъ Тихонычъ растерялся: онъ схватилъ какого-то больного за полу халата и возился съ нимъ. Это было нелѣпо и дико,—и я съ ужасомъ подумалъ, не свихнулся ли онъ окончательно.

Къ счастью, происшествіе было замѣчено изъ другихъ бараковъ, и скоро прибѣжали на помощь.

На больничномъ дворѣ поднялся тоже шумъ и гвалтъ,—ловили бѣгавшихъ по двору сумасшедшихъ . . . . . .

Итоги „несчастнаго случая“ оказались очень печальными: одинъ больной убѣжалъ, другой—крѣпко расшибся, свалившись съ высокаго забора, на который ему какимъ-то чудомъ удалось забраться, а всѣ остальные получили болѣе или менѣе тяжелыя поврежденія, ушибы, ссадины.

Все это еще убѣдительнѣе подчеркивало непріятную истину, съ которой мнѣ такъ не хотѣлось помириться, истину что психіатрическія лѣчебницы могутъ представлять всего лишь дома заключенія неудобныхъ для общежитія членовъ общества. И какъ это ни казалось мнѣ грустнымъ, я долженъ былъ сознаться, что тюрьмы, назначеніе которыхъ оказывалось одинаковымъ съ назначеніемъ „сумасшедшихъ домовъ“, обставлены лучше, гигіеничнѣе, человѣчнѣе лѣчебницъ...

Иванъ Тихонычъ былъ удрученъ происшествіемъ не менѣе, чѣмъ я,—онъ вышелъ изъ барака блѣднымъ, вспотѣвшимъ и усталымъ.

— Мы осмотримъ сегодня еще только платное отдѣленіе, — сказалъ онъ мнѣ. — Остальное отложимъ до завтра... Не могу я...

XI.

Платное отдѣленіе оказалось болѣе сноснымъ, чѣмъ всѣ остальныя, хотя и оно было такъ же далеко отъ идеальной постановки дѣла, какъ земля отъ неба. Въ немъ помѣщалось 14 больныхъ въ восьми „палатахъ“, т. е. небольшихъ полутемныхъ комнаткахъ съ обычной обстановкой; въ шести комнатахъ сидѣло по двое, а въ двухъ остальныхъ по одному. Въ прислугѣ тоже не было особаго недостатка,—на каждую камеру былъ отдѣльный служитель. Былъ тутъ и общій „залъ“, гдѣ мы и застали почти всѣхъ больныхъ. Только одиночки, по словамъ Ивана Тихоныча, никогда не выходили изъ своихъ камеръ. Къ удивленію, у всѣхъ оказалось довольно мирное настроеніе, и больные отличались отъ здоровыхъ людей только своими, иногда очень фантастическими костюмами. Одинъ былъ одѣтъ въ женское пестрое платье съ цѣлой волной всевозможныхъ бусъ на груди. Онъ кокетливо поглядывалъ на насъ и, когда я смотрѣлъ на него, жеманился, краснѣлъ и конфузливо опускалъ глаза.

— Какъ поживаете, Марья Ивановна?—подошелъ къ нему Иванъ Тихонычъ.

„Марья Ивановна“ прыснула въ сторону, покраснѣла и принялась перебирать руками край передника.

— Господинъ Птицынъ васъ не безпокоитъ больше?

„Марья Ивановна“ еще болѣе сконфузилась и закрыла лицо руками.

А между тѣмъ, насъ окружили больные. Они стояли молча, глубокомысленно глядя на меня.

— Не правда-ли, я ихъ ловко выдрессировалъ?— неожиданно подошелъ къ намъ высокій субъектъ съ довольнымъ и улыбающимся лицомъ.

— Здѣшній надсмотрщикъ,—протянулъ онъ мнѣ руку.— Правая рука и лѣвая нога Ивана Тихоныча... Безъ меня бы ему никогда не справиться съ этой оравой. Вѣдь эти олухи (онъ показалъ на служителей) гроша не стоятъ.

— Давно онъ... служитъ?—спросилъ я Ивана Тихоныча.

— Давно... Второй годъ.

— Служу вѣрой и правдой, — продолжалъ больной,— но мнѣ чрезвычайно неаккуратно платятъ жалованіе. Вотъ она, казенная-то служба!.. Сегодня опять не принесли?

— Принесъ.

Иванъ Тихонычъ далъ ему папироску.

— Давно бы такъ,—сказалъ больной, съ довольнымъ видомъ принимая „жалованье“.—Собственно и самъ Иванъ Тихонычъ,—зашепталъ онъ мнѣ, когда тотъ отошелъ, — тоже сумасшедшій и тоже у меня подъ надзоромъ. Я съ нимъ ласковъ, хотя вѣдь онъ корчитъ изъ себя начальство. Ты тутъ что торчишь?—крикнулъ онъ вдругъ на низенькаго и плюгаваго человѣка въ халатѣ и колпакѣ, стоявшаго рядомъ и заливавшагося чуть слышнымъ, но чрезвычайно веселымъ смѣшкомъ. Онъ съ достоинствомъ выпятилъ свою куриную грудь и гордо отвѣтилъ „надсмотрщику“:

— Не буянить!.. Не то служителей кликну... Господинъ Птицынъ,—отрекомендовался онъ мнѣ.

Это была чрезвычайно жалкая и отвратительная фигурка: птичье лицо съ неопрятной бороденкой, колючіе глаза и убогій ростъ. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и вдругъ опять залился своимъ противнымъ смѣшкомъ:

— Хи-хи-хи... И вы въ нашу компанію?... Хи-хи-хи...

Потомъ онъ перевелъ глаза на „надсмотрщика“—и даже закашлялся отъ смѣха:

— Сумасшедшій... а рыло... гнетъ... Куда те!.. Надсмотрщикъ!.. Хи-хи-хи...

А „надсмотрщикъ“ приходилъ въ ярость и, казалось, готовъ былъ броситься на господина Птицына. Подошли служители; одинъ взялъ Птицына за воротъ его халата и легонько оттолкнулъ. Тотъ всплеснулъ руками и опять залился смѣхомъ.

— Видѣли? видѣли? — схватилъ вдругъ меня за плечо какой-то больной.—Видѣли, какъ тутъ обращаются съ боль-

ными? За шиворотъ! а?.. Это при васъ, при постороннемъ, а если бы вы знали, что тутъ дѣлается, когда мы остаемся одни...

Это былъ свѣжій и бодрый еще старикъ съ крупными и энергичными чертами лица. Его лобъ былъ гнѣвно наморщенъ, а въ глазахъ горѣло негодованіе.

— Это ужасно!.. Здѣсь ихъ царство, куда никто не заглядываетъ, и гдѣ они безотвѣтны... Слушайте, вы человѣкъ посторонній,—скажите тамъ, кому надо, скажите, что намъ невыносимо тутъ жить, что съ нами обращаются ужасно, что мы тутъ задыхаемся...

Подошелъ Иванъ Тихонычъ и, молча, слушалъ гнѣвную рѣчь старика.

— Скажите тамъ, что среди сумасшедшихъ есть и здоровые, которыхъ насильно держатъ въ этой ямѣ. Вы представьте себѣ: вдругъ васъ взяли, скрутили и сюда... Да не на день, не на два, а на цѣлые мѣсяцы, годы, безъ надежды выбраться отсюда. Боже, какой ужасъ!... Какое они имѣютъ право распоряжаться моей свободной личностью, если я никому не вреденъ?.. Здѣсь сойдешь съ ума—я чувствую, какъ моя голова трещитъ и рвется отъ дикихъ, сумасшедшихъ мыслей... Я чувствую, какъ надвигается мракъ...

Черты его лица были искажены, и въ голосѣ звенѣлъ смертельный страхъ.

— Скажите имъ... Ну, пусть меня надо лѣчить... Но вѣдь я членъ ихъ же общества и если я боленъ, моя болѣзнь не мой грѣхъ, а общій, всего общества, стало быть, и ихъ грѣхъ... Скажите, что это безбожно, что это ужасно... У меня разорвется сердце отъ тоски... Скажите тамъ, что здѣсь мучаютъ меня, мучаютъ насъ всѣхъ, несчастныхъ и больныхъ... Спросите ихъ, за что, за что... О, если бъ я не былъ одинокъ!..

Старикъ зарыдалъ. Онъ сердито оттолкнулъ отъ себя Ивана Тихоныча, который лѣзъ къ нему съ своимъ обычнымъ:

— Успокойтесь... успокойтесь... вамъ нельзя волноваться...

— Скажите тамъ,—опять горячо и торопливо заговорилъ старикъ, — скажите, что насъ тутъ бьютъ... Я могу показать синяки... Вотъ они, вотъ... (онъ лихорадочно началъ снимать рубашку). Если съ нами такъ поступаютъ, что дѣлаютъ съ ними? (онъ показалъ на полъ). Скажите имъ, что они сами виноваты, что мы больны и не имѣютъ права насъ мучить... Скажите имъ...

Старикъ задыхался. Онъ рвалъ на себѣ рубашку, которой никакъ не могъ снять, и былъ въ крайнемъ возбужденіи.

Иванъ Тихонычъ кивнулъ служителямъ. Подошли двое дюжихъ мужиковъ, взяли старика подъ руки и, не смотря

на отчаянное сопротивленіе, увели въ камеру—къ великому удовольствію господина Птицина, который весь трясся отъ смѣха и махалъ руками.

— Это въ самомъ дѣлѣ жестоко,—вырвалось у меня.

— Ни чорта вы не понимаете, — сердито оборвалъ меня Иванъ Тихонычъ. — Его нельзя оставить въ такомъ возбужденіи. Оно опасно и можетъ повести чортъ знаетъ къ чему... А тамъ онъ быстро успокоится... Пойдемте къ одиночкамъ,— буркнулъ онъ въ заключеніе тономъ ниже, вспомнивъ, должно быть, о своей роли Виргилія. Онъ былъ очень раздраженъ.

Онъ сердито сунулъ ключъ въ скважину двери и сердито хлопнулъ ею.

— Проходите...

— А, новое лицо! — встрѣтилъ меня ласковымъ и звонкимъ голосомъ обитатель камеры, полный субъектъ въ форменномъ чиновничьемъ сюртукѣ, съ полнымъ, немного отечнымъ лицомъ и бѣгающими маленькими глазками. — Очень радъ! очень радъ!

Онъ крѣпко трясъ мнѣ руку. Его рука была влажна и пухла. Потомъ онъ поздоровался съ Иваномъ Тихонычемъ.

— Послушайте, мнѣ кажется, меня можно и не держать на запорѣ. Ей-Богу, я больше не убѣгу. Видите-ли, — обернулся онъ ко мнѣ, — я недавно пытался сбѣжать отсюда и прыгнулъ съ лѣстницы. Немножко ушибся. И поэтому меня теперь запираютъ... Ей-Богу, я больше не убѣгу!

— Хорошо,—отрывисто сказалъ Иванъ Тихонычъ. — Позвольте вашъ пульсъ.

Больной, улыбаясь, протянулъ руку и почти шепотомъ проговорилъ:

— А я новый романсъ испекъ. Большой успѣхъ... Изъ Парижа пять поздравительныхъ телеграммъ. Для васъ и новаго гостя могу исполнить.

Онъ вырвалъ руку, вскочилъ и запѣлъ:

— Кружится, вертится
Шаръ голубой,
Кружится, вертится
Надъ головой...

Онъ посмотрѣлъ на насъ торжествующе и опять крикнулъ на все отдѣленіе:

— Кружится, вертится,
Хочетъ упасть.
Кавалеръ барышню
Хочетъ украсть...

— Тимъ - помъ - помъ... тимъ - помъ... Великолѣпно, не правда-ли? Роскошь, роскошь... Изъ Нью-Іорка депутація была,—предлагали милліонъ за согласіе напечатать портретъ въ ихней газетѣ.

— Дайте же пульсъ, — настойчиво сказалъ Иванъ Тихонычъ.

Больной сѣлъ и, протянувъ ему руку, продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— А мой романъ на санскритскій языкъ переводятъ... Небывалая вещь для русскаго писателя... Не правда-ли, докторъ, у меня вѣдь мощная рука?

Онъ опять вырвалъ руку и вскочилъ.

— Пощупайте мускулы,—и онъ согнулъ руку въ локтѣ.— Нѣчто необыкновенное... Въ циркѣ Архипова по тысячѣ за выходъ платили...

Иванъ Тихонычъ пошелъ къ двери. Я простился съ больнымъ.

— Могу сообщить вамъ новость, — удержалъ онъ мою руку,—сегодня вечеромъ выступаю въ петербургской королевской операѣ... А мои картины теперь на выставкѣ въ Чикаго.

Я легонько освободилъ свою руку и юркнулъ въ дверь,— я начиналъ уставать. Иванъ Тихонычъ подошелъ къ другой камерѣ.

VII.

— Здѣсь у насъ очень интересный экземпляръ... Для убогой земской лѣчебницы очень большая рѣдкость. Я имъ горжусь.

Онъ постучалъ въ дверь.

— Можно войти?

— Ужъ очень вы зачастили, — отвѣтилъ изнутри очень пріятный голосъ.—А впрочемъ, мнѣ все равно. Идите.

— Я не одинъ, — сказалъ Иванъ Тихонычъ, проходя въ комнату и пропуская меня впередъ.

Комната ничѣмъ не отличалась отъ другихъ камеръ, только она была вся завалена книгами. Книги валялись на неубранной кровати, на стульяхъ, на полу. На столѣ лежали въ безпорядкѣ груды какихъ-то рукописей.

„Интересный экземпляръ" сидѣлъ за столомъ, спиной къ намъ и что-то писалъ.

— А съ кѣмъ вы?—спросилъ онъ, не оборачиваясь и продолжая писать.

— Профессоръ философіи Собакинъ... Очень желаетъ съ вами познакомиться и поговорить по поводу вашей послѣдней статьи.

Больной живо обернулся къ намъ и поднялся со стула. Это была очень импозантная фигура: онъ былъ высокъ, красивъ, съ живыми глазами, широкимъ лбомъ и роскошной шевелюрой. На видъ ему можно было дать не болѣе тридцати лѣтъ.

— Очень радъ,—сдѣлалъ онъ два шага ко мнѣ.—Петръ Загорскій.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Садитесь, пожалуйста...

Онъ очень изящно подалъ мнѣ стулъ, а потомъ сѣлъ и самъ, не спуская съ меня ласковаго и пріятнаго взгляда.

— Я очень радъ вашему приходу, хоть и не могу пожаловаться на одиночество. Сегодня ночью, часа въ три, былъ у меня никто иной, какъ самъ Кантъ... Не правда ли, немного странно? Во-первыхъ, онъ умеръ два столѣтія назадъ, во-вторыхъ, я—одинъ изъ самыхъ ярыхъ его противниковъ... Я его узналъ съ перваго взгляда. Главнымъ образомъ его выдаютъ глаза: живые, искрометные, глубокіе глаза генія... Да... глаза генія... Они то блещутъ какимъ-то страннымъ возбуждающимъ огнемъ, то вдругъ потухаютъ, становятся черными и глубокими, какъ дыры въ безконечность. Вообще, о глазахъ можно написать цѣлый трактатъ, вѣрнѣе, цѣлую поэму... Недавно заходилъ ко мнѣ одинъ убогій философъ-сладострастникъ... У него глаза, представьте себѣ, какъ у кошки: зрачекъ продолговатый и стоитъ поперекъ глаза. Я нарочно потушилъ свѣчку, посмотрѣть, не свѣтятся ли его глаза въ темнотѣ,—и что-бы вы думали? Дѣйствительно, свѣтятся, и пренепріятнымъ желто-зеленымъ свѣтомъ... Ахъ, зналъ я одни чудные, удивительные глаза: сѣрые, съ длинными-длинными рѣсницами, „лучистые" глаза... Ласковые, радостные... Впрочемъ, виноватъ, вы, конечно, зашли ко мнѣ не для пустой болтовни о глазахъ и глазкахъ.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Профессоръ очень интересуется вашей статьей о Ничше и желалъ-бы подробнѣе ознакомиться съ вашими воззрѣніями на этого философа,—вмѣшался въ разговоръ Иванъ Тихонычъ.—Вы тутъ побесѣдуйте, а я зайду еще къ двумъ-тремъ больнымъ.

Онъ ушелъ.

— Мнѣ очень льститъ,—заговорилъ больной, скромно улыбаясь,—очень льститъ, что мои статьи обращаютъ на себя вниманіе даже такъ называемыхъ спеціалистовъ, генераловъ отъ философіи. Обыкновенно, извѣстность, слава для реформаторовъ въ этой области очень опаздываетъ,—вспомните Шопенгауера, Ничше. Я счастливѣе своихъ предшественниковъ, хотя вѣдь и я такой-же „unzeitgemäss", какими

были эти философы... Если даже теперь мои наброски шумятъ, что будетъ, когда я опубликую свою новую систему философіи?.. Вамъ, вѣроятно, очень хотѣлось-бы познакомиться съ ней? Увы, зданіе окончено только вчернѣ, лѣса еще не убраны, а являться передъ публикой въ халатѣ и туфляхъ, съ неумытымъ рыломъ, неприлично... Новая мысль должна исходить отъ ея автора въ вполнѣ отдѣланномъ и корректномъ видѣ. Она должна быть вылита въ точныя, строгія и прекрасныя формы и явиться передъ изумленными и восхищенными взорами людей прекрасной, какъ нагая богиня... А потому я никому пока не излагаю своей главной идеи. Въ тѣхъ статьяхъ, что я печатаю сейчасъ, я обрабатываю лишь свои случайныя мысли и соображенія... Это, конечно, не мѣшаетъ имъ находиться въ общей гармоніи.

Больной поднялся со стула и принялся ходить изъ угла въ уголъ по камерѣ.

— Впрочемъ, мой трудъ очень скоро будетъ законченъ... Міръ отживаетъ послѣдніе часы своей ночи. Занимается чудесная, яркая заря новаго дня, новаго счастья... И какое блаженство, что пророкомъ этого новаго дня, проповѣдникомъ новой истины, истины истинъ, являюсь я!.. Міръ стонетъ, корчится отъ мукъ, а у меня въ груди уже готово слово, которое дастъ ему успокоенье и которымъ начнется вѣчный день. Но—и мнѣ недаромъ досталось это великое счастье: одинъ я знаю, какими муками купленъ мною мой счастливый удѣлъ. Мнѣ кажется, что когда я призову міръ къ новой жизни, когда я открою людямъ глаза, я не переживу этого момента,—это будетъ такимъ напряженіемъ всего моего существа... Впрочемъ, я опять уклонился отъ темы разговора.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Вы хотите знать мое мнѣніе о Ничше? Мнѣ кажется, я достаточно подробно высказалъ его въ своей статьѣ „Прикованный Прометей"... Не правда-ли, красивое названіе?... Но вы жестоко ошиблись-бы, если бы по этому заглавію составили мнѣніе, будто я преклоняюсь передъ нимъ. Фридрихъ, пожалуй, и, правда, похитилъ искру-другую отъ божественнаго огня, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ питать къ нему глубочайшее презрѣніе...

— Презрѣніе?—удивился я.

— Да, презрѣніе. Представьте себѣ такую картину. Безконечность. Безконечность и во времени, и въ пространствѣ. Въ пространствѣ, непостижимо огромномъ, безконечномъ, въ такомъ пространствѣ, гдѣ всякая величина, построить которую сможетъ наша фантазія, окажется лишь безконечно маленькой песчинкой, нулемъ,—въ этомъ пространствѣ раз-

сѣяны милліарды, безконечное число звѣздныхъ системъ. И каждая на нихъ неизмѣримо громадна—въ ней милліарды туманностей, млечные пути, звѣздныя скопленія. Наше бѣдное воображеніе конфузится и блѣднѣетъ даже при одномъ усиліи представить себѣ разстояніе между двумя ближайшими другъ къ другу точками системы... Что намъ говоритѣ выраженіе: отъ солнца до его сосѣдки, шестьдесятъ первой Лебедя, свѣтъ мчится цѣлыхъ три съ половиной года? И представьте себѣ дальше, что во всѣхъ этихъ неисчислимыхъ звѣздныхъ системахъ при каждой звѣздочкѣ есть своя планетная система. И все это въ безконечно разнообразныхъ формахъ, въ безконечно разнообразныхъ комбинаціяхъ... И вотъ въ одной изъ звѣздныхъ системъ, на окраинѣ ея, горитъ маленькій-маленькій огонекъ, жалкій трепещущій свѣтъ котораго еле-еле достигаетъ середины своей системы. Вокругъ этой ничтожной искры носятся нѣсколько сотенъ песчинокъ, микроскопическихъ комковъ грязи,—и на одномъ, можетъ быть, самомъ невзрачномъ, комкѣ въ силу какихъ-то таинственныхъ законовъ призваны къ „жизни“ и копошатся милліоны странныхъ „существъ“. Въ скобкахъ: я потому такъ подчеркиваю слова „жизнь“ и „существо“, что эти условныя выраженія кажутся мнѣ довольно жалкими и убогими... Имъ, этимъ „существамъ“ темно и холодно, и они безконечно жалки въ своемъ безконечномъ ничтожествѣ. Ихъ комокъ грязи существуетъ въ мірѣ одно мгновеніе, самъ онъ безконечно малъ,—не правда ли, очень невзрачная картина?.. И не правда ли, сравнить кучу „существъ“ съ муравейникомъ значило-бы очень обидѣть муравьевъ? Но допустимъ это гиперболическое сравненіе, не забывая, конечно, истинныхъ-то пропорцій, и вообразимъ такую картину. Муравейникъ. Онъ кишитъ хлопотливыми, дѣятельными муравьями, а гдѣ-то въ глубинѣ его, въ темномъ закоулкѣ корчится отъ разъѣдающихъ его тѣло и душу болѣзней муравей-философъ. Онъ боленъ и потому возмнилъ, что нашелъ новое слово, и, надрываясь изо всѣхъ силъ, кричитъ изъ норы свое новое слово. Его слушаютъ очень немногіе... А изъ деревни прибѣжали мальчишки и изъ шалости разбросали въ стороны куполообразную кучу, а что осталось отъ нея—подожгли. И все погибло.

Больной улыбнулся.

— Ницше смѣшонъ... Онъ безконечно смѣшнѣе и жальче того муравья, что въ баснѣ дѣдушки Крылова залѣзъ на возъ и ворочалъ тамъ соломенкой, будучи вполнѣ увѣренъ, что совершаетъ подвигъ силы непомѣрной, и что мимоидущіе смотрятъ на него во всѣ глаза... Но, конечно, не это мое главное возраженіе противъ Ницше. Разъ мы муравьи, и при томъ

здоровые муравьи, мы можемъ и должны посмотрѣть на Ничше и съ нашей муравьиной точки зрѣнія. Ничше...

— Хе-хе-хе... хи-хи-хи...—раздалось вдругъ за спиной странное хихиканье, очень тихое, но чрезвычайно веселое и радостное. Я обернулся. Возлѣ меня стоялъ господинъ Птицынъ. Онъ моталъ головой, всплескивалъ руками и заливался своимъ почти беззвучнымъ и противнымъ смѣхомъ.

— Хи-хи-хи... Нищей... Нищей... Туда-жъ о нищемъ... Сидитъ въ желтомъ домѣ, а носъ задралъ куда-те... Нищей... Хи-хи-хи... Уморилъ, ей Богу... Сумасшедшій, а туда же... Кто мы, дескать, Я-ста да мы-ста... Нищей... Хи-хи-хи...

Больной поблѣднѣлъ, поднялся со стула и, трясясь всѣмъ тѣломъ, закричалъ:

— Убирайся вонъ!

А господинъ Птицынъ продолжалъ мотать головой и смѣяться:

— Хи-хи-хи... Кричитъ тоже... Какъ баринъ...

— Или я тебя вышвырну, какъ... какъ...

Я взялъ господина Птицына подъ руку и вывелъ изъ камеры. Онъ шелъ очень покорно, не переставая бормотать:

— Мы-ста... Философъ... Хи-хи-хи... Аристотель оный—славный философъ: скинулъ панталоны, ходитъ безъ штановъ... Хи-хи-хи...

Господинъ Птицынъ закашлялся отъ душившаго его смѣха. А больной сидѣлъ въ изнеможеніи на стулѣ, безсильно опустивъ руки.

— Это ужасно... Эта сволочь рѣшительно отравляетъ мнѣ жизнь... И я въ состояніи его убить... Онъ вѣчно лѣзетъ съ своей поганой харей и вѣчно смѣется поганымъ смѣхомъ. Я двадцать разъ говорилъ доктору, чтобы его убрали... Имъ, очевидно, мало того, что упрятали меня въ сумасшедшій домъ, имъ надо окончательно отравить мое существованіе.

— Кому „имъ"?

— О, у меня милліоны враговъ... Всѣ, кто меня окружалъ раньше, тотчасъ-же возненавидѣли меня, лишь только замѣтили, что въ моей душѣ зрѣетъ великая идея. Люди удивительно мелочны и завистливы... Но они слишкомъ рано возликовали—и изъ сумасшедшаго дома можетъ раздасться новое слово. Его не удержатъ крѣпкія стѣны, и оно, могучее, какъ ураганъ, и свѣтлое, какъ солнце, прозвучитъ надъ міромъ и потрясетъ его... И люди, жалкіе паразиты, обитатели отвратительнаго комка грязи, будутъ владѣть безконечностью, будутъ попирать ногами звѣздныя системы, будутъ богами... О, это будетъ скоро, скоро...

Больной въ волненіи шагалъ по комнатѣ. Онъ былъ очень возбужденъ и рѣшительно прекрасенъ: его красивая голова

была гордо поднята, глаза блестѣли и вся фигура казалась олицетвореніемъ свѣжести и мощи. Немного успокоившись, онъ опять сѣлъ передо мной.

— Вернемся къ темѣ... Конечно, это очень величественное (то-есть, съ муравьиной-то точки зрѣнія) зрѣлище: больной, страдающій духомъ и тѣломъ геній, вкусившій одну только горечь жизни, приходитъ не къ отрицанію ея, а къ возвеличенію ея въ культъ. Но, мнѣ кажется, и самъ Ничше понималъ всю нелѣпость возведенія въ культъ жизни, мгновенной и блѣдной,—иначе чѣмъ объяснить его преданность такой дикой и несуразной идеѣ, какова идея „о вѣчномъ возвращеніи"? Онъ не могъ не понимать, что люди только тогда будутъ богаты, и тогда только ихъ жизнь будетъ имѣть смыслъ, когда они будутъ владѣть безконечностью и во времени, и въ пространствѣ. Вѣдь если въ нашу жизнь допускается такой элементъ, какъ „время", этимъ самымъ упраздняется всякій ея смыслъ. Если „все мгновенно, все пройдетъ", какой мнѣ прокъ изъ этого „всего"? На что мнѣ преходящее счастье? Какая безсмыслица: „преходящее счастье"! Удивительно, что это жалкое contradictio in adiecto большинствомъ не замѣчается... Или люди съ умысломъ не замѣчаютъ его?.. Впрочемъ, смѣлые люди (нашлись таки и они) устами Шопенгауера высказались очень опредѣленно и твердо противъ такого счастья и очень низко оцѣнили жизнь, но Ничше пренебрегъ этимъ, какъ будто отвергъ Шопенгауера, а потомъ, конечно, спасовалъ и самъ, найдя нужнымъ пристегнуть къ своему ученію глупую, непростительно глупую для умнаго человѣка идею о вѣчномъ возвращеніи... А въ немъ безусловно были искры божественнаго огня, но—увы!—онъ слишкомъ крѣпко былъ прикованъ къ землѣ... Тутъ цѣлая трагедія... „Прикованный Прометей"... Да...

Больной задумался.

— Я, впрочемъ, интересуюсь всѣмъ этимъ, скорѣе какъ естествоиспытатель, — заговорилъ онъ, помолчавъ. — Новое слово, которое я провозглашу,—о, передъ нимъ рѣчи Заратустры—жалкій и невнятный лепетъ ребенка... Собственно говоря, я могъ-бы и не сказать своего слова, могъ быть одинъ богомъ, но... я слишкомъ люблю этихъ копошащихся въ грязи насѣкомыхъ. Я не знаю, чѣмъ это объясняется, но я люблю людей... Я знаю, что я умру, провозгласивъ свое ученье,—и люди будутъ безсмертными богами, а мое „я", которое тоже могло бы быть безсмертнымъ и божественнымъ, погибнетъ. Это подвигъ... И неправда ли, онъ будетъ почище подвига Христа? Я отдаю людямъ все, весь смыслъ моей жизни... И за что?

Меня вы терзали, томили,
Измучили сердце хандрой,—
Одни—своей скучной любовью,
Другіе—жестокой враждой...

Это изъ Гейне. А дальше:

Вы хлѣбъ отравили мнѣ ядомъ,
Вы кубокъ наполнили мой,—
Одни—своей скучной любовью,
Другіе—жестокой враждой...

Они, впрочемъ, не виноваты въ этомъ: они ходятъ въ глубокой тьмѣ, ничего не видя и не зная, какъ слѣпые щенки. Они пищатъ, визжатъ, безтолково тычутся мордами и находятъ успокоеніе, лишь когда нащупаютъ теплый и влажный сосокъ матери-природы... Но—они доживаютъ послѣдніе часы ночи, скоро откроются ихъ глаза, и тогда...

Онъ опять пришелъ въ возбужденіе и опять зашагалъ по комнатѣ.

— А вѣдь я тоже былъ слѣпымъ щенкомъ. Я понялъ, что это глупо и собирался стрѣляться (онъ улыбнулся). Я тогда былъ форменнымъ неврастеникомъ. На душѣ у меня было пусто, жизнь представлялась не имѣющей никакой цѣли и потому безсмысленной, и я рѣшительно ничего не находилъ, чѣмъ можно было бы заткнуть свою душевную пустоту... И я видѣлъ, что такъ-же настроены безъ исключенія всѣ, которыхъ природа надѣлила несчастной способностью хоть немного мыслить... Міръ представлялся мнѣ сложной, разъ навсегда заведенной машиной, которую приводятъ въ дѣйствіе неизвѣстныя мнѣ силы съ неизвѣстными цѣлями и по неизвѣстнымъ законамъ. И каждый изъ насъ играетъ роль неизмѣримо маленькаго и ничтожнаго винтика въ этой машинѣ. Этотъ винтикъ скромно исполняетъ свою маленькую роль—и почему-то увѣренъ, что онъ „одухотворенъ“ и господинъ машины, „царь природы“... Свободу воли я, конечно, отрицалъ,—машина, цѣпь причинъ и слѣдствій, и случайностей быть не можетъ... И это наполняло мой умъ отчаяніемъ, и я не хотѣлъ жить... И только нечаянно мелькнувшая передо мной идея, какъ молнія освѣтившая мой умъ, спасла меня и міръ... А знаете, какъ надо объяснять этотъ всеобщій пессимизмъ, это ужасное вырожденіе, симптомы котораго такъ отвратительны? Я объясняю то, что мы несчастны, естественно-исторически... Дѣло обстоитъ вотъ какъ... Впрочемъ, сначала выяснимъ ближайшія, такъ сказать, непосредственныя причины того, что человѣкъ чувствуетъ себя время отъ времени несчастнымъ, и что стра-

даніе въ нашей жизни является доминирующимъ мотивомъ. Счастливъ человѣкъ тогда, когда онъ не замѣчаетъ ни окружающей его обстановки, ни даже самого себя. Вѣдь единеніе съ женщиной самое высокое наслажденіе, не правда-ли? Даже такой ужасный утконосъ (помните? ну, публицистъ изъ „Недѣли“) согласенъ съ этимъ. Въ этотъ моментъ (я говорю больше о физическомъ единеніи) человѣкъ не сознаетъ рѣшительно ничего, даже того, что онъ счастливъ... И этотъ моментъ есть моментъ чрезвычайно гармоничнаго и полнаго слiянія съ природой. Второй примѣръ: у васъ тѣсенъ сапогъ и ужасно жметъ вашу ногу. Вамъ кажется, что истинное счастье—снять сапогъ, не чувствовать его, своей ноги... Я очень тороплюсь и волнуюсь, и вамъ, можетъ быть, не совсѣмъ ясна моя мысль, но я хочу сказать то, что несчастливъ человѣкъ тогда, когда окружающая его обстановка даетъ себя такъ или иначе чувствовать, т. е. когда нарушена гармонія, которую должны представлять человѣкъ и природа. Ясно?

— Ну, положимъ. Дальше?

— Въ силу неизвѣстныхъ намъ законовъ, по неисповѣдимымъ путямъ Божіимъ, на землѣ изъ тьмы темъ различныхъ видовъ скотовъ долженъ былъ выработаться путемъ естественнаго подбора особый видъ скота—человѣкъ. Такъ какъ подборъ обусловливаетъ полную гармонію между скотомъ и окружающей его обстановкой (ибо вѣдь измѣненія въ организмѣ скотовъ зависѣли отъ измѣненій въ природѣ, и тѣ скоты, организмъ которыхъ не успѣвалъ приспособиться къ новымъ условіямъ, издыхали), человѣкъ въ первые моменты своего существованія былъ вполнѣ счастливъ: онъ не замѣчалъ, точнѣе—его не безпокоила окружающая обстановка, ибо онъ былъ очень ловко пригнанъ къ ней. И былъ-бы онъ счастливъ до конца дней своихъ, но... тутъ вышла странная и нелѣпая заковычка. Случилось такъ, что природа шла впередъ прежнимъ аллюромъ, а организмъ новоиспеченнаго фрукта, человѣка, не успѣвалъ приспособляться къ ея измѣненіемъ. Я сейчасъ не вхожу въ причины этого, это завело-бы слишкомъ далеко. Начались отклоненія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И здѣсь источникъ страданія, болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ. Конечно, человѣкъ былъ-бы чрезвычайно быстро уничтоженъ, какъ нѣчто устарѣвшее, но... природа черезчуръ щедро надѣлила его умомъ и еще болѣе щедро—воспроизводительными способностьями такъ что онъ протянетъ еще довольно долго. Человѣчество вымираетъ самой мучительной смертью — медленной... Оно окончательно умретъ только при извѣстномъ максимумѣ несоотвѣтствія между имъ и природой. А пока что—жить человѣку нужно, а

такъ какъ окружающая его обстановка не подходитъ къ нему, онъ долженъ чувствовать и ее, и себя, ибо онъ, говоря фигурально, обутъ въ сапоги, которые жестоко жмутъ ему ногу. А если онъ чувствуетъ себя, онъ несчастенъ... Ясно?

— Довольно ясно...

— Отсюда и пессимизмъ, и все, яже съ нимъ. Міръ въ агоніи, начавшейся уже давно, агоніи мучительной и жалкой... О, какое это счастье—призвать къ новой жизни этихъ несчастныхъ букашекъ, корчащихся отъ боли, сдѣлать ихъ изъ рабовъ природы ея господами... Они не стоятъ этого, но—имъ ужасно повезло: я почему-то люблю ихъ.

Больной замѣтно утомился. Я не могъ больше утомлять его разговоромъ и поднялся.

— Вы уже уходите?—встрепенулся онъ.

— Къ сожалѣнію, да.

Въ этотъ моментъ вошелъ въ камеру Иванъ Тихонычъ.

— Однако, вы заболтались. Вы забыли, что вамъ предписанъ покой и воздержаніе отъ праздной болтовни?—строго сказалъ онъ больному.

Тотъ посмотрѣлъ на него и, улыбаясь, произнесъ:

— Жалкій человѣкъ... „Печной горшокъ тебѣ дороже"...

— Сегодня вамъ не будетъ отпущено свѣчки, — уже совсѣмъ сердито оборвалъ его Иванъ Тихонычъ.— Вы должны раньше ложиться спать. Слышите?

Больной продолжалъ улыбаться, но его улыбка была такой жалкой и страдальческой... Онъ взглянулъ на меня и прошепталъ:

— Не вѣдаютъ, что творятъ...

Иванъ Тихонычъ повернулся къ двери. Я простился съ больнымъ и пошелъ за нимъ. Онъ шагалъ очень сердито.

— Усталъ, какъ чортъ... Одинъ на четыреста больныхъ—поневолѣ иногда вспылишь глупо и нагло... Вы какъ—здѣсь останетесь или тоже пойдете домой?.. Пошелъ ты къ чорту!—оттолкнулъ онъ отъ себя подбѣжавшаго къ нему господина Птицына.

Я тоже чувствовалъ себѣ усталымъ и потому рѣшилъ отложить дальнѣйшій осмотръ лѣчебницы до слѣдующаго дня.

— Кто этотъ Загорскій? — спросилъ я Ивана Тихоныча.

— А чортъ его знаетъ... Съ университетскимъ образованіемъ, изъ дворянъ, 28 лѣтъ, состоитъ у насъ третій мѣсяцъ,—вотъ и все. Родственники у него скотъ на скотѣ. Я совѣтую имъ помѣстить его куда-нибудь въ клинику, что ли, гдѣ онъ могъ-бы поправиться, а они держатъ его у насъ, прекрасно понимая, что это, кромѣ вреда, больному принести ничего не можетъ... До свиданія.

Иванъ Тихонычъ пошелъ къ своей квартирѣ, а я направился къ больничнымъ воротамъ. Когда я проходилъ мимо барака съ женскимъ отдѣленіемъ, кто-то постучалъ въ окно. Я поднялъ глаза. Въ окно кивала мнѣ головой Елена Антоновна.

— Подождите! Я сейчасъ выйду.

Черезъ минуту она вышла ко мнѣ.

— У меня къ вамъ просьба...

Она опустила глаза.

— Готовъ къ услугамъ.

— Вы сегодня вечеромъ свободны?

— Да, свободенъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ... Мнѣ тутъ такъ скучно, такъ рѣдко видишь свѣжихъ людей... Мнѣ-бы хоть одинъ вечеръ пробыть въ обществѣ человѣка изъ того, здороваго міра.

Она немного смутилась и покраснѣла.

— Хорошо, я пріѣду... Я очень радъ вашему приглашенію.

— Рады? — блеснула она глазами. — Ну и прекрасно. Идемте, я провожу васъ до воротъ. Вашъ извозчикъ ужъ давно пріѣхалъ... Я съ нимъ говорила, онъ очень хвалитъ васъ. „Баринъ, говоритъ, на рѣдкость"... Только онъ странный какой-то... Я ужасно рада, что вы явились, — я такъ ждала васъ... До свиданья... Такъ я васъ жду.

Я усѣлся на дрожки.

— Часовъ этакъ въ девять. Раньше я не могу освободиться,—крикнула она въ догонку.—А знаете, у васъ очень милая фигура,—вы такъ изящно сидите...

На поворотѣ за уголъ больничнаго забора я оглянулся. Елена Антоновна все еще стояла у воротъ и смотрѣла мнѣ вслѣдъ. Мой возница тоже оглянулся и даже ахнулъ отъ удивленія:

— Охъ, дьяволица!.. Утекаютъ, молъ, изъ лапъ-то... Охъ, стерва!.. Нѣтъ, братъ, шалишь, нако-ся, выкуси!..

Возница бросилъ возжи, сложилъ двѣ фиги и потрясъ ими въ воздухѣ по направленію къ Еленѣ Антоновнѣ.

— Что ты? что ты? съ ума ты сошелъ?—схватилъ я его за руки.

— Меня, окаянная, давеча все шпиговала, — заговорилъ онъ, немного успокоившись. — Этакъ ласково, прелестница, подъѣзжаетъ: „поснѣдать не хотите-ли", да „зайдите къ намъ"... Ишь, гадюка... Н-нѣтъ, шалишь, не на тѣхъ напала... Видитъ, что не выгораетъ дѣло-то, двугривенный суетъ мнѣ: „На-те, говоритъ, вамъ на водку"... Какъ-бы не такъ, такъ вотъ и продамъ душу за двугривенный... Себѣ дороже стоитъ... Ахъ, ты...

Возница отпустилъ очень крѣпкое ругательство. Я пы-

тался его остановить, но тщетно. Пришлось ждать, когда онъ замолчитъ самъ. Но онъ не успокоился всю дорогу.

— Въ половинѣ девятаго опять поѣдемъ,—сказалъ я ему, когда мы остановились у гостиницы.

Онъ жалостливо посмотрѣлъ на меня.

— Эхъ, баринъ, баринъ... Попадешь ты имъ въ лапы... Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить... Дѣло твое молодое, шутка ли противъ этакой прелестницы устоять?.. О, мудеръ-хитеръ Христовъ врагъ, тонко понимаетъ, бестія, какъ дѣло повести...

XIII.

Больше я не былъ въ лѣчебницѣ. Часовъ въ восемь, когда я уже собирался отправиться къ Еленѣ Антоновнѣ, ко мнѣ въ гостиницу явился Владиміръ Михалычъ и попросилъ меня не дѣлать этого. Онъ казался очень взволованнымъ и свою просьбу высказалъ, запинаясь и не глядя на меня. Я удивился.

— Почему же такъ?

— Видите-ли...—Владимріъ Михалычъ немного замялся.—Мнѣ жаль Елену Антоновну.

Это было еще удивительнѣе.

— Ничего не понимаю,—пробормоталъ я.

— Видите-ли... Пять лѣтъ службы въ нашей лѣчебницѣ могутъ сломить всякую наиздоровеннѣйшую натуру...

— Ну?

— Ну... Словомъ, Елена Антоновна немного больна... Поймите вы, чортъ васъ дери, что всякій свѣжій человѣкъ ее взбудораживаетъ до нельзя. Она когда-то любила, да очень ужъ неудачно—и немного помѣшана на любви. Понимаете?

Мнѣ вспомнились слова Ивана Тихоныча объ Еленѣ Антоновнѣ: „Она влюбляется въ каждаго посѣтителя".

— Какъ будто понимаю. Какъ это дико, однако.

— Дико? Поймите вы, что это ужасно, ужасно, ужасно... Она влюбляется въ каждаго свѣжаго человѣка и, конечно, страдаетъ. Словомъ, если вы не поѣдете, она будетъ спокойнѣе. Да, наконецъ, это и мнѣ, лично мнѣ, непріятно. Понимаете?

- Хорошо. Я не поѣду.

Владиміръ Михалычъ порывисто пожалъ мнѣ руку, потомъ пошелъ было къ двери, но остановился и закрылъ лицо руками.

— Конечно, это дико,—произнесъ онъ глухо.—Она больна, а я ее ревную... Господи, какая это мука!

Онъ вдругъ заплакалъ—странно и смѣшно, какъ плачутъ серьезные бородатые мужчины.

А я смотрѣлъ на него и думалъ:

— А что, если и они всѣ такіе же душевнобольные, какъ и ихъ паціенты?

Григ. Бѣлорѣцкій.

---

* * *

Звѣзды поблѣднѣли, грустно догораютъ.
Въ облакахъ тумана лѣсъ безмолвный спитъ.
Тишина... Безшумно тѣни ночи таютъ...
Жаворонокъ въ небѣ высоко звенитъ.

Разбудила вѣтеръ пѣсня золотая,
Онъ вздохнулъ и тихо колыхнулъ листы...
По травѣ росистой, по полямъ блуждая,
Для тебя собралъ я, милая, цвѣты.

Въ нихъ еще таятся поцѣлуи ночи,
Жаворонка пѣсенъ отзвукъ въ нихъ дрожитъ...
Лѣсъ шумитъ... Погасли въ небѣ звѣзды-очи,
И березъ вершины солнце золотитъ.

Облака, въ гирлянды бѣлыя сплетаясь,
Беззаботно-вольной, свѣтлою гурьбой
Вдаль бѣгутъ, на солнцѣ кротко улыбаясь...
По полямъ скитаться мы пойдемъ съ тобой!

Я твою головку уберу цвѣтами,
Въ кудри голубые васильки вплету.
Утро дышетъ счастья свѣтлыми мечтами...
А тебя люблю я, какъ мою мечту!

Л. Андрусонъ.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

На покаяньи.

Изгнанный заочнымъ рѣшеніемъ изъ сандомірской школы, Рафаилъ велъ невеселую жизнь въ Тарнинахъ. Старый чесьникъ не хотѣлъ его видѣть. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль онъ не допускалъ его даже до своей руки и не говорилъ съ нимъ ни слова. Преступный сынъ обѣдалъ и ужиналъ одинъ, въ чуланѣ, гдѣ и спалъ на сѣнникѣ, въ углу. По приказу стараго барина, его будилъ на разсвѣтѣ помощникъ старосты Петръ и бралъ съ собой. Они отправлялись съ фонаремъ и вдвоемъ будили паробковъ и дѣвокъ, стаскивали съ постелей спавшихъ, отворяли конюшни, амбары, хлѣва. Рафаилъ слѣдилъ за раздачей скоту соломы и корма лошадямъ, назначалъ приходившимъ на барщину бобылямъ опредѣленное количество работы и т. д.

Рано утромъ онъ встрѣчался съ младшей сестрой Зофкой, которая выходила въ высокихъ сапогахъ, короткой юбочкѣ и мѣховой бекешѣ смотрѣть за доеніемъ коровъ, и перекидывался съ нею нѣсколькими словами.

Въ другое время дня и это было невозможно. Никто, не исключая и матери, не имѣлъ права разговаривать съ Рафаиломъ, который сталъ „позоромъ“ семьи. Кринку молока и ломоть ситнаго хлѣба онъ съѣдалъ, стоя въ своей конурѣ, и тотчасъ же долженъ былъ возвращаться на гумно. До самаго обѣда просиживалъ онъ въ овинѣ, по колѣни въ соломѣ, и надзиралъ за мужиками, молотившими хлѣбъ. Послѣ обѣда, до сумерекъ, вплоть до той желанной минуты, когда вѣяли хлѣбъ, отбирали мякину и высѣвки, мѣрили и уносили зерно въ амбаръ, онъ проводилъ время такъ-же точно, молча, сонно вслушиваясь въ стукъ цѣповъ на току. Послѣ

раздачи вечерней порціи лошадямъ, скоту, овцамъ, когда все запиралось, и ключи уносились въ контору къ старому пану, Рафаилъ получалъ приказаніе ужинать и немедленно ложиться спать.

Впрочемъ, то же дѣлали и всѣ въ домѣ. Издавна здѣсь было все заведено и велось по патріархальной рутинѣ, „какъ по часамъ“.

Не прошло и недѣли, какъ Рафаилъ уже умиралъ отъ тоски. Надвинувъ шапку на глаза, засунувъ руки въ карманы лисьей куртки, онъ слушалъ крестьянскіе прибаутки, толки, сказки, будто бы наблюдая за тѣмъ, не „стоитъ“ ли кто нибудь изъ рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ, — мысли его были совсѣмъ въ другомъ мірѣ. Только крикливый голосъ отца, гремѣвшій гдѣ-нибудь на гумнѣ, заставлялъ его сосредоточиваться на молотьбѣ. Преступный сынъ собиралъ разсѣянныя мысли, придумывалъ ясные и короткіе отвѣты на вопросы, которыхъ, впрочемъ, старый чесьникъ никогда не задавалъ ему. Только суровые взгляды отца изъ-подъ насупленныхъ бровей встрѣчали и провожали его. Если что-нибудь дѣлалось не такъ, какъ нужно, на долю Рафаила выпадалъ не одинъ насмѣшливый, злобный взглядъ и отъ обращенія „милостивый государь“, процѣженнаго сквозь зубы, мурашки пробѣгали по его тѣлу, какъ отъ угрозы прадѣдовской плетью. Такъ проходилъ день за днемъ.

Въ концѣ января, въ одно воскресное утро, въ помѣщеніе Рафаила вошла любимица отца, Зофка, и сказала:

— Отецъ приказалъ, чтобы ты съ нами ѣхалъ въ костелъ...

Рафаилъ вздрогнулъ отъ радости.

Когда запряженныя четверкой сани остановились возлѣ костела въ Сулиславицахъ, Зофка опять шепнула Рафаилу на ухо:

— Не ходи съ нами къ алтарю. Ты останешься въ костелѣ. Такъ приказалъ отецъ.

Кровь закипѣла въ юношѣ. Ужасное оскорбленіе: стоять среди костела, между мужиками, когда вся окрестная шляхта имѣетъ свои мѣста въ „презбитеріи“ *). Онъ чувствовалъ, какъ толпа разступалась, то и дѣло пропуская господъ; слышалъ шаги направлявшихся къ алтарю, но поднять глазъ не рѣшался. Онъ притворялся, что горячо молится, хотя не видѣлъ ни одной буквы въ молитвенникѣ, который былъ у него въ рукахъ. Только передъ выносомъ св. Даровъ онъ украдкой взглянулъ впередъ.

*) Часть католическаго храма, гдѣ находится главный алтарь, отдѣленная перилами отъ средины церкви.

Среди матронъ и приходскихъ магнатовъ сидѣла, въ полуоборотъ къ нему, панна Елена. Ея глаза были направлены въ его сторону, хотя и не глядѣли на него — глаза голубые, какъ далекій лѣсъ въ солнечный зимній день. Прелестныя пряди свѣтлыхъ волосъ выбились изъ подъ мѣховой шапочки; лицо было блѣднѣе и какъ будто старѣе, чѣмъ тогда, когда Рафаилъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно стало серьезнѣе, прекраснѣе, выразительнѣе... Глаза подернулись грустью, но сквозь эту грусть пробивалось чувство дѣтской радости, игриваго смѣха, робкіе и задорные вопросы. Удивленіе, можетъ быть, и сожалѣніе заставляли эти глаза поворачиваться въ сторону юноши.

Рафаилъ углубился въ свои мысли, заслушался мелодіи органа, замиравшей, какъ эхо, въ глубинѣ сердца. Когда онъ опять поднялъ глаза, то снова встрѣтилъ взглядъ, кроткій и нѣжный. Ихъ раздѣляло пространство. Но прежде, чѣмъ кончилась обѣдня, между ними закрѣпилась таинственная связь.

Ни слова не удалось имъ сказать другъ другу. Тотчасъ послѣ обѣдни Рафаилъ уѣхалъ домой.

Это воскресенье стало какъ бы вступленіемъ въ новую жизнь. Съ этихъ поръ все измѣнилось. Онъ засыпалъ и просыпался въ волненіи. Въ немъ совершалось физическое и нравственное превращеніе. Исчезъ аппетитъ. Настоящая болѣзнь охватила его тѣло. Это была, можно сказать, нравственная изнурительная лихорадка. Любовь овладѣвала имъ, какъ зараза. Онъ любилъ всѣмъ тѣломъ и душой, и каждая фибра трепетала въ немъ страстью. Бывали дни, когда юноша превращался въ автомата, скованный воспоминаніемъ о той минутѣ, когда онъ встрѣтился съ ея глазами среди дыма церковныхъ кадилъ.

Бывали дни, когда время летѣло на крыльяхъ, какъ ласточка; иногда же тащилось, какъ нищій на костыляхъ. Рафаилъ жилъ внѣ предѣловъ времени и пространства. Онъ жилъ отвлеченнымъ чувствомъ, приходившимъ издалека, какъ пища, которую приносилъ пустыннику таинственный воронъ. Онъ самъ не могъ ни понять, ни назвать своихъ желаній, неясныхъ страданій и пламенной страсти. Одно только онъ чувствовалъ, что безумно жаждетъ избавленія. Чтобы спастись отъ своихъ тайныхъ терзаній, онъ иногда мечталъ о смерти, о преступленіи.

Въ теченіе десяти дней такой жизни Рафаилъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и сталъ безобразенъ. Онъ ни о чемъ не заботился; на самые строгіе взгляды отца не обращалъ вниманія; иногда даже ощущалъ желаніе, чтобы его били, пытали, хотѣлъ страдать до потери сознанія. Даже во снѣ онъ видѣлъ от-

цовскія пытки, битье батогами... Онъ не издастъ ни звука! А когда поднимется съ ковра, сдѣлаетъ опять то же самое, что-нибудь такое, что всѣ будутъ помнить... Передъ его глазами носились все новыя проявленія дерзости. Онъ потерялъ привитое съ дѣтства сознаніе разницы между добромъ и зломъ. Бывали минуты, когда онъ готовъ былъ наложить руку на самыя святыя, дорогія для всѣхъ вещи, дѣла, чувства, самыя святыя слова... Привлекала, тянула его къ себѣ сила, манило страданіе. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ старымъ, гнилымъ требованіямъ человѣческой природы и глубоко презиралъ ихъ. Быть здоровымъ, стараться дѣлать добрыя дѣла, избѣгать болѣзней и смерти,—какъ все это ничтожно и глупо! Сквозь стиснутые зубы его теперь постоянно прорывались оскорбительныя, злыя, отвратительныя слова. Онъ не могъ бы объяснить, откуда ему стали извѣстны такія слова, какимъ вѣтромъ принесло ихъ къ нему изъ кабаковъ и подваловъ. Въ такія безумныя минуты онъ ни за что билъ крѣпостныхъ мужиковъ и въ кровь разбивалъ лица паробкамъ.

При появленіи въ семьѣ, онъ часто дрожалъ всѣмъ тѣломъ, чувствуя, какъ въ немъ растетъ желаніе бросать, ломать все, говорить жестокія, непоправимыя слова, слова убійства. Не разъ среди бѣлаго дня имъ овладѣвала глубокая сонливость, или, наоборотъ, внезапная жажда движенія, свѣта, блеска, шума, оргіи. Онъ ощущалъ въ себѣ то жалобный плачъ ребенка, то циническій смѣхъ и порывы безумія. Тысячу разъ онъ желалъ смерти этимъ мгновеньямъ, напрягалъ свою волю, чтобы прогнать ихъ, но умирала воля, а не эти мгновенія. Одно чарующее воспоминаніе о блѣдномъ лицѣ любимой дѣвушки стало въ немъ постояннымъ, неизмѣннымъ, вросло въ его душу, какъ новая жизнь.

Въ наименѣе подходящія минуты, напримѣръ, при отцѣ, онъ ощущалъ вдругъ ароматъ волосъ, теплоту лица, рукъ...

Въ душѣ было темно. Часто ночью Рафаилъ просыпался съ такимъ чувствомъ, какъ будто въ немъ была зіяющая бездна. Въ часы, когда всѣ предавались послѣобѣденному отдыху, онъ тихонько уходилъ въ конюшню и кормилъ хлѣбомъ Басю. Она была для него единственнымъ близкимъ существомъ. Онъ любовался ею съ наслажденіемъ. Стройная лошадка съ низкими, сухощавыми, удивительно изящными ногами, ступала мягко, точно по ковру, и съ необыкновенной граціей. Шея у нея была плоская, длинная, выгнутая въ дугу, головка небольшая, съ необыкновенно умными, глубокими глазами между широкими костями лба. Глаза были полны ума, самоувѣренности и, можно сказать, гордости.

Тонкая кожа, сквозь которую виднѣлись всѣ вены, сухо-

жилья и мускулы, была украшена мягкой, бархатистой шерстью. Бѣлая грива, густая, волнистая, никогда не стриженный хвостъ дополняли картину. Лошадь изгибалась, какъ змѣя: на ней можно было сдѣлать кругъ на столѣ. Она умѣла медленно и легко танцовать на одномъ мѣстѣ, подходить на зовъ, какъ балованное дитя, но умѣла также вырвать изъ рукъ уздечку и, закусивъ удила, мчаться, какъ вольный вихрь, черезъ рвы и заборы, хотя бы рука ѣздока раздирала ей губы желѣзомъ.

Рафаилъ зналъ Басю съ первой минуты ея жизни. Онъ видѣлъ ее лохматымъ жеребенкомъ, который на слабенькихъ ножкахъ бѣгалъ за своей матерью, толстой, огромной бѣлой клячей; помнилъ ее кобылкой съ короткой гривой, когда она свободно носилась по пастбищу. Онъ первый приблизился къ ней, первый сѣлъ на ея спину, безъ узды и безъ сѣдла. Первый укротилъ ее недоуздкомъ и объѣздилъ, по ночамъ, по секрету отъ чесьника. Не десять и не двадцать разъ бросала она его на землю такъ, что онъ едва могъ подняться. Не разъ носила она его въ распутицу, ночью, такъ что у обоихъ духъ захватывало и сердце замирало. Наконецъ, онъ усмирилъ ее. Теперь лошадка любила Рафаила. Она узнавала его шаги издалека, тихонько, радостно ржала, когда онъ приближался, и топала ногами, когда онъ уходилъ. Рафаилъ самъ кормилъ ее, холилъ, самъ чистилъ скребницей, поилъ и водилъ гулять.

Теперь, отдавъ ей принесенныя лакомства, онъ садился въ ея стойлѣ, обнималъ руками ея шею, прижимался лбомъ къ ея головѣ и сидѣлъ неподвижно, задумчиво. Лошадь поднимала къ нему влажныя, широко открытыя ноздри и умный взглядъ ея, казалось, обращался къ нему съ нѣжнымъ и тревожнымъ вопросомъ. Часто онъ приходилъ теперь къ ней безъ хлѣба и яблокъ... Онъ садился такъ же точно и, глядя Басѣ въ глаза, съ странной улыбкой тихонько напѣвалъ пѣсеньку своей души, мелодію безъ словъ, которой еще никто не подслушалъ, выходившую изъ самой глубины сердца, безъ участія воли и сознанія, совсѣмъ такъ, какъ слезы льются изъ глазъ...

Зимняя ночь.

Въ началѣ марта мѣсяца Рафаилъ, допущенный, въ видѣ милости, къ отцу, вошелъ вечеромъ въ спальню, изъ которой только что вышелъ подстароста, получавшій ежедневную, какъ бы узаконенную дозу брани, упрековъ и крика. Новая

обязанность Рафаила состояла въ чтенiи разрозненныхъ номеровъ старыхъ газетъ, которые чесьникъ доставалъ у сосѣдей. Чтенiе продолжалось не долго, не болѣе получаса.

Чесьникъ уже лежалъ въ постели. Сальная свѣча догорала въ жестяномъ подсвѣчникѣ, и отъ нея остался только огарокъ. Когда Рафаилъ вошелъ тихонько и остановился у дверей, старикъ сейчасъ же закричалъ на него:

— Чего ты тамъ прячешься? Опять, можетъ быть, готовишь какую-нибудь злодѣйскую выходку... Бери газету и читай мнѣ отчетливо, начиная съ того мѣста, гдѣ вчера остановился. На чемъ мы кончили?

— На „Похвальномъ декретѣ ксендзу Здеховичу изъ Пекошова."

— Знаю. Льстецамъ всегда хорошо, въ газетахъ о нихъ печатаютъ! Двигай дальше! Отчетливо, милостивый государь, такъ, чтобы смыслъ былъ виденъ.

Рафаилъ взялъ изорванные, испачканные, разрозненные листы „Краковской газеты" 1796 года и началъ громко, патетически читать:

— „Письмо генерала Бонапарта къ Директорiи. Съ главной квартиры. Верона, дня 29 брюмера..."

— Что?

— Написано: брюмера.

— Что такое—брюмеръ?

— Я не знаю.

— Что ты знаешь, оболтусъ! Стоило платить за тебя наличными деньгами въ школу! Пырять ножомъ педелей научился тамъ, точно мясникъ—телятъ, а что значитъ какое нибудь заграничное слово, это не твое дѣло. Разбирай дальше!

— „Я такъ измученъ заботами, граждане Директора...

— Что за граждане директора?

— Я... этого не знаю.

— Если бъ мнѣ захотѣлось встать, я бы тебя, сударь, такъ двинулъ въ ухо за это „не знаю", что ты сразу бы поумнѣлъ!

— ...что не въ состоянiи донести вамъ обо всѣхъ военныхъ маневрахъ, которые предшествовали битвѣ подъ Арколемъ, рѣшившей судьбу Италiи. Узнавъ, что фельдмаршалъ Альвинзи..."

— Отчетливѣй! Ну!

— „Фельдмаршалъ Альвинзи приближается къ Веронѣ..."

— И Вероны, навѣрно, не знаешь; что это такое?

— Знаю. Верона—это городъ въ Италiи.

— Ахъ, ты, мудрецъ...

— „...для соединенiя съ дивизiями его армiи, которая на-

ходится въ Тиролѣ, я отправился съ дивизіями генераловъ Ожеро́...“

— Какъ?

— ...Ожеро и Массены, вдоль рѣки Эчъ...

— Врешь!

— „...Эчъ... Между тѣмъ, непріятель узналъ о нашихъ движеніяхъ и выслалъ полкъ кроатовъ и нѣсколько венгерскихъ полковъ къ деревнѣ Арколь, которая, благодаря своему положенію среди болотъ и трясинъ, представляетъ очень сильную позицію. Эта деревня на цѣлый день 15-го числа остановила авангардъ арміи. Генералы, понимая серьезность положенія, напрасно бросались во главѣ колоннъ, желая пробиться черезъ небольшой мостъ подъ Арколемъ. Почти всѣ были ранены. Генералы Вердье, Бонъ, Вернъ, Ланъ были унесены съ поля сраженія...“

— Скажите, пожалуйста...—проворчалъ чесьникъ.

— „...Генералъ Ожеро...“

— Опять то же самое!

— „...схватилъ знамя, пронесъ его до самаго конца моста, держался тамъ нѣсколько минутъ, но безъ всякаго результата.“

— Вотъ такъ! Видно, австріякъ здорово колотилъ. Французы испугались, понимаешь, разиня?

— Понимаю,—отвѣтилъ Рафаилъ и въ тотъ же моментъ незамѣтно протянулъ руку къ столику, стащилъ оттуда ключъ отъ конюшни и спряталъ въ карманъ.

— Читай же дальше! Что тамъ еще случилось?

— „...Тѣмъ не менѣе, необходимо было перейти этотъ мостъ или сдѣлать обходъ въ нѣсколько миль, что нарушило бы всѣ наши планы. Я отправился самъ...“

— Кто отправился самъ? Кто туда отправился самъ, милостивый государь?

— Отправился тотъ, который вначалѣ, какъ его звать... Бонапарте... „Я спросилъ солдатъ: вижу-ли передъ собой побѣдителей подъ Лоди? Мое хладнокровіе... произвело такое... впечатлѣніе... въ войскѣ...“—читалъ Рафаилъ все тише и тише, видя, что отецъ уже смотритъ однимъ глазомъ.

Не успѣлъ онъ дочитать до конца столбецъ, какъ чесьникъ началъ громко сопѣть. Черезъ минуту онъ захрапѣлъ. Тогда юноша потушилъ свѣчу и на цыпочкахъ вышелъ, тихонько притворивъ дверь отцовской комнаты.

Онъ миновалъ нѣсколько темныхъ комнатъ, нащупалъ въ темнотѣ дверь въ свой чуланъ, вошелъ, заперъ дверь и упалъ на постель. Онъ испытывалъ холодное, разсудсчное спокойствіе при мысли, что ключъ у него въ карманѣ. Этимъ клю-

чомъ завинчивалась гайка винта, на которой надѣвался засовъ, запиравшій конюшню.

Тишина уже залегла на дворѣ, тишина безпредѣльная, зимняя. Ни шороха... Въ кухнѣ потушили свѣтъ. Слышно было, какъ снѣгъ пробивается сквозь отверстія деревянной ставни и падаетъ на оконныя стекла... Сверчокъ тревожно скрипѣлъ гдѣ-то въ дальней комнатѣ...

Острый вѣтеръ завизжалъ у угловъ дома и съ жалобнымъ воемъ сталъ блуждать вдоль стѣнъ. На минуту онъ умолкалъ и потомъ опять со свистомъ ударялъ въ стѣны, силился вырвать ставню, топалъ, точно ногами, по соломенной крышѣ...

Рафаилъ, растянувшись на своемъ сѣнникѣ, ждалъ, всматриваясь въ темноту. По временамъ ему казалось, что онъ лежитъ уже цѣлую ночь и что уже свѣтаетъ; а иногда былъ увѣренъ, что не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ комнаты чесьника. Нѣсколько разъ онъ поднимался и вслушивался. Сердце его усиленно билось, голова горѣла и кровь стучала въ вискахъ. Онъ задыхался въ жарко натопленной комнатѣ.

Около полуночи Рафаилъ сѣлъ на постель и сталъ чего-то ждать. Вдругъ онъ вскочилъ на ноги и сталъ одѣваться. Поверхъ простого суконнаго платья онъ надѣлъ штаны изъ лосиной кожи, поверхъ „кубрака"—короткій барашковый полушубокъ изъ желтой твердой кожи, крѣпко стянулся толстымъ ременнымъ поясомъ, обулся въ высокіе, выше колѣнъ, сапоги, тщательно смазанные жиромъ, и надѣлъ на голову мѣховую шапочку. Кончивъ это, онъ вылилъ на себя флаконъ духовъ, который похитилъ у сестеръ. Духи придали ему силы и смѣлости. Держа въ рукѣ ключъ отъ конюшни, Рафаилъ толкнулъ окно своей комнаты. Ставня, нарочно не запертая какъ слѣдуетъ, подалась въ темноту, и окно распахнулось отъ вѣтра. Юноша прыгнулъ въ снѣгъ. Онъ затворилъ обѣ половинки окна, чтобы онѣ не стучали, и деревяннымъ коломъ подперъ ставню. Въ лицо ему пахнулъ вѣтеръ, закружился и обсыпалъ его массой снѣга съ крыши. Рафаилъ вдыхалъ ноздрями этотъ снѣгъ. Радость несла его черезъ сугробы. Онъ проваливался и, наконецъ, выбрался изъ сада. Когда юноша вошелъ во дворъ, его окружили собаки, громадные доги и лохматыя дворняжки, спущенные съ цѣпи. Ласкаясь, они прыгали ему на грудь, лизали руки. Онъ отогналъ отъ себя стаю собакъ и, остановившись возлѣ конюшни, наблюдалъ погоду. Онъ смѣялся отъ радости, видя, какъ снѣгъ мететъ все сильнѣе, и мечталъ о томъ, какъ засыплетъ, занесетъ, уничтожитъ всѣ слѣды. Славная мятель!.

Дверь конюшни извнутри запиралась желѣзнымъ болтомъ, къ концу котораго былъ придѣланъ стержень съ нарѣзкой, выходившій черезъ отверстіе наружу и запиравшійся гайкой. Рафаилъ отвинтилъ гайку похищеннымъ ключомъ, толкнулъ дверь и вошелъ въ конюшню. Мгновенье въ атмосферѣ, нагрѣтой лошадинымъ дыханіемъ, онъ прислушивался, не проснулся-ли кто-нибудь изъ работниковъ. Но всѣ храпѣли отчаянно, одни подъ колодами возлѣ дверей, другіе въ повалку на полу. Бася нѣсколько разъ фыркнула, когда онъ подошелъ къ ней, и коснулась его влажными ноздрями.

— Бася, Бася...—шепталъ онъ, здороваясь съ нею.

Юноша быстро накинулъ на нее уздечку, потникъ и сѣдло и поспѣшно вывелъ изъ конюшни. Лошадь храпѣла на холодѣ и била копытами. За порогомъ Рафаилъ затянулъ съ особенной тщательностью подпруги сѣдла, выравнялъ стремена и притворилъ дверь Безъ помощи другого человѣка, который бы поднялъ болтъ и просунулъ винтъ въ отверстіе, дверь невозможно было запереть; оставляя же ее открытою до своего возвращенія, Рафаилъ совершалъ ужасный проступокъ. Нѣсколько мгновеній юноша колебался, взять-ли съ собой желѣзный ключъ или бросить его въ снѣгъ возлѣ двери. Но въ порывѣ страха, смѣнившаго колебаніе, сунулъ въ карманъ рейтузъ большой кусокъ желѣза, схватилъ въ горсть уздечку и вскочилъ на сѣдло.

Бася въ нѣсколько прыжковъ промчалась черезъ дворъ. Собаки преслѣдовали ее за ворота, но скоро вернулись. Рафаилъ былъ въ открытомъ полѣ. Онъ ѣхалъ по тополевой аллеѣ и былъ безумно счастливъ. Въ темнотѣ стонали сухія вѣтви деревьевъ. Снѣгъ поднимался съ земли и хлесталъ ее съ боковъ. Было такъ темно, что не видно было даже деревьевъ, которыхъ ѣздокъ почти касался... Могучая игра мятели на громадныхъ струнахъ липъ и тополей начинала замирать, изъ чего Рафаилъ заключилъ, что уже миновалъ аллею. Дорога поднималась теперь на небольшой холмъ, гдѣ вдали отъ жилья, въ тѣни нѣсколькихъ березъ, находилось одинокое кладбище, на которомъ давно-давно хоронились холерные. Рафаилъ различалъ своеобразный шумъ голыхъ березовыхъ прутьевъ, слышалъ, какъ вѣтеръ всхлипываетъ на плечахъ гніющихъ крестовъ, которые погнулись въ сорной травѣ; слышалъ хохотъ и свистъ вѣтра между кустами дикаго шиповника. Это страшное мѣсто поднимало волосы на головѣ, сжимало и леденило сердце... Рафаилъ ударилъ Басю ногой въ бокъ и галопомъ проѣхалъ страшное кладбище.

Бася неслась по мягкому снѣгу. Оба мчались съ востор-

гомъ. Рафаилъ припалъ къ ея гривѣ, обнялъ руками шею и шепталъ:

— Неси меня...

Скоро онъ замѣтилъ, что вѣтеръ сталъ попутнымъ: онъ дулъ сзади, подбодрялъ лошадь и давалъ возможность держаться дороги. Рафаилъ, впрочемъ, точно опредѣлялъ, когда ѣдетъ по дорогѣ, и, какъ только Бася сбивалась, направлялъ ее на путь. Въ одномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ Годзиславицъ, дороги перекрещивались, и на перекресткѣ находилось изображеніе Іисуса Христа. Рафаилъ сознавалъ, что это мѣсто уже близко. Онъ напрягалъ зрѣніе и, протянувъ руку, искалъ столбъ. Бася вздрогнула и шарахнулась въ сторону. Рафаилъ заставилъ ее вернуться и коснулся рукой столба, занесеннаго снѣгомъ. Вѣтеръ вылъ здѣсь неистово. Казалось, что, дѣйствительно, какъ гласитъ народная легенда, дьяволъ обвивается вокругъ статуи Христа, ползетъ, опутываетъ ее, какъ плющъ, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ не сорветъ со столба святого изображенья.

Теперь ѣздокъ былъ увѣренъ, что не заблудился. Онъ свернулъ вправо и поѣхалъ прямо по полю, съ трудомъ ныряя въ снѣгу. Онъ запыхался и чувствовалъ, что и лошадь сильно разгорѣлась. Вскорѣ, какъ онъ и разсчитывалъ, встрѣтился стогъ сѣна. Рафаилъ соскочилъ на землю, вырвалъ порядочный клокъ сѣна, крѣпко перевязалъ его и прикрѣпилъ къ сѣдлу. Затѣмъ отвелъ лошадь за стогъ, защищавшій отъ вѣтра, поставилъ ее бокомъ къ столбу, а самъ, скорчившись, присѣлъ, прижался спиной къ стогу и далъ волю мечтамъ. Мечты какъ будто только и ждали этой минуты и понеслись вереницей. Когда Рафаилъ отдохнулъ, онѣ встали передъ нимъ, какъ ясная и реальная дѣйствительность. Безконечную радость испытывалъ онъ при мысли, что уже приближается къ мѣсту своего счастья...

Лошадка, казалось, понимала, чтó съ нимъ происходитъ. Она тихо стояла, жуя удила, и слегка разбрасывала копытомъ легкую пелену снѣга. Наконецъ, Рафаилъ вернулся къ дѣйствительности, взобрался на сѣдло и поѣхалъ дальше. Теперь уже Бася сама несла его по полямъ. Иногда она останавливалась и, вытянувъ шею, вдыхала ноздрями воздухъ. Тогда его рука нѣжно гладила роскошную гриву, изъ губъ вырывались ласковыя, одобрительныя слова. Какъ онъ восхищался своей Басей! Она стала для него всѣмъ: не только повѣренной его думъ, но и благодѣтельной силой, которая несла его въ сторону счастья...

Юноша находился теперь на краю оврага Копшивянки. Когда онъ остановился, имъ впервые овладѣло непріятное чувство. Отъ его дома было уже далеко, но и до цѣли пу-

тешествія не близко. Рафаилъ подогналъ лошадь. Онъ или объѣзжалъ усадьбы и деревни, или проѣзжалъ ихъ галопомъ, сокращалъ путь, насколько возможно, и, наконецъ, приблизился къ Дерславицамъ. Шумъ деревьевъ и лай собакъ показывали, что они уже близко, но особенно свидѣтельствовалъ объ этомъ огонекъ, сверкавшій между деревьями, внизу. Рафаилъ поѣхалъ шагомъ. Когда глаза, привыкшіе къ темнотѣ, стали различать черный остовъ дома, онъ соскочилъ на землю и свелъ лошадь съ возвышеннаго мѣста внизъ. Бася шла охотно, тихо похрапывая. Остановились они возлѣ каменной постройки. Это была кузница, стоявшая въ аллеѣ вдали отъ усадьбы.

Теперь, ночью, она была совершенно пуста. Передъ дверью было нѣчто въ родѣ портика на двухъ кирпичныхъ столбахъ, куда во время дождя ставили лошадей для ковки. Были тамъ въ углу даже маленькія ясли. Рафаилъ поставилъ туда Басю, заботливо вытеръ ее горстью сѣна и бросилъ цѣлую вязку сѣна въ ясли, къ которымъ привязалъ поводъ. Бася начала съ жадностью ѣсть.

Рафаилъ собрался оставить ее. Нѣсколько мгновеній онъ раздумывалъ и прислушивался. Наконецъ, пошелъ; большими шагами пересѣкъ поперекъ широкую полосу проѣзжей дороги, которая направлялась внизъ между рядами липъ, и направился вдоль забора, окружавшаго огромный садъ. Вскорѣ онъ нашелъ подходящее мѣсто и вошелъ во дворъ. Здѣсь была фруктовая аллея, которая вела къ помѣщичьей усадьбѣ. Низкія плодовыя деревья были покрыты огромными шапками только что выпавшаго снѣга. Рафаилъ долженъ былъ нагибаться, чтобы не стряхивать его. Снѣгъ вился между вѣтвями, во тьмѣ кружились миріады снѣжинокъ. Рафаилъ шелъ наугадъ. Иногда ему казалось, что домъ еще далеко, а иногда,—что онъ остался уже позади. Между тѣмъ, протянувъ руку, Рафаилъ вдругъ коснулся стѣны. Восторгъ охватилъ его душу. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вдоль стѣны и съ отчаяньемъ подумалъ, что уже все кончено и пора возвращаться.

Чего-же еще можно было ждать? Развѣ только несчастья... Но когда мелькнула мысль, что руки его касаются стѣнъ дома, въ которомъ живетъ Елена, можетъ быть, она спитъ теперь за этой стѣной, что онъ на яву, а не во снѣ проходитъ мимо деревьевъ, которыя она завтра увидитъ,—имъ овладѣло безумное волненье. Рафаилъ чувствовалъ безсилье своего разсудка и ничтожество воли... Жадно упивался онъ атмосферой сада. Онъ стоялъ въ частыхъ кустахъ сирени, заслонявшей окна, которыя теперь были наглухо закрыты ставнями. Тутъ-же, рядомъ, была естественная бесѣдка изъ кустовъ орѣшника,

шиповника и дикаго хмеля. Подъ сиреневымъ кустомъ, разросшимся въ толстое дерево, была дерновая скамейка. Вокругъ съ легкимъ шелестомъ падали хлопья снѣга, но внутрь бесѣдки не проникали, такъ какъ на вѣтвяхъ деревьевъ образовалась какъ бы крыша изо льда и снѣга. Рафаилъ глубоко вздохнулъ, остановился возлѣ скамьи и закрылъ лицо руками. Сердце билось у него при мысли, что уже пора идти. Но онъ сдѣлалъ еще два шага за уголъ дома... и вдругъ увидѣлъ свѣтъ, выходившій изъ отверстія ставня, вырѣзаннаго въ видѣ сердца. Свѣтъ падалъ столбомъ и разсѣивалъ темноту. Снѣжные хлопья вились и сверкали въ немъ милліардомъ брилліантовыхъ искръ.

У стѣны дома былъ дерновый выступъ. Рафаилъ ступилъ на него и, тихо шагая по снѣжной пеленѣ, достигъ отверстія въ ставнѣ. Онъ заглянулъ въ него и остолбенѣлъ: въ двухъ шагахъ отъ него сидѣла Елена За маленькимъ письменнымъ столомъ, вытянувшись въ креслѣ, она читала книгу. Восковая свѣча дрожащимъ свѣтомъ заливала ея распущенные волосы, чудный лобъ, прелестное лицо, открытую шею и грудь. На плечи была накинута мѣховая шубка, которую дѣвушка, повидимому, только что надѣла, собираясь ложиться спать. Опущенныя вѣки бросали длинную тѣнь отъ рѣсницъ на бѣлыя щеки. Глаза Рафаила прильнули къ ея полуоткрытымъ губамъ, къ ея лицу, на которомъ чтеніе книги отражало задумчивость. Онъ думалъ, что умретъ подъ этимъ окномъ, что въ немъ, сильномъ и молодомъ, наступаетъ конецъ всему. Его глаза затуманились слезами. И вдругъ явилась рѣшимость. Юноша просунулъ палецъ въ отверстіе ставни и трижды тихо постучалъ въ окно. Вытянувъ руки, дѣвушка откинулась назадъ и нѣсколько мгновеній сидѣла безъ движенія, изумленно глядя на окно. Тогда онъ опять постучалъ три раза. Теперь онъ былъ спокоенъ. Въ сердцѣ чувствовался холодъ. Счастье замерло въ его душѣ. Печальными глазами смотрѣлъ онъ внутрь комнаты...

Свѣтъ погасъ.

Рафаилъ медленно отошелъ отъ окна. Онъ закрылъ глаза и всей душой отдался воспоминаніямъ объ ея комнатѣ, о свѣтѣ, который его ослѣплялъ, о счастьи, которое явилось, какъ сонъ, о невыразимомъ чистомъ восторгѣ, какой только возможно испытать...

Волшебное видѣніе исчезло. Внезапный приливъ слезъ еще разъ сдавилъ его горло. Исчезло даже желаніе видѣть ее, олицетвореніе своего счастья. Пробуждаясь отъ мечты, юноша видѣлъ только, какъ вьется хлопьями снѣгъ, падая на землю, какъ вѣтеръ сдуваетъ его съ крыши, и слышалъ, какъ шуршатъ сухія вѣтки деревьевъ.

Много разъ повторялъ онъ про себя, что уже пора идти... уйти, какъ ночной воръ...

Вдругъ въ тишинѣ раздался скрипъ двери. Первая мысль была, что онъ погибъ: она разбудила прислугу... Но мгновенно въ немъ забилось львиное сердце. Выпрямившись, увѣренными шагами направился онъ впередъ, рѣшившись однимъ ударомъ свалить на землю каждаго, кто вздумаетъ нарушить его мечты. Чего и кого ему бояться послѣ того, что онъ видѣлъ? Какое несчастье могло бы его встрѣтить? Рафаилъ приблизился къ каменнымъ ступенямъ крыльца и, вытянувъ руки, коснулся одного изъ столбовъ, на которыхъ держался навѣсъ; почувствовавъ, что въ дверяхъ стоитъ человѣкъ, онъ вперилъ глаза въ это мѣсто и молча ждалъ. Вдругъ послышался шопотъ, голосъ болѣе тихій, чѣмъ шелестъ вѣтра. По ступенямъ, занесеннымъ снѣгомъ, какъ тѣнь, медленно спускалась Елена. Она приблизилась къ нему. Они обнялись, склонили головы другъ къ другу и пошли молча.

Любовь наполнила и подняла сердца обоихъ. Вокругъ нихъ все сильнѣе бушевала мятель.

Снѣгъ обсыпáлъ ихъ съ головы до ногъ. Возлѣ дерновой скамейки, подъ раскидистой сиренью, они остановились, головы ихъ сблизились и губы слились въ поцѣлуѣ.

Вдругъ дѣвушка отстранилась отъ Рафаила, вслушивалась нѣсколько мгновеній и тихимъ шепотомъ спросила:

— Какимъ образомъ ты попалъ сюда?

— Пріѣхалъ.

— Верхомъ?

— Да.

— Значитъ, такъ, какъ тогда говорилъ во время танцевъ?

— Да.

— Гдѣ же она? лошадь?

— Въ кузницѣ, стоитъ у яслей.

— Одна?

— Одна. Пойдемъ къ ней...

— Нѣтъ, я боюсь, боюсь.

Рафаилъ наклонилъ голову. Губами онъ снова искалъ ея щеки, губы, глаза. Потомъ распахнулъ шубку и прильнулъ губами къ открытой груди. Мягкими руками она отстранила его дерзкую голову; когда же его губы снова коснулись ея лица, она прошептала:

— Усы мокрые...

Дѣйствительно, пушокъ на верхней губѣ юноши былъ покрытъ инеемъ.

— Можетъ быть, слѣдующій разъ пріѣхать безъ нихъ?

— Безъ чего?

— Да безъ усовъ...
— Не нужно.
— Что не нужно?
— Не нужно... и больше ничего!
— Вѣдь они не нравятся?..
— Мокрые... я сказала...

Смѣхъ мѣшалъ имъ говорить. Рафаилъ, насколько возможно, вытиралъ свои „усы". Она помогала ему, отстраняя шелковую шаль, которою была покрыта ея голова. Онъ прильнулъ губами къ ея волосамъ, цѣловалъ ароматные, мягкіе кудри и, когда опять склонился къ груди, уже не встрѣтилъ сопротивленія.

Онъ слышалъ, какъ бьется и стучитъ ея взволнованное сердце. Наконецъ, милыя руки обняли его шею, дорогія, нѣжныя губы впились въ его губы, съ тихимъ, любовнымъ шепотомъ... Все тѣло ея перегнулось, прижалось къ его груди. Рафаилъ обнялъ Елену, съ благоговѣніемъ принялъ ее въ свои объятія, довѣрчивую, тихую, покорную, и испыталъ на мгновеніе невыразимое, неземное счастье. Онъ чувствовалъ въ своей душѣ такую силу, что, казалось, могъ сдвинуть весь міръ до основанія. Эту волшебную минуту вдругъ нарушилъ свистокъ ночного сторожа.

Елена вздрогнула, еще разъ на мгновенье прильнула къ нему; они поцѣловались, пожали другъ другу руки... Дѣвушка исчезла въ темнотѣ. Шумъ ея шаговъ былъ заглушенъ свистомъ вѣтра. Рафаилъ слышалъ еще, какъ она на крыльцѣ разговаривала съ ночнымъ сторожемъ и сзывала къ себѣ собакъ. Но не всѣ пошли къ ней. Нѣсколько собакъ съ лаемъ бросились за Рафаиломъ, который убѣгалъ во весь духъ. Едва-едва успѣлъ онъ добѣжать до лошади, отвязать уздечку и стать въ стремена, какъ онѣ догнали его. Бася бросилась впередъ, какъ стрѣла. Въ нѣсколько прыжковъ она выскочила въ поле и умчалась отъ собакъ. Долго неслась она по невѣдомымъ мѣстамъ. Рафаилъ не управлялъ ея бѣгомъ.

Буря бушевала. По полю неслись тучи снѣга и взлетали выше лошади. Иногда поднимался цѣлый столбъ, нѣкоторое время стоялъ въ воздухѣ и мгновенно разсыпался, какъ куча песку. Вѣтеръ дулъ бѣшенно, точно вырывался со свистомъ изъ какихъ-то щелей. Тьма была непроглядная, страшная, и въ ней носились только бѣловатые клубы. То и дѣло раздавался унылый визгъ мятели и тяжелые вздохи, будто кого-то душили. Вздымались невѣдомыя силы; какія-то мягкія, гибкія тѣла схватывались въ единоборствѣ среди темноты. Казалось, таинственные бойцы сталкиваются грудь

съ грудью; сдавленныя гортани хрипятъ; кто-то умираетъ и напрасно молитъ о пощадѣ.

Лошадь, пущенная свободно, мчалась, какъ вихрь. Ея грива, развѣваясь по воздуху, касалась по временамъ лица Рафаила. Сѣдокъ былъ упоенъ безумнымъ бѣгомъ. Бася дико фыркала. Казалось, ноздри ея вотъ-вотъ разорвуться и хлынетъ кровь.

Она мчалась нѣкоторое время по совершенно невѣдомой равнинѣ. Рафаилъ совсѣмъ не правилъ ею. Но копыта ея стали скользить, и онъ пустилъ ее рысью. Мѣсто было незнакомое: замерзшія болота, поросшія ивнякомъ, въ вѣтвяхъ котораго пронзительно свистѣлъ вѣтеръ. Лошадь еле брела по снѣгу, доходившему чуть не до шеи. Ея ноги стали постоянно скользить и оступаться на льду. Рафаилъ, наконецъ, вспомнилъ, что ѣдетъ безцѣльно и, подчиняясь лошади, удаляется отъ дома. Онъ оглянулся во всѣ стороны: не свѣтаетъ-ли? Но кругомъ была непроглядная тьма. Тогда онъ повернулъ лошадь противъ вѣтра и поѣхалъ умѣренной рысью. Бася бѣжала охотно. Иногда она дѣлала прыжокъ, отступала назадъ, чувствуя передъ собой глубокій оврагъ, не разъ проваливалась и пробивалась черезъ заросли терна и шиповника, шумѣвшія въ ночной тишинѣ, какъ лѣсъ.

Рафаилъ былъ погруженъ въ мечты и только слегка управлялъ лошадью, сообразуясь съ вѣтромъ. Воспоминанія были для него безконечно важнѣе, чѣмъ вопросъ о возвращеніи. Раньше онъ зналъ Елену на „кулигѣ“ и въ костелѣ. Теперь, среди ночной темноты, возсоздавалъ въ своемъ воображеніи сегодняшнюю Елену: ея темно-голубые глаза, глубокіе и гордые, мечтательные и огненные; ея губы...

Вдругъ онъ услышалъ какой-то странный шумъ. Сначала онъ подумалъ, что находится на берегу Вислы, но вспомнилъ, что Висла теперь скована льдами. Бася шла медленно, осторожно, прислушиваясь и тревожно храпя. Вскорѣ Рафаилъ уловилъ среди этого шума трескъ и скрипъ деревьевъ. Онъ подъѣзжалъ къ большому лѣсу. Здѣсь было затишье. Лѣсъ защищалъ его отъ вѣтра. Очевидно, онъ былъ между лѣсомъ и домомъ: такой обширной просѣки не было во всей окрестности.

Громады деревьевъ стонали въ темнотѣ. Слышенъ былъ трескъ буковыхъ стволовъ и свистъ березовыхъ вѣтвей, гнувшихся до земли... Нѣкоторое время Рафаилъ стоялъ передъ этой стѣной невидимой чащи и съ непріятнымъ чувствомъ думалъ, что ему дѣлать, въ какую сторону ѣхать? Ему хотѣлось какъ можно скорѣе предпринять что-нибудь и вернуться къ своимъ мечтамъ. Все равно, лишь бы только добраться до разсвѣта...

Вдругъ Бася шарахнулась въ сторону. Рафаилъ едва удержался въ сѣдлѣ. Въ лѣсу засверкали какіе-то огоньки. Онъ вспомнилъ, что такъ мерцалъ огонекъ въ окнѣ дерславицкой усадьбы, и радость было охватила его. Но быстрѣе молніи эта мечта смѣнилась ужаснымъ страхомъ, который пронизалъ его насквозь. Лошадь, храпя, встала на дыбы, мгновенно повернулась на заднихъ ногахъ, вырвала изъ рукъ сѣдока уздечку и во весь духъ понеслась въ сторону отъ лѣса. Все это произошло такъ быстро, что Рафаилъ не успѣлъ опомниться. Онъ наклонился, оперся руками на луку, вытянулъ ноги и прижалъ ихъ къ бокамъ лошади... По пустыннымъ полямъ Бася мчалась все быстрѣе и быстрѣе. У Рафаила былъ полный ротъ снѣга. Влажные порывы мятели хлестали его по лицу, длинная лошадиная грива била по щекамъ. Вѣтеръ пронизывалъ до костей. Въ этомъ безумномъ бѣгѣ онъ все время слышалъ за собой что-то похожее на чавканье и щелканье зубовъ разъяренныхъ, голодныхъ собакъ.

— Волки за мной...—шепталъ онъ.

Волосы становились дыбомъ и мурашки бѣгали по спинѣ. Тихимъ голосомъ, прильнувъ къ шеѣ лошади, Рафаилъ говорилъ ей на ухо сквозь сжатые зубы:

— Бася, спасай, Бася!..

Лошадь будто понимала. Взапуски съ волками, она мчалась съ поразительной быстротой въ вихрѣ падающихъ хлопьевъ снѣга. Изъ ноздрей ея вырывался рѣзкій свистъ. Вытянутая шея покрылась горячей пѣной. Она неслась, какъ пуля...

Но вотъ Рафаилъ смахнулъ снѣгъ съ глазъ, повернулся на сѣдлѣ и оглянулся назадъ. Онъ увидѣлъ четыре огонька, мелькавшіе гдѣ-то вдали. Напряженнымъ взглядомъ онъ почти различалъ тѣла преслѣдовавшихъ его волковъ. Вдругъ вѣтеръ сорвалъ шапку съ его головы. Рафаилъ наклонился и почувствовалъ, какъ голова его горитъ и точно пламя ползетъ по его шеѣ и спинѣ... Онъ мчался, а отчаяніе сковывало его черепъ. Лошадь перепрыгивала черезъ кусты, черезъ пни... Деревья какъ будто летѣли по сторонамъ со свистомъ, кустарники что-то зловѣще шептали или смѣялись... Иногда Бася вдругъ сворачивала противъ вѣтра, дикими прыжками бросалась въ заросшіе овраги и, напрягая всѣ мышцы, выскакивала оттуда. Иногда она стонала, какъ человѣкъ, иногда какой-то всхлипывающій, нѣжный крикъ вырывался изъ ея губъ. Бывали минуты, когда чавканье волковъ затихало. Въ открытомъ полѣ лошадь опережала волковъ на довольно большое разстояніе, но въ оврагахъ погоня была близка къ ней. Когда до ея ушей долетали

страшные звуки, она мчалась съ удвоенной силой, летѣла, какъ птица, брюхомъ задѣвая пелену снѣга. Рафаилъ потерялъ понятіе о времени. Иногда ему казалось, что онъ летитъ такъ уже цѣлую ночь. Въ головѣ ощущалась тупая, холодная боль. Иногда тьма разверзалась передъ нимъ, и въ воображеніи рисовались хаты, родной домъ... Черезъ мгновенье все опять погружалось въ ужасную, темную бездну. Онъ уже не зналъ, продолжается-ли погоня или нѣтъ.

Вдругъ послышался трескъ. Изъ глазъ Рафаила посыпались искры; онъ перескочилъ черезъ голову лошади, которая грохнулась на землю, и свалился въ глубокій сугробъ. Нѣкоторое время онъ лежалъ навзничь, по шею въ мягкомъ снѣгу, безпомощный и плохо сознавая, чтó произошло. Въ это время пышущее паромъ, волосатое чудовище, съ ужаснымъ сопѣніемъ навалилось на него. Рафаилъ почувствовалъ вонзившіеся въ него когти и клыки. Страшная, огромная пасть впилась въ полушубокъ, прогрызла толстую суконную куртку и, мотая громадной головой, стала трепать его изъ стороны въ сторону. Клыки вонзились въ его тѣло. Точно обухомъ, ударяла его грудь, плечи, руки страшная голова. Движеніемъ отчаянія Рафаилъ схватилъ голыми руками этотъ черепъ за взъерошенную грубую шерсть у самыхъ ушей. Стоя на колѣняхъ въ снѣгу, онъ вступилъ въ единоборство со звѣремъ на жизнь и на смерть. Онъ то попадалъ подъ волка въ объятія его стальныхъ лапъ, то самъ наваливался на него. Въ одно изъ мгновеній, освободивъ руку, онъ кулакомъ нанесъ ударъ волку между глазъ, но попалъ въ открытую пасть, въ самую глотку. Быстрымъ движеніемъ Рафаилъ разжалъ всѣ пальцы и, сильнѣе чѣмъ ястребъ когтями, впился въ пылающую гортань у основанія языка. Онъ сталъ вырывать этотъ языкъ. Волкъ, съ открытой пастью, изогнулся и всѣми четырьмя лапами уперся въ грудь Рафаила. Когтями онъ изорвалъ въ клочья полушубокъ и терзалъ живое тѣло отъ горла до живота. Только толстый ременный поясъ предохранилъ кишки отъ этихъ когтей. Могучая голова рвалась въ конвульсивно сжатыхъ рукахъ Рафаила съ силой предсмертнаго отчаянія. Зрачки дико вращались... Вдругъ юноша вспомнилъ о ключѣ. Воровскимъ движеніемъ лѣвой руки залѣзъ онъ въ карманъ рейтузъ, во мгновенье ока вытащилъ ключъ и схватилъ его по серединѣ. Изо всей силы онъ ударилъ имъ въ лѣвый глазъ волка и увидѣлъ, что глазъ потухъ. Тогда съ удвоенной силой обрушился Рафаилъ на другой глазъ и также выбилъ его. Когда погасли передъ нимъ эти страшные огоньки, онъ началъ бить между ушами, въ темя. Острые концы

ключа вязли между костями носа и головы. Онъ билъ до тѣхъ поръ, пока ключъ началъ на половину погружаться въ волчій черепъ. Рафаилъ чувствовалъ, что черепъ уже раздробленъ. Тогда снизу, остріемъ ключа, онъ началъ бить волка въ брюхо. Кровь хлынула и облила его горячей струей, какъ изъ ушата. Волкъ все еще былъ на немъ, когти лапъ терзали его, но уже все слабѣе и слабѣе. Голова еле моталась. Наконецъ, не переставая наносить удары, Рафаилъ ринулся на волчью тушу, все еще не вынимая изъ пасти правой руки, сжатой, какъ въ судорогѣ. Онъ утомился. Уже безсильными движеніями поражалъ онъ звѣря все болѣе неподвижнаго. Гдѣ-то неподалеку слышалось предсмертное ржанье лошади. Слышались ея предсмертные стоны, какъ будто вопли о помощи, которые пронизывали Рафаила болью до глубины сердца. Онъ слышалъ, какъ другой волкъ разрываетъ ее живьемъ, какъ терзаетъ ея благородную шею, горло, захлебывается въ горячей крови и, чавкая, рветъ на части дорогую грудь. Рафаилъ не рѣшался встать. Рыдая, онъ лежалъ въ горячей лужѣ крови, своей и волка. Изъ послѣднихъ силъ онъ наносилъ еще ударъ за ударомъ. Лапы волка начали безпомощно вздрагивать и, наконецъ, опустились. Рафаилъ приблизилъ лицо къ размозженному черепу и говорилъ:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. За Басю!..

Онъ выхватилъ изъ волчьей пасти руку, какъ изъ огненной ямы. Рядомъ былъ теплый, мягкій трупъ.

Руководимый неясной мыслью, Рафаилъ сжалъ въ рукѣ ключъ и поднялся съ земли. Онъ чувствовалъ смерть вблизи себя и невыразимый холодъ страха. Сердце билось медленно, тяжело, по временамъ замирало. Онъ пошелъ по сугробамъ, жадно хватая воздухъ. Онъ брелъ по снѣгу, спотыкался и часто падалъ. Онъ вскакивалъ съ колѣнъ и дрожащими ногами шелъ, бѣжалъ, убѣгалъ отъ рыдающаго ржанья лошади. Наконецъ, онъ достигъ какого-то дерева, упалъ подъ нимъ, обнялъ руками стволъ и прильнулъ къ нему.

То была одинокая придорожная рябина, до половины занесенная снѣгомъ. Рафаилъ спряталъ ключъ въ карманъ, вскарабкался на нее и сѣлъ между двумя развилинами дерева. Только теперь онъ замѣтилъ и почувствовалъ, что грудь у него открыта и представляетъ одну сплошную рану. Пока онъ лежалъ на волкѣ, — не чувствовалось ни холода, ни боли. Теперь онъ закрылся руками, съежился, прижался къ дереву. Мысли путались, но онъ чувствовалъ чьи-то горячія губы, мягкіе поцѣлуи, сладкій шепотъ, какія-то нѣжныя слова, которыя не хотятъ бѣжать отъ ушей и нельзя вырвать изъ сердца.

Рафаилъ ощущалъ мягкіе, прелестные кудри, полные благоуханія. Душа его была полна мечтой о дѣвушкѣ... Голова безсильно свѣшивалась и упиралась въ ледяную кору вѣтвей. Тяжелыя, какъ свинецъ, вѣки сковала дремота, полная видѣній. Волшебное счастье, несказанное наслажденіе—на шагъ отъ него... Только протянуть руку, только крикнуть... Но руки уже не въ силахъ двинуться. Онѣ распухли и отвердѣли, какъ ледъ. Пальцы не сгибаются. Грудь что-то давитъ. Боль сжимаетъ горло. Безъ силъ, безъ воли, съ закрытыми глазами, онъ спускался по ужасной, тѣсной тропинкѣ въ страну мертвыхъ...

— О, Боже! О, всемогущій Боже!.. — шептали губы, бѣлыя, какъ снѣгъ.

Въ рѣдѣющемъ полумракѣ видны сугробы, сугробы... Сугробы, какъ могилки на забытыхъ, старыхъ кладбищахъ. Снѣгъ взлетаетъ съ земли, и безконечное пустое пространство дымится отъ снѣжной пыли.

Рафаилъ вздрогнулъ.

Почему онъ видитъ поля? Почему видитъ засыпанный снѣгомъ терновый кустъ, каждая игла котораго, каждая вѣтка корчится и стонетъ?

Онъ не сразу понялъ... Уже свѣтало.

Рафаилъ поднялъ голову и началъ осматриваться. Поля! Поля безъ конца! Внезапное рыданіе вырвалось изъ его груди, хлынуло, какъ кровь изъ перерѣзанной артеріи: онъ увидѣлъ Басю. Лошадь лежала на боку, безпомощно откинувъ голову. Волкъ растерзалъ ея брюхо и влѣзъ туда съ головой и передними лапами. Его сѣрое туловище, выпачканное въ крови, высовывалось поминутно, когда онъ вытаскивалъ наружу окровавленныя внутренности. Въ порывѣ безумной, бѣшеной мести, Рафаилъ соскочилъ на землю и большими шагами направился въ ту сторону. Глаза были въ туманѣ, сквозь зубы вырывались ужасныя проклятья. Кулаки были сжаты... Не прошло минуты, какъ онъ уже бѣжалъ въ противоположномъ направленіи. Онъ тащился по пахотѣ, падалъ ничкомъ въ летучіе сугробы, вставалъ и опять шелъ. Съ каждымъ шагомъ раскрывались раны на груди, и засохшая было кровь опять начинала сочиться. Поля, при свѣтѣ, открывались все больше и больше. Рафаилъ съ трепетомъ видѣлъ этотъ свѣтъ. Его тѣло постоянно клонилось къ землѣ. Мысли разбѣгались. Онъ видѣлъ вокругъ себя тысячи призраковъ; по временамъ напрягалъ всѣ силы, чтобы закричать, но только хриплый стонъ вырывался изъ горла. Наконецъ, онъ потерялъ послѣдніе признаки воли; не зналъ уже совершенно, идетъ онъ или стоитъ...

Бѣлый день начиналъ уже гаснуть... Точно темная покрышка неизмѣримой величины, небесный сводъ повисъ надъ землей. Послѣдній разъ полные слезъ глаза отдыхали на послѣдней остававшейся полоскѣ свѣта. Съ безконечнымъ отвращеніемъ вспомнилъ Рафаилъ смердящаго волка...

Вдругъ что-то черное замелькало по снѣгу, медленно приближаясь издалека.. Ни за что не хотѣлъ онъ уже бороться. Нѣтъ, нѣтъ!

Между тѣмъ, черное видѣніе все приближалось, и, наконецъ, Рафаилъ съ удивленіемъ увидѣлъ пару лошадокъ, такихъ маленькихъ, что ихъ большія головы и тощія туловища едва были видны изъ-за сугробовъ. За лошадьми тянулись простыя сани, на передкѣ которыхъ сидѣлъ согнувшійся мужикъ въ большой рогатой шапкѣ и желтомъ полушубкѣ. Вѣтеръ трепалъ гривы и хвосты истомленныхъ, лохматыхъ лошадокъ и засыпалъ ихъ снѣгомъ.

Рафаилъ, стоя на мѣстѣ, кричалъ мужику, но тотъ ничего не слышалъ, потому что шапка у него была надвинута на уши, а голова обвязана тряпками. Послѣднимъ напряженіемъ силъ, вытянувъ руки, Рафаилъ приблизился къ санямъ и поплелся за ними, издавая все болѣе слабые крики. Лошади шли шагомъ, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ оступилась и погибла Бася. Издалека почуявъ волка, лошаденки повернули морды и въ испугѣ остановились. Мужикъ привсталъ на сидѣньи и смотрѣлъ въ даль. Тогда Рафаилъ подползъ къ нему и грохнулся въ сани.

Увидѣвъ полунагого человѣка, съ головы до ногъ испачканнаго кровью, мужикъ съ крикомъ бросилъ возжи, кнутъ и убѣжалъ въ поле. Только, отбѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ опомнился и началъ осторожно всматриваться.

Когда, послѣ продолжительныхъ колебаній, онъ вернулся къ испуганнымъ лошадямъ, то нашелъ Рафаила лежавшимъ поперекъ саней, безъ чувствъ.

Видѣнія.

Огонь весело потрескивалъ въ каминѣ, дымъ клубами выбивался изъ-подъ навѣса и широкимъ, плотнымъ слоемъ прилегалъ къ потолку. Открывъ первый разъ глаза, Рафаилъ увидѣлъ передъ собой рогатую голову коровы, блестящіе, спокойные глаза ея, обращенные въ сторону огня, и толстыя, бѣлыя губы, тяжело жевавшія пищу... Выше, надъ коровой, онъ увидѣлъ небольшое окошко, до того затянутое инеемъ, что оно походило на плитку льда. Въ углу, скрытый дымомъ, кто-то стоналъ на нарахъ и плакалъ грудной ребенокъ.

Рафаилъ слышалъ, что возлѣ камина говорятъ люди, но разсѣянная душа его различала только вой вѣтра. Изба, сбитая изъ кольевъ, досокъ и глины съ пескомъ, дрожала, когда на нее налеталъ порывъ бури. Вѣтеръ билъ, трепалъ ее и кружился вокругъ съ протяжнымъ воемъ. Слышно было, какъ трещатъ стропила и гнутся отъ бури, какъ скрипятъ гонты, какъ визжатъ заржавѣвшіе гвозди, вырываемые изъ своихъ щелей. То и дѣло, шумные взрывы мятели загоняли весь дымъ въ одинъ уголъ хаты или наполняли имъ все помѣщеніе. Но скоро онъ уже выползалъ сквозь щели. Домовой гудѣлъ въ гигантскій гудокъ и, казалось, бросалъ въ оконце сухой песокъ.

Рафаилъ слушалъ.

Онъ быстро, тяжело дышалъ. Кровь стучала въ вискахъ, сердце усиленно билось. Голова его превратилась въ глыбу камня, который падалъ въ раскаленную пропасть. Пугливое крыло видѣній трепетало ежеминутно... Вотъ вьются клубы дыма, а изъ нихъ глядятъ незнакомыя лица, страшные звѣри, огромные пауки съ длинными, какъ жерди, ногами...

Рафаилъ пытался поднять безпомощную голову и беззвучно шепталъ что-то губами. Онъ хотѣлъ заглянуть въ окно, потому что слышалъ, какъ ржетъ Бася, ржетъ... далеко, далеко, среди сугробовъ... Такъ носилась его фантазія въ темномъ пространствѣ, а самъ онъ былъ на порогѣ смерти. Но вдругъ благодѣтельный, спасительный потъ смочилъ, точно водой, его лобъ, руки и ноги. Онъ явился подобно обильному дождю, спасающему отъ смерти сохнущее растеніе.

Сердце забилось тише и отдохнуло.

Всѣ чувства затихли. Наступилъ полный покой...

Рафаилъ слышалъ голосъ, говорившій:

— Одинъ солдатъ изъ нашихъ мѣстъ былъ и въ аду, и на небѣ... Разъ этотъ солдатъ шелъ со службы, а служилъ онъ много лѣтъ нѣмецкому королю. Перешелъ въ бродъ Вислу и долженъ былъ пройти черезъ большіе Голеевскіе лѣса. Ну, хорошо. Входитъ въ этотъ лѣсъ и видитъ: стоитъ старый дѣдъ и проситъ у него милостыню. Солдатъ говоритъ: —„Старичокъ мой, я иду со службы, прослужилъ много лѣтъ и получилъ отъ короля всего три золотыхъ; ну, такъ и быть, дамъ тебѣ одинъ изъ нихъ". А посреди тѣхъ Голеевскихъ лѣсовъ встрѣтилъ онъ другого старика на дорогѣ, и тотъ тоже попросилъ у него. Тогда солдатъ сказалъ ему то-же и далъ второй золотой. И когда уже совсѣмъ выходилъ изъ лѣсу, опять встрѣтилъ старика. Тогда этотъ старикъ встаетъ и говоритъ:—„Чтó-жъ ты, солдатикъ, хочешь получить отъ меня за твои три золотыхъ? Царство Небесное, скрипку, или мѣшокъ?"—„Чтó-жъ это за скрипка, дѣдушка,

что стóитъ даже Царства Небеснаго"?—Есть у меня такая скрипка и такой мѣшокъ, что какъ только крикнешь: „хинай до сьнапсака!"—сейчасъ же получишь все, что захочешь"... Ну, значитъ, солдатъ сказалъ, что лучше хочетъ скрипку и мѣшокъ. И старикъ далъ ему... Вотъ пошелъ солдатъ, шелъ, шелъ, пока, наконецъ, пришелъ въ большой городъ Краковъ. Пришелъ на базаръ и слышитъ, какъ люди говорятъ, что въ этомъ городѣ король построилъ великолѣпный замокъ, но въ этомъ замкѣ никто жить не можетъ, потому что кто только придетъ туда ночевать, сейчасъ останется безъ головы: черти сорвутъ. Король объявилъ, что если найдется такой человѣкъ, который выгонитъ чертей, онъ выдастъ за него свою дочь замужъ. Солдатъ сказалъ, что берется это сдѣлать. Ну, и пошелъ. Усѣлся, положилъ около себя священый мѣлъ, взялъ скрипицу; ни слова не говоритъ, а только играетъ. Пришелъ недобрый часъ! Въ полночь дверь отворяется и къ солдату лѣзутъ двѣнадцать чертей. Солдатъ ничего не говоритъ, а только играетъ, черти же просятъ его танцовать. Онъ говоритъ имъ:—„Не чувствую я желанья, но ужъ если вамъ непремѣнно хочется, то пойду танцовать, только вы, собачьи дѣти, должны мнѣ сначала принести мѣшокъ денегъ". Сатана послалъ нѣсколькихъ чертей, и они принесли мѣшокъ. Но солдатъ говоритъ имъ:—„За такой мѣшокъ не стоитъ мнѣ танцовать съ вами! Принесите еще одинъ". А когда увидѣлъ, что денегъ уже довольно, то какъ заоретъ вдругъ: „хинай, сучьи дѣти, до сьнапсака!" Всѣ черти—бухъ въ мѣшокъ! Тогда солдатъ завязалъ мѣшокъ веревкой, грохнулъ въ него кулакомъ, и всѣ черти обратились въ слизь, только головы остались, и одной такой головы потомъ четыре мужика не могли поднять...

Буря ломилась въ дверь и въ окно, засыпала ихъ хлопьями снѣга. Больного охватывалъ сонъ. Мѣшалъ ему забыться только какой-то далекій, далекій призывъ, слышавшійся въ шумѣ вѣтра... Рафаилъ видѣлъ передъ собой старца съ двумя конями, которые рвались, какъ тигры. Страшный старикъ, съ лицомъ, какъ бы вытесаннымъ изъ песчаника, съ длинными, сѣдыми космами волосъ, расчесанныхъ по обѣ стороны, держалъ ихъ за удила и шелъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Рафаилъ почувствовалъ въ своей рукѣ ремень уздечки, стремя подъ ногой и съ дикимъ восторгомъ вскочилъ на сѣдло. Грудь разрывалась отъ быстраго движенія и слова замирали на губахъ. Онъ наклонился къ призрачной лошади и шепталъ:

— Неси меня, неси...

Онъ не могъ подобрать словъ, не зналъ, что́ нужно сказать. Оба они со старикомъ мчались по полямъ, въ запуски съ

быстрымъ вѣтромъ. Они превратились въ каменныя глыбы, летѣвшія на бѣшенныхъ коняхъ. Руки у нихъ стали толстыя, грубыя, какъ у придорожныхъ статуй, глаза ничего не видѣли...

Какая-же это благодѣтельная сила двинула голову, болѣе тяжелую, чѣмъ камень? Какое могущество пошевелило руки? Слѣпые глаза видятъ...

Сидятъ люди на низкихъ тумбочкахъ, кругомъ камина. Лохматые мужики въ полушубкахъ. Бабы въ шерстяныхъ юбкахъ, однѣ прядутъ, другія щиплютъ перья. Красный отблескъ огня падаетъ на ихъ задумчивыя лица, сосредоточенно вслушивающіяся въ рѣчь стараго мужика.

Согбенный старикъ разсказываетъ:

— Говоритъ мнѣ этотъ Франекъ Дылёнгъ, что у него ружье не выпалило. А тутъ огонь частый, пули свистятъ одна за другой. Тогда я говорю ему тихонько: „Вынь пулю, брось на землю и затопчи ногой въ пескѣ". Но онъ испугался,—увидитъ, говоритъ, капралъ, тогда меня погонятъ сквозь строй.—„Ну, говорю, какъ хочешь!" Огонь все не перестаетъ, а онъ ружье заряжаетъ и заряжаетъ. Вдругъ скомандовали: „Ruht!"—значитъ отдыхъ. Мнѣ фельдфебель позволилъ выдти изъ строя. Я вышелъ, а тутъ какъ разъ въ это время французъ наступилъ, самъ ихъ главный начальникъ напалъ на насъ. Закричали: „давай огня"! Дылёнгъ прицѣлился и выпалилъ. Ружье у него и разорвало. Убилъ и себя, и товарища, который стоялъ возлѣ него. Я возвращаюсь на то мѣсто, гдѣ оставилъ ружье, смотрю,—Дылёнга уже нѣтъ: другой солдатъ стоитъ. Убитыхъ выволокли назадъ. Нашъ рядъ отступилъ, а другіе пришли на его мѣсто. Смотрю,—нашего Дылёнга, хоть отъ него только холодный трупъ остался, растянули на землѣ и здорово колотятъ палками по спинѣ, по животу, по головѣ, для острастки другимъ...

Голова Рафаила снова упала на вязку соломы, покрытую грубымъ холстомъ. Горькія слезы, неизвѣстно откуда взявшіяся, падали изъ глазъ на окровавленный трупъ Дылёнга...

Голоса разговаривавшихъ все удалялись и уже слышались точно за толстой стѣной. Кто-то говорилъ:

— При томъ королѣ мужиковъ хоть на войну не гоняли. Панъ съ паномъ шелъ драться въ далекіе края...

— А ты, мужикъ, издыхалъ у своей пахоты, точно корова или лошадь...

— Такъ и теперь, какъ при томъ королѣ...

Дымъ бурыми клубами валилъ въ избу и носился надъ головами. Поминутно опускался онъ до самаго глинянаго пола...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки по исторіи цензуры.

Очеркъ второй.

(«Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія»).

I.

Настоящій очеркъ посвящается изслѣдованію подробностей другого очень интереснаго, тоже мало до сихъ поръ извѣстнаго и безусловно характернаго момента изъ исторіи русской печати, а именно—негласному „комитету по дѣламъ книгопечатанія", просуществовавшему всего одинъ годъ: съ 24 января 1859 г. до 24 января 1860 г.

Характеръ моей работы, сведенной, по многимъ соображеніямъ, къ ряду хронологически несвязанныхъ непосредственно другъ съ другомъ очерковъ, избавляетъ меня отъ необходимости возстановлять передъ читателемъ время со дня упраздненія бутурлинскаго комитета и до 24 января 1859 г. Это, конечно, не значитъ, что три года, отдѣляющіе оба комитета, не представляютъ серьезнаго интереса съ точки зрѣнія исторіи русской цензуры. Въ свое время мною, можетъ быть, имъ будетъ отведено особое мѣсто. Но въ данную минуту я ограничусь лишь нѣсколькими словами, которыхъ будетъ совершенно достаточно для полнаго и яснаго пониманія всѣхъ деталей настоящаго очерка.

Несомнѣнно, самый фактъ упраздненія комитета 2 апрѣля 1848 г. былъ уже значительнымъ шагомъ впередъ. Прежде всего, это означало желаніе предать забвенію „эпоху цензурнаго террора", *) внести большую законность въ контроль общественныхъ отправленій. Нѣсколько предыдущихъ шаговъ императора Александра II вселили печати надежду на лучшіе дни. Русское общество, перенесшее севастопольскій позоръ, вставало на новую работу. Печать была впереди. Ее часто сдерживали, напоминали

*) Выраженіе составителя оффиціальнаго документа — «Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи».

о томъ, что недавній душный казематъ не забытъ и можетъ быть запертъ при первой надобности,—но всетаки жилось легче, многое не замѣчалось, кое что пропускалось мимо ушей... Если трудно было согласиться съ оптимистами, которыхъ тогда народилось очень много, — то невозможно было всетаки не замѣтить, что прежній, николаевскій режимъ потерялъ уже не одну позицію.

Въ легальномъ положеніи печати, однако, въ первое десятилѣтіе новаго царствованія никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Цензура оставалась тѣмъ же, чѣмъ была, и только отдѣльные ея представители, случайно иногда благопріятно группировавшіеся, да болѣе просвѣщенный министръ—президентъ цензуры—Е. П. Ковалевскій—вносили ту новую струйку, которая нѣкоторымъ казалась уже ни вѣсть какимъ потокомъ... Эта-то струйка и подавала поводъ надѣяться на лучшее будущее.

Князь Вяземскій сказалъ какъ-то на юбилеѣ Ковалевскаго: „какъ писатель, я иногда жаловался на цензуру, но сталъ постоянно бояться ее и на нее жаловаться, когда она поступила въ мое вѣдѣніе. Сначала казалось мнѣ достаточнымъ смотрѣть въ оба глаза за тѣмъ, что печатается; но вышло, что нужны особые два глаза и особыя уши, чтобы слѣдить за читателями, угадывать, какъ прочтутъ они то, что написано, и разслушать разнородныя сужденія доброжелателей и публики. Немногіе даже и между грамотными умѣютъ читать. Есть такіе читатели, которые отъ себя причитываютъ къ прочитанному, такъ что часто эти причитывающіеся проценты превышаютъ самый капиталъ“ *). Тотъ же жалобщикъ на цензуру находилъ теперь, что состояніе литературы и цензуры (въ 1858 г.) „можно почитать переходнымъ“, выдвинутымъ на новую почву. Это и понятно, потому что Вяземскій слишкомъ хорошо зналъ разницу между личнымъ составомъ стараго и новаго цензурнаго вѣдомства.

Но правъ онъ былъ и тогда, когда говорилъ: „круто выпрямить это положеніе и съ одного раза дать ему надлежащее образованіе нельзя. Остается только постоянно слѣдить за уклоненіями этихъ первыхъ непривычныхъ движеній (литературы и цензуры) и, по возможности, удерживать ихъ въ берегахъ благоразумной свободы“ **). Правъ, конечно, съ точки зрѣнія правительства, которое не могло отказаться отъ „береговъ благоразумной свободы“.

Что это были за берега и какъ нешироко было русло текшей въ нихъ свободы, можно видѣть изъ извѣстнаго письма Погодина къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому, посланнаго послѣ неодобренія въ Петербургѣ его статьи во второмъ номерѣ „Паруса“ за 1859 годъ. „Не уступавшій никому

*) «Полное собр. сочиненій», VII, 1882 г., 63.

**) Тамъ-же, 51.

хотя бы на свѣтѣ въ благонамѣренности", Погодинъ выражалъ, между прочимъ, слѣдующія мысли:

„Неужели монополія мысли, чувства, любви къ отечеству, должна принадлежать только извѣстному персоналу, у котораго можетъ иногда встрѣтиться даже очевидный недостатокъ въ мысли, чувствѣ и любви... Если бъ главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ орудіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе чистые русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія".

..."Какъ министръ просвѣщенія, вы лучше всѣхъ должны разумѣть духъ нашего времени и тотъ переворотъ, который произошелъ въ нашихъ понятіяхъ и оцѣнкахъ людей и дѣяній. Какъ министръ просвѣщенія, вы должны знать, какую силу и значеніе со всякимъ днемъ пріобрѣтаетъ слово въ самой Россіи, не только въ Европѣ, съ которою она соединилась не однѣми желѣзными дорогами и электрическими телеграфами, но тѣломъ и душою. Можно-ли писателей нынѣ traiter en canaille? Въ длинной аудіенціи, вы объясните государю, какъ важенъ настоящій частный случай, почему имъ дорожить и воспользоваться должно, сколько любви и довѣренности къ нему прибавится гуманнымъ рѣшеніемъ, отъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества, передовыхъ людей, а не тѣхъ зачерствѣлыхъ, заматорѣлыхъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ—придворныхъ, которые сбиваютъ его съ царскаго пути и ведутъ, слѣпцы... куда?" *).

Этихъ немногихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы имѣть понятіе о цензурѣ первыхъ лѣтъ новаго царствованія: такіе люди, какъ Погодинъ, и тѣ болѣзненно чувствовали ея давленіе.

Какъ же смотрѣлъ на печать въ этотъ періодъ самъ государь? На этотъ вопросъ хорошій отвѣтъ могутъ дать два очевидца эпохи.

Одинъ изъ нихъ писалъ въ Москву: „Въ одинъ изъ четверговъ, въ которые собираются у государя министры, а именно 4 декабря 1858 г., разговоръ между кн. Горчаковымъ и Чевкинымъ склонился къ слѣдующему предмету.

Чевкинъ. Жизнь наша—бурное море; чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

Кн. Горчаковъ. Помилуйте! Что вы говорите! Изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ вонъ, чтобы корабль легко носило по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

---

*) *Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XVI, 352—354.

Государь. Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балластѣ и волнахъ; это очень интересно.

Чевкинъ. Недостаточно выбросить балластъ; надо умѣть войти въ пристань.

Кн. Горчаковъ. Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

Чевкинъ. Этого мало; надобно, чтобы при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

Кн. Горчаковъ. Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ, пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности.

„При этихъ словахъ, государь всталъ и дружески пожалъ руку кн. Горчакову; у Чевкина же затряслись генералъ-адъютантскіе аксельбанты, что и доказало государю дѣйствіе внутренней лихорадки отъ страха достичь до гласности“ *).

Подъ 29 января 1859 г. второй очевидецъ—Никитенко—записалъ: „Назначенный въ Москву попечителемъ Н. В. Исаковъ объяснялся съ государемъ, желая узнать, какому направленію онъ долженъ слѣдовать, особенно въ цензурѣ. „ Я убѣжденъ,—сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима“!— „И я тоже,—отвѣчалъ государь,—только у насъ дурное направленіе“. Въ чемъ оно состоитъ, однако, ни тотъ, ни другой не могли сказать“ **).

Въ этихъ двухъ фактахъ нѣтъ никакого противорѣчія. Очевидно, государь былъ за гласность вообще, но тоже желая видѣть ее въ „берегахъ благоразумной свободы“. Дальнѣйшее уяснитъ намъ просторъ этихъ „береговъ“.

Еще Норовъ, какъ извѣстно читателямъ перваго моего очерка, представилъ, въ мартѣ 1857 г., государю обзоръ литературы съ точки зрѣнія цензуры и просилъ упрощенія ея организаціи и функцій. Александръ II тогда же повелѣлъ заняться этимъ вопросомъ безотлагательно, но при составленіи новаго цензурнаго устава „взять въ основаніе, что разумная бдительность со стороны цензуры необходима“. Ковалевскій продолжалъ начатую Норовымъ работу, поручивъ ее тоже Никитенку. Въ дневникѣ послѣдняго подъ 7 апрѣля 1858 г., т. е. спустя лишь нѣсколько дней съ назначенія Ковалевскаго министромъ, находимъ уже запись: „Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить? Министръ сказалъ, что онъ надѣется на меня“ ***). Подъ 31 мая уже записано: „Запрещено упо-

---

*) Барсуковъ, 345—346.

**) «Рус. Стар.», 1890 г., X, 141.

***) «Руск. Стар.» 1890 г., IX, 587.

треблять въ печати слово *прогрессъ*". Дѣло было такъ: Ковалевскій въ одномъ изъ своихъ докладовъ, говоря о необходимости устраненія кое-какихъ стѣсненій, указалъ на противорѣчіе ихъ съ *прогрессомъ* гражданственности. Государь сдѣлалъ помѣтку: „Что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ" *).

Еще одинъ интересный фактъ. Нашъ берлинскій посланникъ, бар. Будбергъ, прислалъ государю, въ сентябрѣ 1858 г., проектъ объ учрежденіи, по примѣру Франціи, наблюдательно-послѣдовательной цензуры. „Былъ уже по высочайшему повелѣнію назначенъ для разсмотрѣнія проекта и комитетъ изъ кн. Горчакова, кн. Вас. Долгорукова, Т. (родственникъ Никитенка. *М. Л.*), нашего министра и Тютчева. Послѣдній сильно протестовалъ противъ этой двойственности цензуры—„предупредительной и послѣдовательной". Нашъ министръ съ нимъ соглашался.

— Но надобно же,—замѣтилъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій,—что-нибудь сдѣлать, чтобы успокоить государя, котораго сильно озабочиваетъ цензура" **).

Ясно, что при такихъ колебаніяхъ и нерѣшительности литература не могла считать себя хоть сколько-нибудь свободной; была именно только щелка, сдѣланная отдѣльными людьми въ родѣ Ковалевскаго, Исакова, Тютчева и другихъ.

Если затѣмъ мы обратимся къ верхамъ бюрократіи и „высшаго" общества, то и ихъ настроеніе по отношенію къ печати не окажется сколько-нибудь опредѣленнымъ, устойчивымъ.

„Вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ В. Н. Панинъ" ***). Такую характеристику значительнаго бюрократическаго большинства въ самомъ началѣ 1858 г. даетъ Никитенко, самъ приверженецъ „береговъ благоразумной свободы". Подъ 9 мая этотъ свидѣтель эпохи великихъ реформъ констатируетъ силу ультра-консервативной партіи, дѣйствовавшей запретительно на печать, затягивавшей рѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Упомянутый уже гр. Панинъ, занимавшій тогда постъ министра юстиціи, достаточно извѣстенъ за рьянаго охранителя дореформеннаго русскаго строя. Лучшая рекомендація самому себѣ сдѣлана имъ выходомъ въ отставку, благодаря несогласію съ государственнымъ совѣтомъ по вопросу объ отмѣнѣ тѣлеснаго

*) «Матеріалы по исторіи крѣп. права», I, 292; изданіе оффиціальное.

**) *Никитенко*, «Дневникъ», «Руск. Стар.», 1890 г. IX, 610.

***) Тамъ-же, 575—576.

наказанія. Одинъ дневникъ Никитенка даетъ достаточно, чтобы точно опредѣлить отношенія этого мрачнаго крѣпостника къ печати.

„Сегодня у графа Блудова было много говорено о гр. Панинѣ, который пылаетъ такою ненавистью къ просвѣщенію и литературѣ, что безпрестанно предлагаетъ какія-нибудь новыя, стѣснительныя цензурныя мѣры. Напримѣръ: чтобы побудить цензоровъ къ вящшей строгости, онъ предлагаетъ за всякое упущеніе немедленно подвергать ихъ взысканію, а потомъ уже изслѣдовать, точно-ли дѣло стоило такого взысканія. Не значитъ-ли это разсуждать прямо на выворотъ? Это особенно прилично министру правосудія“ *). Разговоръ происходилъ, по всей вѣроятности, по поводу особой записки Панина, поданной въ незадолго передъ тѣмъ учрежденный совѣтъ министровъ. Въ ней указывалось на „опасное“ направленіе литературы; Панинъ боялся,—„какъ бы писатели неблагонамѣренные или слишкомъ самонадѣянные не овладѣли всѣми органами общественнаго мнѣнія и не дали бы ему ложнаго и опаснаго направленія; гр. Панину казалось необходимымъ поддержать писателей благонамѣренныхъ; онъ зналъ, что такіе, т. е. субсидируемые, писатели иногда теряютъ вліяніе свое, но онъ полагалъ, что это бываетъ только тамъ, гдѣ общественное мнѣніе противъ правительства, у насъ же этого не было“ **). Совѣтъ министровъ, совершенно не замѣтивъ крупнаго противорѣчія во взглядѣ на общественное мнѣніе, единогласно пришелъ къ убѣжденію о необходимости противодѣйствовать тому направленію, которое начала принимать литература. Личный составъ министровъ въ это время былъ такой: министръ двора—гр. В. Ѳ. Адлербергъ, иностранныхъ дѣлъ—кн. А. М. Горчаковъ, военный—Н. О. Сухозанетъ, морской—Н. Ѳ. Мѣтлинъ, внутреннихъ дѣлъ—С. С. Ланской, народнаго просвѣщенія—А. С. Норовъ, финансовъ—П. Ѳ. Брокъ, государственныхъ имуществъ—М. Н. Муравьевъ, юстиціи — гр. Панинъ, путей сообщенія — К. В. Чевкинъ, государственный контролеръ—Н. Н. Анненковъ.

Панинъ не былъ одинокъ: у него были выдающіеся по усердію единомышленники. „Панинъ, Брокъ и Чевкинъ, кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы“ — пишетъ Никитенко ***). Побывавшій въ Петербургѣ И. С. Аксаковъ называетъ Панина и Чевкина „злыми собаками“ ****). Насколько эта темная клика была сильна поддержкой, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что очень

*) Тамъ-же, 582.
**) «Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ», III, часть I-я, стр. 125—126; изданіе оффиціальное.
***) «Русск. Стар.», 1890, IX, 580.
****) *Барсуковъ*, XVI, 102.

близкій къ государю великій князь Константинъ Николаевичъ,—„защитникъ и глава партіи всѣхъ мыслящихъ людей, глава такъ называемаго прогресса"—часто не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ панинской партіи.

Выше мы видѣли колебанія самого государя. Вотъ еще фактъ, иллюстрирующій эту внутреннюю борьбу и возможность побѣды иногда свѣжаго человѣка. Смѣнившій Брока А. М. Княжевичъ „испросилъ у государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства" *). Такая мѣра, тогда совершенно новая, конечно, не могла нравиться многимъ изъ остальныхъ министровъ; происхожденіе ея нужно приписать преимущественно случаю, который тогда и доминировалъ вообще въ судьбахъ печати. Самъ Ковалевскій то и дѣло колебался и очень часто поступалъ не такъ, какъ бы слѣдовало человѣку, пользовавшемуся репутаціей безусловнаго прогрессиста. Никитенко испытывалъ эти колебанія гораздо больше многихъ и уже черезъ полгода новаго министерства записалъ: „На дняхъ былъ у меня предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Ѳ. И. Тютчевъ, и жаловался, что министръ на словахъ рѣшитъ одно, а на бумагѣ другое. Да, это опять *норовщина*" **).

Понятно поэтому, что въ нѣдрахъ самаго цензурнаго вѣдомства ультра-консервативная партія имѣла своихъ представителей, поднимавшихъ голову при малѣйшемъ отступленіи своего главнаго начальника. Такъ, когда-то писатель, а потомъ услужникъ цензуры и авторъ небезызвѣстной „философіи цензуры",—О. А. Пржецлавскій, назначенный въ 1853 г. членомъ главнаго управленія цензуры отъ Царства Польскаго, подалъ туда записку, въ которой съ жаромъ возставалъ противъ безпрестанныхъ уклоненій литературы отъ дѣйствовавшихъ правилъ. „Потребность скандала,—писалъ онъ,—удовлетворяемая такъ называемыми обличительными статьями и каррикатурными рисунками, по необыкновенному восторгу, съ которымъ явленія эти принимаются публикою, породила въ свою очередь новый элементъ соревнованія между писателями: *скандалезной популярности*, заявляющей притязанія на благородныя патріотическія цѣли",—этотъ элементъ распространилъ и на самихъ цензоровъ свое вліяніе, подвергая ихъ гнету искусственно возбужденнаго общественнаго мнѣнія.—„Отсюда постепенныя уступки со стороны предупредительной власти, вслѣдствіе которыхъ пасквильная литература достигла теперешнихъ своихъ размѣровъ и степени дерзости" ***).

---

*) *Никитенко*, «Русск. Стар. 1890 г., IX, 590.
**) Тамъ-же, 609.
***) «Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», 1862 г., 119; изданіе оффиціальное «Руск. Стар.», 1875 г. IX.

Въ заключеніе этой главы остановимся на оцѣнкѣ цензуры того періода, сдѣланной другой стороной—самими журналистами. Ихъ отзывы, конечно, діаметрально расходились съ панинскими.

Прежде маленькое замѣчаніе. Въ 1862 г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, обратился къ редакціямъ журналовъ и газетъ съ приглашеніемъ высказаться письменно о состояніи цензуры и желательныхъ въ ней измѣненіяхъ. Журналисты не заставили долго себя ждать. Въ результатѣ нѣсколько „записокъ", въ которыхъ очень многое должно быть отнесено и къ интересующему насъ сейчасъ времени.

Вотъ что писалъ „Современникъ", главными участниками котораго тогда были, помимо редакторовъ издателей Некрасова и Панаева, Чернышевскій, Елисеевъ, М. А. Антоновичъ, А. Н. Пыпинъ и др.

„Нѣкоторыя лица, незнакомыя съ тѣми кругами нашего общества, которые называются либеральными, демократическими, или даже еще болѣе рѣзкими именами, предполагаютъ въ нихъ существованіе систематической оппозиціи правительству. Но такой взглядъ смѣшонъ каждому, кто хорошо и близко знаетъ эти круги, столь сильно подозрѣваемые. Въ людяхъ, выставляемыхъ за демагоговъ, анархистовъ, проникнутыхъ непримиримою враждою къ существующему порядку, наблюдатель проницательный вблизи увидитъ качества, совершенно противоположныя тѣмъ, какія приписываютъ имъ цѣнители, незнающіе, робкіе или неблагонамѣренные. Большинство подозрѣваемыхъ составляютъ люди, не имѣющіе никакого опредѣленнаго направленія, чуждые не только революціонныхъ, но вообще какихъ бы то ни было политическихъ мыслей—люди, не отличающіеся отъ безвредныхъ свѣтскихъ болтуновъ ровно ничѣмъ, кромѣ необходимости, по недостаточности средствъ, изливать свою болтовню не въ однихъ разговорахъ, а также на бумагѣ.

„Конечно, тонъ даютъ литературѣ не тѣ писатели, о которыхъ мы упомянули здѣсь вскользь. Есть писатели, дѣйствительно, имѣющіе твердый образъ мыслей, обдуманныя убѣжденія и глубоко занятые общественными вопросами. До какой степени слѣдуетъ считать опасными этихъ руководителей литературы? Мы не будемъ излагать ихъ образъ мыслей, потому что въ теоретическихъ убѣжденіяхъ они раздѣляются на много группъ: мы говоримъ не по предположенію, а утверждаемъ по близкому личному знанію дѣла, что нельзя найти четырехъ, даже трехъ замѣчательныхъ въ литературѣ людей, которые сходились бы между собою въ теоретическомъ взглядѣ,—если наберется въ русской литературѣ полсотни серьезныхъ писателей, то они распадаются, по крайней мѣрѣ, на тридцать отдѣловъ по образу мысли. Между московскими писателями предполагается больше единодушія, нежели между петербургскими, разрозненность которыхъ простирается до того, что

они даже избѣгаютъ знакомствъ другъ съ другомъ, что извѣстно даже и людямъ, далекимъ отъ литературнаго міра.

„Кто захочетъ сообразить эти указанныя нами обстоятельства: малочисленность людей съ серьезными убѣжденіями въ литературномъ мірѣ и чрезвычайную разрозненность ихъ по различію убѣжденій, тотъ разсудитъ, могутъ-ли они имѣть въ дѣйствительности замыслы противъ правительства, каковы бы ни были ихъ теоретическія мнѣнія. Какъ люди умные, они почли бы дѣломъ, несоотвѣтствующимъ ихъ уму и достоинству, задумывать политическія интриги, которыя не могли бы кончиться ничѣмъ, кромѣ смѣшной и жалкой неудачи. Скажемъ болѣе: близкое и вѣрное знакомство съ настоящимъ состояніемъ нашего общества приводитъ серьезныхъ писателей къ полному убѣжденію, что *только* правительство въ силахъ дѣлать что-нибудь важное; и потому всѣ они имѣютъ очень сильную наклонность быть приверженцами правительства, *дѣйствующаго въ прогрессивномъ духѣ*. Эта наклонность горячо обнаруживается при всякомъ случаѣ, когда правительство совершаетъ какую-нибудь полезную и необходимую реформу".

Это начало „записки" „Современника"; затѣмъ слѣдовали соображенія о цензурныхъ преобразованіяхъ, въ данный моментъ насъ не интересующія, потому что они касались уже эпохи позднѣйшей.

Редакціи: „Отечеств. Записокъ" (А. А Краевскій и С. С. Дудышкинъ), „Руск. Слова" (Г. Е. Благосвѣтловъ), „Времени" (М. М. Достоевскій), „Сѣверн. Пчелы" (Пав. Усовъ), „Русск. Инвалида" (Н. Писаревскій), „Экономиста" (И. В. Вернадскій), „Разсвѣта" (В. Кремпинъ), „Иллюстриров. Листка" (В. Р. Зотовъ) и „Энциклопедическаго Словаря" (П. Л. Лавровъ) подали одну общую коллективную „записку", изъ которой приведу нѣкоторыя выдержки *).

„Какъ ни громки всеобщія жалобы на стѣсненія нашей литературы, какъ ни очевидны несообразности нашихъ цензурныхъ установленій, но едва-ли кто либо изъ правительственныхъ лицъ имѣетъ приблизительное понятіе хоть о сотой долѣ этихъ несообразностей. Произволъ и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагу въ этомъ рядѣ цензурныхъ уставовъ, циркуляровъ и повелѣній, ежедневно нарушаемыхъ самимъ правительствомъ и невозможныхъ для исполненія на дѣлѣ. Если бъ кто сталъ держаться буквально этихъ постановленій, то рѣшительно ни одна строчка не могла бы пройти въ печати, или если бы цензоръ, махнувъ рукой на эти тысячи предписаній, подтвержденій, объясненій и

---

*) «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры», 1862 г.; изданіе оффиціальное.

Фамиліи редакторовъ возстановляю самъ—въ цитируемомъ документѣ онѣ не перечислены.

замѣчаній, сталъ дѣйствовать по личному усмотрѣнію, тогда его произволу не было бы никакихъ границъ.

„Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что исторія человѣческой мысли нигдѣ и никогда не представляла такого жалкаго примѣра цензурныхъ учрежденій, какъ въ настоящее время у насъ, и нигдѣ подъ внѣшней формой закона не скрывалось столько самоуправства, какъ въ нашемъ цензурномъ уставѣ.

„Никто изъ насъ не можетъ утверждать, чтобы „Недоросль“ Фонъ-Визина или „Мертвыя души“ Гоголя, представленныя въ настоящую минуту въ первый разъ цензурѣ, могли пройти въ томъ видѣ, какъ они явились прежде.

„Можно быть увѣреннымъ, что облегченіе цензурныхъ стѣсненій вызоветъ непремѣнно въ рядахъ литературы защитниковъ правительственныхъ мѣръ, тогда какъ теперь, подъ цензурнымъ игомъ, никакой порядочный литераторъ не считаетъ себя нравственно въ правѣ возражать даже сочиненіямъ, написаннымъ съ самымъ крайнимъ увлеченіемъ противъ существующаго порядка вещей“.

Эти слова можно разсматривать какъ прямое возраженіе Панину, предлагавшему систему субсидій. Дальнѣйшее тоже по его адресу.

„Мы убѣждены, что не призракъ свободной мысли долженъ пугать наше правительство, а дѣйствительное отсутствіе знаній и гласности на такомъ огромномъ пространствѣ земли, какъ Россія; не литература опасна, а невѣжество и соединенная съ нимъ глухая оппозиція еще болѣе глухому угнетенію. Мы не знаемъ въ исторіи человѣчества ни одной революціи, которая была бы вызвана свободой печати, но знаемъ много такихъ революцій, наканунѣ которыхъ стѣсненіе прессы возбуждало всеобщія жалобы“ *).

Что касается, наконецъ, русскаго общества, то незначительная еще тогда интеллигенція, въ общихъ чертахъ, думала, конечно, также.

II.

Итакъ, фактъ недовольства правительства печатью былъ несомнѣненъ. Цензурный уставъ былъ, между тѣмъ, въ періодѣ пересмотра и пересоставленія; Ковалевскій не могъ очень спѣшить этой работой, какъ потому, что дѣйствительно она была велика, такъ, вѣроятно, и изъ соображеній чисто тактическихъ: онъ надѣялся, заручившись поддержкой своего друга Княжевича, занявшаго постъ министра финансовъ, привлечь на сторону печати бо̀льшія симпатіи бюрократическихъ верховъ и только тогда войти съ новымъ уставомъ. Но пока этотъ планъ очень медленно могъ приводиться въ исполненіе, люди другихъ воззрѣній не бездѣйствовали...

До ушей Ковалевскаго вдругъ долетаетъ совершенно неожи-

*) Тамъ же.

данное извѣстіе: создается проектъ новаго верховнаго негласнаго комитета и какой же? Бутурлинскій комитетъ уже не пользовался симпатіями: онъ функціонировалъ способами негуманными, въ его практикѣ, кромѣ арестовъ, заключеній въ тюрьмы, ссылокъ и т. п., ничего не было. Воскрешать эту террористическую программу въ то время, когда всѣ не говорили иначе, какъ: „въ наше новое время“, „въ нашъ гуманный вѣкъ“, конечно, было совсѣмъ неудобно. Придумали нѣчто новое, съ виду болѣе прогрессивное: *нравственное, а не административное направленіе литературы, а за ней и общественнаго мнѣнія.*

Первое, по времени, извѣстіе объ этомъ встрѣчаемъ въ дневникѣ Никитенка подъ 12 октября 1858 г.

„Было много говорено (у Ковалевскаго. *М. Л.*) о цензурѣ и о проектѣ составить особенное бюро, которое бы не административно, а нравственно занималось направленіемъ литературы. Я замѣтилъ, что это чистая мечта. Министръ того же мнѣнія, но говоритъ, что нѣкоторые этого желаютъ“ *). Черезъ мѣсяцъ новый слухъ: правительство хочетъ имѣть въ литературѣ свой органъ, который долженъ быть ввѣренъ нѣсколькимъ литераторамъ. Но и тотъ, и другой исходной своей точкой имѣютъ, несомнѣнно, мысль, во-время брошенную гр. Панинымъ“...

Планъ правительственнаго органа мы оставимъ пока въ сторонѣ, чтобы потомъ вернуться къ нему подробнѣе, теперь же будемъ слѣдить за теоріей нравственнаго воздѣйствія на литературу.

Въ одномъ изъ декабрьскихъ своихъ засѣданій совѣтъ министровъ обсуждаетъ уже образованіе новаго учрежденія, цѣль котораго сводилась къ слѣдующему:

„1) Служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ; 2) направлять по возможности новыя періодическія литературныя изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ.

„Предложенное учрежденіе вовсе не должно было имѣть вида цензурнаго установленія: цензура предупреждаетъ и сдерживаетъ литературу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но цензура безсильна дѣйствовать на самое направленіе литературы; новое предполагаемое учрежденіе имѣло цѣлью обратить литературу на полезное поприще, указывая дѣятельности литераторовъ или спеціалистовъ на такіе предметы, по которымъ правительство желаетъ или подготовить общественное мнѣніе, или получить разъясненія, или собрать свѣдѣнія и т. п. Совѣтъ министровъ единогласно призналъ большую пользу отъ подобнаго учрежденія, при чемъ совѣтъ полагалъ, что такое дѣло можетъ быть поручено только лицамъ,

---

*) «Русск. Стар.», 1890, IX, 612.

назначеннымъ по непосредственному усмотрѣнію и полному довѣрію къ нимъ государя императора. Его величество, раздѣляя эту мысль, остановился на слѣдующихъ предположеніяхъ:

„1) лица, которыя будутъ для сего дѣла избраны, состоятъ внѣ всякой зависимости отъ министровъ;

„2) для успѣха ихъ дѣйствій имъ должно быть извѣстно направленіе, которому министры и главноуправляющіе слѣдуютъ или намѣрены слѣдовать въ кругу своихъ обязанностей;

„3) лица эти должны будутъ находиться постоянно въ личныхъ сношеніяхъ съ министрами для безотлагательнаго разрѣшенія могущихъ встрѣтиться недоумѣній. Съ другой стороны, имъ необходимо быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ редакторами главнѣйшихъ журналовъ и замѣчательнѣйшими авторами, *дѣйствуя на нихъ не силою оффиціальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія и пріобрѣтая такимъ образомъ нравственное на нихъ вліяніе*;

„4) имъ предоставляется право поручать разнымъ лицамъ, по ихъ усмотрѣнію, составленіе статей, въ видахъ правительственныхъ, для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ *и въ такомъ случаѣ испрашивать, если сочтутъ нужнымъ, вознагражденіе автору статьи за его литературный трудъ*, *), и

„5) не касаясь распоряженій цензуры, дѣйствующей въ предписанныхъ ей предѣлахъ, означенныя лица, если найдутъ полезнымъ, передаютъ свои замѣчанія по общему ходу литературы министру народнаго просвѣщенія. Могущія встрѣтиться столкновенія съ общею цензурою разрѣшаются тѣмъ же министромъ, если это не превышаетъ его власти, въ противномъ же случаѣ онъ, министръ, представляетъ о томъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

„Указавъ эти главныя начала, государь императоръ изволилъ

---

*) Четыре года спустя, въ 1862 г., министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, доказывая совѣту необходимость дать печати «желательное направленіе и извлекать изъ нея, какъ изъ сильнаго орудія просвѣщенія, пользу, но въ то же время не обращать литературу въ правительственное учрежденіе», предлагалъ, наряду съ другими мѣрами, «поручить ему доставлять полезныя занятія даровитымъ писателямъ, которые иногда живутъ въ бѣдности и, не имѣя возможности жить своимъ трудомъ, обращаются въ лицъ, враждебныхъ правительству». Предложенія Головнина были приняты («Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ», III, ч. 2, 201; изданіе оффиціальное). Двѣсти лѣтъ назадъ къ аналогичнымъ мѣрамъ Петра Великаго привело желаніе видѣть въ иностранной печати панегирики своей реформаторской дѣятельности. Въ извѣстномъ трудѣ г. Пекарскаго—«Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.» находимъ слѣдующія строки: «чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства». (Т. I, 90).

объяснить, что затѣмъ опытъ въ удобствѣ дѣйствій и ожидаемыхъ полезныхъ послѣдствіяхъ можетъ указать основаніе для дальнѣйшаго развитія этого дѣла“ *).

Слѣдовательно, въ концѣ декабря вопросъ о нравственномъ направленіи литературы и кроткомъ ея назиданіи былъ уже рѣшенъ утвердительно.

Инціаторомъ этого „новаго учрежденія“ считается министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ, удостоенный, какъ мы видѣли, вниманія за сочувствіе къ гласности. Горчаковъ, впрочемъ, не самостоятельно придумалъ такое новое въ Россіи средство: какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ не могъ не знать о существованіи аналогичнаго отношенія къ печати въ Пруссіи и Франціи, гдѣ было особое правительственное bureau de presse.

Судя по указаніямъ Никитенка, Горчакову помогалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Н. А. Мухановъ, бывшій съ нимъ въ близкой дружбѣ и пользовавшійся большой благосклонностью молодой императрицы **).

Къ описанному засѣданію совѣта министровъ нельзя не прибавить одну интересную деталь. Ковалевскій сильно противился учрежденію „нравственнаго давленія“ и, уѣзжая въ Москву по дѣламъ службы, былъ успокоенъ, что безъ него ничего не будетъ рѣшено. „Въ Москвѣ онъ пробылъ дней шесть и, возвратясь, засталъ дѣло уже состоявшимся“: совѣтъ безъ него рѣшилъ единогласно. „Все это продѣлано министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ“ ***). Пріѣхавъ и узнавъ о такой дипломатической уловкѣ, Ковалевскій намѣревался подать въ отставку, говорилъ объ этомъ вслухъ, но... остался на посту до іюня 1861 года.

Вскорѣ послѣ принципіальнаго рѣшенія вопроса, новое учрежденіе, не получившее еще оффиціальнаго крещенія и потому никакъ опредѣленно пока не называвшееся, имѣло, однако, уже и личный составъ. Въ него вошли: предсѣдатель—гр. А. В. Адлербергъ 2-й (сынъ министра двора), члены: Н. А. Мухановъ (оставшійся, противно пункту первому высочайшей резолюціи, въ зависимости отъ министра, котораго былъ товарищемъ) и А. Е. Тимашевъ (начальникъ штаба корпуса жандармовъ и управляющій III отд. собств. Е. И. В. канцеляріи) ****).

Сейчасъ послѣ этого „новое учрежденіе“, съ легкой руки Ѳ. И. Тютчева, стало называться „троемужіемъ“, пока туда впослѣдствіи не вступилъ самъ Никитенко. Послѣднее обстоятель-

---

*) «Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ», III, ч. 2, 197—198.

**) «Русск. Стар.», 1890 г. IX, 590, X—180.

***) *Никитенко*, «Русск. Стар.», 1890 г., IX, 624.

****) Главноуправляющимъ III отдѣленіемъ былъ кн. Долгоруковъ, шефъ жандармовъ. Такая организація III отдѣленія установлена въ 1839 г.

ство и побуждаетъ меня пользоваться главнымъ образомъ его „дневникомъ", какъ наиболѣе вѣрнымъ фактическимъ источникомъ очень мало извѣстной исторіи „троемужія".

Вотъ какъ Никитенко характеризуетъ названный личный составъ: „Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!.. Любопытно, какъ попалъ сюда Тимашевъ *). Онъ былъ сперва отвергнутъ. Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли, и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ:—„Такъ какъ,—говорилъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай пріобрѣсти ее". Превосходный предлогъ! " **).

Хорошо освѣдомленный въ теченіяхъ бюрократическихъ и правительственныхъ сферъ, кн. А. Ѳ. Орловъ, предсѣдатель комитета министровъ, говорилъ И. С. Тургеневу, что добивавшіеся основанія „троемужія" имѣли другіе виды: „Они хотѣли присвоить себѣ контрольную власть надъ всѣми министерствами, а литература служила такъ, предлогомъ. Это былъ въ особенности планъ Адлерберга" ***). Есть, значитъ, вѣроятіе предположить, что среди иниціаторовъ учрежденія „троемужія" стоялъ и гр. Адлербергъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что отецъ графа былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ государю, и едва-ли безъ его содѣйствія Горчаковъ и Мухановъ успѣли бы въ своихъ планахъ ****).

---

*) Въ этомъ мѣстѣ стоятъ въ замѣнъ фамиліи три звѣздочки (***), въ другихъ мѣстахъ одна буква Т. Никитенко, а можетъ быть, и редакція «Рус. Старины» при печатаніи его дневника вообще не называли фамиліи живыхъ тогда лицъ. Другіе точные источники позволяютъ вѣрно раскрыть теперь всякія звѣздочки и аналогичные знаки.

**) «Русск. Стар.», 1890 г., IX, 624.

***) Тамъ-же, 625.

****) «Троемужіе», потомъ—«Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія»,—до сихъ поръ очень мало разработанъ въ трудахъ по исторіи цензуры. Но это бы еще ничего, если бы при незначительности отводимаго ему мѣста, всѣ сообщаемыя свѣдѣнія были вѣрны. Къ сожалѣнію, и тутъ происходитъ аналогичное съ бутурлинскимъ комитетомъ. Такъ, г. Усовъ утверждаетъ, что «троемужіе», вѣрнѣе—комитетъ, потому что его начальная фаза г. Усову неизвѣстна—учрежденъ «по почину и по настоянію» А. Е. Тимашева, и даже приводитъ такой разсказъ, который на первый взглядъ кажется убѣдительнымъ для всякаго, незнакомаго съ организаціей III отдѣленія въ 1858—1859 гг. Но, полагаю, вышеприведеннаго достаточно, чтобы считать слова г. Усова ошибочными («Цензурная реформа въ 1862 г.», «Вѣстникъ Европы» 1882 г., V). Г. Скабичевскій въ своей книгѣ—«Очерки исторіи русской цензуры»—составъ комитета («троемужіе» ему тоже неизвѣстно, хотя книга вы-

Для большей ясности прибавимъ нѣсколько штриховъ къ общей характеристикѣ членовъ „троемужія“, сдѣланной Никитенкомъ.

Вотъ что онъ же пишетъ о гр. Адлербергѣ 2-мъ: „Онъ человѣкъ съ умомъ и благородными наклонностями, насколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда“ *). Въ другомъ мѣстѣ: „На графа Адлерберга, кажется, можно будетъ дѣйствовать сердцемъ, на Тимашева—умомъ, а на Муханова ни тѣмъ, ни другимъ, потому что у него нѣтъ ни сердца, ни ума“ **).

Изъ области предусмотрѣнныхъ, какъ мы видѣли, „непосредственныхъ сношеній съ редакторами“ въ практикѣ Тимашева былъ такой оригинальный разговоръ его съ И. С. Аксаковымъ.

„— Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы—намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

„— Какъ?—спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ,—гдѣ они?

„— Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ“ ***).

О Мухановѣ въ „обществѣ“ говорили: „это человѣкъ не глупый, свѣтски образованный, очень пріятный въ обществѣ“ ****).

Болѣе детальная характеристика этихъ лицъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

Наконецъ, 24 января 1859 г. государь подписалъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи негласнаго „комитета по дѣламъ книгопечатанія“.

По словамъ одного оффиціальнаго источника, обязанности комитета сводились къ *„неоффиціальному надзору* за направленіемъ нашей литературы, соотвѣтственно видамъ правительства, какъ въ выходящихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ“ *****). По словамъ другого—къ *„принятію мѣръ* къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“ ******). Разницы по существу тутъ, конечно, нѣтъ: надзоръ предполагалъ уже и соотвѣтственное его осуществленіе.

пущена спустя два года съ опубликованія «дневника» Никитенка) полагаетъ такимъ: гр. Адлербергъ (какой? ихъ было два), А. Е. Тимашевъ и А. В. Никитенко. Какъ видимъ, забытъ Н. А. Мухановъ. Ту же ошибку сдѣлалъ, впрочемъ, и г. Уѳовъ.

*) «Русск. Стар.», 1890 г., X, 168.

**) Тамъ-же, 158.

***) Тамъ же, 141.

****) «Русск Стар.», 1890, IX, 590.

*****) «Проектъ устава о книгопечатанія», 1862 г. I, 55,

******) «Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», 109.

Въ тотъ же день комитету была дана особая инструкція слѣдующаго содержанія:

„Сношенія съ министерствами и главными управленіями для полученія нужныхъ свѣдѣній и объясненій по вопросамъ, до подлежащихъ вѣдомствъ относящихся и обсуживаемыхъ въ печатныхъ статьяхъ.

„Комитетъ, не касаясь цензурныхъ установленій, ни въ чемъ не ограничиваетъ и не измѣняетъ существованія и дѣйствія сихъ послѣднихъ.

„Статьи, составляемыя въ министерствахъ для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ, препровождаются предварительно въ комитетъ.

„Статьи, печатаемыя въ журналахъ по распоряженію сего комитета, подъ рубрикою „Сообщено", какъ исходящія отъ правительства, должны служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

„Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставляемыхъ съ надписью одного изъ членовъ комитета, обязательно для редакцій оныхъ" *).

Какъ видно, эта инструкція является отчасти повтореніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ высочайшей резолюціи въ совѣтѣ министровъ, отчасти дальнѣйшимъ ея развитіемъ. Бутурлинскій комитетъ всячески ограждался отъ возможности быть узнаннымъ; комитету книгопечатанія свою негласность пришлось понять только въ томъ смыслѣ, чтобы не фигурировать оффиціально въ качествѣ учрежденія; полуоффиціальная же гласность была прямымъ результатомъ всей инструкціи, особенно третьяго пункта — оглашавшаго его существованіе для министерствъ, и четвертаго и пятаго,— для редакцій періодическихъ изданій.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣятельности комитета, намъ нужно ознакомиться съ обстоятельствами, усилившими его личный составъ вступленіемъ Никитенка. Это очень характерная сторона для выясненія полной несостоятельности коренного „троемужія".

Подъ 6 февраля Никитенко записалъ:

„Обѣдалъ у нашего министра (Ковалевскаго. *М. Л*). Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что комитетъ наблюденія надъ печатью (Адлербергъ, Мухановъ и Тимашевъ) желаетъ со мною посовѣтоваться насчетъ своего устройства и дѣлъ. Евграфъ Петровичъ не далъ вымолвить мнѣ слова въ отвѣтъ и, взявъ меня за руку, прибавилъ:

„— Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь.

„Я отвѣчалъ, что трудно что-нибудь совѣтовать тамъ, гдѣ

---

*) Тамъ же, 110.

цѣль самаго учрежденія не опредѣлена, или гдѣ она вращается въ безграничномъ кругу.

„— Но вы всетаки не отказывайтесь, явитесь къ нимъ,—сказалъ министръ,—и прочтите имъ лекцію. Вы найдете между ними одного человѣка, понимающаго вещи: это графъ Адлербергъ.

„То же подтвердилъ послѣ и Тютчевъ.

„Въ заключеніе я сказалъ, что пусть они назначатъ время, и я къ нимъ явлюсь.

„Говорилъ со мною еще и товарищъ нашего министра, Мухановъ, намекая на что-то, что я услышу отъ министра.

„Мухановъ пользуется милостью двора, но въ публикѣ онъ извѣстенъ, какъ человѣкъ пустой. Нынче я говорилъ съ нимъ въ первый разъ и, проговоривъ съ четверть часа, подумалъ, что общественное мнѣніе врядъ-ли ошибается на его счетъ. Онъ говорилъ избитыя общія мѣста, но съ видомъ высокаго уваженія къ себѣ и къ своимъ словамъ.

„Между тѣмъ, комитетъ, какъ я и опасался, грозитъ превратиться въ новый „негласный", а судя по людямъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, изъ него выйдетъ гласная и чудовищная нелѣпость" *).

Черезъ двѣ недѣли Ковалевскій призвалъ Никитенко для объясненій.

„Я явился къ нему въ часъ.

„— Дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати,—сказалъ мнѣ министръ, — приняло серьезный и щекотливый оборотъ. На это изъявилъ свое желаніе государь, и теперь я вамъ это передаю именно какъ его желаніе, о которомъ мнѣ сообщилъ графъ Адлербергъ.

„— Да,—отвѣчалъ я, — это дѣйствительно ставитъ меня въ большое затрудненіе. Я готовъ на всякій трудъ, который давалъ-бы хоть тѣнь надежды на пользу дѣла, столь дорогого для меня, какъ наука и литература. Но у этого комитета нѣтъ почвы, если онъ, какъ говорятъ его члены, созданъ для нравственнаго наблюденія надъ литературою, и тутъ не на чемъ стоять. Если же онъ долженъ превратиться въ негласный комитетъ, то почва его грязная, и я не хочу на ней выпачкаться.

„Мы долго еще объ этомъ толковали и, наконецъ, я обѣщался Евгр. Петровичу попытаться, нельзя-ли дать всему этому дѣлу по возможности благопріятный оборотъ.

„Пока мы разсуждали, пріѣхалъ Мухановъ. Тутъ у меня завязался съ нимъ отдѣльный разговоръ.

„Мухановъ старался доказать, что комитетъ не имѣетъ никакихъ ретроградныхъ намѣреній; что въ немъ ничего нѣтъ похо-

---

*) «Русск. Стар.», 1890 г., X, 144—145.

жаго на комитетъ 2-го апрѣля; что государь слишкомъ далекъ отъ подобнаго учрежденія" *).

23 февраля Никитенко былъ приглашенъ въ комитетъ и увидѣлъ „троемужіе" полностью.

„Принятъ я былъ крайне вѣжливо, особенно гр. Адлербергомъ. Я рѣшился открыто высказать имъ, какъ мои убѣжденія, такъ и взглядъ мой на комитетъ, дабы они сами могли рѣшить, могу-ли я участвовать въ дѣлахъ ихъ. Они слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ. Я говорилъ имъ, какое невыгодное мнѣніе составила себѣ публика о комитетѣ; что она считаетъ его комитетомъ 2-го апрѣля; что я, съ своей стороны, полагаю этотъ послѣдній совершенно невозможнымъ въ настоящее время и думаю, что ихъ комитетъ не можетъ быть гасительнаго и ретроградного свойства; *что его единственно возможное назначеніе—быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи* **).

„Они торжественно подтвердили мой взглядъ.

„Я изложилъ имъ также мои политическія вѣрованія. Я полагаю необходимымъ для Россіи всякія улучшенія, считая главными началами въ нихъ: гласность, законность и развитіе способовъ народнаго воспитанія и образованія, или, говоря модными словами, я вѣрую въ необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ *сломя голову*, который часто проскакиваетъ мимо цѣли; и другой—*умѣренно, постепенно*, но вѣрными шагами идущій къ цѣли; я поборникъ послѣдняго—и неуклонный.

„Все это они приняли очень хорошо. Затѣмъ я сказалъ, что если бы мнѣ пришлось участвовать въ комитетѣ, то не иначе, какъ съ правомъ голоса.

„Это ихъ смутило. Мухановъ замѣтилъ, что такъ какъ государь уже утвердилъ положеніе комитета и составъ его, то трудно внести въ него новое начало. На это я возразилъ, что другой характеръ, характеръ дѣлопроизводителя бюрократическаго, для меня невозможенъ, ни по положенію моему, ни по убѣжденію.

„Положено было, чтобы я составилъ записку въ духѣ того, что говорилъ, и въ четвергъ принесъ бы ее съ собою. Тѣмъ засѣданіе было кончено.

„Сегодня, въ четвергъ, я прочиталъ имъ мою записку, гдѣ тѣ же идеи изложены подробнѣе. Распространившись о томъ, что

---

*) Тамъ же, 148—149.

**) Курсивъ мой. Обращаю вниманіе читателя на эти слова Никитенка— они будутъ нужны немного ниже. Нельзя также не замѣтить, что конечно, комитетъ долженъ былъ согласиться съ нимъ — повторена была мысль его основателей.

литература вообще не имѣетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, я стоялъ на томъ, что подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ; что для нея вполнѣ достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ; что стѣснять литературу посредствомъ правительственныхъ *мѣропріятій* невозможно и не должно, и что комитету слѣдуетъ развѣ только, по волѣ государя, наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять къ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе.

„Я забылъ сказать, что въ понедѣльникъ еще, послѣ моихъ объясненій въ комитетѣ, я поѣхалъ къ министру и сообщилъ ему, что требую права голоса въ комитетѣ. Онъ совершенно это одобрилъ и убѣждалъ меня принять на этомъ условіи мѣсто директора-правителя дѣлъ, такъ какъ съ этимъ правомъ я несомнѣнно буду въ состояніи дѣлать добро. Онъ сказалъ мнѣ тоже, что въ воскресенье, на балѣ, говорилъ съ государемъ обо мнѣ и указывалъ на меня, какъ на лицо, которое, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ дѣйствовать съ пользою въ комитетѣ. Государь обратился къ Адлербергу и сказалъ: „Слышишь, Александръ?“ Министръ и прежде, при самомъ образованіи комитета, предлагалъ меня въ члены, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, П. А. Плетневымъ и Егоромъ Петровичемъ Ковалевскимъ, братомъ своимъ.

„Записка моя, послѣ всего, была принята, и завтра пойдетъ докладъ къ государю“ *).

1 марта Никитенко получилъ бумагу о высочайшемъ утвержденіи его въ должности директора-дѣлопроизводителя комитета по дѣламъ книгопечатанія. Государь остался очень доволенъ его запиской и пожелалъ, чтобы онъ ему представился. 11 марта представленіе состоялось.

— „Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ мнѣ государь съ невыразимою любезностью.

„Я поклонился и ожидалъ, что его величеству еще угодно будетъ мнѣ сказать. Онъ продолжалъ:

— „Я съ вниманіемъ и съ удовольствіемъ читалъ вашу записку. Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ.

— „Это, ваше величество,—отвѣчалъ я,—конечно, есть единственный путь, которымъ можно идти къ величію и благоденствію Россіи. Употреблю всѣ силы мои для служенія этому дѣлу“.

— „Есть стремленія,—продолжалъ государь,—которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы,

*) Тамъ же, 149—150.

чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики.

„Государь особенно налегъ на словѣ политика.

— „Государь,—отвѣчалъ я,—осмѣлюсь сказать, основываясь на продолжительныхъ моихъ наблюденіяхъ и опытѣ, что лучшіе и, слѣдовательно, имѣющіе наиболѣе вліянія умы въ литературѣ не питаютъ никакихъ враждебныхъ правительству замысловъ. Если встрѣчаются какія-нибудь въ этомъ родѣ ошибки и заблужденія, то развѣ только въ немногихъ еще шаткихъ и неопытныхъ умахъ, которые не заслуживаютъ исключительнаго вниманія.

— „Не надо думать,—замѣтилъ государь,—что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики.

— „Моя роль, какъ я ее понимаю, ваше величество, быть примирителемъ обѣихъ сторонъ.

— „Опять повторяю,—сказалъ еще государь,—что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ мои виды, то, не смотря на трудности, можетъ всетаки что-нибудь сдѣлать.

„При словахъ: „если комитетъ понимаетъ мои виды", государь значительно взглянулъ на графа А. В. Адлерберга.

„Было сказано еще нѣсколько словъ объ изданіи предполагаемой правительственной газеты, а затѣмъ государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и чрезвычайно ласково проговорилъ: „постарайтесь!" поклонился и оставилъ меня" *).

Такимъ образомъ, „троемужіе", обращенное въ комитетъ, пополнилось четвертымъ членомъ, которому не мало пришлось поработать на новомъ поприщѣ „общественной",—какъ все время былъ убѣжденъ Никитенко—дѣятельности.

Эта „общественность" настолько интересна, что я позволю себѣ остановиться на одномъ мѣстѣ „дневника" директора-дѣлопроизводителя комитета, гдѣ особенно ярко подчеркнута именно эта сторона новаго негласнаго блюстителя литературной нравственности.

„Жребій брошенъ. Я на новомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но нехорошо, нечестно было бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ; возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вожделѣнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь. Во всякомъ случаѣ, я твердо намѣ-

*) Тамъ же, 156—157.

ренъ до послѣдней крайности противиться мѣрамъ стѣснительнымъ. Но въ то же время, я убѣжденъ, что и литература, въ данную минуту, не можетъ, не должна расторгнуть всякую связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное ему положеніе. Если я правъ, то необходимо, чтобы кто-нибудь изъ насъ явился представителемъ этой связи и взялъ на себя роль, такъ сказать, связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ.

„Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что на дѣла подобнаго рода надо смотрѣть широкимъ государственнымъ глазомъ; что комитету не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературою, ни съ чѣмъ: онъ не партія, а общественный дѣятель; что не слѣдуетъ раздражать умы; что на немъ, комитетѣ, большая отвѣтственность передъ Россіею, государемъ и потомствомъ, и что въ силу этой отвѣтственности онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ литературныхъ дрязгахъ, а смотрѣть дальше и видѣть въ литературѣ общественную силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу. Если же съ этимъ добромъ соединяются также и неизбѣжные спутники всѣхъ человѣческихъ дѣяній—ошибки, заблужденія, увлеченія, то ихъ ослаблять слѣдуетъ не гнетомъ на самое добро, а разумнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Можетъ быть, удастся, нѣтъ—такъ не я первый, не я послѣдній изъ обманувшихся въ чистыхъ намѣреніяхъ. Долгъ мой будетъ исполненъ“ *).

По тому времени Никитенко считался вполнѣ образованнымъ человѣкомъ; общество, въ которомъ онъ вращался, было, несомнѣнно, верхомъ интеллигенціи бюрократическаго оттѣнка, часто съ примѣсью ужъ безусловно прогрессивнаго элемента: есть указанія о его общеніи съ Чернышевскимъ, напримѣръ. Поэтому, если онъ былъ убѣжденъ въ общественномъ характерѣ своей новой службы, то это до нѣкоторой степени иллюстрируетъ тогдашнія понятія вообще объ общественности. Ниже мы увидимъ, насколько прогрессивный элементъ расходился съ Никитенкомъ въ номенклатурѣ происходившихъ явленій и событій, теперь же намъ полезно понять точку зрѣнія его самого. Итакъ, комитетъ—*общественный дѣятель*... Какъ мы видѣли, „троемужіе“ вполнѣ одобряло такое опредѣленіе своего значенія; одобряло уже потому, что, дѣйствительно, еще больше Никитенка, было увѣрено въ правильности его. Не доносить, не инквизиторствовать—значитъ быть уже не абсолютнымъ слугою правительства, а посредникомъ между нимъ и обществомъ, ergo—общественнымъ дѣятелемъ. Логика очень своеобразная... Только спустя полгода комитетъ понялъ, что тутъ есть натяжка, но и тогда приписалъ свои неудачи на себѣ, а тому же обществу, которое

---

*) «Русск. Стар.», 1890, X, 150—151.

Въ невѣжествѣ своемъ,
Какъ камень въ морѣ, утопало.

III.

Какъ же отнеслось общество къ своему негласному „воспитателю?“

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно вполнѣ опредѣленно, хоть и не особенно подробно, потому что комитетъ всетаки не былъ тѣмъ учрежденіемъ, которое функціонировало у всѣхъ на виду.

Уже самая встрѣча, которая была оказана „троемужію“ „Русскимъ Вѣстникомъ“ Каткова не обѣщала ничего благопріятнаго со стороны общества.

Вотъ что находимъ въ „Современной Лѣтописи“ второй декабрьской книжки, датированной цензурой 11 января 1859 г., въ статьѣ „Политическое обозрѣніе“.

„Въ Берлинѣ существуетъ центральный комитетъ прессы, который, кромѣ редакціи оффиціальнаго журнала, служащаго органомъ министерству, занимался составленіемъ и разсылкою корреспонденцій и статей въ провинціальныя газеты и вообще имѣлъ своею задачею руководствовать направленіемъ журналистики. Если провинціальная газета отказывалась помѣстить присланную статью или принять навязаннаго сотрудника, то она подпадала подъ дѣйствіе 71 статьи закона о промышленности, то есть у редакціи можно было отнять позволеніе издавать журналъ. Теперь правительство ясно поняло нелѣпость такого учрежденія и убѣдилось въ безполезности и беззаконности подобнаго насилія, оно отняло у комитета это вредное и безнравственное назначеніе. Правительство отказалось также платить и выдавать субсидіи разнымъ журналамъ, которые за это обязывались говорить въ духѣ правительства.

„Кто не порадуется этой мѣрѣ прусскаго правительства, отмѣняющей одно изъ самыхъ губительныхъ проявленій административной опеки? Подкупать мысль, насиловать убѣжденіе—что можетъ быть губительнѣе, какъ для общества, такъ и для самого правительства? Мудрено-ли, что при такомъ недостойномъ и безнравственномъ учрежденіи, общественное мнѣніе въ Пруссіи было такъ болѣзненно и хило, мудрено-ли, что тамъ создались изъ ничего разные мрачные элементы, столько же опасные порядку, сколько и свободѣ. Скажите, гдѣ найдетъ себѣ опору порядокъ, если систематическимъ подкупомъ и насиліемъ будутъ отравлены всѣ источники общественнаго мнѣнія, будетъ убита мысль, будетъ осквернена святыня убѣжденія? Подозрѣвали ли многомудрые основатели этой системы въ Пруссіи, что они подрывали этимъ всѣ основы общественнаго порядка, что они заражали самою опасною язвою организмъ народа, что они болѣе всякихъ революціонеровъ ко-

лебали то, что брались охранять? Къ счастью, эта позорная система не могла распространиться въ Пруссіи слишкомъ далеко и ограничивалась лишь провинціальною ежедневною журналистикою. Но, спрашивается, къ чему было подкупать и насиловать эти несчастныя провинціальныя газеты? Получало ли правительство, въ замѣнъ неизбѣжнаго зла, которымъ заражало общество, хоть какую-нибудь временную пользу, когда, всею силою своего авторитета, вносило развратъ и безчестную ложь въ умственное дѣло? Какая радость была ему оттого, что общество переставало вѣрить въ чистоту мнѣній? Какая радость для охранительныхъ началъ, когда каждое слово, сказанное въ ихъ пользу, публика привыкаетъ понимать за презрѣнную корыстную ложь? Вѣрнѣйшій способъ погубить какое-либо начало въ убѣжденіяхъ людей, лучшій способъ подорвать его нравственную силу—взять его подъ оффиціальную опеку. Наконецъ, не всякому ли здравому уму понятно, что система лжи и подкуповъ не можетъ привести ни къ чему доброму? Правительство, не входя ни въ какія унизительныя и частныя сдѣлки съ литераторами и журналами, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе и гораздо достойнѣе, предлагая литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе тѣ или другіе административные, политическіе или финансовые вопросы, и вызывая всѣ лучшіе умы въ обществѣ содѣйствовать ему въ ихъ разъясненіи“ *).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическій обозрѣватель журнала потому и остановился на этомъ фактѣ, потому и далъ ему соотвѣтствующую оцѣнку, что былъ уже освѣдомленъ о намѣреніяхъ петербургскихъ сферъ. Возможно даже предположить, что этимъ мѣстомъ своего читаемаго въ Петербургѣ журнала Катковъ хотѣлъ предупредить правительство о возможныхъ послѣдствіяхъ принципіально рѣшеннаго уже къ тому времени опаснаго шага.

Но шагъ былъ сдѣланъ. Тогда въ „политическомъ обозрѣніи“ „Современной Лѣтописи“, пользуясь опять-таки подходящимъ фактомъ изъ европейской жизни, журналъ снова дѣлаетъ рѣзкій вызовъ.

Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, Делангль, разослалъ префектамъ нашумѣвшій циркуляръ о внушеніи всѣмъ и каждому, а писателямъ преимущественно—надлежащихъ убѣжденій; предписывалось озаботиться, чтобы редакторы политическихъ журналовъ и газетъ прониклись духомъ рѣчи Наполеона III и говорили такимъ же языкомъ, прославляя и миръ, и войну, но чтобы тѣмъ не менѣе слова ихъ способны были возбуждать надлежащій энтузіазмъ въ умахъ и отвлекать послѣдніе отъ вульгарныхъ интересовъ...

Снова политическій обозрѣватель встаетъ за свободу печати,

*) Стр. 441—442.

снова клеймитъ вмѣшательство въ свободу убѣжденій развратомъ и растлѣніемъ.

„Но, скажутъ, почему же оффиціальное вмѣшательство въ личную мысль и въ общественное мнѣніе должны непремѣнно сопровождаться развратомъ и растлѣніемъ? Почему мыслящіе люди должны испортиться, если правительство захочетъ приближать ихъ къ себѣ, давать имъ направленіе, соотвѣтственное благимъ его видамъ, внушать имъ достодолжныя чувствованія и похвальныя рѣчи? Почему каждый писатель непремѣнно долженъ на все смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ правительство, почему не можетъ онъ съ полною искренностью идти за одно съ нимъ, мыслить, чувствовать одинаково! Почему нѣтъ? Но для полной искренности надобно каждому оставить его свободу, а безъ полной искренности все будетъ гибельнымъ развратомъ, разрушительнымъ, тлѣніемъ. Правительство, одушевляемое истинно благими намѣреніями, правительство сознательное и просвѣщенное не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы-бы ни были люди, никто, безъ тяжкаго грѣха передъ богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью, не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины; правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу или слабость на чредѣ власти: отъ чего же изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ, на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу? Развѣ лучше систематическая односторонность, развѣ лучше, вмѣсто разумнаго и свободнаго убѣжденія, стукаться лбомъ о матеріальныя препятствія и приходить въ чувство отъ иноземныхъ увѣщаній, подкрѣпляемыхъ краснорѣчіемъ пушекъ и штыковъ, какъ это приключается теперь съ Австріей? Пусть, наконецъ, правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ—это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы, иначе оно ошибется въ разсчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умственному разврату, нравственному растлѣнію.

...„Отчего въ нѣкоторыхъ странахъ съ понятіемъ *казеннаго* соединяется такъ много нехорошаго, отчего это почтенное слово потеряло всякій кредитъ и означаетъ все, что мертво и мертвитъ? Гдѣ казна знаетъ свое истинное дѣло и занимается имъ однимъ, тамъ этого нѣтъ, тамъ она пользуется должнымъ уваженіемъ, тамъ народное чувство не пугается *казеннаго* и не соединяетъ съ этимъ эпитетомъ обиднаго значенія. Но отвлекаясь отъ своего

дѣла и путаясь во всевозможныя дѣла, казна становится и безсильна и вредна, и смѣшна; отваживаясь на несвойственные ей пути, она роняетъ себя и вредитъ всему прочему, она пріучаетъ смотрѣть на себя какъ на что-то докучное, излишнее, отяготительное, наконецъ, положительно вредное, положительно гибельное. Къ чему же можетъ вести это?

..."Пусть наемные риторы твердятъ что угодно въ своихъ журналахъ,—никто не приметъ ихъ словъ за выраженіе общественнаго мнѣнія; свободные и честные органы будутъ хранить молчаніе, потому что они не захотятъ чувствовать и мыслить по командѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы мыслили и чувствовали заодно съ правительствомъ. Но отнять у общественнаго мнѣнія свободу выраженія еще не значитъ измѣнить его элементы, перестроить его основы на свой ладъ и по своему изволенію. Эти элементы, эти основы останутся во мракѣ и будутъ дѣйствовать во мракѣ. Думать, что все неблагопріятное намъ исчезнетъ, если мы зажмуримъ глаза и заткнемъ себѣ уши, не наивное-ли это ребячество? А все говорятъ, что наше время не наивно!" *)

Вотъ какъ былъ встрѣченъ комитетъ по дѣламъ книгопечатанія. Изъ всѣхъ журналовъ "Русскій Вѣстникъ" оказался самымъ смѣлымъ въ выраженіи своего негодованія. Гораздо болѣе сдержанную статью помѣстилъ "Современникъ", ставшій какъ разъ съ 1859 г. журналомъ не только литературнымъ, но и политическимъ. Приведя приказъ Делангля, политическій обозрѣватель не снабдилъ его сколько-нибудь сильными комментаріями. Другіе органы или совсѣмъ не обратили вниманіе на этотъ фактъ, или ограничились только простымъ его констатированіемъ. Конечно, это не даетъ права премировать смѣлость "Рус. Вѣстника"—все зависѣло отъ цензоровъ, навѣрное, лишившихъ нѣкоторые органы возможности сколько-нибудь освѣтить французскій циркуляръ; вѣроятно и "Современнику", бывшему и тогда подъ особымъ наблюденіемъ, не дали сказать всего.

Отповѣдь Каткова была принята въ Петербургѣ очень сурово. Доведенная до государя, она повлекла за собою прежде всего распоряженіе министра народнаго просвѣщенія отъ 28 февраля 1859 г.:

"1) Текущія политическія *извѣстія*, какъ въ ежедневныхъ газетахъ, такъ и въ недѣльныхъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ. 2) Политическія *обозрѣнія* и *статьи* въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, хотя и должны быть составлены по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, разсмотрѣнныхъ цензурою министерства ино-

*) «Русск. Вѣст.», 1859 г., февраль, книжка первая, 246—248.

странныхъ дѣлъ, но какъ въ подобныхъ статьяхъ и обозрѣніяхъ можетъ проявляться собственный взглядъ автора, иногда противный политикѣ нашего правительства, то для устраненія всякихъ неумѣстныхъ сужденій и намековъ, разсматривать эти обозрѣнія и статьи въ полномъ засѣданіи московскаго цензурнаго комитета, и съ разрѣшенія его дозволять печатаніе оныхъ; въ случаѣ же какого либо недоумѣнія или сомнѣнія комитета, представлять эти статьи и обозрѣнія г. министру народнаго просвѣщенія, для передачи ихъ, если онъ признаетъ это нужнымъ, на окончательное разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ" *).

Но этимъ дѣло не кончилось. Попечитель московскаго учебнаго округа получилъ слѣдующее предписаніе отъ министра народнаго просвѣщенія:

„Во 2-й декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за истекшій 1858 г. въ „политическомъ обозрѣніи", на стр. 441 и 442, разсказывается о существующемъ въ Берлинѣ центральномъ комитетѣ прессы, котораго назначеніе—руководствовать направленіемъ журналистики и который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провинціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежденіемъ этого комитета, авторъ статьи „Русск. Вѣстника" отвергаетъ право всякаго правительства на какое бы то ни было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, политическіе и финансовые вопросы. Вся статья пропитана духомъ озлобленія и протеста и выражаетъ конституціонныя стремленія въ сочинителѣ статьи. Подобныя тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе появились въ 1-й февральской книжкѣ 1859 г. „Русск. Вѣстника" въ „Современной Лѣтописи". Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ для проведенія въ публику своихъ видовъ ведетъ къ умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая декларація въ виду учрежденнаго у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія, не можетъ не имѣть значенія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства правительства въ дѣла литературы и слѣдственно носитъ на себѣ отпечатокъ противодѣйствія распоряженіямъ его.

„Покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать выговоръ цензорамъ ст. сов. Драшусову и надв. сов. Гилярову-Платонову, одобрившимъ къ печати означенныя журнальныя книжки, а также внушить редактору „Русск. Вѣстника" все неприличіе, всю непозволительность какъ вышесказанныхъ статей, такъ и

*) «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.», 441—442; изданіе оффиціальное.

господствующаго въ „Совр. Лѣтописи“ его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей), не соотвѣтствующаго началамъ нашего государственнаго устройства, духа и направленія и предостеречь его, что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры“.

Очевидно, Ковалевскій далъ это предписаніе подъ давленіемъ комитета по дѣламъ книгопечатанія, которому онъ вовсе не сочувствовалъ.

Но этими мѣрами общественное мнѣніе не убѣждалось въ иномъ значеніи „троемужія“. Мы уже видѣли, что самъ Александръ II зналъ о несочувствіи общества. Аналогичныхъ показаній много. Общество не могло не понимать, что всякое лишнее звено въ сложной цѣпи цензурнаго вѣдомства, не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ давленіемъ, новыми оковами.

Мих. Лемке.

(Окончаніе будетъ).

* * *

И день, и ночь въ душѣ моей,
Какъ въ морѣ, буря и тревога...
Напрасно я молю у Бога
Забвенія людскихъ скорбей.
Печаль чужая грудь мнѣ давитъ,
Тяжелый стонъ тревожитъ слухъ,—
И душу безпокойный духъ
Ни на минуту не оставитъ.
И стала жизнь мнѣ тяжела:
Тоска всѣ чувства отравила,—
Она мечту мою убила
И въ сердцѣ тучей залегла...
Напрасно я молю у Бога
Забвенія людскихъ скорбей,—
И день, и ночь въ душѣ моей,
Какъ въ морѣ, буря и тревога!

Н. Шрейтеръ.

миссію продажу фабричныхъ остатковъ, что помогло бы ей воспитать изъ дѣтей хорошихъ гражданъ краю.

— Въ огонь! Много я потеряю отъ того, что изъ нихъ выйдутъ мошенники.

Потомъ было посланіе какого-то шляхтича, не очень грамотное, на бумагѣ, пахнувшей селедками и пивомъ, повидимому, сочиненное въ какомъ-то трактирѣ. Шляхтичъ напоминалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ удовольствіе знать Бухгольца и даже продалъ ему пару лошадей.

— Слѣпыхъ!.. Я знаю его, онъ пишетъ ежегодно, какъ только приближается апрѣльскій платежъ. Не читайте дальше, я знаю, что тамъ написано: проситъ денегъ и убѣждаетъ, что шляхтичъ долженъ отстаивать шляхтича! Дуракъ! Въ огонь!

Дальше шли письма: отъ вдовъ съ дѣтьми и безъ дѣтей, съ больными мужьями или матерями, отъ сиротъ, отъ искалѣченныхъ на фабрикѣ, отъ людей, ищущихъ мѣстъ, отъ техниковъ, инженеровъ, отъ разныхъ изобрѣтателей, которые обѣщали совершить переворотъ въ хлопчато-бумажной промышленности, а пока требовали займа для окончанія курса и моделей; было даже одно любовное признаніе какой-то старой знакомой, которая никогда не могла забыть въ своемъ теперешнемъ несчастіи былого счастья.

— Въ огонь! Въ огонь! — закричалъ онъ, захлебываясь отъ смѣха, и не хотѣлъ слушать шумныхъ патетическихъ тирадъ, моленій, законченныхъ просьбой о займѣ.

— Вы видите, какъ меня цѣнятъ люди! Какъ любятъ мои рубли.

Были письма и бранныя.

Карлъ колебался, не зная, слѣдуетъ-ли читать.

— Читайте: меня бранятъ, я это люблю, это, по крайней мѣрѣ, искренно, а часто и забавно.

Карлъ развернулъ одно, начинавшееся словами: „Атаманъ лодзинскихъ разбойниковъ“, — дальше шелъ цѣлый рядъ проклятій и ругательствъ, изъ которыхъ самыя мягкія были: „нѣмецкая свинья“, „разбойникъ“, „бездѣльникъ“, „піявка“, „подлая собака“, „картофельникъ“, — и кончалось такой фразой: „Если тебя минуетъ кара Божія, то наказаніе человѣческое не минуетъ, ты—подлый песъ и извергъ“. Письмо было безъ подписи.

— Онъ съ юморомъ. Ха, ха, ха, веселая скотина!

— Знаете, мнѣ уже довольно, надоѣло.

— Читайте, упейтесь цѣлымъ ушатомъ человѣческой брани, это полезно для отрезвленія. Это относится къ психологіи Лодзи и вашего разгильдяйства.

— Не всѣ письма отъ поляковъ, есть и нѣмецкія, даже большая часть.

— Это именно доказываетъ, что они всѣ отъ поляковъ. У васъ есть способность къ языкамъ и къ выпрашиванію милостыни, вы это хорошо дѣлаете, — говорилъ онъ съ особымъ удареніемъ.

Карлъ взглянулъ на него глазами, въ которыхъ блеснули искры гнѣва и ненависти, но продолжалъ читать какой-то доносъ на главнаго смотрителя магазиновъ, будто онъ крадетъ товары.

— Дайте сюда, нужно провѣрить.

Онъ спряталъ письмо въ карманъ.

Были еще жалобы на мастеровъ, угрозы лишенныхъ работы, доносъ: будто кто-то сказалъ про Бухгольца: „свинья съ выжженными глазами“, „старый воръ“,—написанный карандашомъ на кусочкахъ оберточной бумаги.

— Дайте, это важный, дорогой документъ: мнѣ нужно знать, что говорятъ обо мнѣ мои люди. — Онъ презрительно улыбнулся.—Вы думаете, что я ежедневно читаю такія письма? Ха, ха, ха! Августъ растапливаетъ ими печку: вотъ вся польза отъ этой пачкотни.

— А всетаки вы ежегодно даете нѣсколько тысячъ на общественныя дѣла.

— Даю, даю: ихъ вырываютъ у меня изъ горла и ради собственнаго спокойствія я долженъ бросить какую-нибудь кость толпѣ.

— Прежній принципъ: благородство обязываетъ замѣнился теперь другимъ: милліоны обязываютъ.

— Глупый, нигилистическій принципъ! Какое мнѣ дѣло, что люди дохнутъ отъ голода, пусть дохнутъ... Мнѣ никто не далъ ни гроша, я все долженъ былъ вырвать своими руками, все заработать. Почему я долженъ давать другимъ, за что? Пусть кто-нибудь докажетъ мнѣ, что я долженъ. И кому давать? Панамъ, которые прокутили имѣнія? пусть ихъ чортъ поберетъ! Здѣсь у васъ всѣ хотятъ брать и никто не хочетъ работать. Если бы кто-нибудь изъ васъ, подобно мнѣ, могъ придти въ Лодзь, приняться за работу, то тоже разбогатѣлъ бы. А почему этого не было? потому что вы въ это время дѣлали у насъ революцію... Хо! хо! Донъ-Кихоты! — онъ плюнулъ съ отвращеніемъ на собственныя ноги и долго, злобно смѣялся.

Карлъ ходилъ по комнатѣ, дрожа отъ гнѣва, но молчалъ, притворялся равнодушнымъ: онъ зналъ, что Бухгольца нельзя переубѣдить и не хотѣлъ раздражать его.

Бухгольцъ замѣтилъ огорченіе Боровецкаго, и потому именно говорилъ непріятныя для него вещи, истязалъ его

сознательно; ему доставляло необыкновенное удовольствіе: мучить кого-нибудь, плевать въ человѣческую душу.

Онъ почти лежалъ въ креслѣ, ноги его чуть не касались огня; въ печь безпрестанно подбрасывали дрова, которыя онъ поминутно поворачивалъ палкой; на его сѣро-желтомъ лицѣ, какъ у разлагающагося трупа, залитые кровью глаза горѣли злобой и ненавистью. Круглый черепъ, покрытый остатками сѣдыхъ волосъ, рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ кресла.

Онъ почти не закрывалъ рта и съ разгаравшимся бѣшенствомъ все топталъ, все оплевывалъ. Онъ былъ похожъ на божка, закутаннаго въ разное тряпье, который въ глубинѣ своего золотого капища, лежитъ на милліонахъ и, сильный ими, издѣвается надъ слабостью, смѣется надъ чувствами, презираетъ все человѣчество, не обладающее милліонами.

Потокъ его брани остановилъ лакей, объявившій, что поданъ обѣдъ.

Два человѣка подняли его съ кресломъ и отнесли въ столовую, находившуюся на другомъ концѣ дома.

— Вы умѣете слушать, вы умный человѣкъ! — сказалъ Бухгольцъ Карлу, шедшему рядомъ.

— Все, что вы говорите, очень любопытно и очень занимаетъ меня, какъ матеріалъ для патологіи милліонеровъ,— отвѣтилъ онъ серьезно, глядя ему въ глаза.

— Пане... Не наклоняй!—рявкнулъ Бухгольцъ на лакея, несшаго съ лѣвой стороны, ударяя его палкой въ голову.— Пане Боровецкій, я васъ очень уважаю, дайте руку, мы другъ друга понимаемъ, можемъ ладить, разсчитывайте всегда на меня.

Въ столовой уже ждала жена Бухгольца и, когда мужа усадили за столъ, она поцѣловала его въ голову, потомъ, давъ ему поцѣловать свою руку, сѣла напротивъ.

Былъ также и докторъ, который первый подошелъ представиться Боровецкому.

— Гамерштейнъ, докторъ Юлій Муставъ Гамерштейнъ,— повторилъ онъ съ удареніемъ, поглаживая свою большую, растрепанную бороду, доходившую до половины груди.

— Докторъ гомеопатіи и вегетеріанства. Каналья стоитъ мнѣ четыре тысячи рублей въ годъ, выкуриваетъ мои дорогія сигары и обѣщаетъ, что или вылѣчитъ меня, или я умру...

Докторъ хотѣлъ что-то возразить, но старуха тихимъ голоскомъ пригласила сѣсть за обѣдъ, который тотчасъ стали разносить лакеи.

Разговоръ велся по-нѣмецки.

— Вы не вегетеріанецъ?—спросилъ Гамерштейнъ, вытягивая бороду изъ-подъ салфетки.

— Нѣтъ, пане. Я вполнѣ обладаю всѣми своими способностями, — отвѣтилъ Карлъ довольно сухо: ему показалась несимпатичной фигура врача, съ большимъ животомъ, большимъ лицомъ, съ огромнымъ лысымъ черепомъ, блестѣвшимъ, какъ вычищенная кастрюля.

Гамерштейнъ сдѣлалъ движеніе неудовольствія, бросилъ пренебрежительный взглядъ изъ-подъ выпуклыхъ синихъ очковъ и сухо сказалъ:

— Каждую истину люди сначала осмѣиваютъ.

— А у васъ много послѣдователей въ Лодзи?

— Онъ самъ и мои собаки, больныя паршей: имъ ветеринаръ тоже не велѣлъ давать мяса,—смѣялся Бухгольцъ, который сидѣлъ за столомъ, но ничего не ѣлъ, кромѣ овсянки съ молокомъ.

— Что такое Лодзь, что такое вся Польша? одно варварство!

— Потому вы и пріѣхали сюда? Хорошо поле для апостольства.

— Я написалъ книжку о вегетеріанствѣ подъ заглавіемъ: „Естественное питаніе", могу прислать вамъ ее.

— Благодарю, прочту охотно, но сомнѣваюсь, чтобы сдѣлался вашимъ послѣдователемъ.

— Панъ Бухгольцъ говорилъ то же самое вначалѣ, а теперь...

— А теперь ты глупъ, мой Гамеръ, если не понимаешь, что если человѣкъ боленъ и вся глупая медицина не помогаетъ ему, то онъ готовъ ѣздить къ знахарямъ, къ ксендзу Кнейпу, даже обратиться къ твоей электро-вегетеріано-мышьяково-гомеопатическому лѣченію.

— Да только оно одно и помогаетъ, ибо принципъ гомеопатіи: similia similibus curantur,—принципъ, наиболѣе соотвѣтствующій человѣческой природѣ, т. е. единственно настоящій. Панъ Бухгольцъ испыталъ это лучше всего на себѣ.

— До сихъ поръ это правда, но если будетъ ухудшеніе, будь увѣренъ, докторъ, что я изобью тебя палкой и велю вмѣстѣ со всѣмъ твоимъ шутовствомъ сбросить съ лѣстницы.

— Кто провозглашаетъ новыя истины, тотъ всегда въ награду получаетъ мученичество, — проговорилъ сентенціозно Гамерштейнъ, дуя на молоко.

— Брось толковать о мученичествѣ: ты получаешь четыре тысячи рублей, и твое лицо блеститъ отъ сала, какъ фонарь.

Докторъ поднялъ вверхъ очки, какъ бы призывая потолокъ въ свидѣтели страданій, и снова принялся за кашу съ молокомъ.

Передъ нимъ стояла миска салата съ прованскимъ масломъ и еще миска картофеля.

Водворилось молчаніе.

Лакеи мелькали, какъ тѣни, слѣдя, не понадобится ли что кому-нибудь.

Одинъ стоялъ за Бухгольцемъ, подавая немедленно все, на что падалъ его взглядъ.

— Каналья! — ворчалъ иногда Бухгольцъ, когда лакей опаздывалъ или плохо подавалъ.

Мадамъ Бухгольцъ совершенно не принимала участія въ разговорѣ.

Она ѣла очень медленно, пережевывая пищу передними зубами, улыбалась, какъ восковая маска, блѣдными губами, взглядывала мертвыми глазами на Боровецкаго, поправляла по временамъ кружевной чепчикъ, который украшалъ ея сѣдые, гладко причесанные волосы надъ желтымъ, сухимъ лбомъ, съ впавшими висками, и своей маленькой, морщинистой, желтой рукой гладила попугая, висѣвшаго на ручкѣ кресла подобно букету яркихъ цвѣтовъ.

Когда было нужно, она кивкомъ головы подзывала лакея и говорила ему почти шопотомъ или показывала пальцемъ. Она сидѣла, какъ мумія, сохранившая жизнь только въ нѣкоторыхъ автоматическихъ движеніяхъ.

Обѣдъ былъ на нѣмецкій манеръ: мало мяса и много овощей. Сервировка простая: серебро, сильно потертое, и фарфоръ выщербленный, съ раскрашенными голубками по краямъ тарелокъ.

Только Боровецкому подали коньякъ и нѣсколько сортовъ винъ, которыми угощалъ его самъ Бухгольцъ.

— Пейте, пане Боровецкій,—говорилъ онъ,—это хорошее вино.

Конецъ обѣда прошелъ въ тоскливомъ молчаніи.

Въ столовой стояла подавляющая тишина, только попугай по временамъ, не будучи въ состояніи стащить что-нибудь, кричалъ: „Каналья!“ Или то же самое бросалъ иногда шопотомъ Бухгольцъ по адресу лакея. И каждое слово раздавалось здѣсь эхомъ, громко звучало въ большой, на двѣсти человѣкъ комнатѣ, уставленной темными дубовыми буфетами.

Большое венеціанское окно, противъ фабричной стѣны, освѣщало только тотъ конецъ стола, за которымъ сидѣли, а остальная часть утопала въ полумракѣ, изъ котораго поминутно выступали, подобно тѣнямъ, лакеи.

Солнце бросило было полосу красноватаго предсумеречнаго свѣта.

— Завѣсь! — крикнулъ Бухгольцъ, который не любилъ солнечнаго свѣта и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на люстру, вспыхнувшуюся электричествомъ.

Обѣдъ, наконецъ, кончился, къ удовольствію Карла, которому уже захотѣлось спать отъ этой тишины и скуки.

Старуха такъ же точно поцѣловала мужа въ голову, подставляя ему руку, и затѣмъ автоматически протянула ее Боровецкому, который шопотомъ перекинулся нѣсколькими словами съ докторомъ, потому что Бухгольцъ дремалъ въ креслѣ, и вышелъ, не будя его.

Столовая совершенно опустѣла, остался только Бухгольцъ, спавшій въ креслѣ, и лакей, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ неподвижно устремленными глазами, готовый повиноваться каждому мановенію.

Боровецкій, выйдя на улицу, на свѣжій воздухъ, вздохнулъ съ чувствомъ большого облегченія.

Онъ отправилъ ожидавшихъ его лошадей Бухгольца и пошелъ пѣшкомъ. Возлѣ фабрикъ онъ свернулъ съ Петроковской въ маленькую немощеную улицу, выходившую въ поле и съ одной стороны застроенную длинными, угрюмыми казармами для рабочихъ.

Тамъ было печально и безобразно.

Большія, двухъэтажныя, каменныя зданія безъ всякихъ украшеній, голыя, съ красными кирпичными стѣнами, поблекшими отъ дождей и вѣтровъ; улица, полная вонючей грязи; сотни маленькихъ окошекъ, изрѣдка бѣлѣвшихъ занавѣсками или украшенныхъ цвѣтами въ горшкахъ; могучіе корпуса фабрики, раскинувшейся по другой сторонѣ дороги, за высокимъ заборомъ и за рядомъ громадныхъ тополей съ высохшими верхушками, которые стояли подобно грознымъ скелетамъ и отдѣляли печальныя человѣческія катакомбы-дома рабочихъ отъ фабрикъ, онѣмѣвшихъ, безмолвныхъ въ тишинѣ воскреснаго отдыха, могучихъ своимъ величіемъ и угрюмо блестѣвшихъ тысячами оконъ на весеннемъ солнцѣ.

Боровецкій медленно двигался вдоль этихъ домовъ, по узкимъ мосткамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно залитыхъ жидкой грязью, которая, какъ вода, разбрызгивалась до нижнихъ оконъ и дверей въ коридоры, откуда доносились крики дѣтей.

Онъ вошелъ въ продолговатый садикъ. Черезъ дорогу краснѣли стѣны фабрикъ и одиноко разбросанныхъ домовъ. Сырой и холодный вѣтеръ шелестилъ листьями плетней изъ граба, сухими и желтыми, которые дрожали при каждомъ дуновеніи вѣтра и падали на черныя размокшія дорожки.

Въ саду стоялъ высокій одноэтажный домъ, гдѣ жилъ его помощникъ Муррей; въ этомъ же домѣ была и его квартира отъ фабрики, цѣлый этажъ, но Боровецкій чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ этой печальной квартирѣ.

Съ одной стороны окна выходили къ дворамъ рабочихъ

съ улицы былъ садикъ и видъ на фабрику, съ другой—тянулась послѣдняя пригородная улица, не мощеная, окруженная рвами въ нѣсколько аршинъ глубины, надъ которыми расли старыя, умиравшія деревья, подмываемыя стоками изъ сосѣднихъ фабрикъ. Дальше виднѣлось огромное пространство, покрытое ямами, гніющими лужами, окрашенными отбросами изъ бѣлиленъ и аппретуръ, ворохами камней и мусора, который вывозили сюда изъ города; разрушенными печами, группами засохшихъ деревьевъ, слѣдами выгоновъ, кучами глины, оставшейся отъ осени; домиками, сколоченными изъ досокъ и маленькими фабриками подъ самымъ лѣсомъ, которыя своею краснотой и мертвыми, жесткими контурами прямо били въ глаза.

Онъ ненавидѣлъ этотъ лодзинскій пейзажъ и предпочиталъ жить въ наемной квартирѣ, не особенно удобной, но за то въ городѣ, съ друзьями, съ которыми его соединяла не столько дружба, сколько давняя совмѣстная жизнь и долголѣтняя привычка. Они вмѣстѣ жили во время студенчества въ Ригѣ, вмѣстѣ ѣздили за границу и вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ попали въ Лодзь.

Боровецкій былъ химикъ-колористъ, Баумъ—ткачъ и прядильщикъ, а Вельтъ кончилъ коммерческое отдѣленіе.

Въ Лодзи у нихъ были свои прозвища: „Вельтъ и два большихъ Б“, „Баумъ и К°“, „Три лодзинскихъ брата“.

Муррей выбѣжалъ въ садъ навстрѣчу и уже издалека вытиралъ большимъ, какъ простыня, желтымъ платкомъ свои всегда потныя руки.

— Я думалъ, что вы ужъ совсѣмъ не придете.

— Вѣдь я обѣщалъ.

— У меня сидитъ одинъ молодой варшавянинъ, который недавно пріѣхалъ.

— Кто такой?—спросилъ равнодушно Боровецкій, снимая пальто въ передней, завѣшанной до самаго потолка гравюрами, преимущественно голыхъ женщинъ.

— Коммерсантъ, открываетъ какую-то агентуру.

— Чортъ возьми, изъ десяти человѣкъ, которыхъ встрѣтишь на улицѣ, шесть только что прибыли и открываютъ агентуры, а девять хотятъ нажить милліоны.

Козловскій, варшавянинъ, всталъ съ оттоманки поздороваться и опять тяжело опустился на нее; онъ, не переставая, пилъ чай, наливаемый ему Мурреемъ.

Разговоръ быстро завязался: Муррей былъ утромъ въ городѣ и слышалъ о результатахъ банкротствъ.

— Фирмъ двадцать полетятъ теперь къ чорту, а изъ сколькихъ эти банкротства выпустятъ кровь, видно будетъ потомъ. Во всякомъ случаѣ Волькманъ колеблется. Гросманъ,

зять Грюнспана, сводитъ счеты; о Фришманѣ говорятъ, что онъ только ждалъ такого случая, сегодня же съ большой поспѣшностью „провалился“, боясь, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ ему, а ему нужно заработать: онъ долженъ выдать приданое зятю. Говорятъ, и Травинскій бѣгалъ сегодня къ банкирамъ, съ нимъ тоже что-то неладно; вы его знаете, пане Боровецкій?

— Нашъ товарищъ изъ Риги.

— Я вижу, что здѣсь настоящій Содомъ и Гомора,—сказалъ Козловскій, размѣшивая чай.

— А что въ Варшавѣ слышно? все „Микадо“ ставятъ?—спросилъ насмѣшливо Карлъ.

— Вы говорите о далекомъ прошломъ, объ очень далекомъ.

— Признаюсь, я не au courant варшавскихъ дѣлъ.

— Я вижу; у насъ теперь царитъ „Продавецъ птицъ изъ Тироля“, великолѣпнѣйшая штучка!

Еще разъ, еще разъ, еще разъ, птенчикъ мой!..

Козловскій напѣвалъ машинально, но съ увлеченіемъ.

— Долженъ вамъ сказать, что Чосновская въ этой опереткѣ прямо божественна.

— Это что за дама?

— Вы не знаете? ха, ха, ха!—смѣялся онъ во все горло.

— Пане Робертъ, покажите мнѣ вашу новую обстановку,—обратился Карлъ къ Муррею.

И они перешли на другую половину дома.

— Да вѣдь это цѣлый магазинъ прекрасной мебели!—вскрикнулъ удивленный Боровецкій.

— А что, красиво, правда? — говорилъ Муррей съ гордостью и удовольствіемъ; его поблекшіе глаза блестѣли, широкія губы улыбались.

Они были въ маленькой изящной комнатѣ, съ мебелью съ золотой обивкой, стоявшей на блѣдно-лиловомъ коврѣ, и желтыми портьерами.

— Красивыя сочетанія! — сказалъ Карлъ, съ удовольствіемъ смотря кругомъ.

— А что?—красиво, правда?—вскрикивалъ осчастливленный хозяинъ, безпрестанно вытирая руки, чтобы коснуться шелковыхъ синелевыхъ занавѣсокъ.

Его горбъ вздрагивалъ и поднималъ на плечахъ сюртукъ, который приходилось постоянно одергивать.

— Это будетъ ея комната, ея будуаръ,—проговорилъ онъ тихо, съ благоговѣніемъ вводя Карла въ маленькую комнатку, съ миніатюрной мебелью и массой фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

У окна большая золоченая жардиньерка поддерживала цѣлый букетъ цвѣтущихъ гіацинтовъ.

— Да вы ни о чемъ, я вижу, не забыли.

— Я вѣдь объ этомъ только и думаю, — сказалъ Муррей съ удареніемъ, вытеръ руки, одернулъ сюртукъ и погрузилъ свой костлявый, длинный носъ въ цвѣты, глубоко вдыхая ихъ ароматъ.

Онъ показалъ Боровецкому еще спальню и маленькую боковую комнату.

Всѣ были одинаково изящны, съ комфортомъ меблированы, вездѣ чувствовалась рука знатока и любящаго человѣка.

Они вернулись въ гостиную. Карлъ сѣлъ и смотрѣлъ на него съ чувствомъ изумленія.

— Видно, что вы любите серьезно,—проговорилъ онъ.

— Люблю, люблю сильно! Если бъ вы знали, какъ я постоянно думаю о ней.

— А она?

— Оставьте!.. Не будемъ говорить объ этомъ,—оборвалъ онъ быстро, смущенный его вопросомъ.

Онъ началъ стряхивать со стула мнимую пыль, чтобы скрыть волненіе.

Карлъ молчалъ, курилъ папиросу и чувствовалъ, что его охватываетъ сонливость; онъ поудобнѣе усѣлся въ креслѣ и то щурилъ глаза, то смотрѣлъ въ окно на синее небо, на фонѣ котораго рисовались черные контуры фабричныхъ трубъ.

Сонная тишина охватила ихъ.

Муррей вытиралъ руки, одергивалъ сюртукъ, гладилъ ладонью свои большія, чисто выбритыя щеки и всматривался въ блѣдные цвѣты маргаритокъ, которыя были вышиты по серединѣ ковра.

Еще разъ, еще разъ, еще разъ, птенчикъ мой!..

Пѣніе Козловскаго чуть слышно доносилось, какъ и тихіе звуки рояля.

Боровецкій боролся со сномъ, курилъ папиросу, но рука его тяжелѣла и падала на ручку кресла.

Муррей мечталъ о будущемъ счастьи.

Его мягкая, почти женская душа расплывалась въ тысячѣ мелочей, которыми онъ наполнилъ квартиру, и онъ заранѣе радовался впечатлѣнію, которое все это произведетъ на жену.

Онъ хотѣлъ заговорить, но замѣтилъ, что Боровецкій спокойно спитъ. Ему было это непріятно, но онъ спустилъ штору, вынулъ изъ его руки горящую папиросу и на цыпочкахъ вышелъ.

Козловскій продолжалъ пѣть и наигрывать на роялѣ.

— Спойте мнѣ какую-нибудь любовную пѣсню, только такую... ну, очень страстную пѣсню! Я вамъ, между тѣмъ, налью чаю,—просилъ Муррей.

— Изъ какой оперетки?

— Я не знаю, изъ какой. Я только очень люблю любовныя пѣсни.

Козловскій очень охотно началъ напѣвать ему разныя популярныя въ Варшавѣ пѣсенки.

— Видите-ли, все это не то... Я не могу объяснить вамъ, потому что слишкомъ плохо знаю вашъ языкъ, но я хотѣлъ бы что-нибудь нѣжное и красивое, а тѣ, что вы пѣли, очень грубы.

— Милостивый государь, я пѣлъ ихъ во всѣхъ варшавскихъ салонахъ.

— Я плохо выразился: онѣ тоже красивы, но только вы еще что-нибудь спойте.

Козловскій началъ напѣвать въ полголоса изъ своего неисчерпаемаго репертуара пѣсенки Тости; его маленькій, но звонкій теноръ звучалъ пріятно.

Муррей весь превратился въ слухъ, забылъ наливать чай, не вытиралъ рукъ, не одергивалъ сюртука, упивалсля музыкой, то нѣжной, то страстно-жгучей, то меланхолической, слушалъ всѣмъ своимъ существомъ, такъ что глаза его переполнились слезами восторга, а длинное обезьянье лицо вздрагивало отъ волненія.

VI.

Морицъ Вельтъ вышелъ около одиннадцати изъ дому какъ сообщилъ Матвѣй Боровецкому, и медленно плелся по залитому солнцемъ тротуару, поглощенный какой-то финансовой комбинаціей, не замѣчая привѣтствій знакомыхъ.

— Какъ это устроить! Какъ это устроить? — упорно думалъ онъ.

Солнце ярко свѣтило надъ Лодзью, надъ тысячами фабричныхъ трубъ, которыя стояли въ тиши воскреснаго отдыха, въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, подобно могучимъ стволамъ сосенъ въ голубоватой весенней атмосферѣ. Толпы рабочихъ въ праздничныхъ свѣтлыхъ платьяхъ, въ яркихъ цвѣтныхъ галстукахъ, въ картузахъ съ блестящими козырьками, или въ высокихъ, давно вышедшихъ изъ моды, шляпахъ, съ зонтиками въ рукахъ, заполняли Петроковскую улицу, тянулись гуськомъ изъ сосѣднихъ переулковъ и толпились на тротуарахъ. Работницы въ удивительныхъ, яр-

кихъ шляпахъ, съ перетянутыми таліями, въ свѣтлыхъ пелеринахъ или въ полосатыхъ платкахъ на плечахъ, съ гладко причесанными волосами, блестѣвшими отъ помады и металлическихъ шпилекъ, иногда съ воткнутымъ искусственнымъ цвѣткомъ, медленно двигались, раздвигая толпу локтями, чтобы защитить свои сильно накрахмаленныя юбки; раскрытые надъ головами зонтики, подобно большимъ разноцвѣтнымъ мотылькамъ, качались надъ этой пестрой, безпрестанно плывущей человѣческой рѣкой, принимавшей по пути новые притоки изъ боковыхъ, поперечныхъ улицъ.

Они поднимали глаза къ солнцу, дышали весной, которая чувствовалась въ воздухѣ, и шли впередъ, смущаясь праздничными одеждами, сравнительной тишиной улицы, свободой, воскреснымъ отдыхомъ, которымъ не умѣли пользоваться. При свѣтѣ солнца особенно жалокъ былъ видъ этихъ лицъ,—бѣлыхъ, какъ мѣлъ, желтыхъ, сѣрыхъ, землистыхъ, изможденныхъ, безъ крови, которую выпили изъ нихъ фабрики. Они останавливались только передъ витринами магазиновъ, переполненныхъ дешевкой, или расходились небольшими группами по кабакамъ.

Съ крышъ, съ испорченныхъ водосточныхъ трубъ, съ балконовъ струями текла вода на прохожихъ и на грязные тротуары; вчерашній снѣгъ таялъ и стекалъ съ дворцовъ богачей, оставляя длинные черные слѣды на стѣнахъ, покрытыхъ угольной пылью и сажей.

Мостовая, полная дыръ и выбоинъ, была покрыта сплошь липкой грязью, которая, при проѣздѣ пролетокъ и экипажей, обдавала тротуары и прохожихъ.

А по обѣимъ сторонамъ улицы, которая тянулась длинной полосой до самыхъ Балутъ, стояли, сбившись въ кучу, дома-дворцы, напоминавшіе итальянскіе замки,—склады хлопчатой бумаги; и тутъ же рядомъ—просто каменные ящики въ три этажа, съ ободранной штукатуркой; затѣмъ опять строгаго стиля дома съ золочеными желѣзными балконами Barocco, изящные, съ амурами на фризахъ и надъ окнами, сквозь которыя видны были ряды ткацкихъ станковъ. Маленькія, деревянныя, перекосившіяся хибарки, съ зелеными, покрытыми мохомъ, крышами, за которыми возвышались могучія трубы и корпусы фабрикъ, жались къ боку дворца, изъ краснаго кирпича съ большимъ барельефомъ на фронтонѣ, изображавшимъ промышленность, съ двумя боковыми павильонами, переходившими кверху въ башни и отдѣленными отъ главнаго корпуса прелестной желѣзной рѣшеткой; дома, по своимъ громаднымъ размѣрамъ и великолѣпію, похожіе на музеи, но бывшіе только складами товаровъ; дома съ украшеніями въ разныхъ стиляхъ, гдѣ въ первомъ

этажѣ каріатиды возрожденія поддерживали каменный балконъ въ старо-нѣмецкомъ стилѣ; надъ нимъ второй этажъ à la Louis XV, а сверху возвышались круглыя мансарды, похожія на катушки нитокъ; дома, съ величіемъ храмовъ возносившіе свои огромныя, величественныя стѣны, съ вывѣсками на мраморныхъ доскахъ съ золотыми буквами „Шая Мендельсонъ“, „Германъ Бухгольцъ“ и т. д.

Это была мусорная куча всякихъ стилей, изобрѣтенныхъ каменщиками, загроможденная башенками, лѣпными работами, которыя постоянно обсыпались; изрѣзанная тысячами оконъ, съ массой каменныхъ балконовъ, каріатидъ, мансардъ, съ претензіей на изящество, баллюстрадъ на крышахъ, великолѣпныхъ воротъ, гдѣ ливрейные швейцары дремали въ бархатныхъ креслахъ; простыхъ дыръ, изъ которыхъ уличная грязь переливалась на ужасные, похожіе на выгребныя ямы, дворы; куча магазиновъ, конторъ, складовъ, жалкихъ лавченокъ, переполненныхъ грязью и дешевкой, первоклассныхъ гостиницъ и ресторановъ, отвратительнѣйшихъ кабаковъ, передъ которыми грѣлись на солнцѣ нищіе; милліонеровъ, которые мчались по улицѣ въ чудныхъ экипажахъ, запряженныхъ американскими десятитысячными рысаками, и нищеты, которая бродила по улицамъ, съ синими губами, съ видомъ отчаянія и взглядомъ вѣчнаго голода.

— Чудный городъ, — думалъ Морицъ, стоя на углу пассажа Мейера и смотря прищуренными глазами на безконечно длинные хребты домовъ, которые сжимали улицу.— Чудный городъ, но какая мнѣ отъ этого прибыль,—подумалъ онъ насмѣшливо и зашелъ въ кондитерскую на углу, переполненную посѣтителями.

— Melange!—крикнулъ онъ бѣгавшимъ гарсонамъ, протискался на одно изъ свободныхъ мѣстъ, пробѣжалъ машинально послѣдній „Berliner Börsen Courrier“ и опять погрузился въ размышленіе: гдѣ бы раздобыть денегъ и заработать какъ можно больше на хлопчатобумажной аферѣ, по поводу которой нѣсколько часовъ назадъ онъ заключилъ договоръ съ друзьями.

Маврикій Вельтъ былъ слишкомъ лодзинскій „грюндеръ“, чтобы угрызенія совѣсти могли помѣшать ему сдѣлать хорошую аферу, даже во вредъ друзьямъ, если прибыль сама бѣжала въ руки.

Онъ жилъ въ томъ мірѣ, гдѣ мошенничество, злостныя банкротства, разнаго рода гешефты, эксплуатація—были насущнымъ хлѣбомъ: здѣсь громко завидовали ловко задуманнымъ подлостямъ, разсказывали объ нихъ другъ другу въ кондитерскихъ, трактирахъ и конторахъ, восхищались него-

дями, поклонялись и чтили милліоны, откуда бы они не приходили; заработанъ милліонъ или украденъ, — все равно: лишь бы онъ былъ.

Неудачниковъ встрѣчали насмѣшкой, рѣзкимъ осужденіемъ, отказомъ въ кредитѣ и довѣріи; у счастливаго все было: онъ могъ сегодня совершить злостное банкротство и заплатить двадцать пять за сто и завтра получить отъ тѣхъ же людей, которыхъ онъ обокралъ, еще большій кредитъ, потому что свои потери они вознаградятъ на другихъ, совершая банкротство съ уплатой пятнадцати за сто.

Морицъ думалъ о томъ, какъ бы пріобрѣсти, благодаря компаніи, и какъ бы сдѣлать пріобрѣтеніе безъ компаніи.

Купить на общій счетъ что-нибудь для отвода глазъ и какъ можно больше на свой собственный,—эта мысль съ утра сверлила его мозгъ: онъ выводилъ колонны цифръ на мраморной доскѣ столика, подводилъ итоги, перечеркивалъ стиралъ и снова писалъ, не обращая вниманія на то, что происходитъ вокругъ.

Черезъ головы сидѣвшихъ рядомъ ему протягивали руки; онъ пожималъ ихъ, не зная, съ кѣмъ здоровается, и, бросивъ „моргенъ", опять погружался въ самыя фантастическія комбинаціи.

Онъ не могъ придумать способа достать денегъ. Кредитъ его былъ исчерпанъ и занятъ агентурой. Векселей уже нельзя больше выдать безъ хорошаго, солиднаго поручительства.

— Гдѣ найти его?—мелькало у него въ мозгу.

— Melange! — снова бросилъ онъ гарсонамъ, которые среди гама и толкотни, наполнявшихъ кондитерскую, суетились между столиками, съ подносами кофе и чаю надъ головами.

Часы съ кукушкой пробили часъ.

Изъ кондитерской начался медленный отливъ на улицу, на прогулку.

Морицъ продолжалъ сидѣть, какъ вдругъ глаза его блеснули, онъ расчесалъ пальцами свою великолѣпную шелковистую бороду, крѣпко втиснулъ на носъ пенсне и быстро заморгалъ глазами.

Онъ вспомнилъ о старикѣ Грюнспанѣ, владѣльцѣ большой фабрики шерстяныхъ платковъ, подъ фирмой: „Grünspan et Landsberg", который приходился ему дядей по матери.

Онъ рѣшилъ идти къ нему и, если не удастся взять его въ поручители, то привлечь хоть къ затѣянной аферѣ.

Радость этого открытія продолжалась очень недолго: онъ вспомнилъ, что Грюнспанъ разорилъ собственнаго брата и устраивалъ банкротства уже нѣсколько разъ. Съ такимъ человѣкомъ не безопасно имѣть дѣло.

— Банкротъ, мошенникъ! — бормоталъ онъ раздраженно, чувствуя, что ничего не добьется, но всетаки рѣшилъ идти.

Морицъ началъ разсматривать посѣтителей кондитерской,— узкой, темной и длинной комнаты, уже почти пустой, только у оконъ сидѣло еще нѣсколько молодыхъ людей, закрывшись большими листами газетъ.

— Пане Рубиняротъ! — обратился онъ къ молодому человѣку, сидѣвшему подъ зеркаломъ, который со стаканомъ въ одной рукѣ и съ пирожнымъ въ другой наклонился надъ газетой.

— Слушаю!—воскликнулъ тотъ, вскакивая на ноги.

— Есть что-нибудь?

— Ничего нѣтъ.

— Я долженъ былъ знать объ этомъ утромъ.

— Ничего не было и я не увѣдомилъ, потому что думалъ...

— Вы слушайтесь, а не думайте, это не ваше дѣло. Я вамъ сказалъ разъ на всегда, чтобы ежедневно утромъ вы давали мнѣ знать на квартиру, было ли что-нибудь, или не было; разсуждать не ваше дѣло,—ваше дѣло доносить мнѣ, я вамъ за это плачу. Съ пирожнымъ и газетой вы могли бы еще погодить немного.

Рубинротъ началъ оправдываться довольно горячо.

— Не кричите, здѣсь не синагога!—бросилъ Морицъ сухо своему конторщику и повернулся къ нему спиной.

— Кельнеръ! Zahle! —крикнулъ онъ, вынимая кошелекъ.

— За что панъ платитъ?

— Melange!.. Правда, вы мнѣ не принесли, я ничего не плачу.

— Сію минуту будетъ. Mela-a-ange!—крикнулъ кельнеръ во всю глотку.

— Влей себѣ въ носъ этотъ melange: я цѣлыхъ два часа ждалъ и долженъ уходить ни съ чѣмъ. Болванъ!—крикнулъ Морицъ раздраженно и быстро выбѣжалъ на улицу.

Солнце пригрѣвало все сильнѣе.

Толпы рабочихъ разсѣялись и вмѣсто нихъ стала загромождать тротуары другая публика: дамы въ модныхъ шляпахъ, въ богатыхъ пелеринахъ, мужчины въ длинныхъ черныхъ пальто, въ англійскихъ плащахъ съ пелеринами, евреи въ длинныхъ сюртукахъ, еврейки, часто очень красивыя, въ бархатныхъ платьяхъ, которыми они сметали грязь съ тротуаровъ.

Улицы переполнились шумомъ, всѣ со смѣхомъ обгоняли другъ друга, толпились, двигаясь взадъ и впередъ по главной улицѣ.

Передъ кондитерской, на углу Дѣльной, группа контор-

ской молодежи обозрѣвала проходящихъ женщинъ и дѣлала громкія замѣчанія и сравненія, не столько любезныя, сколько глупыя, поминутно разражаясь бѣшенымъ смѣхомъ, потому что Леонъ Конъ угощалъ своими „вицами“, надъ которыми самъ смѣялся громче всѣхъ.

Бумъ-Бумъ стоялъ впереди группы, согнувшись, все придерживая пенснэ обѣими руками, и разсматривалъ женщинъ, которыя, проходя черезъ улицу, пересѣкавшую тротуаръ, должны были поднимать юбки.

— Смотрите, смотрите, какія ножки!—говорилъ онъ, чмокая губами.

— А у этой двѣ палки въ чулкахъ.

— Ай-ай! сколько Салюся сегодня наклала себѣ ваты!

— Вниманіе! Шая ѣдетъ,—произнесъ Леонъ Конъ, униженно кланяясь Шаѣ, который, раскинувшись небрежно въ каретѣ, проѣзжалъ мимо.

Тотъ кивнулъ ему головой.

— Онъ похожъ на остатокъ отъ штуки старый матеріи.

— Барышня, платьице пачкается!—говорилъ какой-то дѣвушкѣ Бумъ-Бумъ.

— Пусть барышня покажетъ, что у нея есть!—предложилъ Леонъ.

— Зачѣмъ дѣло стало, за этой?..

— Морицъ, иди къ намъ! — крикнулъ Леонъ, замѣтивъ приближавшагося Морица.

— Я не люблю шутовъ на улицѣ,—проворчалъ Морицъ, прошелъ мимо и тотчасъ исчезъ въ толпѣ, которая двигалась къ Новому Базару.

Многочисленные лѣса передъ вновь строющимися или достраивавшимися домами заставляли всѣхъ сходить прямо въ грязь.

Ниже, за Новымъ Базаромъ, все было биткомъ набито евреями и рабочими, направлявшимися въ Старый Городъ. Петроковская улица въ этомъ мѣстѣ мѣняла свой видъ: отъ Гаеровскаго Рынка до Наврота она фабричная, отъ Наврота до Новаго Базара — торговая, а отъ Новаго внизъ до Стараго Города полна евреевъ, живущихъ толкучками.

Грязь сдѣлалась чернѣе и жиже, тротуары мѣнялись почти передъ каждымъ домомъ, они были то широкіе, каменные, то тянувшіеся узкой полоской бетона, то вытоптанные прямо на грязной мостовой, покрытой мелкимъ щебнемъ, который давалъ себя знать ногѣ даже черезъ подошву.

По водосточнымъ канавамъ текли отбросы фабрикъ подобно грязно-желтымъ, краснымъ и синимъ лентамъ; изъ нѣкоторыхъ фабрикъ потокъ этотъ былъ такъ обиленъ, что не вмѣщался въ мелкихъ канавахъ, и выступалъ за края,

заливая тротуары цвѣтными волнами, вплоть до пороговъ безчисленныхъ лавченокъ, зіявшихъ темными, грязными помѣщеніями съ запахомъ гнили, селедокъ, лука и алкоголя.

Старые, ободранные, съ обсыпающейся штукатуркой дома, на которыхъ, точно раны, выступали голые кирпичи; мѣстами деревянныя постройки изъ простого известняка, который растрескался и сыпался отъ дверей и оконъ, съ кривыми рамами и косяками; искривленные, истощенные, они казались отвратительнымъ рядомъ домовъ-труповъ, между которыми протискивались новые трехъэтажные колоссы съ безчисленными окнами, еще не оштукатуренные, безъ балконовъ, построенные начерно, но уже полные людского шума и стука станковъ, которые работали, не смотря на воскресеніе, гула машинъ, ткавшихъ дешевку для вывоза, и пронзительнаго лязга прялокъ, сучившихъ пряжу для ручныхъ станковъ.

Передъ этими безконечными красными, угрюмыми стѣнами, надъ этимъ моремъ умирающихъ лачугъ и лавочекъ лежали цѣлыя груды кирпичей и дерева, стѣсняя и безъ того узкую улицу, загроможденную возами, лошадьми, перевозимымъ товаромъ, гамомъ, призывами торговцевъ и тысячами голосовъ рабочихъ, массами направлявшихся въ Старой Городъ; они шли по серединѣ улицы или рядомъ съ тротуаромъ, и ихъ разноцвѣтные шарфы одни нѣсколько пестрили общій сѣро-болотный тонъ улицы.

Старый Городъ и всѣ прилегавшія улицы были полны обычнаго воскреснаго движенія.

На квадратной площади, окруженной старыми одноэтажными домами, полной лавокъ, кабаковъ, такъ называемыхъ Bier-Halle и сотенъ лотковъ, толпилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, сотни возовъ и лошадей: все это кричало, говорило, ругалось...

Крикливый хаосъ переливался, какъ волна, съ одной стороны Рынка на другую. Онъ носился надъ этимъ муравейникомъ головъ, поднятыхъ рукъ, лошадиныхъ мордъ, топоровъ, внезапно сверкавшихъ на солнцѣ, когда ихъ поднимали мясники надъ разрубаемымъ мясомъ, громадныхъ хлѣбовъ, которые несли на головахъ, желтыхъ, зеленыхъ, красныхъ, лиловыхъ платковъ, развѣвавшихся, какъ знамена, на ларяхъ готоваго платья; фуражекъ и шляпъ, висѣвшихъ на колышкахъ, сапогъ, хлопчатобумажныхъ шарфовъ, которые, словно цвѣтныя змѣи, трепетали на вѣтрѣ и ударяли по лицамъ протискивавшихся людей; жестяной посуды, блестѣвшей на солнцѣ, грудъ сала, кучъ апельсиновъ, разложенныхъ на лоткахъ въ призмы; а кругомъ черныя массы людей и болото, которое топтали, мѣсили и которое струями брызгало изъ-подъ ногъ на лотки

и на лица, выливалось съ рынка въ водосточныя канавы и на улицы, съ четырехъ сторонъ окружавшія базаръ. Медленно катились громадные возы съ бочками пивныхъ заводовъ, возы съ мясомъ, покрытые грязнымъ тряпьемъ или сверкавшіе красно-желтыми ребрами ободранныхъ тушъ возы, нагруженные мѣшками, съ мукой, возы домашней птицы, кричавшей пронзительными голосами, утокъ и гусей, которые сквозь рѣшотки высовывали бѣлыя головы и шипѣли на прохожихъ.

Иногда рядомъ съ этой безконечной цѣпью возовъ, тянувшихся одинъ за другимъ, быстро проносился изящный экипажъ, обрызгивая грязью людей, возы и тротуары, на которыхъ сидѣли на корточкахъ старыя, изможденныя еврейки съ корзинами, полными варенаго гороха, конфектъ, мороженыхъ яблокъ, дѣтскихъ игрушекъ.

Передъ лавками,—онѣ всѣ были открыты и переполнены людьми,—стояли столы, стулья, скамейки, на которыхъ лежали горы галантерейныхъ товаровъ, чулокъ, карпетокъ, искусственныхъ цвѣтовъ, жесткихъ коленкоровъ, одѣялъ съ яркими подкладками, бумажныхъ кружевъ. Въ одномъ концѣ рынка продавались кровати, комоды, которые не задвигались вполнѣ и бронзовой протравой симулировали красное дерево; зеркала, въ которыхъ никто не узнавалъ себя самого; колыбели, груды кухонной посуды, а за ними на кучкахъ соломы, съ масломъ и молокомъ — бабы, одѣтыя въ красныя шерстяныя кофты и юбки. Между возами и лотками протискивались сквозь толпу женщины съ корзинами бѣлыхъ крахмальныхъ чепчиковъ, которые примѣрялись тутъ же на улицѣ.

На Поперечной, возлѣ самаго рынка, стояли столы со шляпами; жалкіе цвѣты ихъ, заржавѣвшія пряжки, окрашенныя перья печально колебались на фонѣ каменныхъ домовъ.

Мужское платье покупалось, продавалось, примѣрялось на улицѣ, подъ воротами, за занавѣской, которая ничего не скрывала.

Такъ-же и работницы примѣряли свои кофты, фартуки и юбки.

Гамъ все возрасталъ: изъ верхней части города все прибывали новыя волны покупщиковъ и слышались все новые крики, призывы охрипшихъ голосовъ, звуки дѣтскихъ рожковъ, дребезжанье возовъ, хрюканье поросятъ, крикъ гусей,—вся ужасная какофонія человѣческаго сборища ревѣла и взлетала къ чистому солнечному небу, которое висѣло надъ городомъ, какъ блѣдно-зеленый балдахинъ.

Въ одномъ изъ кабаковъ играли и танцовали, и по вре-

менамъ сквозь адскій шумъ и гамъ базара прорывался звукъ гармоники и скрипки, разыгрывавшихъ „оберка“ *), и слышались молодецкія вскрикиванія танцоровъ. Но скоро эти голоса утонули въ хаосѣ свалки, которая началась по серединѣ базара, возлѣ лотковъ съ ветчиной. Нѣсколько сцѣпившихся тѣлъ метались съ ревомъ и раскачивались во всѣ стороны, пока, наконецъ, не грохнулись подъ лотокъ, въ грязь. Они кусались и катались, какъ громадный клубокъ съ массой рукъ, ногъ, окровавленныхъ лицъ, воющихъ ртовъ и глазъ, затуманенныхъ бѣшенствомъ.

Высоко сверкало солнце и потоками весенняго тепла заливало весь базаръ. Оно расцвѣчивало краски, золотило жалкія, истощенныя лица, обнажало развалины, зажигало золотые огни въ стеклахъ оконъ, въ лужахъ, въ глазахъ людей, которые грѣлись, стоя передъ домами, и покрывало какъ бы золотистой лазурью всю мерзость, которая господствовала здѣсь. Голоса, которые раздавались среди балагановъ, возовъ, лотковъ и грязи и сильнымъ ураганомъ носились надъ рынкомъ, отражались отъ четыреугольника домовъ и неслись въ боковыя улицы, въ свѣтъ, въ поля, къ фабрикамъ, которыя стояли недалеко, возвышаясь своими трубами, съ какимъ-то тихимъ, нѣмымъ величіемъ, котораго были полны, когда глядѣли сверкающими на солнцѣ глазами оконъ на этотъ рабочій рой.

Морицъ съ отвращеніемъ проталкался черезъ рынокъ и прошелъ въ Древноскую улицу, одну изъ старѣйшихъ въ Лодзи и очень тихую, обставленную маленькими, вымирающими домиками первыхъ лодзинскихъ ткачей. Между домиковъ ютились еще простыя мужицкія хаты, полуразрушенныя, покосившіяся, окруженныя садиками, гдѣ доживали свой вѣкъ старыя вишни и коренастыя груши, которыя когда-то цвѣли и давали плодъ, а теперь въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ, сжатыя стѣнами фабрикъ и отгороженныя частыми заборами отъ солнца и вѣтра, прогнившія, забытыя, медленно умирали въ трагической меланхоліи одиночества и тоски.

Грязь и на этой улицѣ была чуть не по колѣно. А дальше, въ концѣ улицы, которая выходила въ поле, свиньи бродили передъ домами и пробовали рыть отвердѣвшую землю на площади, куда вывозили мусоръ.

Дома были безпорядочно разбросаны, то скучивались въ группы, то стояли одиноко на поляхъ.

Въ самомъ концѣ города стояла фабрика Грюнспана и Ляндсбергера, отдѣленная отъ улицы громаднымъ заборомъ.

---

*) Польскій народный танецъ.

Съ одной стороны фабрики стоялъ большой одноэтажный домъ съ мансардами, окруженный садикомъ.

— Панъ дома? — спросилъ Морицъ стараго Франца, который открылъ ему дверь.

— Дома.

— А кто еще есть?

— Всѣ есть.

— Кто всѣ?

— Ну, да тѣ,—жидовская родня,—проворчалъ онъ презрительно.

— Счастье Франца, что я сегодня въ хорошемъ настроенiи, иначе за этотъ отвѣтъ избилъ бы ему морду. Понимаетъ Францъ? Снять калоши!

— Понимаю: я получилъ бы, говорите, по мордѣ, но такъ какъ ясный панъ въ хорошемъ настроенiи, то не получу,— добродушно бормоталъ онъ, снимая калоши.

— Ну, такъ выпей хорошенько и запомни,—сказалъ Морицъ, давая ему „на чай", и вошелъ въ комнату.

— Паршивецъ, стерва! Захотѣлъ бить польскiй народъ,— проговорилъ Францъ и плюнулъ ему вслѣдъ.

Морицъ вошелъ въ большую комнату, въ которой было человѣкъ десять, сидѣвшихъ вокругъ большого стола, уставленнаго тарелками послѣ только что конченнаго обѣда.

Онъ молча поздоровался со всѣми и сѣлъ въ углу, на красной кушеткѣ, подъ большой вѣеровидной пальмой.

— Зачѣмъ спорить? обо всемъ можно толковать спокойно,—медленно говорилъ самъ Грюншпанъ, шагая по комнатѣ въ бархатной ермолкѣ.

Длинная борода обрамляла его бѣлое, сытое лицо съ маленькими глазками, которые съ быстротой молнiи перебѣгали съ предмета на предметъ.

Онъ держалъ сигару въ украшенной перстнемъ рукѣ, изрѣдка затягивался, оттопыривая полныя, красныя губы, и съ серьезнымъ видомъ нюхалъ дымъ.

— Францъ!—крикнулъ онъ въ переднюю.—Пусть Францъ принесетъ мнѣ изъ кабинета коробку сигаръ: эта — совершенно сырая. Я положу ее на печь; пусть Францъ смотритъ, чтобы она не исчезла.

— Если не суждено исчезнуть, то и не исчезнетъ,—проворчалъ Францъ.

— Что у васъ за праздникъ?—спросилъ Морицъ Феликса Фишбина, который тоже принадлежалъ къ роднѣ, сидѣлъ въ качалкѣ и, пуская клубы дума, раскачивался изо всей силы.

— Gross-familien-Pleiten Fest,—отвѣтилъ онъ.

— Я пришла къ отцу, чтобы отецъ далъ совѣтъ и просила всѣхъ тоже придти, пусть посмотрятъ, пусть скажутъ

моему мужу, если онъ не хочетъ меня слушать, если онъ такъ дальше будетъ вести дѣло,—то мы останемся безъ ничего,—энергично говорила молодая, красивая, изящная брюнетка, въ черной шляпѣ, старшая дочь Грюнспана.

— Сколько вы считаете за Лихачевымъ?—отрывисто спросилъ молодой студентъ университета, съ характернымъ еврейскимъ носомъ и почти красными волосами на головѣ и въ бородѣ, грызя карандашъ.

— Пятнадцать тысячъ рублей.

— Гдѣ векселя?—спросилъ старикъ, играя золотой цѣпочкой, которая висѣла на его большомъ животѣ, обтянутомъ бархатной жилеткой.

— Гдѣ векселя! Вездѣ. Я платилъ ими у Гросглюга, платилъ за товаръ, платилъ ими Колинскому за послѣднее помѣщеніе. О чемъ тутъ толковать! Тотъ обанкротился, они вернутся ко мнѣ, и мы должны заплатить: я поручился.

— Пусть отецъ послушаетъ: онъ такъ всегда говоритъ! Что это такое? на что это похоже? И это торговля! это купецъ! это порядочный фабрикантъ говоритъ: „я долженъ, и потому заплачу". Такъ можетъ говорить глупый мужикъ, который ничего не смыслитъ въ дѣлахъ! — кричала дочь Грюнспана, и слезы обиды, гнѣва и возмущенія сверкали въ ея большихъ темно-карихъ глазахъ.

— Я удивляюсь, Регина, что ты такая умная и не понимаешь такихъ простыхъ вещей, на которыхъ основывается не только торговля, но и вся жизнь,—возразилъ Альбертъ.

— Я понимаю, отлично понимаю, но только не могу понять, почему ты, Альбертъ, хочешь платить эти пятнадцать тысячъ рублей.

— Потому что я долженъ,—шепнулъ онъ, склоняя на грудь блѣдное, измученное лицо, и какая-то иронически-грустная улыбка скользнула на его тонкихъ губахъ.

— Онъ все свое твердитъ! Ты бралъ сырой товаръ въ кредитъ и, значитъ, долженъ,—хорошо; но ты давалъ товаръ тоже въ кредитъ, и тебѣ должны, и если они тебѣ не платятъ, если они банкротятся, то что ты долженъ дѣлать? ты долженъ платить, да? Ты долженъ терять потому, что Фрумкинъ хочетъ заработать, да? — кричала она, раскраснѣвшись.

— Тряпка!

— Важный купецъ, ай, ай!

— Ты долженъ войти въ сдѣлку, долженъ заработать на этомъ пятьдесятъ процентовъ.

— Регина права!

— Ты не играй въ глупое благородство: тутъ дѣло идетъ о крупной суммѣ денегъ.

Всѣ кричали, протягивая къ нему руки, съ разгорѣвшимися лицами.

— Тише, жиденята!—небрежно кинулъ Феликсъ Фишбинъ, качаясь въ креслѣ.

— Платить! платить! это и дуракъ сумѣетъ, каждый полякъ знаетъ это: не велика штука!

— Да столкуемся, наконецъ, господа!—кричалъ, желая всѣхъ заглушить, Сигизмундъ Грюнспанъ, студентъ университета, и звонилъ ножомъ объ стаканъ. Онъ разстегнулъ мундиръ на груди и непремѣнно хотѣлъ держать рѣчь, но никто его не слушалъ. Всѣ сразу говорили и кричали; только старикъ Грюнспанъ ходилъ молча и презрительно посматривалъ на зятя, который, облокотившись, бросалъ вопросительные взгляды на Морица, а Морицъ довольно нетерпѣливо ждалъ конца споровъ, всматривался въ старика и раздумывалъ: предложить ему аферу, или нѣтъ.

Ему очень хотѣлось, но, по мѣрѣ ожиданія, желаніе остывало, являлась рефлексія, и что-то вродѣ необъяснимаго стыда охватывало его, когда онъ вспоминалъ о Карлѣ и Баумѣ. Съ другой стороны, онъ не рѣшался довѣриться Грюнспану и слѣдилъ за его круглымъ, лукавымъ лицомъ и маленькими бѣгавшими глазками. Съ какимъ то взглядомъ оцѣнщика, глаза старика то останавливались насвѣтлыхъ брюкахъ растянувшагося въ креслѣ Фишбина; то, казалось, взвѣшивали тяжесть золотой цѣпочки Альберта Гросмана, который сидѣлъ теперь, склонивъ голову и всматриваясь въ потолокъ, какъ будто и не слышалъ грознаго гама, который подняла его жена съ помощью ближайшей родни, собравшейся съ цѣлью не позволить ему платить по векселямъ и заставить совершить злостное банкротство; то ощупывали толстый бумажникъ, въ которомъ лихорадочно искалъ чего-то Ландау, старый еврей, съ большой рыжей бородой, въ шелковой шапкѣ на головѣ.

— Ша... ша, господа. Напьемся чаю,—сказалъ Грюнспанъ, когда горничная принесла шумящій самоваръ.

— Попросить ясну паненку Мелю!—кинулъ онъ свысока Францу.

Въ комнатѣ немного утихло.

Вошла Меля, поздоровалась со всѣми кивкомъ головы и занялась чаемъ.

— Я еще расхвораюсь отъ всего этого, у меня и безъ того сердце болитъ, а тутъ ни минуты покоя, — жаловалась Регина, вытирая свои заплаканные глаза.

— Ты и такъ каждый годъ ѣздишь въ Остенде, теперь, по крайней мѣрѣ, будетъ основаніе ѣхать.

— Гросманъ, не говори такъ: это мое дитя!—энергично замѣтилъ Грюнспанъ зятю.

— Ты со мной не поздоровалась, Меля,—сказалъ Морицъ, присаживаясь возлѣ младшей дочери фирмы Грюнспанъ и Ляндсбергеръ.

— Я поклонилась всѣмъ, развѣ ты не видѣлъ?—шепнула она, пододвигая чай Сигизмунду.

— Я предпочелъ бы, чтобы ты со мной отдѣльно поздоровалась,—отвѣтилъ онъ тихо, размѣшивая чай.

— Зачѣмъ тебѣ это?—спросила она, поднявъ на него свои сѣро-голубые, печальные глаза и очень красивое лицо съ удивительно правильными чертами.

— Зачѣмъ? потому, что я очень хочу, чтобы ты обращала на меня вниманіе; наконецъ, мнѣ просто пріятно смотрѣть на тебя и говорить съ тобой, Меля.

Улыбка промелькнула на ея полныхъ, очень красивыхъ губахъ, напоминавшихъ цвѣтомъ блѣдные сицилійскіе кораллы, но она ничего не отвѣтила, наливая чай на блюдце, которое взялъ отецъ и пилъ изъ него, не переставая ходить по комнатѣ.

— Развѣ я сказалъ что-нибудь смѣшное?—спросилъ онъ, замѣтивъ ея улыбку.

— Нѣтъ, я вспомнила только, что говорила мнѣ сегодня утромъ пани Стефанія: кажется, ты вчера въ театрѣ говорилъ ей, что не умѣешь заниматься флиртомъ съ еврейками, что это такой родъ женщинъ, который на тебя не дѣйствуетъ. Ты говорилъ такъ?—спросила она, пытливо смотря на него.

— Да, говорилъ, но, во-первыхъ, я не занимаюсь съ тобой флиртомъ, а во-вторыхъ, въ тебѣ рѣшительно нѣтъ ничего еврейскаго. Честное слово!—прибавилъ онъ быстро, потому что опять та-же улыбка мелькнула на ея губахъ.

— Это значитъ, что я въ твоемъ вкусѣ. Благодарю за искренность.

— Развѣ это тебя сердитъ, Меля?

— Нѣтъ, мнѣ совершенно все равно,—сурово зазвучалъ ея голосъ. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ въ ея глаза, но не нашелъ въ нихъ объясненія: она уставилась ими въ блюдце, въ которое опять наливала чай...

— Поговоримъ спокойно; всегда можно столковаться,—опять началъ Сигизмундъ, причесывая маленькимъ гребешкомъ красную, какъ мѣдь, бороду.

— О чемъ тутъ толковать? — отвѣтила Регина. — Пусть отецъ самъ скажетъ Альберту, что если онъ такъ будетъ вести дѣла, то мы черезъ годъ, въ самомъ дѣлѣ, можемъ обанкротиться. Онъ не хочетъ меня слушать, потому что у него, какъ онъ говоритъ, своя философія; пусть отецъ ска-

жетъ ему, что онъ глупъ, хотя и докторъ философіи и химіи, потому что швыряетъ деньги въ болото.

— А можетъ быть, отецъ скажетъ ей,—отвѣтилъ Альбертъ,— чтобы она не вмѣшивалась въ дѣла, потому что она ихъ не понимаетъ, и чтобы не приставала ко мнѣ со своимъ крикомъ, потому что это, наконецъ, можетъ надоѣсть мнѣ.

— За мою доброту, за мое доброе сердце, онъ такъ говоритъ со мной, о!

— Тише, Регина!

— Не замолчу я: дѣло идетъ о деньгахъ, о моихъ собственныхъ деньгахъ! Скажите: я къ нему пристаю, надоѣдаю!.. какой лодзинскій графъ, ай! ай!—выкрикивала она со злостью.

— Пусть войдетъ въ сдѣлку, предложитъ пятьдесятъ за сто,—серьезно вставилъ Ландау.

— Зачѣмъ сдѣлка? Ничего не давать: вѣдь мы тоже не получимъ отъ Фрумкина ни гроша.

— Ты не понимаешь, Регина. Покажите, Гросманъ, дебетъ и кредитъ,—сказалъ Сигизмундъ, разстегивая мундиръ.

— Довольно двадцати пяти процентовъ,—тихо произнесъ старикъ, дуя на блюдце.

— Есть лучше способъ,—вполголоса вставилъ Фишбинъ, раскуривая сигару.

Но ему никто не отвѣтилъ: всѣ поспѣшно склонились надъ бумагами, слѣдя за итогами, которые быстро подводилъ Сигизмундъ.

— Долгъ пятьдесятъ тысячъ!—объявилъ онъ.

— А сколько имѣетъ?—съ любопытствомъ спросилъ Морицъ, поднимаясь за Мелей, вышедшей изъ комнаты.

— Это послѣ будетъ видно, смотря по тому, сколько заплатитъ за рубль.

— Теплое дѣльце!

— Деньги—какъ въ карманѣ.

— Регина, тебѣ нечего грустить!

— Значитъ, вы хотите, чтобы я устроилъ банкротство?— рѣшительно произнесъ Гросманъ, выходя изъ-за стола.—Я не намѣренъ обманывать людей!

— Ты долженъ согласиться, иначе я разведусь, возьму обратно свое приданое; зачѣмъ мнѣ жить съ такимъ графомъ? зачѣмъ испытывать одни огорченія!

— Тише, Регина, Гросманъ заплатитъ двадцать пять за сто. Я тебѣ ручаюсь, будь покойна. Я самъ устрою это дѣло,— утѣшалъ ее старый Грюнспанъ.

— Хочешь взять свое приданое, — бери; хочешь разводиться,—дамъ тебѣ разводъ; нужны еще деньги, возьми все, что у меня есть. Мнѣ опротивѣло жить въ этомъ подломъ пеклѣ... Мы съ тобой, Регина, никогда не сойдемся; не было

у насъ дѣтей,—ты говорила, что тебѣ стыдно на улицу показаться; стало ихъ четверо,—ты опять недовольна...

— Альбертъ, не болтай!

— Ш... ша! это ваши личныя дѣла! — закричалъ Грюнспанъ, быстро ставя блюдце на столъ.

— Она всегда и всѣмъ недовольна, вѣчно ссорится...

— Какъ мнѣ не ссориться? заставляетъ меня ѣздить на какихъ-то дохлыхъ клячахъ, надъ которыми всѣ смѣются...

— Для насъ хороши и клячи; побогаче тебя люди ходятъ пѣшкомъ.

— Ну, а я не желаю! у меня хватитъ и на порядочныхъ лошадей.

— Такъ покупай, а мнѣ не на что!

— Тише, жиденята!—крикнулъ Феликсъ, снова раскачиваясь въ качалкѣ.

— Онъ окончательно одурѣлъ,—кричала Регина, обводя присутствующихъ изумленнымъ взоромъ:—какъ будто нужно имѣть деньги, чтобы покупать! Значитъ, Вульфъ, по твоему, капиталистъ, если строитъ себѣ фабрику? или много имѣетъ Бернштейнъ, истратившій сто тысячъ на меблировку?

Альбертъ, повернувшись спиной, смотрѣлъ въ окно.

Ссора снова разгорѣлась: всѣ говорили сразу, колотили по столу кулаками, выхватывали другъ у друга бумаги, исписывая клеенку новыми выкладками, создавая отвратительные проекты способовъ злостнаго банкротства; бранились, вскакивали изъ-за стола и опять усаживались, кричали во все горло. Бороды тряслись, лица и губы передергивались отъ волненія, при видѣ цифръ, которыя можно „заработать", и отъ бѣшенства, что этотъ глупецъ не хочетъ ничего слышать.

Старикъ тоже утратилъ спокойствіе; измученная волненіемъ Регина сидѣла въ креслѣ и конвульсивно плакала; Ландау, отвернувъ клеенку, кусочкомъ мѣла писалъ что-то на столѣ, съ серьезнымъ видомъ бросая какое-нибудь слово, а Сигизмундъ Грюнспанъ, потный, раскраснѣвшійся, оралъ громче всѣхъ, требуя, чтобы столковались, и принялся подсчитывать колонны цифръ въ большой фабричной книгѣ, принесенной ему Региной.

Одинъ Морицъ не принималъ участія въ этомъ гамѣ. Онъ сидѣлъ подъ пальмой рядомъ съ Фишбиномъ, который, вытянувшись въ качалкѣ, курилъ сигару и отъ времени до времени прикрикивалъ:

— Тише, жиды!

— Совсѣмъ не веселая музыка,—сказалъ, соскучившись, Морицъ. Онъ уже отказался отъ мысли привлечь къ своему дѣлу Грюнспана и отправился во внутреннія комнаты къ Мелѣ.

Онъ нашелъ ее у бабушки, которую семья окружала необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ.

Бабушка сидѣла въ креслѣ у окна. Это была почти столѣтняя старушка, разбитая параличомъ и впавшая въ дѣтство; лицо ея такъ высохло и покрылось морщинами, что утратило всякое выраженіе. Оно казалось кускомъ желто-сѣрой изборожденной кожи, на которой черные безъ блеска глаза свѣтились, словно стеклянные бусы. Ея черный парикъ былъ покрытъ чѣмъ-то въ родѣ чепчика изъ кусочковъ цвѣтного бархата и кружевъ, какіе носятъ еврейки въ маленькихъ мѣстечкахъ.

Меля съ маленькой ложечки кормила бабушку бульономъ; ввалившійся ротъ старухи открывался и закрывался, какъ у рыбы.

Морицъ поклонился; она перестала ѣсть, посмотрѣла на него мертвыми глазами и спросила глухимъ голосомъ, звучавшимъ будто изъ-подъ земли:

— Кто это, Меля?

Она уже никого не узнавала, кромѣ самыхъ близкихъ.

— Морицъ Вельтъ, братъ моей матери... Вельтъ, — потворила Меля съ удареніемъ.

— Вельтъ, Вельтъ! — повторила беззубыми деснами старуха и широко раскрыла ротъ, увидѣвъ передъ носомъ поднесенную Мелей ложку.

— Еще ссорятся?—спросила Меля.

— Настоящій судный день!

— Бѣдный Альбертъ!

— Ты его жалѣешь?

— Еще бы! Даже собственная жена и семья не позволяютъ ему быть человѣкомъ. Регина прямо ужасаетъ меня своимъ торгашествомъ,—отвѣтила дѣвушка, печально вздохнувъ.

— Ему слѣдуетъ быть хорошимъ фабрикантомъ. Онъ немного страдаетъ идеализмомъ, но вылѣчится послѣ перваго банкротства, пусть только заработаетъ на немъ.

— Я не понимаю ни отца, ни дядей, ни тебя, ни Лодзи! Во мнѣ все кипитъ, когда я смотрю на то, что здѣсь творится!

— Что-же творится? все идетъ отлично, — наживаются деньги и баста.

— Но какъ, какими способами!

— Это безразлично: способъ, которымъ добывается рубль, не уменьшаетъ его цѣны.

— Ты циникъ!—шепнула она съ упрекомъ.

— Я только не стыжусь называть вещи ихъ собственными именами.

— Оставимъ это, я такъ раздражена, что у меня нѣтъ силы даже ссориться.

Кормленіе старухи кончилось; поправивъ подушки, которыми была обложена бабушка, Меля поцѣловала ей руку.

Старуха погладила высохшими, какъ у скелета, пальцами внучку по лицу и снова спросила, глядя на Морица:

— Кто это, Меля?

— Вельтъ, Вельтъ!.. Пройди, Морицъ, на минутку ко мнѣ, если у тебя есть время.

— Для тебя всегда бы нашлось, если бъ ты захотѣла.

— Вельтъ, Вельтъ!—глухо повторяла старуха, разинувъ ротъ, и засмотрѣлась мертвымъ взглядомъ въ окно.

— Морицъ, я уже просила тебя не говорить мнѣ такихъ словъ.

— Вѣрь, что я говорю ихъ искренно! Даю тебѣ честное слово: когда я съ тобой, когда слышу твой голосъ, когда смотрю на тебя, то не только разговариваю иначе, чѣмъ съ другими женщинами, даже чувствую и думаю не такъ. Въ тебѣ есть какая-то удивительная мягкость, ты настоящая женщина; здѣсь такихъ мало въ Лодзи,—сказалъ онъ серьезно, идя за нею.

— Ты проводишь меня къ Розѣ? — спросила она, вмѣсто отвѣта.

— Я готовъ просить объ этомъ...

Она прижалась лбомъ къ оконному стеклу и смотрѣла на воробьевъ, встревоженныхъ раннимъ весеннимъ днемъ; они дрались и носились по саду.

— О чемъ ты думаешь?—немного погодя, тихо спросилъ Морицъ.

— Объ Альбертѣ: поступитъ ли онъ по своему или такъ, какъ хотятъ они?

— Да навѣрно, объявитъ банкротство и войдетъ въ сдѣлку съ кредиторами.

— Нѣтъ, я его знаю: онъ заплатитъ.

— Хочешь пари?

— Я готова поручиться, что вы всѣ ошибаетесь.

— Нѣтъ, у Гросмана могутъ быть свои дурачества, это такъ; но все-же онъ умный человѣкъ, и я готовъ прозакладывать все свое имущество, что онъ не заплатитъ больше двадцати пяти процентовъ.

— А я бы очень, очень хотѣла, чтобы этого не случилось.

— Знаешь, Меля, тебѣ надобыло бы выдти за него замужъ вамъ нечего было-бы ѣсть, но за ваше благородство васъ показывали бы въ паноптикумѣ.

— Я люблю Альберта, но не пошла бы за него: онъ—не мой идеалъ.

— Кто-же подходитъ къ твоему идеалу?

— Ищи и угадывай!—опять улыбнулась она своей блѣдной, тонкой улыбкой.

— Боровецкій, да? въ него влюбляются всѣ женщины.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ кажется мнѣ холоднымъ, высокомѣрнымъ карьеристомъ; тѣмъ болѣе нѣтъ, что онъ слишкомъ похожъ на всѣхъ васъ.

— Оскаръ Мейеръ? баронъ, милліонеръ и красавецъ? правда, баронъ мекленбургской марки, но за то неподдѣльный милліонеръ.

— Я видѣла его одинъ разъ, и онъ показался мнѣ переодѣтымъ батракомъ. Это, должно быть, ужасный человѣкъ, я много слышала о немъ.

— Дикій, бѣшеный, настоящая прусская скотина!—сказалъ съ ненавистью Морицъ.

— Даже такъ? Это любопытно.

— Не говори мнѣ объ этомъ хамѣ!.. А, можетъ быть, тебѣ нравится Бернардъ Эндельманъ?

— Жиденокъ!—шепнула она презрительно.

— Ахъ, какой я недогадливый! Я забылъ, что ты воспитывалась въ Варшавѣ, съ поляками, прошла черезъ всѣ ихъ кружки и кружочки,—какъ же тебѣ могутъ нравиться евреи или лодзинцы!—говорилъ онъ иронически.—Ты привыкла къ лохматымъ студентамъ, къ декламаторскому радикализму, процвѣтающему до полученія наслѣдства или канцелярскихъ синекуръ; къ утонченной атмосферѣ бляги и взаимнаго надувательства возвышенными благородными рѣчами. Ха, ха, ха! Я тоже прошелъ черезъ всѣ эти стадіи и всякій разъ, какъ вспоминаю о нихъ, умираю со смѣху.

— Перестань, Морицъ! Ты раздраженъ и говоришь пристрастно, я не хочу слушать,—быстро проговорила обиженная Меля. Она еще всѣмъ сердцемъ жила въ своемъ прошломъ, не смотря на двухлѣтнее пребываніе въ Лодзи.

Она пошла одѣться и черезъ минуту вернулась готовая къ выходу.

Маленькій, очень изящный, открытый экипажъ ожидалъ ихъ подъ воротами.

— Проводи меня только до Новаго Рынка. Тамъ сухо, и я пойду пѣшкомъ.

Лошади понеслись.

— А всетаки ты меня удивляешь, Меля.

— Чѣмъ?

— Именно тѣмъ, что ты такая... не еврейка. Я хорошо знаю нашихъ женщинъ, цѣню ихъ, но мнѣ также извѣстно, какъ относятся онѣ къ книжнымъ идеямъ. Напримѣръ, Ада Васеренгъ. Она тоже жила въ Варшавѣ и въ тѣхъ же са-

мыхъ сферахъ, такъ же всѣмъ увлекалась, такая же была дѣятельная, такъ же спорила со мной о равенствѣ, свободѣ, доблести, идеалахъ...

— Я не спорю съ тобой,—быстро сказала Меля.

— Вѣрно, но позволь мнѣ кончить. Такъ, говорю, она была самой пламенной идеалисткой, но, выйдя за своего Розенблата, забыла обо всѣхъ глупостяхъ.

— Тебѣ это нравится?

— Именно нравится! Было время, она забавлялась поэзіей,—почему не развлечься? Поляки это любятъ, это придаетъ извѣстный модный тонъ, ну, и не такъ скучно, какъ хожденіе по театрамъ да баламъ.

— Значитъ, ты убѣжденъ, что увлекаются идеями только отъ скуки?

— Я не имѣю въ виду ни полекъ, ни тебя,—вы особый сортъ людей; я говорю объ еврейкахъ и съ увѣренностью, потому что знаю. Подумай: какое имъ дѣло до всего этого? Меля, я—еврей, я никогда и нигдѣ не стыдился своей національности; какой разсчетъ мнѣ отрекаться? Меня въ такой же степени не интересуетъ ничто, кромѣ моихъ дѣлъ, какъ и всѣхъ нашихъ: это у насъ въ крови. Возьми, напримѣръ, Боровецкаго; онъ удивительный человѣкъ! Онъ мой товарищъ по гимназіи въ Варшавѣ, товарищъ по Ригѣ, пріятель, мы вмѣстѣ жили столько лѣтъ, и мнѣ казалось, что я его знаю. У него острые когти, онъ совсѣмъ лодзинскій человѣкъ, лучшій дѣлецъ, чѣмъ я, а иногда вдругъ сдѣлаетъ что-нибудь, чего я не понимаю, да и никто изъ насъ не пойметъ. Онъ Lodzermensch, а между тѣмъ у него бываютъ разныя идейныя глупости, утопическія фантазіи, ради которыхъ онъ готовъ отдать рубль изъ двухъ, тогда какъ я далъ бы пятакъ, если бъ ужъ нельзя было отвертѣться...

— Что ты хочешь сказать?—прервала его Меля, коснувшись зонтикомъ кучера, чтобы онъ остановился.

— Что въ тебѣ есть именно что-то польское.

— Ужъ не называется ли это душой?—весело спросила она, выскакивая на тротуаръ.

— Это слишкомъ крупная схема...

— Пойдемъ по Средней, я хочу немного пройтись.

— Ближе всего будетъ до Видзевской, а оттуда по Цегельнянской.

— Ты выбираешь кратчайшій путь, чтобы скорѣе отбыть свою повинность?

— Меля, ты знаешь, что я съ большимъ удовольствіемъ иду съ тобой.

— Не потому ли, что я съ такимъ терпѣніемъ слушаю тебя?

— Да, но и потому еще, что ты очень красива съ твоей иронической улыбкой, очень красива!

— Твой комплиментъ предлагается слишкомъ en gros.

— Ты любишь варшавское en detaile, при томъ на короткіе сроки и съ хорошимъ ручательствомъ.

— Достаточно хорошаго воспитанія и порядочности.

— Но, не смотря на это, не мѣшаетъ обезпечить себя брачнымъ договоромъ?—бросилъ онъ насмѣшливо, надвигая на носъ пенснэ.

— Ахъ, ты вотъ куда клонишь рѣчь!—сказала Меля съ неудовольствіемъ.

— Ты сама хотѣла.

— Я хотѣла только, чтобы ты проводилъ меня къ Розѣ.

— Я бы всюду проводилъ тебя, куда только тебѣ угодно!—сказалъ онъ, маскируя рѣзкимъ смѣхомъ овладѣвшее имъ волненіе.

— Благодарю: туда меня проводитъ уже кто-нибудь другой,—отвѣтила она довольно сухо и замолчала, печально глядя на грязную улицу, на грязные дома и лица многочисленныхъ прохожихъ.

Морицъ тоже молчалъ и злился на себя, а еще больше на нее. Въ раздраженіи онъ толкалъ прохожихъ, надвигалъ пенснэ на носъ, недружелюбно посматривая на ея блѣдное лицо, съ ироніей перехватывая сочувственные взгляды, которыми она окидывала группы оборванныхъ дѣтей, игравшихъ подъ воротами и на тротуарахъ.

Меля казалась ему очень наивной, сердила его своимъ глупымъ польскимъ идеализмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлекала его черствую, сухую душу той удивительной поэзіей, симпатичностью и добротой, которыя отражались на ея блѣдномъ лицѣ, въ задумчивыхъ глазахъ, во всей ея тонкой гармонической фигурѣ.

— Я тебѣ надоѣла, что ты замолчалъ?—спросила она, немного погодя.

— Я боялся помѣшать: ты могла думать о необыкновенно важныхъ вещахъ.

— Да, будь увѣренъ, твоей ироніи не дорости до нихъ!

— Ты сразу убила двухъ зайцевъ: дала щелчокъ мнѣ и похвалила себя.

— А я хотѣла только одного,—сказала она съ улыбкой.

— Меня отдѣлать, правда?

— Да, и я это исполнила съ удовольствіемъ.

— Ты очень меня ненавидишь, Меля? — спросилъ онъ, немного обиженный.

— Нѣтъ, Морицъ,—покачала она головой, саркастически улыбаясь.

— Но и не любишь?

— Нѣтъ, Морицъ.

— Мы занимаемся любопытнымъ флиртомъ,—сказалъ онъ, раздраженый ея тономъ.

— Между родными это допускается, такъ какъ ни къ чему не обязываетъ.

Она остановилась дать нѣсколько копѣекъ нищей, стоявшей подъ заборомъ съ ребенкомъ на рукахъ.

Морицъ смотрѣлъ насмѣшливо, но и самъ досталъ какую-то монету.

— И ты подаешь милостыню?—удивилась она.

— Я воспользовался случаемъ отдѣлаться отъ фальшиваго пятиалтыннаго,—отвѣтилъ онъ, смѣясь отъ души надъ ея возмущеніемъ.

— Ты ужъ не вылѣчишься отъ цинизма!—шепнула она, ускоряя шаги.

— Еще не поздно, и если бы подвернулся подходящій случай да докторъ въ родѣ тебя...

— До свиданья, Морицъ.

— Жаль, что такъ скоро.

— Я совсѣмъ не жалѣю. Ты будешь сегодня въ колоніи?

— Едва ли, такъ какъ ночью уѣзжаю.

— Зайди, кланяйся отъ меня дамамъ и скажи пани Стефаніи, что я буду у нея въ магазинѣ завтра часовъ въ двѣнадцать.

— Хорошо, въ свою очередь, кланяйся отъ меня паннѣ Розѣ и передай Мюллеру, тоже отъ меня, что онъ—паяцъ.

Они пожали другъ другу руки и разстались.

Морицъ оглянулся на нее, когда она уже входила въ ворота дворца Мендельсоновъ, и отправился дальше.

Солнце потухало, опускаясь за городомъ и покрывая кровавымъ заревомъ заката тысячи оконныхъ стеколъ. Городъ утихалъ и точно скучивался въ вечерней темнотѣ; тысячи домовъ и крышъ все больше сливались въ одну сѣрую, громадную, безпорядочную массу, изрѣзанную каналами улицъ, на которыхъ уже загорались безконечныя линіи газовыхъ огней. Только фабричныя трубы, подобно лѣсу могучихъ красныхъ стволовъ, высились надъ всѣмъ, и какъ будто вздрагивали, колыхались на свѣтломъ фонѣ неба, еще пылая зарей заката.

— Сумасшедшая! Но я бы женился на ней! „Грюнспанъ, Ландсбергеръ и Вельтъ“ была бы солидная компанія, нужно объ этомъ подумать,—улыбаясь, мечталъ Морицъ.

VII.

— Что сегодня съ Морицемъ? — думала Меля, входя въ большой двухъэтажный угловой домъ-дворецъ Шаи.—Правда, у меня пятьдесятъ тысячъ рублей приданаго, его дѣла, должно быть, идутъ плохо, отсюда и эта внезапная нѣжность.

Ея мысли оборвались, такъ какъ въ переднюю выбѣжала Роза Мендельсонъ, немного прихрамывая на правую ногу.

— Я уже собиралась послать за тобой карету: не могла тебя дождаться.

— Меня провожалъ Морицъ Вельтъ, мы шли медленно, и онъ осыпалъ меня комплиментами...

— Жиденокъ!—презрительно бросила Роза, раздѣвая ее и кидая лакею шляпу, перчатки, вуаль и пелерину, по мѣрѣ того, какъ снимала ихъ съ Мели.

— Онъ посылаетъ тебѣ нижайшіе поклоны.

— Глупый! думаетъ, что я отвѣчу на его поклонъ при встрѣчѣ на улицѣ.

— Ты не любишь его?—сказала Меля, приглаживая растрепанные волосы передъ большимъ зеркаломъ, стоявшимъ между двумя огромными искусственными пальмами.

— Ненавижу, потому что отецъ какъ-то хвалилъ его. Впрочемъ, и Вилль его ненавидитъ: настоящая кукла!

— Вильгельмъ тутъ?

— Всѣ тутъ и всѣ скучаютъ въ ожиданіи тебя.

— А Высоцкій?—спросила Меля немного нерѣшительно.

— Здѣсь. Клянется, что передъ визитомъ вымылся весь. Слышишь,—весь!..

— Ну мы не станемъ провѣрять...

— Да, повѣримъ ужъ на слово,—говорила Роза, закусывая губу.

Онѣ взяли другъ друга подъ руку и пошли черезъ цѣлый рядъ комнатъ, залитыхъ тьмою приближающагося вечера и обставленныхъ съ необыкновенной роскошью.

— Что ты подѣлываешь, Роза?

— Скучаю и притворяюсь передъ гостями, будто они меня развлекаютъ; а ты?

— Тоже скучаю, но ни передъ кѣмъ не притворяюсь.

— Ужасная жизнь!—произнесла Роза со вздохомъ. — И до какихъ поръ это будетъ продолжаться?

— Ты хорошо знаешь, до какихъ: навѣрно, до самой смерти.

— Ахъ, что бы я дала, чтобы влюбиться!

— Себя и милліоны въ придачу.

— Правильнѣе: милліоны и себя въ придачу,—проговорила Роза жестко и насмѣшливо.

— Роза!—воскликнула съ упрекомъ Меля.

— Ну, тише, тише!—сказала Роза, отъ души цѣлуя ее.

Онѣ вошли въ небольшую комнату, совершенно черную, такъ какъ мебель, обои, портьеры,—все было изъ чернаго плюша, или выкрашено черной матовой краской.

Комната производила впечатлѣніе кладбищенской часовни.

Два голые, откинувшіеся назадъ, великана изъ темной бронзы держали въ геркулесовыхъ рукахъ надъ головой большіе букеты кукушкиныхъ слезокъ, удивительно переплетенныхъ хрустальными бѣлыми цвѣтами, изъ которыхъ разливался электрическій свѣтъ.

На маленькихъ диванахъ и низенькихъ креслахъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, а одинъ изъ мужчинъ даже лежалъ на коврѣ, покрывавшемъ весь полъ; коверъ былъ тоже черный, съ вышитымъ гладью по серединѣ огромнымъ букетомъ красныхъ кукушкиныхъ слезокъ, которыя, подобно чудовищнымъ червякамъ, казалось, ползали по комнатѣ

— Вилль, въ видѣ привѣтствія Мелѣ ты бы могъ перекувырнуться,—сказала Роза.

Вильгельмъ Мюллеръ, громадный, свѣтловолосый парень, въ обтянутомъ костюмѣ велосипедиста, поднялся съ кресла, бросился на коверъ, перекувырнулся три раза въ воздухѣ съ ловкостью профессіональнаго гимнаста и раскланялся, какъ цирковой клоунъ.

— Браво, Мюллеръ!—крикнулъ юноша, лежавшій на коврѣ у окна, закуривая папиросу.

— Меля, иди сюда и поцѣлуй меня,—проговорила сидѣвшая въ низкой качалкѣ дебелая дѣвица, лѣниво подставляя щеку. Меля поцѣловала ее и сѣла на диванъ рядомъ съ Высоцкимъ, который склонился надъ маленькой, тонкой, розовой блондинкой, протянувшей ноги на табуретъ. Высоцкій поминутно отряхивалъ отвороты сюртука, пряталъ вглубь рукавовъ довольно грязные манжеты, энергично покручивалъ свѣтлые усики и говорилъ:

— Именно съ феминистской точки зрѣнія законъ не долженъ дѣлать разницы между мужчиной и женщиной.

— Ну, да; но ты, Мецекъ, скученъ!—уныло жаловалась блондинка.

— Ты не здороваешься со мной, Мецекъ!—сказала Меля.

— Пусть пани извинитъ меня, но я никакъ не могу убѣдить панну Фелю.

— Высоцкій платитъ двойной штрафъ: онъ назвалъ Мелю „пани“, а Фелю „панна“; плати, Мецекъ!—закричала Роза, подбѣгая къ нему.

— Заплачу, Роза, сейчасъ заплачу,—отвѣтилъ онъ и началъ шарить во всѣхъ карманахъ.

— Мецекъ, не растегивайся совсѣмъ, это не интересно,—щебетала Феля.

— Я за тебя заплачу, если у тебя нѣтъ денегъ,—предложила Меля.

— Благодарю, деньги у меня есть: сегодня ночью за мной присылалъ одинъ паціентъ.

— О, Роза, какъ мнѣ скучно!—опять застонала въ своей качалкѣ Тони.

— Вилль, займи Тони, слышишь, лѣнтяй!

— Не хочу, я долженъ вытянуться, чтобы у меня не болѣла спина.

— Почему у тебя болитъ спина?

— Вѣроятно, по той же причинѣ, что и у тебя,—смѣялась Феля.

— Его нужно помассировать.

— Я бы хотѣла имѣть твою карточку, Вилль. Ты сегодня хорошо смотришь, — шепнула Роза, и въ ея большихъ, сѣрыхъ глазахъ заискрились зеленоватые огоньки. Она закусила свои тонкія губы, которыя выдѣлялись яркой линіей на продолговатомъ бѣломъ, прозрачномъ лицѣ, обрамленномъ красными, какъ мѣдь, волосами. Зачесанные на виски волосы почти закрывали розовые ушки, въ которыхъ горѣли огромные сапфиры, осыпанные бриллiантами.

— Снимайте съ меня фотографію,—сказалъ Вилль, ложась навзничь и положивъ руки подъ голову, и засмѣялся своимъ звучнымъ, веселымъ смѣхомъ. — Садитесь, дѣвочки, возлѣ меня! идите, синички!

— Онъ сегодня очень красивъ,—сказала Тони, склоняясь надъ его бѣлымъ, молодымъ, типичнымъ нѣмецкимъ лицомъ.

— Онъ тошный,—простонала Феля.

— Ты предпочитаешь Высоцкаго? — спросила Роза.

— Нѣтъ, у Высоцкаго слишкомъ тонкія ноги!

— Феля, не говори глупостей!

— Почему?

— Это не принято.

— Почему не принято? Я знаю, что говорятъ о насъ мужчины. Мнѣ Бернардъ разсказывалъ такой комичный случай, что я умирала со смѣху.

— Какой? Ну, разскажи, Феля,—просила, зѣвая, Тони.

— Эй, малютка, не смѣть при мнѣ, а то я никогда тебѣ больше ни слова,—протестовалъ Бернардъ.

— Онъ стѣсняется! Ха, ха, ха!—Феля принялась, какъ сумасшедшая, бѣгать по комнатѣ, перевертывала мебель, наваливалась на Тони.

— Феля, что ты выдѣлываешь?

— Скучаю, Роза, и бѣшусь отъ тоски,—и Тони усѣлась на кучѣ черныхъ плюшевыхъ подушекъ, которыя пододвинулъ ей лакей.

— Вилль, откуда у тебя шрамъ?—спросила она, водя длиннымъ, тонкимъ пальцемъ по красной полосѣ, разсѣкавшей его лицо отъ уха до маленькихъ взъерошенныхъ усиковъ.

— Отъ сабли,—отвѣчалъ онъ, ловя зубами ея палецъ.

— Изъ-за женщины?

— Да. Пусть Бернардъ разскажетъ; онъ былъ моимъ секундантомъ. Объ этомъ дѣлѣ въ Берлинѣ говорили на улицахъ.

— Разскажи, Бернардъ.

— Оставьте меня въ покоѣ: мнѣ некогда,—проворчалъ Бернардъ, перевертываясь и смотря въ разрисованный потолокъ, на летящихъ за золотой колесницей Авроры голыхъ крылатыхъ нимфъ. Онъ курилъ папиросу за папиросой, которыя подавалъ ему стоявшій въ дверяхъ лакей, одѣтый въ красную французскую ливрею.—Впрочемъ, это слишкомъ скандальное дѣло,—прибавилъ Бернардъ.

— Вилль, мы вѣдь условились, при основаніи нашего общества, разсказывать другъ другу все, рѣшительно все,—сказала Тони, подвигаясь къ нему вмѣстѣ съ кресломъ.—Говори, Вильгельмъ: въ награду я выйду за тебя замужъ,—какъ-то странно засмѣялась она.

— Я бы взялъ тебя: въ тебѣ есть что-то сатанинское.

— И еще хорошее приданое,—отвѣтила она насмѣшливо.—Ахъ, все это такъ скучно! Вилль, представь свинью, милый мой, представь!—стонала Тони, вытягиваясь въ креслѣ съ такою силой, что большая пуговица, въ видѣ камеи, оторвалась отъ ея лифа.

Она чувствовала такую безконечную скуку, что просила, не переставая, жалобнымъ голосомъ, какъ упрямый ребенокъ:—представь свинью, Вилль, представь!

Вильгельмъ сталъ на четвереньки, изогнулъ спину и началъ короткими прыжками, похрюкивая, бѣгать по комнатѣ.

Тони захлебывалась отъ безумнаго смѣха, Роза изо всѣхъ силъ хлопала въ ладоши, а Феля топала ногами и тряслась отъ хохота. Ея короткіе, свѣтлые волосы распустились и падали на розовое, оживленное лицо.

Меля, тоже охваченная общимъ весельемъ, бросала подушками въ Мюллера, а Мюллеръ подпрыгивалъ, протяжно

хрюкалъ и, наконецъ, началъ тереться изогнутой спиной о ноги Розы. Затѣмъ, растянулся по серединѣ комнаты и сталъ ворчать и взвизгивать будто сквозь сонъ.

— Необыкновенно! Замѣчательно! — кричали въ восторгѣ развеселившіяся барышни.

Высоцкій, изумленный, съ вытаращенными глазами, смотрѣлъ на это балаганное развлеченіе скучающихъ милліонершъ; онъ забылъ даже про отвороты сюртука, не тискалъ въ рукава манжетъ, не закручивалъ усиковъ.

— Шутъ!..—съ отвращеніемъ сказалъ онъ.

— Съ какой точки зрѣнія?—спросила Меля. Она успокоилась первая.

- Со всѣхъ,—отвѣтилъ Высоцкій и сталъ искать шляпу, въ которую Феля пробовала засунуть обѣ ноги.

— Ты бѣжишь, Мецекъ?—спросила она, удивленная его строгимъ взглядомъ.

— Да... мнѣ стыдно, что я человѣкъ...

— Франсуа, открыть всѣ двери: выходитъ оскорбленное человѣчество! — закричалъ насмѣшливо Бернардъ, который все время лежалъ самымъ спокойнымъ образомъ и курилъ папиросу.

— Роза, Мецекъ обидѣлся: хочетъ уходить, не позволяй ему.

— Мецекъ! Что случилось? почему?

— У меня нѣтъ времени, я обѣщалъ зайти,—оправдывался онъ, осторожно силясь стащить свой несчастный цилиндръ съ ногъ Фели.

— Останься, я очень прошу тебя! ты же обѣщалъ проводить меня, — горячо просила Меля, и ея блѣдное лицо покрылось румянцемъ волненія.

Онъ покорился, но сидѣлъ пасмурный, даже не отвѣчая на насмѣшливыя замѣчанія Бернарда и остроты Мюллера, который опять растянулся у ногъ Розы.

Водворилась тишина.

Голубоватый свѣтъ электричества вздрагивалъ въ хрустальныхъ чашечкахъ цвѣтовъ, мерцалъ на черныхъ, матовыхъ стѣнахъ, съ которыхъ, какъ голубые глаза, глядѣли четыре италіанскія акварели въ черныхъ бархатныхъ рамахъ; скользилъ по скучающимъ лицамъ, которыя желтоватыми пятнами выдѣлялись на черномъ фонѣ мебели; искрился на зеленоватой бронзѣ украшеній піанино. Со своей открытой клавіатурой, оно походило на какое-то чудовище, сверкавшее длинными желтоватыми клыками.

Сквозь внутренніе ставни и спущенныя тяжелыя портьеры доносился только слабый гулъ города и почти беззвучныя сотрясенія воздуха, напоминавшія біеніе пульса.

Дымъ отъ папиросъ Бернарда носился синеватымъ, рѣдкимъ облакомъ, окутывая тончайшимъ покрываломъ золотую колесницу Авроры и голыхъ нимфъ; цѣплялся за стѣны, разрываясь въ длинныя волокна на плюшѣ, и вылеталъ въ сосѣднюю комнату, въ дверяхъ которой алѣла ливрея лакея, готоваго къ услугамъ по первому мановенію.

— Роза, я скучаю, я смертельно скучаю,—снова застонала Тони.

— А мнѣ очень весело!—крикнула Феля, подбрасывая ногой цилиндръ Высоцкаго.

— Франсуа, вели подать чай,—распорядилась Роза.

— Роза, не уходи...—просилъ Вильгельмъ. Онъ поднялся на локтѣ и началъ что-то нашептывать, то и дѣло цѣлуя розовый кончикъ ея уха.

— Не укуси! У тебя такія горячія губы!—шептала она, нагибаясь къ нему; изъ-подъ опущенныхъ тяжелыхъ синеватыхъ вѣкъ ея искрились зеленоватые огоньки.

— Отъ страха онъ началъ креститься...—громче зашепталъ Вилль.

— Что же онъ, католикъ?

— Нѣтъ, просто на всякій случай.

Она выслушала конецъ разсказа, сохраняя скучающій видъ.

— Вильгельмъ, ты добрый и милый,—сказала она, гладя его по лицу,—но твои берлинскіе анекдоты скучны и глупы. Я сейчасъ вернусь, а Бернардъ пусть пока поиграетъ.

Бернардъ поднялся, толкнулъ ногой табуретъ къ піанино и съ бѣшенной бравурой заигралъ третью фигуру кадрили.

Всѣ очнулись отъ тоскливаго молчанія.

Вильгельмъ принялся танцовать съ Фелей на манеръ канкана; волосы Фели развѣвались, какъ пукъ соломы на вѣтру, закрывали лицо до подбородка, и она откидывала ихъ рукою.

Тони, растянувшись въ креслѣ, скучающимъ взглядомъ слѣдила за движеніями Вилля.

Лакей въ сторонѣ разставлялъ для чая маленькіе столики краснаго дерева, съ изящной инкрустаціей изъ перламутра.

Роза лѣниво потянулась и, слегка хромая, направилась къ дверямъ, но на минуту остановилась возлѣ Высоцкаго, который говорилъ въ полголоса:

— Честное слово, не декадентство, а нѣчто совсѣмъ другое.

— Что-же это?—спросила Меля, удерживая его руки, чтобы онъ не трогалъ отворотовъ сюртука и не засовывалъ манжетъ.

— Я хочу стать декаденткой, Мецекъ; могу я быть декаденткой? Мецекъ, я хочу, хочу, потому что мнѣ скучно,—говорила Тони.

— Это бездѣльничество отъ излишка времени и денегъ!.. Скука — болѣзнь богачей. Ты, Меля, скучаешь, Роза, Тони, Феля, а съ вами и эти два болвана. Скучаетъ добрая половина дочерей и женъ милліонеровъ. Все вамъ надоѣло: вы можете имѣть все, что продается. Васъ ничто не интересуетъ, вы хотите только развлекаться, но самыя безумныя развлеченія тоже кончаются скукой. Съ соціальной точки зрѣнія...

— Но ты обо мнѣ дурно не думаешь? — прервала его Меля, гладя его руки.

— Я не дѣлаю исключеній, и ты принадлежишь къ вырождающемуся племени, изъ всѣхъ племенъ наиболѣе отдаленному отъ природы, что неизбѣжно должно отражаться.

— Онъ тебѣ, Меля, научно докажетъ со всѣхъ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, что величайшее преступленіе на свѣтѣ—богатство,—сказала Роза.

— Сядь, Роза, возлѣ насъ.

— Сейчасъ вернусь, только зайду къ отцу.

На верху въ кабинетѣ было почти темно.

Шая Мендельсонъ въ молитвенныхъ одеждахъ, съ обнаженной лѣвой рукой, затянутой ремешками, сидѣлъ по серединѣ комнаты, молясь вполголоса и сосредоточенно раскачиваясь.

У оконъ стояли два старые, сѣдобородые пѣвца изъ синагоги, въ такихъ-же полосатыхъ одеждахъ и, ловя послѣдній розовый отблескъ дня, раскачивались подъ какой-то удивительно страстный и печальный мотивъ.

Ихъ голоса были исполнены жалобы и страданія и звучали то глухимъ отчаяніемъ, безнадежнымъ стономъ, то рѣзкимъ, пронзительнымъ крикомъ, который долго выбрировалъ въ тишинѣ комнаты; иногда голоса понижались до шопота, и тогда текла нѣжная мелодія, какъ будтс исполняемая флейтой въ тишинѣ цвѣтущихъ садовъ, среди ароматной тѣни, въ полуснѣ любовныхъ грезъ, среди которыхъ прорывалась тоска и вздохи по пальмовымъ садамъ Іерусалима, по необъятнымъ, печальнымъ пустынямъ, палящему зною солнца, потерянной, но безконечно любимой отчизнѣ...

Они раскачивались все быстрѣе, глаза ихъ загорались экстазомъ, длинныя сѣдыя бороды тряслись отъ волненія. Ихъ захватывали звуки собственныхъ голосовъ, ритмъ пѣсни, которая неслась въ пустой, тихой полутемной комнатѣ, рыдая, моля, дрожала отъ жалобы и славила благость и силу Господа.

За окнами было тихо.

Большія рабочія казармы прямо противъ оконъ кабинета загорѣлись огнями, а съ другой стороны чернѣлъ паркъ густой чащей пихтъ, которыя отдѣляли дворецъ отъ фабрикъ, и бѣлѣли въ сумеркахъ кучи снѣга между низкими кустарниками.

Шаѣ были видны громадные контуры фабрикъ, съ ихъ высокими трубами.

Онъ горячо молился, но не могъ ни на минуту оторвать глазъ отъ фабрикъ, ихъ могучихъ стѣнъ, все больше сливавшихся съ мракомъ. Ночь окутывала городъ своимъ темнымъ плащомъ, и ея спокойное, тихое лицо смотрѣло милліонами звѣздъ.

Пѣвцы свернули свои молитвенныя одежды въ бархатные мѣшки, на которыхъ блестѣли вышитыя золотомъ еврейскія буквы.

— На, Мендель, рубль.

Шая далъ пѣвцу серебряную монету, которую тотъ внимательно началъ разсматривать у окна.

— Что смотришь: не фальшивый!.. А тебѣ, Абрамъ, я заплачу сегодня семьдесятъ пять копѣекъ: ты былъ не въ настроеніи, ты дѣлалъ только видъ, что поешь, хотѣлъ обмануть меня и Господа Бога.

Пѣвецъ посмотрѣлъ на Шаю глазами, полными слезъ экстаза, взялъ горсть мѣдныхъ монетъ и тихо простился.

Роза стояла за дверью цѣлый часъ и едва удерживалась отъ смѣха.

Какъ только пѣвцы вышли, она надавила пуговку, и электрическій свѣтъ залилъ комнату.

— Роза!

— Тебѣ нужно что нибудь?—спросила она, садясь на ручку кресла.

— Нѣтъ. Твои гости собрались?

— Да.

— Весело вамъ?—онъ погладилъ ее головѣ.

— Не очень. Даже Мюллеръ сегодня скученъ.

— Зачѣмъ-же они тебѣ? Мы можемъ имѣть интересныхъ гостей. Хочешь, я велю Станиславу поискать? въ Лодзи достаточно веселаго народа. Зачѣмъ тебѣ скучать за собственныя деньги?... А что за человѣкъ Высоцкій?

— Докторъ; онъ какой-то особенный, совсѣмъ не лодзинскій, у него аристократическая родня, мать графской семьи и есть гербы.

— Только не на чемъ ихъ носить. Онъ тебѣ нравится?

— Да, онъ не похожъ на нашихъ и очень уменъ.

— Ученый?

Шая величественнымъ движеніемъ погладилъ бороду и сдѣлался внимательнѣе.

— Онъ написалъ книжку, за которую какой-то нѣмецкій университетъ далъ ему золотую медаль.

— Большую медаль?

— Не знаю,—презрительно пожала она плечами.

— Намъ въ больницу нуженъ докторъ; я бы его взялъ, если онъ такой ученый.

— А много ты будешь ему платить?

— Дѣло не въ деньгахъ: онъ имѣлъ бы большую практику и служилъ бы въ моей фирмѣ; это одно чего-нибудь стоитъ. Скажи ему, пусть завтра придетъ въ контору. Я люблю помогать ученымъ людямъ.

— А велѣлъ ты Станиславу пригласить къ намъ Боровецкаго?

— Роза, я уже говорилъ тебѣ, что Бухгольцу, и всему, что, ему принадлежитъ желаю всякихъ несчастій. Пусть онъ обанкротится... Я изъ-за этого злодѣя-пруссака, который пріѣхалъ въ Польшу на собакахъ и съ насъ нажилъ деньги,— пусть родъ его погибнетъ до десятаго колѣна! — я изъ-за него постоянно хвораю, изъ-за него болитъ мое сердце, онъ меня постоянно обворовываетъ. А этотъ Боровецкій самый худшій пруссакъ!—выкрикивалъ съ ненавистью Шая.

— Но вѣдь онъ полякъ.

— Полякъ! хорошъ полякъ! Когда онъ началъ печатать свои ситцы, то мнѣ вернули изъ Россіи половину моего товара, сказали, что дрянь, что у Бухгольца лучше... Это полякъ такъ дѣлаетъ! Онъ портитъ торговлю, хамамъ даетъ такіе рисунки и цвѣта, которые взяла бы каждая графиня. Зачѣмъ это? для чего? Сколько я потерялъ изъ-за него, сколько потеряли всѣ наши и бѣдные ткачи! Онъ съѣлъ стараго Фишбина, съѣлъ тридцать другихъ фирмъ. Ты не говори мнѣ о немъ: у меня внутри все переворачивается, когда я вспоминаю о немъ. Онъ хуже самаго сквернаго нѣмца, потому что съ нѣмцемъ можно торговаться, а онъ баринъ, важный графъ!—Шая плюнулъ съ презрѣніемъ и злобой.

— Прислать тебѣ чаю?

— Я поѣду пить чай къ Станиславу и отвезу Юлѣ игрушки, которыя сегодня прислали изъ Парижа.

Роза поцѣловала отца въ щеку и вышла.

Шая, вставъ, погасилъ свѣтъ, потому что любилъ бережливость во всемъ, и принялся ходить по совершенно темной комнатѣ.

Ходилъ и думалъ о своемъ вѣчномъ противникѣ,—Бухгольцѣ.

Онъ ненавидѣлъ его всей силой еврейскаго фанатизма; ненавидѣлъ, какъ фабриканта-соперника.

Бухгольцъ всегда и вездѣ былъ первымъ, и онъ не могъ это простить. Шая былъ вождемъ еврейской массы: она окружала его языческимъ поклоненіемъ, почетомъ нищихъ, загипнотизированныхъ милліонами, которые росли въ рукахъ Шаи съ быстротою снѣжной лавины.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ,—Шая хорошо это помнилъ,—Бухгольцъ приближался уже къ милліонамъ, а онъ только начиналъ свою карьеру въ качествѣ приказчика жалкой лавченки въ Старомъ Городѣ. Его спеціальностью было зазывать покупателей, носить свертки по домамъ, мести иногда лавку и тротуаръ передъ ней. Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ стоялъ на тротуарѣ, на морозѣ, подъ дождемъ, въ жару, получая пинки отъ прохожихъ, голодный и оборванный, охрипшій отъ зазываній; платилъ онъ тогда рубль въ мѣсяцъ за ночлегъ въ ужасной норѣ.

Потомъ онъ внезапно исчезъ и, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія появился вновь, никто его не узналъ.

Онъ вернулся съ небольшими деньгами и началъ вести дѣло на свой страхъ.

Шая пренебрежительно улыбнулся, вспомнивъ жалкую телѣгу, на которой развозилъ товары по окрестнымъ деревнямъ... Онъ жилъ въ то время въ ужасной нищетѣ: съ пятьдесятью рублями капитала, включая сюда телѣгу и лошадь, онъ долженъ былъ содержать себя, жену, дѣтей и клячу..

Потомъ эти первые ткацкіе станки, эти тысячи мелкихъ надувательствъ въ вѣсѣ сырого матеріала, который онъ выдавалъ берущимъ работу на домъ, въ мѣрѣ, экономія въ пищѣ своей и своей семьи, во всемъ,—прежде, чѣмъ Шая рѣшился, наконецъ, арендовать заброшенную маленькую фабрику.

Шая первый завелъ агентовъ въ мѣстечкахъ; самъ онъ не досыпалъ, не доѣдалъ, даже не жилъ, а только работалъ и копилъ.

Онъ первый началъ отпускать товары въ кредитъ. Бухгольцъ, какъ всѣ лодзинскіе нѣмцы, продавалъ по старой системѣ—только на наличныя.

Шая первый изобрѣлъ „дешевку“, понизилъ лодзинское производство, которое до него пользовалось славой.

Онъ ввелъ и усовершенствовалъ систему эксплуатаціи.

Послѣ бывшаго у него пожара онъ поставилъ собственную фабрику съ тысячью рабочихъ и укрѣпился на прочномъ фундаментѣ.

Десятки тысячъ, сотни, милліоны стекались въ его кассы изъ помѣщичьихъ усадебъ, изъ крестьянскихъ избъ, изъ

прокисшихъ отъ грязи мѣстечекъ, столицъ, степей, съ отдаленныхъ горъ; они лились все болѣе широкими ручьями, и Шая росъ, становился могущественнѣе.

Другіе несли убытки, умирали, банкротились, благодаря несчастіямъ и общимъ кризисамъ, а Шая стоялъ прочно; старыя постройки у него горѣли, вмѣсто нихъ возникали новыя, болѣе громадныя, которыя еще сильнѣе высасывали милліоны изъ земли, матеріаловъ, людей, конкуррентовъ...

Но Бухгольцъ всегда былъ выше; его онъ не могъ сокрушить.

Шая росъ, и въ немъ все усиливалось желаніе одолѣть Бухгольца; каждый рубль, который тотъ наживалъ, Шаѣ казался украденнымъ, выхваченнымъ у него. Онъ жилъ надеждой, что переростетъ Бухгольца и всѣхъ другихъ, станетъ въ Лодзи единственнымъ.

Съ Бухгольцомъ считалось общественное мнѣніе, его слово было равносильно звонкой монетѣ, у него искали совѣта и почина по многимъ вопросамъ болѣе общаго характера; его товары пользовались самой лучшей репутаціей; къ Бухгольцу относились съ извѣстнымъ уваженіемъ, тогда какъ къ Шаѣ даже равные съ нимъ аферисты питали презрѣніе и ненависть.

Шая не могъ понять почему, но ему казалось, что Бухгольцъ не только отнимаетъ у него деньги, но все самое дорогое, а главное, — господство надъ фабричнымъ міромъ. За это онъ ненавидѣлъ его больше всего.

Расхаживая по темной комнатѣ, Шая посматривалъ на жилища рабочихъ и вдругъ остановился. Онъ надѣлъ очки и началъ всматриваться въ третій этажъ противоположнаго дома. Тамъ были сильно освѣщены три окна, и за ними мелькали силуэты. Онъ открылъ форточку и сталъ прислушиваться.

Скрипка дрожащимъ голосомъ пѣла сантиментальный вальсъ, ей вторили стонущіе звуки віончели. Потомъ раздался взрывъ голосовъ, и смѣхъ вмѣстѣ со звономъ стакановъ и тарелокъ бурнымъ каскадомъ разлился по улицѣ.

Шая надавилъ пуговку электрическаго звонка.

— Кто тамъ живетъ? — рѣзко спросилъ онъ лакея, указывая на окна.

— Сейчасъ узнаю, ясный пане.

— Я боленъ, а они пируютъ! На какія деньги они пируютъ? Откуда у нихъ деньги?—думалъ онъ раздраженно и не могъ оторвать глазъ отъ оконъ.

— Домъ Е, третій этажъ, пятьдесятъ шестой номеръ, — быстро докладывалъ лакей,—живетъ тамъ Эрнестъ Рамишъ, мастеръ пятой ткацкой залы.

— Хорошо. Пойди и скажи, чтобы перестали играть; скажи, что я не желаю, чтобы они пировали. Да вели запречь лошадей... Эрнестъ Рамишъ... должно быть, слишкомъ много получаетъ, если хватаетъ на пирушки,—говорилъ онъ, стараясь запомнить фамилію ткача.

VIII.

— Сейчасъ пріѣду. До свиданья,—со злостью отвѣтилъ по телефону Боровецкій Люси, которая просила его немедленно пріѣхать въ лѣсъ Мильша, такъ какъ у нея есть крайне важное дѣло.

— Нашла время! Сумасшедшая, ей-Богу, — думалъ онъ раздраженно.

Боровецкій съ шести часовъ не имѣлъ ни минуты покоя: сходилъ на фабрику послѣдить за печатаніемъ новыхъ рисунковъ, съѣздилъ въ центральное бюро по поводу злоупотребленій, которыя открылъ въ главномъ магазинѣ Бухгольцъ; все время бѣгалъ, писалъ, отдавая тысячи приказаній; тысячи заботъ терзали его мозгъ, тысячи людей и сотни машинъ ждали его распоряженій. Онъ ссорился съ Бухгольцомъ, кромѣ того, былъ раздраженъ ожиданіемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней телеграммы отъ Морица; измученъ работой, тѣмъ ужаснымъ ярмомъ, которое взялъ на свою шею, замѣняя Кнолля; оглушенъ размѣрами и количествомъ дѣлъ, которыя долженъ былъ вести сразу, а тутъ еще эта сумасшедшая зоветъ куда-то на свиданье за городъ!

Сегодня ему не удалось даже выпить чаю, потому что Бухгольцъ, не смотря на болѣзнь, велѣлъ принести себя съ кресломъ въ контору, во все вмѣшивался, на всѣхъ кричалъ и наводилъ только страхъ и растерянность на служащихъ.

— Пане Боровецкій,—крикнулъ Бухгольцъ, сидя съ закутанными ногами, въ потертой мѣховой шапкѣ и съ палкой на колѣняхъ. — Скажите по телефону Марксу, чтобы онъ не давалъ ни на рубль товару Мильнеру въ Варшавѣ. Онъ уже слишкомъ много долженъ намъ, а я получилъ извѣстіе, что онъ быстро приближается къ банкротству.

Боровецкій позвонилъ въ телефонъ и началъ просматривать какія-то громадныя таблицы.

— Пане Горнъ! Провѣрьте эту накладную. Въ ней ошибка: желѣзная дорога взяла черезчуръ много, навѣрное, считали не по тому тарифу, — кричалъ Бухгольцъ Горну, который былъ переведенъ, по распоряженію Бухгольца, изъ второстепенной конторы печатни въ личную его контору.

Горнъ, очень блѣдный, съ красными отъ усталости и без-

сонныхъ ночей глазами, принялся машинально подсчитывать, но все ошибался, не могъ сосредоточить вниманія; колонны цифръ плясали передъ нимъ, какъ живыя.

Поминутно зѣвая, скучающимъ взглядомъ посматривалъ онъ на часы и съ нетерпѣніемъ ждалъ полдня.

— Пусть выдадутъ той бабѣ, которой вы покровительствуете, двѣсти рублей, и пусть она идетъ, налижется на нихъ. Она со всѣми своими щенятами не стоитъ и пятидесяти рублей!

— Это юридическій отдѣлъ долженъ сдѣлать?

— Да, надо взять оффиціальную расписку. Бауэръ, послѣди за этимъ дѣломъ. Пора съ нимъ кончить, а то еще кто нибудь подговоритъ бабу подать жалобу въ судъ.

Горнъ опустилъ ниже голову, чтобы скрыть ироническую, торжествующую улыбку.

— Пане Бухгольцъ, у васъ лошади свободны?—спросилъ Боровецкій.

— Если нужно, берите; можете брать всегда, когда вамъ потребуются. Сейчасъ скажу... Каналья, вези!—крикнулъ онъ лакею, который толкнулъ кресло къ фабричному телефону.

— Конюшня!—крикнулъ онъ, сильно позвонивъ.—Немедленно карету! Подавать всякій разъ, какъ потребуетъ панъ Боровецкій... Бухгольцъ говоритъ, каналья! — крикнулъ онъ въ отвѣтъ телефонисткѣ, спросившей—кто приказываетъ.

Лакей опять придвинулъ его къ столу и сталъ въ сторонѣ.

— Горнъ, садитесь возлѣ меня, я буду диктовать. Вы шевелитесь быстрѣе, когда я говорю вамъ, — крикнулъ онъ со злостью.

Горнъ закусилъ губы, сѣлъ и началъ писать. Бухгольцъ быстро бросалъ ему фразы, не переставая въ то-же время заниматься другими дѣлами и покрикивая отъ времени до времени:

— Вы не спите! Я вамъ плачу не за спанье,—и съ силой стучалъ палкой въ полъ.

Горна это раздражало, и вообще онъ былъ сегодня настолько взволнованъ, что едва сдерживался и весь дрожалъ.

Послышался звонокъ телефона.

— Баронъ Оскаръ Мейеръ спрашиваетъ, застанетъ ли черезъ полчаса пана Бухгольца?

— Пане Боровецкій, скажите, пожалуйста, что я не принимаю никого, лежу въ постели.

Карлъ отвѣтилъ и опять сталъ слушать.

— Чего онъ еще хочетъ?

— Говоритъ, что у него важное личное дѣло.

— Не принимаю!—закричалъ Бухгольцъ.—Баронъ Оскаръ Мейеръ можетъ имѣть важное дѣло къ моей собакѣ, а не

ко мнѣ!.. Каналья!.. Хамъ! — бормоталъ онъ между диктовкой.

Бухгольцъ не выносилъ Мейера и повсюду издѣвался надъ его баронствомъ, купленнымъ въ Германіи. Мейеръ былъ у него ткачомъ, а теперь сдѣлался фабрикантомъ шерстяныхъ издѣлій и владѣлъ милліонами.

— Скорѣе-же!—крикнулъ со злостью Бухгольцъ Горну.

— Я обѣими руками писать не умѣю.

— Что это значитъ?

— Не могу писать скорѣе, чѣмъ пишу.

Бухгольцъ сталъ диктовать нѣсколько медленнѣе. Горнъ, какъ будто на зло, выводилъ чрезвычайно медленно и все сильнѣе морщилъ брови отъ гнѣва.

Въ конторѣ воцарилась мертвая тишина.

Боровецкій уже въ пальто стоялъ у окна, съ нетерпѣніемъ ожидая лошадей.

Конторщики, съ прикованными къ конторкамъ лицами, лихорадочно работали, боясь громче вздохнуть или перекинуться словомъ. Бухгольцъ на всѣхъ нагонялъ страхъ, кромѣ Бауэра, своего стараго друга и повѣреннаго, того самаго Бауэра, который, по убѣжденію Карла, сообщилъ Цукеру телеграмму на счетъ повышенія пошлины.

Лошади, наконецъ, пріѣхали, и Бухгольцъ сказалъ вслѣдъ быстро выходившему Боровецкому:

— Загляните еще по возвращеніи.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только потихоньку выругался. Онъ такъ былъ измученъ работой и ожиданіемъ извѣстій отъ Морица, что едва держался на ногахъ.

Онъ велѣлъ ѣхать кучеру въ лѣсъ Мильша.

Возлѣ стараго пивного завода, громаднаго полуразрушеннаго зданія, которое, какъ трупъ, лежало за городомъ, онъ велѣлъ кучеру остановиться и подождать его тутъ.

Пройдя покинутый домъ, съ выбитыми окнами, безъ дверей, безъ воротъ, съ проваливавшейся крышей, съ разрушенными стѣнами, рыжіе кирпичи которыхъ разсыпались въ вязкую грязь; миновавъ заборы складовъ, Боровецкій, черезъ размякшую лужайку, добрался, наконецъ, до такъ называемаго лѣса Мильша.

— Чортъ побери этихъ истеричекъ! — выбранился онъ. Глина такъ облипала его ботинки, что онъ съ трудомъ вытаскивалъ ноги. — Іерусалимская романтичка! — прибавилъ онъ со злостью, чувствуя себя смѣшнымъ въ роли любовника, вынужденнаго мѣсить грязь, отправляясь на свиданіе, за городъ, въ лѣсъ, въ мартѣ мѣсяцѣ.

День былъ угрюмый; тучи низко плыли надъ землей и медленно превращались въ мелкій, пронизывающій дождь.

Лодзь утопала въ грязномъ, почти черномъ туманѣ и дымѣ, который, какъ покрывало, лежалъ надъ городомъ.

Боровецкій остановился на минуту около лѣтняго ресторана, окна котораго были закрыты ставнями, большія веранды загромождены столами и стульями, а двери забиты досками. Между голыми деревьями, на желтѣющихъ отъ песку тропинкахъ бѣлѣли неубранныя скамейки, осыпанныя гніющими листьями.

Подлѣ стѣнъ было суше, но никого не видно, и Карлъ углубился въ лѣсъ.

Жалкій, хвойный лѣсокъ медленно погибалъ, убиваемый сосѣдствомъ фабрикъ и безчисленными колодцами, нарытыми для осушки сосѣднихъ земель, которыя отнимали у деревьевъ влагу, и рѣчка фабричныхъ отбросовъ, вившаяся разноцвѣтной лентой между стволами съ пожелтѣвшей хвоей, вносила разложеніе въ эти живые организмы и распространяла вокругъ убійственные міазмы.

Подъ покровомъ лѣса, на тропинкахъ еще лежалъ снѣгъ, по дорогѣ же, гдѣ зимой ходили только рабочіе изъ сосѣднихъ деревень, въ размякшемъ снѣгу виднѣлись ряды глубокихъ слѣдовъ.

Боровецкій скользилъ, спотыкался о корни деревьевъ, шелъ вглубь, но Люси все не было видно.

Раздраженный безплодными поисками, холодомъ и пронизывающей сыростью, онъ хотѣлъ уже вернуться, какъ вдругъ изъ-за толстаго ствола, гдѣ она стояла, притаившись, Люси бросилась ему на шею съ такой силой, что сшибла съ него шляпу.

— Люблю тебя, Карлъ! — вскрикнула она, осыпая его страстными поцѣлуями.

Онъ отвѣтилъ ей тѣмъ-же, но промолчалъ: отъ злости ему хотѣлось ругаться.

Люси взяла его подъ руку, и они начали ходить между деревьями, по раскисшей и скользкой землѣ.

Лѣсъ шумѣлъ печально и глухо, стряхивая на нихъ, вмѣстѣ съ иглами сухихъ елей, капли дождя, который, усиливаясь, хлесталъ по вѣтвямъ.

Люси не умолкала, прерывая разговоръ поцѣлуями и нѣжными кошачьими ласками. Она, какъ ребенокъ, перескакивала съ предмета на предметъ, и разражалась веселымъ, искреннимъ смѣхомъ при малѣйшемъ поводѣ.

Она была очень красива въ полувесеннемъ англійскомъ костюмѣ, въ большой, черной мѣховой накидкѣ съ воротникомъ à la Medicis, изъ страусовыхъ перьевъ, въ огромной черной шляпѣ, изъ-подъ которой ея чудные глаза сверкали, какъ два сапфира.

Ее увлекало это романтическое свиданіе. Люси не хотѣла встрѣтиться съ нимъ въ городѣ, а жаждала чего-нибудь необыкновеннаго и теперь наслаждалась всей истосковавшейся душой, не замѣчая даже молчанія Карла, который едва отвѣчалъ ей и часто посматривалъ на часы.

Какое ей дѣло до всего? онъ съ ней, иногда отвѣчаетъ на ея поцѣлуи такъ страстно, что ея глаза затуманиваются; она можетъ говорить о своей любви, бросаться поминутно ему въ объятья и чувствовать сладостное нервное возбужденіе, полное тревоги, — не подстерегъ бы ихъ кто нибудь.

Она поминутно оглядывалась. Когда деревья начинали шумѣть громче или вороны съ крикомъ снимались и летѣли къ городу, Люси прижималась къ Боровецкому, дрожа отъ ужаса, и онъ долженъ былъ разсѣевать ея тревогу поцѣлуями и увѣреніями, что они въ полной безопасности.

— Карлъ, у тебя есть револьверъ?—спросила она.

— Есть.

— Вынь его, золотой, мой милый! Я буду чувствовать себя спокойнѣе. Ты не позволилъ бы обидѣть меня, правда?—шептала она, прижимаясь къ нему.

— О, можешь быть увѣрена. Но чего ты боишься?

— Я не знаю,—чего, но очень, очень боюсь!

— Разбойниковъ тутъ нѣтъ.

— Неправда, я недавно читала, что здѣсь убили рабочаго; я знаю навѣрное, что здѣсь убиваютъ.

— Будь покойна; со мной ты безопасна.

— Ты вѣрно очень мужественный? Поцѣлуй меня, только крѣпко-крѣпко!.. Тише!—сказала она, отшатнувшись.—Кто-то зоветъ!

Никто не звалъ,—это лѣсъ шумѣлъ и качался, медленно, автоматически; высокія деревья, казалось, разгоняли своими вершинами клубы тучъ; дождь сыпался,какъ крупное зерно, и съ шумомъ ударялъ по крышѣ трактира.

Карлъ раскрылъ зонтикъ, и они стали подъ деревомъ.

— Мнѣ очень жаль, что ты вышла въ такую погоду.

— Я люблю такую.

Она сняла перчатку и выставила на дождь свою длинную бѣлую руку.

— Ты простудишься, заболѣешь.

— Это было бы хорошо: я лежала бы въ кровати и все думала бы о тебѣ.

— Да, но я не могъ бы тогда тебя видѣть.

— О, въ такомъ случаѣ я не хочу! Цѣлыхъ три дня мы не видались, я не могла больше выдержать. А ты думалъ обо мнѣ?

— Долженъ былъ, потому что не могъ ни о чемъ другомъ думать.

— Это хорошо! И ты меня еще любишь?

— Развѣ ты сомнѣваешься?

— Я вѣрю, что ты будешь любить меня всегда.

— Всегда.

Онъ старался смягчить голосъ и придать лицу счастливый видъ, но ему это не удавалось, потому что калоши и ботинки его промокли и, кромѣ того, предстояло еще столько работы.

Прошелъ почти часъ. Люси рѣшилась вернуться только тогда, когда ея лицо и руки такъ иззябли, что Карлъ долженъ былъ согрѣвать ихъ поцѣлуями. Когда онъ спросилъ, какое у нея было важное дѣло, о которомъ она говорила по телефону, Люси бросилась ему на шею.

— Я хотѣла только сказать тебѣ: „люблю тебя", хотѣла тебя видѣть!

Она, наконецъ, пошла, но возвращалась еще нѣсколько разъ увѣрить его въ своей любви и просила, чтобы онъ не выходилъ изъ лѣсу, пока она не сядетъ въ карету, ожидавшую ее въ переулкѣ.

Фабричные свистки раздавались со всѣхъ сторонъ, когда Боровецкій поѣхалъ въ контору.

Онъ засталъ лишь Бухгольца и Горна; остальные разошлись обѣдать.

— Вы слишкомъ подчеркиваете свои слова, — говорилъ Бухгольцъ Горну, вытягиваясь въ креслѣ.

— Я не умѣю иначе говорить,—ворчалъ Горнъ.

— Нужно научиться, потому что я не выношу подобнаго тона.

— Это для меня Schwam drüber, пане Бухгольцъ,—отвѣтилъ Горнъ почти спокойно, хотя губы его нервно дрожали.

— Кому вы это говорите?—повысилъ голосъ Бухгольцъ.

— Пану Бухгольцу.

— Пане Горнъ, я васъ предостерегаю, что у меня мало терпѣнія, я вамъ...

— Мнѣ не интересно знать, терпѣливы вы или нѣтъ.

— Не перебивайте, когда я говорю... когда Бухгольцъ говоритъ.

— Не вижу основаній, почему не можетъ молчать Бухгольцъ, когда Горнъ говоритъ.

Бухгольцъ вспыхнулъ, хотѣлъ вскочить, но только зашипѣлъ отъ боли и нѣкоторое время теръ свои закутанныя ноги. Тяжело дыша, опустивъ вѣки, онъ дрожалъ отъ злости, стараясь сдержаться.

Горнъ, умышленно раздражавшій его съ извѣстной мето-

дичностью, самымъ спокойнымъ образомъ сложилъ книги, собралъ свои карандаши, резинки, перья и завернулъ ихъ въ бумагу.

Онъ дѣлалъ все это очень медленно и посматривалъ на Боровецкаго, который, изумленный его поведеніемъ и неслыханной дерзостью, не зналъ, что дѣлать. Стать на сторону Горна, не зная, что у нихъ вышло, было невозможно. Да, впрочемъ, онъ и не вступился бы за него, разъ противникъ — Бухгольцъ. Карлъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Горна, спокойно надѣвавшаго калошу и улыбавшагося посинѣвшими отъ бѣшенства губами.

— Для васъ у меня нѣтъ больше мѣста, я васъ выгоняю!—прошипѣлъ Бухгольцъ.

— Плевать мнѣ на васъ и на ваше мѣсто.

Горнъ надѣлъ другую калошу.

— Я велю тебя выбросить за дверь!

— Попробуй, хамъ!—крикнулъ Горнъ, надѣвая пальто.

— Каналья, за дверь его!—прошипѣлъ Бухгольцъ еще тише, нервно сжимая палку.

— Оставь, Августъ, потому что и тебѣ, и твоему господину я переломаю ребра.

— Verflucht! за дверь его!—закричалъ Бухгольцъ.

— Молчи, злодѣй,—заревѣлъ Горнъ, схвативъ тяжелый табуретъ. Онъ готовъ былъ ударить, если бы къ нему прикоснулись.—Молчи, прусская харя! Шакалъ!—онъ бросилъ табуретъ подъ конторку и вышелъ, такъ хлопнувъ дверью, что изъ нея полетѣли всѣ стекла.

Боровецкій успѣлъ удалиться.

Бухгольцъ повалился со стономъ, почти безъ сознанія, но нашелъ силы, чтобы надавить электрическую пуговку и сдавленнымъ, охрипшимъ голосомъ крикнуть:—Полицію!

Продолжительная тишина водворилась въ опустѣвшей конторѣ. Испуганный лакей стоялъ безъ движенія, смотря на багровое лицо, на искривившіяся отъ боли губы Бухгольца, не зная, что дѣлать. Бухгольцъ, наконецъ, пришелъ въ себя, посмотрѣлъ на пустую контору, усѣлся удобнѣе въ креслѣ и, послѣ продолжительнаго молчанія, ласково сказалъ:

— Августъ!

Лакей приблизился со страхомъ: когда Бухгольцъ звалъ его по имени и казался ласковымъ, то былъ наиболѣе ужасенъ.

— Гдѣ панъ Горнъ?

— Ясный панъ его выгналъ.

— Хорошо. А гдѣ панъ Боровецкій?

— Онъ заходилъ на минуту и тотчасъ же ушелъ, потому что было время обѣда,—Августъ нарочно растягивалъ слова.

Юридическія консультаціи въ Россіи и рабочіе секретаріаты въ Германіи.

Рабочіе секретаріаты—это учрежденія, созданныя и *содержимыя рабочими* для безплатной юридической помощи *всѣмъ* нуждающимся въ ней. Насколько мнѣ извѣстно, о такихъ секретаріатахъ до сихъ поръ ничего не напечатано ни въ спеціально юридической, ни въ общей прессѣ. Цѣль настоящей статьи—познакомить читателей съ исторіей возникновенія, съ организаціей и результатами дѣятельности этихъ совсѣмъ юныхъ учрежденій. Мнѣ думается, такое ознакомленіе можетъ принести и нѣкоторую практическую пользу: недостатокъ юридической помощи населенію Россіи ощущается все сильнѣе, со всѣхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости организовать соотвѣтствующія учрежденія; земства, корпораціи присяжной адвокатуры, попечительства о народной трезвости измышляютъ разныя комбинаціи для удовлетворенія назрѣвшей потребности,—быть можетъ, окажется возможнымъ создать и въ Россіи что-либо подобное рабочимъ секретаріатамъ, или, по крайней мѣрѣ, ввести въ организацію нашихъ консультацій нѣкоторыя новыя черты, присущія пока только рабочимъ секретаріатамъ.

Для того, чтобы всѣ положительныя стороны рабочихъ секретаріатовъ вырисовались читателю яснѣе, я остановлюсь сначала на обозрѣніи дѣятельности существующихъ уже въ Россіи консультацій и на попыткахъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ создать новые типы ихъ.

Юридическія консультаціи въ Россіи *).

I.

Какъ и слѣдовало ожидать, на юридическую безпомощность недостаточнаго населенія раньше всего откликнулись присяжные

---

*) Матеріаломъ для составленія этой главы послужили мнѣ лишь отчеты коммиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с-петербургской судебной палаты, да краткія замѣтки, отчеты, статьи и проч., напечатанные въ газетѣ «Право» за 1899—1902 гг. Въ силу этого мои данныя являются нѣсколько неполными и отчасти случайными.

повѣренные и ихъ помощники. Нѣкоторыя консультаціи *) учреждены ими уже давно: петербургская (присяжныхъ повѣренныхъ)—старѣйшая изъ всѣхъ—открыта даже 30 лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, значительная часть консультацій насчитываетъ всего нѣсколько лѣтъ существованія и появилась на свѣтъ Божій во второй половинѣ 90-хъ годовъ, а нѣкоторыя въ 2—3 послѣдніе года. Въ замѣткѣ по поводу открытія консультаціи въ г. Владимірѣ (въ 1900 г.) сказано, что это „будетъ по счету 16-я въ Россіи". Въ настоящее время консультаціи функціонируютъ во многихъ губернскихъ и даже въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Если произвести подсчетъ консультацій исключительно на основаніи свѣдѣній, напечатанныхъ въ „Правѣ", то окажется, что всѣхъ ихъ нынѣ не менѣе 45 *). Нечего и говорить, что цифра эта далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что появленіе многихъ консультацій въ „Правѣ" не было отмѣчено. Необходимо еще принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ желаніе присяжныхъ повѣренныхъ организовать консультаціи встрѣчало внѣшнія затрудненія; въ Уфѣ, напр., гдѣ числится 9 присяжныхъ повѣренныхъ и 2 помощника присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель окружнаго суда увѣдомилъ иниціаторовъ, что „общее собраніе окружнаго суда не можетъ разрѣшить консультацію, какъ по малочисленности въ Уфѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, такъ и по отсутствію помѣщенія въ зданіи суда". Въ Минскѣ комитетъ попечительства о народной трезвости отклонилъ предложеніе мѣстныхъ повѣренныхъ объ учрежденіи при немъ бюро для безплатной юридической помощи, хотя въ Вильнѣ, Севастополѣ и другихъ городахъ такія бюро существуютъ; наконецъ, и въ Саратовѣ, единственномъ городѣ съ судебной палатой, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ консультаціи, группа адвокатовъ рѣшила устроить таковую, но „возбужденное по этому предмету ходатайство не получило, однако, удовлетворенія".

Большинство консультацій устроено по одному шаблону: помѣщаются онѣ въ окружномъ судѣ или съѣздѣ, участвуютъ въ нихъ лишь присяжные повѣренные и ихъ помощники, а иногда и частные повѣренные, дежурства отбываются по очереди; помощь подается совѣтами и составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, бѣдные получаютъ ее безплатно, остальные—по таксѣ или особому со-

*) Такое названіе присвоено далеко не всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ, встрѣчаются и другія: «бюро», «кабинетъ». Для простоты я вездѣ буду говорить «консультаціи».

**) А именно: въ Петербургѣ—7, Москвѣ и Кіевѣ по 2, въ Казани, Одессѣ, Иркутскѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Ташкентѣ, Рязани, Владимірѣ, Ярославлѣ, Севастополѣ, Ростовѣ на Дону, Житомірѣ, Могилевѣ, Баку, Екатеринославѣ, Люблинѣ, Кутаисѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Томскѣ, Воронежѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, Оргѣевѣ, Новой Ушицѣ, Армавирѣ, Волчанскѣ и Валкѣ—по одной.

глашенію; канцелярскую работу несутъ или дежурные консультанты, или спеціально приглашенные за жалованье лица безъ юридическаго образованія. Цѣли устройства консультацій въ большинствѣ случаетъ тоже однѣ—подача юридической помощи и борьба съ подпольной адвокатурой. Наконецъ, результаты работы консультацій почти одинаковы, почти всегда очень незначительны. Такъ, въ Иркутскѣ „консультація работаетъ очень плохо, публикой почти не посѣщается и выручила за одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ что-то около 10 рублей". Въ то же время „подворотная адвокатура чувствуетъ себя въ Иркутскѣ, какъ рыба въ водѣ: камеры судей переполнены доморощенными юристами, превращающими камеры въ какое-то торжище"... Въ Ярославлѣ консультаціею за 1900 годъ дано устныхъ совѣтовъ и составлено прошеній всего 346, менѣе, чѣмъ въ 1899 году—на 99; въ Севастополѣ за 1901 г.—202 совѣта и дѣловыхъ бумагъ. Въ Казани за 245 дежурствъ въ 1899—1900 г.—492 совѣта и бумагъ. Въ Ростовѣ на Дону консультацію за годъ посѣтили 543 человѣка, въ Могилевѣ 528 чел., въ Елисаветградѣ за годъ устно и письменно оказана помощь 216 лицамъ; консультаціей помощнуковъ присяжныхъ повѣренныхъ при с-петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ дано совѣтовъ и составлено дѣловыхъ бумагъ 1898 г.—288, въ 1899 г.—201 и въ 1900 году—333, и, наконецъ, въ екатеринославской консультаціи число обращеній въ 1899 году достигло лишь 483. Разсматривая отчетъ послѣдней за 1901 г., авторъ корреспонденціи изъ Екатеринослава констатируетъ въ „С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", что „популярность консультаціи въ особенности слаба по уѣздамъ и захолустьямъ, гдѣ всего болѣе нуждаются въ ея дѣятельности и гдѣ юридическая безпомощность проявляется въ самой широкой степени". Это послѣднее,—по мнѣнію того же автора, „происходитъ отъ того, что консультація... дожидается, когда деревня придетъ къ ней въ кабинетъ, а надо идти навстрѣчу этой невѣжественной и обездоленной деревнѣ". При такихъ условіяхъ не должно казаться страннымъ, что въ Екатеринославѣ „подпольная адвокатура развивается все больше и больше и въ послѣднее время приняла необыкновенно широкіе размѣры".

Нѣкоторымъ исключеніемъ является консультація присяжныхъ повѣренныхъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, успѣвшая за 30 лѣтъ существованія развить сравнительно интенсивную дѣятельность, а также консультація присяжныхъ повѣренныхъ въ Кіевѣ, въ которой „въ послѣдніе годы число платныхъ и безплатныхъ совѣтовъ превышало 1000, при чемъ изъ безплатныхъ регистрировались только очень важные". И тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ, обладающемъ еще устроенной на окраинѣ города консультаціей помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, „подпольная

адвокатура работаетъ энергично, обирая массу темнаго крестьянства, обращающагося къ суду".

Уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что большинство консультацій не удовлетворяетъ своему назначенію. Подпольная адвокатура не исчезаетъ, юридическая помощь оказывается неимущему населенію въ какихъ-то микроскопическихъ дозахъ. Что значатъ для громаднаго, бойкаго Екатеринослава съ съ его многочисленными бѣдняками, съ массой безработныхъ рабочихъ—483 совѣта въ годъ? Уже количество посѣщеній консультаціи (528 чел.) въ такомъ сравнительно небольшомъ городѣ, какъ Могилевъ, показываетъ, что для Екатеринослава 483 совѣта въ годъ—только капля въ морѣ, за которую кліентами уплачено консультаціи 203 руб. Что для Казани 247 совѣтовъ и 220 составленныхъ бумагъ, если за нихъ выручено почти 700 руб., изъ коихъ 153 рубля подлежатъ выдачѣ (надо думать, членамъ консультаціи)? Дальше мною будутъ приведены цифры посѣщаемости какъ „окраинныхъ" консультацій въ Петербургѣ, такъ и рабочихъ секретаріатовъ въ Германіи; тогда, надѣюсь, читатель согласится, что большинству консультацій нельзя похвалиться успѣшностью своей работы.

Въ чемъ же причины этого явленія? Почти всѣ отчеты усматриваютъ ихъ въ одномъ и томъ же: въ неисправномъ посѣщеніи консультаціи дежурными членами, малой извѣстностью въ населеніи о консультаціяхъ и „работой," происками, хитростями подпольной адвокатуры. Итакъ, снова подпольная адвокатура. Консультаціи открыты для борьбы съ нею, но она не падаетъ духомъ, не теряетъ бодрости, не исчезаетъ съ лица земли, а по прежнему чувствуетъ себя отлично, не уступаетъ своихъ правъ консультаціямъ, вступаетъ даже съ ними въ борьбу и выходитъ побѣдительницей. „Увлекаемыя безславной битвой", консультаціи теряются, боятся за собственное существованіе, боятся остаться безъ дѣлъ, безъ посѣтителей и начинаютъ, для спасенія собственнаго существованія, прибѣгать къ помощи сильныхъ, власть имѣющихъ, строить юридическую помощь населенію на правовой безпомощности своихъ враговъ—подпольныхъ адвокатовъ. Я сразу оговариваюсь: подобныя тенденціи свойственны, къ счастью, далеко не всѣмъ консультаціямъ; часть изъ нихъ, сознавъ свое безсиліе, успокоилась на этомъ, другія стараются найти новые пути; только нѣкоторыя прибѣгли къ услугамъ административной власти. Такъ, въ Одессѣ *) „совѣтъ (консультаціоннаго) бюро обращается къ съѣзду съ просьбой объ удаленіи „этихъ паразитовъ" (подпольныхъ адвокатовъ) изъ зданія съѣзда и выражаетъ увѣренность, что съѣздъ не оставитъ этой просьбы безъ вниманія". Если въ данномъ случаѣ стремленіе консуль-

*) «Право», 1900 г., стр. 725 (ст. I. В. Гессена).

таціи прибѣгнуть чуть ли не къ физической силѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, то въ другихъ, на основаніи лишь случайныхъ замѣтокъ, не видно, дѣйствовала ли административная власть по собственному почину или же по просьбѣ или соглашенію съ консультаціею. Какъ бы то ни было, но въ Кутаисѣ „военный губернаторъ циркуляромъ по полиціи предписалъ немедленно предложить содержателямъ конторъ и кабинетовъ для составленія дѣловыхъ бумагъ закрыть ихъ и впредь учрежденія таковыхъ не допускать... Вмѣстѣ съ тѣмъ оповѣстить населеніе объ учрежденіи консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ, гдѣ желающіе могутъ получить указанія и совѣты по дѣламъ судебнымъ“ *).

Въ Кишиневѣ. въ роли кутаисскаго губернатора выступилъ предсѣдатель окружнаго суда, разославшій по деревнямъ предостереженіе, въ которомъ „въ огражденіе поселянъ отъ... недобросовѣстныхъ дѣйствій уличныхъ адвокатовъ, объявляется во всеобщее свѣдѣніе. . . . , что слѣдуетъ обращаться исключительно въ учрежденное при окружномъ судѣ дежурство присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ безплатно подаются совѣты и пишутся прошенія, или непосредственно къ присяжнымъ повѣреннымъ, ихъ помощникамъ и частнымъ повѣреннымъ, имѣющимъ свидѣтельства отъ суда. Отъ всѣхъ прочихъ лицъ, предлагающихъ свои услуги, надлежитъ требовать предъявленія означенныхъ свидѣтельствъ“ („Право“ 1900 г. стр. 1381). Если изъ этого Предостереженія нельзя вывести заключенія объ отношеніи къ начинанію предсѣдателя кишиневскаго суда мѣстнаго „дежурства присяжныхъ повѣренныхъ“, то предписаніе кутаисскаго губернатора почти не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣйствовалъ или по просьбѣ консультаціи, или во всякомъ случаѣ съ вѣдома ея: къ этому склоняетъ меня одновременность открытія консультаціи, съ одной стороны, и закрытія частныхъ кабинетовъ—съ другой, а также самое упоминаніе въ циркулярѣ губернатора о такомъ учрежденіи, которое еще не успѣло зарекомендовать себя полезною, энергичною дѣятельностью. Предсѣдатель кишиневскаго суда могъ сообщать о консультаціи безъ вѣдома „дежурства“, но губернаторъ врядъ ли могъ говорить о ней, не получивъ предварительно на это согласія кутаисской консультаціи.

Случайность имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала, отсутствіе отчетовъ большинства консультацій не даютъ возможности прослѣдить, насколько тенденціи, обнаруженныя навѣрное—одесской, вѣроятно—кутаисской и, быть можетъ—кишиневской консультаціями свойственны и другимъ консультаціямъ, объявившимъ борьбу подпольной адвокатурѣ и терпящимъ пора-

*) «Право», 1901 г., стр. 796.

женіе отъ происковъ „этихъ паразитовъ“. Но и приведенныхъ фактовъ, особенно въ виду общей всѣмъ консультаціямъ причины слабой дѣятельности ихъ, достаточно для того, чтобы подробнѣе остановиться, какъ на этихъ средствахъ борьбы съ уличными ходатаями, такъ и вообще на вопросѣ объ отношеніи къ подпольной адвокатурѣ.

II.

Что подпольная адвокатура—явленіе крайне нежелательное, что замѣна ея дѣятельности услугами присяжной и частной адвокатуры—безусловно необходимо, объ этомъ не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній. Доказывать эти положенія, подтверждать ихъ фактами,—значитъ ломиться въ открытую дверь, повторять то, что много разъ сказано въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати. И тѣмъ не менѣе, при условіяхъ современной русской дѣйствительности, уничтоженіе „этихъ паразитовъ“ безъ замѣны ихъ вполнѣ цѣлесообразной и главнымъ образомъ вполнѣ доступной юридической помощью можетъ оказаться въ общественныхъ интересахъ прямо нежелательнымъ. Вѣдь если несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ уличный адвокатъ, ничего не давая своему кліенту, беретъ съ него деньги; если всѣмъ извѣстно, что такой адвокатъ готовъ служить одновременно обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ, склоненъ втягивать въ судебную волокиту людей, не имѣющихъ никакой возможности выиграть начинаемое дѣло, — то, пожалуй, также общеизвѣстно, что существуетъ масса дѣлъ, требующихъ отъ повѣреннаго лишь самаго незначительнаго запаса юридическихъ познаній, да умѣнія хоть какъ нибудь написать прошеніе. Съ такимъ дѣломъ къ адвокату добраться трудно, онъ можетъ не взяться за него, консультаціи нѣтъ, или она очень далеко, или въ ней берутъ дорого; по неволѣ безграмотному крестьянину придется обратиться къ вездѣсущему ходатаю, который и сдѣлаетъ ему все нужное, иногда не хуже члена присяжной адвокатуры. Убить подпольную адвокатуру, не замѣнивъ ея чѣмъ либо раціональнымъ, значитъ не помочь нуждающимся въ юридической помощи, а наоборотъ—поставить ихъ въ совершенно безвыходное положеніе. Легко было кутаисскому губернатору и кишиневскому предсѣдателю запретить „поселянамъ“ сношенія съ ходатаями, но не легко этимъ самымъ поселянамъ послѣдовать указаніямъ начальства. Вѣдь нельзя же изъ-за каждаго пустяка, изъ-за ничтожнаго прошенія о ничтожной суммѣ бросать свое хозяйство и ѣхать за десятки, иногда даже сотни верстъ, къ адвокату, который, быть можетъ, и говорить не захочетъ о такой мелочи, или въ консультацію, которая даетъ совѣты „за вносимое впередъ воз-

награжденіе въ размѣрѣ одного рубля“ и составляетъ прошенія и другія бумаги „также за вознагражденіе, вносимое впередъ въ размѣрѣ отъ 2 до 50 рублей“. („Право“ 1901 г. стр. 847).

Пока трудъ адвоката будетъ оплачиваться очень высоко, пока полученіе званія частнаго повѣреннаго будетъ зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія уѣздныхъ съѣздовъ (изъ которыхъ иные отказывали всѣмъ кандидатамъ), пока въ городахъ и деревняхъ не будетъ организована дѣйствительно доступная для всѣхъ юридическая помощь, — до тѣхъ поръ не исчезнетъ спросъ на подпольнаго адвоката, до тѣхъ поръ не будутъ имѣть успѣхъ ни мѣры, направленныя непосредственно противъ самихъ „паразитовъ“ (одесская консультація), ни воззванія и предостереженія кутаисскаго губернатора и кишиневскаго предсѣдателя. На смѣну подпольныхъ адвокатовъ, изгнанныхъ изъ одесскаго съѣзда, появятся новые, которые сумѣютъ устроиться въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; вмѣсто закрытыхъ кутаисскимъ губернаторомъ бюро и кабинетовъ откроются новые, безъ вывѣсокъ, безъ указующихъ пальцевъ у подъѣздовъ домовъ, но съ тѣмъ же количествомъ кліентовъ, съ тѣми же доходами. Бессарабскіе поселяне не послѣдуютъ совѣту предсѣдателя суда, а если и станутъ требовать отъ ходатаевъ свидѣтельствъ, то изобрѣтательность „паразита“ не остановится передъ такой мелочью, и онъ предъявитъ любознательному поселянину не только свидѣтельство, но и что нибудь болѣе серьезное, болѣе доказывающее его способности къ адвокатской работѣ.

Не достигнутъ цѣли и болѣе радикальныя мѣры — высылка ходатаевъ административнымъ порядкомъ, что имѣло мѣсто въ Волынской губерніи („Право“ 1902 г. № 12), за предѣлы которой высланы двое ходатаевъ, и въ г. Елисаветградѣ, откуда изгнаны „11 ходатаевъ и ростовщиковъ“. Раньше всего такія высылки, какъ идущія въ разрѣзъ съ основными требованіями законности, какъ совершающіяся негласно, безъ опроса провинившихся, безъ всякихъ процессуальныхъ гарантій, иногда по просьбѣ и указанію непосредственно заинтересованныхъ въ высылкѣ лицъ (земскихъ начальниковъ, чиновъ низшей полиціи, землевладѣльцевъ и т. п.) не могутъ, конечно, внушить крестьянину того чувства законности, объ отсутствіи котораго такъ много говорится въ послѣднее время. Но еще важнѣе, что такія мѣры не приведутъ къ желаемой цѣли, такъ какъ жизнь требуетъ еще подпольныхъ ходатаевъ и не замедлитъ на смѣну высылаемыхъ выставить другихъ, которые постараются и, вѣроятно, сумѣютъ обставить свою дѣятельность еще большей таинственностью. Нѣтъ, такими мѣрами можно только окончательно запугать „поселянина“, заставить его видѣть въ подпольномъ адвокатѣ своего истиннаго друга, пріучить его считать свою попытку возстановить нарушенныя права чѣмъ-то запретнымъ, опаснымъ,

противозаконнымъ. Борьба должна направиться не на самихъ подпольныхъ адвокатовъ, не на личность ихъ, а на тѣ условія, которыя породили и питаютъ ихъ. Консультаціямъ нѣтъ нужды писать на своихъ знаменахъ „борьба съ подпольной адвокатурой“, нѣтъ нужды вносить въ свои уставы, какъ это сдѣлала консультація въ Николаевѣ, правила о воспрещеніи членамъ ея давать совѣты подпольнымъ „аблакатамъ“, не о ходатаяхъ должны думать онѣ, а о возможно лучшей организаціи юридической помощи населенію. А это—далеко не одно и то же.

До введенія земскихъ и городскихъ учрежденій деревня, да и городъ, были обставлены медицинскою помощью не лучше, чѣмъ теперь помощью юридическою. Роль подпольныхъ адвокатовъ въ своей сферѣ исполняли знахари, точно также не обладавшіе ни познаніями, ни достаточною степенью нравственнаго чувства. Только что народившемуся земству всего легче было объявить борьбу знахарству, разрѣшиться предостереженіями поселянъ противъ „этихъ паразитовъ“, позаботиться о высылкѣ ихъ и пр. Все это соотвѣтствовало бы тенденціямъ нѣкоторыхъ консультацій въ борьбѣ съ ходатаями и привело бы къ тѣмъ же результатамъ: знахарство процвѣтало бы въ деревнѣ, какъ процвѣтаетъ нынѣ въ городахъ подпольная адвокатура. Къ счастью, земство не вступило на путь такой—съ перваго взгляда—цѣлесообразной борьбы и всю свою энергію направило на созданіе медицинской помощи, на наилучшую организацію ея. Труды его не остались безплодными: если и до сихъ поръ медицинская помощь не можетъ быть признана вполнѣ достаточной, вполнѣ удовлетворяющей потребностямъ населенія, то во всякомъ случаѣ знахарство теперь не играетъ въ деревнѣ большой роли, не составляетъ ея зла и не нуждается ни въ какихъ карательныхъ и принудительныхъ мѣропріятіяхъ.

Чтобы дѣйствительно помогать населенію, чтобы успѣшно конкуррировать съ подпольной адвокатурой, чтобы „отбить“ у нея кліентуру, консультаціи должны ввести въ свою организацію тѣ, присущія подпольнымъ ходатаямъ черты, благодаря которымъ пальма первенства въ борьбѣ до сихъ поръ остается въ рукахъ „этихъ паразитовъ“, а не просвѣщенныхъ членовъ присяжной адвокатуры.

Само собою разумѣется, не всѣ свойства и качества „паразитовъ“ должны быть переняты консультаціями; само собою разумѣется, что и тѣ, которыя заслуживаютъ подражанія, должны быть нѣсколько видоизмѣнены, очищены отъ прилипшей къ нимъ грязи, передѣланы согласно законамъ и нравственному чутью членовъ консультаціи.

Подпольный адвокатъ раньше всего всевѣдущъ, вездѣсущъ и всемогущъ. Его кліенту, обывателю окраинъ, не приходится путешествовать изъ конца города въ центръ, не приходится узна-

вать адресъ „аблаката“, такъ какъ въ любомъ трактирѣ, возлѣ любой казенной лавочки или даже просто на улицѣ онъ легко найдетъ нѣсколькихъ поджидающихъ его разбойниковъ пера. У нихъ нѣтъ пріемныхъ часовъ, они не заставляютъ ждать себя, къ нимъ можно обращаться во всякое время дня. Если „аблакатъ“ узнаетъ, что такой-то обыватель нуждается въ юридической помощи, нуждается въ совѣтѣ, хочетъ подать прошеніе, аблакатъ тутъ какъ тутъ съ своей походной канцеляріей, состоящей изъ бумаги, пера и чернилъ. Нѣсколько вопросовъ о дѣлѣ, нѣсколько фразъ, рисующихъ обывателю перспективы успѣха, возстановленія правъ, оправданія отъ взведеннаго обвиненія, веселый звонъ нѣсколькихъ мѣдныхъ или серебряныхъ монетъ, шелестъ бумаги, звукъ пера—и консультація окончена къ обоюдному удовольствію: времени ушло мало, стоило дешево, впереди увѣренно обѣщанный успѣхъ. Кліентъ чувствуетъ себя отлично, съ нимъ, маленькимъ человѣкомъ, „аблакатъ“ обошелся вполнѣ корректно, поздоровался, какъ съ равнымъ, поговорилъ, взялъ недорого.

Надѣлите консультаціи аналогичными чертами, сводящимися въ результатѣ къ *дешевизнѣ* и *доступности*, и онѣ начнутъ дѣйствовать гораздо лучше, привлекутъ массу кліентовъ и въ концѣ концовъ убьютъ подпольную адвокатуру. Къ сожалѣнію, большинство консультацій въ настоящее время не могутъ похвалиться ни дешевизною, ни особенно общедоступностью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно говорить о дешевизнѣ кутаисской консультаціи, гдѣ нужно „впередъ вносить 2 р. за составленіе“ ничтожнаго прошенія и 1 р. за простой совѣтъ. Развѣ можно считать казанскую консультацію открытою для бѣднаго населенія, если къ концу года свыше 150 р. назначаются для распредѣленія между консультантами. Большинство консультацій заранѣе устанавливаетъ таксу, по которой кліенты должны оплачивать совѣты и составленіе бумагъ. И хотя почти всѣ признаютъ за „бѣдными“ право на безплатную помощь, тѣмъ не менѣе таксы должны быть признаны явленіемъ нецѣлесообразнымъ и нежелательнымъ: масса нуждающихся въ помощи консультаціи предпочтетъ обратиться къ ходатаю, который возьметъ дешевле, чѣмъ назначено таксою консультаціи. Быть увѣреннымъ, что его признаютъ бѣднымъ, обыватель не имѣетъ основаній. Онъ можетъ заплатить за прошеніе, но не 2 рубля, какъ требуетъ кутаиская консультація, не 50 коп., каковой minimum установленъ харьковской консультаціей, а 10, 20, 30 коп. И если можетъ, то почти всегда и пожелаетъ, такъ какъ рабочій человѣкъ, самъ ни отъ кого ничего даромъ не получающій, относясь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ безплатной помощи, считаетъ своею обязанностью уплатить то, что, по его мнѣнію, достаточно за оказанную ему услугу. Съ этимъ явленіемъ знакомы, правильность его признаютъ почти всѣ;

кому приходилось работать въ консультаціяхъ. Правда, цѣнитъ обыватель работу консультантовъ очень низко; но такъ цѣнитъ свои услуги и ходатай, а потому консультаціи, желающія отвѣчать своему назначенію, стремящіяся замѣнить собою подпольную адвокатуру, должны примириться не только съ безплатною помощью для бѣдныхъ, но и съ очень незначительнымъ гонораромъ отъ болѣе обезпеченныхъ кліентовъ.

Самымъ цѣлесообразнымъ, поэтому, нужно признать такой пріемъ оплаты труда консультантовъ: въ выпускаемыхъ консультаціями объявленіяхъ-плакатахъ о таксѣ нѣтъ упоминанія и говорится лишь о томъ, что бѣднымъ помощь оказывается безплатно. Каждому кліенту, воспользовавшемуся услугами консультаціи, предлагается опустить возможный для него гонораръ въ особую кружку-копилку; размѣръ этого гонорара опредѣляется самимъ посѣтителемъ, заявленіе его о невозможности бросить въ кружку хоть незначительную сумму провѣряется дежурнымъ членомъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Эта система принята уже нѣсколькими консультаціями („окраинными" въ Петербургѣ, севастопольской) и никакихъ неудобствъ консультанты отъ нея не испытываютъ. Тѣмъ же консультаціямъ, которыя почему либо не могутъ отказаться отъ таксы (напр., полное отсутствіе средствъ, необходимость нанимать квартиру и т. п.), слѣдуетъ во всякомъ случаѣ значительно понизить принятыя ими расцѣнки: большая дешевизна повлечетъ за собою притокъ новыхъ кліентовъ, которые въ общемъ внесутъ столько же, сколько прежніе болѣе обезпеченные, но менѣе многочисленные посѣтители.

Что касается доступности консультацій, то имъ въ этомъ отношеніи предстоитъ еще много работы. Врядъ ли можно признать желательнымъ устройство консультацій въ центрѣ города, при окружномъ судѣ или съѣздѣ, а не въ тѣхъ частяхъ его, которыя населены по преимуществу темною бѣднотою. Консультаціи должны пойти къ ней, а не ждать, пока окраина направится въ центръ. Въ консультацію, устроенную въ зданіи суда или съѣзда, попадаютъ главнымъ образомъ тѣ кліенты, которые въ той или другой формѣ уже вошли въ соприкосновеніе съ судебными учрежденіями. Имъ легче узнать о существованіи такой консультаціи, имъ не такъ жаль тратить время на поѣздки въ центръ и обратно, какъ ютящемуся на окраинахъ люду, который не имѣетъ случая узнать о консультаціи при судѣ, не имѣетъ возможности тратиться на поѣздку изъ-за какого нибудь пустяка, изъ-за прошенія о скорѣйшей присылкѣ паспорта или о взысканіи 5—10 рублей.

Пріемные часы консультацій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ зданіяхъ судебныхъ учрежденій, также не соотвѣтствуютъ интересамъ трудящейся массы: они совпадаютъ съ присутственнымъ

временемъ, когда и прислуга, и рабочіе, и мелкіе ремесленники заняты своими дѣлами. Назначить пріемные часы вечеромъ въ зданіяхъ суда или съѣзда сплошь и рядомъ бываетъ невозможно, неудобно тамъ устраивать пріемы и въ воскресные и праздничные дни, когда большинство кліентовъ консультаціи можетъ безъ ущерба для своего заработка истртатить на консультацію даже 3 — 4 часа.

Наконецъ, въ зданіяхъ судебныхъ учрежденій царитъ слишкомъ непривѣтливый, оффиціальный тонъ; плохо одѣтые кліенты побоятся входить туда, побоятся швейцаровъ и сторожей, недружелюбно встрѣчающихъ ихъ; въ консультантахъ они видятъ не своихъ доброжелателей и совѣтчиковъ, а маленькихъ чиновниковъ, съ которыми нужно немного хитрить, которымъ нельзя говорить всю правду. По этимъ соображеніямъ необходимо признать, что консультаціи для успѣшности дѣла должны открываться не въ центрѣ города, не въ зданіяхъ судебныхъ учрежденій, а на окраинахъ, гдѣ преобладающимъ контингентомъ населенія являются трудящіеся бѣдняки; пріемы непремѣнно должны назначаться на воскресенья и праздники и происходить возможно чаще; пріемные часы—соотвѣтствовать свободному отъ занятій времени обитателей данной окраины*).

Чрезвычайно губительно отзывается на развитіи кліентуры консультацій отсутствіе въ назначенные часы и дни дежурныхъ консультантовъ. Это константируютъ очень многіе отчеты консультацій. Въ Рязани, напр., крестьяне приходятъ иногда въ консультацію за 40 верстъ, ждутъ дежурныхъ, они не приходятъ, и кліенты, не имѣющіе возможности ждать 2—3 дня (въ рязанской консультаціи пріемы бываютъ только 2 раза въ недѣлю), попадаютъ, въ концѣ концовъ, къ подпольнымъ ходатаямъ. Консультація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при с.-петербургскомъ столичномъ съѣздѣ почти въ каждомъ отчетѣ указываетъ на крайне неисправное посѣщеніе дежурствъ ея членами.

Разныя мѣры предлагались для искорененія этого явленія: и штрафы въ пользу консультацій, и назначеніе нѣсколькихъ дежурныхъ на одинъ день, и исключеніе изъ числа членовъ консультаціи, но всѣ онѣ не даютъ желаемыхъ результатовъ; послѣдняя изъ нихъ, уменьшая число остающихся членовъ и увеличивая работу ихъ, приводитъ къ еще большимъ неисправностямъ;

*) Здѣсь умѣстнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, сдѣлать оговорку, что высказанныя пожеланія имѣютъ въ виду главнымъ образомъ консультаціи, устраиваемыя въ большихъ городахъ. Въ небольшихъ городахъ, гдѣ главная масса кліентовъ будетъ состоять изъ пріѣзжихъ крестьянъ, консультаціи удобнѣе всего открывать около базаровъ, а пріемы назначать на тѣ дни и часы, когда съѣздъ въ городъ особенно силенъ. Общее же положеніе можно формулировать такъ: мѣсто и время пріемовъ должны опредѣляться въ зависимости отъ удобствъ кліентовъ, а не консультантовъ.

штрафы легко наложить, но далеко не всегда легко получить; болѣе другихъ мѣръ цѣлесообразно назначеніе на одинъ день нѣсколькихъ дежурныхъ, но и оно влечетъ за собою иногда излишнюю трату времени, а иногда оказывается тоже безполезнымъ, такъ какъ каждый изъ дежурныхъ, предполагая, что въ консультацію явится его товарищъ, съ спокойной совѣстью уклоняется отъ принятой на себя обязанности.

Для борьбы съ неисправнымъ посѣщеніемъ дежурствъ нужна сравнительно крупная ломка принятыхъ консультаціями организацій. Необходимо, чтобы въ каждой консультаціи одинъ членъ ея былъ обязанъ присутствовать на всѣхъ пріемахъ. Неявка нѣкоторыхъ неисправныхъ дежурныхъ не будетъ тогда влечь за собою напрасную трату кліентами времени, не будетъ такъ вредно отражаться на ходѣ дѣлъ консультаціи. Такой „непремѣнный членъ" будетъ очень полезенъ еще и въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, значительно облегчится работа остальныхъ консультантовъ: онъ будетъ знать всѣхъ „повторныхъ" кліентовъ, будетъ знать, что сдѣлано для послѣднихъ другими консультантами, или почему кому-либо отказано въ составленіи просимой бумаги; въ результатѣ, въ работѣ отдѣльныхъ консультантовъ будетъ больше солидарности и гармоніи, меньше ошибокъ и непослѣдовательности. На этого же постояннаго консультанта можно возложить обязанность принимать на себя веденіе такихъ судебныхъ дѣлъ, для которыхъ необходима судебная помощь повѣреннаго и которыя по какимъ-либо причинамъ не приняты къ своему производству дежурными консультантами. И только тогда, когда консультаціи признаютъ насущную необходимость имѣть этихъ „непремѣнныхъ" членовъ, рабочій людъ перестанетъ терять понапрасну свое время и сидѣть часы, а иногда и дни, ожидая прибытія болѣе исправныхъ консультантовъ. Всѣ другія мѣры не приведутъ къ цѣли еще по той причинѣ, что адвокатъ, имѣющій даже небольшую практику, перестаетъ быть полныхъ хозяиномъ своего времени.

Само собою разумѣется, намѣчаемая мною организація консультацій станетъ возможной только тогда, когда консультаціи будутъ обладать гораздо большими средствами, чѣмъ обладаютъ онѣ ими теперь: трудъ постояннаго члена долженъ оплачиваться и оплачиваться на столько хорошо, чтобы эту роль могли принимать на себя не „юридическіе младенцы", не только что покинувшіе университетскую скамью помощники, а адвокаты, обладающіе уже достаточною опытностью. Самимъ консультаціямъ трудно достать такія средства, да и трудно требовать отъ консультантовъ, чтобы они отдавали консультаціямъ не только свой трудъ, не только давали средства на содержаніе консультаціи, но и оплачивали трудъ своего непремѣннаго сочлена. Эту обя-

занность должны принять на себя другія группы общества, другія учрежденія, о которыхъ еще рѣчь впереди.

Въ понятіе „доступности“ консультацій входитъ еще одно условіе, отсутствіе котораго легко можетъ свести „на нѣтъ“ благія начинанія отдѣльныхъ лицъ: необходимо корректное, я готовъ сказать, деликатное, бережное отношеніе къ кліенту, къ его человѣческому достоинству, къ его грошовымъ интересамъ, къ его пробуждающемуся правосознанію. Читателю можетъ показаться страннымъ, что я говорю о такихъ аксіомахъ, выставляю такія требованія, которыя и безъ того несомнѣнны. Къ сожалѣнію, это не такъ: извѣстны случаи, когда консультанты позволяли себѣ кричать на кліентовъ только за то, что тѣ не умѣли толково и ясно изложить обстоятельства своего дѣла; извѣстны консультаціи, гдѣ консультанты заставляютъ кліентовъ все время стоять предъ собою на ногахъ, гдѣ къ нимъ обращаются на „ты“ (и не въ великорусскихъ, а въ малорусскихъ губерніяхъ, гдѣ „ты“ не имѣетъ такого универсальнаго распространенія). Такіе пріемы не могутъ, конечно, не дѣйствовать на посѣтителей, не могутъ внушать имъ расположенія къ консультаціи, а результатомъ этого является то, что консультація ни имѣетъ кліентовъ, что „паразиты“ чуть не у дверей консультаціи перехватываютъ идущихъ въ нее кліентовъ, разсказывая бѣдно одѣтымъ, что ихъ „въ этакой одеждѣ туда и не пустятъ“ („Право“ 1901 г. № 44). „Нѣтъ дыма безъ огня“ и можно думать, что если въ этихъ увѣреніяхъ много лжи, то есть и доля правды,—въ видѣ нѣсколько пренебрежительнаго, нѣсколько неравнаго отношенія къ кліентамъ изъ разныхъ классовъ населенія, въ разныхъ костюмахъ, съ сравнительно крупными или ничтожными дѣлами.

III.

Установленные выше главные принципы правильной организаціи консультацій положены въ основу устроенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ консультацій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „окраинныхъ консультацій“. Къ настоящему времени ихъ открыто пять*), старѣйшая изъ нихъ—„шлиссельбургская“ существуетъ четвертый годъ.

„Окраинныя“ консультаціи дѣйствуютъ на основаніи правилъ, выработанныхъ общими собраніями помощниковъ и утвержденныхъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Находятся онѣ въ вѣдѣніи коммиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и

---

*) На Шлиссельбургскомъ шоссе села Смоленскаго, на Васильевскомъ островѣ, на Лиговкѣ, на Обводномъ каналѣ и на Петербургской сторонѣ.

совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; эти органы разрѣшаютъ ихъ открытіе, имъ же консультаціи обязаны представлять ежегодные отчеты о своей дѣятельности, а также (для утвержденія) вырабатываемыя самими консультаціями „правила внутренняго распорядка“.

Членами консультацій могутъ быть и присяжные повѣренные. Помощники, желающіе участвовать въ консультаціи, составляютъ въ числѣ не менѣе 10 человѣкъ группу и избираютъ изъ своей среды „завѣдывающаго“. Мѣстныя полицейскія управленія, мировые судьи и чины фабричной инспекціи объ открытіи консультаціи извѣщаются совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ пяти существующихъ уже консультаціяхъ членами состоятъ около 140 присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Открыты эти консультаціи на окраинахъ столицы, пріемы происходятъ по вечерамъ послѣ окончанія работъ на близь расположенныхъ фабрикахъ и заводахъ, поставляющихъ консультаціямъ главный контингентъ кліентовъ; помѣщаются онѣ въ наемныхъ квартирахъ, а шлиссельбургская,—благодаря любезности спб. уѣздной земской управы,—въ зданіи земскаго училища.

Помощь посѣтителямъ состоитъ въ дачѣ словесныхъ совѣтовъ и въ составленіи дѣловыхъ бумагъ. Веденіе судебныхъ дѣлъ консультація принимать на себя не можетъ; если посѣтитель желаетъ поручить дѣло повѣренному, то консультантъ или принимаетъ это дѣло самъ, или направляетъ кліента къ какому-либо другому члену консультаціи; съ момента принятія дѣла повѣреннымъ къ своему производству отношенія между консультаціей и кліентомъ прекращаются, повѣренный ведетъ данное дѣло, какъ адвокатъ, а не какъ членъ консультаціи, никакой отвѣтственности за дѣйствія повѣреннаго консультація не несетъ. Объясняется такой порядокъ главнымъ образомъ тѣмъ, что законъ запрещаетъ устройство „конторъ о принятіи на себя хожденія по дѣламъ“ (ст. 2295 Зак. гражд.).

Бѣднымъ помощь оказывается безплатно; болѣе имущіе кліенты опускаютъ гонораръ въ особую кружку; величина гонорара опредѣляется самимъ посѣтителемъ, иногда же соглашеніемъ его съ консультантомъ; размѣры этого гонорара очень незначительны и въ среднемъ каждый посѣтитель (считая и безплатныхъ) уплачиваетъ за совѣтъ или составленіе дѣловой бумаги въ шлиссельбургской консультаціи меньше 9 коп., въ петербургской—11 коп., въ лиговской—13 коп., въ измайловской—около 16 коп. и въ василеостровской—около 20 коп. *). Получаемыхъ отъ кліентовъ

*) Консультація присяжнаго повѣреннаго при спб. окружномъ судѣ получила въ среднемъ съ каждаго посѣтителя лишь за словесные совѣты въ 1896 г.—50 к., а въ 1900 г.—58 коп. Консультація помощника присяжнаго повѣреннаго при спб. столичномъ съѣздѣ: въ 1897 г.—39 к., въ 1899 г.—44 к. и въ 1901 г.—32 коп.

денегъ не хватаетъ на покрытіе расходовъ по содержанію консультацій, такъ что всѣмъ членамъ ея приходится дѣлать періодическіе взносы.

По сравненію съ другими консультаціями дѣятельность „окраинныхъ“ можетъ считаться очень значительной, а количество посѣтителей ихъ—очень высокимъ. Въ 1900 году шлиссельбургская консультація зарегистрировала 1335 посѣщеній, въ 1901 г. лиговская — 1863, шлиссельбургская — 1400, измайловская — 1000, василеостровская — 931 и петербургская (за первые 9 мѣсяцевъ существованія) — 642 посѣщенія; въ общемъ консультаціями принято за 1901 г. (изъ нихъ петербургской за 9 мѣсяцевъ) — свыше 5 тыс. посѣтителей.

Эти цифры являются нагляднымъ доказательствомъ того, что „окраинныя“ консультаціи организованы болѣе цѣлесообразно, чѣмъ другія; объяснять ихъ успѣхъ только тѣмъ, что онѣ открыты въ столицѣ, а остальныя консультаціи, о которыхъ говорилось раньше, въ губернскихъ городахъ — нельзя, хотя бы по той причинѣ, что въ Петербургѣ существуютъ не только „окраинныя“ консультаціи, но и другія, изъ коихъ лишь „окраинныя“ успѣли за самый незначительный періодъ времени развить сравнительно интенсивную дѣятельность, превышающую по своимъ результатамъ и дѣятельность консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ (существующую 30 лѣтъ), и консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при столичномъ мировомъ съѣздѣ, открытую въ 1887 году. Очевидно, успѣхъ „окраинныхъ“ консультацій находится въ непосредственной зависимости отъ ихъ организаціи, а не отъ города, въ которомъ онѣ открыты. Это обстоятельство даетъ возможность признать „окраинныя“ консультаціи наиболѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ типомъ подобныхъ учрежденій.

Чтобы покончить съ петербургскими „окраинными“ консультаціями, необходимо упомянуть, что организація ихъ отличается отъ намѣченнаго мною выше правильнаго устройства консультацій тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ „непремѣннаго“ члена, обязаннаго присутствовать на всѣхъ пріемахъ и получающаго за это опредѣленное вознагражденіе. Объясняется это упущеніе не отсутствіемъ сознанія необходимости такой именно организаціи дѣла, не боязнью адвокатовъ, что такой постоянный дежурный воспользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ для личныхъ цѣлей, а только отсутствіемъ нужныхъ средствъ и невозможностью получить ихъ путемъ самообложенія членовъ данной консультаціи. Содержаніе консультаціи и безъ того ложится на консультантовъ довольно тяжелымъ бременемъ: не говоря уже о расходахъ, связанныхъ съ еженедѣльнымъ путешествіемъ на окраину города, имъ приходится давать средства на квартиру, освѣщеніе, отопленіе, прислугу, письменныя принадлежности, а иногда и на

письмоводителя. По нѣкоторымъ консультаціямъ расходы эти достигаютъ довольно большихъ размѣровъ. Такъ, членамъ петербургской консультаціи пришлось заплатить въ 1901 году 450 руб., лиговской — 570 руб., а измайловской, устроенной, правда, на излишне широкую ногу,—даже 1620 рублей. Содержаніе остальныхъ консультацій обошлось значительно дешевле: шлиссельбургской (при даровомъ помѣщеніи въ зданіи земской школы) — 81 руб., а василеостровской — 126 рублей. При такихъ условіяхъ невозможно требовать отъ членовъ консультацій, чтобы они давали средства и на оплату труда постояннаго консультанта, хотя необходимость такой постановки дѣла можно усмотрѣть и изъ отчетовъ „окраинныхъ" консультацій, нѣкоторые члены коихъ, подобно членамъ „старыхъ" консультацій, не всегда являются на дежурства и тѣмъ тормозятъ дальнѣйшее развитіе консультацій.

Въ виду этого было бы желательно, чтобы въ дѣлѣ юридической помощи бѣдному населенію приняли участіе другіе, болѣе широкіе слои общества. Всего естественнѣе взять на себя въ этомъ дѣлѣ починъ корпораціямъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ; вопросъ о созданіи при корпоративныхъ учрежденіяхъ консультаціонныхъ фондовъ и объ обложеніи для этой цѣли всѣхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ особымъ сборомъ уже поднимался въ средѣ петербургской адвокатуры; къ сожалѣнію, онъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ даже тогда, когда консультацій было мало (кажется, только шлиссельбургская); теперь, когда „окраинныхъ" консультацій— пять, трудно разсчитывать, чтобы петербургскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ рѣшили обложить себя крупнымъ сборомъ, достаточнымъ для содержанія трехъ или пяти постоянныхъ консультантовъ.

Денежная помощь должна исходить отъ другихъ учрежденій и раньше всего отъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, несомнѣнно заинтересованныхъ въ юридической помощи населенію, а слѣдовательно, и въ развитіи дѣятельности консультацій. Помощь этихъ учрежденій можетъ выразиться не только въ денежной формѣ, но и въ предоставленіи подъ консультаціи земскихъ и городскихъ помѣщеній, въ разрѣшеніи консультантамъ пользоваться даровымъ проѣздомъ по городскимъ трамваямъ и т. п.

Нѣкоторыя земства уже оказываютъ поддержку консультаціямъ; *) но такихъ земствъ слишкомъ мало, а помощь ихъ недо-

---

*) Такъ, петербургское уѣздное земство предоставило шлиссельбургской консультаціи помѣщеніе въ чрезвычайно удобномъ зданіи земской школы съ условіемъ вносить 100 р. въ годъ на освѣщеніе (электричествомъ) и прислугу; на помощь екатеринославскому бюро по организаціи безплатныхъ защитъ пришли екатеринославскія уѣздное земство и городская управа, а также александровское уѣздное земство.

статочна для возможности правильно организовать юридическія консультаціи.

Кромѣ органовъ самоуправленія на помощь консультаціямъ могли бы придти спеціально для этой цѣли образованныя общества; къ сожалѣнію, до сихъ поръ такихъ обществъ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ; причины этого лежатъ не только въ недостаткѣ людей и иниціативы, но, главнымъ образомъ, въ тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставятся открытію такихъ обществъ неправильнымъ толкованіемъ закона. „Въ августѣ 1899 года— сообщается въ № 39 „Права“ за 1901 годъ — предсѣдателемъ шадринскаго уѣзднаго съѣзда было возбуждено предъ губернскимъ начальствомъ ходатайство объ утвержденіи проекта устава шадринскаго общества юридической помощи нуждающемуся въ ней населенію; ходатайство это тогда же было представлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и принимая во вниманіе, что согласно ст. 2295 зак. гражд., учрежденіе конторъ о принятіи на себя хожденія по дѣламъ не дозволяется, и частнымъ лицамъ предоставляется, въ случаѣ надобности, избирать для сего повѣренныхъ по своему усмотрѣнію на существующихъ основаніяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, не призналъ возможнымъ разрѣшить учрежденіе вышеупомянутаго общества“.

Мнѣ неизвѣстенъ проектъ устава этого общества, но можно съ увѣренностью предполагать, что предсѣдатель шадринскаго съѣзда не имѣлъ въ виду открытія конторы „о принятіи на себя хожденія по дѣламъ“ уже по той причинѣ, что выступать въ судебныхъ учрежденіяхъ можетъ лишь точно опредѣленный кругъ лицъ, къ которымъ ни предсѣдатель съѣзда, ни большинство членовъ предполагаемаго общества принадлежать не могли бы; очевидно, рѣчь шла не о конторѣ, преслѣдующей стяжательныя цѣли, а о такихъ видахъ юридической помощи, которыя не могутъ быть подведены подъ понятіе запрещенной закономъ конторы.

Въ нѣкоторыхъ городахъ на помощь консультаціямъ пришли попечительства о народной трезвости; не смотря на то, что эти учрежденія располагаютъ сравнительно крупными средствами, и, слѣдовательно, могутъ оказать консультаціямъ серьезную поддержку, помощь ихъ представляется мнѣ не особенно желательной: среди членовъ попечительствъ преобладаютъ вліятельныя должностныя лица губерніи, и консультаціи, обязанныя своимъ существованіемъ содѣйствію этихъ лицъ, будутъ недостаточно энергичны и смѣлы тогда, когда имъ придется защищать интересы сѣрыхъ кліентовъ, обиженныхъ должностными и вообще вліятельными лицами губерніи или города.

Итакъ, юридическія консультаціи только тогда разовьютъ широкую дѣятельность, когда будутъ организованы на началахъ доступности и дешевизны и когда на помощь имъ придутъ нѣко-

торыя другія учрежденія и лица. Само собою разумѣется, однѣми консультаціями, даже находящимися въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, потребность въ юридической помощи насыщена быть не можетъ. Въ лучшемъ случаѣ только городское населеніе будетъ имѣть возможность въ широкихъ размѣрахъ пользоваться услугами консультацій, крестьяне же, живущіе въ своихъ деревняхъ, вдали отъ крупныхъ центровъ, наиболѣе нуждающіеся въ юридической поддержкѣ, по прежнему останутся въ очень тяжеломъ положеніи, по прежнему должны будутъ или прибѣгать къ подпольнымъ ходатаямъ, или изъ за всякаго пустяка путешествовать въ далекій городъ. Помочь крестьянамъ могутъ и должны земскія учрежденія, давно пришедшія къ сознанію этой необходимости, но не могущія, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, создать земскія консультаціи или институтъ земскихъ повѣренныхъ.

Вопросъ о земской адвокатурѣ выходитъ за предѣлы настоящей статьи; останавливаться на немъ въ нѣсколькихъ словахъ нѣтъ смысла, такъ какъ ему посвящено сравнительно очень много статей и брошюръ; здѣсь умѣстно только пожелать, чтобы „независящія обстоятельства“ поскорѣе уступили свое мѣсто свободному почину земскихъ и городскихъ учрежденій и чтобы эти послѣднія поскорѣе получили такую организацію, при которой они представляли бы интересы не высшихъ только, а всѣхъ группъ населенія; лишь при такомъ условіи земскіе и городскіе адвокаты и консультаціи будутъ пользоваться полнымъ довѣріемъ населенія, только тогда вопросъ о юридической помощи въ Россіи будетъ почти окончательно разрѣшенъ.

Но почему же „почти“, а не совсѣмъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должна дать вторая статья, посвящаемая рабочимъ секретаріатамъ; изъ нея читатель увидитъ, какимъ громаднымъ успѣхомъ обязаны эти учрежденія самодѣятельности непосредственно заинтересованныхъ въ ходѣ дѣла группъ населенія. У насъ такая самодѣятельность находится еще въ зачаточномъ состояніи, хотя сознаніе необходимости ея начало уже довольно быстро проникать въ рабочія и крестьянскія массы *). Пока же принципъ сво-

*) Укажу для примѣра на чрезвычайно интересный фактъ: «Въ слободѣ Петровской Саратовской губ. съ новаго года учреждена безплатная юридическая консультація. Для этой цѣли на службу въ качествѣ юрисконсульта мѣстнымъ сельскимъ обществомъ приглашенъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Рахмановъ. Живетъ онъ пока въ Саратовѣ и будетъ пріѣзжать въ слободу два раза въ недѣлю, въ дни засѣданій общественнаго банка. Въ эти дни въ залѣ волостнаго суда онъ будетъ давать безплатные юридическіе совѣты населенію. Нужно полагать, что скоро онъ совсѣмъ переѣдетъ въ слободу». («Право» № 6 1902 г.). Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны ни мотивы рѣшенія, ни составъ и экономическое положеніе покровскаго общества, ни условія, на которыхъ состоялось приглашеніе постояннаго повѣреннаго,— быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ обыкновенной крестьянской дерев-

бодной иниціативы и широкой самодѣятельности всѣхъ слоевъ общества не завоюетъ себѣ правъ гражданства, всѣ начинанія въ области юридической помощи населенію будутъ всегда хоть немного отзываться благотворительностью, успѣхъ и судьба ихъ будутъ всегда зависить отъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, а не отъ такого могучаго рычага, какъ сознаніе своихъ собственныхъ „пользъ и нуждъ".

Рабочіе секретаріаты въ Германіи *).

Первый рабочій секретаріатъ (Arbeiter-Sekretariat) въ Германіи былъ организованъ въ концѣ 1894 года въ Нюрнбергѣ. Не видавъ его отчетовъ, я могу съ увѣренностью утверждать, что дѣятельность его оказалась чрезвычайно полезной: пропагандисты идеи секретаріатовъ въ Мюнхенѣ и Франкфуртѣ постоянно указывали на нюрнбергскій секретаріатъ, какъ на учрежденіе, достойное подражанія, и необходимость устройства такихъ же институтовъ въ своихъ городахъ иллюстрировали той дѣятельностью, которую развилъ нюрнбергскій секретаріатъ.

Вторымъ по времени возникъ секретаріатъ въ Мюнхенѣ (въ 1898 г.), третьимъ—въ Франкфуртѣ на Майнѣ (въ 1899 г.). Исторія ихъ возникновенія очень детально излагается на страницахъ первыхъ отчетовъ ихъ. Болѣе подробно я передамъ только исторію франкфуртскаго секретаріата; исторія мюнхенскаго мало чѣмъ отличается отъ первой.

I.

Послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка одарили Германію цѣлымъ рядомъ весьма сложныхъ и запутанныхъ законовъ, ближайшимъ образомъ соприкасающихся съ благополучіемъ и невзгодами милліоновъ необезпеченныхъ рабочихъ. И хотя даже спеціалисты съ трудомъ оріентировались въ этомъ потокѣ параграфовъ, государственная власть все таки вовсе не позаботилась о томъ, чтобы какъ нибудь помочь несвѣдущимъ въ законахъ подданнымъ правильно разобраться въ своихъ новыхъ правахъ и обязанностяхъ. Отъ подавляющаго большинства рабочихъ невозможно было ожидать толковаго усвоенія такихъ сложныхъ законовъ, какъ законы о страхованіи и защитѣ рабочаго класса.

ной, а съ пригородомъ крупнаго волжскаго центра, не съ крестьянами, а съ мелкими предпринимателями, не съ обществомъ, а съ своеобразной маленькой, не получившей законной санкціи акціонерной компаніей.

*) Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ секретаріатамъ въ Германіи, почерпнуты мною исключительно изъ отчетовъ за первые 2 года (1898 и 1899) существованія мюнхенскаго и за первый годъ (1899) франкфуртскаго секретаріатовъ.

Только очень продолжительное и вдумчивое изученіе этихъ законовъ дѣлало рабочаго способнымъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ ихъ и примѣнять къ дѣлу находящіяся въ его распоряженіи легальныя средства самозащиты. Благодаря этому, чрезвычайно скоро сказалась необходимость въ томъ, чтобы отдѣльные болѣе просвѣщенные рабочіе или даже группы ихъ спеціализировались на изученіи и занялись наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ нормъ рабочаго законодательства. И въ той мѣрѣ, въ какой „увеличивались жалобы и возгласы о помощи бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, больныхъ, инвалидовъ, увѣчныхъ,—увеличивалась и частная дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ соціалъ-демократической партіи, изучившихъ соотвѣтствующіе законы". Но положеніе такихъ спеціалистовъ оказалось очень труднымъ: вынужденные ради куска хлѣба большую часть дня отдавать своей профессіональной работѣ, они, не щадя даже часовъ короткаго досуга, не могли удовлетворять запросамъ всѣхъ обращавшихся къ нимъ. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ была сдѣлана попытка обойти это затрудненіе: рабочіе избрали коммиссіи, которыя должны были посвятить себя дѣятельному контролю надъ выполненіемъ постановленій фабричнаго законодательства. Такъ, напр., франкфуртскіе рабочіе въ 1892 г. и нюрнбергскіе рабочіе по металлу въ 1894 г. избрали особыя коммиссіи, на которыхъ лежала обязанность доводить до свѣдѣнія фабричной инспекціи о всѣхъ ставшихъ извѣстными коммиссіямъ жалобахъ рабочихъ. Однако и эта попытка не могла помочь бѣдѣ: такія коммиссіи состояли почти исключительно изъ людей, которымъ, какъ и прежнимъ одиночкамъ, приходилось тратить на юридическую помощь товарищамъ все свободное время; главная тяжесть работы лежала, конечно, на плечахъ однихъ лицъ,—предсѣдателей коммиссій, которымъ скоро пришлось убѣдиться въ полной невозможности соединить добросовѣстное выполненіе принятыхъ на себя обязанностей съ необходимой имъ работой для заработка; послѣдній долженъ былъ бы сильно уменьшиться, такъ какъ приходилось бы постоянно пропускать рабочіе часы и даже дни.

Одновременно съ появленіемъ коммиссій, редакціи соціалъ-демократическихъ органовъ рѣшили пойти на встрѣчу юридической безпомощности рабочей массы: „Мюнхенская Почта" устроила при своей редакціи „юридическія бесѣды", а въ Франкфуртѣ редакторъ газеты Гохъ принялъ на себя обязанности юрисконсульта рабочихъ по всѣмъ правовымъ и страховымъ вопросамъ; изнурительная и отвѣтственная работа редактора позволяла ему жертвовать юридическому просвѣщенію пролетаріата лишь нѣкоторыя свободныя воскресенья.

Само собою разумѣется, ни „юридическія бесѣды", ни юрисконсульство Гоха не могли удовлетворить запросамъ всѣхъ обра-

щавшихся къ нимъ. Пришлось искать новаго пути. Сама жизнь своими первоначальными неудачными опытами подсказала рабочей массѣ два главныхъ положенія, на которыхъ впослѣдствіи были основаны секретаріаты: 1) необходимость возложить юрисконсультскія обязанности на отдѣльное лицо и 2) необходимость оплачивать его трудъ особымъ вознагражденіемъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ положеній не заставило себя долго ждать и скоро всѣмъ стало понятнымъ, что рабочіе только тогда не будутъ нести непроизводительныхъ расходовъ на подготовку своихъ „чиновниковъ", когда послѣдніе будутъ находиться на службѣ продолжительное время. Не было сомнѣнія, что чиновникъ долженъ обладать извѣстной свободой дѣйствій и рѣшеній; но онъ— только уполномоченный рабочихъ и потому долженъ внимательно прислушиваться къ желаніямъ тѣхъ, кто его уполномочилъ; уполномочили же его широкія рабочія массы, отъ имени которыхъ должна дѣйствовать особая выборная коммиссія, какъ органъ надзора надъ чиновниками; коммиссія надзора должна состоять изъ рабочихъ, чтобы учрежденіе, созданное и содержимое рабочими, и управлялось самими рабочими. Всѣ эти положенія и легли въ основу мюнхенскаго и франкфуртскаго секретаріатовъ.

Въ самомъ началѣ 1895 года, т. е. спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія нюрнбергскаго секретаріата, докторъ Кваркъ сдѣлалъ о немъ сообщеніе въ ферейнѣ франкфуртскихъ сапожниковъ. Но къ тому времени, нюрнбергскій секретаріатъ успѣлъ развить еще сравнительно очень незначительную дѣятельность и не могъ потому привлечь къ подобнымъ учрежденіямъ особое довѣріе рабочей массы. Неутомимая энергія д-ра Кварка поборола, однако, это недовѣріе: спустя всего полгода, собраніе представителей рабочихъ организацій постановило возбудить въ своихъ ферейнахъ вопросъ объ открытіи въ Франкфуртѣ секретаріата. Подбодренный этимъ успѣхомъ, д-ръ Кваркъ въ сентябрѣ того же года выступилъ на одномъ изъ собраній съ уже болѣе детально разработаннымъ проектомъ организаціи секретаріата. Особое вниманіе удѣлилъ онъ финансовой сторонѣ вопроса; по его вычисленіямъ оказалось, что рабочіе для покрытія расходовъ по секретаріату—при даровой помощи всѣмъ обращающимся въ него — должны будутъ сдѣлать къ своимъ обычнымъ отчисленіямъ въ кассы организацій незначительную прибавку въ 2 пфенига. Большинство ораторовъ собранія высказались за безплатную помощь секретаріата, и собраніе приняло резолюцію, коей рабочія „кассы приглашались высказаться, согласны ли онѣ дѣлать на секретаріатъ взносы по 2 пфен. съ члена въ недѣлю".

И вотъ во всѣхъ рабочихъ организаціяхъ возгорѣлась горячая борьба мнѣній. За открытіе секретаріата сразу же высказались литографы, булочники и рабочіе по металлу и дереву. Со-

браніе рабочихъ въ Оберрадѣ (предмѣстье Франкфурта) выразило будущему учрежденію самыя горячія симпатіи. Многія другія собранія высказались въ принципѣ за секретаріатъ и только сомнѣвались, найдутся-ли достаточныя средства для того, чтобы секретаріатъ могъ хорошо функціонировать. Каменьщики, соглашаясь на открытіе секретаріата, требовали, чтобы съ неорганизованныхъ рабочихъ, прибѣгающихъ къ помощи секретаріата, взималось хоть незначительное вознагражденіе. Скульпторы тоже не могли примириться съ мыслью, что организованные рабочіе будутъ нести расходы на „индифферентныхъ"; впрочемъ, въ принципѣ и они были за секретаріатъ, но „такъ какъ подобный институтъ только тогда можетъ быть полезнымъ, когда въ немъ на ряду съ подачей юридической помощи будетъ организована статистика заработной платы, несчастныхъ случаевъ и т. п., каковая при индифферентизмѣ большей части рабочаго населенія Франкфурта не могла бы дать даже поверхностно правдивой картины", то собраніе скульпторовъ объявило, что оно признаетъ основаніе секретаріата невозможнымъ. Въ общемъ же идея устроить секретаріатъ встрѣтила въ союзахъ весьма теплыя симпатіи: на собраніи уполномоченныхъ выяснилось, что къ концу октября двадцать союзовъ высказались за и только шесть противъ учрежденія секретаріата. Этотъ результатъ далъ возможность собранію уполномоченныхъ принять резолюцію о желательности открытія секретаріата и поручить своему предсѣдателю предложить ближайшему публичному собранію союзовъ какъ вопросъ объ открытіи секретаріата, такъ и избраніе подготовительной коммиссіи.

Въ состоявшемся вскорѣ собраніи д-ръ Кваркъ нарисовалъ слушателямъ полную картину многосторонней дѣятельности будущаго секретаріата. Умѣло подобранныя имъ цифры разбили малодушныя опасенія и подозрѣнія. Собраніе избрало коммиссію изъ пяти членовъ и возложило на нее обязанность озаботиться подготовительными работами для открытія секретаріата. Между прочимъ, эта коммиссія должна была войти въ соглашеніе съ справочнымъ бюро при институтѣ всеобщаго блага (Institut für Gemeinwohl) и постараться превратить это бюро въ рабочій секретаріатъ. Послѣдняя задача оказалась, однако, невыполнимой, такъ какъ при переговорахъ съ институтомъ всеобщаго блага рельефно выступило наружу характерное различіе между существующимъ при немъ справочнымъ бюро и предположеннымъ рабочимъ секретаріатомъ. Рабочія группы желали вызвать къ жизни учрежденіе, которое всецѣло было бы проникнуто идеей содѣйствія рабочимъ интересамъ. Эта цѣль не соотвѣтствовала задачамъ института. „Рабочій секретаріатъ"—писалъ представитель института—„можетъ преслѣдовать лишь одну задачу: заботиться о спеціальныхъ интересахъ рабочихъ, какъ класса; спра-

вочное же бюро, если только оно не желаетъ повредить своимъ кліентамъ, должно носить характеръ безпартійности и отстаивать права всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, а не однихъ только рабочихъ; управленіе справочнымъ бюро должно, поэтому находиться подъ контролемъ не только рабочихъ, но и работодателей, тогда какъ секретаріатъ можетъ содержаться и управляться исключительно классомъ рабочихъ". Въ концѣ концовъ институтъ пошелъ было на нѣкоторыя уступки, но отказался принять всѣ требованія рабочихъ, и проектъ о превращеніи бюро въ секретаріатъ былъ сданъ въ архивъ.

Коммиссія пяти выработала проектъ статута секретаріата и правилъ внутренняго распорядка его. На публичномъ собраніи 27 февраля 1896 года этотъ проектъ былъ утвержденъ; рѣшено было открыть секретаріатъ 1 іюля 1896 года. Кромѣ того, было постановлено устроить среди рабочихъ сборъ денегъ: секретаріатъ могъ быть открытымъ лишь при наличности 4 тыс. марокъ. Сборъ пошелъ довольно туго и за полгода далъ только 1100 марокъ: выборы въ рейхсагъ и крупныя субсидіи гамбургскимъ портовымъ статечникамъ совершенно истощили финансовыя силы рабочихъ.

Только черезъ два года была собрана нужная сумма и состоявшееся 20 октября 1898 года громадное собраніе могло сдѣлать окончательное постановленіе объ открытіи секретаріата къ 1 января 1899 года.

На двѣ должности секретарей выступили кандидатами 61 человѣкъ. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ были избраны Кампфмейеръ и Грефъ. На этомъ же собраніи была избрана комиссія надзора; въ число членовъ ея попалъ и д-ръ Кваркъ, такъ много потрудившійся для устройства секретаріата.

Первымъ дѣломъ избранной на собраніи 20 октября комиссіи надзора было пріисканіе подходящей квартиры. Простая на первый взглядъ задача потребовала, однако, отъ коммиссіи большихъ трудовъ. „Мы тотчасъ же наткнулись"—говоритъ отчетъ—„на тѣ затрудненія, которыя современое классовое государство выдвигаетъ противъ всѣхъ стремленій рабочихъ; съ подобными затрудненіями пришлось считаться впослѣдствіи и нашимъ секретарямъ. Многіе домовладѣльцы, квартиры которыхъ соотвѣтствовали нашимъ потребностямъ, отказывались сдать ихъ намъ: одни боялись властей, предъ взорами другихъ въ туманныхъ очертаніямъ носился красный призракъ; многіе изъявляли свое согласіе, но спустя нѣсколько дней брали его обратно. Наконецъ, послѣ долгихъ и не легкихъ переговоровъ, намъ удалось нанять подходящее помѣщеніе какъ разъ въ центрѣ дѣлового квартала города. Домъ, въ которомъ пріютился секретаріатъ, и по сегодня спокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ; свободный отъ предразсуд-

ковъ домовладѣлецъ ничего не потерялъ на своемъ нанимателѣ—рабочемъ классѣ".

Вскорѣ послѣ открытія секретаріата коммиссія надзора издала для ресторановъ и другихъ общедоступныхъ учрежденій плакаты, которыя объявляли населенію объ устройствѣ и цѣляхъ новаго института. Полиція попыталась было задержать эти объявленія, но попытка оказалась неудачной, и только секретарю Грефу пришлось уплатить штрафъ за распространеніе плакатовъ безъ помѣтки типографіи.

Чтобы лучше выяснить наиболѣе характерныя черты нѣмецкихъ секретаріатовъ, считаю необходимымъ привести уставъ и правила внутренняго распорядка, принятыя франкфуртскимъ секретаріатомъ. Нѣкоторые параграфы, не имѣющіе большого значенія, мною выпущены цѣликомъ, изъ другихъ приводятся лишь отрывки.

Уставъ заключатъ въ себѣ такія нормы: 1) Рабочій секретаріатъ устроенъ по иниціативѣ франкфуртскихъ рабочихъ, стоящихъ на почвѣ современнаго рабочаго движенія; онъ долженъ быть учрежденіемъ, независимымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и служить лишь интересамъ народа. 2) Секретаріатъ имѣетъ два отдѣленія: а) первое безплатно даетъ всѣмъ лицамъ, независимо отъ ихъ пола, общественнаго положенія, мѣстожительства, возраста и отношенія къ партіи, юридическіе совѣты и—поскольку это возможно—юридическую защиту, а также изготовляетъ дѣловыя бумаги по всѣмъ отраслямъ законодательства, особенно же такъ называемаго соціальнаго законодательства; б) второе отдѣленіе имѣетъ цѣлью помогать и давать совѣты всѣмъ профессіонально организованнымъ рабочимъ по вопросамъ организаціи, движенія заработной платы и пр. 3) Сношенія съ публикою производятся исключительно рабочими секретарями. 4) Финансовое и другое управленіе секретаріатомъ, въ особенности же приглашеніе и разсчеты съ должностными лицами, распредѣленіе занятій, а также контроль надъ дѣятельностью чиновниковъ секретаріата, возлагается на особую коммиссію надзора (Aufsichtskommission), состоящую изъ семи членовъ, въ которой правомъ голоса пользуются и рабочіе секретари. Коммиссія надзора должна собираться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 5) Коммиссія обязана ежегодно дѣлать въ публичномъ народномъ собраніи докладъ о своей дѣятельности... 6) Жалобы на секретарей приносятся коммиссіи надзора, которая разрѣшаетъ ихъ окончательно. 7) Расходы секретаріата покрываются добровольными взносами; съ этой цѣлью выставлены для продажи особыя марки. 8) Рабочіе секретари (каждый по своему отдѣленію) обязаны ежегодно представлять коммиссіи надзора отчеты о своей дѣятельности; кромѣ того, для опубликованія вмѣстѣ съ отчетами они должны представить по-

литико-экономическую работу на тему, избранную ими по соглашенію съ коммиссіей. Отчеты секретарей, ихъ сочиненіе и отчетъ кассира печатаются, а затѣмъ продаются профессіональнымъ союзамъ по той цѣнѣ, въ которую обошлись секретаріату.

Внутренній распорядокъ секретаріата опредѣляется такими правилами: 1) Секретари обязаны присутствовать въ секретаріатѣ въ назначенные коммиссіей надзора и опубликованные ею во всеобщее свѣдѣніе часы. 2) Помощь оказывается секретарями совершенно безплатно; отъ предлагаемыхъ подарковъ они должны отказываться; пожертвованія могутъ совершаться путемъ покупки особыхъ марокъ... 3) Книги о своей дѣятельности секретари обязаны вести согласно указаніямъ коммиссіи. Секретарь перваго отдѣленія долженъ еженедѣльно опубликовывать въ органѣ секретаріата („Франкфуртскій Голосъ Народа") краткій отчетъ о своей дѣятельности. 5) Всѣ служащіе въ секретаріатѣ, а также члены коммиссіи надзора обязаны сохранять въ строжайшей тайнѣ тѣ личныя отношенія, которыя стали имъ извѣстны вслѣдствіе служебной дѣятельности въ секретаріатѣ.

Исторія мюнхенскаго секретаріата почти не отличается отъ изложенной выше исторіи франкфуртскаго. Роль д-ра Кварка, дѣятельно пропагандировавшаго устройство секретаріата въ Франкфуртѣ, въ Мюнхенѣ игралъ секретарь нюрнбергскаго секретаріата Зеглицъ, нѣсколько разъ пріѣзжавшій въ Мюнхенъ съ докладами о дѣятельности своего учрежденія. Вмѣсто попытки войти въ соглашеніе съ справочнымъ бюро института всеобщаго блага, мюнхенскіе рабочіе попробовали ходатайствовать передъ муниципалитетомъ о предоставленіи подъ секретаріатъ дарового помѣщенія въ какомъ-либо городскомъ зданіи. Но и эта попытка оказалась безцѣльною: городъ медлилъ съ отвѣтомъ и прислалъ свой окончательный отказъ лишь тогда, когда секретаріатъ былъ уже открытъ въ наемной квартирѣ. „Если бы мы",—замѣчаетъ по этому поводу составитель отчета,—„въ вопросѣ о помѣщеніи положились на магистратъ, мы бы по сегодня были безъ секретаріата и стояли бы у ратуши въ ожиданіи отвѣта, какъ нѣкогда евреи на рѣкахъ вавилонскихъ".

Расходы на содержаніи мюнхенскаго секретаріата были исчислены въ 6 тыс. марокъ въ годъ; рабочія организаціи, которымъ предстояло нести этотъ новый расходъ, отнеслись къ идеѣ секретаріата очень сочувственно и согласились дѣлать наобходимыя отчисленія.

Кандидатами на должность секретарей выступили 55 человѣкъ; большинство изъ нихъ оказалось не подходящимъ для этой должности, такъ что на баллотировку были поставлены только четверо, изъ коихъ были избраны Мюльбауеръ и Тиммъ. Объ образовательномъ цензѣ ихъ отчетъ ничего не говоритъ,

Въ коммиссію надзора были избраны: предсѣдателемъ—сапожникъ, казначеемъ—столяръ, секретаремъ коммиссіи—наборщикъ, ревизорами—плотникъ и портной и членами—камнотесъ, мастеръ и прядильщикъ. По предложенію этой коммиссіи, секретарь Мюльбауеръ отправился на четыре дня въ Нюрнбергъ, чтобы попрактиковаться въ тамошнемъ секретаріатѣ и присмотрѣться къ веденію всѣхъ нужныхъ книгъ. Признавъ полезною болѣе тѣсную связь съ комитетомъ ферейновъ, коммиссія надзора обратилась къ нему съ предложеніемъ посылать въ засѣданіе коммиссіи одного члена комитета съ правомъ голоса; съ другой стороны, секретарь (или членъ коммиссіи) получилъ право посѣщать засѣданія комитета, чтобы вліять на разрѣшеніе послѣднимъ вопросовъ, касающихся дѣятельности секретаріата. Съ цѣлью оповѣщенія болѣе широкихъ круговъ населенія, и главнымъ образомъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, объ открытіи секретаріата, коммиссія надзора отпечатала видные плакаты, которые были вывѣшены въ городскихъ и деревенскихъ ресторанахъ.

Открытіе мюнхенскаго секретаріата произошло безъ всякой торжественности. Столяръ запоздалъ съ доставкой мебели, такъ что при пріемѣ первыхъ посѣтителей не на чемъ было даже писать бумагъ; какой-то сосѣдъ пришелъ на помощь и снабдилъ секретаря столомъ. Къ вечеру перваго дня все нужное было доставлено, и работа въ секретаріатѣ закипѣла.

Черезъ мѣсяцъ стало ясно, что одинъ секретарь не можетъ справиться съ громаднымъ наплывомъ кліентовъ; пришлось пригласить второго секретаря Тимма, хотя раньше предполагалось, что дѣла сектретаріата довольно долгое время будетъ въ состояніи нести только одинъ секретарь Мюльбауеръ. Дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія коммиссіи надзора.

Чтобы покончить съ исторіей секретаріатовъ, нужно упомянуть, что учрежденіе ихъ было весьма сочувственно встрѣчено соціалъ-демократическими органами Германіи: секретаріаты получаютъ безплатно свыше 50 партійныхъ газетъ.

II.

Первое время франкфуртскій секретаріатъ былъ открытъ ежедневно отъ 9 ч. утра до 7 ч. веч.; по установленному коммиссіей надзора порядку, на долю каждаго секретаря приходилось 8 рабочихъ часовъ. Съ 1 іюля 1899 г., по иниціативѣ самихъ секретарей, было назначено другое росписаніе, и секретаріатъ сталъ функціонировать съ 9 ч. до 1 ч. дня и отъ 3 до 8 ч. в. Это нововведеніе оказалось очень удобнымъ: въ часы перерыва почти никто въ секретаріатъ не обращался, а секретари получили возможность больше времени посвящать своимъ научнымъ занятіямъ.

Коммиссія надзора предоставила, кромѣ того, секретарямъ право на двухнедѣльный отпускъ; вслѣдствіе обилія занятій они лишь частью воспользовались этимъ правомъ. Жалобъ на секретарей въ коммиссію надзора не поступало.

Въ мюнхенскомъ секретаріатѣ пріемъ происходилъ отъ 11 ч. до 1 ч. и отъ 5 до 7 ч. веч. ежедневно. Можно думать, что этой сравнительной краткостью пріемнаго времени объясняется значительно меньшая посѣщаемость мюнхенскаго секретаріата.

Онъ открытъ 1 марта 1898 года. По 31-ое декабря того же года, т. е. за 10 мѣсяцевъ, къ его услугамъ прибѣгло 5835 чел. (4897 мужч. и 938 женщ.) Средній ежедневный пріемъ былъ 19 чел., самый большой—49, наименьшій—5 чел. Приведенная цифра (5835 чел.) не заключаетъ въ себѣ всей суммы посѣщеній: лица, которыя обращались въ секретаріатъ нѣсколько разъ по одному и тому же дѣлу, записывались въ журналъ только разъ; если принять во вниманіе и эти посѣщенія, то окажется, что всѣхъ ихъ было до 8000, т. е. въ мѣсяцъ среднимъ числомъ 800 посѣщеній.

Во второй годъ средняя мѣсячная посѣщаемость секретаріата увеличилась на 100 чел.: за годъ зарегистровано 10750 посѣщеній; изъ нихъ 2900 приходится на повторныя посѣщенія, слѣдовательно, посѣтителей было 7851 (6629 мужч. и 1222 женщ.); средній пріемъ новыхъ кліентовъ съ 19 человѣкъ въ день повысился до 22.

Какъ ни велики эти цифры, но онѣ далеко ниже цифръ посѣщаемости франкфуртскаго секретаріата за первый же годъ его существованія: въ первый мѣсяцъ въ него обратилось 1138 чел., а за годъ было 16076 обращеній (въ мѣсяцъ въ среднемъ—1340), изъ коихъ 875—письменныхъ. Изъ посѣтителей многіе предлагали по 4, 5 и больше вопросовъ; нерѣдко случалось, что кліентъ извлекалъ изъ кармана записку и задавалъ по ней съ полдюжины вопросовъ. Особенно много вопросовъ было въ письменныхъ обращеніяхъ; секретари заносили въ книгу только главнѣйшіе. За годъ секретарямъ пришлось написать 1214 писемъ и изготовить 2283 дѣловыя бумаги. Переписка велась не только съ Германіей, но и съ Цюрихомъ, Вѣной, Лондономъ, Парижемъ, Нью-Іоркомъ и Константинополемъ.

Изъ посѣтителей мюнхенскаго секретаріата къ рабочему классу принадлежали въ 1898 г. — 5600 чел., т. е. 96%; въ 1899 году это отношеніе осталось почти тѣмъ же: рабочія группы населенія составили 95% всѣхъ посѣтителей секретаріата. Среди 422 представителей нерабочихъ группъ населенія въ мюнхенскій секретаріатъ обращались за юридическою помощью, между прочимъ, 78 чиновниковъ, 50 рестораторовъ, 44 купца, домовладѣльцы, инженеры, техники, торговцы, содержатели мастерскихъ, помѣщикъ, врачъ, нѣсколько фабрикантовъ, художникъ, архитек-

торъ и т. п. Франкфуртскій секретаріатъ посѣтили: 41 чиновникъ, 24 учителя, 6 зубныхъ техниковъ, акушерки, два дантиста, аптекарскіе помощники, городской голова, актеръ, священникъ, литераторъ.

Если изъ числа всѣхъ, обращавшихся въ секретаріатъ лицъ, отбросить тѣхъ, которыя не принадлежатъ къ рабочему классу, а также тѣхъ рабочихъ, которые не могли быть членами какого либо союза въ виду отсутствія въ данномъ городѣ соотвѣтсвующей ихъ профессіи организацій, то окажется, что изъ всѣхъ остальныхъ кліентовъ мюнхенскаго секретаріата въ 1898 году—2893 челов. (54,6%), въ 1899 г.—3953 чел. (55,9%), т. е. нѣсколько больше половины, принадлежали къ числу организованныхъ рабочихъ. Эти цифры могутъ считаться вполнѣ точными, такъ какъ почти всѣ организованные рабочіе, ихъ жены и дѣти предъявляли секретарямъ свои союзныя книжечки. Въ отчетѣ франкфуртскаго секретаріата констатируется, что среди посѣтителей его было 7256 организованныхъ рабочихъ, а остальные 8820 принадлежали къ неорганизованнымъ; если изъ послѣдней группы отбросить домашнюю прислугу, лицъ либеральной профессіи и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, то окажется, что и въ франкфуртскомъ секретаріатѣ число кліентовъ изъ организованныхъ рабочихъ приблизительно равно количеству посѣтителей изъ неорганизованной рабочей массы.

Всѣхъ организованныхъ рабочихъ въ Мюнхенѣ въ 1898 году было около 12 тыс., въ 1890 г.—16273; изъ нихъ помощью секретаріата воспользовались 2893 и 3953 раб., т. е. нѣсколько меньше одной четвертой части (24,3%). Слѣдовательно, три четверти плательщиковъ секретаріата дѣлали свои взносы не для себя, а для совершенно постороннихъ имъ людей.

Подавляющее большинство кліентовъ секретаріатовъ жили въ Франкфуртѣ и Мюнхенѣ; на долю иногородныхъ приходится около 5% посѣщеній.

Характеръ дѣлъ, по которымъ кліенты обращались въ секретаріаты, виденъ изъ слѣдующей таблицы:

Названіе дѣлъ.	Мюнхенск. 1898	Мюнхенск. 1899 г.	Франкф. 1899 г.
1) Разсчеты безъ предупрежденія	267	447	937
2) О заработной платѣ	461	584	1306
3) Другія недоразумѣнія на почвѣ найма раб.	346	437	629
4) По страхованію отъ несчастныхъ случаевъ	832	1040	1723
5) » » » старости и инвалидности	339	485	840
6) » » » болѣзней	180	330	1045
7) По закону о ферейнахъ	12	44	215
8) По вопросамъ фабричной инспекціи	52	56	67
	2490	3423	6762
9) Дѣла гражданскія	1835	2526	2422
10) » уголовныя	522	649	607
11) » административныя	650	793	735
12) » разныя	585	716	не указ.
Всего	6082	8107	неизв.

Первые девять пунктовъ таблицы заключаютъ въ себѣ дѣла, по которымъ въ секретаріаты обращались, вѣроятно, исключительно рабочіе; такихъ дѣлъ около половины. По остальнымъ кліентами являлись и рабочіе, и другія лица. Изъ этого слѣдуетъ, что секретаріаты вполнѣ оправдываютъ свое названіе „рабочихъ“: большинство кліентовъ ихъ—рабочіе, половина дѣлъ—чисто рабочаго характера.

За два года мюнхенскій секретаріатъ отказалъ въ юридической помощи 33 посѣтителямъ, такъ какъ стремленія ихъ шли въ разрѣзъ съ основными принципами этого рабочаго института.

Какъ упоминалось выше, средства на содержаніе секретаріатовъ обязались давать рабочія организаціи. Само собою разумѣется, не всѣ онѣ вполнѣ исправно несли на себѣ эту обязанность. Тѣмъ не менѣе оба секретаріата могли покрыть всѣ свои расходы и даже отложить въ сберегательныя кассы нѣкоторыя суммы на „черный день“ (мюнхенскій секретаріатъ даже 6000 марокъ). Такіе результаты достигнуты отчасти крайней экономіей въ расходахъ, отчасти благодаря той помощи, которую оказывали и оказываютъ секретаріатамъ соціалъ-демократическія партіи и ферейнъ: франкфуртскій секретаріатъ получаетъ отъ нихъ тысячу марокъ въ годъ.

Главныя статьи расходовъ секретаріатовъ составляютъ: жалованье секретарямъ и письмоводителямъ (по франкфур.—4000 мар. по мюнхен.—3540 и 4880 мар.), квартира съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугой и телефономъ (по франкф. — 1130, по мюнхен.—820 и 870 мар.), покупка книгъ и выписка нѣкоторыхъ газетъ (475, 300 и 100 мар.) и первоначальная обстановка (320 и 470 мар.); остальныя деньги пошли на печатаніе отчетовъ, канцелярскіе, почтовые и другіе мелкіе расходы. Всего франкфуртскимъ секретаріатомъ истрачено за первые 10 мѣсяцевъ—5710 мар. (2685 р.), а за второй годъ 7880 мар. (3705 р.); въ среднемъ содержаніе франкфуртскаго секретаріата обходилось рабочимъ въ 256 руб. въ мѣсяцъ. Организованныхъ рабочихъ въ Франкфуртѣ въ 1899 году числилось около 9 тыс. человѣкъ; слѣдовательно, каждый рабочій на содержаніе секретаріата долженъ былъ вносить въ годъ около 35 коп.; фактически они вносили нѣсколько больше (2 пфеннига въ недѣлю, т. е. около 49 коп. въ годъ), что дало возможность секретаріату составить за первый годъ существованія „резервный фондъ“ въ 900 рублей и перейти къ слѣдующему году съ кассовою наличностью въ 465 рублей.

Въ Мюнхенѣ организованныхъ рабочихъ числилось въ 1898 году—12 тысячъ, а въ 1899—16273 челов. Слѣдовательно, содержаніе секретаріата обошлось каждому члену организацій въ 27 и въ 22 коп. въ годъ.

Чтобы читатель могъ оцѣнить всю ничтожность послѣднихъ цифръ въ сравненіи съ тѣмъ, что получаютъ рабочіе отъ созданныхъ ими учрежденій, необходимо упомянуть, что секретари старались, по возможности, расширить свою дѣятельность и вывести ее за предѣлы составленія дѣловыхъ бумагъ и подачи юридическихъ совѣтовъ. Сознавая недостаточность кабинетной помощи и необходимость помогать своимъ кліентамъ на судѣ, секретари охотно принимали на себя безвозмездное веденіе такихъ дѣлъ, по которымъ могутъ выступать повѣренными лица, не принадлежащія къ числу дипломированныхъ адвокатовъ. И хотя такихъ дѣлъ, вслѣдствіе существованія въ Германіи адвокатской привилегіи, прошло черезъ секретаріаты сравнительно немного, секретари мюнхенскаго секретаріата выступали въ 1899 году въ судебныхъ учрежденіяхъ по 82 дѣламъ. Желая обезпечить своимъ кліентамъ судебную помощь въ болѣе широкихъ размѣрахъ, секретаріатъ вступилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми адвокатами и отсылалъ къ нимъ кліентовъ, нуждавшихся въ судебной поддержкѣ. Отсутствіе средствъ не позволяло секретаріатамъ принимать на себя оплату труда повѣренныхъ, такъ что отсылкой кліента къ адвокату ограничивалась въ этомъ отношеніи вся помощь секретарей; условія о гонорарѣ вырабатывались непосредственно заинтересованными лицами*). Надо думать, что въ недалекомъ будущемъ секретаріаты восполнятъ этотъ существенный пробѣлъ въ своей дѣятельности и организуютъ болѣе постоянную и болѣе дешевую судебную защиту всѣхъ или части своихъ кліентовъ.

Чтобы облегчить увѣчнымъ рабочимъ достиженіе принадлежащихъ имъ правъ на вознагражденіе, мюнхенскій секретаріатъ постарался найти врачей, которые приняли бы на себя трудъ давать увѣчнымъ необходимыя для нихъ медицинскія удостовѣренія. Затрудненія, на которыя натолкнулся секретаріатъ, были очень велики: врачи стремятся обыкновенно давать свидѣтельства лишь по требованію административныхъ или судебныхъ властей и отказываются указывать въ своихъ заключеніяхъ на неправильности, допущенныя врачами, свидѣтельствовавшими больного раньше; обремененные своей работой, ведя трудную борьбу за существованіе, они не удовлетворяются тѣмъ скуднымъ гонора-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній секретари предупреждаютъ въ своемъ отчетѣ будущихъ кліентовъ секретаріата, что сами они не имѣютъ права вести въ судахъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ (за весьма незначительными исключеніями) и что секретаріатъ, вопреки распространенному слуху, не обладаетъ особымъ фондомъ для уплаты гонорара адвокатамъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что многіе посѣтители (вѣроятно, не организованные рабочіе), обращаясь къ секретарямъ, называютъ ихъ: г-нъ докторъ, г-нъ адвокатъ, г-нъ судья, инспекторъ, директоръ и т. п. Въ этихъ обращеніяхъ, по мнѣнію секретарей, отражается наивная увѣренность, что секретаріатъ можетъ принимать на себя чисто судебныя функціи.

ромъ, который могутъ предложить имъ увѣчные рабочіе. Тѣмъ не менѣе многіе врачи пришли на помощь секретаріатамъ, благодаря чему нѣсколько облегчилось полученіе рабочими вознагражденія за увѣчье. Кромѣ того, мюнхенскій секретаріатъ обратился въ частный союзъ верхне-баварскихъ и мюнхенскихъ „кассъ на случай болѣзни" съ предложеніемъ побудить кассовыхъ врачей выдавать рабочимъ свидѣтельства о состояніи ихъ здоровья. Переговоры съ союзомъ, какъ константируетъ отчетъ, еще не кончены, но есть полное основаніе надѣяться на благопріятный исходъ ихъ. Точно также секретаріатъ вступилъ въ переговоры съ „союзомъ нѣмецкихъ рудокоповъ и горныхъ рабочихъ", прося его принять на себя расходы увѣчныхъ шахтеровъ на поѣздки въ Мюнхенъ и обратно для полученія медицинскихъ свидѣтельствъ отъ тѣхъ врачей, которые приняли на себя обязанность выдавать ихъ.

Кромѣ подачи юридической помощи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, секретари выступали съ защитой интересовъ рабочей массы и другимъ способомъ: на нихъ возложена обязанность читать рефераты въ собраніяхъ рабочихъ союзовъ. Въ одномъ только 1899 году мюнхенскіе секретари сдѣлали 20 докладовъ по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Вмѣсто чтенія рефератовъ, франкфуртскіе секретари обязаны прилагать къ своему отчету научную работу на выбранную совмѣстно съ коммиссіей надзора тему. Въ 1899 году секретарь Кампфмейеръ представилъ большую статью на тему о томъ, какъ совершилось превращеніе прежнихъ цеховыхъ подмастерьевъ въ нынѣшнихъ сознательныхъ рабочихъ.

Наконецъ, и самые отчеты секретарей являются цѣлымъ литературнымъ произведеніемъ. Въ нихъ, на ряду съ тѣми свѣдѣніями, которыя только отчасти утилизированы мною для настоящей статьи, подробно излагаются болѣе интересные казусы, встрѣтившіеся въ практикѣ секретарей; по поводу отдѣльныхъ дѣлъ указывается на желательныя измѣненія въ законахъ; даются совѣты, какъ должны поступать рабочіе для охраны своихъ правъ; разсказывается о всякихъ легальныхъ и нелегальныхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ ими на этомъ пути; сообщается объ отношеніи судовъ къ рабочимъ дѣламъ и т. п. Все это составлено такъ живо и такъ интересно, что вполнѣ понятной становится энергія, съ какой коммиссія надзора совѣтуетъ рабочимъ возможно шире распространять отчеты секретаріатовъ; становится понятной и ея увѣренность, что ознакомленіе съ отчетами, и особенно непосредственныя сношенія съ секретаріатомъ, привлекутъ въ ряды организацій новыхъ членовъ, а къ секретаріатамъ—новыя организаціи. Эта увѣренность оказалась вполнѣ основательной: уже въ началѣ 1899 года два союза— „нѣмецкихъ книгопечатниковъ" и „рабочихъ по дереву въ Па-

зингѣ“—примкнули къ мюнхенскому секретаріату и стали дѣлать причитающіеся съ нихъ взносы; въ томъ же Мюнхенѣ, по наблюденію секретарей, многіе рабочіе, стоявшіе прежде въ сторонѣ отъ рабочаго движенія, познакомившись по своимъ дѣламъ съ секретаріатомъ и убѣдившись въ громадномъ значеніи всякой организаціи, измѣняли свое отношеніе къ нимъ и вступали въ ряды сознательныхъ борцовъ за свои права.

Таковы исторія возникновенія, организація и дѣятельность двухъ извѣстныхъ мнѣ секретаріатовъ. Созданные исключительно рабочими, они гостепріимно открыли свои двери передъ всѣми неимущими, обиженными, искалѣченными, передъ всѣми пасынками современнаго строя. Толпы кліентовъ съ надеждою на защиту устремились въ секретаріаты и понесли туда свои жалобы, свои горести и слезы. Чѣмъ же объяснить такой быстрый и такой громадный успѣхъ этихъ совсѣмъ юныхъ учрежденій? Почему простые, не получившіе спеціальнаго юридическаго образованія рабочіе секретари развили гораздо большую дѣятельность, чѣмъ русскіе адвокаты, устроившіе „окраинныя“ и другія консультаціи, чѣмъ вѣнскіе адвокаты, принимающіе участіе въ организованныхъ австрійскимъ дамскимъ ферейномъ юридическихъ „станціяхъ“ для женщинъ? Мы видѣли, что франкфуртскій секретаріатъ посѣтили за первый годъ свыше 16 тыс. человѣкъ, тогда какъ въ *пяти* петербургскихъ консультаціяхъ, функціонирующихъ уже нѣсколько лѣтъ, перебывало за годъ только около 5 тыс. кліентовъ, а въ вѣнскихъ „станціяхъ“ даже лишь 418 женщинъ *). Почему такой успѣхъ у однихъ и такая неудача у другихъ? Отвѣтъ на эти вопросы для ознакомившагося съ секретаріатами не долженъ представлять затрудненій: причина ихъ успѣха лежитъ въ ихъ организаціи и въ характерѣ ихъ дѣятельности.

Созданные рабочими, содержимые ими на кровью и потомъ заработанныя деньги, секретаріаты получили такую организацію, которая наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ своихъ хозяевъ. И часы пріема, и мѣстонахожденіе секретаріатовъ—все это согласовано съ ихъ и только ихъ интересами, потому что они и только они являются законодателями и устроителями секретаріатовъ. Секретарямъ не страшна подпольная адвокатура, такъ какъ секретаріаты созданы тогда, когда широкія массы рабочихъ сами сознали необходимость истиннаго знанія и вредъ всякаго полузнанія и невѣжества. Секретаріаты не могли остаться безъ кліентовъ, такъ какъ еще до открытія ихъ тысячи рабочихъ обсуждали необходимость устройства ихъ и пришли къ заключенію, что работа у нихъ будетъ. Секретари не пропускаютъ пріемныхъ

---

*) См. «VI Jahres-Bericht des allg. österr. Frauenvereines. Wien, 1899».

часовъ, потому что они не благотворительностью занимаются, а исполняютъ обязанность, за которую получаютъ жалованье отъ рабочей массы. Всякое упущеніе секретарей, всякая небрежность ихъ будетъ замѣчена и исправлена коммиссіей надзора, для которой всего дороже интересы рабочихъ, избравшихъ и ее, и секретарей. Если коммиссія надзора закроетъ глаза на неисправности секретарей, всякій членъ рабочей организаціи можетъ вмѣшаться въ дѣло, можетъ поднять вопросъ о нужныхъ измѣненіяхъ, о необходимости сдѣлать тѣ или другія нововведенія, замѣнить неподходящаго секретаря другимъ, болѣе дорожащимъ интересами рабочихъ, болѣе опытнымъ и знающимъ. Въ секретарѣ кліентъ-рабочій видитъ не барина, не чиновника, котораго иногда полезно обмануть, не человѣка, который сейчасъ же предложитъ уплатить что-нибудь за совѣтъ, а своего ставленника, своего единомышленника, друга, проникнутаго тѣми же стремленіями, болѣющаго тѣми же горестями, готоваго и обязаннаго помочь всѣми доступными для него средствами; съ такимъ совѣтчикомъ не надо хитрить, отъ него нельзя ничего утаивать, его можно не стѣсняться, съ нимъ легко говорить по душѣ.

Что бы не сдѣлалъ секретарь, какъ-бы много онъ ни потрудился для кліента, — платить ему не нужно, ни денегъ, ни подарковъ онъ принять не можетъ. Нечего и говорить, какое вліяніе оказала эта безвозмездность помощи на развитіе кліентуры секретаріатовъ. Рабочій, если онъ имѣетъ мѣсто, если онъ здоровъ и не находится въ какихъ либо исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ отдавать на секретаріатъ два пфеннинга въ недѣлю. Но урвать изъ своего скуднаго бюджета сразу 20—50 коп., чтобы уплатить ихъ за совѣтъ или прошеніе, ему часто не подъ силу и онъ скорѣе предпочтетъ остаться безъ совѣта, чѣмъ безъ денегъ, особенно если въ первомъ нѣтъ, по его мнѣнію, настоятельной нужды. Установивъ безплатную помощь для своихъ членовъ, организованные рабочіе обнаружили гораздо большую общественную понятливость, чѣмъ наши земства, пытавшіяся взимать съ *больныхъ* крестьянъ пятаки и гривенники за „бутылочки" для лѣкарствъ.

Михаилъ Беренштамъ.

Новый трудъ по исторіи императора Александра II.

Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Сочиненіе С. С. Татищева, т. I. Спб. 1903 г. Изданіе А. С. Суворина.

Болѣе 80 лѣтъ прошло со дня рожденія императора Александра II и болѣе 20 лѣтъ со дня его смерти. И вотъ нашелся историкъ—уже извѣстный своими работами С. С. Татищевъ—рѣшившійся написать исторію жизни и царствованія этого государя.

Сомнѣваясь, впрочемъ, въ возможности теперь же судить о событіяхъ того времени съ полнымъ безпристрастіемъ и должной объективностью, г. Татищевъ сознательно ограничилъ свою задачу.

„Задача моя — пишетъ онъ въ предисловіи, — сводилась къ тому, чтобы собрать воедино многочисленныя свидѣтельства объ отдѣльныхъ моментахъ и эпизодахъ жизни и дѣятельности государя Александра Николаевича и, дополнивъ ихъ собственными изысканіями, составить точный и по возможности полный прагматическій сводъ событій его царствованія и личнаго въ нихъ участія или воздѣйствія на нихъ императора въ области политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Это — если могу такъ выразиться — первая просѣка въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности русскаго общества относительно *фактическаго* содержанія царствованія, преобразовательное, просвѣтительное, объединительное и освободительное значеніе котораго затрогиваетъ всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни и такъ глубоко отразилось на историческихъ судьбахъ Россіи“ *).

Когда я прочелъ эти слова: *„первая просѣка въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности“*—мнѣ они сразу же показались рискованными и заносчивыми. Съ одной стороны, отнюдь нельзя сказать, чтобы такъ велика была неосвѣдомленность наша относительно событій и фактовъ той великой эпохи, чтобы можно было сравнить ее съ дремучимъ лѣсомъ; съ другой стороны, рекомендовать свой трудъ, какъ первую просѣку въ дремучемъ лѣсу—это вѣдь значитъ обѣщать читателю расчистку дебрей, разъясненіе и установленіе такихъ фактовъ, которые ранѣе извѣстны не были; а между тѣмъ, мнѣ казалось, что, не смотря на отсутствіе въ нашей исторической литературѣ такого

---

*) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. XVII.

труда, который давалъ бы полную исторію жизни и царствованія Александра II, по частямъ эта исторія настолько уже выяснена и извѣстна читающей публикѣ изъ многочисленныхъ монографій, мемуаровъ, записокъ и журнальныхъ статей, что довольно трудно разсчитывать на такое выясненіе и установленіе новыхъ фактовъ, которое можно было бы приравнять къ проведенію *первой* просѣки въ дремучемъ лѣсу.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ приступилъ я къ чтенію этой многообѣщающей книги, но по мѣрѣ того, какъ знакомился съ ея содержаніемъ, мое скептическое къ ней отношеніе не только не уменьшалось, а, наоборотъ, утверждалось и даже увеличивалось. Я убѣдился, что авторъ не только не сдѣлалъ никакой новой просѣки въ этомъ лѣсу, но даже не потрудился въ достаточной мѣрѣ изучить уже ранѣе сдѣланныя другими писателями весьма крупныя и цѣнныя просѣки... Тѣмъ не менѣе матеріалъ, которымъ располагалъ г. Татищевъ, хотя большею частью и не представляетъ ничего новаго, даже и для широкаго круга читателей, самъ по себѣ касается столь важныхъ событій нашей государственной и общественной жизни, что книгу его я всетаки прочелъ съ достаточнымъ интересомъ. Думаю, что и читатели не посѣтуютъ на меня, если я остановлюсь на ея содержаніи и попытаюсь попутно выяснить ея недостатки, которые, впрочемъ, нетрудно замѣтить каждому образованному человѣку.

Объемистый первый томъ охватываетъ время съ 1818 по 1865 годъ включительно—съ рожденія Александра Николаевича и до завершенія періода важнѣйшихъ преобразованій его царствованія. Въ первой части излагаются главные факты его жизни до воцаренія (1818—1855); во второй—первые годы царствованія (1855—1864); наконецъ, третья представляетъ очеркъ государственныхъ преобразованій такъ называемой эпохи реформъ (1856—1865). Въ каждой изъ этихъ частей заключается по шести главъ. Первыя главы—особенно вторая — представляютъ выдающійся интересъ, благодаря тому, что въ нихъ изложенъ замѣчательный планъ воспитанія Александра Николаевича, составленный Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ. Авторъ воспользовался при этомъ главнымъ образомъ уже извѣстными читающей публикѣ матеріалами: статьей „Годы ученія императора Александра II“ въ Сборникѣ Имп. Русск. Историческаго Общества (т. XXX), перепиской В. А. Жуковскаго (напечатанной въ свое время въ „Русскомъ Архивѣ“), дневникомъ воспитателя Александра Николаевича К. К. Мердера („Русская старина“) и т. п. Формулярный списокъ наслѣдника - цесаревича и камеръ - фурьерскій журналъ того времени прибавляютъ немного интереснаго къ этимъ наиболѣе цѣннымъ матеріаламъ.

Планъ воспитанія будущаго императора изложенъ довольно обстоятельно и глубокій взглядъ Жуковскаго на предстоявшую

ему задачу, выясняющійся и изъ этого плана и изъ писемъ его къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, представленъ достаточно рельефно. Къ сожалѣнію, не выяснено только, почему именно Жуковскій былъ призванъ на этотъ отвѣтственный постъ. Неосвѣдомленный читатель по изложенію г. Татищева можетъ подумать, что Жуковскій приглашенъ былъ, можетъ быть, просто потому, что написалъ удачные стихи на рожденіе Александра Николаевича, а между тѣмъ, выяснить это въ нѣсколькихъ словахъ было не трудно, освѣтивъ и самую личность Жуковскаго, какъ гуманиста, и его отношеніе къ императрицамъ Маріи Ѳедоровнѣ и Александрѣ Ѳедоровнѣ. Изъ остальныхъ воспитателей и наставниковъ Александра Николаевича болѣе или менѣе выясненъ лишь гуманный и симпатичный образъ Мердера... Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше изслѣдователь уставалъ и тѣмъ уже становилась проводимая имъ просѣка. Онъ не забываетъ, правда, съ ненужной мелочностью отмѣчать по формулярному списку каждое производство, каждое пожалованіе въ шефы того или иного полка, каждый шагъ юнаго великаго князя въ придворной сферѣ, а воспитаніе наслѣдника, исполненіе замѣчательнаго плана Жуковскаго прослѣживаетъ лишь чисто внѣшнимъ образомъ, руководствуясь полугодовыми экзаменами, какъ этапами, и у читателя едва ли можетъ получиться ясное представленіе, какъ складывалась и формировалась нравственная личность Александра Николаевича. Путемъ самостоятельнаго анализа фактовъ, приводимыхъ г. Татищевымъ, болѣе подготовленный читатель можетъ, пожалуй, вывести, что воспитаніе наслѣдника шло подъ двойственнымъ вліяніемъ довольно несогласныхъ между собой факторовъ. Съ одной стороны, Жуковскій, который писалъ матери своего воспитанника послѣ одного московскаго парада, въ которомъ 7-ми лѣтній Александръ Николаевичъ фигурировалъ верхомъ на лошади: „эпизодъ этотъ, государыня, совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы трудимся... Эти воинственныя игрушки не испортятъ-ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ-ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму“... —Съ другой стороны—самъ императоръ Николай, который, хотя и одобрилъ формально систему Жуковскаго и вообще относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ, въ то же время самъ на первый планъ въ воспитаніи наслѣдника ставилъ военныя науки и прямо требовалъ, чтобы изъ него вышелъ „военный въ душѣ“—такой, какъ

онъ самъ, „безъ чего онъ будетъ,—говорилъ Николай Павловичъ,—потерянъ въ нашемъ вѣкѣ“ *), и наслѣдникъ съ раннихъ лѣтъ участвовалъ во всѣхъ смотрахъ и парадахъ, такъ что даже и Мердеръ (самъ человѣкъ военный) писалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Желалъ бы очень убѣдиться, что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будетъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ ему придти на мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное, и онъ можетъ тому повѣрить“ **).

Всѣ эти факты приведены въ разныхъ мѣстахъ первой части, но они не сопоставлены и воздѣйствіе всѣхъ этихъ вліяній на наслѣдника не выяснено. Если сдѣлать выводъ изъ книги г. Татищева, пожалуй, придется заключить, что въ концѣ-концовъ военно-придворное вліяніе возобладало; но едва-ли такой выводъ будетъ вполнѣ правиленъ, потому что въ значительной мѣрѣ онъ обусловливается тѣмъ, что авторъ *самъ* обращаетъ слишкомъ много вниманія на мелочные внѣшніе факты и данныя формулярнаго списка и камеръ-фурьерскаго журнала.

Особенно сухо и сжато изложено содержаніе курсовъ высшихъ государственныхъ наукъ, преподававшихся Сперанскимъ, Брунновымъ и Канкринымъ. Если еще охарактеризованы „бесѣды о законахъ“ М. М. Сперанскаго и курсъ внѣшней политики Россіи и международнаго права, прочитанный наслѣднику Брунновымъ, то содержаніе лекцій графа Канкрина о финансахъ и государственномъ хозяйствѣ остается совершенно неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, было бы весьма существенно выяснить и самые курсы и нравственную физіономію этихъ лекторовъ, и особенно графа Канкрина, бывшаго, какъ извѣстно, личностью весьма оригинальной и отличавшагося, какъ глубиной и разносторонностью своихъ познаній, такъ и высокой честностью и прямотой.

Знаменитое путешествіе наслѣдника по Россіи изложено также главнымъ образомъ со своей внѣшней, оффиціальной стороны. Оно, конечно, и происходило въ рамкахъ довольно строгаго этикета и совершалось съ такою поспѣшностью, которая исключала возможность сколько-нибудь солиднаго ознакомленія съ огромной страной, по которой пронесся наслѣдникъ со своею свитой блестящимъ метеоромъ.

Однако же, намъ извѣстно, что при посѣщеніи нѣкоторыхъ губерній отрицательная сторона тогдашняго быта вопреки всѣмъ распоряженіямъ всетаки успѣвала кое-гдѣ неожиданно выказаться; напримѣръ, въ Вяткѣ открылись такія возмутительныя злоупотребленія губернатора Тюфяева, что онъ немедленно былъ смѣ-

---

*) Императоръ Александръ II, т. I, стр. 53 (взято изъ дневника К. К. Мердера).

**) Ibidem, стр. 41.

щенъ по представленію наслѣдника *); и напрасно г. Татищевъ, руководствуясь одними оффиціальными описаніями праздниковъ, народныхъ ликованій и проч., совершенно упустилъ эту сторону путешествія. Чрезвычайно скомканъ и оттого представленъ несовсѣмъ вѣрно эпизодъ знакомства наслѣдника съ декабристами въ Западной Сибири и исторія его предстательства за нихъ передъ императоромъ Николаемъ **).

Изъ всѣхъ главъ первой части самая неудачная—послѣдняя, касающаяся государственной и военной дѣятельности цесаревича. Благодаря тому, что главнымъ матеріаломъ для нея послужили документы вродѣ формулярнаго списка и приказовъ, авторъ подробно останавливается на мельчайшихъ шагахъ военной карьеры наслѣдника и лишь очень поверхностно касается его государственной дѣятельности. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ эта дѣятельность была довольно знаменательна и разностороння. Въ отсутствіе государя наслѣдникъ управлялъ текущими дѣлами имперіи, и г. Татищевъ, не забывая отмѣтить о пожалованіи ему за это ордена Владиміра 1-й степени, совершенно не выясняетъ, съ какими дѣлами и вопросами пришлось при этомъ ознакомиться будущему императору. Александръ Николаевичъ дважды—въ 1846 г. и въ 1848 г. — предсѣдательствовалъ въ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу, и г. Татищевъ едва упоминая объ этомъ, совершенно не касается взглядовъ наслѣдника на крестьянскій вопросъ и того образа дѣйствій, котораго онъ тогда въ этомъ дѣлѣ придерживался. Между тѣмъ, какъ ни скудны печатныя данныя, сюда относящія, однако и они освѣщаютъ этотъ вопросъ, благодаря, напримѣръ, такимъ „просѣкамъ", какъ капитальный трудъ В. И. Семевскаго ***), гораздо больше, нежели это сдѣлано въ книгѣ г. Татищева.

Какъ дипломатъ, интересующійся преимущественно внѣшней исторіей Россіи, г. Татищевъ гораздо подробнѣе и удачнѣе выяснилъ роль Александра Николаевича въ вопросѣ присоединенія Амура и опять лишь поверхностно коснулся предсѣдательствованія наслѣдника въ комитетѣ по постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.

Извѣстно, при какихъ тяжелыхъ для Россіи обстоятельствахъ совершилось воцареніе императора Александра II. Г. Татищевъ приводитъ знаменитыя предсмертныя слова императора Николая: „Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ",—но эти слова для читателя книги г. Татищева являются совер-

---

*) Фактъ этотъ описанъ Герценомъ въ «Былое и думы», т. I.

**) Срав. «Русск. Старина» за 1901 г. № 4, стр. 97 и слѣд.

***) «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія», т. II, глава V—VIII.

шенной неожиданностью, также какъ и всеобщее разстройство обнаруженное Крымской войной. Въ оптимистическомъ изложеніи г. Татищева все обстояло такъ превосходно до этого момента, что тяжелый конецъ Николаевскаго царствованія является непонятнымъ диссонансомъ, и г. Татищевъ не считаетъ нужнымъ его разъяснить, а между тѣмъ, этотъ диссонансъ въ настоящее время достаточно разъясненъ въ нашей исторической и публицистической литературѣ. По той же причинѣ является непонятнымъ и остается въ книгѣ г. Татищева необъясненнымъ и тотъ необыкновенный восторгъ, который охватилъ русское общество при первыхъ шагахъ государственной дѣятельности императора Александра II; восторгъ, который заставилъ самого Погодина заговорить языкомъ либерала. Г. Татищевъ отмѣчаетъ, конечно, это общественное настроеніе, но отмѣчаетъ его какъ-то мимоходомъ, останавливаясь на немъ слишкомъ мало и пользуясь для его изображенія чуть-ли не одной только многотомной монографіей Барсукова „Жизнь и труды Погодина", хотя и содержащей въ себѣ много весьма любопытныхъ документовъ, но далеко не исчерпывающей всѣхъ сторонъ и оттѣнковъ тогдашней общественной жизни и настроенія различныхъ слоевъ и группъ русскаго общества. Дѣйствія императора Александра изображены за то весьма точно по подлиннымъ документамъ, изъ которыхъ многіе (особенно рѣчи государя) приводятся тутъ же дословно.

Конецъ Крымской войны и начало международныхъ переговоровъ изложены по первоисточникамъ, при чемъ для оцѣнки военныхъ дѣйствій автору послужили пособіемъ труды военныхъ историковъ г.г. Богдановича и Дубровина. О раскрывшейся послѣ войны картинѣ злоупотребленій и хищеній по продовольственной части авторъ едва упоминаетъ лишь мимоходомъ, по случаю назначенія для разбора возникшихъ дѣлъ особой коммиссіи кн. Васильчикова. За то съ большимъ знаніемъ дѣла и съ явными признаками самостоятельнаго изслѣдованія изложены главы, посвященныя внѣшней политикѣ Россіи и международнымъ отношеніямъ. Въ этихъ главахъ авторъ видимо попадаетъ въ свою настоящую сферу близко извѣстныхъ, хорошо изученныхъ и понятыхъ фактовъ и отношеній. Таково описаніе Парижскаго конгресса 1856 г. и особенно мастерской очеркъ нашей внѣшней политики и взглядовъ на иностранную политику самого императора Александра, гр. Нессельроде, кн. Горчакова и гр. Киселева, а также тенденцій и взглядовъ въ области международныхъ отношеній Наполеона III и другихъ государственныхъ дѣятелей западной Европы. Эти главы, какъ и соотвѣтствующія главы 3-й части I тома. посвященныя описанію дѣйствій нашей дипломатіи, составляютъ, какъ намъ кажется, наиболѣе цѣнную и наиболѣе самостоятельную часть этого труда,

хотя и имъ было бы едва-ли справедливо присвоить наименованіе „первой просѣки въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности“...

Въ послѣдней главѣ 2-й части представлены живые и занимательные очерки исторіи присоединенія Амура и покоренія Кавказа, составленные, впрочемъ, на основаніи фактовъ и документовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ читающей публикѣ, по монографіямъ: Н. П. Барсукова „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“ и А. Л. Зиссермана—„Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій“.

Наиболѣе интересной по своему содержанію должна была быть 3-я часть I-го тома, посвященная исторіи государственныхъ преобразованій эпохи реформъ; но по своему выполненію эта часть является, къ сожалѣнію, какъ разъ наиболѣе слабой. Въ ней-то именно авторъ не только не сдѣлалъ никакихъ новыхъ „просѣкъ“, но и не воспользовался надлежащимъ образомъ уже существующими. Въ первой главѣ этой части изложена исторія освобожденія крестьянъ. Приступая къ изложенію крестьянской реформы, г. Татищевъ не считаетъ нужнымъ дать хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ ни описанія состоянія крестьянъ, ни настроенія помѣщиковъ, ни положенія этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ къ концу предшествовавшаго царствованія, отчего первые шаги въ этомъ дѣлѣ императора Александра являются, не смотря на подробное ихъ изображеніе, несовсѣмъ понятными. Въ числѣ источниковъ, на основаніи которыхъ составлена эта глава, авторъ указываетъ кромѣ подлинныхъ актовъ и документовъ, хранящихся въ архивахъ государственнаго совѣта, министерства внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, на матеріалы редакціонныхъ коммиссій (18 томовъ), на изданные въ Берлинѣ 3 тома „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“ и на сочиненія: А. И. Скребицкаго „Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II“, Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ“ и біографію Н. А. Милютина—„Un homme d'état russe“,—изданную г. A. Leroy-Beaulieu. Онъ совершенно игнорируетъ трудъ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“, послѣднія главы котораго дали бы г. Татищеву весьма существенныя указанія для освѣщенія того положенія крестьянскаго вопроса, въ которомъ вопросъ этотъ былъ унаслѣдованъ Александромъ Николаевичемъ отъ предшествующаго царствованія; игнорируетъ также и трудъ проф. Иванюкова, который въ свое время съ гораздо большимъ правомъ могъ назваться одной изъ первыхъ просѣкъ въ изученіи періода „великихъ реформъ“, нежели сочиненіе г. Татищева, и, что всего важнѣе,—онъ не только очень мало использовалъ уже довольно значительную теперь литературу мемуаровъ, записокъ и монографій, относящихся къ

эпохѣ реформъ, но даже, повидимому, не счелъ для себя обязательнымъ непосредственное знакомство съ журнальной литературой того времени. Капитальный трудъ г. Скребицкаго (главный недостатокъ котораго заключается, по моему мнѣнію, лишь въ значительномъ числѣ опечатокъ, часто весьма досадныхъ—преимущественно въ примѣчаніяхъ,—затрудняющихъ детальное изученіе проектовъ губернскихъ комитетовъ), хотя и указанный въ числѣ источниковъ г. Татищевымъ, повидимому, вовсе не былъ имъ изученъ, не говоря уже о подлинныхъ матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій. А между тѣмъ, изученіе этихъ матеріаловъ и труда А. И. Скребицкаго дало бы ему возможность выяснить отношеніе къ реформѣ представителей дворянства въ лицѣ губернскихъ комитетовъ и ихъ депутатовъ въ Петербургѣ. Болѣе всего г. Татищевъ воспользовался при составленіи главы объ освобожденіи крестьянъ сочиненіемъ сенатора Н. П. Семенова и записками сенатора Я. А. Соловьева. Но первый изъ этихъ трудовъ, опубликованный въ то время, когда многіе изъ вліятельнѣйшихъ участниковъ реформы сошли уже въ могилу, и при всей видимой объективности, несомнѣнно слишкомъ ярко отразившій личныя симпатіи и антипатіи автора, едва-ли можетъ служить вполнѣ надежнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ, особенно безъ внимательнаго изученія всѣхъ прочихъ источниковъ. Весьма важнымъ пособіемъ при составленіи разбираемой главы могли бы послужить такія монографіи, какъ книжка Г. А. Джаншіева „А. М. Унковскій“, содержащая въ себѣ очень цѣнные матеріалы, переданные г. Джаншіеву самимъ Унковскимъ, а равно изданные въ 1901 году кн. О. Трубецкой „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, заключающіе въ себѣ, между прочимъ, интереснѣйшую переписку между Черкасскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и Кошелевымъ. Не менѣе важны „Записки“ А. И. Кошелева, изданныя въ 1884 г. его вдовой въ Берлинѣ, записки М. А. Милютиной, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, и многія другія. Оставленіе въ сторонѣ всѣхъ этихъ матеріаловъ и игнорированіе журнальной литературы той эпохи лишило автора возможности изобразить ту среду, въ которой пришлось дѣйствовать Александру II-му.—Правда, онъ приводитъ много чрезвычайно цѣннаго и характернаго оффиціальнаго матеріала, каковы въ особенности многочисленныя рѣчи и различныя резолюціи самого императора Александра; но и тутъ нельзя не указать на весьма существенный недостатокъ. Старательно подобравъ всѣ резолюціи покойнаго государя, г. Татищевъ относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ самому тексту бумагъ и докладовъ, вызвавшихъ эти резолюціи, а иногда даже искажаетъ этотъ текстъ. Такъ, напримѣръ, по поводу записки, представленной въ августѣ 1858 года министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ государю съ критикой проекта повсемѣстнаго введенія временныхъ генералъ-

губернаторовъ, г. Татищевъ пишетъ: „Большая часть доводовъ, изложенныхъ въ запискѣ, представленной государю, *служила лишь болѣе или менѣе благовидными предлогами* (?!); истинный же поводъ къ сопротивленію министерства внутреннихъ дѣлъ предположенной мѣрѣ усмотрѣлъ государь въ заключеніи министра, что власть генералъ-губернаторовъ уничтожитъ начало, въ силу котораго предоставлялось губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ расправамъ, или присутствіямъ,—какъ они названы впослѣдствіи — рѣшать окончательно и безъ аппеляцій всѣ споры между помѣщиками и крестьянами". Нѣтъ ничего удивительнаго, что императоръ, который находился въ центрѣ борьбы и котораго всячески старались окружавшіе его придворные крѣпостники возстановить противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, могъ заподозрить, что записка эта внушена была Ланскому министерскими бюрократами, боявшимися, что ихъ собственная власть умалится вслѣдствіе введенія генералъ - губернаторовъ; но какъ можетъ это утверждать просвѣщенный историкъ, спокойно изучающій теперь это дѣло,—совершенно непостижимо. Записка эта, о которой М. А. Милютина сообщаетъ, что она была составлена Н. А. Милютинымъ, при участіи кн. Д. А. Оболенскаго и В. А. Арцимовича, на самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ подлинныхъ бумагъ архива В. А. Арцимовича, составлена имъ однимъ и развѣ прочитана была, до представленія ея Ланскому на дачѣ у Милютина, ему и кн. Д. Оболенскому. Она представляетъ весьма замѣчательную, основанную на идейныхъ соображеніяхъ и глубокомъ пониманіи окружающей дѣйствительности, критику мысли о необходимости временныхъ генералъ-губернаторствъ, выдвинутой Ростовцовымъ и подхваченной Бутковымъ. Самъ Ростовцовъ впослѣдствіи вовсе не поддерживалъ этой мысли, и она такъ и не получила осуществленія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Татищевъ выхватываетъ изъ записки отдѣльныя мѣста, искажая при этомъ текстъ. Такъ, онъ утверждаетъ, будто бы министръ писалъ въ запискѣ: „Предполагается предоставить генералъ-губернаторамъ для сохраненія общественнаго порядка употреблять не однѣ только законныя мѣры, но „всѣ безъ разбора средства". На самомъ же дѣлѣ въ запискѣ, послѣ изложенія существа власти генералъ-губернаторовъ по инструкціи, составленной въ 1853 г., сказано: „Дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ, очевидно, невозможно. Если же въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, имъ предоставлено будетъ употреблять не исключительно однѣ на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя мѣры, но всѣ безъ разбора средства, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властью, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволъ". Вообще въ изложеніи этого весьма характернаго эпизода, г. Татищевъ такъ перетасовалъ отдѣльныя

выдержки изъ этой записки, что у читателя можетъ получиться лишь совершенно превратное представленіе о ней, и онъ можетъ даже подумать, ужъ не сошелъ-ли Ланской съ ума, что рѣшился представить государю столь нелѣпо редактированный документъ. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ документъ этотъ былъ составленъ однимъ изъ умнѣйшихъ и принципіальнѣйшихъ дѣятелей эпохи реформъ.

При чтеніи этой и слѣдующей главы сочиненія г. Татищева, озаглавленной „Тысячелѣтіе Россіи“, но въ сущности представляющей очеркъ дальнѣйшихъ преобразованій того времени, получается такое представленіе, что, приступая къ изложенію всѣхъ этихъ событій, историкъ самъ не составилъ себѣ отчетливаго представленія о каждомъ изъ крупныхъ дѣйствующихъ лицъ той эпохи. Такъ, слѣдя за дѣятельностью Н. А. Милютина по книгѣ Leroy-Beaulieu и запискамъ Соловьева, авторъ совершенно правильно представляетъ его замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, глубоко преданнымъ интересамъ Россіи и совершенно лойяльнымъ; но когда онъ доходитъ до реакціи, внезапно наступившей вслѣдъ за объявленіемь воли, онъ вдругъ теряетъ, по крайней мѣрѣ, часть своего уваженія къ Милютину и находитъ, что замѣна Ланскаго и Милютина П. А. Валуевымъ была вполнѣ своевременна и цѣлесообразна, такъ какъ она указывала на желаніе правительства въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла „принять въ соображеніе законные интересы дворянъ“, какъ будто до этихъ поръ правительство не желало принимать во вниманіе даже „законные интересы“ землевладѣльческаго сословія. На самомъ дѣлѣ мы знаемъ, что „законные интересы“ этого сословія никогда не упускались изъ вида правительствомъ Александра II, а, наоборотъ, старательно и заботливо имъ оберегались во все время разработки крестьянской реформы. Представленіе же о Милютинѣ, какъ о нарушителѣ этихъ законныхъ интересовъ, составилось лишь подъ вліяніемъ несправедливыхъ нареканій озлобленныхъ крѣпостниковъ. Совершенно невѣрна, только въ противоположную сторону, оцѣнка другого тогдашняго дѣятеля—соперника Милютина—П. А. Валуева. „Валуевъ,—пишетъ г. Татищевъ,—приступилъ къ отправленію новыхъ своихъ обязанностей „мягко и уклончиво“—говорили его политическіе противники; въ дѣйствительности же съ такою программою: строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеній *) 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ“. Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ сказать, что Валуевъ дѣйствовалъ „мягко и уклончиво“,—это значитъ—оцѣнить тоже черезчуръ „мягко и уклончиво“ его несомнѣнно реакціонную политику; сказать же, что въ его программу входило „строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля“—это значитъ охарактеризовать эту про-

*) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 392.

грамму прямо противоположно истинѣ. На самомъ дѣлѣ Валуевъ всячески тѣснилъ и преслѣдовалъ тѣхъ губернаторовъ, которые пытались примѣнять „строгое и точное введеніе въ дѣйствіе“ этихъ положеній. Этимъ обусловливался уходъ такихъ губернаторовъ, какъ А. Н. Муравьевъ—изъ Нижняго, Купреяновъ изъ Пензы, Барановскій—изъ Оренбурга, Гротъ изъ Самары и В. А. Арцимовичъ—изъ Калуги, при чемъ послѣдній выдержалъ съ Валуевымъ, прежде чѣмъ уйти, отчаянную борьбу. Впрочемъ, внимательный читатель въ самой же книгѣ г. Татищева, всего одной страницей раньше вышеприведенной характеристики программы Валуева, найдетъ упоминаніе о составленномъ Валуевымъ отъ имени извѣстнаго противника реформы, тогдашняго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, контръ-проектъ противъ проекта редакціонныхъ коммиссій, изъ котораго видно, могъ ли онъ быть искреннимъ исполнителемъ положеній 19 февраля.

Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить болѣе мелкія неправильности: такъ, г. Татищевъ, руководствуясь, очевидно, лишь формальной стороной дѣла, увѣряетъ, что Ланской „самъ просилъ объ увольненіи“, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что онъ былъ принесенъ въ жертву начавшейся реакціи. Я. А. Соловьевъ остался при Валуевѣ не на короткое время, какъ утверждаетъ г. Татищевъ, а пробылъ при немъ почти три года въ самое горячее и отвѣтственное время, но за то ему пришлось принять на свою совѣсть не мало компромиссовъ, въ сущности несогласныхъ съ его убѣжденіями...

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ главы объ освобожденіи крестьянъ, нельзя не указать на то, что не смотря на подробное изложеніе всѣхъ личныхъ распоряженій, рѣчей и резолюцій императора Александра, у читателя послѣ чтенія этой главы не можетъ образоваться вполнѣ правильнаго и яснаго представленія о ходѣ этого великаго дѣла, именно благодаря пренебреженію автора къ выясненію роли въ крестьянской реформѣ дворянства, литературы и состоянія самихъ крестьянъ. Между тѣмъ, въ наше время можно, мнѣ кажется, считать общепризнаннымъ, что біографія каждаго общественнаго дѣятеля только тогда и можетъ имѣть широкій общественный интересъ, только тогда и можетъ быть правильно составлена даже и съ психологической точки зрѣнія,—если біографомъ приняты будутъ во вниманіе всѣ условія среды, въ которой данному дѣятелю приходилось жить и дѣйствовать; а для этого необходимо и изучать его дѣятельность во взаимодѣйствіи ея съ окружавшими ее людьми и обстоятельствами. Тѣмъ болѣе такое требованіе приложимо, на мой взглядъ, къ біографіи императора, реформы котораго кореннымъ образомъ измѣнили гражданскій и общественный строй великой страны.

Вѣроятно, вслѣдствіе той же узкости взгляда, г. Татищевъ,

не встрѣтивъ въ изученныхъ имъ источникахъ слѣдовъ непосредственнаго участія императора Александра въ судебной и земской реформахъ, остановился на этихъ событіяхъ, имѣвшихъ такое огромное вліяніе на всю нашу жизнь, лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, что особенно поражаетъ въ виду того вниманія, которое авторъ посвящаетъ нерѣдко фактамъ, имѣвшимъ неизмѣримо меньшее историческое значеніе.

Но особенно изумительной представляется неосвѣдомленность автора въ отношеніи литературы и въ особенности публицистики періода реформъ. Довольно странно читать наивное утвержденіе автора, что цензура въ концѣ пятидесятыхъ годовъ будто бы позволяла свободно высказывать по крестьянскому вопросу *„всякія мнѣнія, не исключая и самыхъ крайнихъ“* (!), при чемъ тутъ же указано, что правительству пришлось измѣнить этотъ либеральный взглядъ на печать послѣ появленія извѣстной статьи Кавелина *). Такимъ образомъ, выходитъ, что умѣренная и лояльная статья Кавелина, который былъ въ это время однимъ изъ преподавателей наслѣдника Николая Александровича, какъ бы переполнила мѣру терпѣнія „снисходительной“ цензуры по отношенію къ выходкамъ печати. Для того, кто читалъ эту статью **), кто представляетъ себѣ ясно физіономію К. Д. Кавелина, кто знаетъ исторію мытарствъ и притѣсненій, испытанныхъ въ это время Аксаковымъ и Кошелевымъ въ Москвѣ ***),—тому утвержденіе г. Татищева, приведенное выше, можетъ показаться просто забавнымъ. Не менѣе странно читать въ книгѣ ученаго историка и слѣдующія строки: „Въ повременной печати уже нѣсколько лѣтъ преобладало крайнее направленіе, заимствованное съ запада, и проповѣдывались политическія и соціальныя ученія самаго разрушительнаго свойства.“ При этомъ, авторъ, сваливая по невѣдѣнію въ одну кучу изданія, развивавшія далеко не одинаковые между собой теоріи и взгляды, пишетъ: „провозвѣстниками этихъ ученій являлись петербургскіе ежемѣсячные журналы: „Современникъ“, „Отечественныя Записки“, „Русское Слово“. Нѣсколько ниже онъ приписываетъ всѣмъ этимъ органамъ передовой печати „анархическое“ направленіе ****). Съ ужасомъ вспоминая о томъ, что нѣкоторая часть общества подчинялась вліянію этихъ журналовъ и „даже воспринимала внушенія заграничныхъ листковъ, издаваемыхъ русскими выходцами въ Лондонѣ“, т. е. Герценомъ и Огаревымъ, авторъ, видимо, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ дѣйствительномъ направленіи всѣхъ этихъ органовъ петербургской и заграничной печати и,

*) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 325.
**) Статья эта напечатана во II-мъ томѣ сочиненій К. Д. Кавелина.
***) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 388 и слѣд.
****) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 390.

можетъ быть, удивился бы, если бы случайно узналъ, что программа Герцена вовсе не была такъ радикальна, какъ онъ привыкъ думать, что Герценъ представлялся отсталымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только на взглядъ составителей „Молодой Россіи“, но и на взглядъ Добролюбова и Чернышевскаго, и что программа его по крестьянскому вопросу въ значительной ея части вскорѣ сдѣлалась программой правительства.

Какъ бы ни относился авторъ къ существу проповѣдывавшихся въ то время ученій, такое пренебреженіе къ изученію литературныхъ направленій того времени для историка царствованія Александра II-го представляется мнѣ совершенно непростительнымъ и даже непонятнымъ.

Въ главахъ, посвященныхъ развитію „польской смуты“ и „польскаго мятежа“, сопровождавшагося извѣстнымъ дипломатическимъ походомъ противъ Россіи значительной части иностранныхъ державъ, а затѣмъ коренным преобразованіемъ всего гражданскаго строя Царства Польскаго, авторъ опять является на высотѣ своей задачи, когда излагаетъ довольно пространно и интересно весь ходъ дипломатическихъ интригъ и сношеній, закончившійся, какъ извѣстно, блестящей побѣдой русской дипломатіи; но обнаруживаетъ опять-таки признаки „прискорбной неосвѣдомленности“, какъ только дѣло касается внутреннихъ преобразованій. Такъ, на стр. 507, находятся слѣдующія строки: „сельская гмина въ Царствѣ Польскомъ получила устройство однородное съ русской волостью, *безъ введенія, однако, въ нее начала общиннаго владѣнія землею*. Наслѣдственные войты-помѣщики—замѣнены войтами избираемыми, какъ и всѣ должностныя лица сельскаго управленія, *крестьянами изъ своей среды*“... Но откуда же авторъ взялъ, что въ русскую *волость* введено начало общиннаго владѣнія землей? Во-первыхъ, общинное начало и въ великорусскихъ деревняхъ имѣетъ отношеніе лишь къ *сельскому поземельному устройству* и никакого отношенія къ *волостному* устройству не имѣетъ, такъ какъ волость есть лишь территоріальная *административная* единица, а вовсе не поземельная. Во-вторыхъ, общинное начало сохранено въ Россіи только тамъ, гдѣ оно было, т. е. преимущественно въ Великороссіи, и нигдѣ вновь введено не было. Затѣмъ совершенно невѣрно, что сельская гмина получила въ Царствѣ Польскомъ устройство однородное съ русскою волостью. Не говоря уже о томъ, что самая организація гминныхъ сходовъ совершенно не та, что волостныхъ, г. Татищевъ проглядѣлъ такую капитальную особенность гминнаго устройства, какъ его *всесословность*, причемъ войты избираются вовсе не крестьянами изъ своей среды, а всесословнымъ гминнымъ сходомъ, въ составъ котораго входятъ всѣ жители гмины, владѣющіе участкомъ земли не менѣе 3 морговъ, въ томъ числѣ и помѣщики, которые также могутъ быть

избираемы въ войты, что происходитъ нерѣдко и въ дѣйствительности *).

На послѣднихъ страницахъ I тома описана на основаніи рукописныхъ записокъ Д. Д. Голохвастова слѣдующая интересная сцена, происшедшая во время пребыванія государя въ подмосковномъ имѣніи Ильинскомъ съ больною тогда императрицею. „Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ. „Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя,—сказалъ ему императоръ,—хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ „опричниковъ“ тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія“... Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе. „Говори правду, я всегда охотно ее слышу“,—отвѣтилъ императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ „опричники“ онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ стоитъ опричь земщины, то есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа.—„Важно не слово, а дѣло“,—замѣтилъ государь.—„Что значила вся эта выходка?.. Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія“? Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, императоръ продолжалъ: „И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали“.

Слова эти относились къ адресу московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія. Отпуская Голохвастова, государь сказалъ ему: „Главное, не гоняйся за апплодисментами, за успѣхами краснорѣчія, вѣдь, право, не стоитъ того“!..

— Апплодисменты, государь, относились не ко мнѣ,—возразилъ Голохвастовъ.—Ихъ могъ вызвать каждый въ залѣ, стоило васъ назвать,—и стѣны дрожали отъ апплодисментовъ. Свѣтлая улыбка озарила лицо государя. „Да, я знаю“,—промолвилъ онъ.— „Ну, съ Богомъ, прощай!“ **).

---

*) См. «*Указъ объ устройствѣ сельскихъ гминъ*» 19 февраля 1864 г., статьи 13—24.

**) «Императоръ Александръ II», т. I, стр. 533.

Въ заключеніе повторяю: книга посвящена такимъ великимъ и интереснымъ событіямъ, касается такихъ дорогихъ каждому изъ насъ воспоминаній, что читается съ интересомъ, не смотря на цѣлый рядъ неизвинительныхъ для историка этой эпохи ошибокъ и упущеній. Однако же, эти ошибки и упущенія не только мѣшаютъ признать этотъ трудъ за „первую просѣку въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности русскаго общества“, но заставляютъ даже опасаться, какъ бы нѣкоторыми мѣстами книги неосвѣдомленные читатели не были наведены на превратное пониманіе многихъ важныхъ фактовъ освободительной эпохи.

А. Корниловъ.

Изъ Англіи.

I.

Въ мало извѣстномъ теперь трудѣ „The Principles of Success in Literature“ Генри Льюисъ, авторъ „Физіологіи обыденной жизни“, пытается выяснить основы литературнаго успѣха. Книга написана немножко докторально, съ слишкомъ большой склонностью формулировать все въ законы и разбивать на категоріи. Въ этомъ трудѣ, между прочимъ, авторъ защищаетъ положеніе, что важнѣйшее условіе успѣха—оригинальность. „Въ литературѣ мы видимъ,—говоритъ Льюисъ,—мало писателей оригинальныхъ и толпу подражателей... Подражатель видитъ, какъ легко повторить уже сказанное. Онъ желаетъ внести свои улучшенія, прибавить больше „глубины“ и „философіи“, которыхъ, какъ ему кажется, нѣтъ въ литературномъ произведеніи, имѣвшемъ успѣхъ. Недостатки послѣдняго подражатель отлично понимаетъ и недоумѣваетъ, почему публика, принявшая съ восторгомъ это произведеніе, совершенно равнодушна къ „исправленному“ и „улучшенному“ перепѣву. Подражатель объясняетъ это глупостью публики. Онъ скорбитъ по поводу равнодушія къ геніямъ и жалуется на капризные вкусы публики. Успѣхъ какого нибудь Дюма раздражаетъ подражателя и кажется ему загадкой *). Под-

*) Нужно имѣть въ виду, что Дюма-отецъ пользуется до сихъ поръ въ Англіи колоссальнымъ успѣхомъ. Мы, жители континента, какъ и «подражатель», о которомъ говоритъ Льюисъ,—останавливаемся, какъ предъ загадкой, предъ тѣмъ, какимъ образомъ «Графъ Монте-Кристо» и «Три Мушкатера» въ спискахъ «лучшихъ книгъ» въ Англіи значатся на ряду съ «Коперфильдомъ», или даже съ «Донъ-Кихотомъ».

ражатель не понимаетъ, что писатель выдвигается въ силу *оригинальной*, самобытной черты, развитой соотвѣтствующимъ образомъ. Подражатель можетъ быть и умнѣе, и развитѣе оригинальнаго писателя, можетъ вѣрнѣе его смотрѣть на вещи, лучше разбираться въ явленіяхъ жизни; но у него нѣтъ своей складки. И этимъ онъ неизмѣримо ниже самобытнаго писателя, порой не умнаго и не развитого. Дюма произвелъ громадное впечатлѣніе, тогда какъ подражатель не имѣлъ успѣха. И неудачники приходятъ или къ заключенію, что имъ нѣтъ счастья (нѣтъ достаточно сильныхъ рекомендацій къ издателямъ или къ редакторамъ"), или, что вкусы публики извращены. Оба эти заключенія, по мнѣнію Льюиса, крайне ошибочны. Онъ ставитъ вопросъ, въ какой степени успѣхъ является мѣриломъ заслуги? Строго говоря,—отвѣчаетъ нашъ авторъ,—успѣхъ—мѣра *абсолютная*. И это положеніе не разрушается несомнѣннымъ фактомъ, что недолговѣчныя произведенія имѣли иногда выдающійся успѣхъ. Ибо мы должны всегда обращать вниманіе на то, какая часть публики апплодируетъ, въ какомъ классѣ произведеніе имѣло успѣхъ. Произведеніе, подоспѣвшее къ моменту и попавшее въ тонъ настроенію общества въ данную минуту, можетъ имѣть большой успѣхъ и сильно выдвинетъ автора. Но успѣхъ тутъ объясняется не удачей или счастьемъ, а тѣмъ, что произведеніе въ извѣстной степени отвѣчаетъ запросамъ публики въ данный моментъ. Кто первый понялъ настроеніе момента, можетъ быть безконечно менѣе даровитъ, чѣмъ писатель, стоящій въ сторонѣ отъ движенія, или чѣмъ тотъ, который выступаетъ, когда моментъ прошелъ. Въ литературѣ, какъ и въ жизни, внезапный натискъ побѣждаетъ колеблющуюся силу... Успѣхъ, временный или продолжительный, является мѣркой, показывающей существующее соотношеніе между произведеніемъ и настроеніемъ общества. *).

Читатель видитъ, какъ докторальнымъ тономъ можно говорить не совсѣмъ оригинальныя истины; но въ этихъ строкахъ Льюисъ затрогиваетъ крайне любопытное явленіе. Въ исторіи литературы всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ, мы безпрерывно наталкиваемся на произведенія, которыя имѣли поразительный успѣхъ не столько въ силу присущихъ имъ достоинствъ, сколько потому, что *публика вкладывала въ произведеніе свое собственное внутреннее содержаніе*. Другими словами, читатели находили, что сами желали найти. Не одни и тѣ же произведенія имѣютъ шумный успѣхъ въ періоды подъема и упадка общественнаго духа. Въ силу этого, драмы, романы или поэмы, ставившіеся выше небесъ въ моментъ своего появленія, могутъ быть зачислены черезъ короткій промежутокъ времени въ категорію бездарныхъ или же слабыхъ произведеній. Мнѣ кажется, есть нѣчто *постоян-*

*) «The Principles of Success in Literature», p. p. 8—12.

ное въ характерѣ той литературы, которая имѣетъ успѣхъ въ періоды подъема и упадка общественнаго духа. Однѣ и тѣ же типичныя черты можно указать во французской литературѣ эпохи 1789—1796 гг., въ нѣмецкой литературѣ періода бурныхъ стремленій и пр. Въ моменты подъема общественнаго духа въ авторѣ нравится стремительность, рѣзкость, проповѣдь индивидуализма. Нравится даже грубость, какъ проявленіе силы. Всѣ эти черты мы находимъ въ изобиліи въ романахъ, драмахъ и поэмахъ нѣмецкихъ литераторовъ эпохи натиска и бурныхъ стремленій (Ленца, Клингера и др.). Въ моменты упадка общественнаго духа будутъ имѣть успѣхъ изящность отдѣлки, вычурность, сантиментальность, проповѣдь мистицизма и самоусовершенствованія. Англійскіе средніе классы пожимаютъ плечами, когда слышатъ отъ насъ, жителей континента, что намъ нравится Байронъ. Богомъ поэзіи они считаютъ Теннисона, чтеніе котораго кажется намъ такимъ же процессомъ, какъ питье, стаканъ за стаканомъ, переслащенной воды. Въ моменты общественнаго подъема, публика подхватываетъ на лету каждую фразу произведенія, попавшаго въ тонъ, и придаетъ ей новое глубокое значеніе... Нужно сказать также, что, если характерныя черты произведеній, имѣвшихъ поражающій успѣхъ въ моменты общественнаго подъема, постоянны, то постоянно также отношеніе многихъ критиковъ. Большею частью это—сторонники застоя или слѣпые люди, не замѣтившіе, что произведеніе (очень часто грубое и нескладное) имѣло поражающій успѣхъ только потому, что общественное самосознаніе пробудилось. Во Франціи, въ Германіи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ противъ такихъ писателей, инстинктивно угадавшихъ моментъ, неизмѣнно выставлялось одно и то же обвиненіе въ „цинизмѣ“ и въ „приверженности къ грязи“. Поучительно то, что обвиненіе это неизмѣнно выставляли господа, смѣшивавшіе постоянно литературу съ полицейскимъ участкомъ...

Я приведу нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи сказаннаго. Всѣ знаютъ бурный успѣхъ безсмертной комедіи Бомаршэ. Читатели знаютъ, конечно, какимъ образомъ ловились на лету монологи вродѣ слѣдующаго, напр.:—Нѣтъ, графъ,—восклицаетъ Фигаро, узнавъ, что Альмавива хочетъ отнять у него невѣсту,—она вамъ не достанется! Потому только, что вы вельможа, вы уже считаете себя геніемъ! Дворянство, санъ, богатство внушаютъ человѣку столько гордости! Но что вы сдѣлали, чтобы добиться всѣхъ этихъ благъ? Вы потрудились только родиться—больше ничего. И способности-то у васъ заурядныя, тогда какъ мнѣ, чортъ возьми!.. Мнѣ, затерянному въ сѣрой толпѣ, нужно было выказать несравненно больше искусства и сообразительности, чтобы только продержаться, чѣмъ затрачивалось этихъ

свойствъ за цѣлыхъ сто лѣтъ, чтобы управлять всей Италіей. И вы хотите тягаться со мной!

— При умѣ ты выдвинешься впередъ!—говоритъ графъ въ третьемъ актѣ.

— Умъ, чтобы подвинуться на государственной службѣ!—восклицаетъ Фигаро,—вы смѣетесь надо мной: „médiocre et rampant, et l'on arrive à tout!“

Я не буду, однако, касаться этой комедіи, не смотря на то, что къ ней до сихъ поръ примѣнимы слова Вольтера объ отличныхъ шпагахъ, находимыхъ въ старыхъ арсеналахъ *). Дѣло въ томъ, что я имѣю въ виду теперь произведенія *посредственныя*, имѣвшія успѣхъ только потому, что читатели вложили въ нихъ свое собственное содержаніе. Остановлюсь, поэтому, на другой драмѣ, теперь совершенно забытой, но о которой упоминается въ любой исторіи французской революціи. Я говорю о „Карлѣ IX“—Шенье. „Первое представленіе трагедіи (въ ноябрѣ 1789 г.),—говоритъ историкъ, — носило характеръ акта государственной важности. Вся лѣвая сторона учредительнаго собранія присутствовала въ театрѣ. Мирабо, въ концѣ концовъ, долженъ былъ оставить свое кресло въ партерѣ и занялъ мѣсто въ ложѣ, какъ бы предсѣдатель. Публика продолжительными аплодисментами подчеркивала каждый стихъ, въ которомъ находила намекъ на современныя событія. Актеры должны были повторять дважды цѣлые монологи, какъ аріи въ оперѣ... Молодой авторъ сразу сталъ знаменитостью. До тѣхъ поръ онъ написалъ лишь два совершенно неудачныхъ произведенія „Edgar ou le page supposé“ и „Azémire“. Теперь и эти слабыя произведенія сразу нашли восторженныхъ поклонниковъ. „Карлъ IX“ былъ провозглашенъ величайшей національной трагедій. Восторженные поклонники требовали немедленной постановки памятника молодому писателю“ **). Трагедію давали, съ тѣмъ же успѣхомъ, каждый вечеръ. Когда попробовали было поставить другую пьесу, собравшаяся публика стала кричать: „Трагедію Шенье! Трагедію Шенье!“ Поднялся занавѣсъ; но за крикомъ ничего нельзя было слышать. Наконецъ, къ рампѣ подошелъ режиссеръ.

— Господа,—началъ онъ,—мы съ удовольствіемъ удовлетворили бы ваше требованіе и поставили бы трагедію, но актриса Вестри („Катерина Медичи“) больна, а Сэнъ-При („Адмиралъ Колиньи“) тоже въ постели, такъ какъ у него рожа на ногѣ.—Но тутъ неожиданно къ рампѣ подошелъ актеръ Тальма.

*) «Въ старыхъ произведеніяхъ, какъ въ заброшенныхъ арсеналахъ, гдѣ никто не роется уже, можно найти отлично отточенныя шпаги, которыми воинъ можетъ воспользоваться, чтобы проткнуть глупцовъ». («Oeuvres de Voltaire», Correspondance générale, 1761).

**) *Louis Moland*, Théatre de la Revolution, p. p. VII.

— Я вамъ отвѣчаю за г-жу Вестри,—началъ онъ.—Она станетъ играть, чтобы показать вамъ свой патріотизмъ. Что касается роли адмирала Колиньи, то ее можно читать по тетрадкѣ.

И начатую уже пьесу прекратили, а вмѣсто нея, при бѣшеныхъ аплодисментахъ,—поставили „Карла IX". Черезъ два года трагедію совершенно забыли. Но это произведеніе всетаки имѣетъ свои достоинства. При извѣстномъ усиліи его можно дочитать до конца еще и теперь, чего нельзя сказать о комедіи (или „пророчествѣ въ одномъ актѣ", какъ значится на обложкѣ) „гражданина Сильвэна Марешаля"—„Le jugement Dernier", поставленной съ безпримѣрнымъ успѣхомъ 18 октября 1793 г. Пьеса породила цѣлую серію подражаній. „Граждане,—говорится въ обращеніи автора къ публикѣ,—вспомните, какъ въ былое время, на порабощенной сценѣ выводили на потѣху знатнымъ лакеямъ и главамъ ихъ,—народъ. Мнѣ кажется, теперь пришелъ намъ чередъ поступить наоборотъ. Довольно „эти господа" потѣшались надъ нами. Предадимъ ихъ теперь на посмѣяніе. Вотъ въ силу какихъ мотивовъ я написалъ пьесу" (изъ „Journal des Révolutions de Paris, de Prud'homme, (ut. XVII, p. 109). Положительные типы комедіи — „десять санкюлотовъ, одѣтые въ костюмы различныхъ странъ". Отрицательные типы—„Ces Messieurs", о которыхъ упоминаетъ авторъ и представляющіе тоже различныя страны. Дѣйствіе происходитъ на „необитаемомъ островѣ, на которомъ курится громадный вулканъ". „На переднемъ планѣ, въ тѣни деревьевъ — хижина, а позади ея—скала, на которой написано углемъ: il vaut mieux avoir pour voisin un volcan qu'un roi. Liberté... Égalité". Въ хижинѣ живетъ старикъ французъ, сосланный сюда двадцать лѣтъ тому назадъ за любовь къ свободѣ и забытый. Къ острову пристаютъ въ шлюпкахъ десять санкюлотовъ различныхъ странъ. Они привезли на необитаемый островъ папу, короля англійскаго, короля испанскаго и пр.

— Товарищи, — говорятъ санкюлоты французы, — островъ обитаемъ.

— Браво! Браво!—восклицаютъ они, прочитавъ надпись на скалѣ.

— Здѣсь, должно быть, живетъ жертва стараго порядка. Счастливая встрѣча!—говорятъ другіе.

— Я слышу, вы часто повторяете слово „санкюлотъ",—говоритъ пріѣзжимъ старикъ.—Что обозначаетъ это странное слово?

— Я тебѣ объясню это, достойный старецъ,—начинаетъ французъ.—Санкюлотъ это, прежде всего, человѣкъ свободный, отличный патріотъ, всегда добрый, всегда здоровый. Онъ—достойный гражданинъ, добывающій хлѣбъ въ потѣ лица, любящій трудъ. Онъ—хорошій сосѣдъ, отличный товарищъ и отецъ семейства, но непримиримъ, когда дѣло касается отстаиванія своихъ правъ.

— Братья мои, дѣтушки!—восклицаетъ старикъ.—Въ такомъ случаѣ, я тоже санкюлотъ!

Къ острову пристаютъ въ это время въ челнокахъ дикари, такіе, какъ ихъ понимали въ то время по Руссо.

— Вотъ мои добрые сосѣди,—говоритъ старикъ.—Я не знаю ихъ языка, они не знаютъ нашего; но человѣческое сердце всюду одинаково на всемъ земномъ шарѣ. Мы объясняемся знаками и отлично понимаемъ другъ друга... Честные санкюлоты! Эти дикари раньше насъ поняли значеніе свободы! Они рождены свободными и таковыми живутъ и умираютъ *).

Санкюлоты забираютъ старика и уѣзжаютъ, оставивъ на островѣ тѣхъ, кого они привезли.

— Вы были бичами сосѣдей; вы истощили свою страну, сковывали мысль, убили земледѣліе,—говоритъ имъ въ видѣ напутственнаго слова одинъ изъ санкюлотовъ.

„Начинается изверженіе вулкана,—говорится въ ремаркѣ,—на сцену летятъ камни, раскаленные угли и пр. Среди оставленныхъ начинается драка".

— Если я спасусь,—даетъ обѣтъ одинъ,—я стану самъ санкюлотомъ (занавѣсъ падаетъ).

Теперь, перечитывая пьесу (ее можно найти въ сборникѣ „Théatre de la Révolution", изданномъ въ 1877 г. Луи Моланомъ. Сюда вошли: „Карлъ IX"—Шенье, „Жертвы монастыря", „Другъ законовъ", „Jugement Dernier", „Современные Аристиды" и „Poissarde Parvenue"), рѣшительно невозможно понять, почему она имѣла такой поразительный успѣхъ, если мы не примемъ во вниманіе настроенія публики.

Хорошей иллюстраціей являются также произведенія Якова Ленца, одного изъ самыхъ крупныхъ представителей періода бурныхъ стремленій. Въ драмахъ „der Neue Menoza", „Гувернеръ", „Die Freunde machen den Philosophen", затѣмъ въ „Anmerkungen ueber Theater" мы находимъ типичныя черты, характеризующія посредственныя произведенія эпохи подъема общественнаго духа: грубоватость, выраженіе самаго неограниченнаго индивидуализма, объявившаго войну всѣмъ установленнымъ кодексамъ морали. Ленцъ — почти русскій писатель. Большой непосѣда, онъ бродилъ по всей Германіи, а въ 1781 г., черезъ Ригу, попалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до самой смерти, около одиннадцати лѣтъ. Ленцъ былъ друженъ съ новиковскимъ кружкомъ и съ Карамзинымъ, котораго, вѣроятно, и познакомилъ съ Шекспиромъ. На сколько мнѣ извѣстно, Ленцъ—первый по времени писатель въ рядахъ „бывшихъ людей" въ Москвѣ. Онъ сильно пилъ, поте-

*) Мы слышимъ тутъ отзвукъ «Contrat Social»: «Человѣкъ рожденъ свободнымъ, но всюду онъ въ оковахъ... Всѣ рождаются равными и свободными и должны отчуждать свою свободу только для собственной пользы». Contrat Social, Livre I, 1. 2).

рялъ уроки, которыми жилъ, опустился, бродяжилъ по Москвѣ безъ постоянной квартиры и скончался на улицѣ. Каждый курсъ литературы отмѣчаетъ то колоссальное впечатлѣніе, которое производили произведенія Ленца. Каждая драма была крупнымъ событіемъ. „Гувернера" восторженные поклонники ставили выше произведеній Гете; но я позволяю себѣ не соглашаться съ тѣми историками литературы, которые говорятъ, что произведенія Ленца можно читать теперь съ удовольствіемъ. Сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь одолѣлъ теперь драму въ одинъ присѣстъ, точно такъ, какъ, вѣроятно, никто не въ силахъ одолѣть теперь подрядъ трехъ писемъ изъ „Новой Элоизы".

О другомъ вождѣ періода натиска и бурныхъ стремленій — Фридрихѣ Клингерѣ можно сказать то же самое. Драма его „Sturm und Drang" произвела такое сильное впечатлѣніе, что дала названіе цѣлой эпохѣ. Въ этомъ произведеніи современное общество усматривало все; мы же, черезъ 125 лѣтъ, не выносимъ ничего, кромѣ смертельной скуки. Читатель эпохи натиска и бурь и читатель современный, въ отношеніи къ упомянутой драмѣ (и не только ея одной), находятся въ положеніи идеалиста и скептика, выведенныхъ у Гейне въ „Gespräch auf der Paderborner Haide". Одинъ слышитъ пѣніе дѣвушекъ, ведущихъ хороводъ; ему чудятся сладкіе звуки рожка и свирѣли, далекій согласный перезвонъ колоколовъ; онъ видитъ на опушкѣ лѣса бѣлое покрывало красавицы. Скептикъ отвѣчаетъ, что онъ слышитъ лишь визгъ поросятъ, хрюканье свиней и мычанье коровъ. Что же касается красавицы на опушкѣ лѣса, онъ видитъ лишь сгорбленную, старую, сморщенную лѣсничиху. Идеалистъ говоритъ наконецъ:

Nun, mein Freund, so magst du lachen
Ueber des Phantasten Frage!
Wirst du auch zur Täuschung machen,
Was ich fest im Busen trage? *)

Конечно, радостный звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ обществу близость разсвѣта,—это не „Täuschung"; но это—внутреннее содержаніе самого читателя, а не извѣстнаго произведенія. Къ слову сказать, и Фридрихъ Клингеръ былъ тоже почти русскій (онъ даже назывался Ѳедоромъ Ивановичемъ); но только не изъ категоріи „бывшихъ людей", а „поумнѣвшихъ". Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка Клингеръ, покончивъ съ увлеченіями молодости, попалъ въ Россію, гдѣ онъ выдвинулся. Онъ былъ директоромъ пажескаго корпуса, генералъ-лейтенантомъ, выгодно женился на русской, что не мѣшало ему ненавидѣть Россію; говорятъ, до конца жизни онъ дѣлилъ весь міръ на „лю-

---

*) Теперь, мой другъ, ты можешь смѣяться надъ вопросомъ фантазера сочтешь-ли ты обманомъ то, что я ношу въ своей груди?

дей“ и на „русскихъ“. Анализъ произведеній, имѣвшихъ громадный успѣхъ въ эпоху подъема общественнаго духа, приводитъ насъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ. Когда общество находится въ періодѣ пробужденія самосознанія, никакія внѣшнія препоны не удержатъ критическую мысль. Она выразится такъ или иначе. Если время не благопріятно для практическаго дѣйствія; если внѣшнія условія суровы къ малѣйшему проявленію активнаго протеста,—будутъ появляться не художественныя произведенія, съ героями, дикія страсти и эксцентричныя выходки которыхъ поражаютъ читателей позднѣйшей эпохи. На зарѣ періода натиска и бурныхъ стремленій какой то нѣмецъ жаловался въ „Швабскомъ магазинѣ“:

„Трудно выяснить,—писалъ онъ,—характеръ народа, которому предоставлено такъ мало свободы, какъ намъ, несчастнымъ нѣмцамъ: каждая характерная черта, которую мимоходомъ отмѣчаетъ перо безпристрастнаго наблюдателя, можетъ открыть ему дорогу въ общество колодниковъ. Но, не смотря на то, что господствующая у насъ форма правленія не даетъ нѣмцу возможности проявлять свою активность, всетаки мы люди, не лишенные страстей“.

Эти „страсти“, эти силы, не находящія себѣ выхода въ жизни, проявляются тогда въ литературѣ въ видѣ бурнаго гимна личности; въ стремительныхъ монологахъ въ родѣ: „Священная искра Прометея выгорѣла, и ее стали добывать изъ канифольнаго порошка, этого театральнаго огня, на которомъ нельзя раскурить и трубки табаку.

...„Люди искажаютъ свою здоровую природу нелѣпою рутиною... Нѣтъ! я не въ силахъ болѣе объ этомъ думать! Мнѣ ли сдавить свое тѣло шнуровкою и заковать свою волю въ законы? Законъ заставляетъ ползать улиткой того, кто бы взвился орлинымъ полетомъ. Законъ не создалъ еще ни одного великаго человѣка, тогда какъ свобода высиживаетъ крайности и колоссовъ!“ (*Разбойники*, дѣйствіе I, сц. II). Одна изъ характерныхъ особенностей пьесъ, имѣющихъ успѣхъ въ эпоху подъема общественнаго духа, та, что въ нихъ очень много монологовъ и очень мало дѣйствія. Всѣ участвующія лица говорятъ длинно и складно.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ слѣдующій. Пусть произведенія, какъ „Гувернеръ“ Ленца, какъ „Sturm und Drang“ Клингера, какъ „Карлъ IX“ Шенье или какъ „Les victimes cloitrées“ Монвеля недолговѣчны; пусть общество ошибается въ переоцѣнкѣ ихъ; но появленіе такихъ произведеній отрадный фактъ, будящій оптимизмъ. Такія произведенія—жаворонки, показывающіе приближеніе весны. Они дороги не своими литературными достоинствами, которыя, большею частью, ничтожны, а тѣмъ, что знаменуютъ мощное пробужденіе общественнаго духа. Въ силу этого, пусть Крамеры и Бодмеры осуждаютъ „безнравственность“ про-

изведеній эпохи натиска и бурныхъ стремленій! Профессіональное занятіе сикофантовъ искони состояло въ составленіи доносовъ и... въ защитѣ нравственности. Люди же, любящіе разсвѣтъ, возрадуются, увидѣвъ, какъ публика восторженно принимаетъ произведенія современныхъ Ленцовъ...

Я говорилъ до сихъ поръ про характерныя особенности литературныхъ произведеній эпохи подъема общественнаго духа. Обратимся теперь къ произведеніямъ, имѣющимъ колоссальный успѣхъ въ классахъ, гдѣ наблюдается упадокъ духа общественности. Эти произведенія отличаются изящностью отдѣлки; въ нихъ очень много удѣляется мѣста мистицизму, метафизикѣ и пр. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Марія Корелли, самая популярная романистка наиболѣе консервативныхъ классовъ современнаго англійскаго общества. Объ успѣхѣ произведеній этой писательницы можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Послѣдній романъ ея Temporal Power вышелъ въ началѣ 1902 г. Съ тѣхъ поръ разошлось болѣе 800 тысячъ экземпляровъ. Въ публичныхъ библіотекахъ книги Маріи Корелли обновляются каждый годъ: старые экземпляры зачитываются до дыръ и до выпаденія листовъ. Для „ниже-среднихъ“ и, отчасти, для среднихъ классовъ—Марія Корелли—идеалъ писательницы. Они восторгаются ея стилемъ, ея темами, героями, „философіей“, словомъ—всѣмъ. Марія Корелли любитъ темы „философскія“. Она написала романы „Горести сатаны“, „Могучій Атомъ“, „Дума Лилитъ“, „Ардатъ, исторія мертваго существа“, „Жижка“ и пр. Въ этихъ произведеніяхъ трактуются вопросы теологическіе и теософскіе. Марія Корелли воюетъ съ римско-католической церковью и доказываетъ, что единственно справедливая вѣра — англиканская („The Master-Christian), она показываетъ, какъ выполняется „законъ Карма“ (Жижка), выводитъ на сцену Люцифера (The sorrows of Satan) или даетъ совѣтъ королю и народнымъ агитаторамъ (Temporal Power). Сатана и астральныя тѣла выводятся не въ символическомъ значеніи, а *буквально*. Вотъ, напримѣръ, романъ „The sorrows of Satan“.

Бѣдный журналистъ Джафри Темпестъ не знаетъ, чѣмъ заплатить за квартиру. Въ одно утро ему приносятъ сразу три письма: первое прибыло отъ пріятеля изъ Австраліи и рекомендуетъ журналисту таинственное лицо: князя Люціо Риманеца; во второмъ—адвокатъ сообщаетъ, что въ Америкѣ у Темпеста умеръ дядюшка, оставившій племяннику пять милліоновъ ф. ст. Третье письмо отъ самого Люціо, это — псевдонимъ, — подъ которымъ скрывается не кто иной, какъ самъ князь тьмы, Люциферъ. Вообще, герои, обитающіе въ другомъ мірѣ, являются въ романахъ Корелли подъ прозрачнымъ псевдонимомъ; но остальныя дѣйствующія лица отличаются удивительной недогадливостью. Такъ, напримѣръ, когда Люціо появляется въ комнатѣ Темпеста,—

всѣ огни тухнутъ сразу и начинаетъ пахнуть сѣрой; но, тѣмъ не менѣе, журналистъ не догадывается, кто у него въ гостяхъ. Еще больше недогадливы гости на большомъ банкетѣ. Люціо вызывается имъ показать живую картину „Уголъ ада". Гремитъ громъ, пахнетъ сѣрой, вспыхиваетъ голубоватое пламя, разверзается земля, и присутствующіе видятъ адъ въ дѣйствительности. „То была черная и глубокая пещера, въ которой сверкали то огонь, то ледъ. Громадныя ледяныя сосульки висѣли съ потолка, а съ пола то поднимались, то упадали блѣдные огненные языки. Въ глубинѣ сидѣлъ призракъ человѣка и считалъ деньги. И по мѣрѣ того, какъ золотыя монеты падали изъ крючковатыхъ пальцевъ тѣни—онѣ превращались въ огонь". Гремитъ страшный громъ. Публика трепещетъ; но Люціо успокаиваетъ гостей, увѣряя ихъ, что это—одинъ изъ пунктовъ программы представленія. И гости успокаиваются. Ни одинъ изъ нихъ не догадывается, что это самъ Сатана показываетъ имъ настоящій адъ. Я забылъ упомянуть про одну сцену. Марія Корелли выводитъ своего критика. Сатана хватаетъ его въ крючковатыя лапы и грозитъ его швырнуть въ адъ, если критикъ, попрежнему, будетъ ругать геніальныя произведенія, которыхъ не понимаетъ.

Читатель скептически качаетъ головой. „Неужели возможна публика, принимающая Люцифера, какъ таковаго", — говоритъ онъ. Я укажу на процессъ „Spooks" (Духи), разбирающійся теперь въ лондонскомъ полицейскомъ судѣ. Представитель высшаго общества Кавендишъ, путешественникъ по Абиссиніи, требуетъ отъ маіора Суретта и жены его возвращенія большого состоянія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кавендишъ подарилъ маіору Суретту все свое состояніе; но теперь истецъ утверждаетъ, что его принудили къ этому. Кавендишъ занимался спиритизмомъ. Супруги Суреттъ вызвали различныхъ духовъ, между прочимъ, тѣнь матери Кавендиша, которая приказала сыну слушаться во всемъ маіора и подарить ему все свое состояніе. На судѣ демонстрируются „протоколы" бесѣдъ съ духами, столы, при помощи которыхъ совѣщаніе происходило и пр. Когда нибудь я возвращусь къ этому любопытному процессу.

Въ послѣднемъ по времени романѣ Маріи Корелли выведенъ король, который переодѣвается и отправляется въ клубъ заговорщиковъ. Дѣйствіе происходитъ теперь, обстановка — англійская. Заговорщики—соціалъ-демократы, какъ ихъ понимаетъ Марія Корелли. Проповѣдь ихъ направлена, главнымъ образомъ, противъ католической вѣры. Вотъ, напримѣръ, рѣчь главнаго заговорщика Торда. Въ католическомъ соборѣ идетъ служба. Торжественно гудитъ органъ, и слышатся слова: „Sancta Dei Genitrix, ora pro nobis". Тордъ на улицѣ взываетъ къ толпѣ:

— Sancta Dei Genitrix, ora pro nobis! Слышите ли вы это, люди! Слышите ли вы это, о жены! Чему это учитъ васъ? „Пре-

святая Матерь Божья!“ Кто Она? Женщина, къ которой снизошелъ Богъ. Что изъ этого выходитъ? Мужи должны уподобиться богамъ, а жены—матерямъ боговъ. Ибо каждый праведникъ и доблестный мужчина, рожденный въ свѣтъ, носитъ въ себѣ Бога. Онъ сотворенъ Богомъ и долженъ возвратиться къ Богу. Каждая женщина, родившая честнаго и мужественнаго человѣка, произвела на свѣтъ существо, созданное по образу и подобію Божьему. „Sancta Dei Genitrix“, къ вамъ взываю, жены! Будьте всѣ матерьми богоподобныхъ существъ. Къ вамъ обращаюсь, мужи! Будьте какъ боги, по доблести, по любви къ истинѣ, къ мудрости и свободѣ! Не потерпите, чтобы діаволъ взялъ надъ вами верхъ. Ибо діаволъ существуетъ, какъ существуетъ Богъ. Діаволы рождаются тоже отъ женщинъ, какъ и боги. Зло существуетъ, какъ и добро. Зло тоже отъ Бога, ибо безъ Бога не было бы ни зла, ни добра. Такъ станемъ же мы, дѣти божіи, стремиться къ борьбѣ со зломъ“. Тордъ ораторствуетъ подобнымъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ.

А вотъ тайное засѣданіе заговорщиковъ. Туда являются три незнакомца, изъявившіе желаніе поступить въ сообщество. Предсѣдатель читаетъ имъ предварительно уставъ. Повидимому, соціалъ-демократы Маріи Корелли начитались статей изъ „Daily Mail“ о промышленной конкурренціи иностранцевъ. „Мы клянемся, — гласитъ уставъ, - бороться съ иностранными конкуррентами, подрывающими нашу промышленность. Всѣ хозяева фирмъ и фабрикъ, дающіе занятіе иностранцамъ, а не отечественнымъ работникамъ—измѣнники и будутъ наказаны нами, какъ таковые“. „Заговорщики“ проповѣдуютъ тоже самое, что и уличная патріотическая газетка Daily Express, требующая изгнанія всѣхъ работниковъ - иностранцевъ. Поступающіе въ сообщество подписываютъ „пергаментъ“ и не просто чернилами, а кровью таинственной дѣвицы Лотисъ, исполняющей обязанность верховной жрицы кружка соціалъ-демократовъ.

— Вы поклялись, --говоритъ жрица,—теперь подписывайте хартію.—Она завернула широкій рукавъ, обнажила руку и уколола тѣло кинжаломъ. На бѣлой кожѣ, какъ крупный рубинъ, показалась капля крови.

— Перо! -- сказала Лотисъ. Тордъ подалъ новое орлиное перо и свитокъ пергамента. Одинъ изъ поступающихъ въ сообщество подписывается Леруа. Подъ прозрачнымъ псевдонимомъ дѣйствительно скрывается король. Леруа скоро выдвигается своими яростными обличеніями католицизма и короля. Сообщество бросаетъ жребій, кому устранить послѣдняго. Достается это на долю Леруа. И вотъ, взойдя на платформу, онъ говоритъ: „король будетъ устраненъ немедленно. Ибо—король я“. Вначалѣ заговорщики смущены, но сцена кончается криками: „да здравствуетъ король!“ Вотъ какъ романистка понимаетъ и раз-

рѣшаетъ общественные вопросы. Все это чередуется безконечными разсужденіями о томъ, какая церковь лучше: католическая или англиканская, затѣмъ слѣдуютъ диссертаціи о „кармѣ“, „астральныхъ тѣлахъ“, о лѣченіи молитвой и пр. Успѣхъ этихъ произведеній непонятенъ, если мы не обратимъ вниманіе на читателей. Когда общество или какой нибудь классъ его находится въ періодѣ умственнаго застоя или реакціи, тогда его начинаютъ интересовать вопросы о самосовершенствованіи; лѣнивая, сонная мысль, какъ въ болото, погружается въ метафизику и въ мистицизмъ. Въ одномъ случаѣ это болото, какъ въ произведеніяхъ Корелли, наполнено „астральными тѣлами“; въ другомъ—домыслами чистой метафизики. Результать одинъ и тотъ же.

II.

Во время войны идея имперіализма увлекла не только массы. Она вскружила голову священникамъ, поэтамъ (Киплингъ, Свинбернъ, Остинъ), романистамъ, публицистамъ, соціологамъ (Бенджаменъ Киддъ), историкамъ... Въ разгаръ войны за публицистами изъ Daily Mail потянулись по одной дорогѣ, повидимому, не имѣющіе ничего общаго съ ними члены фабіанскаго общества. Свинбернъ не только лучшій поэтъ Англіи, но прогремѣлъ своими поэмами въ защиту свободы. Два года тому назадъ онъ, конкуррируя съ Альфредомъ Майльсомъ, Гаральдомъ Вильямсомъ и др. присяжными поставщиками патріотической поэзіи, воспѣвалъ пожары и обличалъ тѣхъ, кто заступался за „самокъ и щенятъ“ непріятеля. Теперь грозовая туча, приводившая почти въ отчаяніе людей, переживщихъ этотъ періодъ, проползла почти. Даже Рэдіардъ Киплингъ, воспѣвавшій годъ тому назадъ „самую лучшую жизнь въ мірѣ“ („the lordiest life in the world“)—солдатскую, прославлявшій сабельные удары и градъ картечи,—теперь слагаетъ гимны миру, труду и братскому единенію недавнихъ враговъ. Но большой ошибкой будетъ полагать, что все небо очистилось уже. Предо мной лежитъ только что вышедшій „ученый“ трудъ историка Стэнлэй-Литлъ—„Progress of British Empire in the Century“ (W. and R. chambers, London, 1903). Въ этой книгѣ говорится объ „исторической миссіи имперіализма“: принести въ міръ правосудіе, свободу и федерацію подъ однимъ флагомъ и однимъ закономъ. Необходимымъ шагомъ къ этому долженъ быть общій языкъ—англійскій. „Крайне досаднымъ обстоятельствомъ является то,—говоритъ нашъ историкъ,—что Германія, повидимому, тоже стремится къ такой же цѣли“. Съ необыкновенной серьезностью авторъ дальше развиваетъ картину золотого вѣка, который наступитъ, когда весь міръ приметъ англійскій языкъ. Историкъ не думаетъ утверждать, что фран-

цузскій, итальянскій или нѣмецкій языки не совершенны. Нѣтъ, ихъ нужно устранить потому, что они мѣшаютъ прогрессу имперіализма.

Историкъ нашъ знаетъ, что желаніе навязать чужой языкъ культурному народу, имѣющему свою богатую, мощную литературу, можетъ повести къ кровавой борьбѣ, и онъ, вдохновенно закативъ глаза, рекомендуетъ британскому народу „опоясать чресла мечемъ“ и „готовиться къ бою“. Какъ настоящій пророкъ, авторъ не только указываетъ на будущее, но и громитъ настоящее. „Пороки и погоня за удовольствіями истощили наши высшіе классы. Сельскій работникъ, эта опора страны, бѣжитъ въ городъ, гдѣ гибнетъ физически и нравственно въ трущобахъ“. Совѣтъ историка не новъ: „таможенный союзъ съ колоніями“ съ цѣлью возродить отечественное производство и убить міровое. Стэнлей-Литлъ не единственный носитель такихъ принциповъ. Я указывалъ уже на такой колоссальный трудъ, какъ десятое изданіе „Британской Энциклопедіи“, весь проникнутый одной общей идеей. Въ интересахъ имперіализма, хорошо извѣстный у насъ въ Россіи Бенджамэнъ Киддъ выступилъ съ проповѣдью невольничества, прикрывъ этотъ грубый терминъ „научными“ словами: „соціологическій законъ“, „требованія культуры“, „столкновеніе расъ“, „экономика“ и пр. Священники, подготовляя юношество для имперіи, указываютъ имъ на Римъ, который принесъ миръ варварамъ. Они могли бы также указать на одно мѣсто изъ „Жизнеописанія Агриколы“ Тацита, которое, къ сожалѣнію, теперь имѣетъ еще большій смыслъ, чѣмъ во времена великаго историка древняго міра: тогда оно относилось къ одному только Риму, а теперь къ цѣлому ряду государствъ, основанныхъ на милитаризмѣ. Тацитъ вкладываетъ въ уста вождя британцевъ слѣдующія слова, направленныя противъ римлянъ: „Напрасно смиреніемъ и послушаніемъ вы думаете остановить ихъ гордость и стремленіе къ захвату. Эти насильники, руководимые своею страстью опустошать, захватили всѣ земли и теперь грабятъ моря. Если непріятель богатъ, онъ распаляетъ ихъ жадность; если же онъ бѣденъ—то будитъ ихъ честолюбіе. Грабителей этихъ не насытятъ ни страны, лежащія на востокъ, ни тѣ, что лежатъ на западъ. Съ одинаковой жадностью они стремятся овладѣть и богатыми, и бѣдными. Когда они ограбятъ страну, вырѣжутъ ее, свершатъ всякаго рода насилье,—они называютъ это установить правительство. А когда распространятъ всеобщее опустошеніе, то называютъ это миромъ“ (Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant).

Я сказалъ, что, къ счастью, грозовая туча проходитъ, хотя облаковъ еще много. Въ самое мрачное время, года два тому назадъ, когда многіе молчали, не рѣшаясь плыть противъ теченія,—въ числѣ особенно громко протестовавшихъ противъ дикаго опьяненія имперіализмомъ былъ престарѣлый романистъ Джорджъ

Мередитъ, новое изданіе сочиненій котораго („Chapman and Hall“) внушило мнѣ всѣ эти замѣтки. Мередитъ представляетъ крайне интересное явленіе въ современной англійской литературѣ. Имя его извѣстно каждому. Всѣ согласны, что Мередитъ—одинъ изъ величайшихъ англійскихъ романистовъ; между тѣмъ, изъ 100 человѣкъ—95 никогда не читали ни одной его страницы. Его лучшіе романы, появившіеся тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, выдержали только одно, два изданія. Только теперь, послѣ пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, появляется первое полное собраніе сочиненій Мередита. И это тогда, когда „Могучій Атомъ“ и „Душа Лилитъ“ Маріи Корелли выдержали сотню изданій, а „Шерлокъ Хольмесъ“ (похожденія сыщика) Конанъ Дойля популяренъ еще больше. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда газеты не были еще такъ распространены, какъ теперь, Теккерей иронизировалъ надъ страстью публики знать всѣ мелочи частной жизни героя минуты. „Всѣ мы желаемъ знать мельчайшія подробности о людяхъ, выдвинувшихся чѣмъ нибудь въ военномъ дѣлѣ, въ литературѣ или въ наукѣ. Одинъ или два удачныхъ или геройскихъ подвига, и имя человѣка выдвигается изъ однообразной толпы. Теперь онъ стоитъ уже особо. Мы изучаемъ его въ деталяхъ, желаемъ знать все, касающееся его. Мы бродимъ вокругъ него, прикидываемъ взглядомъ нашъ и его ростъ. Нашъ герой кажется намъ безупречнымъ; мы обзываемъ его критиковъ злобствующими завистниками. Всего лишь вчера онъ былъ—никто. Никого не интересовало, гдѣ онъ родился, кто его родители и какого цвѣта у него волосы. Сегодня десятки людей разыскиваютъ, какъ онъ учился въ школѣ, и была ли его бабушкѣ привита оспа. Попадись кому-нибудь теперь счеты отъ прачки Гольдсмита,—онъ напечаталъ бы ихъ, какъ интересный историческій документъ. Сотни газетъ, навѣрное, перепечатали бы счеты“. Со времени Теккерея отмѣченныя имъ черты, конечно, не изгладились, а наоборотъ, обозначились еще болѣе рѣзко. Какая нибудь газета отмѣтитъ цвѣтъ пиджака героя минуты, и это будетъ перепечатано десяткомъ изданій. Кто только не бываетъ такимъ героемъ минуты? Третьяго дня, палачъ Биллингтонъ, возвращаясь изъ Лондона послѣ свершенной казни, былъ ночью выброшенъ кѣмъ то изъ вагона на полотно дороги. Палачъ только ушибся. На другой день въ вечернихъ газетахъ появились цѣлые столбцы: тутъ было и interview съ палачемъ, и описаніе его пиджака, и детали о томъ, что онъ любитъ ѣсть за обѣдомъ и пр... Есть большіе и маленькіе люди, которые до безумія любятъ, чтобы газеты сообщали о нихъ такія подробности. Въ провинціальную газету, въ которой я когда то работалъ, такія замѣтки правильно доставлялись самимъ лицомъ, описываемымъ въ нихъ. Положеніе этого лица было при томъ таково, что провинціальная газета не рѣшалась

и помыслить объ отказѣ въ напечатаніи. Въ замѣткѣ самъ авторъ писалъ о себѣ, что онъ или супруга его „изволили прибыть въ театръ". Помню, въ корректурѣ такой замѣтки было перенесено „генералъ лей-тенантъ". Авторъ, требовавшій всѣ корректуры, если упоминалось про него, принялъ переносъ слова за личное оскорбленіе, усмотрѣлъ въ слогѣ „лей" какой-то намекъ и велѣлъ немедленно переверстать замѣтку, чтобы слово „лейтенантъ" стояло въ одну строку...

Но я нѣсколько уклонился въ сторону.

«Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten».

Мередитъ *никогда* не былъ героемъ момента. О немъ никогда не писали газеты. Его біографія—хронологія напечатанныхъ книгъ, изъ которыхъ каждая отмѣчаетъ какой-нибудь этапъ мысли. Отчасти это объясняется также крайне своеобразной манерой писанія Мередита. Одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ англійскаго романиста такъ образно описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ стилемъ. „Мередитъ старательно избѣгаетъ называть вещи ихъ собственными именами. Повидимому, ему доставляетъ даже странное удовольствіе запутывать все въ непроницаемый туманъ, чтобы сбить читателя и подразнить его. Меньше всего, понятно, романистъ обращаетъ вниманіе на вашъ гнѣвъ, который даже забавляетъ его. „О, чортъ возьми! это скверно!"—восклицаете вы, переворачивая страницу, потомъ другую, третью... Вы ищете дорогу ощупью. Когда вы выбьетесь изъ силъ,—откажитесь отъ попытки и ступайте въ театръ. На другой день снова примитесь за чтеніе: вы увидите, что кругомъ, мало-помалу, туманъ проясняется. Мало-по-малу, вы начнете различать дѣйствующихъ лицъ и окружающіе предметы". Объ этомъ своеобразномъ стилѣ, созданномъ подъ вліяніемъ Жана Поля Рихтера (Мередитъ воспитывался въ Германіи), я скажу еще впослѣдствіи. Такая манера писать отпугиваетъ большую публику. Она получила, по наслышкѣ, преувеличенное представленіе о томъ туманѣ, о кототомъ говоритъ только что цитированный Легальенъ. Большая публика интересуется мельчайшими деталями героевъ момента, которыхъ понимаетъ, которые ей по плечу. Вотъ чѣмъ объясняется, что мельчайшія черты изъ біографіи не только Маріи Корелли и Конанъ-Дойля, но даже Биллингтона,—неизмѣримо больше интересуютъ уличную прессу, чѣмъ вся полувѣковая литературная дѣятельность Джорджа Мередита.

Я указалъ на то, что Мередитъ чутко отзывался на явленія, выдвинутыя жизнью. Отзывчивость эта—характерная черта творчества романиста. Мередитъ гордится тѣмъ, что, не смотря на старость (ему идетъ семьдесятъ пятый годъ), онъ не живетъ только прошлымъ. „Долженъ сознаться,—я сильно постарѣлъ,—

но ни сердце, ни умъ не старѣютъ у меня. Я по прежнему гляжу на жизнь глазами юноши. Надѣюсь, никогда я не уподоблюсь тѣмъ старикамъ съ парализованной мыслью, которые живутъ только прошлымъ и глядятъ на всѣхъ, какъ на анахронизмъ, только потому, что зажили сами чужой вѣкъ и не могутъ помириться съ этой эволюціей". Это—выдержка изъ *единственнаго* interview, которое когда либо далъ Мередитъ. Слова эти появились на дняхъ въ Manchester guardian. Во всѣхъ произведеніяхъ Мередита мы находимъ подтвержденіе, что романистъ сказалъ представителю газеты то, что всегда чувствовалъ. Мередитъ издалъ нѣсколько сборниковъ своихъ стихотвореній. „Ne tu pueri contempseris annos"—является девизомъ въ нихъ. Въ наиболѣе характерной для него поэмѣ Мередитъ говоритъ, что „воплемъ совѣсти" должно служить:

«Привѣтствуй молодыя поколѣнія
И не завѣщай имъ дома въ развалинахъ» *).

Поэтъ считаетъ это „и долгомъ, и утѣшеніемъ". Онъ горько жалуется на стариковъ, которые

On their last plank,
Pass mumbling it as nature's final page

(т. е. „съ ропотомъ дѣлаютъ свой послѣдній шагъ, какъ будто со смертью ихъ переворачивается послѣдняя страница природы"), на умственныхъ паралитиковъ, навязывающихъ молодежи свои понятія и свою „мудрость". Старики страшатся „мощныхъ и смѣлыхъ пловцовъ, которые отчалятъ на новомъ кораблѣ въ открытое море, прочь отъ одряхлѣвшаго, выродившагося города".

„Земля любитъ все юное, — такъ начинается одинъ изъ сонетовъ Мередита. Ей противна болтливая старость. Все сильное и здоровое ненавидитъ старость, живущую лишь въ прошломъ". Внѣшность Мередита соотвѣтствуетъ этимъ словамъ. „Прежде всего Мередитъ произвелъ на меня впечатлѣніе своимъ чрезмѣрнымъ богатствомъ жизни,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, вышедшихъ два года тому назадъ,—Макъ-Карти.—Когда я увидѣлъ его впервые, Мередитъ давно уже вышелъ изъ періода молодости. Между тѣмъ, живость его и стремительность говорили о неувядающей юности. Каждое движеніе его—полно энергіи. Кипучая сила появляется въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи... Интересовался онъ рѣшительно всѣмъ. Рѣчь его была увлекательна. Меня все больше и больше поражало сходство между человѣкомъ и писателемъ".

Мередитъ вѣритъ въ молодость, потому что это періодъ, когда

---

*) «Keep the young generations in hail
And bequeath them no tumbled house».

мысль окрылена, когда воображеніе имѣетъ орлиное ширяніе въ облакахъ:

«Days, when the ball of our vision
Had eagles that flews unabashed to sun».

Навязывая старыя воззрѣнія молодымъ поколѣніямъ, мы, по мнѣнію Мередита, рискуемъ продѣлать опытъ доктора Франкенштейна, даже если дѣйствуемъ съ лучшими намѣреніями. Докторъ Франкенштейнъ—герой фантастическаго романа Шелли (жены поэта). Изъ частей человѣческаго тѣла, вырытыхъ изъ могилы или унесенныхъ изъ анатомическаго театра, докторъ Франкенштейнъ составляетъ и оживляетъ чудовище, которому авторъ забылъ дать имя. Это существо, ставшее нарицательнымъ въ англійской литературѣ, обладаетъ мускульной силой, животными страстями, но лишено всего человѣческаго.

Чудовище знаетъ о своемъ несовершенствѣ и стремится къ одному: отомстить ученому, вызвавшему его къ жизни. Оно убиваетъ брата и невѣсту Франкенштейна, покушается на жизнь доктора, но неудачно и, въ концѣ концовъ, скрывается въ Ultima Thule земного шара. Романъ написанъ въ 1817 г., въ эпоху господства самаго необузданнаго романтизма. Этимъ объясняется дикая форма, въ которую отлита совершенно реальная мысль. Руководясь при воспитаніи опредѣленными, застывшими канонами и не сообразуясь съ индивидуальностью того живого организма, надъ которымъ оперируемъ, мы рискуемъ повторить опытъ доктора Франкенштейна. Подобный опытъ, въ болѣе реальной обстановкѣ, продѣлываетъ сэръ Остинъ Фиверель, герой ранняго романа Мередита „Ordeal of Richard Feverel“. Авторъ задался психологическимъ ворпосомъ воспитанія. Отецъ составилъ точную и полную программу. Въ системѣ предусмотрѣно все, кромѣ индивидуальности. Богатый, гордый своими предками баронетъ обманутъ своей женой. Онъ рѣшаетъ вытравить изъ души своего маленькаго сына всѣ черты, полученныя, по предположенію баронета, по наслѣдству отъ лэди Фиверель, и вырабатываетъ сложную, тщательно обдуманную систему воспитанія. Одинъ изъ пунктовъ ея гласитъ: „берегись неожиданностей“. И именно неожиданность разрушаетъ всю систему. Неожиданностью является страстное увлеченіе. Меньше всего я желалъ бы внушить мысль, что Мередитъ пишетъ романы, чтобы доказать опредѣленную идею. Въ этомъ отношеніи имѣется крайне любопытное показаніе самого автора. Въ 1887 г. въ „North Americkan Review“ появилась статья о Мередитѣ. Романистъ написалъ автору ея письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: „Когда вы въ заключеніи статьи говорите, что если во вкусахъ общества произойдетъ перемѣна, она будетъ обусловлена моимъ вліяніемъ,—вы даете мнѣ тотъ вѣнокъ, о которомъ я такъ страстно мечталъ. Ибо, по моему мнѣ-

нію, жизнью нужно пользоваться, чтобы проложить путь для поколѣній, которыя должны явится за нами. Мои произведенія я цѣню лишь по стольку, по скольку они дѣлаютъ это. Для успѣха цивилизаціи необходимо знать людей и разбираться въ ихъ душевной жизни. Я пришелъ къ заключенію, что романъ, иллюстрирующій естественную исторію человѣка, можетъ подготовить путь для дальнѣйшихъ поколѣній. Но *никогда* я не принимался за романъ съ намѣреніемъ доказать теорію, развиваемую въ немъ. *Основная мысль произведенія догоняетъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ на полупути.* Вы говорите, что въ моихъ произведеніяхъ мало сценъ. Такъ ли это вездѣ? Мой методъ заключается въ подготовленіи читателя къ рѣшительной сценѣ, въ которой характеръ героевъ долженъ обозначиться вполнѣ. Эту сцену я пытаюсь всегда разработать возможно полнѣе". Мередитъ „встрѣчаетъ на полупути",—пользуясь его выраженіемъ,—обвиненіе въ томъ, что стиль его жесткій и не отличается легкостью. „Для пониманія мысли автора,—отвѣчаетъ романистъ,—читатель всегда долженъ употребить извѣстное умственное напряженіе. Мысль жестка; оперируя всегда съ жесткими предметами, стиль поневолѣ пріобрѣтетъ жесткость". Мередитъ правъ въ одномъ отношеніи: его романы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, философскіе и психологическіе трактаты. Авторъ оперируетъ не надъ отвлеченными величинами, а надъ живыми существами. Письмо заканчивается сознаніемъ автора, что въ Англіи его читаютъ очень мало. „Въ Англіи у меня очень мало поклонниковъ,—говоритъ онъ.—На дняхъ я прочиталъ критическую статью, въ которой меня обзываютъ арлекиномъ, выкидывающимъ головоломныя штуки. Къ такимъ рецензіямъ я привыкъ, какъ привыкаютъ нѣкоторые ораторы къ дохлымъ кошкамъ и къ обломкамъ кирпича".

Мередитъ интересуется, по преимуществу, вопросами философскими; но формы, въ которыя отливаются его мысли, крайне разнообразны: тутъ сонеты, поэмы, теоретическіе трактаты (On the idea of Comedy and of the Uses of the comic Spirit), фантастическіе разсказы, навѣянные изученіемъ средневѣковой литературы (Farina), наконецъ, тѣ психологическіе, реалистическіе романы, которые доставили славу писателю *).

III.

Мы, жители континента, не сходимся въ поэтическихъ вкусахъ съ англичанами. Для насъ—величайшій англійскій поэтъ

*) Если не ошибаюсь, по русски переведены только два романа: «Эгоистъ» и «Карьера Бьючэмпа».

Байронъ, который больше всего говоритъ нашему сердцу. Геніальный другъ Байрона—Шелли нашелъ теперь себѣ въ Россіи талантливаго переводчика, который, въ большинствѣ случаевъ, превосходно передалъ подлинникъ. Переводчикъ самъ поэтъ, помимо того, что онъ удивительно изучилъ Шелли. Но Бальмонтъ, какъ поэтъ, не могъ не вложить въ свои переводы собственное настроеніе. Получился Шелли, пропущенный сквозь извѣстную призму. Для русскаго читателя, вѣроятно, будетъ странно слышать, что у Шелли есть боевые гимны свободѣ, напоминающіе клекотъ орла. Такова, напр., ода, написанная въ октябрѣ 1819 г.

«Arise arise, ariase!
There is blood on the earth that denies ye bread».

Таковъ, „Гимнъ къ свободѣ“ и „Чуства республиканца по поводу паденія Бонапарта“.

Въ Англіи Шелли не популяренъ (исключеніе составляютъ нѣсколько стихотвореній, попавшихъ въ хрестоматіи). Что же касается Байрона, то онъ въ Англіи совершенно забытъ. Большая публика увлекается патріотической поэзіей Киплинга; немногіе избранные—Браунингомъ, геніальнымъ Китсомъ, но самымъ любимымъ поэтомъ, какъ большой публики, такъ и избранныхъ является Теннисомъ. Его считаютъ недосягаемымъ идеаломъ поэзіи. Теперь можно встрѣтить очень много англичанъ, которые изъ Шекспира знаютъ только отрывки, помѣщенные въ учебникахъ, которые никогда не читали Мередита, а изъ Диккенса, съ грѣхомъ пополамъ, помнятъ только „Пикквиковъ“; но врядъ ли найдется англичанинъ, не знающій наизусть „The Lady of Shalott“ или „The Beggar Maid“—Теннисона. Первая поэма—очень длинная; но второе стихотвореніе—каротенькое, поэтому я приведу его, къ сожалѣнію, въ прозаическомъ переводѣ, въ которомъ совершенно исчезаетъ изумительная филигранная отдѣлка оригинала. „Она сложила руки на груди. Она была болѣе прекрасна, чѣмъ можно выразить словами. Босая предстала нищенка предъ королемъ Кофетуа *). Въ порфирѣ и коронѣ король сошелъ съ трона, чтобы привѣтствовать дѣву. „Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—сказали придворные,—она прекраснѣе, чѣмъ день“.

„И дѣва предстала въ своихъ лохмотьяхъ, сіяя подобно мѣ-

*) Миѳическій африканскій король рыцарскихъ романовъ, обладавшій громадными богатствами и влюбившійся въ нищенку, на которой женился. Въ первой сценѣ четвертаго акта комедіи «Безплодныя усилія любви» Биронъ пишетъ Розалинѣ: «Достославный и доблестнѣйшій король Кофетуа остановилъ свои взоры на пагубной и несомнѣнной нищей Зенелофонъ,—а онъ былъ именно тотъ, который имѣлъ полное право сказать: veni, vidi, vici». Тема, заинтересовавшая Шекспира, увлекла и Теннисона.

сяцу на облачномъ небѣ. Одинъ восхвалялъ ея глаза, другой— ноги, третій—ея черные волосы и прекрасное лицо. И лицо это было такъ мило, столько ангельской прелести было въ немъ, что никто на землѣ не видалъ подобнаго. И Кофетуа поклялся королевской клятвой: „эта нищенка будетъ моей королевой".

Стихотворенія Мередита не имѣютъ ничего общаго съ слащавымъ романтизмомъ Теннисона. Самымъ крупнымъ поэтическимъ произведеніемъ Мередита нужно считать „Современную любовь" (Modern Love). Это пятьдесятъ сонетовъ, связанныхъ общей мыслью. Въ Англіи вопросъ о любви вычерчивается романистами, а тѣмъ болѣе поэтами по готовой, разъ навсегда установленной лекалѣ. До брака полагается вздыхать, томиться, ревновать и пр. Разъ пасторъ соединилъ возлюбленныхъ, все кончено. Только немногіе романисты и поэты рѣшились отказаться отъ готовой лекалы. Такъ сдѣлалъ, напр., Альджеронъ Свинборнъ; только громадный талантъ и установившаяся репутація спасли его, однако, отъ негодующихъ воплей „миссисъ Грёнди", которая была шокирована поэмами. Съ большей эксцентричностью коснулся того же вопроса несчастный авторъ „The Ballad of Reading Gaol". „Послѣдствіемъ любви всегда является ненависть",—говоритъ онъ.—Эта ненависть возрастаетъ, чѣмъ больше продолжается союзъ и... всегда кончается убійствомъ, хотя не всегда кровавымъ. „Каждый мужчина убиваетъ женщину, которую когда-то любилъ; но не всегда объ этомъ узнаютъ. Одни убиваютъ взглядомъ ненависти, другіе—льстивымъ словомъ; трусъ убиваетъ поцѣлуемъ, рѣшительный человѣкъ—мечемъ".

„Иные убиваютъ свою любовь, когда молоды, другіе—въ старости. Иные душатъ ее похотью, другіе—золотомъ. Иные пускаютъ въ дѣло ножъ, потому что мертвые такъ быстро остываютъ... Каждый мужчина убиваетъ свою любовь; но не всѣ платятся жизнью за это".

Джорджъ Мередитъ подходитъ къ вопросу, какъ психологъ. Обладая смѣлостью Альджерона Свинборна или Оскара Уайльда, онъ не впадаетъ, однако, въ эксцентричности ихъ. Тема сонетовъ—очень не сложна. Мужъ и жена, молодые, симпатичные, страстно любившіе другъ друга, открываютъ, что любви между ними нѣтъ.

«Each sucked a secret, and each wore a mask.

(Каждый изъ нихъ всосалъ тайну и каждый изъ нихъ носилъ маску). „Для современной трагедіи не нужны злодѣи: заговоръ ткутъ страсти". Всѣ знакомые считаютъ семейную жизнь супруговъ образцовой. Между ними нѣтъ ссоръ, нѣтъ тѣхъ нелѣпыхъ, грубыхъ и обидныхъ столкновеній, которыя въ подобныхъ случаяхъ происходятъ между болѣе экспансивными, чѣмъ англичане, русскими интеллигентами, всегда страдающими болѣзнью задер-

живающихъ центровъ. Между тѣмъ, пропасть между супругами все больше и больше увеличивается. Соединяющая ихъ физическая близость каждому въ отдѣльности кажется уродливой и омерзительной. Онъ—увлекается другой; но любовь не приноситъ ему уже тѣхъ крыльевъ, какъ когда-то. Она тоже имѣетъ увлеченіе, которое оставляетъ лишь горечь. И супруги опять вмѣстѣ, какъ два „быстрыхъ сокола въ западнѣ, осужденные биться, какъ летучая мышь“.

Въ поэмахъ Мередита мы видимъ страстнаго поклонника космоса, пантеиста, чувствующаго свое единство съ природой. Такова поэма „Тайна земли“. Дѣйствительно, любящій природу не можетъ ненавидѣть человѣка. Теплымъ чувствомъ гуманности проникнуты стихотворенія, вошедшія въ сборникъ „Poems and Lyrics of the joy of Earth“. Я приведу одно стихотвореніе. Умираетъ старый клоунъ бродячаго цирка.

„Да, старуха,—говоритъ онъ своей подругѣ,—безполезно плакать: клоунъ, констэбль, король—всѣ должны подчиниться. Та, что перехитряетъ въ концѣ концовъ всѣхъ,—долго подкарауливала меня и теперь крѣпко держитъ“. Клоунъ передаетъ результаты своего житейскаго опыта: „Кувыркаясь, я близко изучалъ людей и, кажется, знаю ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ—славные ребята, другіе—мошенники, большинство—среднее между этимъ. Но, старуха, женщина миритъ меня окончательно съ человѣческой породой“.

Мередитъ явился на литературное поприще тогда, когда философскій радикализмъ былъ въ первомъ расцвѣтѣ силъ. Теперь, въ глубокой старости, Мередитъ сохранилъ ту же вѣру въ массы, въ мощную силу демоса, какъ и въ молодости. Типичнымъ является стихотвореніе „Старый Чартистъ“. Выводится старикъ, который когда-то былъ сосланъ въ Австралію за участіе въ движеніи 1848 г. Чартистъ припоминаетъ прошлое и чувствуетъ въ себѣ силы свершить то же, что и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Дочь чартиста вышла замужъ за лавочника. Она не только не раздѣляетъ взглядовъ старика, но считаетъ его „позоромъ семьи“. Старый чартистъ, наблюдая природу, находитъ утѣшеніе и поддержку въ своемъ оптимизмѣ. Теперь перейдемъ къ романамъ Мередита.

IV.

Въ творчествѣ Мередита, въ области романа, намѣчаются два періода: ранній и позднѣйшій. Предѣломъ между ними нужно считать романъ „Эгоистъ“, появившійся въ 1879 г. Можно было-бы указать на два типа талантовъ. Одни реагируютъ только на полученныя извнѣ впечатлѣнія. Подъ вліяніемъ необычайной обста-

новки, въ которую они случайно попадаютъ, эти таланты даютъ оригинальныя, иногда захватывающія произведенія. Вмѣстѣ съ запасомъ воспринятыхъ впечатлѣній, собственно говоря, кончается литературная дѣятельность этихъ талантовъ. Они повторяютъ самихъ себя. Первыя впечатлѣнія, воспринятыя ими, до такой степени глубоки и сильны, что дальнѣйшія—отражаются уже гораздо слабѣе. Потому, можно сказать почти навѣрное, что такіе таланты, описавъ впечатлѣнія, произведенныя на нихъ необычайной обстановкой, не дадутъ уже ничего, равнаго по силѣ первымъ очеркамъ. Для такихъ талантовъ я предложилъ бы названіе *рефлекторныхъ*.

Въ русской литературѣ, въ особенности же въ послѣднія 15—20 лѣтъ, можно указать не на одинъ рефлекторный талантъ. Они поднялись, какъ ракеты, блестящими, оригинальными очерками. Затѣмъ—исчезли, какъ ракеты. Такъ какъ я пишу теперь объ англійской литературѣ, то укажу на представителя ея, выступившаго въ Америкѣ, на недавно скончавшагося Бретъ-Гарта. Онъ, повидимому, классическій образчикъ рефлекторныхъ талантовъ. Дикая, своеобразная обстановка, въ которую случайно попалъ Бретъ-Гартъ, навѣяла яркіе, великолѣпные очерки, какъ „Счастье ревущаго стана", „Изгнанники Покерфлэта", „Миглсъ", „Какъ Санта-Клаусъ посѣтилъ Симпсонсъ-Баръ", „Млиссъ", „Язычникъ Ванъ-Ли", и др., которые, какъ электрическія искры, быстро обѣжали міръ. Въ два года слава Бретъ-Гарта прочно установилась. „Томъ счастье", Стэмпи, мистеръ Оакхэрстъ, „Герцогиня", красавица Миглсъ, маленькій Джонни, Дикъ Буллэнъ и др. герои вызывали то смѣхъ, то слезы сочувствія у читателей въ Америкѣ, во Франціи, въ Россіи. Въ міровой литературѣ не много можно назвать такихъ эпизодовъ, какъ, напр., поѣздка Дика Буллэна изъ Симпсонсъ-Бара въ городъ за игрушками для маленькаго Джонни. Истощились первыя впечатлѣнія у автора. Они были такъ сильны, что нервы не воспринимали уже новыхъ, болѣе слабыхъ впечатлѣній. И вотъ, Бретъ-Гартъ всю жизнь повторялъ самого себя. Когда же онъ пробовалъ приняться за что нибудь другое, у него выходило нѣчто слабое и растянутое, какъ „Даніэль Конрой".

Кромѣ *рефлекторныхъ* талантовъ, есть другіе, болѣе высокой категоріи. Ихъ можно было бы назвать *синтетическими*, потому что ихъ произведенія являются синтезомъ тщательныхъ наблюденій. Синтетическій талантъ подмѣчаетъ самыя мелкія психологическія черты и создаетъ иногда типъ, который еще только долженъ появиться. Съ годами опытъ такого таланта расширяется, и синтезъ становится все болѣе всеобъемлющимъ. Мередитъ—типичный *синтетическій* талантъ. Путемъ синтеза онъ можетъ создать яркую картину страны, въ которой никогда не былъ. Я говорю о первомъ беллетристическомъ произведеніи Мередита, о фанта-

стической повѣсти „The Shaving of Shagpat“, появившейся въ 1856 г. Читая полные переводы „Тысячи и одной ночи“, какъ, напр., англійскій Бёртона или выходящій теперь шестнадцатитомный французскій переводъ д-ра Мардрю, мы узнаемъ, что въ этомъ удивительномъ сборникѣ отнюдь не всегда играютъ роль сверхъестественныя существа. Такъ, напр., „Исторія халифа Омара Аль-Немана“ и пр., занимающая въ переводѣ Мардрю два тома (III и IV, т. е. около 700 страницъ)—восточный рыцарскій романъ, въ которомъ, при всемъ блескѣ арабской обстановки, нѣтъ ничего сверхъестественнаго. „The Shaving of Shagpat“—восточная сказка, навѣянная полнымъ переводомъ „Тысячи и одной ночи“. Какъ тамъ, герои постоянно цитируютъ поэтовъ; какъ тамъ, основной разсказъ переплетенъ постоянно вводными исторіями. Вдохновили, однако, Мередита, не „реальные“ разсказы, какъ „Халифъ Омаръ Аль-Неманъ“, а тѣ, въ которыхъ творческой фантазіи нѣтъ границъ, какъ, напр., „Исторія купца и Эфрита“.

„Было повелѣно, чтобы Шибли Багарагъ, племянникъ преславнаго Баба-Мустафы, главнаго брадобрѣя при персидскомъ дворѣ, обрилъ Шагпата, сына Шимпура, сына Шулума. И исторія Шибли Багарага, затѣмъ, шара, за которымъ онъ слѣдовалъ, подземнаго царства, куда онъ прибылъ, зачарованнаго дворца, въ который вступилъ, спящаго царя, котораго выбрилъ, двухъ принцессъ, освобожденныхъ имъ, и африты (духъ женскаго рода), посаженной въ бутылку одной изъ принцессъ,—хорошо извѣстна всѣмъ. Но, какъ сказалъ поэтъ: „Исторія эта созрѣла, потому что много разъ разсказывалась; но она такого рода, что никогда не портится“.—Такъ начинается восточная сказка Мередита, въ которой полету фантазіи нѣтъ предѣла. Обстановка и характеръ сказки до того носятъ восточный колоритъ, что знатоки арабской литературы приняли ее за переводъ изъ „Альфъ лайла ва Лайла“ (Тысяча и одна ночь). Затѣмъ, когда выяснилось, что сказка—оригинальное произведеніе,—въ ней стали искать аллегорію, скрытый смыслъ. На это отвѣчаетъ самъ Мередитъ во второмъ предисловіи къ „Shaving of Shagpat“, написанному много лѣтъ послѣ появленія сказки.

„Мнѣ говорятъ люди, не боящіеся „аллегорій на берегахъ Нила“ *), что волосатый Шагпапъ означаетъ, вѣроятно, запутанный обманъ, захватившій сыновъ человѣческихъ; что Нурна бинъ

*) Мередитъ тутъ и дальше намекаетъ на дѣйствующее лицо комедіи Шеридана «The Rivals»—миссисъ Малапропъ. Она постоянно путаетъ слова. Вмѣсто «варварскій вандализмъ», она говоритъ «варварскій вандейкъ», а вмѣсто «нильскихъ аллигаторовъ»,—«нильскіе аллегоріи». Миссисъ Малапропъ съ ея «аллегоріями» стала нарицательнымъ именемъ въ англійской литературѣ.

Нурна означаетъ время, помогающее намъ, если будетъ здоровье, выбраться изъ сѣтей обмана. Въ моемъ героическомъ Шибли Багарагѣ усматриваютъ обстоятельства, дающія намъ возможность избрать вѣрный путь... Но, хотя автору сказки лестно, что въ его произведеніи усматривается такой глубокій смыслъ, — аллегорію нужно совершенно отбросить... Аллегорія, чтобы имѣть какой нибудь смыслъ, должна быть совершенно ясна. Когда же она ясна, она такъ же мало привлекательна, какъ и пресмыкающіяся миссисъ Малапропъ" *). Такимъ же фантастическимъ произведеніемъ по формѣ, но съ болѣе глубокимъ содержаніемъ является средневѣковая „кельнская легенда" *Фарина*, появившаяся въ 1857 г. Затѣмъ Мередитъ оставилъ область сказокъ и перешелъ къ психологическому, реалистическому роману. „The Ordeal of Richard Feverel", первый романъ въ этомъ направленіи (о немъ см. выше), появился въ 1859 г., въ эпоху полнаго расцвѣта силъ такихъ великихъ талантовъ, какъ Теккерей, Диккенсъ и Джорджъ Эліотъ. Можно было бы надѣяться, что молодой двадцати-семилѣтній писатель поддастся обаянію ихъ. Между тѣмъ, „Ordeal of Richard Feverel" произведеніе совершенно оригинальное, въ которомъ ярко отразилась индивидуальность автора. Талантъ есть способность проявлять свою индивидуальность. И въ этомъ отношеніи, въ первомъ романѣ мы находимъ всѣ характерныя черты творчества Мередита. Мы видимъ глубокія мысли, изложенныя абстрактно, что подчасъ придаетъ его манерѣ писанія—туманный характеръ. Мы видимъ тонкое пониманіе природы, а потому удивительное мастерство въ описаніяхъ. Вотъ, напр., одно мѣсто изъ „Ordeal of Richard Feverel":

„Солнце садилось на землю. Поля и воды привѣтствовали его своими золотыми голосами. Оно закатывалось, и герольды его мчались впереди, задѣвая густую зелень дубовъ, нѣжный изумрудъ платановъ, шерстистые листья буковъ и червонное золото сосновыхъ вершинъ. Сверкающій слѣдъ герольдовъ ложился на кудрявомъ подлѣскѣ, гдѣ гордые наперсточники клонили свои сѣрнистые колокольчики".

Въ первомъ произведеніи, наконецъ, мы видимъ и недостатки Мередита: его пристрастіе къ вычурности стиля, вынесенное имъ изъ Германіи, какъ вынесъ оттуда же свою манеру Карлейль. Почти каждое слово снабжено метафорой. Образы и сравненія догоняютъ другъ друга, переплетаются, снова развиваются безконечной лентой. Они захватываютъ вниманіе читателя, отвлекаютъ отъ главной идеи, уносятъ въ какой-то непролазный кустарникъ, изъ котораго романистъ часто предоставляетъ вамъ выбираться, какъ сами знаете. Вотъ, напримѣръ, одинъ образчикъ:

---

*) См. предшествующее примѣчаніе.

„Господинъ, замѣчательный выразительной физіономіей и жилетомъ въ соотвѣтствіи съ ней, проходилъ въ полдень, въ проливной дождь, черезъ Лондонскій мостъ. Почти волшебнымъ образомъ путникъ былъ освобожденъ отъ своей борьбы съ вѣтромъ однимъ изъ тѣхъ остроумныхъ скользкихъ мѣстъ, которыхъ такъ много на этомъ переходѣ, и которыя являются пробнымъ камнемъ ловкости прохожихъ“. Или такое мѣсто. „Женщины различной сущности, въ которыхъ божественное смѣшано съ чѣмъ-то совсѣмъ другого происхожденія, не входили въ представленіе Уиллогби о женщинѣ. Для него онѣ были тѣмъ, чѣмъ были созданы въ самомъ началѣ: большинство—загрязненныя, и лишь изрѣдка—совершенство для немногихъ избранныхъ. При малѣйшемъ протестѣ „свѣта“,—Уиллогби захлопывалъ предъ ними двери неприступности. Онъ самъ готовъ былъ обличать такихъ женщинъ“. Смыслъ этихъ строкъ тотъ, что герой искалъ совершенную женщину и былъ безпощаденъ къ малѣйшей слабости ихъ.

Вторымъ крупнымъ романомъ ранняго періода является „Evan Harrington“, *Сарторъ Резартусъ*, переложенный въ беллетристическую форму, по опредѣленію Мередита. Это—картина жизни высшаго общества и людей изъ среднихъ классовъ, тянущихся туда. Героиня, графиня де Сандаръ, дочь портного—новѣйшая разновидность Беки Шарпъ („Ярмарка Тщеславія“), только болѣе ловкая и болѣе вульгарная. Въ романѣ видны симпатіи автора, какъ радикала. Къ изображенію того же класса nouveau riche Мередитъ возвращается въ романѣ Emilia in England. Съ главной героиней, итальянской пѣвицей, мы встрѣчаемся въ романѣ Vittoria, навѣянномъ путешествіемъ Мередита по Италіи: онъ былъ корреспондентомъ лондонской газеты во время войны 1866 г.

Эпоха романа—революція 1848 г. въ Ломбардіи. Героиня—итальянская пѣвица, выступающая подъ псевдонимомъ Сандра, является душой возстанія. Она прежде жила въ Англіи. Здѣсь у ней былъ поклонникъ молодой офицеръ Уильфридъ Поль, который теперь поступилъ на австрійскую службу. Сандра—одинъ изъ любимыхъ женскихъ типовъ Мередита. По традиціи, героини англійскихъ романовъ являются стереотипомъ Агнесы (Давидъ Коперфильдъ), Руѳи (Мартинъ Чезельвитъ) или Доры. Это—нѣжныя, хрупкія существа, сильныя только своею любовью къ герою. Любимыя героини Мередита—богато одаренныя, смѣлыя, рѣшительныя, сильныя женщины, бросающіяся съ головой въ вихрь общественнаго движенія. Такова Сандра въ романѣ Vittorio. Она разлюбила молодого офицера Уильфрида Поля, какъ только убѣдилась въ дряблости его натуры. Теперь, когда онъ на австрійской службѣ, она его ненавидитъ, какъ врага. Моментомъ возстанія выбранъ дебютъ Сандры въ La Scala, въ Миланѣ. Пѣвица, по уговору съ заговорщиками, должна подать сигналъ

со сцены. Она такъ и дѣлаетъ. Только случайно спасается она отъ австрійскаго правительства. Ей помогаетъ молодой валіецъ, Мертиръ Поуисъ, который, подъ вліяніемъ Сандры, отдаетъ и себя, и свое состояніе дѣлу освобожденія Италіи.

Съ такой же сильной женщиной встрѣчаемся мы въ слѣдующемъ романѣ Мередита, въ „Rhoda Fleming". Во всѣхъ этихъ романахъ авторъ проявляетъ удивительную способность проникновенія въ человѣческій характеръ. Психологія героевъ выясняется съ замѣчательнмъ мастерствомъ. Вторымъ по важности романомъ, послѣ „Эгоиста", нужно считать „Карьеру Бьючэмпа" (1876 г.). Мэйнардъ Леонардъ, авторъ крайне интереснаго очерка „Politics in George Meredith's Novel" (Политика въ романѣ Мередита) *)—говоритъ, что „Карьера Бьючэмпа"—единственный политическій романъ Мередита, хотя подобныя темы затрогиваются почти во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Карьерѣ Бьючэмпа" вся основа заключается въ политической борьбѣ партій. Всѣ герои—принадлежатъ къ одной изъ двухъ партій. Мередитъ любитъ брать героемъ юношу, воспитаніе котораго происходило при исключительныхъ условіяхъ. Онъ старается выяснить тогда, какъ тѣ или другія внѣшнія условія содѣйствовали развитію характера. Исключительны условія воспитанія Ричарда Фивереля, Сандры, Роды Флемингъ. Тотъ же любимый пріемъ мы видимъ въ „Карьерѣ Бьючэмпа". Герой, Невиль Бьючэмпъ, остается рано сиротой. Воспитываетъ его дядя, типичный представитель непримиримыхъ тори. Въ Англіи, какъ извѣстно, политическія воззрѣнія, какъ и профессіи, передаются по наслѣдству. Торизмъ или либерализмъ является семейнымъ достояніемъ. Дядя героя, Ивэрэрдъ Ромфри, впослѣдствіи графъ Ромфри—представитель рода, который искони исповѣдывалъ торійскіе принципы. Онъ унаслѣдовалъ одинаково и хорошія, и дурныя черты стараго міровозрѣнія. Старикъ воспитываетъ племянника въ принципахъ торизма. Невиль Бьючэмпъ поступаетъ во флотъ, отличается во время крымской войны; все обѣщаетъ, что изъ него выйдетъ свѣтило торійской партіи. Но, будучи уже капитаномъ корабля, Невиль встрѣчается съ докторомъ Шрапнэлемъ, однимъ изъ любимыхъ героевъ Мередита. Докторъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ вождей радикаловъ. Онъ имѣетъ громадное вліяніе на Невиля. Послѣ долгой и упорной борьбы, онъ приходитъ къ заключенію, что тѣ принципы, въ которыхъ его воспитали—ложны. Невиль не признаетъ компромиссовъ: дойдя до извѣстныхъ выводовъ, онъ поступаетъ рѣшительно и безповоротно. Невиль оставляетъ службу, гдѣ все обѣщало ему быстрое повышеніе, и становится агитаторомъ. Теперь въ Англіи радикализмъ не пугаетъ никого. Англійское общество, если позволительно употребить нѣ-

*) New Liberal Review, November 1901.

сколько вульгарное сравненіе, напоминаетъ тѣ желудки, которые не только привыкаютъ къ мышьяку, но извлекаютъ даже изъ него громадную пользу. Не такъ было въ пятидесятыхъ годахъ. „Радикалъ“ считался пугаломъ. Даже слово это признавалось почти неприличнымъ. Быть можетъ, читатели вспомнятъ популярный у насъ, въ Россіи, романъ Джорджъ Эліотъ — „Феликсъ Гольтъ радикалъ“.

Можно себѣ представить ужасъ и негодованіе графа Ромфри, когда онъ узнаетъ, что его племянникъ сталъ радикаломъ! Онъ выступаетъ кандидатомъ на выборахъ въ парламентъ. Избирательный округъ — дореформенный и находится въ зависимости отъ графа Ромфри. Невиль терпитъ большое пораженіе. По разсчетамъ дяди, оно должно возвратить племянника къ торизму; но Невиль идетъ въ своемъ радикализмѣ еще дальше и объявляетъ себя республиканцемъ. Докторъ Шрапнэль, подъ вліяніемъ котораго находится Невиль,—самый любимый герой Мередита. Это—упорный, настойчивый, крѣпкій, какъ сталь, радикалъ, способный внушить вѣру всякому, приходящему въ соприкосновеніе съ нимъ. Графъ Ромфри ненавидитъ его, но въ то же время, не можетъ не уважать его. Шрапнэль — типично-*англійскій* радикалъ. Изъ школы такихъ агитаторовъ вышли общественные дѣятели, какъ Морлей, Брайсъ и др., которые съ такимъ мужествомъ шли противъ теченія въ послѣдніе годы... „Карьера Бьючэмпа“ заканчивается неожиданно. Какъ Базаровъ, онъ погибаетъ, не успѣвъ еще ничего сдѣлать. Смерть его не такъ ужасна по своей безсмысленности, какъ гибель Базарова. Невиль тонетъ, пытаясь вытащить изъ рѣки дѣвочку.

Поворотнымъ пунктомъ въ творчествѣ Мередита является романъ „Эгоистъ“, признаваемый за лучшее произведеніе англійскаго писателя. Дѣйствительно, это—поразительный анализъ души эгоиста или, точнѣе, эгоистовъ, потому что ихъ два въ романѣ. „Эгоистъ“ Мередита—изящный эстетъ сэръ Уиллогби Патернъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что все вокругъ создано для него одного. „Нужно, чтобы я являлся для всѣхъ солнцемъ“—говоритъ онъ. Уиллогби любитъ только здоровыя, улыбающіяся лица; все нервное, анемичное, страдающее—противно ему. Уиллогби желаетъ, чтобы женщина, которую онъ полюбитъ, жила бы только имъ; чтобы онъ для нея составлялъ рѣшительно все. Онъ покидаетъ свою первую невѣсту Клару, превосходную женщину, только потому, что въ ея характерѣ открываетъ черты индивидуальности; онъ боится, что Клара будетъ жить еще своимъ собственнымъ, внутреннимъ *я*, котораго не вытравитъ ослѣпительный блескъ e g o сэра Уиллогби. Вторая невѣста Уиллогби—Летиція, новая разновидность эгоизма. И отъ столкновенія двухъ e g o характеры дѣйствующихъ лицъ выясняются съ поразительной отчетливостью.

Въ большинствѣ романовъ характеры героевъ намѣчены широ-

кими штрихами. Авторы спѣшатъ перейти къ развитію той идеи, ради которой герои выведены. Мередитъ—психологъ по преимуществу. Онъ съ точностью экспериментатора, работающаго съ микроскопомъ, отмѣчаетъ всякую мельчайшую черту душевной дѣятельности своихъ героевъ. Но, на ряду съ этимъ, нужно сказать, что чтеніе „Эгоиста“ дѣло не легкое. Я согласенъ съ Стивенсономъ (авторомъ „Острова Сокровищъ“), который говоритъ, что послѣ перваго чтенія получилъ отъ романа только смутное представленіе. „Вся удивительная прелесть произведенія,—говоритъ Стивенсонъ,—выяснилась для меня только тогда, когда я прочелъ романъ въ третій разъ... Только тогда я понялъ все *величіе* романа... Уиллогби—это удивительный препаратъ, въ которомъ тщательно изслѣдованъ каждый нервъ“. Туманность и трудность великаго произведенія не принадлежатъ къ числу достоинствъ ихъ. Очень часто туманность обусловливается тѣмъ, что авторъ уже не въ состояніи съ достаточной ясностью формулировать *самому себѣ* свою мысль. Онъ чувствуетъ ее, но, какъ афритъ въ арабской сказкѣ, мысль ускользаетъ изъ опредѣленныхъ, точныхъ формъ слова, въ которую ее надлежитъ заключить. Въ своей автобіографіи Дарвинъ разсказываетъ, какъ упорно старался онъ вогнать мысль, одолѣвшую его, въ точныя формы слова. Великій ученый откладывалъ перо и пытался „разсказать самому себѣ“, что онъ хочетъ написать. Къ сожалѣнію, этого не дѣлали многіе великіе писатели. Не всегда дѣлалъ это и Мередитъ. Такое замѣчательное произведеніе, какъ „Эгоистъ“, поэтому, приходится *изучать*, а не читать.

Крайне интересенъ одинъ изъ послѣднихъ романовъ Мередита „The Tragic Comedians: A study in a wellknown story“ („Трагическіе комедіанты, изученіе одной хорошо извѣстной исторіи“), вышедшій въ 1881 г. Исторія, дѣйствительно, „хорошо извѣстна“: Мередитъ выводитъ сильную личность Лассаля, жизнь котораго оборвалась такимъ дикимъ и неожиданнымъ аккордомъ.

„Легенда, подобная фаустовской, можетъ быть создана по поводу героя,—говоритъ Мередитъ въ предисловіи къ „Tragic Comedians“.—Онъ имѣлъ своего діавола. Онъ былъ вождемъ воинства, надеждой партіи; его обожали послѣдователи и ненавидѣли враги. Смѣлый умъ его признавался лучшими современниками. Мы поставили себѣ задачей изучить, почему этотъ человѣкъ погибъ черезъ любовь, и почему женщина, которую онъ любилъ, отдала руку убійцѣ“.

Я закончу словами автора недавно вышедшаго труда объ англійскомъ романистѣ:

„Можно сказать, что Мередитъ среди нашихъ романистовъ тоже, что Робертъ Браунингъ среди поэтовъ. Наступитъ пора Мередита, какъ пришло время, когда поняли Браунинга. Вялыя и дряблыя натуры, любящія литературу, которую можно было бы

вдыхать такъ же легко, какъ ароматъ цвѣтка, отворачиваются, естественно, отъ этихъ двухъ авторовъ, мысль которыхъ быстра, какъ орелъ, и смѣла, какъ левъ. Но люди, которые жили, наблюдали и размышляли; которые преклоняются предъ разумомъ и имѣютъ глаза, чтобы видѣть тайны природы и человѣческой души; которые не отступаютъ предъ возможностью заглянуть въ тайники жизни,—тѣ полюбятъ произведенія Мередита" *).

Діонео.

Новыя книги.

П. А. Евреиновъ. Стихотворенія. Одесса, 1903 г.

Жилъ-былъ чиновникъ, „занимался службой и дѣлалъ дѣло", мечтая „въ трудѣ и службѣ о счастьи позабыть, найти душѣ покой"; подходила уже къ нему почтенная, сребровласая старость...

Ужели старость?! Да, конецъ!
Конецъ мечтаньямъ и надеждамъ!
Достигнутъ счастія вѣнецъ,
Пора къ «отсталымъ» и къ «невѣждамъ»!

Чего бы, казалось, спокойнѣе?... Но, какъ говорится, сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро: вздумалъ нашъ чиновникъ влюбиться—и, въ результатѣ, появилась на свѣтъ книжка стиховъ г. Евреинова, одинъ изъ отдѣловъ которой названъ „По мытарствамъ любви" и посвященъ „любимой женщинѣ"...

Романъ чиновника крайне простъ и вмѣстѣ поучителенъ. Въ свободные отъ службы часы похаживалъ онъ въ гости къ одному знакомому, повидимому, тоже чиновнику, у котораго была молодая жена. Das ist eine alte Geschichte... Началось дѣло съ умиленія передъ „законнымъ" супружескимъ счастьемъ:

Какъ счастливъ ты, супругъ, когда жена съ терпѣньемъ
Умѣетъ выслушать неласковый отвѣтъ,
Смолчитъ и ласковымъ, любовнымъ обхожденьемъ
Изгладитъ въ памяти размолвки всякій слѣдъ.
. . . .
Какъ сладокъ мирный сонъ въ супружеской постели

А кончилось—бурнымъ протестомъ противъ... закона!

---

*) George Meredith: An Essay towards Appreciation, by Walter Jerrold, 1903, p. 179.

Законъ не хочетъ знать, что мы душой «родные»,
Онъ затвердилъ свое: «Не вѣнчаны, чужіе»...
Да, я чужой тебѣ,—уйти обязанъ тоже,
А ты должна дѣлить супружеское ложе!

Чтó произошло дальше—само собою понятно. Дикая, бурная, безумная страсть! „Она“—не устояла...

Ты для меня сотворена,
Чтобъ дать мнѣ счастье въ этомъ мірѣ!

. . . .

Ты не вынесешь страсти моей—
Ея цѣпи похуже тюремныхъ...

. . . .

Ты подумай: ни шагу—одна,
Ни желанья, ни мысли свободной;
Днемъ и ночью, всю жизнь, ты должна
Жертвой быть моей страсти голодной!..

Такія „ужасти“ хоть кого запугаютъ...

И пророчество исполнилось: „она“ не вынесла — и сбѣжала, вернувшись, повидимому, въ лоно законнаго супружескаго счастья... Тогда нашъ поэтъ-чиновникъ превратился въ отъявленнаго пессимиста и женоненавистника.

Проклинаю всѣхъ женщинъ съ тобой,
Ихъ коварство, продажность и рабство!
Проклинаю весь жизненный строй,
Гдѣ любовь превратилась въ похабство!

Выраженія, правда, нѣсколько рискованныя, но — не смущайтесь, читатель: у г. Евреинова есть и посильнѣе; напр., стихотвореніе „Нравственная смерть“, которое авторъ нѣжно называетъ „поэмочкой“, цитировать совсѣмъ уже неудобно...

Критиковать поэтическую сторону стиховъ г. Евреинова мы не рѣшаемся въ виду категорическаго его заявленія:

Я убѣжденъ, что я поэтъ...

„Должно быть, въ грустныя минуты,— самодовольно усмѣхается г. Евреиновъ,—Толстой изрекъ, что стихъ, какъ путы, стѣсняетъ творчества полетъ... Да! видитъ око—зубъ нейметъ“! У одесскаго піиты—и глазъ зорокъ, и зубъ силенъ... Столь непреклонно „убѣжденнымъ“ людямъ, по русской пословицѣ, хоть колъ на головѣ теши!

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ IV. 1900—1902. Спб. 1903.

Не легокъ въ наши дни крестъ рецензента, обязаннаго знакомиться съ вновь выходящими въ свѣтъ стихотворными сборниками,—особенно, когда на книжкѣ стоитъ небезызвѣстное имя, и ее необходимо прочесть, что называется, отъ доски до доски. А вдругъ, въ слѣдующемъ-то стихотвореніи и окажется самое

главное, тó, благодаря чему, это имя стало всетаки „извѣстнымъ“?... Мы думаемъ, что всякій, кто прочелъ пятиактную драму г-жи Лохвицкой „Безсмертная любовь“, согласится съ нами, что испытаніе это немалое... Растянутый на 132 страницы бѣлыхъ стиховъ мучительный кошмаръ, гдѣ собраны въ одну кучу всѣ мыслимые и немыслимые на свѣтѣ ужасы и пытки (даже физическія!), какой-то злой, мрачный сонъ безъ пробужденія и, увы! безъ малѣйшей, уловимой здравымъ разсудкомъ, связывающей всѣ эти нелѣпицы идеи. Да и какъ можетъ сплошная нелѣпость вязаться съ какой-либо идеей? Она разсчитана на одно только—трепаніе нервовъ досужихъ и безвольныхъ людей...

Отдѣлъ мелкихъ стихотвореній въ новой книжкѣ г-жи Лохвицкой производитъ также тяжелое впечатлѣніе, хотя и въ другомъ родѣ. Не мало непріятныхъ и даже отталкивающихъ чертъ было и въ прежнихъ сборникахъ нашей поэтессы, но имѣлось въ нихъ одно безспорное достоинство: чуялось временами горячее дыханіе живой страсти, сверкали яркія, живыя краски неподдѣльной молодости... Теперь все это словно померкло и полиняло.

Чтобы не быть голословными, сравнимъ, напр., хотя бы два слѣдующихъ отрывка, въ сущности перефразирующихъ одинъ другой.

Я люблю тебя, какъ море любитъ солнечный восходъ.
Какъ нарцисъ, къ волнѣ склоненный, блескъ и холодъ сонныхъ водъ.
Я люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ молодой,
Какъ поэтъ—свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, какъ пламя—однодневки-мотыльки,
Отъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски.
Я люблю тебя, какъ любитъ звонкій вѣтеръ камыши,
Я люблю тебя всей волей, всѣми струнами души!
Я люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны!

Это было когда-то... А вотъ какъ холодно и риторично воспѣваетъ г-жа Лохвицкая теперь то же чувство:

Я люблю тебя ярче *закатнаго* неба огней,
Чище хлопьевъ тумана (!) и словъ сокровенныхъ нѣжнѣй,
Ослѣпительнѣй стрѣлъ, прорѣзающихъ тучи во мглѣ,
Я люблю тебя больше, чѣмъ можно любить на землѣ.
Какъ росинка, что свѣтлый въ себѣ отражаетъ эѳиръ,
Я объемлю все небо любви, безпредѣльной, какъ міръ,
Той любви, что жемчужиной скрытой сіяетъ на днѣ;
Я люблю тебя глубже, чѣмъ любятъ въ предутреннемъ снѣ.
Солнцемъ жизни моей мнѣ любовь засвѣтила твоя.
Ты—мой день. Ты—мой сонъ (?). Ты—забвенье отъ мукъ бытія.
Ты—кого я люблю и кому повинуюсь (!), любя.
Ты—любовью возвысившій сердце мое до себя!

Или—еще лучше:

Въ вѣнкѣ цвѣтущемъ вѣчныхъ былей (?)
Безсмертный лавръ—любовь моя!

То- бѣлизна саронскихъ лилій,
То—отблескъ ангельскихъ воскрылій,
То—блескъ нагорнаго ручья.

Въ такомъ же духѣ, фразисто и вмѣстѣ вяло, написаны и всѣ остальныя стихотворенія, раздѣленныя на девять отдѣловъ, какъ двѣ капли воды похожихъ одинъ на другой и вычурно озаглавленныхъ: „Брачный вѣнокъ“, „На высотѣ“ „Демоны віолончели“ и пр. Пытаясь затронуть новые мотивы, наша поэтесса все топчется около набившей всѣмъ оскомину „красоты“ (спасибо еще, что не „новой“!) и услаждаетъ нашъ слухъ такимъ институтски-наивнымъ лепетомъ:

Не убивайте голубей!
Ихъ оперенье—бѣлоснѣжно (?)
Ихъ воркованіе такъ нѣжно
Звучитъ во мглѣ земныхъ скорбей,
Гдѣ все—иль тускло, иль мятежно.
Не убивайте голубей!
Не обрывайте васильковъ!
Не будьте алчны и ревнивы;
Свое зерно дадутъ вамъ нивы
И хватитъ мѣста для гробовъ.
Мы не единымъ хлѣбомъ живы,—
Не обрывайте васильковъ!
Не отрекайтесь красоты!
Она безсмертна безъ куреній;
Къ чему ей слава пѣснопѣній
И ваши гимны, и цвѣты?
Но безъ нея безсиленъ геній,—
Не отрекайтесь красоты!

„Не отрекаться красоты“ (если позволено такъ выразиться по-русски) убѣждаетъ насъ г-жа Лохвицкая; но какой же именно красоты? Какъ извѣстно, прежде воспѣвала она, и порой не безъ успѣха, красоту и любовь въ самомъ земномъ пониманіи этихъ словъ... Въ настоящее время поэтесса, какъ-будто, нѣсколько утомлена, какъ-будто, хочетъ принять образъ... кающейся Магдалины. „Майскимъ днемъ, подъ грёзой вдохновенья, расцвѣли въ саду цвѣты: алый макъ минутнаго забвенья, миртъ любви, фіалки отреченья (?), розы сновъ и лиліи мечты“. Но не успѣла придти осень, какъ налетѣли какіе-то злые вихри и смяли лучшіе цвѣты... А между тѣмъ, близокъ уже часъ прихода Жениха (?), — и какъ встрѣтитъ его бѣдная поэтесса безъ брачнаго вѣнка? И вотъ, пошла она „странницей смиренной на призывъ не меркнущей звѣзды“. Повстрѣчался ей въ пути нѣкій „вдохновенный странникъ“ и, на просьбу указать ей „вѣчные сады“, отвѣчалъ таинственно и строго:

Отрекись отъ тлѣнной красоты!
Высоко ведетъ твоя дорога,

Въ свѣтлый край, въ сады живого Бога,
Гдѣ цвѣтутъ безсмертные цвѣты.

И г-жа Лохвицкая покорно отправилась „на высоту“, какъ гласитъ одинъ изъ отдѣловъ новыхъ ея стихотвореній. Но, увы! на этой „высотѣ“, пока что, пустынно и холодно... Живыхъ цвѣтовъ поэзіи на ней не растетъ...

Вѣра. Одна за многихъ. 1903.

Передъ нами лежатъ два русскихъ перевода этой книжки. Вышелъ уже третій, и есть всѣ основанія ожидать, что скоро появятся четвертый, пятый и т. д. Въ чемъ причина такого чрезвычайнаго успѣха? Въ новизнѣ мысли, въ необыкновенномъ талантѣ автора? Или передъ нами только отраженное дѣйствіе иностраннаго книжнаго рынка на русскій? Связь между тѣмъ и другимъ, несомнѣнно, растетъ и одновременное появленіе нѣскольких русскихъ изданій книжки, почему-нибудь обратившей на себя вниманіе за границей, давно уже не составляетъ рѣдкости. Авторы предисловій къ обоимъ переводамъ „Одной за многихъ“ удостовѣряютъ, что за короткій срокъ (шесть мѣсяцевъ) издатель нѣмецкаго подлинника „могъ выпустить десять изданій“ этой книги, и ссылаются на небывалую сенсацію, вызванную ею въ Австріи, гдѣ она стала „книгой сезона“. Мало того: авторы обоихъ предисловій удостовѣряютъ, что она успѣла породить „цѣлую литературу“ возраженій и апологій. Оказывается даже, что возникло „цѣлое теченіе“, которое называется „вэризмомъ“. Филистеры обрушились на сезонную книгу съ пѣной у рта. По свидѣтельству одного изъ предисловій они кричали всюду: „Помилуйте, да если наши писательницы такъ вольно пишутъ, то какъ-же должны писать наши писатели?“ А по словамъ другого предисловія филистеры кричали такъ: „Если наши дочери могутъ такъ писать, то о чемъ-же должны писать наши сыновья?“ Между тѣмъ книга представляетъ собою лишь повторенный въ тысячу первый разъ протестъ противъ той общественной несправедливости, которая предъявляетъ неравныя требованія къ добрачному цѣломудрію мужчины и женщины. Все содержаніе романа сводится къ тому, что Вѣра (это не только псевдонимъ автора, но въ то-же время имя героини, отъ лица которой ведется, въ формѣ дневника, разсказъ) среди приготовленій къ браку съ любимымъ человѣкомъ случайно догадывается о прежнихъ его мимолетныхъ связяхъ съ женщинами и оказывается не въ силахъ перенести этотъ ударъ; не смотря на безграничное раскаяніе своего Георга и на его клятвы „искупить всей жизнью свою вину передъ нею“, она не можетъ примириться съ его прошлымъ и лишаетъ себя жизни, завѣщая ему

борьбу съ тѣмъ общественнымъ зломъ, которое разбило ея мечты о счастьѣ... Конечно, фабула въ романѣ еще далеко не все. И если „знатоки женскаго сердца“ будутъ утверждать,—какъ это и дѣлаютъ авторы предисловій къ русскимъ переводамъ,—что Вѣра превосходно изобразила тончайшіе оттѣнки его движеній,—мы не станемъ спорить: имъ и книги въ руки. Но трудно всетаки отдѣлаться отъ мысли, что героиня расправилась съ собою и съ героемъ слишкомъ круто. А если серьезно считаться съ ея горячими по формѣ нападками на общія условія современнаго строя жизни, то ее можно бы упрекнуть и въ непослѣдовательности. Однако такой упрекъ былъ бы ошибоченъ, потому что страстныя филиппики Вѣры,—къ слову сказать, мало продуманныя и вовсе не затрагивающія традиціонныхъ установленій этого строя,—являются въ ея романѣ чисто-внѣшнимъ, механическимъ придаткомъ и не мѣшаютъ ей оставаться истой дочерью филистеровъ до мозга костей. О какой-нибудь идейной, духовной близости со своимъ избранникомъ у нея нѣтъ и рѣчи. Всѣ ея понятія о бракѣ и вся вообще ея философія вращаются, въ сущности, исключительно около вопроса объ отношеніи половъ. „Онъ хотѣлъ обладать мною“, — пишетъ она въ своемъ дневникѣ,—„чтобы крѣпче и неразрывнѣе приковать меня къ себѣ... *Самое высшее, что я способна дать ему*, онъ хотѣлъ обратить въ *средство*, чтобы прочно завладѣть мною“. Эта цѣломудренно-циничная фраза напомнитъ русскому читателю наставленія одной изъ щедринскихъ маменекъ (кажется „скворешницы“) о „сокровищѣ“. „Самое высшее“—говоритъ объ этомъ „сокровищѣ“ Вѣра,—и, стало быть, какъ же низко она цѣнитъ другія свои сокровища,—сокровища своего ума и сердца! Естественно, что она не можетъ высоко цѣнить ихъ и въ другомъ,—и потому не воодушевляется мыслью извлечь „изъ мрака заблужденья душу падшую“ своего избранника. Впрочемъ, фигура этого избранника только довершаетъ художественную несостоятельность романа. Этотъ приличный молодой человѣкъ, дожидающійся своего производства въ „адъюнкты“, чтобы жениться на любимой дѣвушкѣ, представляетъ собою воплощеніе самодовольной пошлости, такъ что, пока къ нему благоволитъ Вѣра, онъ вызываетъ въ читателѣ самое искреннее отвращеніе и начинаетъ возбуждать къ себѣ сочувствіе и жалость только послѣ того, какъ героиня отвернулась отъ него,—эффектъ, конечно, отнюдь не входившій въ намѣренія автора. Можно было бы даже сказать, что этотъ эффектъ отнимаетъ послѣднюю тѣнь смысла у трагической развязки, если бы героиня не сдѣлала о самой себѣ слѣдующаго признанія. „У меня несчастный темпераментъ, результатъ богатой и сытой жизни. Нѣтъ желаній, нѣтъ радостей! Душевная энергія слабѣетъ среди покойной роскоши. Она притупляется отъ недостатка стремленій... Я часто говорю себѣ: если бы я принуждена была работать, если

бы я узнала, что такое нужда и забота о завтрашнемъ днѣ, я была бы, вѣроятно, и бодрѣе, и здоровѣе, и жизнерадостнѣе... Буржуазная погоня за личнымъ комфортомъ убиваетъ не только способность къ серьезной работѣ, но и всякое стремленіе къ труду. Въ этомъ безцѣльномъ сознаніи собственнаго ничтожества кроется главная причина утонченнаго страданія"... Ну, это другое дѣло. Тогда становится болѣе понятнымъ и финалъ. Но тогда отъ всего романа Вѣры не остается ничего, кромѣ жалкой исторіи двухъ вялыхъ и слѣпыхъ душъ, повѣданной міру съ неподобающимъ шумомъ и звономъ.

Не лишена, быть можетъ, интереса маленькая подробность. Въ качествѣ самаго сильнаго аргумента Вѣра ставитъ своему жениху вопросъ: „Женился ли бы ты на падшей женщинѣ?"— и этимъ вопросомъ поражаетъ его окончательно: вмѣсто отвѣта онъ только взглянулъ „со страхомъ и ужасомъ и тихо покачалъ головою". Русскаго читателя этотъ вопросъ не поразитъ такъ сильно, если онъ вспомнитъ хотя бы некрасовское „Когда изъ мрака заблужденья" или гаршинское „Происшествіе", или „Преступленіе и наказаніе" Достоевскаго, гдѣ тотъ-же вопросъ получилъ рѣшеніе неизмѣримо человѣчнѣе и справедливѣе того, которое можно найти въ „книгѣ сезона"...

И. А. Шляпкинъ, проф. Имп. Спб. Университета. **Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина.** Спб. 1903.

Матерьялы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ **Л. Н. Майковъ.** Спб. 1902.

Не смотря на 100 лѣтъ, протекшія со дня рожденія нашего великаго поэта, мы не имѣемъ еще настоящаго научнаго изданія его сочиненій. Лучшее изъ изданій Пушкина—литературнаго фонда подъ редакціей г. Морозова—при большихъ достоинствахъ своихъ не свободно и отъ серьезныхъ недостатковъ, главнымъ среди которыхъ является бѣдность того, что въ изданіяхъ писателей называется обыкновенно „критическимъ аппаратомъ", т. е. примѣчаній, которыя позволяли бы судить о степени надежности и исправности какъ текста, такъ и хронологіи произведенія. Такое состояніе изданія связываетъ изслѣдователя, не давая ему возможности разобраться иногда въ очень важныхъ для пониманія Пушкина вопросахъ. Для примѣра возьмемъ стихотвореніе „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ", которое печатается съ заголовкомъ „Къ Н***" и считается на основаніи одного мѣста въ „Перепискѣ съ друзьями" Гоголя обращеннымъ къ императору Николаю. Допустимъ, что изслѣдователь усомнился, дѣйствительно ли это стихотвореніе обращено къ императору, усомнился, какъ въ виду самого характера стихотворенія, такъ и въ виду ненадежности источника (Гоголь, какъ извѣстно, былъ

человѣкъ склонный къ мистификаціи). Изслѣдователь желаетъ провѣрить, кому принадлежитъ заглавіе „Къ Н*$_*$*“, Пушкину или редактору изданія. Морозовское изданіе не только не дастъ ему на это отвѣта, но даже не укажетъ, гдѣ находится рукопись стихотворенія, которая хранится въ Румянцевскомъ музеѣ. Такимъ образомъ, изданіе литературнаго фонда при всѣхъ его достоинствахъ не можетъ быть признано критическимъ изданіемъ, какого давно пора уже дождаться родоначальнику нашей изящной литературы. Разсматриваемые труды пр. Шляпкина и покойнаго Л. Н. Майкова представляютъ собой подготовительныя работы къ такому критическому изданію. Пр. Шляпкину посчастливилось получить отъ племянника П. В. Анненкова хранившіяся въ семьѣ Анненковыхъ бумаги Пушкина. Бумаги эти состоятъ изъ автографовъ Пушкина (черновыхъ набросковъ, стихотвореній и писемъ), копіи съ стихотвореній Пушкина и писемъ къ Пушкину разныхъ лицъ. Автографы Пушкина заключаютъ въ себѣ какъ варьянты уже извѣстныхъ стихотвореній, такъ и отрывки и даже цѣлыя стихотворенія, до сихъ поръ не бывшія въ печати. Сами по себѣ эти стихотворенія не представляютъ ничего замѣчательнаго, но очень цѣнны какъ матерьялъ для исторіи творчества Пушкина. Таковы стихотворенія „Женитьба“, „Полонофилу“ и нѣкоторыя другія. „Женитьба“ интересна какъ показатель того, какъ иногда стихъ плохо давался Пушкину (мнѣніе о томъ, что стихъ Пушкина *всегда* безупреченъ, уже достаточно, впрочемъ, поколеблено изслѣдованіемъ академика Корша). Это стихотвореніе, не лишенное пушкинской живости, ясно показываетъ, что стихъ иногда измѣнялъ поэту, и онъ могъ только путемъ труда заставить его быть покорнымъ. Мы приведемъ это крайне любопытное стихотвореніе.

«Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—
Стара—на Салиной—проста—
На Кальской—смѣхъ у ней дурацкой—
На Шиповой—бѣдна и толста—
На Минской—с. ишкомъ томно дышитъ—
На Торбиной—романсы пишетъ—
На Машѣ Ланской—что за тонъ,—
Ужимокъ, гримасъ милліонъ,
На Сицкой—что за семейство,
У нихъ орѣхи подаютъ.
Они въ театрѣ щи пьютъ,
Мать, отецъ дуракъ—
Ну такъ Ленской—какъ не такъ—
Приму въ родню себѣ лакейство».

Стихотвореніе „Полонофилу“ показываетъ устойчивость у Пушкина 30-хъ годовъ настроеній, болѣе полно вылившихся въ извѣстномъ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“. Это стихотвореніе обращено къ какому-то русскому полонофилу (весьма

сомнительно, чтобы къ Сеньковскому, какъ думаетъ г. Шляпкинъ) и упрекаетъ этого полонофила за то, что онъ

просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
И нѣжно чуждые народы возлюбилъ
И мудро свой возненавидѣлъ.

Изъ другихъ стихотворныхъ отрывковъ любопытенъ по настроенію отрывокъ, относящійся, повидимому, къ 1824-му году:

Хотѣлъ я душу освѣжить,
Бывалой жизнію пожить
Въ забвеньи сладкомъ близь друзей
Минувшей юности моей и т. д. (стр. 70).

Это стихотвореніе одно изъ многихъ доказательствъ, съ какой борьбой совершалось превращеніе Пушкина александровской эпохи въ Пушкина николаевской. Слѣдовъ этой борьбы не мало и въ письмахъ Пушкина, черновики которыхъ изданы г. Шляпкинымъ. Но вернемся къ поэтическимъ наброскамъ Пушкина. Полны горечи опущенныя въ прежнихъ изданіяхъ заключительные строки стихотворенія „Полководецъ“:

«А ты, непризнанный, забытый
»Виновникъ торжества, почилъ,—и въ смертный часъ
«Съ презрѣньемъ можетъ быть воспоминалъ о насъ».

Новой является въ изданіи г. Шляпкина „Драматическая сцена“, разрабатывающая положеніе близкое къ тому, какое находимъ въ „Арапѣ Петра Великаго“ (отношенія Ибрагима къ графинѣ).—Сцену эту г. Шляпкинъ совершенно напрасно связываетъ съ „Сценами изъ рыцарскихъ временъ“. Эпоха отрывка, повидимому—XVII-ый, XVIII-ый вѣкъ. Изъ поэтическихъ отрывковъ отмѣтимъ еще только неизвѣстные до сихъ поръ отрывки перевода шекспировской—„Мѣра за мѣру“. Очень интересны черновики писемъ Пушкина къ Бенкендорфу, отчасти неизвѣстныхъ, отчасти извѣстныхъ только по пересказамъ. Эти письма рисуютъ, какъ запутался Пушкинъ въ своихъ ложныхъ отношеніяхъ ко двору, и какой трагедіей было положеніе, созданное этими отношеніями и женитьбой. Не менѣе интересны письма къ Пушкину. Вотъ письма Вигеля, который послѣ своего доноса на Чаадаева говоритъ съ Пушкинымъ, какъ съ единомышленникомъ; вотъ письмо чудака графомана гр. Хвостова, выражающаго Пушкину сочувствіе за стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“... Интересны письма родныхъ (брата Льва, Павлищева). Все это въ общемъ даетъ очень грустную картину той тяжелой обстановки, въ которой долженъ былъ погибнуть Пушкинъ. Мы далеко не исчерпали матерьялъ, чрезвычайно тщательно изданный пр. Шляпкинымъ, но и сказаннаго довольно, чтобы признать эту работу цѣннымъ вкладомъ въ пушкинскую литературу. Наиболѣе слабой стороной труда г. Шляп-

кина являются его попытки толкованія. Какъ комментаторъ, онъ гораздо слабѣе, чѣмъ какъ издатель.

Матерьялы Л. Н. Майкова вызываютъ нѣкоторое недоумѣніе. Это матерьялы, которые были подготовлены покойнымъ Майковымъ для академическаго изданія Пушкина и, конечно, войдутъ въ него. Зачѣмъ было издавать ихъ отдѣльно? Тѣмъ болѣе, что работа носитъ явные слѣды незаконченности, и самъ Майковъ, конечно, ее въ такомъ видѣ не выпустилъ-бы въ свѣтъ? За тщательность изданія матерьяловъ ручается имя выполнившаго по порученію академіи это изданіе В. И. Саитова, сотрудника Майкова по работѣ надъ Пушкинымъ и ранѣе надъ прекраснымъ изданіемъ Батюшкова, но все же издавать уже извѣстные тексты съ далеко неполными примѣчаніями, которыя къ тому же скоро должны войти въ академическое изданіе Пушкина, врядъ-ли нужно. Изъ фактовъ, даваемыхъ примѣчаніями, отмѣтимъ новую датировку извѣстнаго стихотворенія „Аріонъ", которое Л. Н. Майковъ относитъ къ 1827 году (раньше относили къ 1830 г.). Такимъ образомъ, этотъ одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ настроеній александровской эпохи нужно отодвинуть на три года назадъ. Тексты Майкова возстановляютъ кой гдѣ пропуски прежнихъ изданій: такъ, конецъ стихотворенія къ Чаадаеву напечатанъ полностью:

Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

В. Ѳ. Трохимовичъ. Письма о приличіи и стыдливости. Спб. 1902.

Афоризмы. Спб. 1902.

Мы позволимъ себѣ занять опредѣленное положеніе по отношенію къ мыслямъ, нашедшимъ выраженіе въ трудахъ, лежащихъ предъ нами, хотя самъ авторъ считаетъ это преждевременнымъ. „Я писалъ только для истины,—говоритъ онъ,—то есть въ силу внутренней необходимости мыслить (уяснять „для себя" что либо), отчего и думаю, что нѣкоторыя, высказываемыя мною, положенія подлежатъ обсужденію скорѣе со стороны школъ философскихъ, чѣмъ единичныхъ критиковъ. Справедливость необходима: десятилѣтіямъ размышленія должны отвѣчать десятилѣтія обсужденія". Итакъ, относясь съ должной осторожностью къ продуктамъ десятилѣтняго обсужденія, мы воздержимся отъ критики, предоставивъ ее философскимъ школамъ, и отмѣтимъ нѣкоторые изъ выводовъ автора,—быть можетъ, и не самые существенные, ибо выборъ предполагаетъ обсужденіе. Заинтересованный читатель, быть можетъ, обратится къ подлиннику; наша цѣль—дать о немъ хоть нѣкоторое представленіе.

Авторъ рекомендуетъ начать съ афоризмовъ, приложенныхъ къ „Письмамъ“. Пойдемъ за нимъ. Онъ говоритъ: „Гусь бѣжитъ къ зерну; орелъ стремится къ солнцу; а человѣкъ... ищетъ успокоенія своему тревожно бьющемуся сердцу“. Это несомнѣнно, и если вспомнить, что это изреченіе потребовало десятилѣтій размышленія, то остается преклониться предъ мыслью, столь самоотверженно пытливой и богатой. Не удивительно, что подчасъ чувствовалась усталость, и авторъ—въ видѣ особаго афоризма—заявлялъ: „Человѣкъ бываетъ сонный отъ думы“. Конечно, разные бываютъ люди, и разныя думы; но возможны, разумѣется, и снотворныя думы. Едва ли вызоветъ споры также такой афоризмъ: „И на русскомъ языкѣ можно высказывать великія мысли“. Можно только замѣтить, что въ болѣе общей формѣ эта мысль была уже высказана по-русски въ безсмертномъ афоризмѣ философа изъ пробирной палатки: „И терпентинъ на что нибудь годится“. Но есть замѣчанія, которыя вызываютъ если не критику, то почтительные вопросы. Такъ напримѣръ: „Кромѣ нашей солнечной системы мы въ состояніи уже мыслить другую, еще болѣе вѣчную, еще болѣе необъятную, надзвѣздную систему, которая носитъ обликъ русской Націи“; или: „Величайшее преступленіе есть то, о которомъ мы еще не вѣдаемъ“; или: „Всякій силлогизмъ есть уже семья, состоящая, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ членовъ?“ Что это значитъ и значитъ ли что нибудь? Боимся, что авторъ ошибся въ своей публикѣ: именно философскія школы его не поймутъ; поймутъ и, быть можетъ, съ жадностью примутъ его „ученія“ тѣ уединенные и родственные ему умы, которые съ удовольствіемъ вложатъ свое сумбурное содержаніе въ его загадочныя картинки. Философскія школы давно идутъ большой дорогой и не ищутъ истины въ дырахъ диллетантскаго умствованія; онѣ предъявляютъ нѣсколько элементарныхъ требованій: прежде всего знанія того, о чемъ пишешь. Представимъ себѣ философа, который раскрывъ „Афоризмы“ г. Трохимовича на первой страницѣ, наткнется на такое разсужденіе: перечисливъ рядъ случаевъ переноснаго значенія (высота и „высота“—либо духа, либо горы; законъ и „законъ“—либо акцизный, либо сердечный и т. д.), авторъ глубокомысленно задаетъ себѣ вопросъ: „Что это такое? Почему въ нашихъ языкахъ слова носятъ двоякое значеніе? Откуда является надобность въ томъ странномъ обстоятельствѣ, что наряду съ словами непереносными, т. е. *неподвижными*, существуютъ слова портативныя, которыя можно переносить, т. е. слова *переносныя*. Куда и зачѣмъ мы ихъ переносимъ? *До сихъ поръ на этотъ вопросъ не могло быть отвѣта*, ибо не было никѣмъ еще опредѣлено слово *феноменъ*“. Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не могло быть отвѣта по другой причинѣ—по той же, по которой, говорятъ, нѣкогда лондонская академія никакъ не могла отвѣтить на

предложенный ей вопросъ: почему акваріумъ съ рыбками вѣситъ столько же, сколько и безъ рыбокъ. Долго бились ученые мужи, предлагая разнообразныя объясненія, пока одинъ изъ нихъ не предложилъ взвѣсить акваріумъ безъ рыбокъ; оказалось, разумѣется, что акваріумъ вѣситъ меньше. То же самое съ неподвижными словами г. Трохимовича: ихъ нѣтъ совсѣмъ, и любая книжка по общему языкознанію научитъ его, что въ нашемъ языкѣ всѣ слова—переносныя; ихъ „собственное" значеніе—одинъ моментъ въ исторіи ихъ значенія. Здѣсь онъ прочтетъ, напримѣръ, что по французски bureau обозначало нѣкогда грубую шерстяную матерію; мы не знаемъ, что оно означало раньше, но затѣмъ оно обозначало кусокъ этой матеріи, которымъ покрываютъ столъ, затѣмъ письменный столъ, покрытый этимъ сукномъ, затѣмъ комнату, гдѣ работаютъ за такими столами, затѣмъ чиновниковъ, работающихъ въ такомъ „бюро", затѣмъ коллегію избранныхъ членовъ, руководящихъ учрежденіемъ (бюро академіи)—и такъ далѣе безъ конца. Или это нарочито „портативное"· слово? А какое же не портативно?

Очень боимся, что философскія школы не займутся философіей г. Трохимовича. А въ сущности жаль: интересно бы видѣть философа, который нашелъ бы смыслъ въ такой, напримѣръ, истинѣ: „Физіономія есть нѣчто среднее между лицомъ и мордой". Это будетъ потруднѣй философскаго камня.

М. Г. Моргулисъ. Вопросы еврейской жизни. 2 изданіе. Спб. 1903 г.

Бернаръ Лазаръ. Соціальныя задачи юдаизма и еврейскій вопросъ. Пер. подъ ред. Я. Л. Сакера. Одесса. 1902 г.

Въ опубликованномъ на дняхъ отрывкѣ, найденномъ въ бумагахъ покойнаго историка литовскихъ евреевъ С. А. Бершадскаго,—полагаютъ, что это набросокъ вступительной къ защитѣ диссертаціи рѣчи—онъ разсказываетъ о себѣ слѣдующее:

„Я родился и получилъ образованіе на югѣ. Здѣсь, на каждомъ шагу, ежечасно, ежеминутно встрѣчаешься съ еврейскимъ вопросомъ. Для юга вопросъ этотъ—старинный вопросъ, нераздѣльно связанный съ воспоминаніями объ угнетеніяхъ и рабствѣ. Народныя украинскія пѣсни сохранили живыя воспоминанія о рѣшеніяхъ этого вопроса кровью и огнемъ. До сихъ поръ рыбаки, вытягивая неводъ, косари, возвращаясь съ поля, слѣпой бандуристъ на ярмаркѣ или рынкѣ напѣваютъ, какъ во времена Хмѣльницкаго или Гонты: не будетъ лучше, не будетъ краше, какъ у насъ на Украйнѣ, нѣтъ жида, нѣтъ ляха, нѣтъ уніи.

„Современныя отношенія не соотвѣтствуютъ болѣе пѣснѣ, но память народная выражаетъ свои взгляды въ старинной, прадѣдовской формѣ. Такого рода пѣсни, разсказы, преданія и т. д.

окружали мое дѣтство и отрочество, время безсознательной и полусознательной жизни.

„Мнѣ кажется трудно было бы отыскать болѣе ревностнаго и болѣе убѣжденнаго юдофоба, какимъ былъ я...“

Съ этими воззрѣніями приступилъ Бершадскій къ изученію еврейской жизни. „Погодите—я васъ изобличу“, — грозилъ онъ товарищамъ-евреямъ. Извѣстно, чѣмъ онъ кончилъ. Изъ самоотверженныхъ трудовъ по изученію исторіи евреевъ онъ вынесъ прямой и вѣрный взглядъ на ихъ настоящее и изъ ихъ обличителя сталъ ихъ заступникомъ. Эта судьба типична и поучительна: она говоритъ намъ тоже, что говорилъ Салтыковъ въ заключеніе своего замѣчательнаго „Іюльскаго вѣянія“, посвященнаго положенію евреевъ: „Знать—вотъ что нужно прежде всего, а знаніе несомнѣнно приведетъ за собой и чувство человѣчности“.

Въ русской литературѣ о евреяхъ едва ли найдется произведеніе, которое могло бы въ большей степени способствовать такому очеловѣчивающему знанію, чѣмъ сборникъ статей г. Моргулиса, выходящій уже вторымъ изданіемъ. Это дѣловыя статьи безъ восклицаній, безъ просьбъ, безъ лирики, но факты, наполняющіе ихъ, говорятъ за себя. Ни одна изъ нихъ не была помѣщена въ общемъ журналѣ, „въ защиту“ евреевъ: онѣ печатались въ русско-еврейскихъ изданіяхъ, обращались къ евреямъ и опирались по преимуществу на ихъ самодѣятельность. Конечно, подъ градомъ обвиненій, не только нелѣпыхъ, но иногда—въ виду источника, изъ котораго они исходили—и обидныхъ, нельзя было подчасъ удержаться отъ полемики, но не въ ней центръ тяжести статей. Онѣ заняты по преимуществу внутренними вопросами еврейской жизни, если, впрочемъ, въ этой жизни, регламентированной извнѣ по преимуществу произволомъ, есть вопросы, которые можно считать внутренними. Очерки изъ исторіи образованія русскихъ евреевъ и проектъ его надлежащей постановки, вопросъ о прошломъ и настоящемъ еврейскаго общиннаго самоуправленія во всѣхъ его формахъ, отъ былого кагала до нынѣшней безурядицы, характеристики отдѣльныхъ дѣятелей еврейскаго дѣла, и, наконецъ, попытки отвѣтить не палліативными частностями, но общимъ рѣшеніемъ на вопросъ объ историческихъ судьбахъ еврейства,—таково содержаніе этихъ статей. Одна изъ нихъ должна привлечь особенное любопытство русскаго читателя—и, быть можетъ, внушить ему нѣкоторыя ободряющія мысли. Онъ узнаетъ изъ нея, что всего четверть вѣка назадъ въ наиболѣе прогрессивномъ русскомъ журналѣ возможны были такія строки: „Общій отвѣтъ, который можетъ дать русская журналистика на упреки евреевъ за равнодушіе къ ихъ судьбѣ, столько же простъ, сколько резоненъ: многомилліонное русское крестьянство имѣетъ несравненно больше правъ на ея вниманіе, нежели всѣ евреи земного шара вмѣстѣ взятые“. Этотъ простой и резонный отвѣтъ,

который объясняетъ и—стало быть, констатируетъ—законность равнодушія къ положенію евреевъ, невозможенъ въ наши дни въ устахъ тѣхъ, кто и по истеченіи этой четверти вѣка остался на гребнѣ передовой волны русской общественности. Это объясняется не одной причиной, но видное мѣсто среди такихъ причинъ занимаетъ всетаки знаніе. Тѣмъ, кто видитъ только нынѣшнее невѣжество публицистики въ еврейскихъ дѣлахъ, это, быть можетъ, покажется страннымъ, но это лишь потому, что они не знакомы съ той бездной невѣжества, которой блистало недавнее прошлое; теперь во всякомъ случаѣ лишь злоба назоветъ еврейскій пролетаріатъ буржуазіей.

Признанія Бершадскаго должны напомнить намъ еще объ одной сторонѣ этого вопроса: близость не обезпечиваетъ здѣсь настоящаго знанія; онъ выросъ тамъ, гдѣ „ежеминутно встрѣчаешься съ еврейскимъ вопросомъ"—и заблуждался въ его основахъ. Съ такимъ же заблужденіемъ мы встрѣчаемся въ другомъ, неизмѣримо болѣе глубокомъ и по крови близкомъ евреямъ мыслителѣ—въ Марксѣ. Та же статья г. Моргулиса излагаетъ его извѣстную полемику съ Бруно Бауэромъ объ эмансипаціи евреевъ. Бауэръ занялъ довольно удобную позицію. „Во имя чего, спрашивалъ онъ,—евреи требуютъ эмансипаціи? Во имя религіи? Но религія евреевъ—смертельный врагъ государственной религіи. Во имя гражданства? Но въ Германіи нѣтъ гражданъ. Во имя человѣчности? Но евреи не люди, точно такъ же, какъ и тѣ, къ которымъ они аппелируютъ". Поэтому Бауэръ приходилъ къ заключенію, что „прежде, чѣмъ эманципировать другихъ, христіане должны эманципировать самихъ себя"; тотъ, кто эманципируетъ другихъ, и тотъ, кто добивается политической эманципаціи, должны предварительно оба эманципироваться отъ религіи. Къ этому Бауэръ считалъ евреевъ радикально неспособными.

Мы не остановимся на возраженіяхъ Маркса противъ „Еврейскаго вопроса" Бауэра; болѣе любопытнымъ намъ кажется его отвѣтъ на рѣшающее соображеніе Бауэра; любопытнымъ намъ представляется особенно его взглядъ на послѣднее и рѣшающее соображеніе Бауэра, на способность евреевъ къ эманципаціи. По мнѣнію Маркса, христіане заражены тѣмъ, что онъ называетъ іудействомъ: меркантилизмомъ, деньгами, торгашескимъ эгоизмомъ. Въ еврействѣ этотъ антиобщественный элементъ достигъ наибольшаго напряженія; устранить его изъ современнаго общества значитъ уравнять евреевъ въ правахъ и положеніи съ остальными элементами общества. „Эманципація евреевъ есть эманципація человѣчества отъ іудейства".

Въ послѣдніе годы этотъ знаменитый афоризмъ получилъ дѣльное возраженіе со стороны извѣстнаго французскаго публициста, еврея Бернара Лазара. Онъ думаетъ, что духъ торгашества дѣйствительно владѣетъ современнымъ строемъ, но связывать его

какимъ бы то ни было образомъ съ еврействомъ и называть его іудейскимъ по преимуществу—нѣтъ никакого основанія. На самомъ дѣлѣ меркантильной сдѣлалась только еврейская буржуазія, а не евреи—и къ ней, а не къ евреямъ относятся тѣ историческія объясненія, которыя мы находимъ у историковъ-апологетовъ; народъ, какъ цѣлое, въ этихъ оправданіяхъ не нуждается, потому что за мнимыя или настоящія вины тѣхъ показныхъ нотаблей, которыхъ и въ исторіи, и въ практической жизни принято дѣлать его представителями безъ его согласія, онъ не отвѣтственъ. Но въ какой степени заблуждался Марксъ и повторяющіе его выводы, показываетъ съ достаточной очевидностью Бернаръ Лазаръ, демонстрируя рядъ фактовъ изъ законодательной литературы евреевъ: ни въ Библіи, ни въ Талмудѣ, ни у философовъ и экономистовъ, данныхъ міру еврействомъ, мы не находимъ доктринъ соціальной системы, основанной на меркантилизмѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ евреи вошли въ европейскую жизнь, среди нихъ были купцы, были ученые, были ремесленники, были бѣдняки—много бѣдняковъ; и чтобы судить о еврействѣ, надо взять за исходную точку послѣднихъ; надо изучать евреевъ „по ихъ пролетаріату, который представляетъ ихъ истинную силу и является вполнѣ характеристичнымъ для націи".

Пановъ, А. В. Домашнія библіотеки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Нижній-Новгородъ. 1903.

Одной изъ характернѣйшихъ чертъ современнаго развитія русскаго общества является стремленіе къ самообразованію. Журналы, посвященные этому предмету, въ первый же годъ изданія собираютъ массу подписчиковъ (раммовское „Самообразованіе", напр., судя по газетамъ, имѣло 50,000 подписчиковъ въ прошломъ году). Книги, трактующія о самообразованіи, требуютъ чуть не каждый годъ новыхъ изданій (московскія „Программы домашняго чтенія", „Письма къ учащейся молодежи" проф. Карѣева и др.), или быстро выходятъ изъ продажи и становятся библіографическими рѣдкостями („Книга о книгахъ" подъ ред. проф. И. И. Янжула, изд. 1892 г.). Сообразно такому „самообразовательному" теченію нашей жизни, составленная г. Пановымъ книга „Домашнія библіотеки" является, такъ сказать, вполнѣ сезонной. Книга эта распадается на два отдѣла: указатель книгъ для народа и указатель книгъ для интеллигенціи. „Многіе, быть можетъ,—говоритъ авторъ, — найдутъ нашъ „опытъ" невполнѣ удачнымъ: но что же дѣлать—feci, quod potui sed meliora potentes *)". Да, конечно, найдутъ... Ужъ безъ этого нельзя въ такомъ дѣлѣ, какъ составленіе указателей, словарей и т. п. Lexi-

---

*) Да не посѣтуетъ на насъ авторъ, но эта фраза очень напомнила намъ: aut mortuis nihil bene чеховскаго «Оратора».

cographis secundus post Herculem labor, скажемъ мы тоже латинскою фразой. И „Книга о книгахъ“, и московскія „Программы домашняго чтенія“,—труды, въ составленіи которыхъ принимало участіе не мало научныхъ силъ,—вызывали въ свое время не одно, не лишенное справедливости, замѣчаніе придирчивой критики. „Мы и сами хорошо понимаемъ, продолжаетъ далѣе г. Пановъ, что выполнить удовлетворительно поставленную нами задачу *одному* лицу не подъ силу: это можно сдѣлать лишь коллективными усиліями множества людей и при затратѣ массы времени“. Дѣйствительно, всѣ бывшіе до сихъ поръ указатели представляли собой сборную работу. И уже одно то, что составленные г. Пановымъ указатели исполнены имъ единолично, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Составленіе систематическаго каталога книгъ для народнаго чтенія, если не считать не оконченной пока работы г. Лебедева („Дѣтская и народная литература“), является тоже, насколько намъ извѣстно, чуть не первой новинкой въ этомъ дѣлѣ. Все это даетъ полное основаніе отнестись вполнѣ сочувственно къ работѣ г. Панова и пожелать, что бы она оправдала возлагаемыя на нее авторомъ ожиданія. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ общемъ характерѣ этой книги, оговорившись заранѣе, что не беремъ на себя задачи подробнаго ея разсмотрѣнія. Такого рода задача, по нашему мнѣнію, для одного лица представляется не менѣе трудной, чѣмъ самое составленіе указателя.

Въ предисловіи, перечисляя своихъ предшественниковъ, авторъ называетъ извѣстные въ свое время челябинскій и одесскій каталоги, „Книгу о книгахъ“ и „Программы домашняго чтенія“, изданныя московской коммиссіей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Для полноты слѣдовало бы еще упомянуть „Программы чтенія для самообразованія“, изданныя отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Эти программы заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ московскія, и тоже выдержали подобно имъ не одно изданіе. Челябинскій и одесскій каталоги, по мнѣнію г. Панова, „большой пользы почти никому не принесли“, главнымъ образомъ потому, что содержали очень много указаній на трудно доступныя статьи въ журналахъ. Позволимъ себѣ не согласиться въ этомъ съ г. Пановымъ. Мы хорошо помнимъ то время (начало и средину восьмидесятыхъ годовъ), когда выборъ чтенія по названнымъ каталогамъ составлялъ своего рода conditio sine qua non для массы молодежи, стремившейся къ самообразованію. Каталоги эти— и въ то время бывшіе рѣдкостями въ виду большого спроса— усердно переписывались. Журнальныя статьи (больше всего изъ „Отечественныхъ Записокъ“) тщательно собирались, подчасъ даже варварски выдирались изъ библіотечныхъ экземпляровъ...

„Есть въ челябинскомъ каталогѣ“—эти слова для статьи или книги значили въ то время не меньше, чѣмъ для учебника одобреніе ученаго комитета.

Вопросъ *о пользѣ* этихъ каталоговъ для цѣлей самообразованія, конечно, вопросъ относительный: оба каталога (челябинскій въ особенности) имѣли направленіе весьма одностороннее. Тѣмъ не менѣе *значеніе* ихъ въ исторіи развитія русской интеллигенціи было весьма замѣтное и, пожалуй, даже болѣе значительное, чѣмъ всѣхъ указателей, появившихся послѣ. „Книгѣ о книгахъ“ г. Пановъ ставитъ въ вину, между прочимъ, и то, что въ ней указано много рѣдкихъ и трудно доступныхъ изданій. Но этого трудно избѣжать. Г. Панову и самому приходится помѣщать въ своемъ указателѣ распроданныя, стало быть, и рѣдкія изданія. Составителямъ указателей нельзя руководствоваться наличнымъ состояніемъ книжнаго рынка. Г-нъ Сытинъ печатаетъ „посредническія“ изданія въ 24—30 тысячахъ экземпляровъ, и, не смотря на это, у него въ одно время нельзя, напр., набрать полнаго комплекта маленькихъ разсказовъ Л. Н. Толстого: „вышли изъ продажи“.

Указатель книгъ для интеллигентныхъ читателей начинается съ отдѣла беллетристики. Изъ маленькаго предисловія читатель узнаетъ, что особеннымъ успѣхомъ въ этомъ отдѣлѣ пользуется М. Горькій. Далѣе читаемъ: „изъ книжекъ другихъ писателей-беллетристовъ наибольшимъ спросомъ пользуются...“ (слѣдуетъ перечисленіе). Въ предисловіи ко второму отдѣлу—„слѣдующій за беллетристикой отдѣлъ, изъ котораго чаще всего спрашиваются интеллигентной публикой книги,—это отдѣлъ историческій“. Дальше опять—„изъ этого отдѣла (исторія литературы) мы можемъ указать немного книгъ, которыя чаще всего спрашиваются читающей публикой“. Въ отдѣлѣ политической экономіи—„отмѣтимъ наиболѣе ходовыя“. По естествознанію—„болѣе развитые покупаютъ слѣдующія книги“. По философіи—„интеллигентная читающая публика чаще всего спрашиваетъ слѣдующія книги“. Строго говоря, такія „указанія“—это отвѣты книгопродавца на вопросъ покупателя: „а какую бы мнѣ книгу по этой вотъ части купить?“ Мы не хотимъ, однако, сказать, чтобы такой элементъ, какъ „спросъ“ книги, не принимался во вниманіе при рекомендаціи ея въ качествѣ книги самообразовательной. Но мы думаемъ, что этотъ элементъ не долженъ быть первенствующимъ. Громадное большинство рекомендуемыхъ въ указателѣ книгъ принадлежитъ къ числу новыхъ, иногда даже очень новыхъ, только что появившихся въ продажѣ (таковы, напр., П. Н. Милюкова „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, сборники: „Мелкая земская единица“, „Проблемы идеализма“, „Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность“ изд. Посредника и др.). Присматриваясь болѣе внимательно, не трудно замѣтить,

что г. Пановъ и изъ „ходовыхъ“ книгъ дѣлалъ выборъ и не всѣ ихъ помѣщалъ въ своемъ указателѣ, такъ какъ не всякая, конечно, „ходовая“ книга можетъ имѣть значеніе для самообразованія. (Такъ, между прочимъ, онъ не включилъ такую „ходовую“ книгу, какъ „Записки врача“ г. Вересаева.) Въ общемъ надо признать, что автору „Домашнихъ библіотекъ“ удалось, повидимому, довольно полно и толково сдѣлать надлежащій выборъ хорошихъ книгъ изъ числа тѣхъ, которыя пользуются въ настоящее время наибольшимъ спросомъ. Но такъ какъ настоящія условія книжнаго рынка не въ состояніи вполнѣ удовлетворить запросамъ самообразованія, то по нѣкоторымъ отдѣламъ автору пришлось указать и такія изданія, которыя изъ продажи теперь вышли („Исторія коммунизма“ Сюдра, „Рабочее движеніе на западѣ“ Прокоповича, „Дѣятели 1848 года“ Вермореля, „Эмма“ Швейцера и др.). Такихъ книгъ указано, однако, немного, и намъ думается, что авторъ напрасно такъ поскупился. Съ большой пользой для дѣла указатель могъ бы быть увеличенъ, безъ всякихъ соображеній о томъ, насколько легко или трудно достать извѣстную книгу.

Переходя теперь къ указателю книгъ для народнаго чтенія, мы должны прежде всего сказать, что составить такой указатель неизмѣримо труднѣй, чѣмъ подобрать книги для читателя интеллигентнаго. Спросомъ здѣсь можно только *не* руководствоваться. Всѣ лубочныя изданія Никольскаго рынка пользуются весьма большимъ спросомъ,—и ни одного изъ нихъ нельзя рекомендовать въ качествѣ „книги для самообразованія“. Что ищетъ въ книгѣ народъ, и какая ему нужна книга, и есть ли такая книга— все это вопросы пока темные. Нѣкоторый отвѣтъ на это даютъ намъ извѣстный трудъ „Что читать народу?“ и статья г. С. А. Ан—скаго „Народъ и книга“, напечатанная въ прошломъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“. Послѣдняя осталась, повидимому, неизвѣстной г. Панову, когда онъ составлялъ свой указатель. Въ противномъ случаѣ, намъ думается, составъ указателя народныхъ книгъ былъ бы иной. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого указателя, отмѣтимъ только, что изъ Пушкина здѣсь приведены „Дубровскій“ и „Братья-разбойники“, изъ Толстого „Севастопольскіе разсказы“, „Суратская кофейня“, „Два старика“, „Гдѣ любовь тамъ и Богъ“ и „Воскресенье“. Не слишкомъ ли это скудно? Неужели у двухъ великихъ писателей только и нашлось пригоднаго для народнаго чтенія? Страннымъ, между прочимъ, показалось намъ и то, что въ числѣ книгъ, „рисующихъ темныя и свѣтлыя стороны крестьянской жизни“, отсутствуютъ разсказы В. И. Савихина („Дѣдъ Софронъ“, „Кривая доля“, „Аника-воинъ“ и др.). Указывая книги по міровѣдѣнію, географіи, зоологіи, астрономіи и пр., г. Пановъ совершенно обходитъ книги по прикладнымъ знаніямъ и, въ частности, по сельскому хозяй-

ству. Прикладное знаніе, конечно, уже выходитъ изъ рамокъ самообразованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе въ условіяхъ нашей народной жизни пополненіе „домашней библіотеки“ крестьянина, хотя бы сельско-хозяйственными сочиненіями, было бы умѣстно.

Въ заключеніе можно сказать, что разбираемая нами книга, при всѣхъ неизбѣжныхъ въ этомъ дѣлѣ недочетахъ, является несомнѣнно полезнымъ и нужнымъ для многихъ руководствомъ, и надо надѣяться, что въ слѣдующихъ изданіяхъ, которыя не замедлятъ, вѣроятно, появиться, г. Пановъ улучшитъ содержаніе своего указателя и постарается, кстати, очистить книгу отъ довольно таки обильныхъ опечатокъ.

Проф. Ѳ. В. Благовидовъ. Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Казанской Духовной Академіи. Казань, 1902 г.

Проф. Казанской Духовной Академіи Ѳ. В. Благовидовъ вспоминаетъ по поводу высочайшаго рескрипта отъ 10-го іюня 1902 г. исторію реорганизаціи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ царствованія императоровъ Александра и Николая 1-ыхъ. Пользуясь богатымъ печатнымъ матерьяломъ и разнообразными архивными данными, онъ останавливаетъ свое вниманіе преимущественно на исторіи мѣстнаго, казанскаго университета. Во время дѣйствія либеральнаго устава 1804 г., при министрѣ гр. Завадовскомъ, по выраженію Новосильцева, „шесть дней ничего не дѣлавшимъ и отдыхавшимъ въ седьмой“, казанскій университетъ пользовался въ извѣстной степени правомъ внутренняго самоуправленія, что обезпечивало ему и извѣстную степень свободы ученія и преподаванія. Но уже въ 1818 г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ писалъ: „нахожу нужнымъ замѣтить, что университетъ оказывается во многихъ случаяхъ и по различнымъ дѣламъ неисправнымъ и мало радящимъ объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей“, а въ слѣдующемъ году печальной памяти Магницкій произвелъ свою знаменитую ревизію и представилъ Голицыну обширное донесеніе, въ которомъ предлагалъ, въ виду „вреда“, приносимаго университетомъ, совсѣмъ его уничтожить. Благодаря вмѣшательству попечителя спб. учебнаго округа, Уварова, университетъ былъ спасенъ отъ уничтоженія, но не избѣгъ „блистательной эпохи преобразованія и совершеннаго обновленія“, какъ скромно характеризовалъ Магницкій свои труды по его реорганизаціи. „Совершенное обновленіе“, вызванное тѣмъ, что „высшее учебное сословіе, обязанное разливать свѣтъ Христовъ, само лежало во тьмѣ вѣка“, началось съ того, что были уволены „лучшіе и безвинные професcора“, „благонадежнымъ“ же и „твердымъ“ были даны соотвѣт-

ствующія инструкціи. Такъ, „преподаватель анатоміи и физіологіи преусердно старался доказывать на лекціяхъ премудрость Того, Кто создалъ по своему образу и подобію совершеннѣйшій человѣческій организмъ; профессоръ математики убѣждалъ студентовъ въ подобіи математической единицы, составляющей необходимую основу всѣхъ чиселъ, Единому Владыкѣ, безъ котораго не мыслимо никакое существованіе"; „профессоръ россійской словесности показывалъ въ Библіи величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія", а на лекціяхъ политической экономіи „студенты узнавали, что люди существуютъ не для одного земного благополучія, и что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, имѣетъ только условную цѣнность, являясь лишь средствомъ къ достиженію высшихъ, небесныхъ благъ" (стр. 28, 29). Нужно думать, что даже единственный въ своемъ родѣ Руничъ, бывшій сержантъ гвардіи, а затѣмъ попечитель спб. учебнаго округа, не усмотрѣлъ бы въ лекціяхъ казанскихъ профессоровъ „разрушительныхъ началъ, несообразныхъ съ гражданскимъ порядкомъ".

Выработанный спеціальнымъ комитетомъ для переустройства учебныхъ заведеній уставъ 1835 г. значительно урѣзалъ права университетовъ, дарованныя имъ въ 1804 г. Но вскорѣ и этого показалось мало. Европейскія событія 1848 г. непосредственно отразились на бѣдной русской наукѣ. Въ этомъ году министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ „секретнымъ предписаніемъ о мѣрахъ къ огражденію учебныхъ заведеній отъ пагубныхъ мудрованій преступныхъ нововводителей". Мѣры эти сводились: во-первыхъ—„къ отчетливому преподаванію Закона Божія съ ближайшимъ указаніемъ на прямыя обязанности вѣрноподданныхъ", во-вторыхъ,—„къ недопущенію ничего такого, что бы могло поколебать въ незрѣломъ умѣ юношей спасительную вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ основныхъ учрежденій нашего правительства", и въ третьихъ,—къ „бдительному и строгому наблюденію за нравственностью учащихся" (стр. 49). Кромѣ того, министръ усиленно рекомендовалъ попечителямъ „не упускать изъ виду ни одного обстоятельства, которое бы могло содѣйствовать сохраненію между учащимися добраго духа, покорности властямъ и преданности правительству" (стр. 49). Однако, не смотря на всѣ эти мѣры, „добрый духъ" не прививался къ студентамъ. Такъ, въ 1850 г. императоръ Николай 1-ый усмотрѣлъ „духъ злоумышленія" въ студентахъ харьковскаго университета. Ихъ „наружный видъ и осанка" были таковы, что можно было ожидать „весьма дурныхъ послѣдствій,— подобныхъ тѣмъ, по которымъ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ закрытъ университетъ св. Владиміра" (стр. 53). Въ результатѣ,— попечитель харьковскаго учебнаго округа счелъ своею обязанностью „увольнять изъ университета всѣхъ тѣхъ, отъ которыхъ

начальство не могло ожидать, чтобы они когда-либо получили видъ и осанку, приличную студенту“ (стр. 53). Конечно, „духъ злоумышленія“ выражался не въ одной только осанкѣ. Студенты организовывались въ общества и корпораціи и, по временамъ, выражали свой протестъ, въ болѣе или менѣе открытой формѣ, противъ „мѣръ къ огражденію отъ мудрованій“. Въ 1844 г. тайная полиція узнала о существованіи въ С.-Петербургѣ трехъ такихъ недозволенныхъ сообществъ, и министръ народнаго просвѣщенія въ защиту ихъ писалъ шефу жандармовъ: „къ этому (т. е. къ нелегальнымъ корпораціямъ) по естественному ходу вещей склонны юноши, живущіе вдали отъ семейнаго круга“ (стр. 65). Естественный же ходъ вещей, выражаясь словами Никитенки, заключался въ слѣдующемъ: „Теперь требуютъ,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, — чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе что такое? Офицеры, которые сурово управляются съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ не механически,—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлыя головы, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирахъ“ (ст. 47).

Кончаетъ свое изслѣдованіе проф. Благовидовъ пожеланіемъ, чтобы „открывшаяся на дняхъ коммиссія по пересмотру положенія о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“, сумѣла, наконецъ, поставить наши высшія школы въ условія благопріятныя для ихъ развитія и процвѣтанія.

Левъ Мороховецъ, профессоръ Императорскаго Московскаго университета. **Исторія и соотношеніе медицинскихъ знаній.** Москва. 1903 г.

Давая въ прошломъ году отчетъ о медицинскомъ біографическомъ словарѣ д-ра Лахтина („Р. Б.“ августъ), мы говорили уже, насколько бѣдна русская оригинальная и переводная литература по исторіи медицины. Теперь передъ нами лежитъ оригинальный историко-медицинскій трудъ проф. Мороховца, представляющій собой собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ студентамъ московскаго университета.

Задачу историка медицины нельзя назвать легкой. Исторія медицины совсѣмъ не то, что, напр., исторія литературы, математики, астрономіи и т. д. Начать съ того, что медицина—наука объ искусствѣ врачеванія—не есть обособленная, самостоятельная наука; это не наука, а скорѣй всего рядъ частныхъ выводовъ изъ конечныхъ положеній естественно-историческихъ (и частью соціальныхъ) наукъ. Не имѣя собственнаго теоретическаго фундамента, медицина и въ практическомъ отношеніи представляетъ собой далеко не законченное зданіе. Зданіе это постоянно строится и пе-

рестраивается, и зодчіе никогда не увѣрены, что находятся на правильномъ пути. Трудно писать исторію такого зданія. И еще труднѣй сдѣлать интересной эту исторію для читателя или слушателя. Это прежде всего исторія ошибокъ, и ошибокъ не особенно поучительныхъ. Древніе думали, что въ артеріяхъ у насъ находится воздухъ. Гарвей открылъ кровеобращеніе и ошибочное мнѣніе о присутствіи въ артеріяхъ воздуха исчезло само собой. Открытіе Гарвея и важно, и интересно, но нѣтъ ничего ни интереснаго, ни поучительнаго во всемъ томъ, что измышлялось до него по вопросу о кровеобращеніи.

Проф. Мороховецъ избралъ другой путь для ознакомленія своихъ слушателей съ исторіей медицины. Онъ излагаетъ имъ исторію отдѣльныхъ медицинскихъ знаній. Если медицина вообще представляется далеко еще не законченной, то отдѣльныя ея отрасли несомнѣнно достигли весьма значительныхъ предѣловъ развитія. Въ наукѣ о строеніи человѣческаго тѣла (анатоміи) самому талантливому и самому кропотливому ученому уже трудно открыть что-либо новое. Другія медицинскія науки, какъ теоретическія, такъ и прикладныя, въ отдѣльности имѣютъ больше историческаго матеріала, чѣмъ сама медицина вообще.

Въ началѣ книги авторъ излагаетъ соотношеніе медицинскихъ наукъ и иллюстрируетъ его на хромолитографической таблицѣ въ видѣ родословнаго древа. Изъ почвы „познанія“ на корняхъ физики и химіи поднимается стволъ морфологіи, продолжающійся въ видѣ физіологіи, отпускающей отъ себя вѣтви различныхъ медицинскихъ знаній. Мы бы сказали, что древо медицины не такъ растетъ, а если и такъ растетъ, то не должно такъ расти. Такое дерево, какъ у проф. Мороховца, растетъ только для одного человѣка, т. е. для человѣка въ единственномъ экземплярѣ, только отдѣльнаго человѣка оно имѣетъ въ виду, только его и разсматриваетъ. Въ наше время на медицину уже нельзя такъ смотрѣть. Предметомъ своего попеченія медицина должна брать не отдѣльнаго человѣка, а цѣлое общество. И на этомъ пути медицинѣ предстоятъ болѣе широкія и болѣе плодотворныя задачи, чѣмъ лѣченіе насморка или „припущеніе пьявицъ“. Выращивая свое дерево для отдѣльнаго человѣка, проф. Мороховецъ лишилъ насъ возможности видѣть, что современная медицина дала такія могучія вѣтви, какъ общественная гигіена (а у г. Мороховца на гигіенѣ растетъ и кухня, и нравственное воспитаніе), эпидеміологія, медицинская статистика и географія, земская и фабричная медицина, судебная медицина и пр. И въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Мороховецъ совсѣмъ не касается исторіи развитія этихъ отраслей медицинскаго вѣдѣнія. Наибольшимъ вниманіемъ автора пользуется основная, по его классификаціи, отрасль медицинскихъ знаній—физіологія. Главы, посвященныя исторіи развитія физіологіи, читаются съ интересомъ, и для читателя, незнакомаго съ

медициной, онѣ, пожалуй, даже интереснѣе, чѣмъ для медика. Физіологія, изучающая жизненные процессы, совершающіеся въ тѣлѣ животнаго, постоянно стремится „разгадать загадку жизни“. Къ этой наукѣ мы прежде всего привыкли обращаться съ „вѣчно-тревожнымъ вопросомъ“: o lost mir das Räthsel des Lebens? sagt mir, was bedeutet der Mensch? На пути этого вѣчнаго исканія истины было (да и есть) немало въ высшей степени интересныхъ эпизодовъ. Проф. Мороховецъ повѣствуетъ о нихъ очень увлекательно. Позволимъ себѣ привести здѣсь одинъ изъ такихъ эпизодовъ. Въ 1872 году извѣстный физіологъ Дюбуа-Реймонъ въ своей рѣчи „о границахъ познанія“ объявилъ urbi et orbi, что мы не знаемъ (ignoramus) и никогда не будемъ знать (ignorabimus), „что такое матерія и сила и какимъ образомъ онѣ могутъ мыслить“. Эта фраза: ignoramus et ignorabimus получила въ свое время—да, кажется, и сохраняетъ еще—популярность необыкновенную. Какъ-же! *Самъ* Дюбуа-Реймонъ сказалъ. Для большинства хоромъ повторяющихъ эту фразу и незнакомыхъ съ исторіей физіологіи совсѣмъ неизвѣстно, что Дюбуа-Реймонъ вовсе не былъ звѣздой первой величины и если имѣлъ, какъ говоритъ проф. Мороховецъ, полное право говорить ignoramus, то „при бóльшей скромности къ своимъ заслугамъ и къ своему положенію въ исторіи физіологіи никогда не позволилъ бы себѣ сказать ignorabimus“. Исторія являетъ намъ поразительные примѣры, какъ легко становится возможнымъ то, чтó за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ казалось совершенно невыполнимымъ. Знаменитый физіологъ Іоганнъ Мюллеръ, человѣкъ громадной эрудиціи и глубокомысленный философъ, утверждалъ въ 1844 году, самымъ положительнымъ образомъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи узнать скорость передачи нервнаго возбужденія. Прошло 10 лѣтъ, и Гельмгольцъ, не менѣе знаменитый ученикъ знаменитаго учителя, не только опредѣлилъ эту скорость, но даже отнесъ ее къ числу „черепашьихъ“ *).

Съ точки зрѣнія физіолога, вѣрящаго только фактамъ и весьма скептически относящагося къ умствованіямъ метафизиковъ, проф. Мороховецъ относится къ послѣднимъ не особенно почтительно. Въ частности по отношенію къ Декарту и Канту онъ употребляетъ такія выраженія („величайшая мельница“, „мололъ чепуху“

*) Изъ новѣйшихъ примѣровъ такого рода можно указать на недавнее открытіе Зибентопфа и Зигмонды въ Іенѣ, дающее возможность различать въ микроскопѣ частицы на разстояніи *шести милліонныхъ* миллиметра, тогда какъ до сего времени увеличительная способность микроскопа исчислялась не могущей на основаніи точныхъ законовъ оптики превосходить *одну пяти тысячную* миллиметра. И всего еще за годъ до этого открытія въ декабрѣ 1901 года, проф. С. М. Лукьяновъ, при открытіи XI Съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ, въ своей рѣчи «о предѣлахъ патологическаго изслѣдованія», приводилъ послѣднюю цифру, какъ предѣлъ, его же не прейдеши!

и т. п.), которыя никакъ нельзя назвать умѣстными, въ особенности въ курсѣ, предназначенномъ для студентовъ.

Исторія другихъ медицинскихъ наукъ изложена авторомъ не съ такой полнотой и не съ такой живостью, какъ исторія физіологіи. Такъ, относительно хирургіи недостаточно оттѣнено громадное значеніе открытія Листера, да и вся исторія хирургіи послѣдняго столѣтія такъ коротка, что похожа скорѣе на поминаніе, чѣмъ на исторію. Въ исторіи акушерства сказано всего два слова о Земмельвейсѣ: „показалъ, что послѣродовая горячка своимъ происхожденіемъ обязана зараженію трупнымъ ядомъ". Объ этомъ „показаніи" не грѣхъ было бы сказать и побольше. До Земмельвейса въ акушерскихъ клиникахъ $^1/_8$—$^1/_6$ всѣхъ поступавшихъ умирала отъ родильной горячки, а послѣ него эту болѣзнь уже почти невозможно увидать въ клиникахъ.

Тѣ отрасли медицинскаго вѣдѣнія—общественная гигіена, эпидеміологія, медицинская статистика и пр.,—которыя не выросли на „соотносительномъ" деревѣ автора, не попали у него и въ исторію. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что въ заключительныхъ главахъ своей книги, носящихъ названіе „врачъ и его общественное положеніе", авторъ, сохраняя свой индивидуалистическій взглядъ на медицину, освѣщаетъ соціальное положеніе врачей слишкомъ односторонне.

Но какъ бы то ни было, не смотря на всѣ недочеты и недомолвки, книга проф. Мороховца читается всетаки съ неослабѣвающимъ интересомъ и вовсе не имѣетъ тѣхъ снотворныхъ свойствъ, которыя такъ присущи многимъ сочиненіямъ такого рода. Въ значительной мѣрѣ оживленію текста способствуютъ и многочисленные рисунки, въ обиліи иллюстрирующіе исторію автора. На 382 страницы текста приходится 527 довольно отчетливыхъ цинко- и ксило-гравюръ. Алфавитный указатель, содержащій около 900 именъ, дѣлаетъ книгу цѣнною и въ отношеніи справокъ. Цѣну (2 р. 50 к.) нужно назвать дешевой.

Статистика движенія населенія въ Московской губерніи въ 1883 — 1897 гг. Съ 30 діаграммами. Санитарнаго врача московскаго губернскаго земства **П. И. Куркина.** Изд. моск. губ. земства. М. 1902.

Работа г. Куркина дѣлится на три части и наибольшій интересъ представляетъ третья часть: „естественное движеніе населенія въ связи съ его хозяйственно-экономическимъ положеніемъ". Экономическое положеніе имѣетъ большое вліяніе на движеніе населенія, и на нѣкоторыхъ его моментахъ вліяніе это обнаруживается съ особой очевидностью и рѣзкостью. Такова, напр., смертность и особенно брачность населенія.

Хотя Московская губ. является центромъ обрабатывающей промышленности и торговли, тѣмъ не менѣе земледѣліе и ското-

водство составляютъ и здѣсь, какъ во всемъ русскомъ государствѣ, основу благосостоянія большинства населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на экономическое положеніе населенія губерніи оказываетъ вліяніе и состояніе общерусскаго урожая, такъ какъ, во 1-хъ, онъ устанавливаетъ рыночныя цѣны на хлѣбъ, которыя весьма важны для населенія губерніи, питающагося $7^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ въ году покупнымъ хлѣбомъ, и, во 2-хъ, положеніе фабрично-заводской промышленности, дающей значительное подспорье населенію губерніи, также стоитъ въ зависимости отъ урожаевъ въ Европейской Россіи. Такъ, высокіе урожаи 1893, 94, 95 годовъ дали низкія цѣны на хлѣбъ (78, 69, 68 коп. пудъ въ Моск. губ.); урожаи эти подняли экономическое благосостояніе крестьянъ на значительной площади Россіи и отразились отличнымъ ходомъ дѣлъ на фабрикахъ московскаго района. Наоборотъ, неурожайные годы 1890 — 1891 гг. дали цѣны на хлѣбъ 100 и 143 коп. пудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повели за собой пониженіе спроса на фабрикаты промышленности, сокращеніе спроса на фабричный трудъ и пониженіе заработковъ населенія Московской губ.

Брачность населенія губерніи находится въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ условіями его экономической жизни. Ухудшеніе экономическихъ условій населенія въ 1884—85 гг. даетъ и глубокую пертурбацію брачности; экономическій кризисъ и кризисъ брачности соотвѣтствуютъ одному и тому же 1885 году. Наступленіе экономически-благопріятнаго періода 1886 — 88 гг. сопровождается періодомъ компенсаціи брачности. Оба явленія даютъ maximum въ 1888 г. Критическій экономическій періодъ 1889—91 гг. отмѣчаетъ опять такой же кризисъ брачности. Экономически благопріятные годы 1892—94 даютъ такой же благопріятный поворотъ въ ходѣ брачности. Волна высокой общей смертности, обошедшая всѣ уѣзды губерніи въ 1885 г., соотвѣтствуетъ моменту наиболѣе интенсивно-выраженнаго экономическаго кризиса, пережитаго населеніемъ губерніи. Тоже относится и къ періодамъ высокой смертности 1889 — 90 гг., а также 1895 и 1897 гг. Обратно—minimum'ы общей смертности 1888 г., 1893—94 и 1896 гг. соотвѣтствуютъ благопріятно сложившимся въ эти годы экономическимъ условіямъ населенія губерніи. Рождаемость не даетъ и не можетъ дать такой картины паралеллизма. Но въ нѣкоторые моменты можно прослѣдить совпаденіе и здѣсь.

Г. Куркинъ дѣлаетъ выводъ: „Урожай хлѣбныхъ растеній въ Европейской Россіи, управляющій движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ московскаго рынка, а равно положеніемъ дѣлъ въ фабричной промышленности московскаго промышленнаго района, является основнымъ факторомъ экономической жизни столичной губерніи и ея 13 уѣздовъ. Ему принадлежитъ значеніе главнаго регулятора естественнаго движенія населенія въ уѣздахъ Московской губерніи, его брачности, смертности, рождаемости“.

Солидная, капитальная работа г. Куркина представляетъ собою большой интересъ для статистика и экономиста. Главнымъ недостаткомъ этой работы мы считаемъ тотъ, который указанъ и подробно мотивированъ самимъ авторомъ въ предисловіи. Это — отсутствіе сравнительныхъ цифръ, аналогичныхъ данныхъ изъ другихъ мѣстностей. Соглашаясь съ тѣми научными и практическими соображеніями, которыми объясняетъ авторъ свой сознательный пропускъ, мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что присутствіе такихъ сравнительныхъ данныхъ (хотя бы въ выноскахъ) отнюдь не умалило бы достоинства и значенія книги. Установленіе и описаніе статистическихъ фактовъ имѣетъ, конечно, весьма большое значеніе, но, какъ самъ авторъ говоритъ, „стоимость статистическихъ показаній познается путемъ сравненія". А „познаніе" этихъ фактовъ и именно познаніе читателемъ и есть, конечно, цѣль крупной работы автора. Авторъ также воздерживается отъ выводовъ и обобщеній. Часто встрѣчаясь съ работами, которыя, на основаніи микроскопическихъ данныхъ дѣлаютъ размашистые, всеобъемлющіе выводы и обобщенія, мы не можемъ не отдать должнаго скромности г. Куркина. Но это—скромность чрезмѣрная и часто... досадная: она оставляетъ много сырого матеріала, предоставляя читателю самому сопоставлять, выводить, заключать. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только цитированная нами третья часть книги: „естественное движеніе населенія въ связи съ его экономическимъ положеніемъ", которая оживлена сравненіями, сопоставленіями и много говоритъ прямыми выводами. Но этой-то части авторъ удѣлилъ весьма мало и мѣста, и вниманія. Именно здѣсь была бы больше всего у мѣста и иллюстрирующая діаграмма: по своей простотѣ, наглядности, а главное, поучительности діаграмма, показывающая соотношеніе урожаевъ, хлѣбныхъ цѣнъ и смертности населенія, оставила бы за собой всѣ прочія діаграммы и запечатлѣлась бы въ умѣ читателя.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Вл. Дехтеревъ. Пѣсни юности. Стихотворенія. М. 1903. Ц. 1 р.

А. Никитинъ. «Прощенный демонъ» (поэма) и др. стихотворенія. М. 1903. Ц. 50 к.

О. Уальдъ. Баллада Ридингской тюрьмы. Перев. Н. Корнъ. Спб. 1903. Ц. 30к.

Ванда. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. М. 1903. Ц. 50 к.

Собраніе соч. *Эрнеста Ренана*. Т. XI. Перев. съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса.

Кіевъ. 1903. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ пересылкой 6 р.

Генрикъ Ибсенъ. Столпы общества. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1903. Ц. 40 к.

Артуръ Шницлеръ. Фрау Берта Гарланъ. Перев. съ нѣм. Л. Г. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Смѣлые мореплаватели. Повѣсть ***Р. Киплинга.*** Перев. съ англ. А. Каррикъ. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Киплингъ. Разсказы-сказки. Съ рис. автора. Перев. съ англ. и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Женщина, которая осмѣлилась. Романъ ***Грантъ Аллена.*** Перев. съ англ. Н. Дадоновой. Изд. А. Вербицкой. М. 1903. Ц. 60 к.

Т. Осадчій. На службѣ обществу. Повѣсть (1882—1902 гг). Второе переработанное изданіе «Силы деревни». М. 1903. Ц. 75 к.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. 2-ое изд. Спб. 1903. Ц. 1 р.

А. М. Ѳедоровъ. Пьесы: Обыкновенная женщина. — Стихія. — Старый домъ.—Буреломъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Ѳ. Духовецкій Приключенія Сергѣя Сергѣевича. Екатеринославъ. 1903. Ц. 1 р.

Г. Н. Брейтманъ. Митька корявый.—Елка для мертвыхъ и др. разсказы. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р.

Н. А. Лейкинъ. Купецъ пришелъ! Повѣствованіе о раззорившемся дворянинѣ и разбогатѣвшихъ купцахъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Рядъ историческихъ романовъ, съ введеніемъ и примѣч. проф. А. Трачевскаго: ***Данило Мордовцевъ.*** Вельможная панна. Двѣ части. Ц. 2 р. 50 к.—***Уильямъ Энсвортъ.*** Джонъ Ло. Перев. съ англ. П. И. Люблинскаго. Ц. 1 р. 25 к. Изд. картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1903.

Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Перев. А. Серебряковой. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1903. Ц. 1 р.

А. А. Берсъ. Что такое пониманіе музыки? (Психологическій очеркъ). Спб. 1903.

Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій). 2-ое изд. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

А. Смирягинъ. Интеллигенція и народъ. Спб. 1903. Ц. 70 к.

Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историческая справка. Изъ журнала «Миссіонерское Обозрѣніе». Спб. 1903.

Левъ Мороховецъ. «Записки врача» В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики. М. 1903. Ц. 80 к.

Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1903. Ц. 75 к.

Собраніе сочиненій ***А. Д. Градовскаго.*** Томъ восьмой. Начала русскаго государственнаго права. Часть II. Органы управленія. Спб. Ц. 3 р.

Полицейское право. Пособіе для студентовъ. ***В. Ѳ. Дерюжинскаго.*** проф. Спб. университета. Спб. 1903. Ц. 3 р.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ: обложеніе «незаслуженнаго» прироста цѣнности при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и др. странахъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

А. Гурьевъ. Основныя понятія политической экономіи. Популярный очеркъ. Спб. 1902.—Природа, населеніе, капиталъ,—три фактора народной производительности. Популярный очеркъ. Спб. 1903.—Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи. Историческій очеркъ. Спб. 1903.

Вѣстникъ знанія. Ежемѣсячный иллюстрированный литературный и популярно-научный журналъ съ приложеніями для самобразованія. Редакторъ-издатель ***В. В. Битнеръ.*** Приложенія къ № 1: 1) Вода въ природѣ.—2) Веберъ. Панорама вѣковъ.—3) Мультатули и его произведенія. Спб. 1903. Подписная цѣна (48 кн.) 8 рублей съ пересылкой и доставкой.

Van't Hoff. Химическое равновѣсіе. Перев. съ франц. подъ ред. А. Н. Щукарева. М. 1902. Ц. 60 к.

H. Helmholtz. Два изслѣдованія по гидродинамикѣ (вихри). Перев. подъ ред. С. А. Чаплыгина. М. 1902. Ц. 60 к.

E. Warburg. О кинетической теоріи газовъ. Перев. подъ ред. Н. П. Кастерина. М. 1903. Ц. 15 к.

A. Slaby. Безпроволочный телеграфъ. М. 1903.

Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. ***В. И. Семевскаго.*** Томъ первый. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Г. Тарасовъ и ***С. П. Моравскій.*** Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной коммиссіи. Т. V. Нижній-Новгородъ. 1903.

Князь Н. Д. Долгоруковъ. Матеріалы для біографіи. Д-ра медицины ***М. И. Козинцова***. Стародубъ. 1903.

Изданія П. П. Сойкина. Спб. 1902. Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса: 1) ***Гроцій***. О правѣ войны и мира. Ц. 40 к.; 2) ***Гоббсъ***. Левіаѳанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ. Ц. 40 к.

М. М. Шуцкій. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Усадебныя и полевыя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Составилъ ***Г. И. Тумановъ***. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 50 к.

К. К. Будневичъ. Присяга на судѣ. Одесса. 1903. Ц. 35 к.

Борьба съ торговлей женщинами и «Россійское общество защиты женщинъ». Очеркъ ***Л. А. Богдановича***. М. 1903. Ц. 50 к.

К. И. Видеманъ. Проектъ благотвор. общ. предупрежденія появленія среди населенія Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста. Спб. 1903.

Л. Б. Бертенсонъ. По поводу частнаго страхованія рабочихъ. Спб. 1903.

Левъ Мороховецъ. Труды и музей каѳедры исторіи и энциклопедіи медицины Императорскаго Московскаго университета. М. 1903.

Н. П. Дружининъ. Какая нужна намъ средняя школа? — Ярославль. 1903. Ц. 35 к.

Образовательная библіотека. Серія V, № 1. Д-ръ ***Рудольфъ Лотаръ***. Генрихъ Ибсенъ. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. О. А. Волькенштейнъ. Спб. 1903. Ц. 60 к.

На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Историческая хрестоматія. Составила ***А. В. Мезіеръ***. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Выпускъ 1-й. Изд. 3-е. Нижній-Новгородъ. 1903. Ц. 50 к.

С. И. Шохоръ-Троцкій: Ариѳметика для начальныхъ школъ. Ц. 15 к.—Ариѳметическій задачникъ для учениковъ приготовительныхъ классовъ. Ц. 20 к.—Ариѳметическій задачникъ для учителей тѣхъ же классовъ. Ц. 30 к. — Методика ариѳметики. Ц. 60 к.—Методика ариѳметики. Часть I. Изд. 7-ое. Ц. 1 р. Спб. 1903.

Гинманъ и ***Марксъ***. Всеобщій географическій и статистическій атласъ. Изд. 2-ое А. Ф. Маркса, исправленное и дополненное. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Григорій Москвичъ. Практическій путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Одесса. 1903. Ц. 1 р.

Краткая энциклопедія тайныхъ наукъ. Выпускъ первый. Графологія. ***Н. Д—Г***. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Къ началу весенняго отхода.

Наступаетъ весна, а съ ней—„страда деревенская". Надежды, ожиданія, разочарованія и трудъ, трудъ „въ потѣ лица", трудъ въ большинствѣ случаевъ слабо производительный, слабо оплачиваемый...

Уже съ марта начинается тяга землледѣльческихъ рабочихъ на югъ и востокъ, на заработки. Малоземелье, невозможность приложить свой трудъ на мѣстѣ, несоотвѣтствіе между доходностью земли и платежами, все земельное и финансовое „неустройство" гонитъ ихъ вдаль добывать грошовую плату цѣной несообразной борьбы, несообразныхъ жертвъ. Сколько ихъ? Статистика еще не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но надо думать, что теперь ихъ—милліоны. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ только изъ трехъ

губерній (Кіевской, Подольской и Харьковской) уходило отъ 350 до 400 тысячъ человѣкъ въ годъ. Послѣ голодовокъ начала 90-хъ годовъ одна Воронежская губернія выпустила около $^1/_2$ милл. человѣкъ. Цифры эти, конечно, колеблются по годамъ, но въ общемъ извѣстно, что въ теченіе истекшаго десятилѣтія размѣры отхода продолжали возрастать. Прежде всѣмъ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ рабочими въ пути, подвергались преимущественно только взрослые мужчины. Теперь замѣчается, что число женщинъ и молодежи обоего пола среди пришлыхъ рабочихъ увеличивается. Причина—широкое распространеніе машинъ и орудій въ степяхъ, вслѣдствіе чего спросъ на болѣе дешевый трудъ (женщинъ, подростковъ) усиливается. Вѣдь женская, даже мужская молодежь цѣнится, какъ „$^1/_2$ рабочихъ“, „$^1/_4$ рабочихъ...“ *).

Денегъ на передвиженіе эти массы рабочихъ почти не имѣютъ. Имъ приходится поэтому пользоваться всѣми способами, которые имъ только могутъ для этого представиться. И вотъ вдоль линій желѣзныхъ дорогъ громадное большинство ихъ идетъ пѣшкомъ... Изъ числа зарегистрованныхъ на врачебно-продовольственныхъ пунктахъ рабочихъ пѣшкомъ прибыли въ Херсонскую губ. 70% (35); пѣшкомъ и „съ подводой“ въ Самарскую губ. 68,% ; пѣшкомъ въ слободу Покровскую на Волгѣ 70% (51); пѣшкомъ и „съ подводой“ въ Симбирскій пунктъ 90,4% (61) и т. д. Не трудно понять, какъ такой путь долженъ отражаться на здоровьи рабочихъ. „Смотришь и удивляешься, какъ можетъ переносить эта голая и голодная масса тѣ лишенія и невзгоды, которыя приходится претерпѣвать ей на пути“. „Долгій и тяжелый путь, постоянное пребываніе на открытомъ, сыромъ воздухѣ, ограниченность и однообразіе питанія даютъ въ результатѣ блѣднаго, измученнаго, съ вялыми движеніями и тупымъ выраженіемъ, забитаго и болѣзненнаго субъекта“ (52). „Если завѣдующіе врачебно-продовольственными пунктами рисуютъ печальный, хилый, изможденный обликъ пришлаго рабочаго, то обликъ этотъ слѣдуетъ отнести къ пришлому изъ дальнихъ губерній, на которомъ пѣшій путь отзывался и долженъ былъ отзываться весьма тяжело“ (51). А вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе этихъ допотопныхъ способовъ передвиженія, происходитъ растрата энергіи и силы рабочихъ. Кто возьмется подсчитать, какими милліонами рублей можно измѣрить тѣ цѣнности, которыя могли бы быть произведены въ странѣ приложеніемъ этой ежегодно растрачиваемой энергіи?

Остальная, сравнительно небольшая, часть рабочихъ ѣдетъ на пароходахъ, дубахъ, лодкахъ, плотахъ, комбинируетъ всѣ эти

*) Всѣ послѣдующія фактическія данныя взяты изъ работы г. Тезякова «Рынки найма сел.-хоз. рабочихъ на югѣ». Спб. 1902. Это—главнымъ образомъ—сообщенія изъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ. Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы этой работы.

способы передвиженія съ пѣшимъ хожденіемъ и т. д.,—словомъ, устраивается, кто какъ можетъ. Наконецъ, немногіе счастливцы могутъ продѣлать весь путь или часть пути по желѣзнымъ дорогамъ. Такіе счастливцы немногочисленны, хотя желѣзныхъ дорогъ у насъ много по пути слѣдованія рабочихъ. Въ Херсонскую губ. такъ прибыло всего 7,8% (35); въ Самарскую—„лодками, подводой или желѣзной дорогой“ 18,5% (51)); въ Симбирскій пунктъ, повидимому, никто (61). Можетъ быть, по крайней мѣрѣ, эти пользуются нѣкоторыми удобствами въ пути? Однако страшно становится за человѣка и человѣческое достоинство, когда читаешь описанія этихъ „удобствъ“. Вотъ что дѣлается на пароходахъ. „Верхняя палуба, крыша вокругъ трубы, кожухи надъ колесами—все это унизано живымъ грузомъ. На каждую пристань прибываютъ, однако, все новыя толпы. Наконецъ, лежать становится невозможно. Валяющихся на полу матросы усердно поднимаютъ пинками. Теперь вся масса истомленнаго, полуголоднаго и холоднаго люда буквально сидитъ человѣкъ на человѣкѣ. На другомъ пароходѣ рабочихъ принимаютъ, какъ овецъ, сколько можетъ помѣститься, стоя вплотную другъ къ другу. Котомокъ нельзя снять, и онѣ въ продолженіе всего рейса остаются на спинахъ своихъ обладателей“... (8). А вотъ что дѣлается на желѣзныхъ дорогахъ. „Четвертая ночь въ пути. Тоскливо мерцаетъ вагонный фонарь. Двери задвинуты наглухо. Люди спятъ. Одни скорчились на полу, куда въ продолженіе цѣлаго дня бросали корки, огрызки, окурки, плевали, выплескивали чай; другіе растянулись на скамейкахъ шириной въ двѣ доски, не болѣе чистыхъ, чѣмъ полъ; третьи забились подъ скамьи. Послѣдніе—самые счастливые: по тѣламъ ихъ, по крайней мѣрѣ, никто не прогуливается. Единственнымъ сообщеніемъ съ внѣшнимъ міромъ служитъ маленькое, подъ крышей, окошко. Воздухъ въ вагонѣ такой, какимъ онъ долженъ быть при 36 душахъ здоровыхъ людей, не привыкшихъ стѣсняться... Спирается дыханіе, сжимаетъ виски... На станціяхъ, гдѣ рабочимъ приходится простаивать безконечное время, ихъ не пропускаютъ въ помѣщеніе 3 класса, а помѣщеній для 4 класса нѣтъ“ (9). А вотъ на станціи Тихорѣцкой, недалеко отъ вокзала, для пассажировъ IV класса даже выстроили недурной баракъ. „Къ сожалѣнію, однако, баракомъ этимъ рабочіе не пользуются (??), да и сомнительно, чтобы они знали про его существованіе (!). Въ настоящее время часть барака приспособлена... подъ театръ“ (!!) (II, 69).

Черезчуръ много терпѣнія у „многострадальнаго русскаго народа“, но бываетъ, что и онъ не выдерживаетъ. Картина съ натуры, гдѣ-то на юго-восточныхъ ж. д.: „Поѣзда нѣтъ и, когда онъ будетъ, неизвѣстно. Рабочіе ждутъ. Наконецъ: „бери билеты, ребята“.—„Билеты?.. не на что, проѣли все. Везите даромъ“. Проходитъ день, другой, третій... Утромъ четвертаго дня передъ

поѣздомъ, готовымъ къ отправленію, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ сажень располагается около сотни рабочихъ. „Давите насъ, рѣжьте, не встанемъ"... Въ концѣ концовъ, надоѣдливую публику отправили на родину даромъ"... (9).

Очевидно, прямое сообщеніе курьерскими и скорыми поѣздами у насъ организовано значительно лучше, чѣмъ перевозка рабочихъ. Можно думать, что лучше устроена даже перевозка скота, за который дорога все же отвѣтственна передъ гуртовщиками. За рабочихъ же отвѣтственности не полагается. Человѣческая личность, человѣческое достоинство, вырожденіе населенія, растрата производительныхъ силъ страны—все это понятія, нисколько не касающіяся хозяйства той или иной желѣзной дороги. Отсюда и тотъ не лишенный глубокаго значенія фактъ, что „четвертому классу" наши желѣзныя дороги служатъ чаще полотномъ и шпалами, чѣмъ вагонами. Отсюда понятна и необходимость для этого „класса" обходиться безъ „культурныхъ путей сообщенія" и идти пѣшкомъ сотни (иной разъ—много сотенъ) верстъ, напр., изъ Орловской, Курской, Полтавской губ. въ Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую губ., въ Кубанскую, Терскую области и т. п. или плыть по Волгѣ или Днѣпру на „дубахъ",—при чемъ „не проходитъ года безъ того, чтобы одинъ, два или больше переполненныхъ дуба не пошли ко дну съ ихъ пассажирами" (6), даже на плотахъ: „когда обнажатся днѣпровскія мели, для плотовщиковъ наступаетъ совершенная каторга; часто случается, что плоты, доведенные съ величайшимъ трудомъ до Екатеринослава, отправляясь дальше, гибнутъ на порогахъ" (7).

Добраться до степного района, однако, для рабочаго еще не значитъ получить работу. Полная неорганизованность этихъ массовыхъ передвиженій, убійственно-послѣдовательное приложеніе въ данной области принципа laissez aller. До этихъ несчастныхъ никому нѣтъ дѣла. Имъ не откуда получать свѣдѣній о размѣрахъ урожая тамъ или здѣсь, о размѣрахъ спроса на трудъ, о вѣроятной или существующей высотѣ платы. Все стихійно, все случайно. Случайно оброненное кѣмъ-нибудь слово, какой-нибудь неосновательный слухъ столь же случайно стягиваетъ массу рабочихъ туда, гдѣ ихъ, можетъ быть, столько не требуется, отвлекаетъ оттуда, гдѣ плата выше и т. д. Многимъ приходится претерпѣвать тяжкія мытарства, прежде чѣмъ они получатъ работу. А до тѣхъ поръ—безцѣльная огромная трата времени, ночь и день на землѣ подъ открытымъ небомъ, безъ защиты отъ непогоды, сухояденіе. Въ Херсонской губ. часто, очень часто и дешевые обѣды, и чай (въ врачебно-продовольственныхъ пунктахъ) являются для рабочихъ недосягаемыми по цѣнѣ: „немае за що"... Большинство рабочихъ питается сухояденіемъ: „одну хлібину зоставивъ жінці дома, а другу узявъ съ собою" (36). Въ Екатеринославской губ. на одного рабочаго, бывшаго на пунктѣ, прихо-

дится менѣе одного обѣда, т. е. одной порціей пользовались двое (44); почти то же — въ Самарской губ. (на почти 91 тыс. рабочихъ $51^1/_2$ т. обѣдовъ) (49); на пути къ рынкамъ найма тамъ питались запасами собственнаго хлѣба около 27% рабочихъ, деньгами обладали $18,_3$%, а $14,_5$% питались „Христовымъ именемъ“ (52); въ слободѣ Покровской записаны 38% питавшихся значительную часть почти подаяніемъ (53); среди рабочихъ Симбирскаго пункта не было и 1% такихъ, которые питались бы въ дорогѣ горячей пищей, а 13% не имѣли во время ихъ опроса совсѣмъ никакой провизіи (61).

Гигіеническая обстановка труда тѣхъ, которые нанялись въ „экономіи“, обычно стоитъ на весьма низкой ступени и рѣдко удовлетворяетъ минимальнымъ требованіямъ, какія должны быть въ данномъ случаѣ предъявлены. Точныхъ изслѣдованій этого предмета было мало произведено, но въ сказанномъ убѣждаетъ, напр., изслѣдованіе д-ра Пашковскаго въ части Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ.; сообщаемыя имъ данныя отнюдь не новы и представляютъ весьма знакомую картину.—Спеціальныхъ помѣщеній для пришлыхъ рабочихъ часто нѣтъ совсѣмъ. Только въ нѣкоторыхъ „экономіяхъ“ они есть—и тѣсныя, и недостаточно освѣщенныя, и плохо вентилируемыя, и неопрятныя, и съ земляными полами. Но въ большинствѣ случаевъ нѣтъ и такихъ. „Существуютъ хозяйства, нанимающія пришлыхъ рабочихъ отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, гдѣ о какихъ-либо спеціальныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ нечего и спрашивать“. Иногда это — землянки: полъ земляной, стѣны обставлены досками съ большими щелями; сырость, холодъ, темнота, грязь. „Пища въ общемъ состоитъ почти исключительно изъ растительныхъ продуктовъ и отличается простымъ однообразіемъ. Мясо, молоко, сыръ и др. продукты животнаго происхожденія рабочіе получаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, какъ лакомство—по праздникамъ“. „Въ пищѣ абсолютно мало жировъ“. На завтракъ горячая пища часто не дается, не дается она иногда и на полдникъ. Рабочій день—до 15 час., при полномъ отсутствіи возможности укрыться отъ жары, дождя. „Машинная работа сказалась развитіемъ въ средѣ сельскаго населенія профессіональныхъ болѣзней и массой серьезныхъ травматическихъ поврежденій“ *).

Понятно, при такой обстановкѣ земледѣльческаго отхода болѣзненность рабочихъ развивается въ высокой степени. Типичными заболѣваніями для нихъ являются перемежающаяся лихорадка, глазныя болѣзни, болѣзни органовъ пищеваренія и обонянія, кожи и подкожной клѣтчатки. Въ огромномъ количествѣ у пришлыхъ

---

*) Тезяковъ. Сельскохоз. рабочіе Херсонской губ. Херсонъ, 1896 г. Глава XI.

рабочихъ обнаруживается трахома, нерѣдки случаи заразнаго сифилиса, туберкулеза и проч. Замѣчено, что многія изъ такихъ заболѣваній выражаются у пришлыхъ рѣзче, чѣмъ среди мѣстнаго населенія (напр., перемежающаяся лихорадка въ Самарской губ. у нихъ въ 24,₇% случаевъ, а у мѣстныхъ только 10,₄%). (39, 47, 55-6).

Наконецъ, „санитарныя условія отхода не улучшаются, а, наоборотъ,—ухудшаются". Широкое распространеніе въ капиталистическомъ хозяйствѣ юга и востока машинъ и орудій позволяетъ, какъ уже указано выше, предпринимателямъ увеличивать относительныя количества болѣе дешевыхъ рабочихъ (женщинъ и подростковъ) на счетъ болѣе дорогихъ (взрослыхъ мужчинъ). „Значительное участіе въ отхожихъ промыслахъ молодежи, дѣвушекъ и подростковъ мужчинъ, при существующемъ общемъ хаотическомъ состояніи этихъ промысловъ, при передвиженіи рабочихъ партій на огромномъ пространствѣ пѣшкомъ, не смотря ни на какую погоду, при плохомъ питаніи въ дорогѣ и въ хозяйствахъ, пребываніи на рынкахъ найма при самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, скученности въ хозяйствахъ, артельной тамъ жизни въ степи и проч.—не можетъ не отражаться неблагопріятно на здоровьѣ рабочихъ, особенно молодежи. Благодаря постоянству, съ какимъ вредныя стороны сельскохозяйственныхъ промысловъ дѣйствуютъ на рабочихъ, заболѣваемость ихъ высока" (11—12). Недостаточно окрѣпшіе организмы поддаются раньше, останавливаются въ своемъ ростѣ и приготовляются передать признаки недоразвитія своимъ дѣтямъ и т. д.

Черезчуръ бѣглы и отрывочны приведенныя сообщенія, но смыслъ ихъ ясенъ. Весна наступаетъ, а съ ней „страда деревенская" и всѣ эти мытарства земледѣльческаго отхода, къ которымъ слишкомъ приглядѣлись, чтобы они могли достаточно импонировать... Но вдуматься въ нихъ необходимо. Есть фабричное законодательство. Въ одной странѣ лучше, въ другой хуже (а въ иной и совсѣмъ плохо) охраняется женскій и дѣтскій трудъ, до извѣстной степени регулируется санитарная обстановка труда, длина рабочаго дня и проч. Въ худшемъ случаѣ провозглашается хоть принципъ вмѣшательства въ отношенія труда и капитала. Правда, въ Европѣ много сдѣлано въ индустріи, благодаря самодѣятельности рабочихъ и ихъ организацій для провозглашенія этого принципа. — Въ области земледѣльческаго отхода — все еще впереди. Приложеніе труда милліоннаго населенія, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ народнаго хозяйства страны. Мыслимо ли допускать въ этомъ дѣлѣ ту роль желѣзныхъ дорогъ, какая очерчена выше? Развѣ взамѣнъ тѣхъ милліоновъ, которые населеніе ежегодно тратитъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, нельзя поставить одной изъ главнѣйшихъ задачъ желѣзнодорожной политики быструю и достаточно удобную перевозку рабочихъ, сообразно человѣческому ихъ достоинству, требованіямъ ихъ здо-

ровья и производительности ихъ труда? Развѣ не необходимо въ данномъ случаѣ вмѣшательство законодательства?. И далѣе — развѣ не менѣе необходимо спеціальное законодательство, которое регулировало бы, подобно фабричному, и продолжительность рабочаго дня, и примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, и санитарную обстановку рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ? — На эти и подобные вопросы, конечно, двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Насколько, однако, можно приблизиться къ разрѣшенію такихъ задачъ, дѣло иное, и разрѣшеніе его зависитъ отъ многихъ факторовъ, разсматривать которые въ бѣглой замѣткѣ, конечно, невозможно, но которые сводятся къ размѣрамъ общественной иниціативы и самодѣятельности и къ тому вліянію, которое послѣдняя можетъ оказать на законодательство.

Н. Карышевъ.

Наша текущая жизнь.

(«Русская Мысль» и «Вѣстникъ Европы» за послѣдніе полгода).

Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русской Мысли" помѣщена повѣсть „Быть или не быть?" г. Н. И. Тимковскаго. Въ ней затронутъ не новый, но интересный сюжетъ человѣка, желающаго при помощи искусства служить жизни или, вѣрнѣе, тому идеалу, который онъ хочетъ воплотить въ жизнь, и не могущаго осуществить свою завѣтную мечту. Тема эта не разъ обрабатывалась и нашей, и заграничной литературой и даже въ той спеціальной области, куда перенесъ ее г. Тимковской: дѣло идетъ о живописцѣ. Нѣкоторыми сторонами своими, или прямо, или по закону контраста, „Быть или не быть" напоминаетъ то „Портретъ" Гоголя, то „Художниковъ" Гаршина, то „Шедевръ" Золя и т. д. Но это, разумѣется, еще ничего не говоритъ противъ самого сюжета повѣсти и лишь указываетъ на тѣ трудности, съ которыми приходится бороться автору, когда онъ берется за спеціальную въ извѣстномъ смыслѣ и въ то же время часто трактовавшуюся тему. Читателю, мало-мальски знакомому съ литературой, новое произведеніе на старую тему будетъ безпрестанно внушать желаніе сравнивать съ нимъ и противополагать ему прежнія художественныя обработки даннаго сюжета. Разумѣется, неизбѣжныя аналогіи темы не даютъ еще права публикѣ обвинять автора въ плагіатѣ, и уже Мюссэ остроумно подсмѣялся надъ людьми, занимающимися этимъ историко-литературнымъ сыскомъ: „садить капусту—тоже своего рода плагіатъ". Но во всякомъ случаѣ отъ

послѣдующихъ писателей мы требуемъ, чтобы они внесли хоть какую-нибудь свою варіацію въ знакомый мотивъ.

Г. Тимковскій, — казалось намъ при прочтеніи первой половины повѣсти, — далъ нѣкоторую личную ноту, и его вещь должна наводить читателя на мысли, представляющія интересъ по сравненію съ безыдейными или, наоборотъ, претенціозно-глубокомысленными, а въ сущности пустыми сюжетами большинства современныхъ беллетристическихъ твореній. Но намъ пришлось если не вполнѣ, то значительно разочароваться въ повѣсти, когда появилось и ея окончаніе. Дѣло въ томъ, что хорошо, по нашему мнѣнію, задуманный и недурно обрисованный въ началѣ типъ главнаго героя „Быть или не быть“ впослѣдствіи расплылся въ неясную фигуру полу-психопата, который совершаетъ рядъ странныхъ поступковъ и на послѣднихъ страницахъ оставляетъ читателя въ большомъ недоумѣніи насчетъ смысла всей повѣсти.

Вареоломеевъ — имя героя — представляетъ собою идейнаго художника, который глубоко потрясенъ неправдою современныхъ людскихъ отношеній и хочетъ, по мѣрѣ силъ своихъ и прежде всего при помощи даннаго ему природой таланта, работать надъ измѣненіемъ этого гнетущаго все человѣчество склада вещей. Въ пылу разговора съ пріятелемъ, другимъ художникомъ, нашъ герой дѣлаетъ слѣдующую страстную исповѣдь и такъ опредѣляетъ цѣль своей работы:

Поди сюда, — промолвилъ Вареоломеевъ, глядя въ открытое окно.—Видишь этотъ чудовищный домъ? Онъ представляется мнѣ огромной каменной гробницей... Видишь этотъ рядъ безобразныхъ крылецъ съ грязными каменными лѣстницами? По нимъ вѣчно снуютъ хмурые убогіе люди, обиженные жизнью, грызущіе въ тѣснотѣ другъ друга, источенные нуждой, заботами, болѣзнями... А дѣти?.. Они рождаются отъ пьяныхъ, худосочныхъ родителей, они съ самаго рожденія становятся лишними... Ихъ появленіе на свѣтъ часто встрѣчается проклятіями, потому что и безъ нихъ тѣсно. Едва они подростутъ, какъ ихъ, оборванныхъ, полуголодныхъ, выгоняютъ на дворъ изъ тѣсныхъ конуръ; они ростутъ, какъ дворняшки, среди навоза и грязи, подъ градомъ пиньковъ, ругательствъ, угрозъ... Вотъ она, тяжесть жизни, давящая человѣка со всѣхъ сторонъ! Она вездѣ, куда ни глянешь. Она слышится безпрестанно и въ уличномъ шумѣ, и въ фабричныхъ свисткахъ, и въ тяжеломъ дыханіи извозчичьихъ лошадей, и въ крикахъ, вырывающихся изъ надорванной груди человѣка... Какая-то бездушная сила придавила своей желѣзной лапой и тѣло, и душу человѣка. Но неужели не существуетъ иной силы, которую можно противопоставить этой? Если нѣтъ ничего сильнѣе каменныхъ стѣнъ, которыми обставленъ со всѣхъ сторонъ человѣкъ, то не стоитъ ни работать, ни жить. Если же есть такой рычагъ... если существуетъ сила, способная сдвинуть эту тяжесть, то мы должны отдать себя на служеніе ей, должны стать проводниками этой силы во всемъ: въ нашихъ картинахъ, словахъ, мысляхъ, страданіяхъ, поступкахъ,—во всей нашей жизни. Должны все принести ей въ жертву... Въ этомъ, и только въ этомъ вся цѣна нашей жизни! (ноябрь, стр. 94.)

Итакъ, предъ нами художникъ, который прежде всего хочетъ быть человѣкомъ, хочетъ вмѣшаться въ общественную жизнь,

идущую въ разрѣзъ съ его идеаломъ. Онъ надѣется на могущественное дѣйствіе этого идеала,—иначе личное существованіе представляется ему безплоднымъ прозябаніемъ. Въ самомъ художествѣ онъ видитъ лишь наиболѣе доступное для себя орудіе воздѣйствія на жизнь. Такъ, въ тотъ моментъ, когда начинается повѣсть, мы застаемъ его упорно работающимъ надъ картиной Христа, въ которомъ онъ хочетъ выразить типъ самоотверженной любви къ людямъ. Ему кажется, что, удайся ему какъ слѣдуетъ картина, она должна произвести сильное и благотворное дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, кто стремится выдти изъ рамокъ узко личнаго существованія и работать для другихъ; и эти наиболѣе живые и чуткіе люди, проникнувшись идеей художника, посвятятъ себя великому общественному дѣлу. Можно, конечно, скептически относиться къ такому взгляду, чрезмѣрно преувеличивающему вліяніе отдѣльныхъ, хотя бы и выдающихся произведеній человѣческаго творчества на ходъ общественной жизни. Но ему нельзя отказать въ извѣстной высотѣ и послѣдовательности. Дѣло въ томъ, что самъ артистъ, какъ видно изъ повѣсти, тщетно пытается передать холсту свой излюбленный идеалъ и невыносимо страдаетъ среди тщетныхъ бореній между художественной мыслью и ея внѣшнимъ выраженіемъ. Онъ, этотъ артистъ - неудачникъ, весь охваченъ сознаніемъ серьезнаго общественнаго долга, который исполняетъ, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ свою собственную и чужую дѣятельность.

Жажда служить идеалу не можетъ даже уложиться у него въ рамки чисто художественной работы; она переливается за предѣлы его спеціальности, и не только за мольбертомъ и съ кистью въ рукахъ, но въ людскихъ отношеніяхъ онъ преслѣдуетъ осуществленіе дорогихъ ему взглядовъ. У нашего художника натура нравственнаго пропагандиста,—понимая подъ этимъ выраженіемъ человѣка, для котораго моральные вопросы играютъ существенную роль, и который не можетъ обходить ихъ молчаніемъ въ сношеніяхъ съ другими людьми. Этотъ характеръ проповѣдника или, по крайней мѣрѣ, повѣреннаго чужихъ нравственныхъ сомнѣній и запросовъ придаетъ своеобразный отпечатокъ герою „Быть или не быть“. Особенно эта черта выступаетъ у него, когда ему приходится имѣть дѣло съ женщинами. Въ обыкновенную, „старую, но вѣчно юную исторію“ отношеній между обоими полами онъ вноситъ прежде всего эту потребность отыскивать въ другомъ человѣкѣ живую личность, вступать въ идейное общеніе съ ней, быть совѣтникомъ и исповѣдникомъ ея и, въ свою очередь, искать въ ней отзвука для своихъ нравственныхъ вопросовъ. Повидимому, эта нота является даже доминирующей въ его отношеніяхъ къ женщинѣ.

Такъ, въ теченіе нѣкотораго времени онъ былъ близко знакомъ съ женой богатаго купца, пьяницы и самодура, который

всячески тиранилъ ее и умеръ, наконецъ, оставивъ ее еще молодой интересной вдовой. И при жизни мужа, и первое время послѣ смерти его Павла Степановна—имя героини—находила живое удовольствіе въ разговорахъ съ Вареоломеевымъ, и ея взбалмошная, временами почти циничная, но въ общемъ скорѣе испорченная средой, чѣмъ отъ природы дурная натура видимо просвѣтлялась и одухотворялась благодаря общенію съ живописцемъ. Для самого Вареоломеева она становилась дорога прежде всего, какъ живой примѣръ вліянія искренняго и серьезнаго человѣка на другого, до тѣхъ поръ подвергавшагося лишь развращающему дѣйствію некультурной обстановки и грубости окружающихъ: онъ любилъ ее, „какъ художникъ любитъ созданіе своихъ рукъ“ (ноябрь, стр. 100). Дошло-ли бы у нихъ до настоящей любви, такъ и осталось неизвѣстнымъ, потому что героиня вскорѣ послѣ того, какъ похоронила мужа, почувствовала потребность въ веселой и исполненной всевозможныхъ удовольствій жизни. И эта, очевидно, спавшая въ ней потребность проснулась съ удвоенной силой подъ вліяніемъ знакомства съ нѣкіимъ Меленковскимъ, красивымъ, но удивительно пошлымъ и грязнымъ хлыщемъ, который, какъ и Вареоломеевъ, занимался живописью, за то, въ противоположность ему, ставилъ цѣлью своей артистической дѣятельности не служеніе идеалу, и даже не служеніе искусству, а зашибанье денегъ и прожиганье ихъ на обычный манеръ жуировъ и кутилъ.

Вареоломеевъ съ глубокою болью въ сердцѣ уходитъ въ сторону, видя, какъ его нравственное воздѣйствіе ослабло, поколебалось и окончательно исчезло передъ уроками безпутнаго бонвивана, соблазнившаго молодую женщину перспективами вольной, веселой и безыдейной жизни. Такую же боль въ сердцѣ, хотя нѣсколько и по иному поводу,—Вареоломеевъ выноситъ изъ отношеній къ другой женщинѣ, а именно женѣ уже упомянутаго Меленковскаго. Тутъ нѣтъ даже и отдаленнаго намека на любовь: нашъ идеалистъ питаетъ чисто дружескія чувства къ бѣдной, оскорбляемой нравственно на каждомъ шагу женщинѣ, которая когда-то искренно любила своего мужа, долго прощала ему безпрестанныя похожденія съ свѣтскими и полусвѣтскими дамами и просто смазливыми горничными и, наконецъ, рѣшила какъ можно рѣже и меньше сталкиваться съ своимъ мужемъ. Потребность въ истинно человѣческой аффективной жизни сближаетъ ее съ Вареоломеевымъ, который понемногу становится ея лучшимъ другомъ и повѣреннымъ ея душевныхъ страданій и запросовъ. И, не смотря на комическій характеръ роли, которую въ представленіи большой публики играютъ люди, принадлежащіе къ психическому типу вѣчнаго „друга женщинъ“, Вареоломеевъ обрисованъ г. Тимковскимъ въ началѣ повѣсти настолько симпатично, что иронія кажется совершенно неумѣстной по отношенію къ этому серьезному, скорѣе сильному, чѣмъ слабому человѣку.

„Другъ женщинъ“, какъ извѣстно, смѣшонъ только потому, что онъ зачастую лишенъ мужества, энергіи, иниціативы, которыя нравятся женщинамъ, и потому не столько по собственному желанію, сколько по неволѣ, въ силу этой психологической особенности, принужденъ ограничиваться дружбою, какъ суррогатомъ любви, въ которой ему отказываютъ женщины, за любовью обращающіяся къ другимъ мужчинамъ. У Варѳоломеева нѣтъ этого малодушнаго желанія питать себя фальсификаціею любви; онъ просто настолько занятъ своими идеями, въ такой степени желаетъ проводить ихъ въ жизнь, что вопросы личной привязанности отступаютъ у него невольно на задній планъ. И онъ не смѣшонъ, когда даже въ отношеніяхъ къ женщинамъ ищетъ прежде всего повліять на встрѣтившагося ему человѣка, сдѣлать его, независимо отъ того, какого онъ пола, участникомъ въ служеніи идеалу. Точно также онъ не смѣшонъ, когда въ компаніи знакомыхъ художниковъ высказываетъ свои излюбленные взгляды на искусство, борясь и противъ тѣхъ, кто видитъ въ немъ самодовлѣющую цѣль, стоящую превыше всѣхъ задачъ жизни, и противъ тѣхъ, кто сводитъ его лишь на рабское отраженіе этой жизни или же настроеній художника, и, наконецъ, противъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ искусство, какъ простое ремесло.

Любопытно, впрочемъ, что сцена этого спора между артистами является кульминаціоннымъ пунктомъ развитія симпатичной и цѣльной личности художника-идеалиста подъ перомъ г. Тимковскаго. Начиная съ этого момента, типъ героя повѣсти зачерчивается, такъ сказать, все болѣе и болѣе странными и неожиданными штрихами, пока, наконецъ, читатель не замѣчаетъ, что передъ нимъ стоитъ несовсѣмъ нормальный субъектъ, который какъ бы самого же читателя проситъ разрѣшить его недоумѣнія и сказать ему, да что же онъ за человѣкъ. Такъ, во время товарищеской бесѣды Варѳоломеевъ узнаетъ, что вдова отказалась отъ начатаго нашимъ художникомъ ея портрета только потому, что хлыщъ Меленковскій принялся, въ свою очередь, за этотъ портретъ, уже болѣе льстящій самолюбію самого оригинала. И, узнавъ это, Варѳоломеевъ идетъ сейчасъ же къ купчихѣ, съ которой у него выходитъ столкновеніе, заканчивающееся сценой, гдѣ герой обнаруживаетъ гораздо больше нервности, чѣмъ силы: вдова бросаетъ ему деньги за недоконченный портретъ; художникъ рветъ полотно. И словно онъ разорвалъ не только этотъ портретъ, но и свою довольно цѣльную до сихъ поръ фигуру. Сила его личности будетъ все падать, нервность все возрастать, проявляясь то въ странныхъ выходкахъ, то въ настоящихъ приступахъ бѣшенства.

Послѣ окончательнаго разрыва съ купеческой вдовой, Варѳоломеевъ желаетъ всецѣло посвятить себя работѣ надъ Христомъ, которой онъ придаетъ громадное значеніе: недаромъ еще раньше,

еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ нарочно поселился на дворѣ громаднаго петербургскаго дома, биткомъ набитаго бѣднотой. Ему казалось, что картина человѣческихъ страданій, нищеты, невѣжества вдохновитъ его кисть, и онъ лучше сумѣетъ справиться съ своей задачей, нарисовать такого Христа, въ которомъ всѣ хорошіе люди увидѣли бы высшій типъ божественной любви къ несчастному человѣчеству. И вотъ, когда послѣ тщетныхъ усилій закрѣпить на полотнѣ мелькающій передъ нимъ образъ самоотверженнаго альтруиста, который полагаетъ душу за другихъ, художникъ-идеалистъ почувствовалъ, наконецъ, что его посѣтило настоящее вдохновеніе, что геній творчества водитъ его кистью и группируетъ дотолѣ непокорно расплывавшіяся черты въ одинъ гармоничный образъ, вдругъ въ этотъ самый моментъ громадный, кишащій бѣдняками дворъ огласился громкимъ воплемъ: „ой, папка! ой, мамка“! То кричала маленькая дѣвочка, при видѣ отца, истязавшаго мать... Вдохновенье исчезло: близость „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которая, по по плану Варѳоломѣева, должна была облегчать его работу, назойливо вмѣшивалась въ художественный процессъ; дѣйствительность разрушала артистическую иллюзію... Какъ бѣшеный, нашъ идеалистъ сорвался съ мѣста, распахнулъ окно и дикимъ голосомъ заревѣлъ: „прочь отъ окна, негодная“! Онъ бросился на кровать; въ его сердце закралось угрызеніе, зачѣмъ онъ обидѣлъ и напугалъ и безъ того несчастное существо; вдохновеніе больше не приходило. Промучившись недѣлю въ безплодныхъ потугахъ уловить снова отлетѣвшій образъ, Варѳоломеевъ отправляется на дачу къ одному изъ знакомыхъ художниковъ.

Что происходило въ деревенской обстановкѣ, нечего долго разсказывать: на одинъ день воспрянувшій было Варѳоломѣевъ почувствовалъ опять приступы тоски. Онъ видѣлъ, какое разстояніе отдѣляетъ его міровоззрѣніе отъ взглядовъ его товарищей по ремеслу; ему захотѣлось снова быть одинокимъ у себя въ Петербургѣ. Возвращаясь по желѣзной дорогѣ, онъ наталкивается на сцену изъ жизни все тѣхъ же заурядныхъ маленькихъ людей, сцену, въ которой ему приходится играть въ концѣ концовъ трагикомическую роль. У его сосѣдки, молодой дѣвушки, повидимому изъ мастерицъ или горничныхъ, были утащены деньги. Она расплакалась, собралась публика, явилась полиція. Желая помочь дѣвушкѣ, Варѳоломеевъ хотѣлъ было предложить ей денегъ, но спохватывается, что у него нѣтъ ихъ при себѣ, и обращается съ просьбой одолжить къ случившемуся тутъ же Меленковскому, съ которымъ онъ, однако, уже пересталъ послѣднее время раскланиваться. Меленковскій, пользуясь случаемъ, строитъ планъ сейчасъ же увезти къ себѣ приглянувшуюся ему мастерицу и, пріѣхавъ въ Петербургъ, чуть не прямо съ вокзала усаживаетъ ее на извозчика. Дѣвушка слабо сопротивляется. Въ дѣло

вмѣшивается Варѳоломеевъ и скоро въ порывѣ нравственнаго негодованія бросается на Меленковскаго. Происходитъ безобразная свалка: Варѳоломеевъ, отталкивая отъ дѣвушки Донъ-Жуана, отрываетъ ему рукавъ; Меленковскій разбиваетъ ему до крови губы; Варѳоломеевъ хочетъ размозжить палкой голову своему противнику, но вдругъ его охватываетъ чувство стыда, отвращенія, ужаса, и онъ опускаетъ палку. Меленковскій уѣзжаетъ, а Варѳоломеевъ идетъ, самъ не зная куда, рядомъ съ дѣвушкой. Между ними завязывается разговоръ, прерываемый со стороны Варѳоломеева горькими думами о только что происшедшемъ. Изъ короткихъ вопросовъ дѣвушки, изъ ея соображеній вслухъ нашъ идеалистъ заключаетъ, что, вѣроятно, она сожалѣетъ объ укатившемъ богатомъ, повидимому, баринѣ. И вдругъ бѣшенство снова охватываетъ Варѳоломеева, который обзываетъ дѣвушку и „дрянной лгуньей“, и „распутной“, а въ отвѣтъ получаетъ отъ нея „полоумнаго“ и „дурака блаженнаго“. Художникъ въ гнѣвѣ и негодованіи убѣгаетъ къ себѣ.

Но на этомъ приключенія многострадальнаго носителя идеала еще не кончены. Придя домой и проведя цѣлую ночь въ мучительной борьбѣ съ самимъ собой, то поддаваясь жаждѣ мести и рѣшаясь вызвать на дуэль Меленковскаго, то стараясь пробудить въ себѣ гуманныя чувства, Варѳоломеевъ, наконецъ, одерживаетъ верхъ надъ ветхимъ Адамомъ мстительности и условнаго понятія о чести. Онъ бросаетъ взоръ на недоконченную картину Христа; съ полотна на него снова глянулъ носившійся передъ нимъ идеальный образъ, и художникъ ощутилъ страстное желаніе пойти къ Меленковскому, примириться съ нимъ и открыть ему смыслъ настоящей человѣческой жизни. Утромъ, когда жуиръ лежалъ еще въ кровати, къ нему явился Варѳоломеевъ, весь переполненный стремленіемъ переубѣдить его, произвести въ немъ переворотъ. Но едва два врага перекинулись нѣсколькими фразами, едва въ отвѣтъ на возвышенныя и не совсѣмъ понятныя разсужденія Варѳоломеева о необходимости всѣмъ стать союзниками въ борьбѣ со зломъ, Меленковскій бросилъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчаній, безумный порывъ гнѣва охватилъ все существо идеалиста... Одинъ мигъ—и вотъ онъ возлѣ своего врага, вотъ онъ хватаетъ его за горло, вотъ онъ бросаетъ его на коверъ, душитъ, бьетъ... Лишь пронзительный крикъ прислуги привелъ въ себя разсвирѣпѣвшаго Варѳоломеева, чуть было совсѣмъ не удушившаго того человѣка, къ которому онъ пришелъ съ самыми возвышенными мыслями.

Послѣ этого удивительнаго пассажа со своимъ героемъ, г. Тимковскій убираетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ со сцены, и, когда занавѣсъ снова взвивается, мы присутствуемъ при разговорѣ художника съ навѣстившимъ его пріятелемъ. Гость пораженъ страннымъ равнодушіемъ Варѳоломеева ко всему, о чемъ

заходитъ у нихъ рѣчь; а пріятель нашего художника затрогиваетъ нарочно вопросы, которые, по его мнѣнію, должны были сильно заинтересовать собесѣдника. Замужество вдовы, смерть жены Меленковскаго—все это скользитъ по поверхности души бывшаго идеалиста, едва вызывая односложныя замѣчанія. Когда разговоръ перешелъ на искусство, то Вареоломеевъ вяло признался, что у него нѣтъ теперь никакого идеала; что онъ пишетъ теперь машинально, потому что отчего не писать, когда дѣлать нечего другого, и когда все одинаково не интересно; но что онъ не можетъ во всякомъ случаѣ смотрѣть безъ отвращенія на уже написанныя вещи, а потому прячетъ ихъ въ ящики. Пріятель вынуждаетъ Вареоломеева показать ему послѣднія картины и, увидавъ ихъ, поражается, рядомъ съ проблесками крупнаго таланта, глубокой мизантропіей, отвращеніемъ къ человѣчеству, разлитымъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ. Добираются и до не оконченнаго Христа, которому на этотъ разъ художникъ придалъ свои глаза, но опять таки проникнутые такимъ глубокимъ, безпощаднымъ отвращеніемъ ко всему, проходящему передъ ними, что пріятель приходитъ въ ужасъ отъ этой художественной психологіи.

Изъ словъ временно разгорячившагося Вареоломеева оказывается, что это и есть его настоящее міровоззрѣніе, что раньше онъ лишь лгалъ на себя, что люди противны ему,—и все человѣчество вызываетъ въ немъ чувство физическаго омерзѣнія. Наконецъ, когда пріятель указываетъ въ этихъ болѣзненныхъ картинахъ на присутствіе нѣкоторыхъ проникнутыхъ искреннимъ идеализмомъ элементовъ, Вареоломеевъ не выдерживаетъ и признается, что мизантропія дѣйствительно не его послѣднее слово, а послѣднимъ словомъ будетъ вотъ что,—и при этомъ достаетъ небольшую, не конченную картину, которая изображала нервнаго, похожаго на самаго артиста молодого человѣка, готовящагося застрѣлиться въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, среди книгъ и бумагъ, передъ Распятіемъ, въ то время, какъ подпись гласила: „Быть или не быть".

Пріятель былъ пораженъ выраженіемъ мольбы, страха, мучительнаго недоумѣнія во взорахъ самоубійцы, прикованныхъ къ кресту и живо напоминавшихъ взглядъ самого Вареоломѣева. Онъ попробовалъ было обнадежить изстрадавшагося душой человѣка, доказать ему, что онъ еще „носитъ въ себѣ мысль о великомъ", и что, можетъ быть, онъ какъ разъ наканунѣ того момента, когда для него возгорится заря яркаго идеала. Но Вареоломеевъ долга молчалъ и, наконецъ, промолвилъ, что это не настанетъ для него раньше, чѣмъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ почувствуетъ Его... И снова взоръ его выражалъ мучительный вопросъ, свѣтившійся въ глазахъ самоубійцы на картинѣ „Быть или не быть"?!..

Я передалъ все существенное изъ повѣсти г. Тимковскаго, и полагаю, что, подобно мнѣ, читатель остановится въ недоумѣніи передъ общимъ смысломъ этого произведенія. Что оно выражаетъ собою? Какъ истолковать этого незауряднаго человѣка, который такъ скоро, на глазахъ читателя ожесточается, совершаетъ рядъ дикихъ поступковъ, впадаетъ въ какое-то напускное равнодушіе, подъ которымъ скрывается неопредѣленная, но мучительная тоска по чемъ-то крупномъ и хорошемъ? Хочетъ-ли авторъ сказать, вмѣстѣ съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, что художникъ долженъ быть художникомъ, а не „моралистомъ, философомъ, проповѣдникомъ"; что „для истиннаго художника дороги и интересны прежде всего краски, образы, картины, что бы они ни обозначали, какъ для музыканта звуки". Но, не забудьте, авторъ влагаетъ это исповѣданіе искусства для искусства въ уста того самаго Меленковскаго, котораго онъ изображаетъ самыми непривлекательными чертами, и который подъ этой формулой скрываетъ на самомъ дѣлѣ одно стремленіе поддѣлываться подъ вкусы публики и зашибать себѣ деньгу.

Или автора надо понимать такъ, что въ сущности искусство должно бы проникаться высокими жизненными идеалами, но между этимъ общественнымъ элементомъ артистическаго творчества и его самостоятельной природой, находящей въ самой себѣ цѣль, есть внутреннее противорѣчіе, которое удается разрѣшить лишь немногимъ привилегированнымъ мастерамъ, но которое фатально губитъ средніе таланты, бросая ихъ или въ сторону безыдейной игры красками и звуками, или въ сторону холоднаго выполненія заданной темы? Какъ ни смотрѣть на эту мысль, придется во всякомъ случаѣ сказать, что г. Тимковскій ввелъ нарушающій элементъ въ ея литературное выраженіе, изобразивъ своего героя ненормальнымъ человѣкомъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ, который скоро дѣлается ненормальнымъ подъ вліяніемъ не особенно понятныхъ для читателя причинъ. Не думаетъ же на самомъ дѣлѣ авторъ, что упомянутое противорѣчіе,—если оно вообще существуетъ, а оно врядъ ли существуетъ, такъ какъ въ немъ, напримѣръ, русская критика разобралась еще со временъ Добролюбова (вспомните начало его статьи „Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ"),—не думаетъ же, говоримъ мы, г. Тимковскій, что это противорѣчіе можетъ дѣйствовать такимъ гнетущимъ образомъ на средняго художника, что въ состояніи доводить его чуть не до формальнаго помѣшательства?

Или, наконецъ, авторъ просто хотѣлъ изобразить человѣка, одареннаго черезчуръ чувствительной организаціей, которая не выдерживаетъ упорнаго стремленія художника выразить въ конкретныхъ образахъ преслѣдующую его идею? И въ такомъ случаѣ мы, значитъ, имѣемъ дѣло съ жертвою своего собственнаго творческаго безсилія, въ родѣ злополучнаго героя „Шедевра"

Золя? Но тогда г. Тимковскій осложняетъ свою задачу съ другого конца, рисуя намъ не просто художника, хотя бы и упорно носящаго извѣстную идею, но человѣка, у котораго артистическія стремленія тѣсно переплетаются съ жизненными и входятъ лишь частными нитями въ пеструю и сложную ткань психологіи личности. Вообще какая-то двойственность лежитъ въ основаніи „Быть или не быть“ и мѣшаетъ опредѣленности впечатлѣнія и пониманію общаго смысла повѣсти. Странность душевнаго міра героя портитъ положительныя стороны произведенія г. Тимковскаго, которому удалось, напримѣръ, бѣглыми, но правдивыми чертами обрисовать типы нѣсколькихъ художниковъ,—въ числѣ ихъ,—спившагося таланта, богатой купеческой вдовы, ощутившей жадное желаніе „жызни“, какъ сочно выражалась она, ея безшабашной грузной сестры, ея поклонника Смурлова и прочихъ представителей, если можно такъ выразиться, зоологической психологіи.

Изображенію той же зоологической психологіи, скрашенной лишь внѣшнимъ глянцемъ культурности, посвящена, повидимому, повѣсть г. Боборыкина „Высшая школа“,—говорю повидимому, потому, что это произведеніе, помѣщенное въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“, еще не кончено. „Высшая школа“ это—говорю, опять таки, повидимому—сама жизнь, которая ставитъ одинъ за другимъ вопросы одной изъ представительницъ зоологическаго общежитія, именуемаго свѣтскимъ обществомъ, и цѣною душевной боли и страданій заставляетъ героиню повѣсти доходить до человѣческихъ отвѣтовъ на эти вопросы. Повѣсть написана въ видѣ дневника молодой и прекрасной, но беззаботной по части идей дамы, Натальи Петровны Узбековой, урожденной княжны Гадуровой, а во второмъ бракѣ графини Осининой, ибо послѣ семи лѣтъ совмѣстной жизни съ однимъ избранникомъ она развелась съ нимъ и вышла замужъ за другого избранника. Исторію развитія и, если можно такъ выразиться, очеловѣченія этого легкомысленнаго существа и должна, по всей вѣроятности, изображать „Высшая школа“, представляющая еще новую экскурсію г. Боборыкина въ область психологіи.

Въ послѣднее время нашъ плодовитый романистъ, какъ извѣстно, не столько „ловитъ моменты“ общественныхъ настроеній, сколько разрабатываетъ психологическіе вопросы. И дѣлаетъ это, признаться, къ нѣкоторому огорченію читателей, которые съ удовольствіемъ и пользою слѣдятъ за живымъ и интереснымъ отраженіемъ нашего коллективнаго бытія въ общественныхъ произведеніяхъ г. Боборыкина въ родѣ „Перевала“ или „Василія Теркина“, или „На ущербѣ“, но очень умѣренно восхищаются боборыкинскою разработкою собственно душевнаго міра героевъ.

Для этого г. Боборыкинъ слишкомъ скользитъ по поверхности, въ чемъ, конечно, для нашего автора нѣтъ ничего обиднаго: всякіе таланты бываютъ, и сила художественнаго дарованія г. Боборыкина заключается въ широтѣ и разнообразіи наблюденій, а не въ глубинѣ ихъ. Мнѣ кажется, если бы нашъ романистъ отдалъ себѣ надлежащій отчетъ въ этой особенности своего таланта и соотвѣтственно съ этимъ избиралъ бы сюжеты для своихъ произведеній, то въ выигрышѣ остались бы и читатели, и самъ г. Боборыкинъ, который могъ бы дать полный ходъ своей описательной манерѣ и кинематографическому схватыванію дѣйствительности. Не потому-ли такъ и вялы сравнительно послѣднія вещи г. Боборыкина, что въ нихъ онъ перенесъ центръ тяжести на внутренній міръ героевъ?

Какъ бы то ни было, въ „Высшей школѣ“ мы имѣемъ дѣло съ психологической повѣстью и должны вслѣдъ за авторомъ ступать на почву душевнаго анализа. На первыхъ страницахъ героиня рисуется намъ существомъ, столь мало затронутымъ мыслью, что, пожалуй, могла бы удовлетворить тому идеалу „бычачьей“ глупости, котораго требуетъ отъ женщины извѣстный, вѣроятно, г. Боборыкину французскій поэтъ, откровенно признающійся, что ему нѣтъ дѣла ни до „сердца“, ни до „души“ милой, а нужно лишь ея „тѣло“:

Je te veux ignorante, ô femme, je te veux bête,
Bête à manger de l'herbe, et ne comprenant rien,
N'ayant rien dans le coeur, n'ayant rien dans la tête
Stupide comme un boeuf, soumise comme un chien!...
Que m'importe ton coeur? que m'importe ton ame?
Je n'aime que ta forme et ne veux que ta chair!

Во всякомъ случаѣ, если прелестная Тата не дошла еще въ своей глупости до того, чтобы „ѣсть траву“, то, какъ настоящее стадное животное, она ни на минуту не задумывалась надъ своею жизнью, продѣлывая все, что полагается по штату людямъ ея общества. Въ своемъ дневникѣ героиня признается, что ее не учили „размышлять“ въ дѣтствѣ, а слово „душа“ въ ихъ кругѣ соединялось обыкновенно со словомъ „моя“ и была простымъ обращеніемъ, не заключавшимъ въ себѣ никакого смысла: о душѣ никто не думалъ. Единственная черта, которую можно отнести къ области морали, а не рутинныхъ процессовъ животной, лучше сказать даже, растительной жизни, была правдивость героини. Этой правдивости она научилась у своей гувернантки-англичанки или „миссиньки“ (какъ выражается она вслѣдъ за суфлирующимъ г. Боборыкинымъ, который чрезвычайно любитъ всѣ эти словечки съ вывертомъ, въ родѣ „мусьяковъ“, „шалушекъ“, „мерехлюндій“ и, кажется, серьезно полагаетъ, что они придаютъ необходимый мѣстный колоритъ столь часто изображаемой

имъ французско-нижегородской средѣ). Но на одной правдивости далеко не уѣдешь: героиня въ 17 лѣтъ вышла замужъ за такого же, какъ она, богатаго, высокороднаго и свободнаго отъ постоя мысли обитателя общественныхъ верховъ и очутилась лицомъ къ лицу съ „высшей школой“ самостоятельной жизни. Сначала наша Тата блаженствовала съ молодымъ и красивымъ мужемъ, который былъ даже прозванъ „Нимвродомъ“ за страсть къ охотѣ и вообще всяческимъ спортамъ и увлекъ этимъ времяпрепровожденіемъ и жену. Къ несчастью, послѣ пяти лѣтъ такой жизни, крупное состояніе обоихъ супруговъ потерпѣло значительныя аваріи, причиною которыхъ была въ особенности покупка конскаго завода, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивались бреши въ семейномъ бюджетѣ.

На восьмомъ году этой семейной жизни, достойной гомеровскихъ лотофаговъ, —дѣтей у четы не было—„Нимвродъ“ изъ ловца звѣрей превратился въ ловца человѣковъ, войдя въ компанію съ нечистоплотными аферистами. Онъ такъ быстро покатился по этой наклонной плоскости, что его ничего не подозрѣвавшая жена была ошеломлена, когда ей вдругъ представили фальшивый вексель мужа, поддѣлавшаго ея подпись. Послѣ гаденькой сцены слезъ и испрашиванья прощенья у своей Таты, мужъ, конечно, не остановился въ своемъ паденіи и сталъ Альфонсомъ богатой купчихи. На сей разъ жена не выдерживаетъ, рветъ окончательно съ своимъ „Нимвродомъ“ и добивается развода цѣною грязной процедуры, о которой она безъ содроганія не можетъ даже вспомнить; а отъ крупнаго состоянія у нея не остается ничего. Первый курсъ „высшей школы“ пройденъ. Начинается второй, который Татѣ приходится проходить подъ руководствомъ новаго профессора. Имъ является второй ея мужъ, изящный эстетъ, моралистъ, сверхчеловѣкъ, спиритъ, кантіанецъ, ничшеанецъ, буддистъ, шопенгауэристъ, и т. п.,—короче сказать, графъ Валерій Петровичъ Осининъ...

Вѣроятно, читатель остановитъ меня здѣсь и выразитъ свое удивленіе по поводу страннаго сочетанія эпитетовъ, которыми я пытался охарактеризовать личность новаго наставника Таты. Но я принужденъ укрыться за непочтительную, но энергичную русскую поговорку: „Люди ложь, и мы тожь“. Я здѣсь не при чемъ, такъ какъ моя характеристика столь многограннаго графа представляетъ лишь сокращенное указаніе примѣтъ, изъ которыхъ слагается умственная физіономія героя согласно самому тексту повѣсти г. Боборыкина.

Такъ, съ. одной стороны, нашъ Валерій Петровичъ „читаетъ Канта“ и даже „его настольная книга по нѣмецки—„Критика чистаго разума“. Ждешь, конечно, поэтому, что въ области практическаго разума философическій графъ стоитъ за категорическій императивъ и его по нѣмецки тяжеловѣсную формулу: „по-

ступай такъ, чтобы максима твоей воли служила вмѣстѣ съ тѣмъ принципомъ всеобщаго законодательства". И вдругъ вмѣсто этого положенія кенигсбергскаго ригориста „у Валерія оказывается,—повѣствуетъ намъ плѣненная ученостью мужа Тата,—совершенно свой взглядъ на то, что называется *добромъ* и *зломъ*, правомъ и обязанностью". И взглядъ этотъ таковъ:

снисходительнѣе, терпимѣе къ слабостямъ и порокамъ нельзя быть болѣе, чѣмъ онъ. Ни въ кого онъ не броситъ камень и—въ этомъ смыслѣ—онъ на высотѣ евангельскаго всепрощенія. Только онъ требуетъ, чтобы никто не носилъ маски, чтобы всѣ прямо и открыто были тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, (февраль, стр. 9).

Не смотря на упоминаніе всуе евангельскаго всепрощенія, тутъ сіятельный графъ рисуется скорѣе ученикомъ Ничше, который, какъ извѣстно, именно требуетъ, чтобы люди развивали по возможности въ чистомъ видѣ, „прямо и открыто", жизненную энергію, независимо отъ ея направленія, культивировали „волю ко власти" (Wille zur Macht), создавали новыя психическія „цѣнности", отдавались не только хорошимъ, но и „дурнымъ страстямъ", комбинировали въ жизни радости и горести, истину и иллюзію и презирали всякую „мораль рабовъ", какъ и всякій вообще опредѣленный кодексъ нравственности. И, дѣйствительно, прихвастнувъ Татѣ, что Ничше, „для меня уже тамъ, позади", Валерій тѣмъ не менѣе выпаливаетъ въ свою ученицу такой ничшеанской фразой, отъ которой у милой дамы даже „по всему тѣлу пошли мурашки вродѣ сладкаго щекотанья": „смѣшно устанавливать для всѣхъ людей и на всѣ времена правила морали... Что такое добро, что зло, не то исконное и неизбытное, а формальное, сочиненное?" А когда Тата добивается болѣе подробнаго объясненія, то между мужемъ и женой возникаетъ даже слѣдующій чуть не платоновскій діалогъ:

— Ты, Валерій, всетаки не врагъ условной морали?—настойчивѣе спросила я.

— Безусловно!

— Чѣмъ же ее замѣнить?

— Тѣмъ, что тебѣ, въ данную минуту, кажется простымъ и законнымъ.

— Это хорошо въ теоріи, но когда дѣло дойдетъ до настоящей жизни...

— Ты можешь меня поймать... Даю тебѣ carte blanche.

Глаза его скосились на меня. И въ голосѣ дрогнули жуткія для меня струны.

— И ты способенъ былъ бы перешагнуть всякую—convention, даже если поступокъ будетъ прямо дурной или нечестный?

Голосъ мой тоже завибрировалъ.

— Не знаю. Я ничего не стану рѣшать впередъ. Ручаться за себя никто не можетъ и не долженъ (стр. 23).

Но дальше на этой морали сверхчеловѣка сіятельный философъ сталъ уже строить еще какую-то теорію насчетъ того, что „всѣ мы—сколько насъ ни есть на свѣтѣ—только *ипостась*

живыхъ существъ", и что у „высшихъ организмовъ на Марсѣ" должна быть своя мораль. Отъ этихъ словъ Татѣ стало „еще жутче" („вотъ, напримѣръ, металлъ, каково слово?"—какъ грозно вопрошаетъ у Островскаго приказный перетрусившую купчиху). А читатель, котораго этими жупелами не напугаешь, соображаетъ, что блистательный Валерій если и не спиритъ, то вродѣ этого, ибо вѣритъ въ возможность „проникать черезъ матеріальныя преграды" (ibid., стр. 21). Читатель начинаетъ припоминать, что еще одной-двумя страницами раньше философическій графъ развивалъ что-то въ родѣ плохо понятаго шопенгауэризма („если бы человѣчество захотѣло — сразу все — побороть въ себѣ волю жить", стр. 18), а еще страницей выше впадалъ въ наивное манихейство:

Этотъ предвѣчный духъ, по своему соизволенію... выдѣлилъ изъ себя одинъ элементъ всего сущаго... То, что мы называемъ матеріей или силами... какъ хочешь... И начался хаосъ...

Онъ выговорилъ это слово такъ, что я даже вздрогнула (стр. 16).

Бѣдная Тата! „хаосъ"—каково слово, каковъ металлъ? Поневолѣ прерываешь цитату и ждешь, пока пройдетъ у дамы метафизическая дрожь.

Хаосъ,—повторилъ Валерій, — такой же безконечный, но уже лишенный блаженства, гармоніи, уже носящій въ нѣдрахъ своихъ зло и страданіе...

— Зачѣмъ?—не удержалась я.

— Зачѣмъ? — Я не знаю! Но это такъ. Мы всѣ обречены на эти два исчадія духа тьмы. И ты не обижайся, Тата. Этотъ элементъ, отдѣленный отъ начала вѣка—женскій (стр. 17). И т. д. и т. д.

Итакъ, вотъ: теперь мы уже забрались въ ученіе о борьбѣ двухъ началъ, и самоновѣйшій мыслитель, приводящій Тату въ трепетъ своею оригинальностью, угощаетъ насъ вещами, которыя насчитываютъ столѣтій этакъ семнадцать существованія и противъ которыхъ боролся уже блаж. Августинъ. Правда, въ качествѣ „стильнаго кавалера" нашъ герой превратилъ князя тьмы, tenebrarum principem, манихейства въ женское начало; но это уже дань тому l'éternel féminin, которое столь часто упоминаютъ въ своихъ разговорахъ франко-нижегородцы. Спрашивается, что прикажете думать читателю о второмъ профессорѣ „высшей школы", которому г. Боборыкинъ приписываетъ, однако, сильное интеллектуальное вліяніе на супругу и котораго ему хочется нарисовать необыкновенно интереснымъ субъектомъ? Не то ли, что это, повидимому, такой же попугай и снобъ, какой глаза намъ намозолилъ въ различныхъ разновидностяхъ двуногихъ особей зоологическаго общежитія?..

Смѣшно, конечно, къ дѣйствующему лицу повѣсти предъявлять тѣ же требованія, что и къ философскому трактату; и не этотъ экзаменъ интересуетъ насъ въ личности Валерія. Но г. Боборы-

кинъ пишетъ повѣсть, главный интересъ которой заключается не во внѣшнихъ событіяхъ, а въ развитіи внутренняго міра героини, внѣшнія же событія являются лишь вѣхами этого развитія. Съ другой стороны, г. Боборыкинъ не безъ удовольствія останавливается на мысляхъ, чувствованіяхъ, идеяхъ и общемъ міровоззрѣніи героя, который, какъ видно изъ повѣсти, заставляетъ впервые серьезно задумываться свою легкомысленную супругу. Вотъ намъ и захотѣлось поближе посмотрѣть, что же собственно представляетъ собою этотъ развиватель. И оказалось, что такого сумбура, да еще приправленнаго самомнительными претензіями, какой царитъ въ головѣ графа Осинина, не скоро отыщешь даже во взглядахъ людей его среды. Тѣ хоть по большей части живутъ попросту, какъ полагается имъ жить, и не выдаютъ себя за мыслителей. Валерій же носитъ свою голову положительно словно драгоцѣнный сосудъ, и надо быть Татой, чтобы испытывать метафизическую „дрожь" и идейную „сладкую щекотку", когда профессоръ разряжаетъ свою философскую митральезу въ присутствіи ученицы. Можно, пожалуй, предположить еще одно: г. Боборыкинъ захотѣлъ подсмѣяться надъ мыслителями изъ лагеря лотофаговъ и въ самомъ восхищеніи Таты умомъ и чувствами мужа нашелъ лишь новый пріемъ тонкой ироніи. Къ сожалѣнію, эта иронія настолько тонка, что прямо незамѣтна для невооруженнаго глаза; и, наоборотъ, временами самъ беллетристъ, повидимому, искренно восторгается интеллектомъ своего литературнаго созданія.

Во всякомъ случаѣ, глубокомысленный Валерій не удерживается на высотѣ своего сверхчеловѣческаго пьедестала и на послѣднихъ страницахъ появившейся части „Высшей школы" ведетъ себя ничѣмъ не лучше, чѣмъ велъ бы себя какой нибудь „Нимвродъ". Дѣло началось было по возвышенному: Валерій и Тата, гуляя на Ривьерѣ, встрѣтились съ прелѣпой—разумѣется „стильной" — красавицей, и это видѣніе такъ поразило нашего глубокомысленнаго эстета, что онъ даже разразился передъ своей супругой тирадой, на тему, что надо умѣть „любить любовь", но обыкновенные смертные не способны на это. Желая доставить своему супругу удовольствіе, Тата сама облегчала возможность Валерію познакомиться съ красавицей; но когда это случилось, заревновала, обидѣлась, не согласилась протянуть руку прекрасной незнакомкѣ. Наоборотъ, Валерій такъ быстро успѣлъ „полюбить любовь", что черезъ нѣкоторое время рѣшилъ нестись за богиней въ Россію,—богиня была, повидимому, актрисой,—а за Валеріемъ понеслась на родину и самоотверженная Тата, желая спасать своего трансцендентнаго супруга отъ опасности черезчуръ сильнаго увлеченія дѣвой.

Въ Петербургѣ любовь Валерія росла еще быстрѣе, и, наконецъ, въ одно прекрасное утро Тата узнала, что ея сверхчело-

вѣкъ взялъ крупный кушъ изъ банка — у Валерія было свое довольно большое состояніе, тогда какъ у Таты не осталось ничего,—и повергъ этотъ кушъ къ ногамъ богини. А вскорѣ послѣ этого Тата была поражена зрѣлищемъ Валерія, вбѣжавшаго въ ея комнату въ жалкомъ полубезумномъ видѣ и катавшагося съ плачемъ по полу, жалуясь своей супругѣ на жестокость дѣвы, которая не хочетъ больше его принимать, такъ какъ предпочла ему, „стильному" эстету, богача-купца. Бѣдная Тата! каковъ репримандъ неожиданный! Но даже и сторонній человѣкъ, напр. читатель, не безъ огорченія смотритъ, какъ нашъ кантіанецъ, ничшеанецъ, шопенгауэристъ и какъ еще его тамъ, превращается въ самаго зауряднаго ухаживателя, которому не повезло и который распускаетъ нюни. Дѣйствительно, раньше, когда безукоризненный Валерій говорилъ о свободѣ отъ обыкновенной морали, о хожденіи по ту сторону добра и зла или о манихейскомъ принципѣ страданія, то читателямъ могло казаться, что и въ перипетіяхъ личной жизни онъ долженъ быть головою выше обыкновенныхъ смертныхъ и обращаться къ гордому духу зла съ гордыми же словами à la Кардуччи:

Salute, o Satana,
O ribellione,
O forza vindice
Della ragione!...

И вдругъ, вмѣсто братскаго гимна Сатанѣ — вхлипываніе на коврѣ и рванье волосъ, и—какъ оказалось изъ хнычущаго разговора съ Татой—расточенье своего состоянія на покупныя ласки дѣвы, и отчаяніе, что нашелся болѣе солидный покровитель. Сверхчеловѣкъ проснулся нѣсколькими днями позже, но проснулся на словахъ, а не на дѣлѣ, и читатель удивляется, почему именно послѣ этихъ, въ сущности бравирующихъ пустотой, словъ Тата рѣшила порвать съ Валеріемъ и всѣми его „стилями". А слова эти были вотъ какія и вотъ по какому поводу. Пріятельница Таты, Шура Чадурова, возмущенная сверхчеловѣческимъ поведеніемъ эстета, завела какъ-то въ присутствіи мужа и жены разговоръ о модномъ процессѣ, истязательствѣ бѣдной дѣвочки ея воспитателемъ. Валерій счелъ долгомъ замѣтить (чтобы благоудивить дамъ?), что въ сущности лишь „филистерская мораль" можетъ осуждать истязателя, и что его можно защищать, разъ онъ находитъ для себя нѣчто „привлекательное" въ этомъ мучительствѣ, потому, видите-ли, что „есть разныя душевныя состоянія... требующія особыхъ возбужденій". Чадурова въ негодованіи удалилась; Тата заперлась у себя въ комнатѣ и рѣшила разойтись и со вторымъ своимъ профессоромъ „высшей школы". На этомъ обрывается пока повѣсть, и читатель спрашиваетъ себя: почему именно эти слова такъ возмутили Тату? Вѣдь, въ сущности, это

лишь частное примѣненіе тѣхъ самыхъ взглядовъ Валерія, которые въ теченіе года совмѣстной жизни бросали нашу дамочку то въ „дрожь“, то въ „сладкую щекотку“. Затѣмъ, эстетъ говоритъ, а вѣтеръ носитъ: сверхчеловѣкъ до сихъ поръ не проявилъ на дѣлѣ никакихъ злодѣйствъ; а его поведеніе съ дѣвой, катанье по полу и соренье деньгами отнюдь не относится къ области поступковъ, находящихся по ту сторону добра и зла, но, наоборотъ, очень часто практикуется людьми, живущими обыкновенной традиціонной моралью лотофаговъ. Правда, онъ признавался въ своихъ дѣяніяхъ женѣ; но вѣдь это скорѣе показываетъ, что нашъ сверхчеловѣкъ былъ не крупныхъ злодѣемъ, и даже вовсе не злодѣемъ, а дрянымъ и слабымъ эгоистомъ, маленькимъ и жалкимъ человѣкомъ, молившимъ о поддержкѣ и сочувствіи то самое существо, которое онъ же оскорблялъ въ лучшихъ чувствахъ.

Слова были, точно, возмутительны. Но, разобравши уже своего мужа, Тата должна была бы понять, что это именно такія слова, которыми эстеты любятъ пугать средняго обывателя. Сказываютъ, что Бодлэръ, въ которомъ декаденты видятъ отчасти одного изъ своихъ отцовъ, любилъ подшучивать надъ своими восторженными поклонниками, и когда кто-нибудь изъ новыхъ цѣнителей приходилъ къ нему знакомиться, онъ молча приглашалъ его садиться. Но лишь только поклонникъ опускался на кресло, Бодлэръ самымъ трагическимъ голосомъ восклицалъ: „несчастный, не на это, не на это! Что вы сдѣлали? Вѣдь вы сѣли на моего покойнаго отца! Я его кожей обтянулъ это кресло“. Разумѣется, ошеломленный гость взвивался подъ потолокъ, а Бодлэръ смѣялся надъ своей сатанинской шуткой. Нѣчто въ родѣ этой шутки эстетъ Валерій продѣлалъ и надъ дамами, и нужна было наивность Таты и Шуры, чтобы принять въ серьезъ апологію мучительства.

Есть, впрочемъ, еще одно соображеніе,—и имъ мы закончимъ пока разборъ „Высшей школы“—а именно относительно самого характера Валерія. Дурно или хорошо, но, повидимому, г. Боборыкинъ очень старался представить эстета въ загадочно-привлекательномъ свѣтѣ на первыхъ порахъ его появленія. Мы уже видѣли, какою массою философическихъ обрывковъ авторъ зарядилъ своего изящнаго героя, и читатель повѣсти найдетъ, что и въ смыслѣ практической морали г. Боборыкинъ потрудился надъ сверхчеловѣкомъ, стараясь совершенно выдѣлить его сознательностью изъ міра „Нимвродовъ“. Спрашивается, почему нашъ эстетъ является, наоборотъ, такимъ обыкновеннымъ рутиннымъ существомъ, какъ только его затронулъ мало-мальски сильный аффектъ, и почему это нравственное крушеніе происходитъ съ нимъ какъ разъ въ той области, гдѣ онъ долженъ былъ, такъ сказать, по спеціальности быть „по ту сторону“ обычныхъ пріемовъ своей среды, а именно въ области восхищенія красотой.

Неужели умѣть „любить любовь"—значитъ, подобно всѣмъ „Нимвродамъ", кататься по полу и заливаться слезами, когда дѣло не выгорѣло, а для того, чтобы оно выгорало, прибѣгать къ денежной артиллеріи? По нашему, Валерій смѣшонъ и въ началѣ, но все же тутъ г. Боборыкинъ видимо старался сдѣлать его не смѣшнымъ; а затѣмъ Валерій является такимъ типичнымъ представителемъ франко-нижегородцевъ, что трудно даже себѣ представить, чтобы то былъ тотъ самый сверхчеловѣкъ. Откуда эта надломанность типа? Или опять-таки это результатъ тонкой-претонкой ироніи г. Боборыкина, который умышленно пытается заинтересовать читателя философическимъ графомъ въ первой части, чтобы вскрыть ничтожество этого эстета во второй? Какъ ни какъ, пробужденная нашимъ сверхчеловѣкомъ къ сознательной жизни, Тата возмущается и вторымъ профессоромъ „высшей школы". Удастся-ли легкомысленной дамѣ добраться до истинно человѣческаго взгляда на жизнь?

Такъ какъ мы заняты г. Боборыкинымъ, то оставимъ на время „Русскую Мысль" и обратимся къ другой повѣсти того же автора, напечатанной уже въ „Вѣстникѣ Европы", а именно въ январьской книжкѣ за этотъ годъ, подъ заглавіемъ „Законъ жизни". Это тоже экскурсія г. Боборыкина въ психологическій міръ, и экскурсія, можетъ быть, еще менѣе интересная, чѣмъ „Высшая школа". Тема, затронутая авторомъ въ этомъ произведеніи, столько разъ подвергалась литературной обработкѣ, что надо что-нибудь дѣйствительно свѣжее и сильное, чтобы устранить впечатлѣніе уже видѣннаго и пріѣвшагося. Жила-была прекрасная чета, — онъ, молодой и талантливый профессоръ, она очаровательная полуфеминистка. Супруги очень любили другъ друга, и любили тѣмъ болѣе, что дѣтей у нихъ не было, ибо дѣтей они, наоборотъ, не любили и имѣть не желали. Эта профессорско-феминистская идиллія длилась уже третій годъ. Но увы! какъ гласитъ поговорка, распространенная между бѣдными чиновниками: „нѣтъ денегъ передъ деньгами, нѣтъ дѣтей передъ дѣтьми". Въ одно прекрасное утро супруга почувствовала себя нездоровой, и приглашенный докторъ констатировалъ беременность. Прощай идиллія: супруга не можетъ больше ѣздить по пріютамъ и на засѣданія различныхъ обществъ; а супругъ вовсе пріунылъ и сталъ очень скверно читать лекціи.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы!..

А „законъ жизни" изъ законовъ законъ. Упорствуй, не упорствуй, онъ тебя все равно предоставитъ въ то мѣсто, куда надо по чину естества. И черезъ положенное число мѣсяцевъ — хо-

лостой аппартаментъ супруговъ Ясоновыхъ огласился крикомъ маленькаго сына. Это появленіе новаго существа совершило психологическое чудо: мать, которая во время беременности была очень недовольна сюрпризомъ природы, вдругъ сейчасъ же послѣ рожденія воспылала любовью къ младенцу и, замѣтивъ холодность мужа, стала „молиться наединѣ въ храмѣ“ материнскаго чувства. Но и мужъ сначала было посопротивлялся, а затѣмъ и самъ тоже размякъ, замѣтивъ страстную любовь матери къ сыну, и вотъ, послѣ нѣсколькихъ эгоистичныхъ колебаній, онъ сдается на капитуляцію передъ „закономъ жизни“, нѣжнымъ поцѣлуемъ давъ женѣ понять, что онъ принимаетъ новое положеніе вещей. Дѣлаетъ онъ это безъ особаго восторга—„такъ будетъ лучше“, говоритъ онъ шопотомъ, который подслушалъ романистъ,—но лиха бѣда начать: будемъ надѣяться, что слѣдующіе разы „законъ жизни“ будетъ соблюдаться профессоромъ съ большею готовностью жертвовать своими личными удобствами здоровью и счастью молодого поколѣнія. Аминь!..

Я уже сказалъ раньше, что эта повѣсть невольно вызываетъ въ памяти аналогичныя же тезы. „Законъ жизни“ сбивается—и сбивается не къ своей выгодѣ—то на психологію героевъ Толстого (чета Пьера и Наташи Безуховыхъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, Китти и Левина въ „Аннѣ Карениной“), то на чувствованія одного изъ героевъ Эдуарда Рода, обработавшаго сходный нѣкоторыми сторонами сюжетъ въ романѣ, носящемъ даже близкое названіе „Смыслъ жизни“ (*Le sens de la vie*; см. особенно начало второй книги: „Paternité“). Тутъ и проза жизни, которая врывается вмѣстѣ съ дѣтьми, и развѣнчиваніе поэтическаго чувства любви между мужчиной и женщиной, среди пеленокъ и крика. Но тутъ же и развитіе альтруистическихъ чувствъ, хотя бы въ узкой сферѣ выращиванія своей молоди; тутъ же и пріобрѣтеніе „смысла жизни“ путемъ умноженія нитей, которыя связываютъ человѣка съ окружающими. Всѣ эти ассоціаціи идей еще болѣе портятъ впечатлѣніе отъ слабой повѣсти г. Боборыкина, которому мы желаемъ возвратиться къ общественнымъ темамъ и изображенію современныхъ теченій.

Отъ культурныхъ людей верховъ общества мы переходимъ къ тѣмъ, кто поддерживаетъ на себѣ всю эту пирамиду, и кто у насъ, въ медленно развивающейся Россіи, отожествляется въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ крестьянствомъ. Теперь все чаще и чаще начинаютъ раздаваться жалобы, что если прежде наша „народническая“ литература насквозь провоняла мужикомъ, то въ послѣднее время этого мужика совсѣмъ почти отсюда изгнали, оставивъ его развѣ на задворкахъ словесности. Теперь критика начинаетъ отдавать себѣ отчетъ, что въ сущности послѣ Успенскаго изученіе крестьянства совершенно остановилось. И

вмѣсто художественнаго изображенія его коллективной психологіи мы въ лучшемъ случаѣ встрѣчаемся или съ микроскопическими бытовыми картинками изъ мужицкаго быта, или кой съ какими беллетристическими обобщеніями, на которыхъ лежитъ отпечатокъ предвзятой мысли. Да и такихъ одностороннихъ обобщеній очень мало. Послѣднимъ возбудившимъ сенсацію произведеніемъ этого рода были, если не ошибаюсь, „Мужики" г. Чехова. Но эта сенсація была вызвана причиною, не зависѣвшею отъ таланта или проницательности автора: въ жесткомъ приговорѣ г. Чехова надъ крестьянами, подвернувшимися подъ его художественный объективъ, модная въ то время теорія русскихъ „марксистовъ" усмотрѣла нѣчто въ родѣ соціологическаго откровенія. Когда талантливому беллетристу „казалось",—и, замѣтьте, казалось въ нѣкоторые „часы и дни", — что „эти люди живутъ — хуже скотовъ", что „жить съ ними было страшно", то хоръ „учениковъ" разражался восторженнымъ гимномъ въ славу писателя, который, молъ, наносилъ такой чувствительный ударъ иллюзіямъ „народничества".

При этомъ нашими любителями „діалектики" забывалось какъ разъ одно изъ основныхъ положеній ихъ доктрины, а именно, что лишь завзятый метафизикъ можетъ отвѣчать на любой самый сложный вопросъ категорическимъ „да" или не менѣе категорическимъ „нѣтъ", но что для заправскаго марксиста-діалектика отвѣтъ долженъ быть „и да, и нѣтъ", или „ни да, ни нѣтъ",—словомъ, долженъ указывать на сочетаніе въ общественномъ явленіи противорѣчивыхъ элементовъ, сосуществованіе и борьба которыхъ именно и опредѣляютъ возможность „становленія" и „развитія". Благодаря своему метафизическому взгляду, наши марксисты мало того, что разъ навсегда—при всевозможныхъ мыслимыхъ условіяхъ—отказались видѣть собственно въ крестьянствѣ способный къ прогрессу факторъ, отвѣтивъ категорически „нѣтъ" и такимъ образомъ лишь перегнувъ категорическое „да" народничества 70-хъ годовъ,—но они смѣшали въ одну кучу всѣхъ мыслителей и дѣятелей, которые не слѣдовали за ними, и всѣхъ ихъ подвергли остракизму подъ однимъ общимъ названіемъ „народниковъ".

А между тѣмъ этой общей проскрипціи, которую учинялъ литературный coup d'Etat нашихъ „учениковъ", подвергались такіе, напр., противоположные писатели, какъ Успенскій и Каблицъ-Юзовъ (чтобы говорить только о сошедшихъ со сцены),—Успенскій, который отличался необыкновенно трезвымъ и реальнымъ взглядомъ на крестьянство, и Каблицъ, который въ „Недѣлѣ" обвинялъ Успенскаго въ прямой клеветѣ на народъ и такъ и величалъ его „либераломъ", пищущимъ „о сѣромъ мужикѣ". И, однако, если Каблицъ въ своей апологіи крестьянскихъ воззрѣній доходилъ до Геркулесовыхъ столбовъ, то Успенскій такъ далеко продвинулся въ глубокомъ анализѣ крестьянской психологіи, что

даже и съ точки зрѣнія „экономическаго матеріализма“ ни одинъ изъ русскихъ „учениковъ“ не далъ ничего болѣе сильнаго и безстрашно-правдиваго. Помните въ его „Власти земли“ необыкновенно умныя, почти геніальныя соображенія насчетъ природнаго совершенства организаціи „галки“, поставленной въ свои нормальныя условія, и такого же совершенства мужицкой психологіи въ узкой сферѣ земледѣльческаго труда? Помните, какъ изъ „ржаного поля“ онъ выводитъ извѣстныя формы людскихъ отношеній и изъ привычекъ сига рыболовную артель? Помните, какъ, съ другой стороны, онъ безпощадно изображаетъ чудовищную психологію „Мишанекъ“, выбитыхъ изъ колеи традиціоннаго существованія? И помните, наконецъ, какимъ глубокимъ аккордомъ звучитъ его сопоставленіе двухъ раздѣленныхъ всѣмъ разстояніемъ цивилизаціи началъ: безсознательно-инстинктивнаго строя первоначальной общины и „союза всесторонне развитыхъ людей“ современной Европы:

Если культурный человѣкъ, послѣ всѣхъ усилій ума, воли и знанія, послѣ всѣхъ страданій, послѣ морей крови, придетъ къ тому же типу, который въ нашемъ крестьянинѣ уже есть, существуетъ во всей красѣ и силѣ — не завоеванныхъ имъ, а взятыхъ даромъ—тогда ужъ и самостоятельность, и независимость этого своей волей выбившагося изъ мрака и холода мукъ человѣка будетъ вѣковѣчная!.. Его не сокрушитъ *случай*, не сокрушитъ дуновеніе вѣтра, какъ сокрушаетъ нашего теперешняго представителя этого типа, крестьянина («Безъ своей воли», III).

Какъ бы то ни было, вся эволюція, которой подвергалось наше крестьянство послѣ духовной смерти Успенскаго,—а эта эволюція, можетъ быть, была и довольно ощутительной, хотя мы и не знаемъ этого,—вся, говорю, эта эволюція не нашла себѣ выраженія въ нашей литературѣ, обнаруживающей поразительную бѣдность наблюденій изъ деревенскаго быта. Со словъ статистиковъ, особенно типа „учениковъ“, мы говоримъ теперь о пролетаризаціи, о разслоеніи деревни, о безповоротномъ крушеніи общины—и нѣтъ ни одного мало-мальски выдающагося беллетриста, который бы познакомилъ большую публику съ тѣмъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ крестьянскій вопросъ начинаетъ все болѣе и болѣе занимать умы представителей наиболѣе передовыхъ партій Европы, мы, съ своимъ громаднымъ деревенскимъ населеніемъ, остановились въ литературѣ на беллетристикѣ 80-хъ годовъ.

Прямо начинаешь опасаться, что это систематическое игнорированіе крестьянской жизни нашей „изящной“ литературой можетъ вызвать, наконецъ, по закону реакціи, такое же теченіе излишней идеализаціи деревни, освободиться отъ котораго было крупной исторической заслугой русской общественной мысли на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. И желаешь, въ видахъ правильнаго развитія соціальнаго идеала, чтобы нашлись художники,

которые, не сходя съ почвы трезваго анализа деревни, характеризовавшаго Успенскаго, занялись бы изображеніемъ дѣйствительной эволюціи, совершающейся въ современномъ крестьянствѣ. Общая отсталость деревни, оторванной всяческими неблагопріятными условіями отъ культурнаго движенія городскихъ центровъ; но на этомъ мрачномъ фонѣ все учащающіяся свѣтлыя точки умственнаго и нравственнаго развитія, охватывающаго молодую деревенскую интеллигенцію,—такова, по моему мнѣнію, дѣйствительная схема крестьянской эволюціи, которую должны будутъ облечь въ художественныя формы продолжатели Успенскаго. По крайней мѣрѣ, присматриваясь къ тому сравнительно немногому, что пишется теперь о деревнѣ, я считаю наиболѣе вѣроятнымъ это направленіе беллетристики. Въ частности меня навели на такую мысль двѣ вещи, помѣщенныя въ ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли“: это, съ одной стороны, сценки „Изъ лѣтописи голоднаго года“ г. Василія Якимова, а съ другой—не претендующій ни на какую беллетристику простой отчетъ о „Музыкальной экскурсіи Судосевцевъ“ г-жи В. С. Сѣровой.

Два небольшіе разсказа г. Якимова „Съ хорошимъ хлѣбомъ“ и „Антихристова помощь“ производятъ впечатлѣніе на читателя именно потому, что рисуютъ современную деревню, какъ она есть, и именно въ тотъ моментъ, когда обостреніе хроническаго процесса обнищанія крестьянства выбиваетъ совершенную по своей организаціи „галку“-человѣка изъ нормальныхъ условій существованія, подчеркивая и хорошія, и дурныя стороны его... Вотъ мы ѣдемъ съ авторомъ среди унылыхъ снѣжныхъ полей, морозной зимней ночью. Встрѣчается по пути маленькій несчастный мужиченко, котораго плохо защищаютъ отъ лютой стужи рваный полушубокъ и огромный дырявый же треухъ. Мужиченко усиленно прискакиваетъ отъ холода и, хотя ему остается еще верстъ двадцать до дому, отказывается отъ приглашенія проѣзжающихъ подвезти: онъ грѣется ходьбой и боится застыть въ повозкѣ. Путники заночевали на постояломъ дворѣ, куда черезъ нѣкоторое время является и встрѣченный ими крестьянинъ. Въ избѣ человѣкъ двадцать мужиковъ и богатый кулакъ; изъ разговора авторъ узнаетъ, что въ ихъ мѣстахъ давно ужъ пекутъ хлѣбъ изъ муки, смѣшанной пополамъ съ желудями, а иные такъ прямо гнилушки въ ходъ пускаютъ. Мужиченко, въ свою очередь, уже не безъ нѣкоторой гордости сообщаетъ, что у него въ мѣшкѣ четыре корова заправскаго, „хорошаго“ хлѣба, и что онъ несетъ ихъ своимъ ребятамъ. Торопясь побаловать дѣтей этимъ рѣдкимъ гостинцемъ, онъ не успѣлъ еще путемъ обогрѣться, какъ снова пускается въ дорогу, не смотря на удивленіе хозяина... Авторъ же заночевалъ и выѣзжаетъ лишь на слѣдующій день. Приближаясь къ деревнѣ, куда торопился мужиченко, путники встрѣчаютъ толпу народа: среди нея на саняхъ лежалъ

замерзшій человѣкъ, подобранный кѣмъ-то по дорогѣ,—то былъ счастливый владѣлецъ четырехъ короваевъ, такъ и не успѣвшій при жизни порадовать „хорошимъ“ хлѣбомъ дѣтишекъ, которыя стояли теперь возлѣ мертваго и горько плакали.

Сцена вторая. Въ деревнѣ свирѣпствуетъ голодъ, ходитъ цынга и прочія болѣзни. Пріѣхавшимъ интеллигентамъ удалось устроить столовую, прежде всего для ребятъ, и вотъ уже нѣсколько дней блѣдныя изнуренныя лица дѣтей снова свѣтятся радостью. Не ѣдятъ только внучата бабушки Ненилы, которая сама упорно отказывается отъ предлагаемаго хлѣба и своимъ ребятамъ строго на-строго запретила брать его. Почему? Потому, что Ненила видѣла, какъ господа записывали въ книжку фамиліи голодающихъ, и сообразила, что то не спроста, что пріѣзжіе подосланы Антихристомъ, который далъ имъ приказъ сначала кормить народъ, а потомъ „печати класть“ и губить души христіанскія. Ненила пользуется авторитетомъ: черезъ нѣсколько дней, въ антихристову столовую не пришло уже половины старухъ, которыя тоже не хотятъ изъ-за куска хлѣба лишиться царства небеснаго. И снова болѣзни съ удвоенною силою свирѣпствуютъ въ деревнѣ. Какъ-то интеллигенты, чтобы спасти Ненилиныхъ внучатъ отъ голодной смерти, забрались было въ избу къ дѣтямъ въ отсутствіе бабушки, и уже мальчикъ и дѣвочка жадно принялись глотать данный имъ хлѣбъ, какъ вдругъ на порогѣ появилась страшная, худая, покрытая отъ голоду какими-то зелеными пятнами Ненила и въ ужасѣ стала гнать „антихристову помощь“: „Не тронь... ступай... ступай... не погань дѣтскія душеньки“... Присутствовавшій при этомъ статистикъ—повидимому, изъ „учениковъ„—жестоко разносилъ „идіотизмъ деревни“.

Двѣ сцены г. Якимова рисуютъ намъ психологію „галки“ съ ея положительными, но и съ ея отрицательными сторонами, выростающими—и тѣ, и другія—изъ самыхъ основъ народной, оторванной отъ историческаго прогресса жизни, которая поставлена въ самыя тяжелыя условія и подавляетъ своимъ монотоннымъ гнетомъ рядового человѣка деревни. Этотъ человѣкъ далеко не лишенъ добрыхъ и самоотверженныхъ чувствъ, и фигура отца, который такъ просто, безъ всякихъ фразъ и лишней риторики, уходитъ въ ночь и стужу, чтобы поскорѣе накормить голодающихъ ребятъ, въ состояніи пристыдить своей грубой, но могучей духовной красотой любого изъ родителей культурнаго общества, распространяющихся о слабости любви къ дѣтямъ. Съ другой стороны, вы видите средняго же человѣка деревни закованнымъ въ такія цѣпи традиціи и обычая, какія изслѣдователь культуры находитъ лишь на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

И нельзя не указать на то, что этотъ традиціонный элементъ пересиливаетъ даже при извѣстныхъ условіяхъ самыя настоятельныя и реальныя потребности личности и словно даетъ иро-

ническій комментарій къ утрированной теоріи „экономическаго матеріализма“. Какъ дикарь умираетъ съ голоду возлѣ хлѣбнаго дерева, на которое почему-либо наложено табу, такъ Ненила погибаетъ голодною смертью и губитъ своихъ внучатъ, потому что традиціонная вѣра въ Антихриста пересиливаетъ у нея даже инстинктъ самосознанія. Ну не героиня-ли въ извѣстномъ смыслѣ эта женщина, для которой самый „вопросъ желудка“ отступаетъ на задній планъ передъ вопросомъ объ антихристовыхъ печатяхъ? Жаль лишь то,—жаль до слезъ ярости и негодованія на историческую судьбу крестьянства,—что этотъ героизмъ выражаетъ въ сущности только слѣпое повиновеніе традиціи. Стоило только Ненилѣ къ большой посылкѣ „Антихристъ губитъ души“ присоединить малую „этотъ хлѣбъ Антихристовъ“, чтобы вывести заключеніе—и мало того, приложить его немедленно къ себѣ и близкимъ—„лучше голодная смерть, чѣмъ такая помощь“. И опять-таки сама по себѣ эта послѣдовательность, эта непреклонность воли показываетъ, что культурнымъ людямъ есть чему поучиться у народа въ смыслѣ энергіи характера. Желаешь лишь, чтобы онъ самъ выучился прилагать эту энергію на пользу себѣ; а для этого нужна работа сознанія.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ искаженномъ видѣ сознаніе все же работаетъ у Ненилы: уже для того, чтобы построить малую посылку, надо было извѣстное разсужденіе,—нелѣпое, дѣтское, но все же разсужденіе. Заставьте Ненилу отдѣлаться отъ большихъ посылокъ традиціи, выучите ее строить раціональныя малыя посылки, и общественная энергія массъ выльется въ жизненномъ и прогрессивномъ заключеніи. Надъ этимъ преобразованіемъ народной логики и работаетъ у насъ культурный прогрессъ, который медленно просачивается въ деревню и который долженъ быть, въ видахъ скорѣйшаго общенаціональнаго развитія, замѣненъ сознательнымъ и иниціативнымъ вліяніемъ города на деревню. Отложимъ, однако, въ сторону нетерпѣніе, и посмотримъ, какъ же всетаки этотъ прогрессъ дѣйствуетъ на крестьянство. Не наша вина, если тѣ свѣтящіяся точки на общемъ темномъ фонѣ, о которыхъ говорилось раньше, выражаются пока въ волшебныхъ фонаряхъ, мало интересныхъ чтеніяхъ и, въ лучшемъ случаѣ, театральныхъ представленіяхъ, исполняемыхъ подростающей деревенской интеллигенціей, въ родѣ, напр., знаменитой труппы судосевцевъ (Симбирской губ.), артистическое путешествіе которой живо описала въ „Русской Мысли“ г-жа Сѣрова.

Я совѣтую читателю познакомиться съ этой одиссеей не потому, чтобы гастролировавшіе въ Пензѣ и Симбирскѣ деревенскіе актеры представляли сами по себѣ что-нибудь удивительное въ сценическомъ отношеніи. Но эти парни, эти дѣвушки, эти ребятишки, готовящіеся къ репетиціи въ вагонѣ желѣзной дороги, исполняющіе оперы въ губернскихъ городахъ и интересующіе

публику свѣжестью и искренностью игры, участвующіе въ торжественныхъ обѣдахъ послѣ спектакля и говорящіе рѣчи своей руководительницѣ, являются предвѣстниками, первыми ласточками той идеальной весны, которая ждетъ великій народъ, когда исчезнутъ преграды, разобщающія его съ культурною жизнью. Народъ поставлялъ уже во время крѣпостничества талантливыхъ актеровъ; но поставлялъ ихъ, повинуясь прихоти господъ, которые сегодня аплодировали доморощеннымъ Тальмамъ, а на завтра, за малѣйшую оплошность, ссылали первыхъ любовниковъ въ пастухи или запарывали до смерти примадоннъ. Теперь народъ, правда, лишь въ отдѣльныхъ благопріятныхъ случаяхъ, выдѣляетъ изъ себя персоналъ, который—и въ этомъ оригинальность труппъ, въ родѣ судосевской,—не рветъ своихъ связей съ родной деревней и въ то же время пріобщается къ цивилизаціи и начинаетъ скрашивать эстетическимъ идеаломъ доселѣ неподвижный, суровый міръ мужицкой дѣйствительности, гдѣ такъ совершенно исполняютъ свою первобытную функцію общинники-„галки", но такъ далеко заходятъ по пути „наивныхъ ужасовъ" (подлинное выраженіе самого Успенскаго) выбитые изъ мірской колеи „Мишаньки". И снова, и снова вспоминаешь геніальнаго наблюдателя нашего крестьянства и его мысль о „союзѣ всесторонне развитыхъ людей", который долженъ сочетать примитивную солидарность общины и самостоятельность развитой личности, вновь осуществляя такимъ образомъ старый „золотой вѣкъ", служившій предметомъ народныхъ легендъ и античной поэзіи...

Признаться, когда я дописывалъ эту часть своего обзора, я уже рѣшилъ познакомить читателя съ статьей г. О. Ѳ. Базинера, посвященной какъ разъ „Идеѣ о прошедшемъ и будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества" и помѣщенной все въ той же ноябрьской книжкѣ „Русской Мысли". Эта статья представляетъ собою воспроизведеніе двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ г. Базинеромъ въ варшавскомъ университетѣ и, повидимому, является главой изъ приготовляемаго авторомъ къ печати сочиненія „Эволюція идеи о прогрессѣ человѣчества у древнихъ". Г. Базинеръ снабдилъ свою статью ученымъ аппаратомъ: цитатами изъ древнихъ авторовъ и простыми ссылками на мѣста изъ нихъ, говорящія о „золотомъ вѣкѣ", а также указаніями на современныя сочиненія, трактующія объ этомъ интересномъ вопросѣ.

Я сейчасъ скажу насчетъ этихъ цитатъ, а сначала познакомлю читателя въ двухъ словахъ съ основной мыслью г. Базинера. Она такова. Все, что говорится о „золотомъ вѣкѣ" въ народныхъ сказаніяхъ и у древнихъ поэтовъ, должно быть отнесено къ области чистѣйшихъ миѳовъ. Миѳы эти возникли изъ культа солнца, луны и вообще небесныхъ свѣтилъ, эпитеты которыхъ, указы-

вавшіе на ихъ полезныя, величественныя и благотворныя свойства, были перенесены потомъ на созданные поэзіей образы якобы когда-то жившихъ (или имѣющихъ жить въ другомъ мірѣ) идеальныхъ людей. Посему, когда разные мыслители, „въ особенности соціалисты и коммунисты“, стали подносить публикѣ фантастическія сочиненія насчетъ возможности снова водворить „золотой вѣкъ“ на землѣ,—разъ, молъ, онъ уже существовалъ когда-то,—то эти не основанныя ни на чемъ картины идеальнаго общежитія должны были получить „пагубное значеніе“ для читающихъ и увлекающихся этимъ людей. Г. Базинеръ считаетъ долгомъ предостеречь противъ такого увлеченія и, дѣйствительно, предостерегаетъ. Какъ онъ предостерегаетъ, на этомъ намъ особенно нечего останавливаться: намъ съ читателемъ дѣла нѣтъ до злокозненныхъ „соціалистовъ и коммунистовъ“. Одно можно сказать: разсужденія автора и очень стары, и очень странны. Сказать съ болѣе или менѣе торжествующимъ видомъ: „абсолютнаго блаженства вообще не существуетъ и не можетъ существовать для человѣка“ (стр. 33), значитъ выступить въ роли рыцаря Печальнаго Образа, ополчающагося противъ вѣтреныхъ мельницъ. А насчетъ психологіи такихъ рыцарей изъ лагеря защитниковъ современнаго строя, которые громыхаютъ въ васъ абсолютомъ, когда вы говорите о необходимости относительнаго человѣческаго счастья,—насчетъ этой психологіи насъ поучаютъ давнишніе стихи:

Воевать пришла охота,
Воевать по самый гробъ,—
Дайте-жъ латы Донъ-Кихота
И педанта свѣтлый лобъ!..

Извиняясь передъ ученымъ г. Базинеромъ за пословицу, изъ которой словъ не выкинешь, я перейду къ его цитатамъ. Меня поразило вотъ что: авторъ, судя по его ссылкамъ, долженъ-бы быть человѣкомъ начитаннымъ и не только въ „латынскихъ и эллинскихъ философахъ“, но и въ современныхъ сочиненіяхъ—по соціально-политическимъ вопросамъ. Какъ же ему осталась неизвѣстною мысль о господствѣ коммунистическаго строя и родового быта на порогѣ человѣческой исторіи,—мысль, которая наиболѣе серьезными соціологами нашихъ дней считается гипотезою, ближе всѣхъ подходящею къ истинѣ? Интересно, дѣйствительно, что г. Базинеръ говоритъ о „золотомъ вѣкѣ“, о тогдашнемъ блаженствѣ людей, и т. д., но ни однимъ словомъ (если не считать упоминанія о юбилейномъ годѣ у евреевъ) онъ не обмолвился насчетъ этой особенности первобытной культуры. А между тѣмъ, она подчеркивается изслѣдователями въ родѣ Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Леббока, Мэна, Гомма, Глассона, Дареста, Віолле, Лавеле, Липперта, Маурера, Нассе, Ковалевскаго, Зибера и т. д.,

и т. д. и гораздо проще и вѣроятнѣе объясняетъ циклъ преданій о первоначальномъ счастьи людей, чѣмъ всѣ эти солнца и звѣзды? Г. Базинеръ повѣтствуетъ вотъ все о равноправности, о мирѣ, о весельи легендарныхъ людей золотого вѣка, на основаніи приводимыхъ имъ цитатъ, и, повидимому, не подозрѣваетъ, что упомянутые нами ученые лучшимъ подборомъ ссылокъ уже давно доказали, какъ легендарная оболочка сказаній скрываетъ въ данномъ случаѣ—лишь глубоко реальное зерно первобытнаго коллективизма и родового строя.

Мы не должны, дѣйствительно, забывать, что въ узкихъ предѣлахъ клана эта организація осуществляла гораздо лучше благополучіе людей, чѣмъ послѣдующія стадіи общественной эволюціи, когда распались старыя родовыя узы, и индивидуумъ былъ брошенъ въ борьбу за свои интересы съ другими членами общества, при чемъ эта всеобщая свалка ослаблялась лишь столкновеніемъ болѣе крупныхъ группъ, сословій и классовъ, и подавлялась, но не уничтожалась принудительнымъ гнетомъ государства. Не любопытно-ли, что римскіе писатели въ родѣ Цезаря и Тацита пользовались даже въ своихъ описаніяхъ существовавшимъ въ ту пору общинно-родовымъ бытомъ германцевъ чтобы идеализировать ихъ соціальный строй и ихъ морально, политическую мудрость, отчасти даже прямо въ пику своимъ соотечественникамъ (особенно у Тацита)? Кому, не говорю уже изъ соціологовъ, но изъ серьезныхъ филологовъ не извѣстно знаменитое мѣсто изъ историка Юстина, который, говоря о скифахъ, не обладавшихъ землею на правахъ частной собственности, восхищается этимъ учрежденіемъ и выражаетъ все свое удивленіе по поводу того, какъ природа дала этимъ грубымъ варварамъ то, чего греки не могутъ добиться longa sapientium doctrina praeceptisque philosophorum („долгимъ ученіемъ мудрецовъ и наставленіями философовъ“) и въ чемъ cultos mores incultae barbariae collatione superari („цивилизованные нравы побѣждаются сравненіемъ съ дикимъ варварствомъ“: вспомните, кстати, нашего Успенскаго и его разсужденія о „галкѣ“-общинникѣ и „культурномъ человѣкѣ“ Запада)? И,—переходя въ область легенды,—развѣ тотъ же самый Юстинъ не останавливается съ видимымъ удовольствіемъ на эпохѣ „царя Сатурна“, когда не было ни рабства, ни частной собственности, а земля была общимъ достояніемъ всѣхъ? И знаменитый апологетъ Лактанцій развѣ не выражаетъ искренней христіанской симпатіи къ тѣмъ временамъ, когда считалось безбожнымъ поступкомъ ставить пограничные столбы между полями и захватывать ихъ въ частную собственность?

Дѣло въ томъ, что г. Базинеръ, кажется, и не подозрѣваетъ, въ какой степени окружавшій античную цивилизацію міръ варваровъ, да отчасти и сама эта цивилизація кишѣли какъ разъ тѣми формами общежитія, въ которыхъ выражался, по мнѣнію

народа и поэтовъ, „золотой вѣкъ“, и которыя, къ сожалѣнію, не остановили на себѣ вниманія автора. Онъ приводитъ, напр., цитату изъ Лукреція о „землѣ, на участки межами уже раздѣленной“ (единственную цитату, если не ошибаюсь, гдѣ г. Базинеръ даетъ читателю возможность взглянуть на аграрный строй „золотого вѣка“ *); а это, конечно, предполагаетъ время, когда межей еще не было. Но развѣ отсутствіе межей было уже такой рѣдкостью въ античномъ мірѣ? Мы видѣли, что этимъ аграрнымъ режимомъ характеризовались, напр., земельныя отношенія германцевъ и скифовъ. Но сколько можно найти другихъ такихъ же примѣровъ у историковъ и географовъ древности, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ которыхъ, отличались вѣрностью въ передачѣ наблюдаемыхъ явленій.

Такъ, ежегодный передѣлъ земель, кромѣ германцевъ, практиковался у древнихъ египтянъ (Геродотъ), у ваккеевъ (Vaccaei, Οὐακκαῖοι), жившихъ на Иберійскомъ полуостровѣ, о которыхъ Діодоръ сообщаетъ, кромѣ того, что всѣ продукты складывались ими въ общественные магазины, и каждый получалъ свою часть, но подвергался смертной казни за нарушеніе обязательнаго для всѣхъ закона равенства. У далматовъ земля тоже передѣлялась, хотя уже черезъ восемь лѣтъ (Страбонъ). Эти же самые далматы совершенно не знали денегъ, т. е. напоминали въ этомъ отношеніи людей „золотого вѣка“. Спартанцы, критяне, мегаряне, аргивяне, аркадяне, южные италіоты славились учрежденіемъ общественныхъ столовъ, и уже извѣстный читателю Юстинъ хочетъ видѣть въ пиршествахъ сатурналій, на которыхъ „уравнивались права всѣхъ“ и „рабы возлежали за столомъ вмѣстѣ съ господами“, умышленное упоминаніе (ob cujus exempli memoriam) объ общности имуществъ и отсутствіи рабства. У Діодора находится очень интересный разсказъ о захватѣ Липарійскихъ островъ выходцами изъ Книда и Родоса, разсказъ, представляющій тѣмъ большее значеніе, что здѣсь учрежденія „золотого вѣка“ рисуются дѣломъ людей желѣзнаго вѣка и относятся къ историческому времени, а именно VI-му вѣку до Р. Х. Борясь противъ этрусскихъ пиратовъ, родосцы раздѣлились на двѣ части, одна изъ которыхъ воевала, другая обрабатывала сообща землю и кормила себя и воиновъ (фактъ, совершенно аналогичный тому, что Цезарь разсказываетъ насчетъ свевовъ). Мало того, они сложили вмѣстѣ всю свою движимость и обѣдали за общимъ столомъ. Даже и тогда, когда они подѣлили островъ Липари, близь лежащіе острова остались въ общемъ владѣніи; затѣмъ установились передѣлы, повидимому, черезъ каждые двадцать лѣтъ.

---

*) Надо-ли думать, что авторъ не просмотрѣлъ самъ тѣхъ мѣстъ изъ Тибулла, Виргилія, Овидія, на которыя онъ дѣлаетъ простыя ссылки (см. стр. 9) и которыя рисуютъ намъ именно аграрный коммунизмъ.

Словомъ, нѣтъ, кажется, такого писателя древности, у котораго нельзя было бы найти указаній не на миѳическій только золотой вѣкъ, но на конкретныя черты первобытнаго коммунизма, именно и давшаго поводъ народнымъ легендамъ и поэтическимъ сказаніямъ о минувшемъ счастьи. Я, конечно, и не думалъ спеціально въ бѣгломъ обзорѣ исчерпать вопросъ, но счелъ долгомъ указать на немногія вещи, которыя припомнились при чтеніи статьи г. Базинера и могли быть даны мною безъ особыхъ справокъ по источникамъ. Но и того, что читатель видѣлъ, достаточно, какъ намъ кажется, для надлежащей оцѣнки взглядовъ г. Базинера, категорически утверждающаго, будто легенды о „золотомъ вѣкѣ" не имѣютъ никакого фактическаго основанія подъ собою.

Еще одно замѣчаніе: какъ вамъ нравится это объясненіе общественныхъ чертъ „золотого вѣка" перенесеніемъ эпитетовъ съ небесныхъ свѣтилъ на миѳическихъ людей? Называйте солнце и свѣтлымъ, и благотворнымъ, и какимъ угодно. Но, спрашивается, почему же перенесенная на людей благотворность, и доброта, и свѣтлость должны были заключаться по мнѣнію составителей легендъ въ такихъ чертахъ, которыя связываются съ отсутствіемъ частной собственности, рабства, денежнаго обмѣна, враждующихъ богатыхъ и бѣдныхъ и т. п.? Откуда эти столь опредѣленныя черты счастливаго общежитія пришли въ голову поклонникамъ солнца и прочихъ небесныхъ тѣлъ? И если, наоборотъ,—какъ учитъ современная этнологія,—человѣкъ начинаетъ съ антропоцентризма и антропоморфизма, если онъ переноситъ свои умственные, аффективные и волевые процессы на окружающую природу, то не должно ли предположить, что самые эпитеты въ родѣ „благотворный", „славный", „добрый", „могучій" и т. п., примѣняемые къ солнцу, являются ни больше, ни меньше, какъ метафорическимъ выраженіемъ тѣхъ ощущеній, которыя человѣкъ испытываетъ прежде всего въ кругу себѣ подобныхъ? Не космогонія истолковываетъ человѣческую психологію, но, наоборотъ, психологія даетъ матеріалъ для космогоніи; не религія предшествуетъ общественному человѣку, но общественный человѣкъ религіи. И думать подобно г. Базинеру, значитъ вывертывать человѣческое существованіе на изнанку. Статьи въ родѣ только что разобранной нами лишній разъ показываютъ, въ какой степени философическія и чисто литературныя знанія недостаточны для пониманія общественно-философскихъ вопросовъ, которые требуютъ, наоборотъ, для своего рѣшенія знакомства съ соціальными и антропологическими науками.

Указывая читателю на романъ г. Валер. Свѣтлова „Въ Будаевской усадьбѣ", помѣщенный въ декабрьской книжкѣ „Вѣст-

ника Европы", я не могу подавить чувства сожалѣнія, вызываемаго этимъ романомъ, который, кстати сказать, не столько романъ, сколько длинная повѣсть: такая интересная тема и такое неудачное выполненіе! Авторъ поставилъ передъ собой, если не совсѣмъ новую, то, повторяю, очень интересную задачу: показать, какой сложный процессъ приспособленія долженъ происходить въ душѣ мужчины и женщины, чувствующихъ любовь другъ къ другу, но раздѣленныхъ всѣмъ разстояніемъ умственныхъ и нравственныхъ привычекъ двухъ различныхъ культуръ, и какую тяжесть испытываютъ при этомъ процессѣ приспособленія обѣ стороны, даже если онѣ испытываютъ самое искреннее взаимное тяготѣніе. Мнѣ очень понравилось также, что г. Свѣтловъ беретъ эту психологическую проблему въ ея, если можно такъ выразиться, человѣческой, а не животной формѣ, раздѣляя героя и героиню не столько пресловутыми расовыми особенностями, сколько несходствомъ двухъ цивилизацій.

Пьеръ Лоти, напримѣръ, посвятилъ цѣлый рядъ своихъ романовъ изображенію фатальныхъ недоразумѣній, возникающихъ между европейцемъ и различными черными, желтыми и коричневыми красавицами, съ которыми онъ сходится, находясь вдали отъ родины и чувствуя потребность въ близкомъ и любящемъ существѣ. Но этотъ романистъ избираетъ дѣйствующими лицами черезчуръ далеко отстоящихъ въ этническомъ смыслѣ другъ отъ друга субъектовъ и при томъ сводитъ весь процессъ сближенія чуть не къ голому физіологическому стремленію. Г. Свѣтловъ избѣжалъ этой обнаженности вопроса и, наоборотъ, поставилъ его въ гораздо болѣе человѣчномъ, но тѣмъ болѣе трагическомъ освѣщеніи: вотъ вамъ, какъ бы говоритъ онъ, люди добрые, хорошіе, развитые, подвергшіеся вліянію общечеловѣческихъ идей, составляющихъ основу цивилизаціи во всемъ культурномъ мірѣ, люди, которые вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ сильное аффективное влеченіе другъ къ другу. Казалось бы, чего проще и лучше, какъ не сблизиться имъ для взаимной поддержки и хорошей человѣческой любви. Отчего же, однако, имъ такъ трудно сговориться? И отчего, когда они согласны въ общемъ идейномъ основаніи, на днѣ ихъ души остается какой то неразложимый осадокъ культурныхъ вкусовъ и привычекъ, который мѣшаетъ имъ, дѣйствительно, быть „двумъ въ плоть едину"? Именно эту трагедію долженъ изображать романъ г. Свѣтлова, который ставитъ лицомъ къ лицу героиню, хорошую и развитую русскую дѣвушку, и героя, русскаго по отцу, англичанина по матери, живущаго все время въ Англіи и воспринявшаго особенности англійской культуры.

Такова положительная сторона произведенія, которому, говорю еще разъ, нельзя отказать въ интересной постановкѣ вопроса. Но, къ сожалѣнію, выполненіе сюжета заставляетъ же-

лать столь многаго, что искренно жалѣешь, зачѣмъ авторъ бросилъ свой „романъ" читателямъ въ этомъ недоношенномъ видѣ и испортилъ тему, заслуживающую самаго серьезнаго вниманія и вносящую свѣжую ноту въ избитую исторію любовныхъ приключеній „его" и „ея". Зачѣмъ, напримѣръ, г. Свѣтлову понадобилось сдѣлать изъ пріѣхавшаго временно на родину владѣльца Будаевской усадьбы чиновника русскаго посольства въ Лондонѣ? Можно-ли считать типичнымъ выразителемъ англійской культуры человѣка, который можетъ лишь постольку отражать собою своеобразную, но могучую цивилизацію Англіи, поскольку это позволитъ ему его оффиціальное положеніе? Это возраженіе не простая придирка и получаетъ особенное значеніе какъ разъ въ виду того, что наши оффиціальные представители за границей выражаютъ оффиціальную же Россію, крайне не сходную съ міромъ западно-европейской культуры; а это мѣшаетъ имъ надлежащимъ образомъ оцѣнивать и особенности цивилизаціи, среди которой имъ приходится постоянно жить, да въ то же время и свою собственную родину, которую они видятъ лишь сквозь очки дипломата и чиновника иностранныхъ дѣлъ. Не мудрено поэтому, что, не смотря на желаніе автора сдѣлать своего героя интереснымъ, въ рѣчахъ Будаева слышится не только удивленіе передъ непривычными для него явленіями подлинной Россіи, особенно Россіи глухой и провинціальной, но и чиновническое презрительное отношеніе къ живымъ людямъ, надъ которыми оперируетъ рука администраціи. И, если хотите, это впечатлѣніе, вызываемое въ читателѣ Будаевымъ, можно даже поставить въ положительную заслугу художественному чутью автора, который противъ своей воли, инстинктивно, вложилъ это міросозерцаніе въ душу неудавшагося англичанина.

Плоха и героиня, и плоха опять таки не смотря на видимыя старанія автора окружить ее поэтическимъ ореоломъ. Ея дѣятельность въ народѣ и ея разсужденія о народѣ часто носятъ на себѣ тотъ каррикатурный отпечатокъ, который наши „ученики" любили умышленно накладывать на „народниковъ", опять-таки благодаря смѣшенію въ одну кучу людей очень различнаго міровоззрѣнія. Эта дочь управляющаго Будаевской усадьбы зачастую ведетъ въ честь народа такія пылкія, но не особенно любимыя русскимъ интеллигентомъ „чувствительныя", а порою даже „патріотическія" рѣчи, что удивляешься, почему она могла такъ заинтересовать пріѣзжаго англичанина,—въ свою очередь, впрочемъ, какъ уже было сказано, представляющаго деревянную чиновническую куклу. Такъ что, пожалуй, по Сенькѣ шапка...

Ученое имя г. Романовича-Славатинскаго, который останется въ памяти серьезныхъ читателей со своею во всякомъ случаѣ

добросовѣстною книгою о „Дворянствѣ въ Россіи“, заставило меня съ большимъ нетерпѣніемъ взяться за его воспоминанія въ „Вѣстникѣ Европы“, озаглавленныя „Моя жизнь и академическая дѣятельность“. Меня въ особенности интересовали эти воспоминанія потому, что не такъ давно я прочиталъ теплую и сочувственную статейку г. Романовича-Славатинскаго о покойномъ Н. И. Зиберѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Увы, воспоминанія ученаго профессора, помѣщенныя въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ журнала, доводятъ насъ уже до 1860 г. и перваго путешествія г. Романовича-Славатинскаго за границу, но своимъ содержаніемъ разочаровываютъ читателя. Не то, чтобы въ нихъ не было ничего интереснаго, но это интересное затеряно въ массѣ подробностей, которыя больше интересны для самого автора воспоминаній, чѣмъ для читателей.

Дѣло въ томъ, что у людей, которые имѣютъ позади себя уже длинное прошлое, замѣчается порою потребность останавливаться почти съ одинаковою охотою и одинаковымъ чувствомъ любви къ золотому прошлому и на существенныхъ, и на второстепенныхъ, а порою даже на самыхъ мелкихъ вещахъ. Можно понять эту психологію любовнаго отношенія къ тому, что дорого и миновало:

Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Но читателю, которому, конечно, не достаетъ тѣхъ нитей ассоціаціи идей, что придаютъ смыслъ и краски самымъ незначительнымъ событіямъ, читателю, говорю я, это отсутствіе перспективы и, если можно такъ выразиться, іерархіи въ сообщаемыхъ фактахъ мѣшаетъ чувствовать сплошной интересъ къ такимъ воспоминаніямъ, и отъ времени до времени онъ даже дѣлаетъ усилія надъ собой, чтобы добросовѣстно разматывать вмѣстѣ съ авторомъ эти кружева прошлаго. Въ воспоминаніяхъ г. Романовича-Славатинскаго читатель найдетъ, несомнѣнно, не мало характерныхъ чертъ изъ давно минувшей, хотя бы, напр., изъ дореформенной эпохи. Но часто эти черты приходится выщелушивать изъ подробнаго разсказа о вещахъ, мало говорящихъ уму и сердцу посторонняго. Порою г. Романовичъ-Славатинскій подчеркиваетъ даже именно словно нарочно эти ненужности, когда дѣло идетъ объ интересныхъ событіяхъ и людяхъ. Такъ, онъ описываетъ свои два свиданія съ Герценомъ, и наиболѣе замѣчательное, что онъ сообщаетъ о славномъ русскомъ публицистѣ, сводится къ разговору о „русскихъ ватрушкахъ, загнутые края которыхъ, какъ вспомнилъ самъ Герценъ, поджарены“. Я пропускаю, кромѣ того, въ воспоминаніяхъ г. Романовича-Славатинскаго, два—три мѣста, которыя, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, странны (на счетъ жестоко-

сти (?) Пестеля, насчетъ роли Салтыкова и Некрасова въ сношеніяхъ съ „казенными либералами“ и т. п.). Авторъ, повидимому, случайно выложилъ ихъ на бумагу; не будемъ и мы ставить каждое лыко въ строку, и выразимъ надежду, что воспоминанія г. Романовича-Славатинскаго будутъ болѣе интересны, когда онъ приблизится къ не столь давно прошедшимъ временамъ.

Къ исторіи эволюціи нашего марксизма. „Русская Мысль“ справедливо замѣтила, что „Міръ Божій“ въ длинномъ рядѣ статей обнаружилъ склонность къ „абсолютизму въ метафизическомъ смыслѣ“. Желая парировать этотъ ударъ, „Міръ Божій“ (мартъ, стр. 40) съ торжествомъ вытаскиваетъ изъ письма Чернышевскаго къ Гольцеву (январьская книжка „Русской Мысли“) нѣсколько фразъ въ родѣ: „въ программу журнала не могутъ входить никакія рѣшенія никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ общественной жизни націи. Для него необязательно признавать или порицать не то, что дарвинизмъ, а хотя бы даже систему Коперника“. Отсюда „Міръ Божій“ выводитъ свое право на занятіе „метафизическимъ абсолютизмомъ“. Оставимъ въ сторонѣ Чернышевскаго, который нуждается въ болѣе внимательномъ обращеніи, чѣмъ вырываніе отдѣльныхъ фразъ изъ отдѣльнаго письма. Поставимъ два вопроса „Міру Божію“. Вопросъ первый. Онъ журналъ для „самообразованія“, и многіе читатели, пробуждающіеся къ сознательной жизни, читаютъ популярныя статьи по естествознанію въ этомъ органѣ: спрашивается, будутъ ли эти читатели имѣть счастье найти на его столбцахъ защиту не коперниковской, а, напр., птоломеевской системы подъ тѣмъ предлогомъ, что Чернышевскій въ своей бутадѣ сказалъ о необязательности признанія системы Коперника? Вопросъ второй. Неужели „Міръ Божій“ серьезно полагаетъ, что „метафизическій абсолютизмъ“ не принадлежитъ къ числу „вопросовъ общественной жизни націй“, такъ что, напр., если г. Булгаковъ разводитъ свои славянофильскія идеи на основаніи упомянутаго „метафизическаго абсолютизма“, то мы можемъ преспокойно идти рука объ руку съ этимъ отечественнымъ мыслителемъ, ибо, де, его взгляды не зачислены по вѣдомству „вопросовъ общественной жизни націи“?..

В. Г. Подарскій.

Новыя варьяцiи на старыя темы.

Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. *С. С. Бехтѣева* Спб. 1902.

Учрежденіе „особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ вызвало въ свѣтъ цѣлую, довольно своеобразную литературу различныхъ „записокъ“, „мнѣній“, „проектовъ“ и даже „изслѣдованій“,—стекающихся въ совѣщаніе, „какъ въ общую сокровищницу“ (выраженіе г. Бехтѣева), и вмѣстѣ съ тѣмъ предаваемыхъ тисненію для обращенія и въ широкой публикѣ. Если бы качество этихъ многочисленныхъ трудовъ соотвѣтствовало хотя отчасти ихъ количеству, русская экономическая и сельскохозяйственная литература сдѣлала бы очень крупное пріобрѣтеніе. Къ сожалѣнію, дѣло стоитъ далеко не такъ. Оставляя, конечно, въ сторонѣ цѣнныя работы мѣстныхъ комитетовъ—о которыхъ мы здѣсь не говоримъ—собственно въ добровольческой литературѣ, скопившейся непосредственно около особаго совѣщанія, такія вещи, которыя останавливали бы на себѣ вниманіе по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, являются только рѣдкими исключеніями.

Книгу г. Бехтѣева, лежащую предъ нами, никакъ нельзя причислить къ такимъ исключеніямъ. Правда, эта книга представляетъ извѣстный интересъ, но интересъ этотъ обусловливается не научными или литературными ея качествами, а нѣкоторыми сторонними соображеніями. Ни глубиною и обстоятельностью разработки затронутыхъ вопросовъ, ни стройностью изложенія „спѣшный трудъ“ г. Бехтѣева не блещетъ; такъ что если бы разсматривать его только какъ публицистическую работу, то едва ли стоило бы на немъ долго и останавливаться. Но заслуживаетъ онъ нѣкотораго вниманія съ другой стороны: у г. Бехтѣева мы находимъ нѣчто въ родѣ программы, резюмирующей взгляды и пожеланія, свойственные не одному автору „Хозяйственныхъ итоговъ“ лично, но въ значительной мѣрѣ общіе и для цѣлой общественной группы, и при томъ группы, пожеланія которой не оставались безъ вліянія на ходъ нашихъ общественныхъ дѣлъ за разсматриваемый г. Бехтѣевымъ періодъ. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, не какъ матеріалъ для освѣщенія экономической жизни Россіи, а какъ матеріалъ для характеристики общественныхъ воззрѣній извѣстной части нашихъ „аграріевъ“, сочиненіе г. Бехтѣева и можетъ заинтересовать читателя.

Самъ г. Бехтѣевъ задачи своей книги намѣчаетъ очень широко.

Онъ ставитъ себѣ цѣлью *подвести итоги* хозяйственной жизни Россіи за тотъ знаменательный періодъ времени, начало котораго совпадаетъ съ окончаніемъ восточной войны и началомъ освободительныхъ теченій и, исходя отъ этихъ итоговъ, указать путь для выхода изъ хозяйственнаго кризиса, переживаемаго теперь страною. Нельзя сказать, однако, чтобы эта широкая задача была въ какой нибудь мѣрѣ выполнена въ разсматриваемой книгѣ.

Прежде всего читатель напрасно искалъ бы въ ней „хозяйственныхъ итоговъ“ послѣдняго сорокапятилѣтія. Правда, первая ея глава, занимающая около трети всей книги, переполнена всякаго рода таблицами, цифрами и фактическими данными, но, во 1-хъ, весь этотъ матеріалъ, заимствованный безъ разбора изъ вторыхъ и третьихъ рукъ *), сгруженъ въ довольно таки безсистемную и безпорядочную кучу, а во 2-хъ, и самое главное—съ фактами и цифрами г. Бехтѣевъ обращается вольно. У него не выводы, излагаемые послѣ фактической, вводной главы, вытекаютъ изъ фактическихъ данныхъ, а наоборотъ, цифры и факты подбираются тѣ, которые нужны для выводовъ, ранѣе готовыхъ. Эти выводы—результаты жизненныхъ наблюденій г. Бехтѣева, а цифры должны служить только для ихъ иллюстраціи или, въ качествѣ тяжелой артиллеріи, придавать имъ внушительный и солидный видъ. Г. Бехтѣевъ, поэтому, и не стѣсняется особенно съ этимъ цифровымъ и фактическимъ балластомъ; беретъ то, что ему нужно, и отбрасываетъ или игнорируетъ тѣ данныя, которыя не подходятъ къ его излюбленнымъ положеніямъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы сужденія г. Бехтѣева о крестьянскомъ земельномъ обезпеченіи. Г. Бехтѣевъ убѣжденъ, что вопросъ о крестьянскомъ малоземельи, въ сущности, вопросъ пока еще праздный, надуманный; въ дѣйствительности же крестьянское оскудѣніе ни въ какой связи съ недостаточностью земельнаго обезпеченія крестьянъ не стоитъ. Это одно изъ тѣхъ положеній, которыя г. Бехтѣевъ настойчиво повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги; на немъ онъ основываетъ и нѣтоторые изъ существенныхъ пунктовъ своей практической программы (напр., о коренномъ измѣненіи въ дѣятельности крестьянскаго банка и пр.). Чѣмъ же доказываетъ г. Бехтѣевъ свое категорическое утвержденіе? Цитатою изъ книги г. Лохтина **), полагающаго, что сдѣлавшіяся стереотипными утвержденія, что „малоземелье есть

*) Беззаботность г. Бехтѣева относительно источниковъ, изъ которыхъ онъ беретъ свои свѣдѣнія, доходитъ до такихъ курьезовъ, какъ ссылки (стр. 32) на иностраннаго ученаго «Returns» (!), о которомъ онъ вычиталъ въ книгѣ отечественнаго ученаго г. Лохтина, одного изъ его главныхъ руководителей въ цифровомъ лабиринтѣ, вмѣстѣ съ г. В. Гурко. Такъ и ждешь рядомъ указанія на русскаго автора «г. Докладъ» или «г. Отчетъ».

**) Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 1902 г.

главнѣйшая причина бѣдственнаго положенія крестьянъ... доказываютъ не малоземелье, а однозначущи съ жалобами на невозможность дальнѣйшаго веденія экстенсивнаго, хищническаго хозяйства на истощенной почвѣ" (Бехт., стр. 28), затѣмъ нѣсколькими цифровыми сближеніями изъ книги другого своего излюбленнаго автора, г. В. Гурко *), и, наконецъ, результатами собственнаго „обслѣдованія" по Елецкому уѣзду. На чемъ основываетъ свое утвержденіе г. Лохтинъ, — г. Бехтѣевъ не объясняетъ, такъ что утвержденіе это такъ и остается висящимъ въ воздухѣ. Что касается г. Гурко, то для доказательства своей тезы, онъ пользуется довольно упрощеннымъ пріемомъ; именно, онъ беретъ *среднія* цифры земельныхъ надѣловъ, вычисленныя для большихъ географическихъ районовъ, находящихся въ очень разнообразныхъ условіяхъ, и экономическихъ, и бытовыхъ, и естественныхъ, и сопоставляетъ ихъ между собою; усматривая при этомъ, что въ земледѣльческой полосѣ наименьшіе надѣлы (1,7—1,9 дес. на 1 душу м. п.) приходятся на губерніи юго-западныя, „въ которыхъ, однако, не обнаруживается признаковъ оскудѣнія сельскаго люда", а самые высокіе (5 дес. въ среднемъ) на губерніи восточныя, „гдѣ, наоборотъ, нужда въ продовольственныхъ средствахъ принимаетъ все болѣе хроническій характеръ, а упадокъ крестьянскаго благосостоянія достигъ крайнихъ размѣровъ", — г. Гурко выводитъ отсюда, что „размѣры крестьянскаго землевладѣнія по отдѣльнымъ районамъ черноземной области находятся въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ крестьянскому оскудѣнію". Къ такому же выводу приводитъ его и сопоставленіе, опять-таки по цѣлымъ губерніямъ (на этотъ разъ одного только земледѣльческаго центра), недоимочности крестьянъ и среднихъ земельныхъ надѣловъ. Едва ли нужно доказывать, какую малую убѣдительность вообще могутъ имѣть подобныя грубыя цифровыя сближенія, оперирующія надъ сложными группами фактовъ, безъ всякой попытки сколько нибудь расчлененнаго ихъ анализа; но въ данномъ случаѣ это становится особенно очевиднымъ, такъ какъ дѣло идетъ о вопросѣ очень разработанномъ въ нашей статистической и экономической литературѣ. И въ земскихъ, и въ оффиціальныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ собранъ и подвергнутъ тщательному анализу такой богатый матеріалъ по вопросу о вліяніи размѣровъ земельнаго обезпеченія на весь обиходъ крестьянской жизни, что при наличности его даже какъ то неловко говорить въ серьезъ объ упрощенныхъ ариѳметическихъ упражненіяхъ г. Гурко.

Но г. Бехтѣева это нисколько не смущаетъ. Онъ побѣдоносно выдвигаетъ впередъ авторитетное заключеніе г. Гурко и считаетъ нужнымъ только подкрѣпить его своими собственными, елецкими

---

*) «Устои народнаго хозяйства». Спб. 1902 г.

наблюденіями. Въ 1879 г., въ бытность г. Бехтѣева елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ имъ сдѣлано было, при содѣйствіи попечителей по народному продовольствію, обслѣдованіе экономическаго положенія уѣзда. И при этомъ обслѣдованіи соотвѣтствія между величиною душевого земельнаго надѣла и имущественнымъ упадкомъ крестьянства тоже не было обнаружено. „Правда,— замѣчаетъ г. Бехтѣевъ, - мое обслѣдованіе касается малаго раіона одного уѣзда, но нѣтъ основанія ожидать иныхъ результатовъ въ другихъ мѣстахъ того же раіона“ (какого?).

Вотъ и весь арсеналъ фактовъ, которыми располагаетъ г. Бехтѣевъ по одному изъ самыхъ краеугольныхъ вопросовъ русской экономической дѣйствительности. Мы не будемъ вдаваться въ догадки о томъ, умышленно ли игнорируетъ онъ или просто не знаетъ тѣхъ обильныхъ матеріаловъ, которые имѣются по этому вопросу и которые отнюдь не подтверждаютъ его категорическихъ утвержденій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ его выводы являются одинаково лишенными всякаго серьезнаго значенія. И конечно, имъ не прибавятъ убѣдительности указанія г. Бехтѣева на усматриваемую имъ связь между стремленіемъ нашихъ „радѣтелей о народныхъ массахъ“ „во что бы то ни стало увеличить крестьянскій земельный фондъ“ и *книжными теоріями соціальной демократіи* (!!), изъ которыхъ эти радѣтели якобы вычитали, „что широко обезпеченное землею населеніе — идеалъ всякаго государства“ (Бехт., 259).

Примѣровъ, подобныхъ приведенному, можно найти въ книгѣ г. Бехтѣева очень много; но мы не намѣрены утомлять ими вниманіе читателя; въ сущности вся книга построена въ одномъ стилѣ и серьезно разбирать тотъ фактическій матеріалъ, которымъ г. Бехтѣевъ обставляетъ свои предположенія о „мѣрахъ къ хозяйственному подъему“—было бы дѣломъ слишкомъ не благодарнымъ. Мы хотѣли бы только сказать слова два объ этихъ предположеніяхъ; такъ какъ если книга г. Бехтѣева сколько-нибудь заслуживаетъ вниманія, то именно этой практическою своею стороною. Но и здѣсь интересъ, возбуждаемый ею, болѣе отрицательнаго, нежели положительнаго свойства. Это — еще одна новая и яркая иллюстрація полнаго творческаго безсилія того общественнаго направленія, однимъ изъ видныхъ представителей котораго является г. Бехтѣевъ.

Г. Бехтѣевъ рѣшительный сторонникъ сословнаго строя общественной и государственной жизни и преобладающаго значенія дворянскаго сословія среди всѣхъ другихъ. Его общественные идеалы лежатъ въ прошломъ, въ патріархальныхъ распорядкахъ и общественныхъ отношеніяхъ добраго стараго времени. „Крѣпостникомъ“ г. Бехтѣева назвать, однако, нельзя: онъ считаетъ крѣпостное право роковою ошибкою царя Бориса, испортившею нормальныя добрыя отношенія „двухъ коренныхъ сословій„—помѣ-

щичьяго и крестьянскаго. Но всетаки сравнительно съ теперешними, старые распорядки представляются г. Бехтѣеву сквозь нѣкоторую розовую дымку. Мужику, по его мнѣнію, лучше жилось подъ помѣщичьимъ заботливымъ попеченіемъ. „Прежній крестьянскій строй,—говоритъ г. Бехтѣевъ,—въ лицѣ помѣщика охранялъ и оберегалъ крестьянина и отъ тогдашняго чиновника, и отъ адвоката, и отъ всякаго, кто покушался на него и на его карманъ. Онъ никогда не приходилъ въ соприкосновеніе ни съ какою властью и никакой хищническій элементъ не смѣлъ къ нему подступать. Помѣщикъ былъ та стѣна, которая его охраняла отъ всяхихъ на него покушеній. Съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне сразу попали въ водоворотъ жизни, для всѣхъ они стали существами беззащитными... Прежде помѣщикъ былъ руководителемъ крестьянской жизни, онъ въ своихъ же выгодахъ долженъ былъ заботиться объ интересахъ крестьянъ. Онъ сажалъ новаго взрослаго члена на тягло, онъ обезпечивалъ крестьянъ землей, лѣсомъ, въ случаѣ голода—хлѣбомъ, въ случаѣ падежа скотомъ“ (Бехт., 182).

Вся эта идиллія исчезла въ пореформенный періодъ. На историческую сцену выступилъ „иносословецъ“ и отодвинулъ назадъ оба „коренныя сословія“. Государство направило свое преимущественное вниманіе на интересы обрабатывающей промышленности и торговли. Изъ чисто земледѣльческой Россія сдѣлалась страною въ значительной степени промышленною. Вмѣстѣ съ тѣмъ переломались и перемололись въ очень сильной мѣрѣ и всѣ старыя общественныя отношенія, весь обиходъ хозяйственной и общественной жизни страны.

На земледѣльческихъ классахъ переходный періодъ отразился тяжелою своею стороною. Мужикъ обнищалъ, оскудѣло и помѣстное дворянство, въ значительной мѣрѣ побросавшее свои старыя гнѣзда и земледѣльческое хозяйство страны въ цѣломъ переживаетъ теперь тяжелый кризисъ.

Гдѣ же искать выхода изъ этого кризиса? Мы знаемъ, что этотъ сложный и трудный вопросъ мучительно занимаетъ теперь общественную мысль. Г. Бехтѣевъ разрѣшаетъ его довольно просто. Нарисовавъ въ первой части своей книги мрачную картину разоренія страны, онъ утѣшаетъ насъ затѣмъ увѣреніемъ, что все это произошло лишь „по недосмотру“, благодаря которому великій народъ „лишь временно, впалъ въ нужду“. Правительство должно только исправить этотъ „недосмотръ“, обратить свое вниманіе на нужды двухъ „коренныхъ сословій“ (или, правильнѣе, одного изъ нихъ), и все пойдетъ хорошо, никакой крупной ломки въ общественныхъ распорядкахъ не требуется. Вся экономическая политика пореформеннаго періода шла по ложному пути—но это не бѣда, если теперь, наконецъ, колесо фискальной фортуны обратится въ сторону земледѣльче-

скихъ классовъ. Государственный бюджетъ выросъ несоразмѣрно съ силами страны; но г. Бехтѣевъ готовъ съ этимъ помириться, лишь бы извѣстная часть „свободной наличности“ была обращена на помощь сельскому хозяйству.

Г. Бехтѣевъ даже и вычисляетъ потребную сумму—50 милл. рубл. ежегодно; изъ нихъ 35 милл. подлежало бы, по его мнѣнію, „обращенію на осуществленіе хозяйственныхъ мѣропріятій въ тѣсномъ смыслѣ“ (главнымъ образомъ на содѣйствіе меліораціямъ и переходу отъ трехполья къ болѣе интенсивному хозяйству), а остальные 15 милл. должны идти „на оборудованіе страны связною, законченною системою элеваторовъ, на устройство бойней въ вывозныхъ портахъ, на устройство водныхъ и сухопутныхъ перевозокъ мяса и продуктовъ животноводства, на устройство за границей всякаго рода складовъ для русскихъ товаровъ, на учрежденіе за границей же новыхъ консульствъ, коммерческихъ агентствъ, торговыхъ палатъ и вообще организацій, озабоченныхъ развитіемъ сбыта произведеній Россіи“.

Всѣ эти мѣры къ „хозяйственному возрожденію страны“ направлены, какъ мы видимъ, преимущественно на помѣщичье хозяйство. Г. Бехтѣевъ не исключаетъ, правда,возможности пользоваться содѣйствіемъ къ переходу и для другого „коренного сословія“ къ интенсивному хозяйству, но по самому существу дѣла проектируемыя меліоративныя мѣры мало доступны для крестьянства. Ему для упроченія хозяйства остается главнымъ образомъ „примѣръ благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ“. Г. Бехтѣевъ удостовѣряетъ насъ, что и „во всемъ свѣтѣ, всякій прогрессъ всегда былъ результатомъ новаторскихъ примѣровъ помѣстнаго дворянства“ (163). Совершенно послѣдовательно, поэтому, онъ и желаетъ сосредоточить вниманіе правительственной власти главнѣйшимъ образомъ на содѣйствіи прогрессу помѣщичьяго дворянскаго хозяйства, а главнымъ стимуломъ этого прогресса онъ считаетъ денежную поддержку государства. „Что дѣлать!— говоритъ онъ. Петровскій и послѣдующій режимъ и недостатокъ капиталовъ у хозяевъ и торговцевъ такъ воспитали страну, что безъ участія правительства дѣло не сдвинется. Россія не Америка“ (273). Непосредственно для крестьянскаго сословія г. Бехтѣевъ рекомендуетъ нѣкоторое пониманіе налоговыхъ тягостей да правительственную поддержку кустарныхъ промысловъ. Послѣднее пожеланіе, впрочемъ, остается довольно платоническимъ.

Кромѣ правительственныхъ субсидій для хозяйственнаго перерожденія страны, г. Бехтѣевъ считаетъ нужнымъ и насажденіе сельско-хозяйственныхъ знаній, но и въ этомъ случаѣ „преимущественно среди землевладѣльцевъ“. У насъ,—говоритъ онъ,—„полученіе сельско-хозяйственныхъ знаній затруднено отсутствіемъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ *учебныхъ заведеній, приспособленныхъ къ потребностямъ дворянства*.“ На организа-

цію такихъ дворянскихъ школъ онъ и призываетъ вниманіе правительства. Что касается другого „коренного сословія“, то вопросъ о повышеніи его знаній нашего автора, повидимому, совсѣмъ не занимаетъ. И, опять-таки, это послѣдовательно съ его точки зрѣнія. Патріархальныя отношенія могутъ крѣпче держаться на почвѣ народной темноты. Для мужицкаго обихода достаточно отраженнаго свѣта, исходящаго отъ помѣщичьей усадьбы.

Наконецъ, г. Бехтѣевъ желаетъ вернуть благородное сословіе въ деревню и предоставить ему возможно болѣе активное участіе въ мѣстномъ управленіи и въ мѣстной общественной жизни. Это будетъ лучшимъ средствомъ для оздоровленія деревенской жизни и дастъ мужику снова естественнаго защитника и охранителя противъ окружающихъ его со всѣхъ сторонъ хищниковъ. Никакихъ измѣненій въ „правопорядкѣ“ крестьянской жизни не требуется. Все это выдумка досужихъ людей; крестьяне обойдутся и съ теперешнимъ своимъ „обычнымъ правомъ“; руководится же вѣдь до сихъ поръ Англія (!!) исключительно обычнымъ правомъ въ области своихъ гражданскихъ правоотношеній, а ничего—живетъ. Да и вообще, для имущественно несостоятельныхъ крестьянъ всуе издавать самые совершенные гражданскіе законы. „Совершенство ихъ важно для людей имущихъ, а не для бѣдноты, благосостояніе которой оттого не улучшится“ (172).

Крестьянину нужна главнымъ образомъ попечительная и благожелательная, близкая къ нему власть. Такою властью и можетъ явиться осѣвшее на мѣстахъ помѣстное дворянство. Какъ же привлечь его въ деревню? И на этотъ вопросъ у г. Бехтѣева есть простой рецептъ. Нужно только открыть для мѣстной общественной службы широкія служебныя перспективы. Г. Бехтѣевъ желаетъ „возвесть на должную высоту“ институтъ земскихъ начальниковъ, сдѣлавъ ихъ выборными и затѣмъ создать изъ нихъ „первоначальный кадръ для пополненія высшихъ должностей помѣстной службы, а можетъ быть даже и центральной“. Должности предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, вице-губернаторовъ и губернаторовъ — должны, по предположенію г. Бехтѣева, замѣщаться исключительно лицами, прослужившими нѣсколько лѣтъ земскими начальниками. „Возведенный на должную высоту,— говоритъ онъ,— институтъ земскихъ начальниковъ дѣйствительно выполнилъ бы свою миссію упорядоченія деревни, во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ народной жизни и хозяйственное переустройство деревни пошло бы успѣшно“ (стр. 287).

Какъ видимъ, все дѣло рѣшается очень просто: 50 милліоновъ ежегодной субсидіи сельскимъ хозяевамъ изъ государственнаго казначейства, выборный земскій начальникъ „съ широкими служебными перспективами“ — и „хозяйственное возрожденіе страны“ обезпечено! Но какъ ни заманчиво такое простое рѣшеніе сложнаго вопроса, есть въ немъ, однако, одинъ маленькій де-

фектъ: оно мыслимо только при томъ предположеніи, что цѣлые перевороты въ хозяйственной жизни страны въ самомъ дѣлѣ могутъ совершаться по простому „недосмотру“ власть имущихъ и также свободно могутъ идти на смарку по указаніямъ „свѣдущихъ людей“. Все это хорошо въ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, но упрямая дѣйствительность не такъ легко поддается упрощеннымъ рецептамъ мечтающихъ о воскрешеніи умершаго прошлаго „реформаторовъ“.

Н. А.

Политика.

Македонскія дѣла.—Французскія конгрегаціи.—Текущія событія.

I.

На Балканскомъ полуостровѣ постепенно развиваются событія, которыя еще не достаточно выяснились, но которыя могутъ сыграть крупную роль въ теченіе настоящаго года. Центромъ этихъ событій является Македонія, о дѣлахъ которой мы обѣщали обстоятельнѣе побесѣдовать сегодня.

Собственно Македонія объемлетъ два турецкихъ вилайета: Салоники (изъ трехъ санджаковъ: Салоники, Сересъ, Ускюбъ) и Битолія Монастырь (изъ двухъ санджаковъ: Монастырь и Корица), но нѣкоторыя особыя соображенія побудили державы включить въ македонскій вопросъ еще вилайетъ Коссова (санджаки: Нови-Базаръ, Призрендъ и Ипекъ). Все, что ниже будемъ мы говорить о Македоніи, будетъ, однако, относиться только къ Салоникскому и Монастырскому вилаейетамъ, если не будетъ спеціальнаго указанія и на вилайетъ Коссовскій (иначе: Старая Сербія).

Старая Сербія составляетъ самую возвышенную мѣстность на Балканскомъ полуостровѣ, на западѣ примыкая къ возвышеннымъ горнымъ странамъ Верхней Албаніи (вилайетъ Скутари) и Черногоріи, на сѣверѣ и востокѣ постепенно понижаясь въ равнины Сербіи, и на югѣ окаймленная высокимъ хребтомъ древняго Гемуса, отдѣляющимъ ее отъ Македоніи, тоже очень гористой и возвышенной страны, изрѣзанной хребтами по всѣмъ направленіямъ и постепенно понижающейся по направленію къ юго-востоку. Западъ (Монастырскій вилайетъ) особенно изрѣзанъ и гористъ. Высокіе, суровые, покрытые лѣсомъ и малодоступные хребты пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ, образуя то узкія крутыя долины, то замкнутыя и малодоступныя котловины. На-

селеніе живетъ разрозненно племенными группами и, послѣ Албаніи, лучше, чѣмъ гдѣ либо на Балканскомъ полуостровѣ, сохранило старину. Древнихъ македонянъ (теперь грековъ) сохранилось сравнительно немного (нѣкоторые, вѣроятно, ославянились или обалбанились); нѣсколько больше потомковъ римскихъ колонистовъ (такъ называемыхъ куцовлаховъ или цинцаровъ); еще немного турковъ и недавно поселенныхъ черкесовъ. Остальное населеніе, значительное большинство,—славяне и албанцы. Между славянами есть мусульмане; между албанцами не мало православныхъ христіанъ, но большинство мусульмане. Всѣ эти горцы очень воинственны, имѣютъ оружіе и въ своихъ горахъ имѣютъ въ теплое время года чудесную опору для партизанской войны. Эта западная Македонія и привлекаетъ къ себѣ преимущественное вниманіе цивилизованнаго человѣчества. Восточная Македонія только въ своей сѣверной части походитъ на западную, но близость болгарской границы была причиною, что осенью 1902 года именно здѣсь разразилось возстаніе, подавленное турками. Теперь же, въ 1903 году, возстаніе началось въ западной Македоніи, въ горахъ и ущельяхъ монастырскаго вилайета.

Событія осени 1902 обратили тогда-же вниманіе великихъ державъ и наиболѣе заинтересованныя между ними въ балканскихъ дѣлахъ, Австро-Венгрія и Россія, вошли въ соглашеніе съ цѣлью предупредить событія, которыя могли бы нарушить status quo на полуостровѣ и поставить разрѣшеніе такъ называемаго восточнаго вопроса на первую очередь современной исторіи. Австро-Венгрія при настоящей группировкѣ державъ не можетъ разсчитывать на рѣшеніе восточнаго вопроса согласно своимъ планамъ, а Россія слишкомъ занята Дальнимъ Востокомъ, чтобы заниматься еще и Востокомъ Близкимъ. По возможности, отложить входило, такимъ образомъ, одинаково въ планы обѣихъ державъ. На этой почвѣ и велись переговоры между гр. Ламздорфомъ и гр. Голуховскимъ и на ней же выработанъ былъ планъ, одобренный Европою и принятый Турціей. Планъ долженъ былъ остановить готовившееся возстаніе и настолько улучшить положеніе дѣлъ въ Македоніи, чтобы возстаніе не вызывало всеобщаго сочувствія христіанскаго населенія страны. Энергическое давленіе на болгарское и бѣлградское правительства въ значительной степени затруднили дѣятельность вождей инсуррекціи, а реформы должны были успокоить населеніе Македоніи, къ которой была присоединена и Старая Сербія, что было необходимо Австріи и для обезпеченія безопаснаго сообщенія съ Эгейскимъ моремъ, и для внушенія сербамъ, что и ихъ интересы не остаются забытыми. Такъ какъ берлинскій трактатъ говоритъ только о Македоніи, то включеніе въ австро-русскій планъ и Коссовскаго вилайета было распространительнымъ толкованіемъ, и въ такомъ случаѣ можно пожалѣть, что это распространительное толкованіе не захватило и осталь-

ныхъ трехъ вилайетовъ Европейской Турціи, Адріанопольскаго (большинство христіане, болгаре и греки), Янинскаго (наполовину христіане, албанцы и греки) и Скутарійскаго (христіанское меньшинство: албанцы католики). Какъ бы то ни было, державы ограничились тремя вилайетами Македоніи и Старой Сербіи и относительно ихъ представили султану планъ реформъ, имѣющихъ предупредить возстаніе со всѣми его непредвидимыми послѣдствіями. Сущность этого плана такъ излагается въ русскомъ „правительственномъ сообщеніи" отъ 12 (25) февраля:

„Изъ *правительственнаго сообщенія* 30 ноября минувшаго года уже извѣстны рѣшенія, которыя съ самаго возникновенія смуты на Балканскомъ полуостровѣ приняты были Россіей въ цѣляхъ предотвращенія возможныхъ осложненій въ предѣлахъ Европейской Турціи. Неусыпно слѣдя за политическою жизнью единовѣрныхъ Россіи народностей, императорское правительство, своевременно освѣдомленное своими агентами объ истинномъ положеніи дѣлъ, не переставало обращать самое серьезное вниманіе Порты на безотлагательную необходимость улучшенія быта христіанскаго населенія Солунскаго, Коссовскаго и Монастырскаго вилайетовъ.

„Вызванному въ октябрѣ минувшаго года въ Ялту россійскому послу въ Константинополѣ было поручено выработать проектъ наиболѣе насущныхъ преобразованій и указать Портѣ на настойчивую потребность скорѣйшаго примѣненія таковыхъ, дабы въ корнѣ пресѣчь причины недовольства среди ея подданныхъ. Въ этомъ же смыслѣ было сдѣлано сообщеніе и командированному султаномъ для привѣтствованія Государя Императора въ Ливадію чрезвычайному турецкому послу Туханъ-пашѣ.

„Оттоманское правительство изъявило готовность послѣдовать этимъ дружественнымъ совѣтамъ; обнародованный въ ноябрѣ 1902 года ирадэ султана о реформахъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи не представилъ, однако, достаточныхъ гарантій желательнаго улучшенія быта христіанскаго населенія, а посему и не достигъ преслѣдуемой цѣли—общаго успокоенія. Съ другой стороны, не смотря на преподанные балканскимъ государствамъ благожелательные совѣты, агитаторская дѣятельность революціонныхъ комитетовъ продолжала оказывать пагубное вліяніе возбужденіемъ населенія къ возстанію противъ законной власти. Въ виду такого крайне тревожнаго положенія дѣлъ, государю императору благоугодно было высочайше повелѣть министру иностранныхъ дѣлъ, въ началѣ декабря минувшаго года, посѣтить столицы Сербіи и Болгаріи для передачи какъ королю Александру, такъ и князю Фердинанду отъ августѣйшаго имени его императорскаго величества сообщенія въ нижеслѣдующемъ смыслѣ.

„Россія, искони принимая самое живое участіе въ судьбѣ

христіанскихъ народностей Турціи, направляетъ и нынѣ всѣ усилія свои къ тому, чтобы побудить оттоманское правительство къ скорѣйшему введенію преобразованій въ трехъ европейскихъ вилайетахъ. Для успѣшнаго достиженія этой задачи безусловно необходимо, чтобы и славянскія государства, съ своей стороны, принявъ зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ, противодѣйствовали опасной смутѣ и революціоннымъ замысламъ. Лишь при такихъ условіяхъ они могутъ твердо уповать на мощное заступничество Россіи. Его величество король сербскій и его королевское высочество князь болгарскій, въ отвѣтъ на преподанные имъ отъ высочайшаго имени совѣты, поспѣшили дать статсъ секретарю графу Ламздорфу завѣренія въ томъ, что правительства ихъ, слѣдуя доброжелательнымъ указаніямъ россійскаго монарха, озаботятся прекращеніемъ дальнѣйшей агитаціи со стороны революціонныхъ обществъ и комитетовъ и будутъ выжидать результатовъ воздѣйствія Россіи въ пользу христіанскихъ народностей Турціи. Обѣщанія эти были выполнены, и императорское правительство не преминуло высказать полное одобреніе болгарскому правительству по поводу принятыхъ имъ за послѣднее время мѣръ противъ революціонныхъ комитетовъ.

„Вслѣдъ за посѣщеніемъ Сербіи и Болгаріи статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ, съ высочайшаго государя императора соизволенія, отправился въ Вѣну, гдѣ между министрами иностранныхъ дѣлъ обѣихъ дружественныхъ сосѣднихъ имперій состоялись, въ силу соглашенія 1897 года, особыя совѣщанія, закончившіяся установленіемъ главныхъ началъ, которыя должны быть положены въ основу проектируемыхъ преобразованій въ трехъ турецкихъ вилайетахъ. Условленная такимъ образомъ общая программа была въ началѣ минувшаго января сообщена россійскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополѣ, которымъ поручалось, по обсужденіи мѣстныхъ условій, выработать на основаніи ея болѣе подробный проектъ мѣропріятій, направленныхъ къ существенному улучшенію быта населенія Солунской, Коссовской и Монастырской провинцій. Изготовленный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ и барономъ Каличе проектъ удостоился одобренія обоихъ правительствъ и затѣмъ довѣрительно сообщенъ былъ 4-го сего февраля великимъ державамъ, подписавшимъ берлинскій договоръ 1878 года, съ просьбою, въ случаѣ сочувственнаго отношенія ихъ къ предположеннымъ реформамъ, оказать соотвѣтственную поддержку требованіямъ Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополѣ. Франціей, Италіей, Германіей и Англіей была выражена полная готовность поддержать предъ Портою выработанный Россіей и Австро-Венгріей проектъ реформъ.

„Вслѣдъ затѣмъ россійскому и австро-венгерскому посламъ

поручено было отъ имени обоихъ правительствъ предъявить султану вышеупомянутый проектъ преобразованій, которыя въ главныхъ чертахъ сводятся къ нижеслѣдующему:

„Дабы обезпечить успѣхъ задачи, возложенной, въ силу ирадэ султана, на главнаго инспектора, должностное лицо это назначается на заранѣе опредѣленный срокъ и не можетъ быть отставлено до истеченія онаго, безъ предварительнаго по сему предмету сношенія съ державами.

„Главному инспектору предоставляется возможность, въ случаѣ надобности, пользоваться содѣйствіемъ оттоманскихъ войскъ на всемъ пространствѣ трехъ вилайетовъ, безъ обязательства обращаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ центральному правительству.

„Генералъ-губернаторы трехъ вилайетовъ обязаны строго сообразоваться съ указаніями, исходящими отъ главнаго инспектора.

„Къ участію въ преобразованіи полиціи и жандарменіи должны быть призваны иностранные спеціалисты.

„Оттоманское правительство должно озаботиться, чтобы число мусульманъ и христіанъ, служащихъ въ жандарменіи и полиціи, было пропорціонально количеству населенія обоихъ вѣроисповѣданій.

„Сельскіе стражники должны быть избираемы изъ христіанъ тамъ, гдѣ большинство населенія христіанское.

„Такъ какъ притѣсненія и насилія, столь часто чинимыя нѣкоторыми албанскими преступниками по отношенію къ христіанскому населенію, равно какъ безнаказанность совершаемыхъ ими незаконныхъ дѣйствій и преступленій, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ смуты, — то оттоманское правительство должно изыскать средства къ прекращенію таковаго положенія вещей.

„Въ виду того, что въ трехъ вилайетахъ, вслѣдствіе происходившихъ тамъ смутъ, произведены были многочисленные аресты, оттоманское правительство должно, дабы ускорить возвращеніе къ нормальному порядку, даровать амнистію всѣмъ обвиняемымъ и осужденнымъ по политическимъ дѣламъ, а равно всѣмъ переселенцамъ.

„Для обезпеченія правильной дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, въ каждомъ вилайетѣ будетъ составляться бюджетъ доходовъ и расходовъ. Поступленія отъ провинціальныхъ налоговъ, подъ контролемъ оттоманскаго банка, будутъ обращены прежде всего на нужды мѣстнаго управленія, включая содержаніе гражданскихъ и военныхъ учрежденій. Способъ взиманія десятиннаго налога будетъ измѣненъ и система общаго откупа отмѣняется.

„Оттоманское правительство, оцѣнивъ все значеніе сдѣланныхъ ему представленій, приняло помянутый проектъ и дало мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическое приказаніе тотчасъ приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ. Вышеизложен-

ныя мѣропріятія, могущія естественно имѣть широкое развитіе въ будущемъ, нельзя не признать достаточными, чтобы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вполнѣ обезпечить существенныя улучшенія быта христіанскаго населенія трехъ вилайетовъ. При этомъ предполагается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организовать, подъ руководствомъ пословъ въ Царьградѣ, бдительный консульскій надзоръ за примѣненіемъ условленныхъ реформъ.

„Сообщая россійскимъ представителямъ и агентамъ на Балканскомъ полуостровѣ о достигнутыхъ нынѣ результатахъ въ цѣляхъ улучшенія быта христіанскаго населенія Турціи, императорское правительство сочло необходимымъ вновь подтвердить имъ, для возможно широкаго освѣдомленія славянскихъ народностей, тѣ основныя начала, коими оно въ данномъ случаѣ руководствуется.

„Призванныя къ самостоятельной жизни цѣною неисчислимыхъ жертвъ Россіи балканскія государства могутъ съ полною увѣренностью разсчитывать на постоянное попеченіе императорскаго правительства объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и на мощную защиту духовныхъ и жизненныхъ интересовъ христіанскаго населенія Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они не должны терять изъ виду, что Россія не пожертвуетъ ни единой каплей крови своихъ сыновъ, ни самой малѣйшей долей достоянія русскаго народа, если-бы славянскія государства, вопреки заблаговременно преподаннымъ имъ совѣтамъ благоразумія, рѣшились домогаться революціонными и насильственными средствами измѣненія существующаго строя Балканскаго полуострова".

Одновременно съ опубликованіемъ этого русскаго сообщенія, султанъ одобрилъ указанный въ немъ планъ реформъ и приказалъ привести его въ исполненіе. Очень дипломатически изложеный въ приведенномъ „правительственномъ сообщеніи" этотъ планъ, переведенный съ дипломатическаго на обыкновенный языкъ, сводится къ слѣдующему:

1) Организація *новой* жандармеріи изъ христіанъ и мусульманъ подъ командою европейскихъ офицеровъ; это очень важная реформа, передающая вооруженную силу въ руки, отъ которыхъ нельзя ожидать систематическаго угнетенія. Это даетъ надежду на личную безопасность.

2) Обузданіе (и обезоруженіе) мусульманъ-албанцевъ, представляющихъ истинный бичъ Старой Сербіи и въ меньшей, но все же въ значительной степени Македоніи. Это является необходимымъ дополненіемъ къ первому пункту. Для дѣйствительнаго обузданія албанцевъ потребуются регулярныя турецкія войска, которыя и предоставлены въ распоряженіе главнаго инспектора.

3) Взиманіе налоговъ передается въ руки Оттоманскаго банка, полуевропейскаго учрежденія, правильно организованнаго и представляющаго нѣкоторыя гарантіи правильности хозяйства. При

этомъ отмѣняется откупъ. Тому же банку предоставляется и расходовать собранные налоги на уплату жалованья чиновникамъ, войскамъ, жандармеріи и пр. и на нужды провинціи съ тѣмъ, чтобы только излишекъ отсылался въ Константинополь.

4) Главный инспекторъ трехъ вилайэтовъ, которому подчиняются администрація и войска, выбирается султаномъ изъ сановниковъ, съ согласія державъ, и назначается на срокъ, раньше котораго смѣненъ быть не можетъ. Эта нѣкоторая независимость главнаго начальника можетъ быть полезна дѣлу преобразованія и умиротворенія.

5) Амнистія и

6) Контроль европейскихъ консуловъ. Это послѣднее условіе самое важное, потому что только оно даетъ нѣкоторую надежду, что реформы не останутся на бумагѣ, а получатъ нѣкоторое примѣненіе на пользу глубоко измученнаго населенія. Надо помнить, что еще въ 1878 году Турція подписала обязательство даровать Македоніи (Западной Румеліи, какъ она была названа въ берлинскомъ трактатѣ) административную автономію съ самостоятельно поставленнымъ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ, съ собственной милиціей и съ выборнымъ органомъ самоуправленія. Это письменное обязательство осталось на бумагѣ. Это обратило вниманіе Гладстона, по вступленіи его во власть, въ 1880 году, какъ и другія нарушенія берлинскаго трактата. Поддержанный Россіей, Франціей и Италіей, Гладстонъ постепенно добился исполненія турками обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ Черногоріи и Греціи, а по македонскому вопросу удалось составить совѣщаніе европейскихъ пословъ въ Константинополѣ. Это совѣщаніе выработало проектъ македонской автономіи, во всемъ согласный съ берлинскимъ трактатомъ. Послѣ обычныхъ проволочекъ, султанъ далъ свое согласіе и актъ былъ въ 1882 году Турціей подписанъ. Онъ остался въ архивахъ. Послѣ армянскихъ избіеній, Европа снова заволновалась. Снова собралось совѣщаніе. Снова выработало оно реформы въ Арменіи и Македоніи (на этотъ разъ уже не автономію, но все еще мѣстное самоуправленіе). Султанъ 1896 году этотъ планъ утвердилъ и приказалъ исполнить. Онъ, какъ и обязательства 1878 и 1882 годовъ, не исполненъ. Нынѣ въ четвертый разъ Европа предъявляетъ султану проектъ реформъ для Македоніи (еще укороченный, потому что совершенно опущено самоуправленіе). Султанъ въ четвертый разъ утверждаетъ европейскія предположенія, обязуется самъ и приказываетъ другимъ привести ихъ въ исполненіе... Если не будетъ дѣйствительнаго, внимательнаго и авторитетнаго контроля со стороны уполномоченныхъ агентовъ европейскихъ державъ, то рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы Турція въ четвертый разъ поступила добросовѣстнѣе

трехъ предыдущихъ разъ, и реформа была бы дѣйствительно осуществлена.

II.

23 (10) февраля султанъ увѣдомилъ державы, что австро-русскій проектъ имъ оффиціально принятъ и будетъ безотлагательно приведенъ въ исполненіе. Онъ благодарилъ державы за доброжелательный характеръ плана и просилъ дальнѣйшей поддержки. Быстрота, съ которою, противъ своего обыкновенія, турки приняли европейскіе совѣты, не пробуя затянуть переговоры и не пытаясь этими затяжками постепенно похоронить реформы, какъ это столько разъ уже продѣлывалось, очень изумила общественное мнѣніе Европы, даже ничему не изумляющуюся европейскую дипломатію. Относительно причинъ такого непредвидѣннаго оборота дѣлъ, газеты сообщаютъ разныя болѣе или менѣе важныя свѣдѣнія и соображенія, которыя могутъ имѣть значеніе для исторіи дальнѣйшаго развитія балканскихъ событій. Вслѣдъ за оффиціальнымъ принятіемъ австро-русскаго плана, состоялись слѣдующія рѣшенія: Хильми-паша, давнишній сторонникъ реформъ, сановникъ, пользующійся довѣріемъ европейскихъ пословъ, назначенъ главнымъ инспекторомъ трехъ вилайэтовъ на три года; Отоманскій банкъ, имѣвшій уже отдѣленіе въ Салоникахъ, основалъ два новыхъ отдѣленія: въ Монастырѣ и въ Ускюбѣ (предстоитъ основаніе въ какомъ-нибудь городѣ Старой Сербіи); объявлена амнистія и выпущено около полторы тысячи арестованныхъ; султанъ обратился къ германскому императору съ просьбой командировать офицеровъ для командованія македонской жандармеріей, но просьба эта была отклонена, такъ какъ рѣшено, что офицеры должны быть взяты изъ арміи нейтральныхъ государствъ Европы; султанъ обратился къ шведскому королю, который далъ условное согласіе; съ албанскими вождями ведутся переговоры о ихъ разоруженіи и ихъ согласіи на введеніе реформъ въ мѣстностяхъ, ими населенныхъ. Покуда, ничего больше не сдѣлано, т. е. для облегченія участи населенія еще ничего. Простая личная и имущественная безопасность можетъ быть обезпечена лишь послѣ разоруженія мусульманскаго населенія и организаціи новой жандармеріи, командуемой европейскими офицерами. Только послѣ этого получатъ серьезное значеніе и финансовыя реформы, началомъ которыхъ можно считать учрежденіе новыхъ отдѣленій Оттоманскаго банка. Не мудрено, если населеніе еще не почувствовало довѣрія къ реформамъ. Амнистія могла бы отчасти подготовить это довѣріе, но вновь арестованныхъ больше, нежели освобожденныхъ... Албанцы-мусульмане по прежнему безчинствуютъ. Турецкая жандармерія, по прежнему исключи-

тельно мусульманская, озлобленная слухами объ уступкахъ презираемымъ христіанамъ и, вдобавокъ, по прежнему не получающая жалованья, попрежнему же отнюдь не охраняетъ безопасности христіанскаго населенія, а только наводитъ страхъ поборами и притѣсненіями. Если прибавить къ этому, что Порта значительно усиливаетъ войска въ Македоніи и этимъ вызываетъ опасеніе всего худшаго, то нечего удивляться, что возстаніе всетаки вспыхнуло (какъ уже упомянуто, въ горахъ западной Македоніи).

Только что упомянутое усиленіе турецкихъ военныхъ силъ въ Македоніи послужило основою для министерскаго кризиса въ Софіи. Военный министръ Паприковъ находилъ, что такое усиленіе является угрозою Болгаріи, которая должна принять соотвѣтственныя предохранительныя мѣры, но министръ-президентъ Даневъ полагалъ, что всякія военныя приготовленія могутъ быть приняты державами за нарушеніе обѣщанія сохранить мирное положеніе. Князь былъ на сторонѣ Паприкова, но дипломатическіе агенты Австріи и Россіи поддержали Данева, и князь уступилъ. Болгарія не приготовляется къ случайностямъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ концѣ февраля, когда въ Лондонѣ въ палатѣ лордовъ македонскій вопросъ послужилъ темою для обмѣна мнѣній. Очень важно разъясненіе, данное британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Ландсдоуномъ, „Что касается реформъ,—сказалъ министръ,—то англійское правительство не считаетъ австро-русскій проектъ совершеннымъ и полнымъ, но этотъ планъ заключаетъ въ себѣ полезныя предположенія и имѣетъ за собою уже то достоинство, что послужилъ хотя нѣкоторому ослабленію совершенно нетерпимаго положенія балканскихъ дѣлъ. Англія будетъ относиться къ реформамъ совершенно такъ же, какъ и остальныя державы, подписавшія берлинскій трактатъ. Мы будемъ внимательно слѣдить за осуществленіемъ реформъ. Мы дали инструкціи нашимъ агентамъ давать намъ періодическіе отчеты о ходѣ дѣла. Мы не должны забывать, однако, что осуществленіе реформъ, каковы бы они ни были, болѣе узкія или болѣе широкія, не достигнетъ цѣли, если угнетенное населеніе не постарается быть терпѣливымъ, и особенно, если Порта не уразумѣетъ всей серьезности положенія, а державы не докажутъ, что ихъ участіе въ разрѣшеніи вопроса вполнѣ безкорыстно“. Три условія ставитъ гр. Ландсдоунъ: терпѣніе населенія, искренность Турціи и безкорыстіе всѣхъ державъ. Едва-ли можно ручаться хотя бы за одно. За терпѣніе населенія скорѣе, чѣмъ за искренность Порты и безкорыстіе всѣхъ державъ. Одно высокопоставленное лицо изъ европейскаго дипломатическаго міра Константинополя такъ охарактеризовало (въ первой половинѣ марта) шансы преобразованія и умиротворенія въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ Agence Havas): „Если Порта

поспѣшитъ немедленнымъ введеніемъ реформъ и если при этомъ будетъ закрывать глаза на участіе въ бандахъ тѣхъ или другихъ селянъ, то есть шансы на мирный исходъ. Но если, напротивъ, турецкое правительство пожелаетъ уничтожить инсуррекціонныя банды прежде введенія реформы, то слѣдуетъ ожидать всеобщаго возстанія. Въ настоящее время организованныя банды сохраняютъ выжидательное положеніе. Онѣ сражаются только въ случаѣ нападенія на нихъ, очевидно, получивъ для этого авторитетныя указанія и ожидая новыхъ. Если по несчастію возстаніе всетаки вспыхнетъ, инсургенты будутъ сражаться съ отчаянною храбростью и турки, подавивъ ихъ численностью, но понеся суровыя потери, будутъ жестоко мстить. Мы съ безпокойствомъ ждемъ апрѣля, когда, по всей вѣроятности, или наступитъ умиротвореніе, или Македонія станетъ театромъ новыхъ избіеній". Что касается настроенія выжидающихъ македонянъ, то нѣкоторое понятіе о немъ можетъ дать корреспонденція французской Temps изъ Румыніи, гдѣ постоянно и временно проживаетъ много македонянъ: „Изъ македонянъ, проживающихъ въ Румыніи,—читаемъ въ упомянутой корреспонденціи,—нѣкоторые тамъ устроились на постоянное жительство, другіе же временно проживаютъ то въ той, то въ другой странѣ. Первые спокойны и не выражаютъ никакого безпокойства. Вторые являются обыкновенно служащими и рабочими первыхъ. Съ ними именно я бесѣдовалъ. По обычаю, одни изъ нихъ нанимаются на зиму, другіе на лѣто. Нанявшіеся на лѣто кончаютъ свой срокъ 26 окт., на Св. Димитрія. Они ушли въ Македонію и имѣли возвратиться по обычаю весною. Но никто изъ нихъ теперь не возвратится. Объ однихъ сообщаютъ, что турки не даютъ имъ паспортовъ, изъ боязни, что вмѣсто Румыніи они очутятся въ Болгаріи, въ распоряженіи вождей инсуррекціи. Другіе же — и это большинство — остаются въ Македоніи добровольно, съ цѣлью принять участіе въ готовящихся событіяхъ, потому что всѣ македоняне, мужчины, женщины и даже дѣти, приняли присягу умереть или свергнуть турецкое иго, когда наступитъ для того день, и день этотъ наступилъ. Эту подробность о присягѣ мнѣ сообщали многіе македоняне. Обязательства зимнихъ служащихъ, по обычаю, оканчиваются на Св. Георгія, 23 апрѣля, но *всѣ* полагаютъ оставить Румынію раньше. Событія того требуютъ. Всѣ македоняне, съ которыми я бесѣдовалъ, исполнены ненависти къ туркамъ. Всѣ готовы пожертвовать жизнью для осуществленія цѣли, формулированной въ словахъ „Македонія для македонянъ". Надо обратить самое серьезное вниманіе на этотъ девизъ. Какого бы происхожденія македоняне ни были, болгаре, румыны, греки или сербы, всѣ единодушно заявляютъ, что желаютъ быть только македонянами. Они очень интеллигентны, даже нѣсколько образованы и въ курсѣ всего, что о нихъ пишутъ за границей".

Если ко всему сказанному прибавить, что послѣднія извѣстія оставляютъ мало надежды на добровольное подчиненіе мусульманъ-албанцевъ новому режиму, и что сосредоточенныя въ Македоніи *регулярныя* турецкія войска позволили себѣ нѣсколько жестокостей, то положеніе дѣлъ въ несчастной Македоніи обрисуется довольно отчетливо. Самыя существенныя стороны реформы еще не введены и едва-ли скоро осуществятся, потому что для обузданія албанцевъ надобна война (а рѣшатся ли на нее турки), а для новой жандармеріи не прибыли еще офицеры. Населеніе же подъ ружьемъ, столкновенія уже начались и послужатъ основаніемъ для новыхъ отсрочекъ и проволочекъ, а дипломаты „съ безпокойствомъ“ ждутъ въ апрѣлѣ „новыхъ избіеній“...

III.

Во Франціи продолжается борьба съ клерикализмомъ. Послѣ того, какъ лѣтомъ 1902 года правительство закрыло нѣсколько тысячъ школъ конгрегацій, не испросившихъ себѣ предварительнаго разрѣшенія, согласно закону отъ 1 іюля 1901 года, а парламентъ, не однажды подтвердивъ полное одобреніе дѣйствій правительства, издалъ новый законъ, устанавливающій строгое уголовное взысканіе за неисполненіе конгрегаціями, ихъ членами и ихъ сторонниками упомянутаго закона 1901 года и основанныхъ на немъ распоряженій правительства, послѣ этого конгрегаціямъ оставалось либо сложить оружіе и отказаться отъ дѣятельности, либо попытаться устроиться согласно съ закономъ 1 іюля 1901 г., т. е., испросить у парламента разрѣшеніе на существованіе, и затѣмъ у правительства на открытіе разныхъ учрежденій. Пять конгрегацій, наименѣе воинствующихъ, успѣли получить раньше разрѣшеніе. Наиболѣе воинствующія были выпровожены изъ Франціи еще при Вальдекѣ Руссо въ 1901 году, немедленно послѣ изданія закона 1 іюля. Нѣкоторыя, явно враждебныя существующему режиму, но нетронутыя Вальдекомъ Руссо, не рѣшились искать парламентскаго разрѣшенія и покидаютъ Францію. За этими исключеніями, оставалось 53 мужскихъ конгрегаціи (покамѣстъ рѣчь идетъ только о мужскихъ), которыя не считали себя безнадежно скомпрометированными и надѣялись получить разрѣшеніе. Въ ихъ числѣ было двадцать четыре конгрегаціи, занимающіяся воспитаніемъ и обученіемъ юношества, двадцать восемь имѣютъ своей задачею проповѣдь и одна, очень многосторонняя, могущественная конгрегація картезіанская (des Chartreux). Эти пятьдесятъ три конгрегаціи представили ходатайства парламенту о разрѣшеніи существованія. Ходатайство черезъ правительство поступило въ палату депутатовъ, которая ихъ отослала въ коммиссію. Докладъ этой коммиссіи (предсѣда-

тель—Бюиссонъ, радикалъ, докладчикъ—Рабье, рад.-соц.), и поставленъ былъ на очередь 12 марта (27 февр.). Его обсужденіе заняло цѣлую недѣлю и кончилось новою побѣдою противниковъ клерикализма.

Чтобы судить о значеніи этой борьбы между республиканскимъ правительствомъ и клерикалами, надо только привести цифры недвижимаго имущества конгрегацій.

Слѣдующая табличка даетъ объ этомъ нѣкоторое понятіе:

		Цѣнность недвижимости въ тысячахъ франковъ: 1880	1900
Конгрегац. разрѣшенныя	Мужскія	81423	135062
	Женскія	419407	475815
Конгр. неразрѣшенные	Мужскія	124053	177933
	Женскія	87645	261251
Религ. общества	Разрѣш.	—	4995
	Неразрѣш.	—	16709
	S =	712528	1071765

Это стоимость недвижимаго имущества всѣхъ конгрегацій и религіозныхъ обществъ (свыше милліарда франковъ). Неразрѣшенныя же мужскія, о которыхъ шла рѣчь, теперь владѣютъ недвижимымъ имуществомъ на сумму около 200 милліоновъ франковъ, не считая не поддающагося исчисленію имущества движимаго огромной цѣнности. Эти отчеты указываютъ ту силу, которую представляютъ эти церковные союзы, представшіе 12 марта на судъ парламента. Коммиссія дала заключеніе объ отказѣ въ разрѣшеніи всѣмъ пятидесяти тремъ конгрегаціямъ, но не желая смѣшивать разныя категоріи въ одномъ вотумѣ, внесла три законопроекта: объ отказѣ въ разрѣшеніи двадцатичетыремъ воспитательно-образовательнымъ конгрегаціямъ; о такомъ же отказѣ двадцати-восьми конгрегаціямъ проповѣдниковъ, и объ отказѣ конгрегаціи des Chartreux. При этомъ, коммиссія, основываясь на томъ соображеніи, что причины отказа принципіальныя и потому одинаковыя для всѣхъ конгрегацій данной категоріи, предложила палатѣ вотировать отказъ или разрѣшеніе не каждой конгрегаціи въ отдѣльности, но сразу всѣмъ конгрегаціямъ данной категоріи. Основнымъ и главнымъ мотивомъ предлагаемаго отказа послужила несовмѣстимость всѣхъ конгрегаціонныхъ статутовъ съ принципомъ современнаго свободнаго свѣтскаго государства. Такъ статья 1780 гражд. кодекса гласитъ, что „1) всякій договоръ о личныхъ услугахъ, службѣ, занятіяхъ и пр. можетъ быть заключенъ не иначе, какъ на срокъ и для точно опредѣленныхъ въ договорѣ дѣлъ; и 2) воспрещается вносить въ договоръ условіе объ отказѣ договаривающихся сторонъ или одной изъ нихъ отъ права на вознагражденіе въ случаѣ прекращенія договора до срока“. Докладъ коммиссіи находилъ, что это совершенно ясное и категорическое опредѣленіе закона нарушено,

напр., такими постановленіями въ статутахъ конгрегаціи des Chartreux: „*Статья 5:* всѣ члены конгрегаціи, священники и міряне, обязуются состоять въ полномъ повиновеніи начальнику (обязательство безсрочное и для исполненія неопредѣленныхъ дѣлъ). *Статья 11:* Никто не имѣетъ права, покидая конгрегацію, требовать съ нее какого либо вознагражденія или взыскивать убытки". Аналогичныя статьи повторяются во всѣхъ статутахъ и являются нарушеніемъ закона, составляющаго, однако, необходимую принадлежность свободнаго свѣтскаго государства. Этотъ аргументъ относится ко всѣмъ конгрегаціямъ. Что же касается конгрегацій воспитательно-образовательныхъ, то доводы противъ нихъ были уже неоднократно приводимы на этихъ страницахъ и теперь мы ограничимся только самыми краткими указаніями: конгрегаціонныя школы воспитываютъ систематическихъ враговъ существующаго порядка, а суровая дисциплина съ самаго ранняго возраста превращаетъ громадное большинство учащихся конгреганистскихъ школъ въ послушное, почти автоматическое орудіе конгреганистскихъ руководителей, въ свою очередь руководимыхъ изъ Рима. Именно вопросъ о воспитательно-образовательныхъ конгрегаціяхъ и былъ поставленъ на первую очередь.

Обсужденіе, начавшееся въ засѣданіи 12 марта и оконченное въ засѣданіи 18 марта, заняло сплошь семь засѣданій. Противъ отказа говорили не только правые и націоналисты, но почти всѣ вожди прогрессистовъ, въ особенности Рибо и Энаръ. Однако, Барту говорилъ противъ конгрегацій и за отказъ. Гвоздемъ преній была рѣчь Комба. Шестнадцать депутатовъ изъ группы демократовъ (въ составѣ министерскаго большинства) заявляютъ, что они желаютъ отказать конгрегаціямъ въ разрѣшеніи, но не иначе, какъ каждой въ отдѣльности и потому будутъ голосовать противъ заключенія коммиссіи. Затѣмъ приступаютъ къ голосованію и большинствомъ 300 голосовъ противъ 257 палата принимаетъ заключеніе коммиссіи, т. е. отказываетъ въ разрѣшеніи двадцати-четыремъ мужскимъ конгрегаціямъ, посвятившимъ себя воспитательно-образовательной дѣятельности. Кромѣ того, палата постановляетъ (большинствомъ 294 противъ 227) выставить рѣчь Комба и поименное голосованіе всѣхъ депутатовъ во всѣхъ муниципалитетахъ. Большинство, вотировавшее эти постановленія, состояло изъ большей части группы демократовъ, изъ всѣхъ радикаловъ, радикаловъ-соціалистовъ и соціалистовъ и одного націоналиста. Меньшинство составилось изъ правой, націоналистовъ, прогрессистовъ и двадцати демократовъ (шестнадцать съ особою мотивировкою, выше приведенною). Изъ нихъ надо назвать: Шоме, Пьера Дюпюи, Констана, Лейга (бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ В. Руссо) и Кальо (бывшаго министра финансовъ въ томъ же кабинетѣ). За то бывшій министръ финансовъ въ кабинетѣ Мелина Барту голосовалъ за от-

казъ конгрегаціямъ, а такъ же бывшій министръ президентъ Сарріенъ. 24 марта, черезъ 6 дней, наступила очередь конгрегаціямъ проповѣдниковъ, которымъ палата также отказала въ разрѣшеніи большинствомъ 304 противъ 246 голосовъ, а 25 марта вотированъ отказъ и картезіанцамъ (Chartreux).

Въ то время, какъ въ палатѣ происходило это обсужденіе доклада коммиссіи о конгрегаціяхъ, сенатъ былъ занятъ бюджетомъ, при чемъ обсужденіе расходовъ на дѣла церковныя послужило для сената поводомъ выразить свою солидарность съ палатою. Въ засѣданіи 21 марта, принявъ статьи объ упомянутыхъ расходахъ, сенатъ вотировалъ затѣмъ (большинствомъ 186 голосовъ противъ 47) резолюцію слѣдующаго содержанія: „Сенатъ, одобривъ объясненія правительства и довѣряя его твердости въ защитѣ правъ государства, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Равнымъ образомъ, и сенатъ постановилъ выставить рѣчь Комба (въ защиту антиклерикальной политики министерства). Такимъ образомъ, обѣ палаты парламента энергически поддержали правительство въ его борьбѣ съ клерикалами и ихъ союзниками.

Кромѣ парламента, сама страна имѣла возможность въ это самое время подать и свой голосъ. Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ на сенатскихъ выборахъ она громко одобрила политику правительства. Теперь же, 15 февраля, 22 февраля, 1 марта, 8 марта и 22 марта, происходили дополнительные выборы въ палату и сенатъ въ четырнадцати департаментахъ. Всего для выборовъ депутатовъ (всенародное голосованіе) было созвано въ разныхъ департаментахъ 141,651 избирателей для избранія девяти депутатовъ, при чемъ избрано 6 изъ состава союза лѣвыхъ (1 демократъ, 2 радикала, 2 радикала-соціалиста и 1 соціалистъ), 2 прогрессиста и 1 націоналистъ. Они замѣстили 5 изъ союза лѣвыхъ, 3 прогрессистовъ и 1 націоналиста. Союзъ лѣвыхъ выигралъ одно мѣсто. Подано за кандидатовъ союза лѣвыхъ—90,617 голосовъ, за прогрессистовъ—24,683, за націоналистовъ—8,312 и за роялистовъ—5,150 голосовъ. Иначе говоря $^2/_3$ высказавшихся избирателей рѣшительно одобрили политику кабинета Комба.

Сенатскихъ выборовъ происходило трое. Въ департаментѣ Basses Alpes сенатъ кассировалъ выборы 4 янв., признавъ, что со стороны націоналистовъ, проведшихъ здѣсь Андріе (единственнаго націоналиста, выбраннаго 4 января), были допущены злоупотребленія. Кассація коснулась и выбраннаго также прогрессиста Фрюшье, который теперь выступилъ уже прямо націоналистомъ. Оба, Андріе и Фрюшье, на этотъ разъ забаллотированы. Избраны 1 демократъ и 1 радикалъ. Союзъ лѣвыхъ выигралъ два мѣста. Третье избраніе въ департаментѣ Meuse, вѣрномъ умѣреннымъ республиканцамъ. Здѣсь вмѣсто умершаго прогрессиста выбранъ прогрессистъ-же безъ оппозиціи. Это самъ Пуанкарэ, который переходитъ, такимъ образомъ, изъ палаты въ

сенатъ. Одно мѣсто въ палатѣ и два въ сенатѣ прибавили дополнительные выборы союзу лѣвыхъ, и безъ того господствующему въ обѣихъ палатахъ. Повидимому, французскій народъ твердо рѣшилъ сломить клерикализмъ и націонализмъ, а французское правительство съ непреклонною энергіей приводитъ въ исполненіе эту волю французскаго народа.

IV.

И англійская нація въ теченіе отчетнаго мѣсяца нѣсколько разъ была призвана высказать свое мнѣніе о ходѣ дѣлъ и о правительственной политикѣ. Дополнительные выборы происходили въ разныхъ округахъ, въ Антримѣ (5 февраля), Пертширѣ, Дублинѣ (отъ университета), Гальвеѣ (Ирландія), Вульвичѣ и Суссексѣ, всего 6 избраній на вакансіи, открывшіяся частью за смертью, частью за выходомъ изъ парламента. Изъ этихъ шести избраній надо было замѣстить 4 уніонистовъ, 1 либерала и 1 ирландскаго гомъ-рулера. Либеральная вакансія въ Пертширѣ уніонистами не оспаривалась и либеральный кандидатъ выбранъ безъ оппозиціи и конкурренціи. Равнымъ образомъ, безъ конкурренціи былъ выбранъ гомъ-рулеръ въ Гальвеѣ, а Дублинскій университетъ вмѣсто отказавшагося либерала-уніониста (Лекки) послалъ въ палату тоже либерала-уніониста. Интересъ представляли трое другихъ выборовъ въ округахъ, уже давно вѣрно консервативныхъ. Въ двухъ изъ этихъ трехъ округовъ консерваторы потерпѣли совершенно непредвидѣнное пораженіе. Подано голосовъ:

	За консерваторовъ.		За либераловъ.	
	1900 г.	1903 г.	1900 г.	1903 г.
Антримъ . .	3696	4464	3004	3615
Вульвичъ .	единогл.	5458	—	8687
Суссексъ . . .	5373	4376	2887	4910

Оппозиція выиграла два мѣста. Этотъ успѣхъ въ мѣстностяхъ, издавна преданныхъ торизму, произвелъ большое впечатлѣніе и служитъ симптомомъ передвиженія общественнаго мнѣнія нѣсколько влѣво. Однако, министерство располагаетъ еще такимъ солиднымъ большинствомъ, что могло бы не опасаться покуда этихъ частныхъ пораженій, если бы могло положиться на неразложимость тѣхъ парламентскихъ группъ, на которыя опирается. Довольно значительная группа уніонистовъ уже нѣсколько разъ вотировала противъ министерства, которое одинъ разъ было спасено лишь нейтралитетомъ ирландцевъ. Имъ обѣщанъ законъ о выкупѣ крестьянскихъ земель въ Ирландіи, и немедленно декретированы освобожденіе изъ тюрьмы осужденныхъ ирландскихъ депутатовъ и отмѣна осаднаго положенія. Отъ возвратившагося изъ Африки Чемберлена ожидаютъ возстановленія единства уніонистской партіи.

Любопытную страницу современной исторiи представляютъ собою попытки обуздать американскiе trust'ы. Мы уже говорили здѣсь, что борьба съ ними была положена въ основу платформы демократической партiи на законодательныхъ выборахъ 1902 года, но что въ послѣднiй моментъ президентъ Рузвельтъ, болѣе дальновидный, чѣмъ большинство республиканской партiи, самъ выступилъ противъ трестовъ, этимъ значительно ослабивъ успѣхъ демократовъ, но и принялъ передъ нацiей нѣкоторыя обязательства съ немалою отвѣтственностью. Какъ ни какъ, а надо эти обязательства начать выполнять. Первые проекты Рузвельта разбивались, какъ неконституцiонные. Приходилось приступить прежде къ конституцiонной реформѣ, которая дозволила бы затѣмъ провести ограничительныя мѣры противъ трестовъ. Для реформы американской конституцiи требуется согласiе обѣихъ палатъ, вотированное большинствомъ $^2/_3$ голосовъ и согласiе $^4/_5$ законодательныхъ собранiй отдѣльныхъ штатовъ, которыхъ теперь 45. Достаточно имѣть противъ реформы 10 законодательныхъ собранiй, чтобы ее сдѣлать невозможною, а тресты достаточно влiятельны и, конечно, сумѣютъ соединить за себя такое число собранiй. До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, покуда народный голосъ не станетъ слишкомъ громкимъ, чтобы его не устрашиться. Такимъ образомъ, законодательная борьба съ трестами казалась въ настоящее время почти невозможною. Однако, юристы нашли статью конституцiи, которая уполномочиваетъ союзное правительство регулировать торгово-промышленныя отношенiя между штатами. Тресты, по самой сущности своей, не могутъ дѣйствовать внутри одного штата (куда центральная власть не имѣетъ права вмѣшиваться), а слѣдовательно ихъ дѣйствiя могутъ подлежать дѣйствiю только что упомянутой статьи конституцiи. Статья эта до сихъ поръ не находила никакого примѣненiя и казалась совершенно ненужною, теоретическою болѣе, нежели практическою. Теперь она можетъ послужить основой для въ высшей степени интереснаго законодательства. Покуда на ея основѣ проведено два билля. Однимъ строго воспрещается (подъ серьезною денежною и личною отвѣтственностью) всякiя преимущества трестамъ и ихъ грузамъ на желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ линiяхъ. Другой создаетъ министерство торговли для надзора за трестами и для выработки новыхъ мѣръ. Начало положено и можно съ интересомъ ждать дальнѣйшаго развитiя этого новаго историческаго явленiя.

Въ этой хроникѣ въ прошломъ году мы сообщали, что вѣчно нуждающаяся въ деньгахъ южно-американская республика Боливiя продала часть территорiи, извѣстной подъ именемъ Acre, въ руки одной американской компанiи для эксплуатацiи ея естественныхъ богатствъ и для заселенiя (мѣстность теперь пустынна). Тогда же Бразилiя и Перу опротестовали эту концессiю, потому

что Acre составляетъ общее ихъ троихъ владѣніе, еще не раздѣленное. Споръ долго длился и можно было опасаться непріятныхъ осложненій. Теперь можно считать его разрѣшеннымъ. Бразилія оккупировала спорную территорію. Боливія и Перу на это изъявили согласіе, а равно и на передачу дѣла Гаагскому международному суду. Американской же компаніи Бразилія просто выплатила выкупъ концессіи, и компанія отказалась отъ концессіи. Еще разъ латинская Америка успѣла отстранить распространеніе въ ея предѣлахъ концессіонеровъ и піонеровъ англо-саксонской Америки... На долго-ли?

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Мѣры къ усиленію сельской и городской полиціи.—Дѣло Шафрова и нѣкоторые другіе процессы.—Одинъ изъ современныхъ проектовъ.—II. Высочайшій манифестъ 26 февраля.—Правительственныя сообщенія.—Правительственныя распоряженія и сообщенія относительно Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—Post-scriptum. По поводу устава «Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія».

I.

Въ ряду правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ занимаютъ заботы объ усиленіи полиціи. Еще въ 1900 году министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило вопросъ о пересмотрѣ временныхъ правилъ и штатовъ полиціи, установленныхъ въ 1862 г., разсчитывая путемъ такого пересмотра усилить какъ городскую полицію въ тѣхъ мѣстностяхъ, для которыхъ послѣ 1862 г., не было издано отдѣльныхъ штатовъ, такъ и полицію уѣздную. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же названнымъ министерствомъ былъ разосланъ на обсужденіе губернаторовъ и проектъ нѣкоторой реформы сельской полиціи, сводившійся къ упраздненію полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ и замѣнѣ ихъ наемными сельскими стражниками, подчиненными непосредственно урядникамъ. Въ настоящее время этотъ послѣдній проектъ близокъ уже, повидимому, къ осуществленію. По крайней мѣрѣ, какъ сообщали газеты въ началѣ нынѣшняго года, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ окончательно разработанъ и разосланъ на заключеніе другихъ вѣдомствъ проектъ усиленія и нѣкоторой реорганизаціи уѣздной полиціи въ 46 губерніяхъ. Согласно этому проекту предполагается именно упразднить должность сотскаго и учредить взамѣнъ ея должность полицейскаго

стражника въ качествѣ ближайшаго помощника урядника. Такихъ стражниковъ по проекту предполагается 35.000. Эти новые полицейскіе чины будутъ пѣшими, но имъ предоставлено будетъ право разъѣзжать въ предѣлахъ ввѣреннаго ихъ наблюденію района на земскій счетъ. Содержаніе имъ будетъ назначено въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ полицейскимъ урядникамъ. Должность десятскаго проектомъ сохраняется, какъ сохраняется и подчиненіе десятскихъ волостному и сельскому начальству. Такимъ образомъ, если въ первоначальномъ своемъ видѣ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ направленъ къ усиленію сельской полиціи и къ освобожденію органовъ крестьянскаго самоуправленія отъ несенія полицейскихъ обязанностей, то въ той постановкѣ, какую онъ получилъ въ настоящее время, онъ преслѣдуетъ лишь первую изъ указанныхъ цѣлей. Осуществленіе же этого проекта потребуетъ, по разсчетамъ министерства, отъ казны новаго расхода въ размѣрѣ 9.722,200 р. въ годъ.

Если расходы государства на сельскую полицію предполагается увеличить въ ближайшемъ будущемъ, то размѣръ затратъ на городскую полицію значительно возросъ уже и въ настоящее время. За послѣдніе годы такое возростаніе совершалось непрерывно и полицейскіе штаты были серьезно увеличены почти во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ городахъ. Въ текущемъ же году это увеличеніе является особенно замѣтнымъ. Разсматривая въ прошломъ мѣсяцѣ цифры государственной росписи на 1903 годъ, мы имѣли уже возможность отмѣтить весьма внушительный ростъ ассигновокъ на мѣстную администрацію по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, увеличенной по этой статьѣ на 5 милл. р. Значительная часть этой суммы предназначена на усиленіе состава полиціи въ разныхъ городахъ. На дняхъ опубликовано Высочайше утвержденное 20 января текущаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта, увеличивающее ежегодные расходы на петербургскую столичную полицію изъ средствъ государственнаго казначейства на 237,660 р. Изъ этой суммы 202,450 р. предназначаются на содержаніе въ составѣ петербургской полиціи 50 новыхъ должностей околоточныхъ надзирателей и 510 городовыхъ, 25.500 р.—на увеличеніе суммы, ассигнуемой на квартирное довольствіе городовыхъ, и 9.710 р.—на образованіе новаго полицейскаго участка въ пригородныхъ мѣстностяхъ Петербурга. Въ Москвѣ точно также предположено новое расширеніе полицейскихъ штатовъ. Что касается провинціальныхъ городовъ, то изъ ихъ числа наиболѣе серьезное усиленіе состава полиціи выпадаетъ, повидимому, на долю Саратова. До послѣдняго времени по штатамъ 1885 г. въ Саратовѣ казна затрачивала на содержаніе полиціи 52.700 р. и городъ—44.000 р. Теперь, по словамъ саратовскихъ газетъ *),

*) «Сарат. Дневникъ», 29 февр. 1903 г.

численный составъ мѣстной полиціи значительно усиливается, въ городѣ учреждаются два новые полицейскіе участка, число околоточныхъ надзирателей увеличивается съ 30 до 50, конныхъ стражниковъ—съ 40 до 50 и городовыхъ—съ 200 до 300. Вмѣстѣ съ тѣмъ общая стоимость содержанія саратовской полиціи поднимается до 148.600 р. Изъ этой суммы казна будетъ платить 81.600 р., а городъ — 67.000 р. Иначе говоря, усиленіе состава полиціи сказывается въ городскомъ бюджетѣ новымъ расходомъ въ размѣрѣ 23 тысячъ рублей, не считая еще въ этой суммѣ квартирнаго довольствія полицейскимъ чинамъ. Между тѣмъ, по словамъ цитированной уже газеты, саратовская дума, еще не зная объ этомъ новомъ расходѣ, могла соблюсти равновѣсіе въ смѣтѣ городскихъ доходовъ и расходовъ на 1903 годъ лишь при условіи исключенія изъ нея издавна существовавшихъ исчисленій на памятники Александру II и Петру I, отсрочки уплаты долга запасному капиталу и ассигнованія на мостовыя лишь 27 тысячъ рублей, фактически уже израсходованныхъ въ прошломъ году за счетъ смѣты текущаго года. Въ виду этого дума сочла даже необходимымъ ходатайствовать о сложеніи съ города и прежняго расхода на полицію въ размѣрѣ 44 тыс. р.

Быстрый ростъ расходовъ, вызываемыхъ усиленіемъ состава городской полиціи, наложилъ тяжелое бремя на бюджетъ многихъ городовъ и въ виду этого за послѣднее время рядъ городскихъ думъ выступилъ съ ходатайствами объ освобожденіи ихъ отъ расходовъ на содержаніе полиціи. Едва-ли только эти ходатайства могутъ разсчитывать на успѣхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать судьба, постигшая ходатайство г. Кіева. Еще года три тому назадъ кіевская дума обратилась къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о принятіи содержанія кіевской городской полиціи на счетъ казны, но министерство затруднилось, какъ сообщило оно начальнику края, поддерживать эту просьбу впредь до милованія русско-китайской войны, вызвавшей значительное обремененіе государственной казны. Въ прошломъ году кіевская дума вновь постановила ходатайствовать объ освобожденіи города отъ расходовъ на полицію въ той части, какая будетъ признана правительствомъ необходимой для облегченія города, но и на эту просьбу со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ отвѣтъ, что оно затрудняется дать ходатайству думы дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ *).

Ходатайствуя объ освобожденіи городовъ отъ расходовъ на содержаніе полиціи, нѣкоторыя думы указывали какъ на чрезмѣрную обременительность существующаго размѣра этихъ расходовъ для городскихъ средствъ, такъ и на то обстоятельство, что

*) «Кіевская Газета». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 21 февр. 1903 г.

полиція преслѣдуетъ по преимуществу обще-государственныя задачи, тогда какъ удовлетвореніе нуждъ мѣстныхъ обывателей занимаетъ въ ея дѣятельности совершенно второстепенное мѣсто. „Дѣятельность полиціи и взглядъ ея на свои обязанности—замѣчала недавно по этому поводу иркутская городская управа въ своемъ докладѣ мѣстной думѣ—носитъ двоякую форму: взысканіе податей, недоимокъ, охраненіе государственнаго порядка стоитъ на первомъ планѣ, ибо аккуратное исполненіе этой части дѣлъ поощряется, а неисправное—наказуется, тогда какъ остальныя дѣла,—охрана имущества, личности и прочее,—не отражаются на исправномъ исполнителѣ въ степень заслуги и не ведутъ къ замѣчанію при неисполнительности. Словомъ, полицейскіе органы всю свою дѣятельность сосредоточиваютъ на исполненіи двухъ обязанностей: по полиціи благосостоянія—на взиманіи налоговъ и сборовъ и недоимокъ по нимъ и по полиціи безопасности—на охраненіи государственной безопасности. Охраненіе же личной безопасности и имущественной неприкосновенности, какъ и всѣ остальныя многочисленныя обязанности по полиціи благосостоянія, составляютъ для дѣятельности чиновъ полиціи не такое ужъ серьезное и отвѣтственное дѣло“ *). Несомнѣнно, думы и обыватели многихъ городовъ могли бы согласиться съ этою характеристикой.

Особенно богатъ, повидимому, въ этомъ отношеніи опытъ обывателей г. Кронштадта. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи разбиравшагося въ январѣ и февралѣ текущаго года с.-петербургскою судебною палатой дѣла бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера подполковника Шафрова. Это дѣло явилось и вообще чрезвычайно поучительной иллюстраціей нѣкоторыхъ условій обывательской жизни. Большинству нашихъ читателей оно, по всей вѣроятности, извѣстно уже изъ газетъ, но мы позволимъ себѣ, тѣмъ не менѣе, напомнить наиболѣе любопытные его моменты и, надѣемся, читатель не посѣтуетъ на насъ за это напоминаніе.

Главный герой названнаго процесса, Шафровъ, привлекался къ отвѣтственности исключительно за дѣянія, совершенныя имъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ втеченіе четырехъ лѣтъ занималъ должность полиціймейстера. Предварительное слѣдствіе показало однако, что и предъидущая служебная дѣятельность г. Шафрова была далеко не свободна отъ серьезныхъ погрѣшностей. Онъ началъ свою службу по полиціи въ Москвѣ съ 1887 года и прослужилъ въ московской полиціи пять лѣтъ, въ должности сперва помощника пристава, а затѣмъ пристава, но въ 1892 г. былъ уволенъ. Тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ Власовскій въ частныхъ бесѣдахъ объяснялъ, что онъ вынужденъ былъ уволить Шафрова, какъ „перваго взяточника между приставами“,

*) «Р. Вѣдомости», 14 окт. 1902 г.

но въ оффиціальной аттестаціи, выданной Шафрову, эта причина его увольненія осталась неотмѣченной. Благодаря этому онъ получилъ возможность снова вступить на службу. 9 апрѣля 1892 года онъ покинулъ службу въ Москвѣ, а 17 сентября того же года былъ уже опредѣленъ въ штатъ петербургской полиціи и затѣмъ назначенъ старшимъ помощникомъ пристава въ одномъ изъ участковъ Петербурга. Но въ январѣ 1894 года онъ былъ уволенъ и отсюда въ виду обнаружившагося случая лихоимства съ его стороны. Впрочемъ, и на этотъ разъ причина увольненія осталась канцелярскою тайной и Шафрову предоставлено было подать прошеніе объ увольненіи „по домашнимъ обстоятельствамъ". Не была раскрыта эта тайна и впослѣдствіи, когда въ 1896 г. Шафровъ поставилъ свою кандидатуру на мѣсто кронштадтскаго полиціймейстера и военный губернаторъ Кронштадта, вице-адмиралъ Казнаковъ, сдѣлалъ о немъ запросъ въ петербургскую полицію. На этомъ запросѣ градоначальникъ фонъ-Валь постановилъ резолюцію: „отвѣтить глухо", и соотвѣтственно этому данный изъ Петербурга отвѣтъ гласилъ: „Шафровъ уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ" *). Такимъ образомъ истинный характеръ служебной дѣятельности Шафрова въ Москвѣ и Петербургѣ былъ вскрытъ лишь на судѣ, происходившемъ въ текущемъ году, хотя для непосредственнаго начальства Шафрова этотъ характеръ былъ хорошо извѣстенъ и раньше.

Занявъ мѣсто полиціймейстера въ Кронштадтѣ, Шафровъ получилъ возможность значительно шире развить свою дѣятельность. Этою возможностью онъ и не замедлилъ воспользоваться. Уже очень скоро послѣ его назначенія на должность полиціймейстера его дѣйствія вызвали рядъ жалобъ по начальству, но всѣ эти жалобы не имѣли успѣха. Правда, въ 1899 г., по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, назначено было административное разслѣдованіе дѣйствій Шафрова, но оно не открыло въ этихъ дѣйствіяхъ ничего противозаконнаго. Въ концѣ того же 1899 года свѣдѣнія о многочисленныхъ беззаконіяхъ и злоупотребленіяхъ Шафрова дошли, однако, до прокурорскаго надзора. Произведенное послѣднимъ негласное разслѣдованіе вполнѣ подтвердило такія свѣдѣнія и тогда прокуроръ петербургской судебной палаты обратился къ кронштадтскому военному губернатору съ просьбой распорядиться производствомъ предварительнаго слѣдствія о дѣйствіяхъ Шафрова и временно устранить его отъ должности полиціймейстера. Однакоже военный губернаторъ Кронштадта, вице-адмиралъ Макаровъ, истребовавъ объясненія отъ Шафрова, нашелъ предъявленныя противъ него обвиненія

*) См. обвинительный актъ по дѣлу Шафрова въ журналѣ «Право», 1903 г., № 4. Изъ отчета названнаго журнала (№№ 4—7) мы заимствуемъ и дальнѣйшія фактическія свѣдѣнія о судѣ надъ Шафровымъ.

недостаточными и основанными лишь на доносахъ неблагонамѣренныхъ людей. Для провѣрки дѣйствій Шафрова назначено было, впрочемъ, новое административное разслѣдованіе, порученное особой коммиссіи, и, ознакомившись съ результатами работъ этой коммиссіи, военный губернаторъ пришелъ къ убѣжденію въ неосновательности взводимыхъ на Шафрова обвиненій, почему и не призналъ возможнымъ удовлетворить требованіе прокурорскаго надзора о возбужденіи противъ Шафрова уголовнаго преслѣдованія. Дѣло готово было вновь заглохнуть. Не заглохло оно лишь благодаря настойчивости прокурорскаго надзора, передавшаго возникшее разномысліе на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Послѣдній, разсмотрѣвъ собранныя прокурорскимъ надзоромъ данныя и признавъ назначеніе административнаго разслѣдованія о дѣйствіяхъ Шафрова неправильнымъ, 22 мая 1900 г. предписалъ произвести предварительное слѣдствіе по обвиненію Шафрова въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ, въ вымогательствѣ взятокъ, въ лихоимствѣ, превышеніи власти и подлогахъ по службѣ, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Шафрова отъ занимаемой имъ должности. Предварительное слѣдствіе, произведенное въ силу указа Сената, привело Шафрова на скамью подсудимыхъ, а результатомъ судебнаго разбирательства тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ двумя административными разслѣдованіями не найдено было ничего противозаконнаго, явился приговоръ палаты, согласно которому Шафровъ присужденъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, исключенію изъ военнаго вѣдомства и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на два года.

Судебное слѣдствіе по этому дѣлу раскрыло картину, вполнѣ объясняющую такой приговоръ. Какъ показало это слѣдствіе, въ кронштадтской полиціи за время службы въ ней Шафрова водворились порядки, совершенно тожественные съ тѣми, какіе царили въ эпоху незабвеннаго Сквозника-Дмухановскаго. Мѣста полицейскихъ приставовъ въ Кронштадтѣ продавались полиціймейстеромъ за деньги, а лица, уже занимавшія эти мѣста, облагались въ пользу полиціймейстера особыми поборами въ формѣ займовъ. Наряду съ денежными поборами практиковались и натуральныя повинности. Такъ, старшій брандмейстеръ безвозмездно поставлялъ полиціймейстеру куръ, индюшекъ, барановъ, покупалъ ему сбрую и т. д. Не избавлены были отъ разнообразныхъ поборовъ въ пользу полиціймейстера и нижніе полицейскіе чины и пожарные. Деньги, получавшіяся за нарядъ полицейскихъ чиновъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій, поступали въ безконтрольное распоряженіе полиціймейстера, который свободно тратилъ ихъ на свои нужды. Точно также обращался онъ и съ наградными деньгами, которыя выдавались въ Кронштадтѣ нѣкоторыми лицами и учрежденіями нижнимъ чинамъ полиціи и пожарной

команды. Деньги эти при Шафровѣ вовсе не заносились въ книги полиціи и находились въ безотчетномъ распоряженіи полиціймейстера. Залоги, которые брались въ Кронштадтѣ съ вновь вступавшихъ на службу городовыхъ въ обезпеченіе того, что они не покинутъ службу ранѣе года, при Шафровѣ почти никогда не возвращались ихъ владѣльцу, хотя бы послѣдній прослужилъ уже нѣсколько лѣтъ и увольнялся по болѣзни. Провинности городовыхъ и пожарныхъ карались по преимуществу штрафами, причемъ штрафныя деньги, какъ и залоговыя, опять-таки не заносились въ книги и поступали въ личное распоряженіе полиціймейстера. На городовыхъ и пожарныхъ нерѣдко накладывались не входившія въ ихъ прямыя обязанности работы, за которыя они не получали однакоже особаго вознагражденія. Благодаря всему этому составъ полиціи и пожарной команды въ Кронштадтѣ замѣтно уменьшился численно и ухудшился въ качественномъ отношеніи, что повліяло и на безопасность жизни въ городѣ. Пожарные благодаря своей малочисленности встрѣчали затрудненія при выѣздахъ на пожаръ и вынуждены были для снаряженія къ выѣзду пользоваться помощью своихъ женъ. Городовыхъ на многихъ постахъ не хватало и число кражъ и другихъ преступленій въ городѣ постепенно увеличивалось.

Взимая разнообразные поборы съ своихъ подчиненныхъ, Шафровъ не пренебрегалъ и другими источниками доходовъ. Однимъ изъ такихъ источниковъ для него служили, между прочимъ, дома терпимости. За время службы Шафрова число этихъ домовъ въ Кронштадтѣ значительно увеличилось, причемъ правила, воспрещающія ихъ существованіе вблизи церквей, школъ и богоугодныхъ заведеній, совершенно не соблюдались. Полиціймейстеръ охотно разрѣшалъ содержательницамъ домовъ терпимости продажу крѣпкихъ напитковъ и торговлю въ позднiе ночные часы и смотрѣлъ сквозь пальцы на скандалы и побоища, разыгрывавшіеся въ этихъ притонахъ. По словамъ одной такой содержательницы на судѣ, Шафровъ самъ говорилъ ей, что онъ „заботится о содержательницахъ, какъ отецъ о родныхъ дѣтяхъ“. Эти отеческія заботы не оставались безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Содержательницы домовъ терпимости уплачивали полиціймейстеру постоянную дань въ зависимости отъ размѣровъ своего „предпріятія“, а въ экстренныхъ случаяхъ вносили въ его пользу и чрезвычайные поборы. Но, покровительствуя домамъ терпимости, которые онъ признавалъ необходимыми для здоровья войскъ, полиціймейстеръ воздвигъ гоненіе противъ чайной комитета трезвости, усматривая въ ней „разсадникъ зла“.

Не менѣе своеобразный взглядъ былъ выработанъ кронштадтскимъ полиціймейстеромъ и на назначеніе казенныхъ и общественныхъ денегъ. Забравъ къ себѣ всѣ ключи отъ денежнаго сундука полиціи, Шафровъ свободно и безпрепятствено пользо-

вался содержимымъ этого сундука, растрачивая казенныя деньги на кутежи и карточную игру. Подрядчики, поставлявшіе для полиціи и пожарной команды дрова и сапоги, по предложенію полиціймейстера, доставляли лишь часть условленнаго количества продуктовъ, а деньгами за недоставленную часть дѣлились съ полиціймейстеромъ. Кронштадтская дума отпускала извѣстную сумму на ремонтъ вооруженія городовыхъ. Однако городовые, въ случаѣ надобности, чинили свои шашки и револьверы на собственный счетъ, а деньги, отпускавшіяся на этотъ ремонтъ, употреблялись полиціймейстеромъ на личныя его нужды. Отношенія, установившіяся въ Кронштадтѣ между обывателями и думой, съ одной стороны, и полиціймейстеромъ—съ другой, особенно ярко были охарактеризованы въ показаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи военно-морскимъ судьей и домовладѣльцемъ г. Кронштадта, ген. Зеленымъ. „Во времена Шафрова—говорится въ этомъ показаніи, какъ оно передано въ отчетѣ „Права“,—въ Кронштадтѣ стало жить труднѣе и отношенія обывателей къ полиціи были очень обостренныя. Въ городѣ циркулировало изреченіе: „полиціймейстеръ нагналъ на всѣхъ страхъ и трепетъ“, и „это понятно“, прибавилъ свидѣтель, „если принять во вниманіе, что Кронштадтъ находился на положеніи усиленной охраны“. Какъ гласный города, свидѣтель подтвердилъ, что обвиняемый умѣлъ заставлять и гласныхъ безпрекословно подчиняться его требованіямъ, даже если они не были предусмотрѣны смѣтой. Шафровъ, по словамъ свидѣтеля, „неоднократно лично являлся въ засѣданія думы и своимъ присутствіемъ предупреждалъ возможность робкаго протеста; критиковали поэтому его дѣятельность потихоньку, опасаясь репрессалій съ его стороны до высылки включительно“. Шафровъ позволялъ себѣ говорить съ непослушными гласными въ вызывающемъ тонѣ. „Это заставило меня разъ“, заявилъ свидѣтель, „указать ему на наши мундиры и чины“. Какъ дорого стоило городу это вліяніе полиціймейстера, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Обвиняемый исходатайствовалъ себѣ у думы право занять большую квартиру въ Купеческой части полиціи, обязавшись платить за нее ежегодно 650 р. По желанію Шафрова, на ремонтъ квартиры было ассигновано около 900 р. На самомъ же дѣлѣ на ремонтъ было истрачено почти вдвое болѣе. Перерасходъ былъ принятъ думой. Мало того: прошелъ годъ, и Шафровъ обратился въ думу съ ходатайствомъ, чтобы съ него сложили плату за квартиру. Дума открытой баллотировкой удовлетворила это ходатайство. Спустя еще одинъ годъ, Шафровъ подалъ просьбу о сложеніи съ него недоимки и за второй годъ. Свидѣтель, чувствуя себя независимымъ отъ полиціи человѣкомъ, запротестовалъ и потребовалъ рѣшенія вопроса закрытой баллотировкой. Городской голова всячески старался предотвратить

закрытую баллотировку. Починъ свидѣтеля однако пробудилъ самосознаніе гласныхъ и вопросъ о закрытой баллотировкѣ былъ разрѣшенъ ими утвердительно. Послѣ этого и ходатайство полиціймейстера было большинствомъ 14 противъ 13 голосовъ отклонено. Недовольный такимъ исходомъ своего ходатайства, Шафровъ старался выместить свою злобу на свидѣтелѣ, придираясь къ разнымъ неисправностямъ въ его домѣ и требуя назначенія для него высшаго штрафа въ 500 р. Губернаторъ, однако, убавилъ этотъ штрафъ до 15 р.“ *). Платы же городу за квартиру Шафровъ такъ и не внесъ, хотя продолжалъ занимать эту квартиру и послѣ своего увольненія, вплоть до самаго дня суда.

Таковы были нѣкоторыя изъ дѣяній, приведшихъ Шафрова на скамью подсудимыхъ. Не нужно забывать, что всѣ эти дѣянія совершались въ теченіе пяти лѣтъ, въ большомъ городѣ, въ 25 верстахъ отъ столицы. Въ теченіе пяти лѣтъ всѣ жалобы на Шафрова оставались безполезными. Въ теченіе пяти лѣтъ полиціймейстеръ, отожествившій служебную дѣятельность съ лихоимствомъ и казнокрадствомъ, держалъ въ „страхѣ и трепетѣ“ обывателей цѣлаго города и угрозами репрессалій подчинялъ своимъ незаконнымъ требованіямъ даже городскую думу. Ни жалобы частныхъ лицъ, ни усилія прокурорскаго надзора сами по себѣ не могли остановить такой дѣятельности и для того, чтобы привлечь къ суду человѣка, совершившаго рядъ злоупотребленій и беззаконій на сравнительно скромномъ полицейскомъ мѣстѣ, потребовалось энергическое вмѣшательство самого Правительствующаго Сената. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, выяснившіяся во время судебнаго разбирательства дѣла Шафрова, трудно не видѣть въ названномъ дѣлѣ новаго и крайне убѣдительнаго доказательства несовершенствъ дѣйствующаго у насъ порядка преданія должностныхъ лицъ суду лишь съ согласія ихъ непосредственнаго начальства. Указанный порядокъ, очевидно, слишкомъ плохо обезпечиваетъ интересы какъ государства, такъ и частныхъ лицъ.

Быть можетъ, однако, дѣятельность Шафрова представляетъ собою рѣзкое исключеніе и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества проявленій подобной дѣятельности не наблюдается? Едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать это. Но возьмемъ все же нѣсколько случаевъ изъ числа разсказанныхъ за послѣднее время газетами.

Въ началѣ текущаго мѣсяца въ г. Воронежѣ предстоялъ судебный процессъ, до извѣстной степени аналогичный процессу Шафрова. Съ 7 марта выѣздная сессія харьковской судебной палаты должна была начать разбирательство дѣла по обвиненію бывшаго воронежскаго полиціймейстера Клокачева, въ настоящее

*) «Право», № 6.

время занимающаго должность бобровскаго уѣзднаго исправника, въ присвоеніи и растратѣ крупной денежной суммы *). Подобное же дѣло предстоитъ въ недалекомъ будущемъ разбирать и одесской судебной палатѣ. Къ суду послѣдней привлекается въ Симферополѣ бывшій мелитопольскій исправникъ Корниловичъ, обвиняемый въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) въ присвоеніи полученныхъ изъ мелитопольской городской управы 1.085 р. жалованья пяти добавочнымъ городовымъ за 1901 годъ; 2) присвоеніи жалованья полицейскихъ служителей с. Бѣлозерки въ суммѣ 500 р.; 3) присвоенія остатка аванса, отпущеннаго въ 1902 г. на хлѣбопеченіе для команды мелитопольскаго уѣзднаго воинскаго начальника, въ суммѣ 100 р.; 4) присвоенія подлежавшихъ выдачѣ крестьянамъ с. Нижніе-Сѣрогозы за раскопки кургана проф. Веселовскимъ 800 р.; 5) присвоеніи присланныхъ симферопольскимъ окружнымъ судомъ для выдачи г. Кобецкому для малолѣтнихъ сиротъ 227 р. 61 к.; 6) присвоеніи квартирныхъ денегъ урядниковъ 2-го и 3-го становъ Мелитопольскаго уѣзда въ суммѣ 120 р.; 7) присвоенія вырученныхъ 16 іюня 1902 г. отъ устроеннаго съ благотворительною цѣлью гулянья въ городскомъ саду 201 р. 20 к.; 8) присвоенія денегъ за обмундированіе полицейскихъ служителей селеній Спасскаго, Рогачика и Верхней-Бѣлозерки въ размѣрѣ 235 р. 10 к., и 9) присвоеніи подлежавшихъ выдачѣ нижнимъ чинамъ за особые труды по исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ положеніемъ о казенной продажѣ питей, 40 рублей **). Какъ видно изъ этого перечня, мелитопольскій исправникъ проявлялъ не менѣе разностороннюю и широкую дѣятельность, чѣмъ кронштадтскій полиціймейстеръ, не обходя своимъ вниманіемъ ни городовыхъ и урядниковъ, ни крестьянъ, ни даже сиротъ и благотворителей.

Не менѣе любопытные факты были обнаружены однимъ дѣломъ, разбиравшимся въ маѣ прошлаго года тифлисскою судебною палатой. Въ роли обвиняемаго въ этомъ дѣлѣ являлся редакторъ газеты „Мшакъ" г. Калантаръ, привлеченный къ суду по обвиненію въ диффамаціи. Поводомъ къ такому обвиненію послужило помѣщеніе въ названной газетѣ корреспонденціи, въ которой говорилось о бездѣятельности полиціи г. Телавы. Авторъ корреспонденціи, свящ. Сундукіанцъ, истинную причину такой бездѣятельности видѣлъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ Телавѣ содержится слишкомъ мало городовыхъ: хотя ихъ полагается здѣсь 15 человѣкъ и на такое число отпускается и жалованье городскимъ общественнымъ управленіемъ, но въ дѣйствительности городовыхъ держится 7—8 человѣкъ, да и изъ тѣхъ одинъ исполняетъ обязанности лакея при полицейскомъ чиновникѣ, другой—

*) «Сарат. Дневникъ», 1 марта 1903 г.

**) «Крымскій Курьеръ». Цитируемъ по «Смол. Вѣстнику», 14 янв. 1903 г.

повара и т. д. Телавскій уѣздный начальникъ, подполковникъ Гансевичъ, нашелъ, что оглашеніе такихъ фактовъ позоритъ доброе имя, служебное положеніе и честь городского пристава и подвѣдомственныхъ ему чиновъ полиціи, и просилъ прокурора тифлисской судебной палаты возбудить противъ редактора газеты „Мшакъ" уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ диффамаціи. На судѣ однако г. Калантаръ представилъ рядъ документовъ, вполнѣ подтверждавшихъ тѣ факты, о которыхъ говорилось въ напечатанной имъ корреспонденціи, и судебная палата признала его невиновнымъ *).

Наряду съ дѣлами, говорящими о недостаточной охранѣ казенныхъ и общественныхъ денегъ, можно указать длинный рядъ дѣлъ, свидѣтельствующихъ объ еще меньшей охранѣ обывательской личности и обывательскаго имущества. Но если бы мы вздумали перечислить даже важнѣйшія дѣла такого рода изъ числа оглашенныхъ за послѣднія недѣли газетами, намъ потребовалось бы слишкомъ много мѣста. Ограничимся поэтому лишь тремя—четырьмя примѣрами.

Въ началѣ текущаго мѣсяца въ г. Вильнѣ разбиралось судомъ дѣло по обвиненію бывшаго пристава 4-го стана Виленскаго уѣзда Пучковскаго въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ. Обстоятельства этого дѣла, какъ они выяснились на судѣ, заключались въ слѣдующемъ. Въ 1899 г. приставъ Пучковскій проѣзжалъ черезъ имѣніе Воронки Виленскаго уѣзда. Остановившись въ этомъ имѣніи, онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на строившаго сарай плотника Голуба и, желая „документально" удостовѣриться въ его личности, спросилъ у него паспортъ. Паспорта у Голуба при себѣ не оказалось. Приставъ констатировалъ его „безписьменность" и объявилъ его арестованнымъ. Послѣ того онъ самъ поѣхалъ на повозкѣ, а Голуба велѣлъ какому-то крестьянину вести сзади. По старости лѣтъ Голубъ не могъ, однакоже, поспѣть за лошадью. Это раздражило пристава и онъ сталъ поощрять арестованнаго сперва руганью, потомъ кулаками, потомъ ударами кнутовища по головѣ. Наконецъ, онъ приказалъ двумъ встрѣчнымъ крестьянамъ „тащить за бороду" Голуба въ становую квартиру. Опасаясь начальства, крестьяне исполнили приказаніе и буквально протащили за бороду старика на протяженіи нѣсколькихъ шаговъ. Когда при помощи подобныхъ пріемовъ Голуба доставили въ становую квартиру, онъ заявилъ приставу, что будетъ жаловаться на его дѣйствія. Это заявленіе, по словамъ обвинительнаго акта, „привело пристава Пучковскаго въ ярость". Онъ немедленно избилъ Голуба при свидѣтеляхъ и затѣмъ отправилъ его по этапу въ Ошмянскій уѣздъ, изъ котораго онъ былъ родомъ, хотя Голубъ и предлагалъ черезъ два дня доставить свой паспортъ. По жалобѣ

*) «Новое Обозрѣніе». Цитируемъ по «СПБ. Вѣдомостямъ», 17 мая 1902 г.

Голуба начальствомъ Пучковскаго было возбуждено противъ послѣдняго уголовное преслѣдованіе и предварительное слѣдствіе вполнѣ подтвердило всѣ изложенные въ жалобѣ факты. Начиная съ 1900 года, дѣло это не разъ уже назначалось и къ судебному разбирательству, но каждый разъ откладывалось за неявкою обвиняемаго. Наконецъ, въ послѣдній разъ судъ отказался признать уважительной неявку Пучковскаго изъ г. Дисны, гдѣ онъ состоитъ теперь становымъ приставомъ, и, выслушавъ дѣло, постановилъ заочный приговоръ, которымъ призналъ Пучковскаго виновнымъ и приговорилъ его къ высшей мѣрѣ наказанія въ видѣ мѣсячнаго ареста при домѣ арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей *).

Только что разсказанная исторія закончилась еще сравнительно благополучно. Но бываютъ и такіе случаи, когда въ результатѣ подобныхъ исторій и наказаніе приходится нести не столько обидчику, сколько обиженному. И опять-таки иногда это оказывается возможнымъ даже при томъ условіи, что дѣло доходитъ до суда и что судъ всецѣло становится на сторону обиженнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого оригинальнаго распредѣленія даровъ Немезиды. Въ дер. Хуторовой, близъ г. Иваново-Вознесенска, въ 1901 г. случился пожаръ. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ тушеніи этого пожара, былъ, между прочимъ, крестьянинъ Макаровъ, возившій на своей лошади воду для пожарныхъ машинъ. На пожарѣ присутствовалъ также и полицеймейстеръ г. Иваново-Вознесенска Кожеловскій. Послѣдній потребовалъ, чтобы Макаровъ возилъ воду въ другое мѣсто, по указанію его, полицеймейстера. Когда же Макаровъ не выполнилъ этого требованія, полицеймейстеръ сперва сталъ самъ „угощать его тумаками и спереди и сзади“, а затѣмъ скомандовалъ казакамъ: „прибавьте-ка ему!“ Казаки такъ „прибавили“, что у Макарова, по словамъ одного свидѣтеля, „вся спина была исполосована красными лентами“. Въ результатѣ начались одновременно два судебныхъ процесса: Макаровъ обвинялъ полицеймейстера Кожеловскаго въ превышеніи власти и въ нанесеніи побоевъ, а самъ въ свою очередь обвинялся прокурорскимъ надзоромъ, согласно заявленію полицеймейстера, въ оскорбленіи чиновника полиціи при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Первое изъ этихъ дѣлъ разсматривалось владимірскимъ окружнымъ судомъ въ ноябрѣ 1901 года. Полицеймейстеръ Кожеловскій и одинъ изъ казаковъ были признаны судомъ виновными въ нанесеніи Макарову обидъ дѣйствіемъ и приговорены къ аресту полицеймейстеръ—на четверо сутокъ, а казакъ—на недѣлю. Приговоръ этотъ восходилъ затѣмъ до сената и былъ утвержденъ послѣднимъ. Что касается дѣла по обвиненію Макарова, то оно разбиралось въ декабрѣ того же 1901 года и первоначально Ма-

*) «Сѣв.-Зап. Слово», 9 марта 1903 г.

каровъ былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Но защита обжаловала этотъ приговоръ и въ январѣ нынѣшняго года названное дѣло разсматривалось снова, на этотъ разъ выѣздной сессіей московской судебной палаты въ г. Шуѣ. Показаніями свидѣтелей былъ твердо установленъ тотъ фактъ, что Макаровъ потерпѣлъ насиліе отъ полицiймейстера и казаковъ, но самъ не оскорблялъ полицiймейстера ни дѣйствiемъ, ни словами. Въ результатѣ палата оправдала Макарова. Однако-же, пока тянулось его дѣло, онъ успѣлъ уже высидѣть въ тюрьмѣ два мѣсяца, находясь подъ слѣдствiемъ *). Такимъ образомъ, въ то время, какъ обвиненный судомъ обидчикъ поплатился четырехдневнымъ арестомъ, на долю оправданнаго обиженнаго достался арестъ двухмѣсячный.

Окружающая насъ дѣйствительность знаетъ случаи не менѣе примитивнаго отношенія и къ имущественнымъ правамъ обывателя. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетахъ разсказывалась крайне поучительная исторія такого рода, закончившаяся въ уголовномъ отдѣленіи тульскаго окружнаго суда. Суть этой исторіи сводилась къ слѣдующему. Въ iюнѣ 1902 года приставъ второй части г. Тулы Уваровъ явился въ 2 часа ночи съ двумя своими помощниками и двумя городовыми на квартиру купца Лимонада и, не заставъ послѣдняго дома, потребовалъ у его сына ключи отъ отцовскаго письменнаго стола, въ которомъ хранятся векселя. Лимонадъ отказался дать ключъ. Тогда Уваровъ сталъ отбирать ключъ силой, при чемъ ударилъ Лимонада по рукѣ. Въ это время вернулся домой Лимонадъ-отецъ и обратился къ Уварову съ просьбою показать постановленіе, на основаніи котораго имъ производится обыскъ. Уваровъ отвѣтилъ, что постановленіе онъ покажетъ потомъ, и потребовалъ выдачи ключа, угрожая иначе отобрать его силой. Ключъ былъ ему выданъ. Вслѣдъ затѣмъ Уваровъ вынудилъ Лимонада взломать одинъ изъ ящиковъ стола, къ которому не нашлось ключа, и, выбравъ изъ найденныхъ въ столѣ бумагъ векселя, подписанные тульскимъ купцомъ Зафреномъ, унесъ ихъ съ собою. Постановленія же объ обыскѣ онъ такъ и не предъявилъ Лимонаду, несмотря на всѣ его просьбы объ этомъ. Привлеченный послѣ того къ суду по обвиненію въ превышеніи власти, приставъ Уваровъ объяснилъ, будто онъ произвелъ у Лимонада не обыскъ, а выемку, руководствуясь поступившимъ къ нему заявленіемъ купца Зафрена, что имѣющіеся у Лимонада его векселя — безденежные. Представитель обвиненія находилъ, однако, въ дѣяніяхъ Уварова несомнѣнное превышеніе власти и судъ, согласившись съ своей стороны съ этимъ мнѣніемъ, постановилъ объявить Уварову выговоръ **).

*) «Сарат. Дневникъ», 6 февр. 1903 г.

**) «Р. Вѣдомости», 29 дек. 1902 г.

Мы не знаемъ, насколько этотъ приговоръ оказался способнымъ измѣнить взгляды чиновъ тульской полиціи на степень ихъ полномочій для производства обысковъ. Но не трудно представить себѣ, какова должна быть жизнь обывателя тамъ, гдѣ каждый полицейскій чиновникъ считаетъ себя въ правѣ войти въ обывательскій домъ и произвести въ немъ обыскъ, даже не запасшись для этой цѣли особымъ постановленіемъ. Не трудно также предугадать, во что можетъ обратиться гражданскій процессъ, разрѣшаемый столь примитивными и рѣшительными пріемами. Замѣна въ этомъ процессѣ суда полицейскимъ воздѣйствіемъ, готовымъ къ услугамъ всякаго, имѣющаго возможность обратиться къ нему, неизбѣжно влечетъ за собою господство безправія и произвола.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда подобное воздѣйствіе, не оправдывая возлагаемыхъ на него надеждъ, обращается противъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя прибѣгаютъ къ помощи полиціи, имѣя, казалось бы, полную возможность разсчитывать на такую помощь. Не такъ давно въ камерѣ одного изъ мировыхъ судей г. Юрьева разсматривалось очень любопытное въ этомъ отношеніи дѣло. Приставъ 3-го участка г. Юрьева предъявилъ къ нѣкоему Яну Шпееку обвиненіе въ томъ, что онъ 31 декабря 1902 г. нарушилъ общественную тишину въ гостиницѣ „Самуэль" и оскорбилъ дѣйствіемъ городового при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Обвиняемый не призналъ, однако, себя виновнымъ и объяснилъ слѣдующее. Въ гостиницѣ у него украли шубу. Онъ потребовалъ, чтобы хозяинъ послалъ за полиціей, и не хотѣлъ уходить, пока это требованіе не будетъ исполнено. Городовые, дѣйствительно, явились и, не смотря на его протесты и требованія составить протоколъ о кражѣ, потащили его въ полицію безъ шубы, хотя на дворѣ стоялъ сильный морозъ, и при этомъ избили до крови. Хозяинъ гостиницы подтвердилъ, что у Шпеека была украдена шуба, которая на другой день была найдена во дворѣ гостиницы. Другіе свидѣтели показали, что обвиняемый не хотѣлъ уходить изъ гостиницы и, когда его силою повели въ участокъ, ударилъ городового. Обсудивъ все изложенное, мировой судья нашелъ, что дѣйствія городовыхъ, позволившихъ себѣ насиліе въ весьма грубой формѣ, должны быть признаны незаконными, что городовые не имѣли права арестовывать и тащить въ участокъ Шпеека только за нежеланіе его уходить изъ буфета и что, если даже отнестись съ довѣріемъ къ той части свидѣтельскихъ показаній, въ которой говорится о нанесеніи Шпеекомъ удара городовому, то этотъ ударъ долженъ разсматриваться, какъ осуществленіе принадлежащаго каждому гражданину права необходимой обороны противъ направленныхъ на него незаконныхъ насильственнныхъ дѣйствій. Признавая въ силу этихъ соображеній предъявленное приставомъ обвиненіе въ

высшей степени неосновательнымъ, мировой судья постановилъ считать Яна Шпеека по суду оправданнымъ *).

„Маленькіе недостатки механизма", наглядно проявляющіеся въ подобныхъ эпизодахъ, порою довольно чувствительнымъ образомъ даютъ о себѣ знать даже и лицамъ, входящимъ въ составъ этого механизма. Не далѣе, какъ на дняхъ, елисаветградскій корреспондентъ одной изъ провинціальныхъ газетъ разсказалъ слѣдующую исторію. Въ ноябрѣ прошлаго года изъ чайнаго магазина Дементьева и Васильева въ г. Елисаветградѣ была похищена большая партія чаю. Въ теченіе долгаго времени розыски, предпринятые по этому поводу мѣстной полиціей, оставались безуспѣшными и лишь недавно приставъ Падейскій узналъ, что упомянутую кражу совершилъ при участіи другихъ лицъ извѣстный кременчугскій воръ Шевченко. Случилось это такимъ образомъ. Будучи проѣздомъ на ст. Знаменкѣ, гдѣ находился также и приставъ Падейскій, Шевченко сознался въ совершеніи кражи одной женщинѣ, служащей агентомъ при полиціи. Полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія были уже 13 декабря сообщены кременчугской полиціи вмѣстѣ съ просьбой о задержаніи Шевченка. Не получая, однако, никакого отвѣта на свое отношеніе, приставъ Падейскій 11 февраля командировалъ въ Кременчугъ агента К—ва. Но эта посылка оказалась неудачной. 13 февраля К-въ возвратился обратно въ сильно избитомъ видѣ и на вопросъ о причинѣ этого объяснилъ слѣдующее. Пріѣхавъ въ Кременчугъ, онъ зашелъ въ одну изъ кожевенныхъ лавокъ и, торгуя какую-то вещь, въ разговорѣ сказалъ, будто ѣдетъ въ Ростовъ для открытія тамъ трактирнаго заведенія отъ имени Исаака Зельфаса, извѣстнаго въ тѣхъ краяхъ посредника по покупкѣ краденыхъ вещей. Тогда К-ву предложили пріобрѣсти 28 ф. чая фирмы Дементьева и Васильева. Онъ согласился и условился, что чай будетъ доставленъ ему на вокзалъ къ отходу поѣзда. Послѣ того, желая задержать лицъ, которыя привезутъ чай на вокзалъ, К-въ обратился за содѣйствіемъ къ двумъ городовымъ, посвятивъ ихъ въ суть дѣла и сообщивъ, кто именно долженъ быть задержанъ. Но вечеромъ того же дня К-въ встрѣтился съ Исаакомъ Зельфасомъ, который предложилъ ему купить 12 ружей Бердана и нѣсколько тысячъ патроновъ, а для переговоровъ пригласилъ въ одинъ изъ тайныхъ притоновъ, куда К—въ и отправился. „Тамъ—разсказываетъ корреспондентъ—его встрѣтили старшій городовой Пика и дежурный Корецкій, которые, не смотря на представленное имъ удостовѣреніе пристава г. Елисаветграда Падейскаго, арестовали К-ва и, отведя нѣсколько кварталовъ, стали бить его, требуя за освобожденіе 5 рублей. К-въ отказался отдать деньги, полученныя имъ отъ пристава Падейскаго на расходы. Тогда кременчугскіе блюсти-

*) Прибалтійскій Край». Цитируемъ по «Спб. Вѣдом.», 4 февр. 1903 г.

тели порядка заперли К—ва въ кордегардію и въ теченіе ночи 6 разъ опрашивали и били ногами и нагайками при участіи еще двухъ городовыхъ. На другой день, часа въ 2 пополудни, въ кордегардію пришелъ приставъ 4-й части г. Кременчуга, распросилъ К—ва и велѣлъ освободить его, но тѣ же городовые продержали К—ва до 4 часовъ пополудни и подъ угрозами еще бить взяли у него 5 р. и потребовали еще рубль на угощеніе, свидѣтелемъ коего былъ и приставъ". Сообщая обо всемъ этомъ елисаветградскому полицiймейстеру, приставъ Падейскій со своей стороны, по словамъ корреспондента, „замѣчаетъ, что при такихъ условіяхъ розысковъ никакія траты и усилія не могутъ помочь въ раскрытіи преступленій" *). Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя, конечно, не согласиться.

Въ совѣщаніяхъ Мценскаго уѣзднаго комитета осельско-хозяйственныхъ нуждахъ г. Нилусъ въ заключительномъ засѣданіи произнесъ обширную рѣчь, которую затѣмъ напечаталъ, въ нѣсколько дополненномъ и украшенномъ видѣ, въ „Моск. Вѣдом." Названная рѣчь содержитъ въ себѣ цѣльный и законченный планъ облагодѣтельствованія Россіи, и ознакомиться съ этимъ планомъ тѣмъ болѣе любопытно, что при всей своей видимой широтѣ онъ въ концѣ концовъ не отведетъ насъ особенно далеко отъ той темы, о которой мы бесѣдовали на предыдущихъ страницахъ.

Г. Нилусъ соглашается съ тѣмъ, что русское сельское хозяйство и даже вообще Россія переживаетъ тяжелое время. Русская деревня раззоряется. Но тѣ средства, какія предлагало для помощи деревнѣ большинство уѣздныхъ комитетовъ, на дѣлѣ, по мнѣнію г. Нилуса, не могутъ принести ей никакой помощи. И прежде всего совершенно безполезно просвѣщеніе. Предлагать русской деревнѣ образованіе все равно, что предлагать „фракъ" человѣку, нуждающемуся въ „хирургической операціи". Къ тому же говорить о невѣжествѣ деревни значитъ—„утверждать явную безсмыслицу, явную клевету на нашу сермяжную Русь, изучавшую свою географію по путямъ міра, проложеннымъ ея штыками, политымъ ея православною кровью. Ея наука мудрѣе всѣхъ нашихъ наукъ, выдуманныхъ нами съ космополитически-развратнаго голоса полуеврейскихъ, полуевропейскихъ развивателей". Очевидно, въ просвѣщеніи деревня не нуждается. Не нуждается она и въ землѣ. „Крестьянство раззоряется, но только не отъ безземелья". Впрочемъ, причины деревенскаго раззоренія различны, такъ какъ въ деревнѣ есть, помимо крестьянства, еще и дворянство. „Разоряются оба, но отъ двухъ разныхъ причинъ: мы, дворяне, нуждающіеся въ вольнонаемномъ трудѣ,—отъ чисто финансоваго оскудѣнія въ непосильной борьбѣ съ обстоятель-

*) «Од. Новости». Цитируемъ по «СПБ. Вѣдомостямъ», 7 марта 1903 г.

ствами, а крестьяне—отъ коренного непорядка всего уклада ихъ деревенской жизни". Итакъ, дворяне нуждаются въ финансовомъ изобиліи, а крестьяне—въ порядкѣ. Но, помимо этого различія, между ними есть и связь. Дѣло въ томъ, что на дворянахъ лежитъ „помѣстная служба государству". Эта „служба помѣстнаго дворянства заключена въ руководительствѣ и попеченіи надъ другимъ основнымъ помѣстнымъ элементомъ—крестьянствомъ во всѣхъ деталяхъ его жизни, требующей той или другой правительственной регламентаціи. Владѣніе землей помѣстнаго дворянства—не столько право, сколько обязанность многосложная и чисто государственная... Толпа-сила, но сила слѣпая, требующая, какъ и всякій слѣпецъ, палки, на которую она могла бы опереться". Такимъ образомъ, для поднятія благосостоянія деревни нужно лишь дать финансовое изобиліе дворянамъ и „палку" крестьянамъ. Послѣ этого все уже само собою пойдетъ хорошо.

Разъ открывъ эти два лѣкарства противъ бѣдъ современной деревни, г. Нилусъ идетъ еще дальше и убѣдительно доказываетъ, что оба они могутъ быть совмѣщены въ одномъ и томъ же средствѣ. При осуществленіи института земскихъ начальниковъ,—говоритъ онъ,—проводилась „идея великая", которая „въ основѣ своей имѣла цѣль безупречно вѣрную: дать народу власть попечительную въ лицѣ помѣстнаго дворянства. Но силы, враждебныя порядку въ русской землѣ, сумѣли исказить проведеніе въ жизнь этого великаго русскаго дѣла". Въ самомъ дѣлѣ—„можно ли быть попечителемъ надъ тридцатью тысячами и болѣе требующихъ попечительства"?! Теперь наступилъ моментъ исправить „искаженное" нѣкогда дѣло. „Просите,—взываетъ г. Нилусъ—дать помѣстную дворянскую власть селу, подъ селомъ разумѣя церковный приходъ, и особенно помните, что власть эта должна быть помѣстная, дворянская, и при томъ царскою волей назначенная, а не выборная". Вдобавокъ, „власть эта должна быть въ рукахъ только помѣстнаго и при томъ православнаго дворянства". Проектируемую „власть" г. Нилусъ предлагаетъ назвать „сельскимъ начальникомъ". „Власть сельскаго начальника—говоритъ онъ далѣе—должна обнять собой всю жизнь прихода. Она должна воплотить въ себѣ всѣ отрасли государственнаго правленія въ приходѣ, нынѣ въ ущербъ власти раздѣленныя между различными вѣдомствами. Сельскій начальникъ можетъ и долженъ для прихода быть всѣмъ и вся жизнь села со всѣми ея распорядками должна входить въ сферу его компетенціи". Лишь „для того, чтобы власть не могла выродиться въ сатрапію"—„совершенно, впрочемъ, чуждую нашему духу"—„надлежитъ дать ей коррективъ въ непрестанномъ фактическомъ контролѣ Высшей Власти и въ совѣщательномъ—и только совѣщательномъ—голосѣ приходскаго совѣта, составленнаго изъ пастыря церкви и избранныхъ приходскихъ старѣйшинъ". Этотъ совѣтъ „долженъ имѣть право

обжалованія важнѣйшихъ рѣшеній сельскаго начальника высшей губернской власти въ лицѣ губернатора, отъ котораго и будетъ зависѣть назначеніе сельскихъ начальниковъ по представленію уѣздныхъ предводителей дворянства". Какъ устроить „непрестанный фактическій контроль Высшей Власти" надъ сельскими начальниками, г. Нилусъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

За то онъ обстоятельно разъясняетъ тотъ порядокъ, какой слѣдуетъ принять при вознагражденіи „сельскихъ начальниковъ". Большинство дворянства или не имѣетъ земли, или же имѣетъ землю, но имѣетъ и долги. Изъ этого положенія и исходитъ г. Нилусъ. „Просите—говоритъ онъ—создать помѣстную дворянскую власть и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сократилось дворянское землевладѣніе настолько, что не стало уже въ приходѣ дворянской земли. Когда отчуждаютъ подъ желѣзныя дороги землю, ее отчуждаютъ принудительно, не спрашивая согласія ея владѣльца. Насколько же порядокъ въ деревнѣ нужнѣе проходящей мимо него (sic) желѣзной дороги! Чтобы новыя дворянскія должности не выродились въ чиновничество, просите, чтобы жалованьемъ ихъ было не двадцатое число, а доходность надѣла, жалованнаго за соединенныя съ владѣніемъ имъ обязанности. Въ нашей мѣстности для сельскаго начальника довольно было бы 300 десятинъ. Въ другихъ болѣе или менѣе—въ связи съ доходностью земли. Просите, чтобы обстройка этихъ участковъ въ скромныхъ, но необходимыхъ въ хозяйственномъ отношеніи размѣрахъ, была принята за счетъ казны. Просите, чтобы за заслуги лица, временнаго владѣльца этого участка, участокъ этотъ дѣлался бы наслѣдственнымъ при обязательномъ условіи продолженія въ поколѣніяхъ перво-владѣльца помѣстной службы". Для дворянина же, имѣющаго землю, „вознагражденіе должно выразиться въ отмѣнѣ банковскихъ платежей въ суммѣ, равной или нѣсколько большей платежа за этотъ 300-десятинный казенный служебный надѣлъ, при чемъ годы дѣйствительной службы должны быть зачислены безъ % въ годы погашенія долга". „При потомственной службѣ и владѣніи даже многоземельныя имѣнія могутъ такимъ образомъ совершенно очиститься отъ долга, и при томъ не только безъ обремененія, но и съ великою пользой для казны и для государства" *).

Таковъ блестящій проектъ, созданный мудростью г. Нилуса. Расходы на выполненіе этого проекта, по увѣренію его автора, потребуются совершенно ничтожные. Такъ, напримѣръ, на всю Орловскую губернію понадобилось бы около 800 „сельскихъ начальниковъ" и, слѣдовательно, такое же количество 300—десятинныхъ надѣловъ. Считая десятину по 200 р., получимъ на губернію расходъ въ 48 милл. р. На то, чтобы покрыть сѣтью „сельскихъ начальниковъ" всю Россію, по такому же разсчету

---

*) «Моск. Вѣдомости», 14, 15 и 16 января 1903 г.

потребуется всего 2—3 милліарда. Мало того, въ результатѣ явится еще возможность сократить расходы на „современный губернскій безпорядокъ, на безсильную и безвольную уѣздную полицію, на судебныя вѣдомства, на цѣлую армію чиновъ финансоваго управленія, словомъ на все многообразіе губернской власти и надзора, которое все сосредоточится въ рукахъ сельской помѣстной власти", не говоря уже о „громадной цифрѣ смѣтъ становящагося уже ненужнымъ земства" *). А главное—дворянство, получивъ земли и освободившись отъ долговъ, процвѣтетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ водворитъ порядокъ въ деревнѣ, благодаря чему процвѣтетъ и крестьянство.

Не трудно представить себѣ восторгъ „Моск. Вѣдомостей", получившихъ возможность обнародовать проектъ, открывающій столь радужныя перспективы. Легко сказать: ни земства, ни судовъ, ни финансоваго управленія, одни только „сельскіе начальники", поверстанные на помѣстную службу изъ православныхъ дворянъ, въ количествѣ 800 на губернію... Правда, при всей своей смѣлости проектъ г. Нилуса все же не является совершенною новостью. Какъ уже указывалось въ печати, онъ представляетъ собою лишь развитіе плана, предложеннаго въ свое время еще корнетомъ Толстолобовымъ, съ которымъ насъ познакомилъ покойный Салтыковъ въ „Дневникѣ провинціала". „Для того, чтобы искоренить зло,—разсуждалъ нѣкогда корнетъ Толстолобовъ,—необходимо вооружить власть. Для того же, чтобы власть чувствовала себя вооруженною, необходимо повсюду оную децентрализировать". Исходя изъ этого положенія, онъ, между прочимъ, предлагалъ „на каждыхъ десяти верстахъ поставить особаго дистанціоннаго начальника изъ знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ, котораго такъ же вооружить (какъ и губернатора) съ предоставленіемъ искоренять зло по обстоятельствамъ". Нѣтъ сомнѣнія, что „сельскіе начальники" г. Нилуса находятся въ ближайшемъ родствѣ съ „дистанціонными начальниками" корнета Толстолобова. Но если такимъ образомъ по основной своей идеѣ проектъ г. Нилуса и является лишь новою варіацией на давно знакомую тему, то за этой варіацией нельзя все же отрицать извѣстной согласованности съ условіями момента. Эту заслугу г. Нилусъ можетъ смѣло отстаивать за собою и признать ее за нимъ тѣмъ пріятнѣе, что онъ самъ съ наивною и тѣмъ болѣе безпощадною послѣдовательностью разоблачаетъ истинный смыслъ того общественнаго теченія, представителемъ котораго онъ является. Готовность видѣть въ одномъ усиленіи полиціи средство къ разрѣшенію всѣхъ государственныхъ задачъ сама по себѣ уже не свидѣтельствуетъ о большой широтѣ понятій. Но дѣло еще болѣе упрощается, когда

*) Моск. Вѣд.», 15 янв. 1903 г.

основою такой готовности служитъ желаніе посадить цѣлое сословіе на государственное иждивеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло лишь съ проектами людей, безнадежно отставшихъ отъ жизни и безсильно пытающихся задержать ея движеніе.

II.

26 февраля настоящаго года состоялся слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Божіею милостію Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, царь Польскій, Великій князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Изволеніемъ Промысла Божія вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

„Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

„Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

„Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

„Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

„Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая Православную Церковь первенствующей и господству-

ющей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

„Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія Православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

„Въ соотвѣтствіе съ предлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ установленій, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

„Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

„Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

„Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ нами строго отвѣтственною.

„Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при Православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

„Призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

„Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, исполнить Наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ глав-

наго условія преуспѣянія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

„Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третье, Царствованія же Нашего въ девятое.

„На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее сообщеніе: „27 февраля, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, начались засѣданія коммиссіи по преобразованію губернскаго управленія. Въ трудахъ коммиссіи принимаютъ участіе товарищи министра сенаторъ Дурново, ген.-лейт. фонъ-Валь и т. с. Зиновьевъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій т. с. Мосоловъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, директоръ канцеляріи министра по дѣламъ дворянства д. ст. с. Мордвиновъ и губернаторы: с.-петербургскій—егермейстеръ гр. Толь, самарскій — гофмейстеръ Брянчаниновъ, харьковскій—шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій - д. ст. с. Клингенбергъ, псковскій — въ должности шталмейстера кн. Васильчиковъ. Дѣлопроизводство коммиссіи возложено на правителя канцеляріи министра въ званіи камергера Любимова при содѣйствіи вице-директора департамента общихъ дѣлъ въ должности гофмейстера фонъ-Бюнтинга и помощника петербургскаго градоначальника“.

Въ оффиціальной газетѣ „Кавказъ“ напечатаны слѣдующія сообщенія о событіяхъ въ Тифлисѣ:

1) „Въ воскресенье, 23 февраля сего года, съ 10 часовъ утра, на Головинскій проспектъ къ военному собору и на прилегающія къ нимъ улицы и площади сталъ стекаться въ значительномъ количествѣ народъ (по преимуществу рабочіе фабрикъ и Закавказской желѣзной дороги); большинство изъ нихъ имѣло при себѣ толстыя и тяжелыя кизиловыя палки. Вслѣдствіе постоянныхъ предложеній усиленнаго наряда тифлисской городской полиціи расходиться, лица эти, обнаружившія настойчивое стремленіе останавливаться, не могли соединиться въ группы на главныхъ улицахъ города. Однако, въ 12 час. дня 60—70 человѣкъ, желая во что бы то ни стало затѣять безпорядки и замѣтивъ довольно многолюдныя похороны землевладѣльца Палавандова, повернувшія съ Пушкинской улицы на Армянскій базаръ, бросились на базаръ, черезъ сквозной каравансарай Теръ-Асатурова и, окруживъ похоронную процессію, съ криками „ура“, устроили свалку. Одинъ изъ манифестантовъ произвелъ четыре

выстрѣла изъ револьвера, а остальные начали бить безъ разбора всѣхъ находившихся на улицѣ лицъ. Два офицера, сопровождавшіе въ качествѣ знакомыхъ гробъ покойнаго Палавандова, получили рядъ пораненій, главнымъ образомъ, въ голову, а одинъ изъ нихъ былъ контуженъ пулею, застрявшею затѣмъ въ его пальто; послѣ перевязки въ ближайшей лѣчебницѣ, раненые поступили на излѣченіе въ военный госпиталь. Къ счастію полученныя этими офицерами пораненія оказались не угрожающими для жизни. Бывшая на мѣстѣ полиція съ помощью взвода казаковъ въ нѣсколько минутъ разсѣяла манифестантовъ. Стрѣлявшій изъ револьвера, не смотря на попытки сообщниковъ освободить его, былъ задержанъ вмѣстѣ съ другими зачинщиками безпорядка. Изъ общаго числа задержанныхъ манифестантовъ 24 лица, независимо отъ отвѣтственности за причиненныя нѣкоторыми изъ нихъ пораненія, на основаніи изданнаго г. главноначальствующимъ обязательнаго постановленія по г. Тифлису отъ 18 января 1902 года, за сходбище для дѣйствій противныхъ общественному порядку, и неисполненіе требованій полиціи разойтись, подвергнуты тифлисскимъ губернаторомъ, въ зависимости отъ степени ихъ виновности, аресту на срокъ отъ 3 мѣсяцевъ до одной недѣли. Изъ чиновъ полиціи, а также изъ числа манифестантовъ серьезныхъ поврежденій никто не получилъ“.

2) „1903 года, февраля 25 дня, я, и. д. тифлисскаго губернатора, разсмотрѣвъ разслѣдованіе, произведенное по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ г. Тифлисѣ, на Армянскомъ базарѣ, 23 сего февраля, согласно обязательнаго постановленія по городу Тифлису, изданнаго господиномъ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ 18 января 1902 года, на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, постановилъ: за сходбище на улицѣ для дѣйствій, противныхъ общественному порядку, и неисполненіе законныхъ требованій полиціи подвергнуть аресту: а) на три мѣсяца: 1) Давида Чутлашвили, крестьянина Сигнахскаго уѣзда, сел. Бодбе. 2) Павла Беридзе, мѣщанина города Тифлиса. 3) Александра Санадзе, крестьянина Кутаисскаго уѣзда, сел. Хоии. 4) Ивана Будрисъ, крестьянина Ковенской губерніи. 5) Семена Гелашвили, крестьянина Шорапанскаго уѣзда, сел. Леля-Саули. 6) Вардена Гвенцадзе, крест. Рачинскаго уѣзда, сел. Гвердія. 7) Владиміра Бахтадзе, крест. Кутаисскаго уѣзда, сел. Диди-Джихаиши. 8) Мартироса Миракова, крест. Борчалинскаго уѣзда, сел. Шулаверы; б) на шесть недѣль: 9) Рождена Тевзадзе, крест. Озургетскаго уѣзда, с. Земохеты. 10) Геурка Осипова, мѣщанина гор. Тифлиса. 11) Ефима Чучури, крест. Душетскаго уѣзда, сел. Чахуртъ-Кари. 12) Григорія Колхидова, крест. Душетскаго уѣзда, сел. Шумахери. 13) Ивана Тамасидзе, жителя Тифлисскаго уѣзда, селенія Ниноцминда. 14) Георгія Тевдора-

швили, крест. Тифлисскаго уѣзда, сел. Хашми. 15) Леонтія Коридзе, крест. Кутаисскаго уѣзда, сел. Саджевахо. 16) Константина Шагинова, мѣщанина гор. Тифлиса; в) на три недѣли: 17) Мину Каладзе, жителя Кутаисскаго уѣзда, сел. Эцери. 18) Петра Джинджавадзе, мѣщ. гор. Тифлиса. 19) Василія Атабегова, мѣщанина гор. Тифлиса. 20) Нестора Джабашвили, крест. Тифлисскаго уѣзда, сел. Залды. 21) Василія Хуціева, крест. Рачинскаго уѣзда, сел. Амбролаури; г) на одинъ мѣсяцъ: 22) Ольгу Габунія, дворянку Кутаисской губ.; д) на одну недѣлю: 23) Нину Ахвледіани, дворянку Кутаисской губ. 24) Марту Гогиташвили, крест. Горійскаго уѣзда, сел. Гоми. Срокъ вступленія въ дѣйствіе настоящаго постановленія считать съ 12 часовъ дня 23 сего февраля" *).

Какъ сообщаетъ „Пермскій Край", въ Мотовилихѣ вывѣшены объявленія слѣдующаго содержанія: „Отъ пермскаго губернатора объявленіе рабочимъ мотовилихинскихъ пушечныхъ заводовъ. Въ виду возникшей съ 21 февраля въ нѣкоторыхъ цехахъ забастовки и согласно объявленію начальника мотовилихинскихъ пушечныхъ заводовъ, что крайній срокъ для явки на работы забастовавшихъ рабочихъ назначенъ во вторникъ, въ 5½ часовъ утра, послѣ чего не ставшіе на работы будутъ уволены, я, и. д. пермскаго губернатора, объявляю и разъясняю рабочимъ, что стачки и забастовки строго запрещены и преслѣдуются закономъ и что виновные въ подстрекательствѣ къ неявкѣ на работы, а также въ недопущеніи къ работѣ другихъ желающихъ работать, будутъ наказаны по всей строгости закона. Приглашая забастовавшихъ рабочихъ явиться на работы, чтобы не лишать себя и свои семьи заработковъ, объявляю, что всѣ сходбища воспрещаются и что если кто не будетъ подчиняться законнымъ требованіямъ полиціи и станетъ нарушать порядокъ, тотъ будетъ немедленно привлеченъ къ отвѣтственности. И. д. губернатора вице-губернаторъ Цѣхановецкій" **).

Въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ сообщалось уже о разборѣ особымъ присутствіемъ московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей двухъ дѣлъ о демонстраціяхъ, произведенныхъ 1 мая 1902 г. въ с. Сормовѣ Балахнинскаго уѣзда Нижегородской губ. и 5 мая 1902 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изъ четырнадцати лицъ, преданныхъ суду палаты по первому изъ этихъ дѣлъ, шестеро (крест. П. Заломовъ 25 л., горнозаводскій мастеровой Мих. Замылинъ 24 л., мѣщ. Ал. Быковъ 22 л., крест. П. Дружкинъ 26 л., кр. Ал. Ля-

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдом.», 5 и 6 марта 1903 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 24 марта 1903 г.

пинъ 26 л. и кр. Никифоръ Фроловъ 28 л.), были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе. По второму дѣлу тотъ же приговоръ былъ постановленъ судебною палатою относительно семи лицъ—потомств. дворянина С. И. Моисеева 22 л., мѣщ. В. М. Лубодскаго 19 л., крест. Г. Е. Михайлова 21 г., потомств. почетн. гражданина К. Н. Дертева 23 л. дочери священника Н. В. Синевой 22 л., пот. поч. гражд. А. И. Доброхотова 23 л. и дворянки Т. А. Лѣнивовой 24 л. Какъ сообщаетъ теперь „Право", **) защитниками названныхъ лицъ по обоимъ дѣламъ были принесены кассаціонныя жалобы въ Правительствующій Сенатъ. Въ засѣданіи 31 января текущаго года Сенатъ разсмотрѣлъ эти жалобы и постановилъ оставить ихъ безъ послѣдствій.

5 марта, какъ сообщаютъ газеты, въ Екатеринодарскомъ окружномъ судѣ началось слушаніемъ дѣло о безпорядкахъ на станціи Тихорѣцкой 17 ноября 1902 г. По распоряженію министра юстиціи дѣло слушается при закрытыхъ дверяхъ. Предсѣдательствуетъ предсѣдатель суда О. А. Ювжикъ-Компанейцъ при членахъ Н. М. Пушкаревѣ и М. Д. Антоновѣ. Обвиняетъ вновь прибывшій прокуроръ г. Бальцъ. Къ отвѣтственности (по 269 ст уложенія о наказаніяхъ) привлечены: Леонтій Соничевъ, Василій Исаевъ, Андрей Никитасенко, Константинъ Бѣлоусенко, Александръ Дмитріевъ, Пантелеймонъ Баскаковъ, Дмитрій Чубаровъ, Николай Баскаковъ, Григорій Бондаревъ, Яковъ Чичкинъ, Василій Лютовъ, Пантелеймонъ Левченко, Акимъ Апальковъ, Андрей Коростелевъ и Павелъ Виноградовъ. Изъ 15 обвиняемыхъ не явился по болѣзни одинъ—Ак. Апальковъ, дѣло о которомъ отложено. Изъ прочихъ обвиняемыхъ только двое (Коростелевъ и Виноградовъ) на свободѣ; остальные находятся подъ стражей. Всѣхъ обвиняемыхъ нераздѣльно защищаютъ 11 адвокатовъ.

Приведемъ еще важнѣйшія изъ состоявшихся въ послѣднее время распоряженій и сообщеній правительства, касающихся Финляндіи.

Въ оффиціальной „Финляндской Газетѣ" напечатано:

„25-го февраля сего года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго, въ видѣ временной мѣры, засѣданія присутствій по воинской повинности въ Финляндіи считаются законными при наличности въ каждомъ присутствіи предсѣдателя и двухъ членовъ, а для освидѣтельствованія и переосвидѣтельствованія лицъ, подлежащихъ назначенію на службу,—одного врача. Мѣра эта имѣетъ большое практическое значеніе и вызвана необходимостью обезпечить безпрепятственную дѣятельность при-

*) «Право», 1903 г., № 8.

зывныхъ по воинской повинности присутствій. На основаніи ст. 61 окружныя воинскія присутствія состоятъ подъ предсѣдательствомъ окружного воинскаго начальника изъ одного офицера, одного лица, назначаемаго губернаторомъ изъ числа предсѣдателей или членовъ общинныхъ управленій въ округѣ, и завѣдующаго дѣлопроизводствомъ. Кромѣ этого присутствіе, когда во время призывовъ засѣдаетъ въ сборныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ призывныхъ участковъ, дополняется однимъ полицейскимъ чиновникомъ, по назначенію губернатора, и тремя выборными членами отъ каждой входящей въ составъ участка общины. Агитирующая въ краѣ революціонная партія, рѣшившись оказать сопротивленіе приведенію въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго устава о воинской повинности 1901 года, на тайной своей сходкѣ 30 октября (12 ноября) прошлаго года, между прочимъ, постановила употребить всѣ усилія къ тому, чтобы общины не избирали членовъ на усиленіе воинскихъ присутствій и тѣмъ лишили бы окружныя воинскія присутствія ихъ законнаго состава. Во исполненіе этой программы магистраты стали отказываться созывать ратгаузскія собранія для выбора членовъ въ призывныя присутствія, а многія сельскія общины избирать таковыхъ. Чтобы избѣжать могущихъ произойти отъ этого замѣшательствъ, было испрошено Высочайшее соизволеніе на то, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда входящія въ составъ призывного участка общины не изберутъ на усиленіе призывныхъ присутствій членовъ или послѣдніе по какой-либо причинѣ не прибудутъ къ призыву, окружныя воинскія присутствія имѣли бы право приступить къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей и безъ ихъ бытности. Въ настоящее время, по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія отъ 25 февраля, всякое противодѣйствіе общинъ и магистратовъ исполненію требованій закона о выборѣ общинами членовъ на усиленіе воинскихъ присутствій теряетъ всякое практическое значеніе, такъ какъ невыборъ или неприбытіе избранныхъ общинами членовъ не остановитъ дѣятельности окружныхъ по воинской повинности присутствій. Такимъ образомъ всѣ усилія агитаторовъ, направленныя къ недопущенію образованія законнаго состава въ окружныхъ по воинской повинности присутствіяхъ, изданіемъ вышеприведеннаго временного постановленія парализованы, и въ настоящее время уже безразлично, будутъ ли общинами избраны члены на усиленіе призывныхъ присутствій, или не будутъ—присутствія, во всякомъ случаѣ, исполнятъ возложенныя на нихъ по призыву обязанности".

Въ той же газетѣ опубликованъ слѣдующій приказъ по войскамъ финляндскаго военнаго округа:

„Во исполненіе Высочайшаго манифеста отъ 29-го іюля 1901 года въ предѣлахъ Финляндіи образовано 13 окружныхъ по воинской повинности присутствій, и вскорѣ имъ предстоитъ открыть свои

дѣйствія. Осуществленіе этими органами возложенныхъ на нихъ весьма важныхъ задачъ требуетъ основательнаго и всесторонняго изученія каждымъ входящимъ въ составъ ихъ чиномъ относящихся до призыва законоположеній. Въ составъ окружныхъ по воинской повинности присутствій вошли лица, отнесенныя къ разряду наиболѣе достойныхъ кандидатовъ, и поэтому есть полное основаніе разсчитывать, что они проникнутся всей важностью сознанія оказаннаго имъ такимъ выборомъ довѣрія. Всѣмъ имъ надлежитъ всегда помнить, что сверхъ знанія должный успѣхъ примѣненія въ Финляндіи новаго военнаго закона, особенно при современномъ положеніи края, будетъ зависѣть отъ степени ихъ благоразумія, долготерпѣнія, находчивости и служебнаго такта. Начальнику окружнаго штаба, какъ исполняющему обязанности начальника мѣстной бригады, въ надлежащихъ случаяхъ — руководить окружными по воинской повинности присутствіями, наставлять ихъ и вообще оказывать имъ полное во всемъ содѣйствіе, не входя, однако же, при этомъ въ кругъ ихъ дѣйствій, относящихся исключительно къ обязанностямъ мѣстныхъ гражданскихъ властей".

---

6 февраля, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета", состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи товарища прокурора иркутской судебной палаты колл. сов. Книповича вазасскимъ губернаторомъ и состоящаго въ распоряженіи финляндскаго генералъ-губернатора полковника Ватаци с.-михельскимъ губернаторомъ, съ производствомъ его, за отличіе по службѣ, въ генералъ-майоры и съ оставленіемъ по армейской кавалеріи. Тѣмъ же повелѣніемъ финляндскому генералъ-губернатору предоставлено командировать для исправленія губернаторскихъ вакантныхъ должностей избранныхъ имъ по предварительному съ Императорскимъ Финляндскимъ сенатомъ соглашенію: герадсгевдинга страндскаго судебнаго округа Ланга и помощника директора главнаго межевого управленія въ Финляндіи, доктора философіи Савандера — перваго въ Або-Бьернеборгской, а второго въ Улеаборгской губерніи.

Того же 6-го (19-го) февраля состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи начальника отдѣленія канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора въ званіи камергера гр. Александра Кронгельма предсѣдателемъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

По сообщенію той же „Финляндской Газеты", Высочайшей грамотой отъ 10-го (23-го) февраля сего года уволены отъ службы безъ пенсіи три совѣтника и восемь ассессоровъ абоскаго гофгерихта, секретарь, адвокатъ-фискалъ, вице-адвокатъ-фискалъ и два нотаріуса того же гофгерихта. Того же числа Высочайше повелѣно „отмѣнить всѣ распоряженія, послѣдовавшія по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ въ нарушеніе бывшихъ постано-

вленія и повелѣнія отъ 1-го (14-го) августа 1902 г., и поручить генералъ-губернатору и сенату принять всѣ зависящія мѣры къ недопущенію какого-либо отъ сихъ постановленія и повелѣнія отступленій". По этому поводу „Финляндская Газета" даетъ, между прочимъ, слѣдующія разъясненія: „Высочайшимъ постановленіемъ отъ 1 августа 1902 г. былъ уставленъ новый порядокъ привлеченія должностныхъ лицъ къ судебной отвѣтственности. Сущность этого узаконенія заключается въ томъ, что должностныя лица могутъ быть привлечены къ уголовной отвѣтственности лишь по распоряженію своего начальства, а потому частныя лица, почитающія себя обиженными дѣйствіями служащихъ, должны обращаться съ соотвѣтствующими жалобами не непосредственно въ судъ, а къ начальству должностного лица. Одновременно съ этими постановленіями, вызванными необходимостью гарантировать должностныхъ лицъ отъ неправильнаго привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности, Высочайше повелѣно было дѣйствія этого постановленія распространить на всѣ находящіяся уже въ производствѣ судебныхъ установленій Финляндіи дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, кои еще не разрѣшены вступившими въ законную силу приговорами. Во исполненіе сего Императорскій Финляндскій сенатъ предписалъ подвѣдомственнымъ ему гофгерихтамъ прекратить производящіяся у нихъ дѣла о служебныхъ преступленіяхъ и препроводить ихъ затѣмъ къ начальству обвиняемыхъ для возбужденія преслѣдованія противъ виновныхъ въ порядкѣ, установленномъ вышеприведеннымъ Высочайшимъ постановленіемъ. Вмѣсто того, чтобы немедленно же исполнить это распоряженіе Императорскаго Финляндскаго сената, абоскій гофгерихтъ отказался подчиниться Высочайшему повелѣнію и основанному на немъ предписанію сената и не только не привелъ этого распоряженія сената немедленно въ исполненіе, но довелъ свою дерзость до того, что поручилъ гельсингфорсскому ратгаузскому суду произвести публичное слѣдствіе по жалобамъ магистра философіи Термана и кандидата медицины Хофстрема на нюландскаго губернатора по обвиненію его въ превышеніи власти при прекращеніи апрѣльскихъ безпорядковъ. Для присутствованія при допросахъ свидѣтелей болѣе 80-ти человѣкъ гофгерихтъ командировалъ изъ Або особаго обвинителя".

Въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" недавно было напечатано слѣдующее объявленіе: „Выборгскій губернаторъ приглашаетъ лицъ, желающихъ поступить на административныя и полицейскія должности по ввѣренной ему губерніи, присылать ему заявленія по почтѣ. Знаніе финскаго языка обязательно".

За мѣсяцъ, прошедшій со времени предыдущей нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 26 февраля 1903 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Курьеръ“, пріостановленной распоряженіемъ отъ 26 декабря минувшаго года“;

2) „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Русскія Вѣдомости“;

и 3) 5 марта 1903 г.: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г. министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Кіевское Слово“ на три мѣсяца“.

Финляндскимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати даны предостереженія: газетѣ „Uusi Suometar“ (второе) за напечатанную въ № 43 сего года статью подъ заглавіемъ: „Casimir von Kothen“; выходящей въ г. Таммерфорсѣ газетѣ „Tampereen Uutiset“ за помѣщенную въ № 36 сего года статью подъ названіемъ: „Kirje Tamperelta“; выходящимъ въ г. Борго газетѣ „Borgobladet“ за помѣщенную въ № 14 отъ 18 февраля н. ст. статью п. н.: „Ställningen“ и газетѣ „Uusimaa“ за помѣщенную въ № 20 отъ 16 февраля н. ст. статью п. н.: „Wastakkaisit käsitykset nykyisesta asemassa“.

Сверхъ того распоряженіемъ финляндскаго главнаго управленія по дѣламъ печати газета „Hufvudstadsbladet“ пріостановлена на 5 дней за напечатаніе въ № 71 Высочайшаго манифеста отъ 26 февраля въ самомъ концѣ на 6-й страницѣ.

Post-scriptum. Въ февральской книжкѣ нашего журнала было напечатано воззваніе учредителей „Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія“. Вопросъ, затрагиваемый этимъ воззваніемъ, принадлежитъ къ числу важныхъ и давно назрѣвшихъ вопросовъ нашей общественной жизни.

До настоящаго времени въ Россіи сдѣлано очень немногое для изслѣдованія тѣхъ жилищныхъ условій, въ какихъ находится трудящаяся часть городского населенія, и не дѣлается почти ничего для улучшенія этихъ условій. Между тѣмъ каждому, кто хотя бы немного знакомъ изъ непосредственнаго опыта съ внѣшнею обстановкою жизни рабочаго населенія нашихъ городовъ, хорошо извѣстно, какъ тяжела и мрачна бываетъ эта обстановка, какъ губительно дѣйствуетъ она на здоровье и силы людей. Немногочисленныя систематическія свѣдѣнія, имѣющіяся по этому поводу въ литературѣ, вполнѣ подтверждаютъ печальныя указанія, даваемыя единичнымъ опытомъ. Напомнимъ хотя бы свѣдѣнія относительно жилищъ петербургскихъ рабочихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ опубликованныя въ нашемъ журналѣ г-жею Покровской *).

*) «О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ». «Р. Богатство», 1897 г. № 6.

Названнымъ авторомъ были собраны точныя свѣдѣнія о 39 квартирахъ, въ которыхъ жило 726 человѣкъ рабочихъ и ихъ семейныхъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что „въ квартирѣ живетъ 20—73 человѣкъ, а въ одной комнатѣ 10—20 человѣкъ. На одного человѣка приходится менѣе одной кубической и менѣе одной квадратной сажени".

Такова была приблизительно средняя норма. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ жилищная нужда выступала въ еще болѣе рѣзкой и неприглядной формѣ. Вотъ какъ описываетъ авторъ одну изъ видѣнныхъ имъ квартиръ: „0,3 квадр. и 0,3 куб. сажени — такое пространство занимаетъ одинъ человѣкъ. Для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о значеніи этихъ цифръ, надо отмѣрить у себя въ комнатѣ три аршина въ длину и въ вышину и одинъ въ ширину. Это и будетъ треть кубической и квадратной сажени. На такомъ пространствѣ долженъ помѣщаться одинъ человѣкъ. Конечно, въ концѣ концовъ, намъ надо только три аршина земли. Но живой человѣкъ не мертвецъ. Живой человѣкъ не можетъ постоянно лежать на своемъ трехаршинномъ мѣстѣ. Онъ хочетъ жить и двигаться. Но жить и двигаться невозможно на такомъ пространствѣ. Поэтому живой человѣкъ начинаетъ изыскивать всевозможные способы, чтобы удовлетворить свою потребность въ движеніи. Онъ въ свободное отъ работы время пойдетъ въ кабакъ, пойдетъ къ знакомымъ, пойдетъ во дворъ. Только, навѣрное, не останется въ своемъ жилищѣ, гдѣ ему предоставляется ровно столько мѣста, сколько нужно, чтобы лежать". Или вотъ описаніе тринадцати квартиръ, въ каждой изъ которыхъ жило въ моментъ ихъ изслѣдованія по двадцати человѣкъ: „На каждаго обитателя полкубической сажени воздуха. На одной кровати спятъ по двое. Въ ттой же квартирѣ стираютъ и сушатъ мокрое бѣлье и готовятъ пищу на двадцать человѣкъ. Въ переполненныхъ людьми комнатахъ хранится грязное платье и бѣлье и хранится вся одежда. Въ квартиры проникаетъ зловоніе отъ ретирадъ и грязнаго двора." „Огромное большинство одинокихъ петербургскихъ рабочихъ—писала г-жа Покровская—спятъ вдвоемъ на одной кровати,—это дико и странно должно казаться тому, кто привыкъ видѣть, что каждый взрослый имѣетъ отдѣльную постель. Но въ Петербургѣ существуетъ еще болѣе удивительное явленіе, нежели полкровати,—это полное отсутствіе кроватей и спанье на рабочихъ инструментахъ." Подобныя же условія не разъ наблюдались и въ другихъ городахъ. Цѣлыя поколѣнія выростаютъ въ темныхъ, сырыхъ, грязныхъ и смрадныхъ квартирахъ, до послѣдней возможности набитыхъ людьми.

Спокойно мириться съ такими порядками человѣческаго существованія недостойно цивилизованнаго общества. Конечно, полнаго ихъ искорененія немыслимо достигнуть усиліями частныхъ лицъ. Но и такого рода усилія могутъ принести въ этомъ дѣлѣ

свою долю пользы, которая будетъ тѣмъ болѣе значительной, чѣмъ болѣе прочная организація будетъ придана подобнымъ усиліямъ и чѣмъ болѣе широкій кругъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ захватитъ эта организація. На такой именно путь, повидимому, и предполагаютъ поставить свое предпріятіе учредители проектированнаго въ Петербургѣ „Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія.“

Согласно утвержденному въ іюнѣ 1902 г. уставу „Товарищества“, оно имѣетъ своею цѣлью „устраивать здоровыя и дешевыя жилища для нуждающагося населенія въ г. С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ“. Преслѣдуя эту цѣль, „Товарищество“ обладаетъ правомъ „пріобрѣтать въ собственность всякаго рода имущество, открывать учрежденія, способствующія улучшенію жизненной обстановки рабочаго населенія, вступать въ договоры и соглашенія, а равно искать и отвѣчать на судѣ“ (§§ 1 и 2). Съ другой стороны „Товариществу“ предоставляется право „входить съ ходатайствами по поводу нуждъ, возникающихъ въ кругѣ его дѣятельности, въ соотвѣтствующія правительственныя учрежденія и къ правительственнымъ лицамъ“, равно какъ „производить чрезъ особо уполномоченныхъ на то членовъ или коммиссіи членовъ Товарищества изслѣдованіе жилищныхъ условій“ (§§ 47 и 48).

Права „Товарищества“ такимъ образомъ опредѣляются уставомъ его довольно широко. Что касается его средствъ, то ихъ предполагается составить изъ складочнаго капитала въ размѣрѣ 250.000 р., раздѣленныхъ на 10.000 паевъ, по 25 р. каждый, и изъ запаснаго капитала, образующагося изъ вступныхъ взносовъ членовъ, изъ остатковъ отъ прибылей по предпріятіямъ „Товарищества“ и изъ различныхъ случайныхъ поступленій. Свой складочный капиталъ „Товарищество“ можетъ по мѣрѣ надобности увеличивать выпускомъ новыхъ паевъ, требующимъ, впрочемъ, каждый разъ разрѣшенія министра финансовъ. Запасный капиталъ предназначается на расширеніе предпріятій „Товарищества“ и на покрытіе возможныхъ убытковъ, а въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ „Товарищества“ обращается на какія-либо благотворительныя цѣли по опредѣленію послѣдняго общаго собранія и съ утвержденія министра финансовъ. По утвержденіи устава учредители „Товарищества“ образуютъ изъ себя собраніе учредителей, которое распредѣляетъ паи въ теченіе двухъ лѣтъ. Самое же „Товарищество“ считается состоявшимся, когда оно будетъ располагать капиталомъ въ 50.000 р. или обязательствами на взносъ его (§§ 13, 14 и 17).

Членами „Товарищества“ могутъ быть, за исключеніемъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, состоящихъ на дѣйствительной службѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ и лицъ, ограниченныхъ въ

правахъ по суду, „совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній, а равно различныя сословныя, общественныя и иныя учрежденія, пріобрѣвшія одинъ или нѣсколько паевъ Товарищества“ (§ 6). При этомъ размѣръ вступного членскаго взноса опредѣляется въ 2 р., а при уплатѣ стоимости паевъ, оцѣненныхъ по 25 р. каждый, допускается разсрочка на два года (§§ 7 и 18). Согласно же § 49 устава, „преимущественное право пользованія квартирами въ домахъ Товарищества за установленную для этихъ квартиръ наемную плату предоставляется нуждающимся трудящимся лицамъ, состоящимъ членами Товарищества“. Такимъ образомъ, открывая доступъ въ члены „Товарищества“ малосостоятельнымъ лицамъ, уставъ стремится до извѣстной степени матеріальную сторону всего дѣла поставить на началахъ самопомощи и взаимопомощи трудящихся.

По внутренней своей организаціи проектируемое „Товарищество“ занимаетъ среднее положеніе между чисто кооперативнымъ товариществомъ и акціонерной компаніей. Число паевъ, которое можетъ находиться въ обладаніи одного лица или учрежденія, не ограничено уставомъ. Дѣла „Товарищества“ рѣшаются общимъ собраніемъ, въ которомъ каждый членъ, имѣющій отъ 1 до 20 паевъ, пользуется правомъ 1 голоса, отъ 20 до 40 паевъ—2 голосами, отъ 40 до 60 паевъ—3 голосами, отъ 60 до 80 паевъ—4 голосами, отъ 80 и выше—5 голосами. Когда число членовъ „Товарищества“ превзойдетъ 250, общее собраніе можетъ быть замѣнено собраніемъ уполномоченныхъ, которые избираются въ общемъ собраніи срокомъ на три года, по запискамъ изъ среды всѣхъ членовъ „Товарищества“. Такіе уполномоченные избираются по одному на каждые 15 членовъ „Товарищества“, но тѣ члены, которые имѣютъ не менѣе 100 паевъ, входятъ въ составъ собранія уполномоченныхъ или посылаютъ въ него своихъ представителей независимо отъ избранія (§§ 8, 22 и 23). Но вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ ограничиваетъ капиталистическій характеръ предпріятія, постановляя, что дивидендъ на паи не долженъ превышать $4^1/_2{}^0/_0$, а могущій получиться излишекъ дохода долженъ быть зачисленъ въ запасный капиталъ и обращенъ на расширеніе предпріятій „Товарищества“ (§ 20).

Содержаніе приведенныхъ параграфовъ устава позволяетъ съ достаточною точностью судить какъ о тѣхъ цѣляхъ, какія ставитъ себѣ возникающее общество, такъ и о тѣхъ путяхъ, которыми оно намѣревается идти къ осуществленію своихъ цѣлей. Стремленіе удовлетворить тяжелой жилищной нуждѣ городского рабочаго населенія и привлечь къ дѣлу такого удовлетворенія силы самихъ трудящихся заслуживаетъ горячаго сочувствія. Но одного платоническаго сочувствія слишкомъ мало. Нельзя забывать, что кооперативное движеніе у насъ еще очень слабо и для своего развитія требуетъ дѣятельной поддержки интеллигентныхъ силъ.

страны. Въ данномъ случаѣ такая поддержка представляется тѣмъ болѣе осуществимою, что инициаторы дѣла исключаютъ изъ него разсчеты на благотворительность и вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ широкій доступъ къ нему лицамъ, не обладающимъ большими имущественными средствами. Остается надѣяться, что эти условія обезпечатъ успѣхъ дѣла и что въ русскомъ обществѣ найдется достаточное число отзывчивыхъ людей, которые помогутъ перевести задуманное предпріятіе изъ сферы благихъ намѣреній въ область живого практическаго дѣла.

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ В. Г. Подарскаго „Наша текущая жизнь" въ № 2 „Русскаго Богатства":

		Напечатано:	*Надо:*
138 стр.,	12 стр. сверху	не со стороны людей.	но со стороны людей.
141 „	10 „ „	не въ формѣ	въ формѣ.
154 „	10 „ „	бѣдствія	дѣйствія.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

От Гериста, Слесарева и Голубева изъ гор. Плоцка . . . . 7 р. 50 к.

Итого . . . . 7 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 997 р. 75 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ Гериста, Слесарева и Голубева изъ гор. Плоцка . . . . 7 р. 50 к.

„ неизвѣстнаго почитателя Некрасова изъ г. Рыбинска . . . . 1 „ — „

„ Флени и Вени О-хъ изъ г. Рыбинска . . . 1 „ 30 „

„ почитателя изъ г. Рыбинска . . . . . . 2 „ — „

Итого . . . 10 р. 80 к.

А всего съ прежде поступившими 174 р. 60 к.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО"

(**С.-Петербургъ** — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Гаринъ. Дѣтство Темы. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Гимназисты. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
„ „ „ Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Изданіе *девятое.* Ц. 75 к.
„ „ Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.
„ „ Безъ языка. Разсказъ. Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 2 р.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. *Изданіе второе.* Ц. 1 р.
„ „ Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
„ „ Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ.
Томъ I. (*Изданіе второе*). Ц. 1 р. 50 к.
„ „ „ II. „ „ „ 1 „ 50 к.
„ „ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ „ „ II. „ 2 „
„ „ „ „ „ III. „ 2 „
„ „ „ „ „ IV. „ 2 „
„ „ „ „ „ V. „ 2 „
„ „ „ „ „ VI. „ 2 „
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ журнала „Русское Богатство". Беллетристика. Ц. 2 р.
„ „ „ „ Публицистика. „ 1 „
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Томъ I-ый. Изд. *пятое.* Ц. 1 р.
„ „ „ Стихотворенія Томъ. II-ой. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства", пріобрѣтающіе эти книги, пользуются уступкой 20% или даровой пересылкой.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и невостребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Отъ конторы редакціи.

Гг. подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ **3** р., контора редакціи покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой слѣдующаго взноса, **съ приложеніемъ печатнаго адреса**, по которому высылается журналъ.

Подписчики, **живущіе въ Москвѣ**, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (*Никитскія ворота, д. Гагарина*), **обязательно** представляя **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, **высылка журнала** съ апрѣльской книжки **будетъ прекращена**.

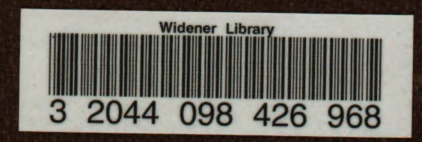
Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1903 г. Типографія Н. Н Клобукова, Пряжка, 3.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

4172706

JAN 10 1975 H


Widener Library
3 2044 098 426 968